This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

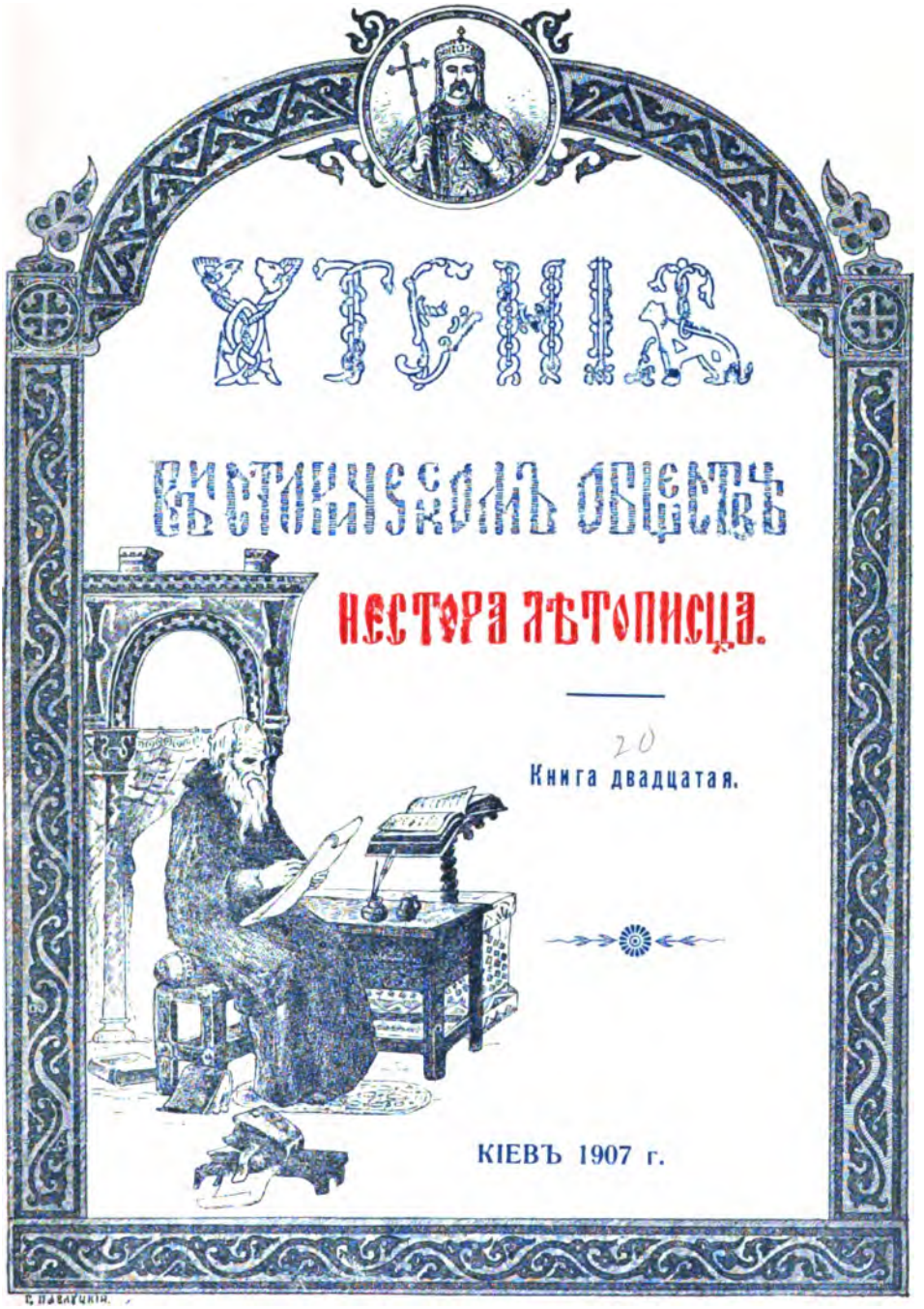
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 381.70

Harvard College
Library

FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY
1908–1928
DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910–1928



ЧТЕНІЯ

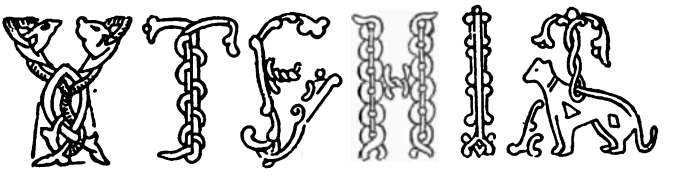
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

20

Книга двадцатая.

КІЕВЪ 1907 г.



ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга двадцатая.

Издана подъ редакціею

Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская. 20.
1907.

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Содержаніе XX-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца".

Отдѣлъ I.

Вып. 1-й.

СТРАН.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1905 года по 27-е октября 1906 г., составленный Секретаремъ Общества *А. М. Лободою* 3

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Научно-историческая разработка матеріаловъ по исторіи великой французской революціи.—*П. Н. Ардашева* 13

Вып. 2-й.

Значеніе А. Н. Веселовскаго въ разработкѣ исторіи русской литературы.—*А. М. Лободы* 19

А. Н. Веселовскій, какъ профессоръ и преподаватель.—*В. Н. Перетца* 27

стран.

О неизданномъ византійскомъ памятникѣ X в. по военнымъ древностямъ.—*Ю. А. Кулаковскаго* 30
Новые научные труды акад. Н. П. Кондакова по археологіи и исторіи искусства.—*В. Т. Георгіевскаго* . 33
Вопросъ о старостваxъ на 4-лѣтнемъ сеймѣ (1788—1792 гг.).—*В. И. Щербины* 36
О переселеніи полтавскихъ казаковъ на Черноморье и Тамань въ началѣ прошлаго столѣтія.—*И. Ф. Павловскаго* 37
Интересный юридическій обычай конца XI-го вѣка.—*П. В. Голубовскаго* 38
О происхожденіи острогожскаго полковника Саса.—*В. Е. Данилевича* 39
Археологическія изслѣдованія въ Курской губерніи.—*В. П. Каншина* 40
Внѣшняя исторія Магдебургскаго права въ городахъ лѣвобережной Малороссіи послѣ присоединенія ея къ Россіи съ половины XVII и до конца XVIII в.—*Д. И. Багалѣя* 47
Нѣсколько словъ въ память В. И. Модестова.—*Ю. А. Кулаковскаго* 49
Опытъ указанія параллелей къ „Плачу Ярославны".—*Н. П. Дашкевича* 50

Вып. 3 й.

Еврейскіе источники для лѣтописныхъ сказаній о св. Владимірѣ и Рогнѣдѣ.—*Г. М. Бараца* 53
Научная дѣятельность А. И. Булгакова.—*В. З. Завитневича* 56
Историческій матеріализмъ.—*П. Н. Ардашева* 58
Дума объ Иванѣ Коновченкѣ.—*Н. П. Дашкевича.* . . 64
Къ исторіи галицко-русскаго фольклора XVIII в.—*Ю. А. Яворскаго* 65
Договоръ рады Вел. Княжества Литовскаго.—*М. В. Довнаръ-Запольскаго* 66

СТРАН.

Е. Н. Дверницкій и А. А. Кочубинскій.—*А. А. Дмитріевскаго.* 69

Вопросъ о происхожденіи и значеніи слова „изгой".—*А. І. Степовича* 70

О паломническихъ караванахъ въ Назаретъ на праздникъ Благовѣщенія.—*А. А. Дмитріевскаго* . . . 76

Объ одномъ изъ эпизодовъ Тидрекъ-саги.—*И. В. Шаровольскаго* 80

О значеніи великой Московской смуты въ исторіи до-Петровской Руси.—*В. З. Завитневича* 81

Отдѣлъ II.

Вып. 1-й.

Плачъ Кіев. лавр. Іереміи XVIII-го в.—*И. М. Каманина.*

Вып. 2-й.

Былъ-ли московскій митрополитъ Исидоръ папскимъ легатомъ для Москвы?—*П. П. Соколова* 23

Вып. 3-й.

Памяти почетнаго члена Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, заслуженнаго ординарнаго профессора и академика, Николая Павловича Дашкевича († 20 января 1908 г.): 39

1) Рѣчь *Ю. А. Кулаковскаго.* 42

2) „ *Т. Д. Флоринскаго* 45

3) „ *А. М. Лободы* 56

4) „ *И. В. Шаровольскаго* 60

5) „ *И. М. Каманина.* 77

„Полтава" Пушкина.—*Н. П. Дашкевича* 83

Отдѣлъ III.

Вып. 1-й.

Путешествіе Франца Гундулича въ 1655—1656 гг.—Сообщилъ *М. П. Петровскій* 3

СТРАН.

Письма декабриста А. П. Юшневскаго и его жены изъ Сибири.—Сообщилъ *П. В. Голубовскій* 41

Вып. 2-й.

„Казанье Мелетія Смотрицкого на честный погребъ о. Леонтія Карповича".—Сообщилъ *С. И. Масловъ* . 101

Вып. 3-й.

Текстъ „Казанья Мелетія Смотрицкого на честный погребъ о. Леонтія Карповича".—Сообщилъ *С. И. Масловъ* 121

Отдѣлъ IV.

Вып. 2-й.

Новая гипотеза о происхожденіи такъ называемой Грюнвальдской пѣсни.—*Ю. А. Яворскаго* 3

Отдѣлъ V.

Вып. 1-й.

О двухъ подложныхъ грамотахъ:—кн. Льва Галицкаго и гетмана Богдана Хмельницкаго.—*И. М. Каманина* 3

Вып. 2-й.

П. Ѳ. Кузьмищевъ—корреспондентъ В. И. Даля—*В. И. Саввы* 13

Вып. 3-й.

Къ вопросу объ Ивашкѣ Пересвѣтовѣ, публицистѣ XVI-го вѣка—*Ю. А. Яворскаго* 52

Отдѣлъ I.

Лѣтопись дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1905 г. по 27-е октября 1906 г.

Составленъ секретаремъ Общества А. М. Лободой.

27-го сего октября закончился 34-ый годъ существованія и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, и въ настоящемъ засѣданіи Общество имѣетъ честь представить отчетъ за истекшій годъ.

Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества, его Совѣта и Бюро.

Къ 27 октября 1905 г. Историческое Общество Нестора-лѣтописца состояло изъ 158 членовъ: 25 поч., 127 дѣйств. и 6 чл.-корреспондентовъ.

Изъ нихъ Общество лишилось почетнаго члена академика Александра Николаевича Веселовскаго и дѣйствительныхъ членовъ И. В. Помяловскаго и Матвѣя Ивановича Соколова.

Въ лицѣ Александра Николаевича Веселовскаго наука потеряла одного изъ наиболѣе энергичныхъ и разносторонныхъ дѣятелей. Свои обширныя познанія въ области запад.-европ. литературы А. Н., по примѣру лучшихъ нашихъ изслѣдователей, примѣнялъ, главнымъ образомъ, для обогащенія и освѣщенія литературы русской. Такъ, изъ занятій А. Н. итальянской литературой родился классическій переводъ „Декамерона“ Боккачьо на русскій языкъ, гдѣ удивительно выдер-

жанъ духъ, характеръ подлинника и блещетъ мастерское умѣнье владѣть роднымъ словомъ. Широко же поставленное сравнительное изученіе литературъ иностранныхъ и русской привело къ созданію у насъ цѣлой школы т. н. „междуроднаго общенія", родоначальникомъ и вождемъ которой явился А. Н. Проливая истинный свѣтъ на многія черты и сюжеты русской литературы, которые раньше считались продуктомъ самобытнаго національнаго творчества, а въ дѣйствительности оказались только частными звеньями длинной международной цѣпи, сравнительно-историческія разысканія А. Н. разъяснили многое и въ самомъ процессѣ поэтическаго творчества; какъ создатель у насъ научной теоріи словесности, А. Н. раздѣляетъ эту славу только съ Потебней.

Высоко чтя эти заслуги А—а Н—а, Историч. Общество Нестора-лѣтописца намѣтило въ ближайшемъ будущемъ посвятить особое засѣданіе болѣе обстоятельной характеристикѣ его.

И. В. Помяловскій (1845—1906) по самымъ условіямъ своего воспитанія и семейной обстановки былъ какъ бы предназначенъ съ дѣтства къ ученому поприщу. Дѣйствительность оправдала это предназначеніе, и онъ стяжалъ себѣ крупное ученое имя въ рядахъ отечественныхъ классиковъ и византиновѣдовъ. Его отецъ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ іереевъ С.-Петербургской епархіи, собралъ огромную библіотеку преимущественно въ области русской литературы. Страсть къ книгамъ была унаслѣдована И. В. отъ отца, и та библіотека, которую онъ оставилъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ, является однимъ изъ самыхъ крупныхъ частныхъ книгохранилищъ въ Россіи. И. В. охотно дѣлился своими книжными сокровищами съ нуждавшимися въ его помощи, и къ нему часто шли за книгой, которой не было еще въ Имп. Публичной Библіотекѣ. Не было такой новинки въ области классической филологіи или византиновѣдѣнія, которая бы немедленно не появлялась въ библіотскѣ И. В. Ученое поприще И. В. началось очень рано: черезъ два года по окончаніи университетскаго курса онъ былъ уже

магистромъ въ избранной имъ научной спеціальности и вступилъ въ ряды университетскихъ преподавателей. Свою ученую подготовку, пріобрѣтенную въ родномъ университетѣ, И. В. упрочилъ въ Германіи и Италіи, гдѣ онъ много поработалъ надъ непосредственнымъ изученіемъ памятниковъ Римской старины. Свои богатыя познанія онъ принесъ на службу родному университету, въ которомъ онъ пользовался всеобщимъ расположеніемъ и признаніемъ. Духовная обстановка его дѣтства дѣлала ему особенно близкой область агіологіи, и, ревностно участвуя въ трудахъ Палестинскаго Общества, онъ издавалъ въ ученой обработкѣ древнѣйшія путешествія въ Палестину. Съ 1885 по 1900 г. имъ былъ изданъ полный переводъ Палестинскаго Патерика. Свои труды по агіологіи онъ продолжалъ въ изданіяхъ Спб. Университета и Общества Любителей Древней Письменности. Дѣятельно сотрудничалъ И. В. въ Журналѣ Министерства Просвѣщенія, Византійскомъ Временникѣ и другихъ изданіяхъ. Свои археологическіе интересы И. В. засвидѣтельствовалъ въ цѣломъ рядѣ работъ по римскимъ древностямъ, а вызванные къ жизни гр. Уваровымъ Археологическіе съѣзды послужили ему поводомъ искать темы для археологическихъ работъ и на родной почвѣ. Всю свою жизнь И. В. принималъ непосредственное участіе въ трудахъ Имп. Археологическаго Общества и помимо личнаго участія оказалъ ему большія услуги своимъ умѣніемъ привлекать и поддерживать молодыя ученыя силы. Добрый, привѣтливый и доброжелательный, снисходительный къ другимъ и строгій къ себѣ, И. В. остается въ памяти у всѣхъ его знавшихъ, какъ истинный представитель науки, вѣрно ей послужившій до конца своихъ дней.

Имя Матвѣя Ивановича Соколова мало извѣстно въ широкихъ кругахъ общества, но пользуется крупнымъ и вполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ среди спеціалистовъ. Смѣнивъ Тихонравова въ Московскомъ университетѣ, онъ съ честью продолжалъ дѣло своего предшественника и даже расширилъ его въ сторону бо́льшаго привлеченія къ изу-

ченію русской литературы памятниковъ южно-славянскихъ; подобно же Тихонравову, онъ вскорѣ сталъ центромъ и вдохновителемъ цѣлаго кружка молодыхъ ученыхъ. Въ печати извѣстно не много трудовъ Матвѣя Ивановича, но, быть можетъ, именно потому только, что онъ такъ много вниманія обращалъ на тщательную обработку изслѣдуемаго матеріала; его работы не велики, но за то разработаны со всей тщательностью и красотой художественной миніатюры.

Затѣмъ, 6 членовъ Общества признаны Совѣтомъ, на основаніи § 18 Устава, сложившими съ себя званіе членовъ Общества.

Новыхъ членовъ избрано 3: проф. А. И. Покровскій, докторъ слав. филологіи Вѣнскаго университета Ю. А. Яворскій и профессорскій стипендіатъ по каѳедрѣ славяновѣдѣнія А. М. Лукьяненко.

Д. членъ Ю. А. Кулаковскій, по случаю 30-лѣтія его дѣятельности, былъ возведенъ въ поч. члены Общества, какъ одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ его членовъ, несшій одно время также обязанности его предсѣдателя.

Такимъ образомъ, къ концу отчетнаго года Историч. Общество Нестора-лѣтописца насчитываетъ въ своемъ составѣ 152 члена: 25 почетныхъ, 121 дѣйствительнаго и 6 чл.-корресп. Изъ нихъ 83, а именно: 7 почетныхъ, 73 дѣйствительныхъ и 3 члена-корреспондента значатся на постоянномъ жительствѣ въ г. Кіевѣ.

Въ октябрѣ 1905 г. истекъ срокъ полномочій членамъ *Бюро* Общества, и потому въ началѣ отчетнаго года произведены были новые выборы ихъ, давшіе слѣдующіе результаты: предсѣдателемъ былъ избранъ поч. чл. Н. П. Дашкевичъ, товарищемъ предсѣдателя—д. чл. А. А. Дмитріевскій, секретаремъ—д. чл. А. М. Лобода, казначеемъ—д. чл. Г. Г. Павлуцкій, библіотекаремъ и помощникомъ секретаря—д. чл. И. М. Каманинъ.

Изъ состава членовъ Совѣта, согласно § 24 Устава, выбыло 4 члена: Г. Е. Аѳанасьевъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, В. З. Завитневичъ, А. І. Степовичъ; вмѣсто нихъ общимъ собра-

ніемъ избраны: М. Ф. Владимірскій-Будановъ, В. З. Завитневичъ, А. В. Стороженко, М. Н. Ясинскій, и такимъ образомъ въ настоящее время составъ Совѣта слѣдующій: 1) члены Совѣта по должности—предсѣдатель Н. П. Дашкевичъ, товарищъ его А. А. Дмитріевскій, секретарь А. М. Лобода, казначей Г. Г. Павлуцкій; 2) члены-учредители: В. Б. Антоновичъ, В. С. Иконниковъ, Н. И. Петровъ; 3) 8 членовъ по избранію: М. Ф. Владимірскій-Будановъ, С. Т. Голубевъ, В. З. Завитневичъ, И. М. Каманинъ, Ю. А. Кулаковскій, А. В. Стороженко, Т. Д. Флоринскій, М. Н. Ясинскій.

Изъ нихъ членами Редакціоннаго Комитета являются 4 члена Совѣта по должности и 3 по избранію: В. Б. Антоновичъ, В. С. Иконниковъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ.

Засѣданій Совѣта въ отчетномъ году было 4; засѣданій Редакціоннаго Комитета—1.

Свѣдѣнія о состояніи Библіотеки и денежныхъ суммъ Общества.

I. Библіотека Общества.

Въ Библіотекѣ Общества Нестора-лѣтописца

1) въ отдѣлѣ печатныхъ книгъ къ 27 октября 1905 года имѣлось 2776 названій въ 6217 томахъ и брошюрахъ.

Въ теченіе отчетнаго года вновь поступило 104 названія въ 193 томахъ и брошюрахъ, и такимъ образомъ къ 27 октября 1906 г. состоитъ на лицо 2880 названій въ 6410 томахъ и брошюрахъ.

Изъ числа поступившихъ книгъ заслуживаетъ вниманія книга, страницы которой, каждая въ отдѣльности, вырѣзывались на деревѣ; шрифтъ церковно-славянскій уставный, 1771 г. Содержаніе книги—описаніе Іерусалимскихъ храмовъ; къ описанію прилагается и изображеніе ихъ.

2) Въ отдѣлѣ рукописей къ 27 октября 1905 г. было:

а, древнихъ рукописныхъ книгъ до конца XVIII в. 15

б, рукописныхъ книгъ XIX в. 7

в, фотографич. снимковъ съ древнихъ рукописей 2

г, отдѣльныхъ документовъ и старыхъ дѣлъ до конца XVIII в.. . . . . 2 связки

и д, небольшая связка документовъ и писемъ изъ фамильнаго архива Гоголей, пожертвованная сестрой поэта, почет. членомъ нашего Общества О. В. Головней.

Въ теченіе отчетнаго года новыхъ поступленій не было, и на лицо состоитъ прежнее количество рукописей.

3) Небольшой музей Общества, до сихъ поръ не выходящій изъ зачаточнаго состоянія, новыхъ поступленій также не имѣлъ.

II. Суммы Общества Нестора-лѣтописца въ отчетномъ году находились въ слѣдующемъ движеніи.

ОСТАТОКЪ КЪ 27-МУ ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА:

1) Билетъ въ 1000 руб.	
2) Билетъ въ 1538 руб.	
3) Наличными (на текущемъ счету) . . .	384 р. 88 к.
Всего . . .	2922 р. 88 к.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОСТУПИЛО ВЪ ПРИХОДЪ:

1) Членскіе взносы (29)	145 р. — к.
2) Пособіе отъ казны	800 р. — к.
3) Единовременное пособіе отъ казны . .	500 р. — к.
4) Доходъ съ % бумагъ и % по текущему счету	135 р. 32 к.
	1580 р. 32 к.

Всего, вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прошлаго года,--**4503 р. 20 к.**

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ИЗРАСХОДОВАНО:

1) на изданіе 1 вып. XIX кн. „Чтеній“ . .	217 р. 52 к.
2) На устройство засѣданій	51 р. 90 к.
3) Прислугѣ	61 р. 50 к.
4) Канцелярскіе и мелочные расходы . .	53 р. 13 к.
Итого . .	**384 р. 5 к.**

Остатокъ къ 27-му октября 1906 года:

1) Билетъ въ 1000 руб.
2) Билетъ въ 2150 руб.
(Сумма этого билета образовалась изъ суммы прежняго билета въ 1538 руб. съ присоединеніемъ къ ней по постановленію Совѣта 10% взловаго дохода и 500 р. единовременнаго пособія).
3) Наличными деньгами . . . . . 969 р. 15 к.

Всего . . . **4119 р. 15 к.**

Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Дѣятельность Историч. Общества Нестора-лѣтописца выражалась, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, прежде всего въ устройствѣ засѣданій, на которыхъ докладывались и обсуждались научныя сообщенія по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества.

Въ отчетномъ году всѣхъ засѣданій Общества было 13 (противъ 10 за прошлый годъ), при чемъ одно изъ нихъ было посвящено заключенію предыдущаго отчетнаго года, такъ какъ въ октябрѣ прошлаго 1905 г. обычное годичное собраніе не состоялось, по не зависящимъ отъ Общества обстоятельствамъ; изъ остальныхъ 1—административное, для выбора должностныхъ лицъ, 1 нынѣшнее годичное и 10 очередныхъ. Въ нихъ доложены были сообщенія слѣдующихъ 16 членовъ Общества (противъ 15 прошлаго года): А. С. Грушевскаго, Н. П. Дашкевича, А. И. Соболевскаго, А. В. Стороженка (по 2 сообщенія), П. Н. Ардашева, Г. М. Бараца, П. В. Голубовскаго, А. А. Дмитріевскаго, И. М. Каманина, Ю. А. Кулаковскаго, А. М. Лободы, Н. Н. Оглоблина, Г. Г. Павлуцкаго, И. А. Сикорскаго, А. И. Сонни, Ю. А. Яворскаго (по 1 сообщенію).

Всего сообщеній, такимъ образомъ, было сдѣлано 20 (какъ и за прошлый годъ).

Нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній носили характеръ юбилейныхъ поминокъ; таковы: „Нѣсколько вводныхъ словъ

о Ѳ. М. Достоевскомъ и Н. И. Костомаровѣ" Н. П. Дашкевича; сообщеніе А. С. Грушевскаго, давшаго общую характеристику научной дѣятельности Н. И. Костомарова (къ 20-лѣтію со дня его смерти); сообщеніе И. А. Сикорскаго, обрисовавшаго „Душевныя черты Ѳ. М. Достоевскаго, какъ человѣка и писателя", и сообщеніе А. М. Лободы, указавшаго на связь „Горькой судьбины" Писемскаго съ „Ульяной" Крашевскаго.

Изъ остальныхъ докладовъ большинство приходится на долю южно-русской старины и народности.

Г. Г. Павлуцкій, продолжая свою серію разысканій въ области стараго зодчества на Украинѣ, охарактеризовалъ памятники каменной церковной архитектуры стиля „empire" въ Полт. г.; И. М. Каманинъ отмѣтилъ крестъ въ с. Молчанахъ и, выясняя обстоятельства, при которыхъ онъ сооруженъ, вскрылъ одинъ изъ характерныхъ кровавыхъ эпизодовъ временъ уніи; А. В. Стороженко далъ общій критическій обзоръ памятниковъ древности въ г. Люблинѣ.

Юридическимъ древностямъ края были посвящены доклады Г. М. Бараца, пытавшагося установить наличность въ Русской Правдѣ древне-еврейскаго вліянія, и А. И. Соболевскаго, подвергшаго пересмотру доводы А. Л. Петрова относительно подложности грамоты кн. Ѳеодора Коріатовича 1360 г. и признавшаго ихъ мало обоснованными.

Любопытныя данныя для характеристики монастырской жизни XVII—XVIII вв. извлекъ Н. Н. Оглоблинъ изъ „Приходо-расходной книги Азовскаго Предтечева монастыря 1699—1701 гг.", а А. В. Стороженко познакомилъ Общество съ открытымъ имъ документомъ, вносящимъ новыя подробности въ біографію Запорожскаго гетмана Яна Орышовскаго.

Южно-русской библіографіи касались доклады: А. С. Грушевскаго—о литературной судьбѣ „Исторіи Руссовъ" псевдо-Конисскаго, А. И. Соболевскаго—объ обстоятельствахъ, положившихъ конецъ старымъ Кіевскимъ календарямъ XVIII вѣка, и П. В. Голубовскаго—о Черниговскомъ историко-археологическомъ календарѣ на 1906 г.

Одного изъ загадочныхъ и понынѣ не разрѣшенныхъ вопросовъ начальной исторіи всей вообще Руси касался докладъ Ю. А. Кулаковскаго: „Новая теорія о происхожденіи имени Русь"; докладчикъ изложилъ взглядъ Марквардта и сдѣлалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу его.

Въ области фольклора А. И. Сонни подвергъ критической провѣркѣ извѣстныя доселѣ объясненія нашихъ народно-поэтическихъ представленій о долѣ и горѣ и съ своей стороны обратилъ вниманіе на связь ихъ съ нѣкоторыми представленіями и вѣрованіями древне-римскими; Ю. А. Яворскій далъ обстоятельный сводъ народно-поэтическихъ источниковъ разсказа Л. Н. Толстого: „Три старца".

Византино-русской церковной исторіи касался докладъ А. А. Дмитріевскаго, познакомившаго общество съ новооткрытой имъ службой въ честь Византійскаго императора Никифора Фоки.

„Смѣна вѣковыхъ традицій въ отношеніяхъ народовъ Запада къ Руси" была въ послѣдовательномъ своемъ развитіи обрисована Н. П. Дашкевичемъ.

Наконецъ, одному изъ крупнѣйшихъ событій міровой исторіи посвящается нынѣшняя годичная рѣчь П. Н. Ардашева.

Доклады, прочитанные въ засѣданіяхъ Общества, а равно и матеріалы, представляемые членами Общества, полностью или въ сокращеніи, печатаются въ издаваемыхъ Обществомъ „Чтеніяхъ", по 4 вып. ежегодно.

Въ отчетномъ году вышелъ 1-ый выпускъ XIX-ой книги и печатается 2 ой.

Сверхъ того, Общество принимаетъ участіе въ работахъ по подготовкѣ XIV Археологическаго Съѣзда въ г. Черниговѣ, въ 1908 г., и одно изъ засѣданій Общества, въ присутствіи и подъ почетнымъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, было посвящено организаціи такихъ работъ въ районѣ дѣятельности Общества.

Наконецъ, Общество организовало въ 1905/6 отчетномъ году публичныя лекціи по исторіи и литературѣ, и запись

на нѣкоторые изъ объявленныхъ курсовъ далеко превысила норму, при которой было признано возможнымъ начать чтеніе лекцій. Къ сожалѣнію, организація послѣднихъ, по не зависѣвшимъ отъ Общества обстоятельствамъ, закончилась такъ поздно, что онѣ въ отчетномъ году не могли состояться.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.

I. Засѣданіе 1-го ноября 1906 г.

а, Въ настоящемъ торжественномъ годичномъ засѣданіи г. секретарь Общества **А. М. Лобода** прочелъ составленный имъ *„Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1905 г. по 27-е октября 1906 г.“* (см. выше).

Опредѣлили: отчетъ утвердить.

б, Д. чл. **Н. П. Ардашевъ** произнесъ рѣчь на тему: *„Научно-историческая разработка матеріаловъ по исторіи Великой Французской революціи“*.

Сущность рѣчи заключается въ слѣдующемъ.

Несмотря на количественное богатство исторической литературы, имѣющей своимъ предметомъ эпоху Великой Французской революціи, эпоха эта, въ дѣйствительности, представляетъ собою одинъ изъ наименѣе разработанныхъ въ научномъ смыслѣ періодовъ въ исторіи Франціи. Трудно указать въ исторіи Франціи другую эпоху, относительно которой существовало бы въ исторической литературѣ столько невыясненнаго, неразрѣшеннаго, спорнаго. Можно сказать, что, въ смыслѣ научно-исторической разработанности, эпоха

Великой Французской революціи значительно уступаетъ нѣкоторымъ изъ гораздо болѣе раннихъ періодовъ французской исторіи,—хотя бы, напримѣръ, какой-нибудь эпохѣ Меровинговъ. Недостаточная, съ научно-исторической точки зрѣнія, разработка революціонной эпохи обусловливается, главнымъ образомъ, именно близостью послѣдней къ нашему времени, которое связано съ ней множествомъ живыхъ, органическихъ нитей. Вѣдь всѣ главнѣйшія политическія и соціальныя проблемы, что волновали французское, да и все европейское общество въ XIX в. и продолжаютъ въ настоящее время волновать,—всѣ онѣ связаны болѣе или менѣе тѣсною историческою преемственностью съ эпохой Великой революціи. Отсюда—недостатокъ *исторической объективности*, т. е. безпристрастнаго отношенія къ изучаемымъ фактамъ и явленіямъ,—недостатокъ, которымъ страдаютъ почти всѣ „Исторіи французской революціи". Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно первыхъ историковъ революціи. Они ее не столько *изучали исторически,* изслѣдовали съ точки зрѣнія самодовлѣющей исторической истины,—сколько *трактовали публицистически,* разсматривая ее черезъ призму современной имъ политической дѣйствительности. И врядъ ли это простая случайность, что въ роли историковъ Великой революціи выступаютъ впервые не кабинетные ученые, а журналисты и общественные дѣятели; таковы—Тьеръ, Минье, Луи-Бланъ. При всей своей внушительности (соч. Тьера—10 томовъ, Луи-Блана—12 т.), связанныя съ этими именами объемистыя „Исторіи революціи" представляютъ собою не столько научно-историческія произведенія, сколько политическіе памфлеты—только въ исторической оболочкѣ. Первымъ историкомъ революціи изъ кабинетныхъ ученыхъ является Мишле. Но Мишле—это въ сущности поэтъ, ошибшійся своимъ призваніемъ и сдѣлавшійся по ошибкѣ кабинетнымъ ученымъ. Это—историкъ по недоразумѣнію. Но Мишле не только *поэтъ,* онъ вмѣстѣ съ тѣмъ еще и *публицистъ,* который не прочь, подобно своимъ предшественникамъ и современникамъ, профессіональнымъ журнали-

стамъ, смотрѣть на историческое прошлое сквозь призму современной злобы дня. Впрочемъ, недостатокъ исторической объективности продолжаетъ оставаться и позднѣе—вплоть до нашихъ дней—наиболѣе слабымъ мѣстомъ французской исторіографіи революціонной эпохи. Исключенія не составляетъ и Тэнъ, хотя онъ ставитъ своею задачею „изучить происхожденіе современной Франціи съ такою же научной объективностью, съ какою натуралистъ изучаетъ метаморфозы какого-нибудь насѣкомаго". Не вполнѣ удается разрѣшить задачу исторической объективности и новѣйшему историку революціи—проф. Олару. Еще въ бо́льшей степени этимъ недостаткомъ страдаетъ новѣйшій трудъ по исторіи Великой революціи, принадлежащій перу извѣстнаго французскаго журналиста и политическаго дѣятеля Жореса. Впрочемъ, соціалистъ Жоресъ и самъ нисколько не претендуетъ на научную объективность своего сочиненія, которое онъ столько же смѣло, сколько и откровенно озаглавливаетъ „Histoire socialiste" („Соціалистская исторія"). Эпоха великой Французской революціи, долгое время остававшаяся исключительнымъ удѣломъ національной французской исторіографіи, въ послѣднее время все болѣе и болѣе входитъ въ область международной, общеевропейской исторической литературы. Само собою понятно, что ученымъ, стоящимъ внѣ непосредственнаго соприкосновенія съ французскою политическою современностью, столькими живыми нитями связанною съ великой революціей, задача исторической объективности является гораздо менѣе трудно выполнимой, чѣмъ для историковъ-французовъ. Но не-французская (гл. обр. нѣмецкая и русская) исторіографія революціонной эпохи, если оставить въ сторонѣ не имѣющія научнаго значенія популярныя компиляціи, состоитъ почти исключительно изъ различныхъ, часто мелкихъ *монографій* болѣе или менѣе спеціальнаго характера, почему и остается по большей части совершенно неизвѣстною широкимъ кругамъ читающей публики. Впрочемъ, и въ самой Франціи историческая литература о революціонной эпохѣ все болѣе и болѣе принимаетъ *моно-*

графическій характеръ, раздѣляя въ этомъ отношеніи общую тенденцію новѣйшей исторіографіи во всѣхъ ея областяхъ. Исходною точкою прогрессивно растущей въ новѣйшее время монографической исторіографіи революціонной эпохи является сложившееся убѣжденіе частью въ несостоятельности, частью въ недостаточности всѣхъ до сихъ поръ имѣвшихъ мѣсто попытокъ историческаго возсозданія этой эпохи. Несостоятельность и недостаточность послѣднихъ обусловливается, независимо отъ отмѣченнаго уже недостатка исторической объективности, еще тремя обстоятельствами: 1) недостаточностью и неудовлетворительностью привлекавшихся до сихъ поръ къ этому историческому возсозданію источниковъ, 2) недостаточно внимательнымъ отношеніемъ историковъ къ требованіямъ научно-историческаго метода и 3) одностороннимъ интересомъ большинства историковъ революціи къ политической сторонѣ изучаемой эпохи, при чемъ другія стороны послѣдней—соціальная, экономическая, культурная—оставляются въ тѣни. Задачею новѣйшей монографической исторіографіи революціонной эпохи и является, вмѣстѣ съ пересмотромъ политической исторіи послѣдней, также реконструкція мало разработанныхъ сторонъ этой эпохи—соціальной, экономической, культурной. Работа, совершающаяся въ нѣдрахъ монографической литературы, имѣетъ въ общемъ подготовительный характеръ. Собирается историческій матеріалъ, разбирается, очищается отъ негодныхъ примѣсей (къ числу которыхъ относятся различныя, по большей части прочно засѣвшія въ популярныхъ „Исторіяхъ революціи“ *легенды,* однѣ *революціонныя*, другія *противореволюціонныя*), обрабатывается, подгоняется къ отдѣльнымъ частямъ будущаго научно-историческаго зданія. Помимо единичныхъ изслѣдователей, въ послѣднее время возникаютъ различныя организаціи для объединенія единичныхъ усилій въ совмѣстной работѣ изслѣдованія. Важнѣйшими изъ такихъ организацій являются: 1) возникшее около 20 лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ ученое „Общество исторіи французской революціи“, издающее съ тѣхъ поръ ежемѣсячный научно-историческій

журналъ „La Révolution", спеціально посвященный исторической разработкѣ революціонной эпохи, и 2) учрежденная два года тому назадъ, по постановленію французской палаты депутатовъ, „Коммиссія для разысканія и опубликованія документовъ, относящихся къ экономической исторіи французской революціи". Коммиссія эта, въ составъ которой вошло много видныхъ ученыхъ, имѣетъ свои многочисленныя развѣтвленія въ формѣ „департаментскихъ комитетовъ". За непродолжительное свое существованіе „Коммиссія" уже опубликовала цѣлый рядъ важныхъ документовъ по исторіи революціонной эпохи. Все болѣе и болѣе дѣятельное участіе въ разработкѣ этой эпохи принимаютъ въ послѣднее время и различныя ученыя общества во Франціи, какъ столичныя, такъ и провинціальныя. Далѣе, въ послѣднее время и университеты французскіе начинаютъ проявлять все болѣе и болѣе интереса къ новѣйшей исторіи и, въ частности, къ исторіи революціонной эпохи. Въ программахъ университетскихъ лекцій все чаще и чаще встрѣчаются курсы, посвященные этой послѣдней, а въ Парижскомъ университетѣ существуетъ въ настоящее время даже особая каѳедра исторіи революціонной эпохи (основанная около 20 лѣтъ тому назадъ). Наконецъ, въ послѣдніе годы стали появляться—вещь недавно еще неслыханная!—докторскія диссертаціи, посвященныя разработкѣ различныхъ деталей революціонной эпохи, еще не такъ давно считавшейся какъ бы стоящею за предѣлами вѣдомства научной исторіи.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.

II. Засѣданіе 12 ноября 1906 г.

1, Настоящее засѣданіе, посвященное памяти скончавшагося почетнаго члена Общества, ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ *Александра Николаевича Веселовскаго* открылось рѣчью г. Предсѣдателя Общества **Н. П. Дашкевича,** въ которой онъ очертилъ дѣятельность А. Н. Веселовскаго, какъ ученаго, и пригласилъ собраніе почтить память почившаго вставаніемъ. Затѣмъ,

2, Д. чл. **Гр. Ф. Г. Де-ла-Бартъ** прочелъ сообщеніе: *„А. Н. Веселовскій и его общественное и научное значеніе“.*

3, Д. чл. **А. М. Лобода** отмѣтилъ *„Значеніе А. Н. Веселовскаго въ разработкѣ исторіи русской литературы“.*

Необычное впечатлѣніе производитъ значительная часть, если не большинство работъ А. Н. Веселовскаго; въ нихъ не рѣдкость встрѣтить чрезмѣрное преобладаніе сырого матеріала; иногда авторъ только ставитъ вопросъ, а въ другомъ случаѣ какъ-будто слишкомъ спѣшитъ съ обобщеніями своихъ частныхъ наблюденій; извѣстны случаи, когда авторъ самъ отказывался отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и положеній, замѣняя ихъ новыми. Наконецъ, многія работы такъ

и не были доведены до конца, въ родѣ, напримѣръ, интересной и весьма цѣнной серіи этюдовъ о южно-русскихъ былинахъ.

И, однако, при всемъ томъ, работы Веселовскаго читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ и являются настольными книгами каждаго занимающагося вопросами, затронутыми въ нихъ. Съ именемъ Веселовскаго тѣсно связано цѣлое направленіе въ изученіи нашей народной словесности; онъ является главой и отчасти создателемъ цѣлой школы изслѣдователей.

Въ чемъ же секретъ этого значенія его, чѣмъ обусловлено такое вліяніе его научной дѣятельности?

Когда берешь въ руки сочиненія Веселовскаго, прежде всего поражаешься обширной эрудиціей автора: чувствуется, что предъ нами знатокъ своего дѣла, который основательно изучилъ все относящееся къ нему и свободно распоряжается матеріаломъ; нечего и говорить, что, за немногими исключеніями, онъ работаетъ по первоисточникамъ.

Въ настоящее время все чаще и чаще встрѣчается типъ ученаго—спеціалиста, который сосредоточиваетъ свое вниманіе надъ одной какой-нибудь отраслью данной науки и ею дѣйствительно успѣваетъ овладѣть въ совершенствѣ, но зато въ остальныхъ вопросахъ его свѣдѣнія довольно общи. Конечно, и въ безбрежномъ мірѣ международныхъ литературъ найдется не мало пространствъ, не запечатлѣнныхъ слѣдами ученой дѣятельности Веселовскаго; самъ изслѣдователь открыто сознавался въ этомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли можно назвать его узкимъ спеціалистомъ. Процессы народно-поэтическаго и вообще литературнаго творчества, обширный кругъ т. н. народной словесности и обряда, духовные стихи, апокрифы и легенды, старинные романы и повѣсти, западно-европейское средневѣковое возрожденіе и новая русская литература—это размахъ солидныхъ размѣровъ, достаточно свидѣтельствующій о широтѣ умственныхъ интересовъ изслѣдователя и о его научной подготовкѣ.

Среди работъ Веселовскаго есть такія, которыя главнымъ образомъ подводятъ только итоги сдѣланному ранѣе, суммируютъ добытое другими; но это преимущественно и почти исключительно наблюдается тогда, когда онъ имѣетъ цѣлью внести въ русскую науку результаты науки западной, такъ что для русскаго читателя и въ этомъ случаѣ его изслѣдованіе пріобрѣтаетъ интересъ новизны. Впрочемъ, даже здѣсь Веселовскій не ограничивается пассивной ролью передатчика чужихъ разысканій: онъ ихъ принимаетъ послѣ самостоятельной критической провѣрки и стремится дополнить, насколько можно, новыми данными и собственными новыми соображеніями.

Въ общемъ же онъ не любитъ заѣзженныхъ дорогъ и предпочитаетъ искать новыхъ путей, прокладывать новыя дороги.

Характерны въ этомъ отношеніи его т. н. рецензіи: это иногда цѣлыя изслѣдованія, которыя или продолжаютъ то, на чемъ остановилась рецензируемая книга, или освѣщаютъ параллельныя точки зрѣнія, не затронутыя въ этой книгѣ.

Для иллюстраціи я позволю себѣ нѣсколько остановиться надъ разысканіями Веселовскаго въ области русской народной словесности, преимущественно былинъ, которымъ одно время онъ удѣлялъ едва ли не главное вниманіе.

Когда обратился къ нимъ Веселовскій, у насъ господствовала еще миѳологическая теорія, освященная такими авторитетами, какъ Буслаевъ, Аѳанасьевъ, Котляревскій, О. Миллеръ. Попытка Л. Майкова обойтись при разборѣ былинъ безъ миѳологическихъ толкованій была встрѣчена, какъ своего рода научное недомысліе. Стасовъ чуть не былъ преданъ отлученію за гипотезу о восточномъ происхожденіи ихъ, хотя, впрочемъ, самые пріемы сличенія рус. былинъ съ восточными сказаніями у Стасова крайне грубы и могли подать поводъ къ рѣзкимъ нападкамъ. Въ числѣ нападавшихъ былъ и Веселовскій; но въ то же время онъ не удовлетворяется и господствующимъ теченіемъ. Онъ вноситъ рядъ существенныхъ поправокъ въ обычное тогда въ Россіи толкованіе миѳа и

его образованія. Отъ миѳологіи, какъ застывшей въ своихъ формахъ доисторической окаменѣлости, Веселовскій переходитъ, вмѣстѣ съ Потебней, къ живому миѳическому процессу, который не прекращается и послѣ появленія христіанства, но дѣйствуетъ даже на почвѣ послѣдняго.

Далѣе, Веселовскій говоритъ, что далеко еще не все, напоминающее древній миѳъ, непремѣнно ведетъ свое начало отъ него. Иногда здѣсь лишь простое совпаденіе. Въ самомъ дѣлѣ разъ, напримѣръ, грозовой миѳъ—это представленіе грозы въ видѣ битвы человѣкоподобныхъ существъ, то съ нимъ легко можетъ оказаться сходнымъ и такой разсказъ, гдѣ уже небесная битва и въ виду не имѣется, а рѣчь идетъ о самой земной схваткѣ.

„Я представляю себѣ, говоритъ г. Веселовскій, что какое-нибудь изъ тѣхъ несложныхъ житейскихъ событій, которыя такъ часто переносились въ миѳъ, въ сильной степени овладѣло вниманіемъ первобытнаго клана: сосѣднее ли племя сдѣлало набѣгъ, два витязя вступили въ единоборство, или совершилась кровавая драма въ семьѣ старшины, дѣвушка была увезена и кто-нибудь отправился добывать ее и т. п. Объ этомъ должны были разсказывать или пѣть, фактъ, самъ по себѣ обычный, запечатлѣвался въ памяти благодаря ассоціаціи съ историческими именами или обстоятельствами, имѣвшими мѣстный или племенной интересъ. Такимъ образомъ слагался эпическій разсказъ или пѣсня—зародышъ народнаго эпоса. Немудрено, что мы въ ней найдемъ общія темы съ тѣмъ или другимъ обычнымъ миѳомъ, въ которомъ, если не тотъ самый фактъ, то цѣлая категорія сходныхъ фактовъ нашли себѣ идеальное просвѣтленіе. Какъ видно, подобное сходство между мотивами облачнаго миѳа и эпической пѣсни могло состояться безъ всякой генетической связи между тѣми и другими“.

Поправки, на первый взглядъ, казалось бы, частныя и не особенно существенныя; но на самомъ дѣлѣ онѣ имѣютъ громадное значеніе. Ими подрывается въ корнѣ вѣра въ непосредственную генетическую связь нашего эпоса съ перво-

бытнымъ, отдаленнымъ миѳомъ, а слѣдовательно невозможнымъ оказывается и обычный пріемъ старыхъ миѳологовъ—болѣе или менѣе теоретическое возстановленіе этого миѳа и затѣмъ подведеніе подъ него всѣхъ произведеній нашей народной словесности: напримѣръ, изслѣдователь держится т. н. грозовой теоріи миѳа, т. е. того убѣжденія, что въ основѣ первобытнаго миѳа лежитъ представленіе грозовыхъ явленій природы; возстановивши общія очертанія этого миѳа, изслѣдователь затѣмъ отъ нихъ уже исходитъ при объясненіи различныхъ отдѣльныхъ сказаній.

Ту же методологическую ошибку, только на другой почвѣ, повторяли и первые историки. Исходя, напримѣръ, изъ убѣжденія, что въ основѣ древне-русской жизни лежитъ община, и считая былины отраженіемъ этой жизни, К. Аксаковъ не задумался все въ былинахъ объяснять отсюда и въ богатыряхъ видѣлъ представителей различныхъ элементовъ общинно-земской древней Руси. Такъ, въ концѣ концовъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ продолжателей Аксакова Илья Муромецъ обратился въ богатыря-крестьянина, Добрыня въ богатыря-боярина и т. д.; свободное обращеніе богатырей съ княземъ Владиміромъ оказалось отраженіемъ свободныхъ отношеній общинно-земскихъ и т. п. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, Ильѣ лишь позднѣе было приписано крестьянское происхожденіе, когда былины стали достояніемъ простого крестьянскаго люда; фамильярность богатырей также не изначальна и есть результатъ позднѣйшихъ историческихъ переживаній и особаго процесса въ развитіи эпической поэзіи вообще; аналогичныя явленія мы видимъ, напримѣръ, въ Карловингскомъ эпосѣ.

Подобнымъ же образомъ, найдя въ лѣтописяхъ что-нибудь напоминающее тотъ или иной былевой сюжетъ или хотя бы подробность, сейчасъ же сопоставляли ихъ, и въ былинѣ готовы были видѣть поэтическое воспроизведеніе того, что въ качествѣ историческаго факта занесено въ лѣтопись. „Конструировать эпосъ, замѣчаетъ по этому поводу Веселовскій, изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, общую схему изъ

частнаго, хотя бы громкаго событія, отмѣченнаго хроникой, представляется „пріемомъ неметодичнымъ; возможнымъ, хотя и труднымъ,—лишь обратный путь". Только исходя изъ самыхъ былинъ, постепенно отдѣляя различныя случайныя примѣси, послѣдовательныя наслоенія, мы можемъ возстановить первоначальную форму сказанія; иначе—несущественное легко принять за существенное, болѣе позднее за древнѣйшую черту.

Но вотъ заколебалось и самое ученіе о самобытности народныхъ основъ, обычаевъ и сказаній, которое давало возможность миѳологамъ возводить все къ древнему миѳу, а историкамъ прикрѣплять къ опредѣленнымъ историческимъ моментамъ и бытовымъ явленіямъ нашей жизни, не взирая на сходство прикрѣпляемаго и возводимаго съ обычаями и сказаніями другихъ народовъ: сходство это считалось естественнымъ результатомъ родства народовъ и единства ихъ творческаго духа.

Бенфей обращаетъ вниманіе людей науки на слѣды несомнѣннаго международнаго литературнаго общенія въ народно-поэтическомъ творчествѣ, и Веселовскій съ жаромъ неофита бросается въ эту таинственную, заманчивую область.

Съ удивительной настойчивостью, съ помощью громаднаго, разносторонняго подбора фактовъ, онъ разворачиваетъ предъ нами грандіозную картину такого постояннаго обмѣна мысли и слова, составляющаго душу и живой нервъ нашего литературнаго развитія. Онъ не ограничивается простымъ нанизываніемъ сходныхъ темъ и сюжетовъ, но стремится также возссздать ту среду, которая ихъ порождала и распространяла, точнѣе установить пути и способы перехода. На большой дорогѣ этого общенія, на грани двухъ міровъ, восточнаго и западнаго, стоитъ Византія, этотъ загадочный сфинксъ, не вполнѣ разгаданный и по настоящее время. Веселовскій одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ значеніе этого фактора и сумѣлъ проникнуть въ тайны его: въ этомъ преимущество нашего изслѣдователя предъ западными его собратьями. Онъ также первый у насъ учелъ всю громадную важность христіанской легенды въ дѣлѣ распространенія

различныхъ сюжетовъ и сказаній, причемъ особенное вниманіе удѣлилъ, какъ и слѣдовало ожидать, легендѣ отреченной, т. н. апокрифической, раскрывая попутно ея своеобразный, крайне пестрый характеръ.

Передавались не только отдѣльные сюжеты, но цѣлые культы. Такъ, напримѣръ, въ нашихъ святочныхъ обрядахъ оказываются несомнѣнные слѣды римскихъ сатурналій и нѣкоторыхъ сродныхъ празднествъ; на весеннихъ и лѣтнихъ обрядахъ отразился культъ Адониса...

Относящіяся сюда данныя не всегда сообщались Веселовскимъ въ законченномъ видѣ; но надо было поскорѣе пустить въ обращеніе извѣстный матеріалъ, чтобы онъ, въ свою очередь, могъ привлечь новые матеріалы и лечь въ основаніе общихъ выводовъ. Самъ Веселовскій не разъ признавалъ свои работы въ этомъ направленіи подготовительными, и это вѣрно: онъ не столько строилъ, сколько собиралъ матеріалы и набрасывалъ планы для постройки, снося попутно то, что мѣшало послѣдней. Но кто бы ни воздвигалъ теперь ее, онъ не обойдется безъ плановъ и матеріаловъ Веселовскаго, и во многомъ повторитъ его, лишь въ болѣе цѣльномъ видѣ.

За Веселовскимъ потянулся длинный рядъ изслѣдователей, и, напримѣръ, не такъ давно въ одномъ изъ засѣданій нашего Общества мы могли познакомиться еще съ однимъ любопытнымъ образчикомъ того же древне-римскаго элемента въ нашей народной словесности, надъ которымъ впервые приподнялъ завѣсу Веселовскій [1]).

Но самъ онъ вдругъ словно охладѣлъ къ тому, что теперь стало общимъ мѣстомъ въ наукѣ; мало того, когда въ теченіи, созданномъ у насъ имъ же самимъ, стали замѣчаться крайности, преувеличенія, онъ одинъ изъ первыхъ почувствовалъ ихъ опасность и имѣлъ мужество даже открыто поступиться нѣкоторыми прежними собственными положеніями. Въ послѣдней серіи разысканій: „Сюжеты, какъ объектъ исторической поэтики; ихъ бытовыя основы и условія

[1]) А. И. Сонни—Горе и доля въ народной сказкѣ.

идеализаціи", Веселовскій уже опредѣленно начинаетъ ограничивать степень приложимости теоріи литературнаго заимствованія и пытливо устремляетъ взоръ въ новые процессы народно-поэтическаго творчества, которые остались въ тѣни при погонѣ за модной теоріей литературнаго общенія.

Намѣтивши достаточно литературную исторію произведеній народной словесности, показавши пріемы научной критики, при посредствѣ которыхъ мы можемъ добраться до ихъ ядра и сущности, онъ обращается теперь къ уясненію этихъ послѣднихъ. Сюжетъ, поэтическій образъ становится популяренъ, бродитъ по міру,—но каковы все-таки психологическія основанія его первоначальнаго появленія, что̀ придаетъ ему живой интересъ и устойчивость? Въ область этихъ вопросовъ зовутъ насъ послѣднія работы Веселовскаго, но, къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ намъ здѣсь расчистить путь такъ, какъ въ предыдущей серіи работъ.

Между тѣмъ, наступаетъ рядъ литературныхъ праздниковъ: столѣтняя годовщина Пушкина, 50-лѣтіе со дня смерти Жуковскаго. Волна, захватившая всю Россію, отразилась и на Веселовскомъ: въ результатѣ мы видимъ интересную статью о Пушкинѣ—какъ бы стройный конспектъ цѣлаго изслѣдованія, и недавно вышедшую книгу о Жуковскомъ.

Послѣдняя всецѣло обусловлена накопленіемъ новыхъ матеріаловъ для характеристики Жуковскаго, которые, однако, еще не были по настоящему использованы, и Веселовскій такимъ образомъ взялъ на себя задачу пополнить этотъ недочетъ въ русской наукѣ. Здѣсь, слѣдовательно, та же любовь къ новому, не использованному, которую мы видѣли и въ занятіяхъ его народной словесностью.

Оригинальна и обработка этого матеріала; въ русской наукѣ мало книгъ, которыя были бы такъ своеобразно задуманы и такъ мастерски выполнены: предъ нами не то біографія Жуковскаго, не то характеристика его поэзіи; правда жизни здѣсь постоянно переплетается съ поэзіей воображенія, что такъ гармонируетъ съ самымъ обликомъ Жуковскаго, для котораго „жизнь и поэзія были одно".

До Веселовскаго разсматривали произведенія Жуковскаго либо съ точки зрѣнія непосредственнаго отраженія въ нихъ только личной жизни поэта, либо, наоборотъ, съ точки зрѣнія связи ихъ съ тѣми или иными явленіями и образцами литературы западной. То и другое, взятое порознь, односторонне.

Веселовскій сумѣлъ дать ему синтезъ. Онъ показалъ намъ, какъ въ поэтикѣ Жуковскаго отражаются общіе пріемы извѣстнаго литературнаго теченія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ подъ ними бьется живая душа поэта, какъ они становятся выраженіями личной его жизни, не отдѣлимыми отъ послѣдней.

Жуковскій такимъ образомъ впервые предсталъ предъ нами, какъ цѣльный психологическій типъ писателя, а съ нимъ развернулась и яркая картина психологіи творчества вообще... Но ученый, введшій насъ въ тайники человѣческаго духа, онъ самъ теперь ждетъ посмертнаго суда надъ собой, и судъ—не въ осужденіе ему!

Народъ нашъ создалъ типъ вѣчнаго странника, томящагося тѣснотой да неправдой, ищущаго простора, новыхъ путей да новаго и новаго приложенія силѣ своей; мириться съ окружающей обстановкой потому только, что всѣ такъ живутъ, эти странники не могутъ и смѣло идутъ туда, гдѣ, имъ кажется, блеститъ призывной свѣтъ. Свѣтъ ихъ обманетъ, они ищутъ другого; ихъ не страшатъ лишенія, неудачи въ пути. Не мало ошибокъ допускали они въ поискахъ истины и рая земного, они увлекались миражемъ, неяснымъ намекомъ. Но они же открыли намъ цѣлыя области, широко раздвинули границы земли нашей... Они были нашими піонерами въ дикихъ степяхъ и лѣсахъ, и какъ только вкругъ нихъ развивалась кипучая жизнь, имъ снова становилось тѣсно, и они снова шли впередъ, на новыя исканія, на новые подвиги.

Такимъ искателемъ въ наукѣ былъ почившій.

4, Д. чл. **В. Н. Перетцъ** охарактеризовалъ *„А. Н. Веселовскаго, какъ профессора и преподавателя"*.

М. Г. Моя рѣчь—неизбѣжно представитъ лишь мелкія крупицы послѣ сказаннаго предшествовавшими ораторами.

Она неизбѣжно сводится къ тѣмъ личнымъ впечатлѣніямъ, какія я вынесъ при сношеніяхъ и встрѣчахъ съ А. Н. какъ во время студенчества, такъ и позже. Какъ профессоръ, А. Н. сразу вводилъ слушателей въ научную работу, не спускался до нихъ, какъ это бываетъ порою съ ищущими популярности преподавателями, а старался поднять слушателей до себя. Первою его задачей было создать учениковъ. Онъ понималъ, что ихъ искусственно—нельзя создать, ни купить, стипендіями и командировками. Величайшій изъ русскихъ ученыхъ филологовъ и единственный изъ историковъ всеобщей литературы по широтѣ познаній и силѣ научнаго творчества—А. Н. былъ врагомъ безплодныхъ теоретическихъ разговоровъ на темы объ—*измахъ*, не опирающихся на солидный фундаментъ точныхъ фактовъ и наблюденій. А. Н. не смущался тѣмъ, что въ университетѣ на созданномъ имъ германо-романскомъ отдѣленіи было немного слушателей; онъ не гнался за толпой, да и не могъ имѣть многочисленной аудиторіи—онъ достигъ лучшаго и болѣе важнаго: его идеи имѣютъ вѣрныхъ пропагандистовъ и продолжателей въ рядѣ учениковъ, изъ которыхъ назовемъ хотя бы Жданова (†), Батюшкова, Ланге (†), Брауна, Аничкова, гр. Де-Ла-Барта, Петрова, Тіандера, Гливенка, Шишмарева, Евлахова и другихъ, которые являются посредниками между нимъ и публикой.- Какъ человѣкъ, А. Н. отличался крайней простотой; нѣсколько трудно было его застать, но тотъ, кому удавалось похитить у покойнаго проф. нѣсколько времени для бесѣды, выносилъ изъ нея много новаго и интереснаго. А. Н. былъ совершенно чуждъ педантизма, который порою считается признакомъ истинной учености; онъ не раздѣлялъ предразсудка, согласно которому „профессоръ долженъ все знать“: порою, въ отвѣтъ на вопросъ, вопрошавшій получалъ: „я почемъ знаю, я не занимался этимъ“. Но тамъ, въ тѣхъ областяхъ, которыя его интересовали, А. Н. являлся неугомоннымъ разыскателемъ истины, строгимъ и придирчивымъ прежде всего къ самому себѣ. Болѣе всего ненавидѣлъ онъ догматизмъ и тупое отвараче-

ванье отъ смѣлой мысли, если она исходитъ не отъ „авторитета“. И его исканія, владѣвшія его душей, несмотря на ея „расторженность“,—воодушевляли и его слушателей и учениковъ, которыхъ онъ на своихъ лекціяхъ и на рефератахъ въ неофилологичсекомъ обществѣ держалъ au courant, и были путеводной звѣздой для ихъ собственныхъ юношескихъ работъ.

Вспоминая объ А. Н., я не могу миновать той особой черты его, которая меня лично въ юности поражала и смущала—юношеской подвижности его души и ума. Это былъ, по своему складу, какъ бы человѣкъ эпохи Возрожденія, сверкавшій какою-то ясной, вѣчной молодостью духа. Въ вѣчномъ кипѣніи онъ выпускалъ въ свѣтъ до самой смерти новыя работы, богатыя новыми идеями. Кто видѣлъ его пламенные черные глаза, его жгучій проницательный взоръ, оживленный и искрящійся изящнымъ умомъ—тотъ никогда не забудетъ этого, скажу, „Моцарта“ въ наукѣ, расточавшаго съ блескомъ свои идеи, и никогда зависть холодныхъ „Сальери“ не поколеблетъ великаго памятника, созданнаго покойнымъ ученымъ и нашимъ учителемъ.

Въ закрытой части засѣданія слушали:

1. Актъ Ревизіонной Коммиссіи о повѣркѣ ею кассы и библіотеки Общества, найденныхъ въ должномъ порядкѣ.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

2. Сообщеніе Императ. Москов. Археологич. Общества о назначеніи въ память основателя и пожизненнаго предсѣдателя того Общества преміи по русскому церковному зодчеству.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

3. Сообщеніе г. Предсѣдателя о томъ, что имъ были принесены поздравленія отъ имени Общества почет. члену *М. Ф. Владимірскому-Буданову* по случаю 40-лѣтія, и д. чл. *А. В. Романовичу-Славатинскому* по случаю 50-лѣтія ихъ профессорской дѣятельности.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

III. Засѣданіе 26 ноября 1906 г.

а, Поч. чл. **Ю. А. Кулаковскій** сдѣлалъ докладъ *„О неизданномъ византійскомъ памятникѣ X в. по военнымъ древностямъ"*.

Въ Московской синодальной библіотекѣ, въ числѣ ея рукописныхъ сокровищъ, хранится одинъ кодексъ сборнаго содержанія, изъ котораго въ разное время были извлечены и опубликованы разными учеными цѣнные матеріалы. Академикъ Васильевскій въ сотрудничествѣ съ проф. Ернштедтомъ издалъ въ 1896 году весьма интересный памятникъ подъ заглавіемъ: „Cecaumeni Strategicon". Изслѣдованіе по поводу сообщеній этого памятника опубликовано было Васильевскимъ еще въ 1881 году подъ заглавіемъ: „Совѣты и разсказы византійскаго боярина XI вѣка" (Жур. Мин. Просв.). Въ своемъ описаніи этой рукописи Васильевскій отмѣтилъ, что непосредственно предъ интересовавшимъ его текстомъ находится другой, озаглавленной „Стратегика императора Никифора". Заинтересовавшись этимъ сообщеніемъ, докладчикъ давно искалъ случая ознакомиться съ этимъ текстомъ, но это удалось ему только въ этомъ году, благодаря любезному вниманію бывшаго оберъ-прокурора Св. Синода кн. Оболенскаго. Кодексъ синодальной библіотеки былъ присланъ въ Кіевскую университетскую библіотеку, и докладчикъ имѣлъ возможность списать здѣсь текстъ и приготовить его къ изданію.

Ознакомивъ сочленовъ съ внѣшнимъ видомъ текста, Ю. А. Кулаковскій остановился на вопросѣ о личности автора и полагалъ, что нѣтъ никакихъ основаній отнестись съ сомнѣніемъ къ свидѣтельству рукописи о принадлежности этого трактата императору Никифору Фокѣ, прославленному своими побѣдами надъ арабами на восточной границѣ Византійской имперіи въ половинѣ X вѣка. Отмѣтивъ затѣмъ отношеніе этого текста къ изданному въ 1828 году трактату: De velitatione bellica и ставшему недавно (1898) извѣстнымъ

трактату: De castrametatione, референтъ перешелъ къ изложенію содержанія „Стратегики Никифора", выясняя при этомъ, какія именно свѣдѣнія являются новыми и потому особенно цѣнными. Авторъ говоритъ о пѣхотѣ и конницѣ, пѣшемъ и конномъ строѣ, устройствѣ лагерныхъ стоянокъ, способахъ ловить лазутчиковъ въ лагерѣ и заканчиваетъ наставленіемъ объ организаціи религіозной жизни арміи. Такова послѣдовательность изложенія въ общемъ; но мысль автора постоянно сосредоточена на моментѣ столкновенія съ непріятелемъ. Этотъ непріятель—арабы. Свои замѣчанія о боѣ, разныхъ его моментахъ и о томъ, какъ должны вести себя отряды разнаго рода вооруженія, авторъ разсѣялъ на всемъ пространствѣ своего изложенія, часто при томъ повторялся и говорилъ объ одномъ и томъ же нѣсколько разъ. Пѣхоту авторъ дѣлилъ на два разряда: тяжеловооруженные и стрѣлки; въ этомъ послѣднемъ разрядѣ различаются копейщики, собственно стрѣлки, пращники и монавлаты. Послѣдніе назывались такъ отъ имеии оружія „монавліонъ" или „монавлонъ"—толстая рогатина изъ крѣпкой породы дерева. Въ извѣстныхъ до сихъ поръ источникахъ у насъ не было свѣдѣній о существованіи особыхъ отрядовъ этого наименованія. Авторъ перечисляетъ оружіе всѣхъ разрядовъ пѣхотинцевъ, говоритъ объ ихъ одѣяніи и даетъ термины, которые извѣстны изъ другихъ источниковъ. Назначеніе пѣхоты, нормальная численность которой въ дѣйствующей арміи 16 тысячъ человѣкъ, служить прикрытіемъ кавалеріи. Какъ въ бою, такъ и въ лагерѣ и въ походѣ она строится четырехугольникомъ, съ интервалами между отдѣльными колоннами, численностью въ 700 человѣкъ каждая, по семи шеренгъ въ глубину.

Кавалерія, нормальная численность которой въ дѣйствующей арміи 8 тысячъ человѣкъ, дѣлится на тяжеловооруженную и легковооруженную. Первая называется „катафракты". Всѣ кавалеристы имѣютъ панцыри и шлемы. Эти послѣдніе закрываютъ у катафрактовъ лицо, такъ что остается только просвѣтъ для глазъ; у остальныхъ шлемы закрываютъ

голову сверху, а лицо остается открытымъ. Лошади катафрактовъ также покрыты броней. Вооруженіе кавалеріи составляютъ: пика, мечъ, сѣкира и желѣзная булава съ рѣзными углами на утолщеніи.

Кавалерія строится въ четыре линіи внутри четырехугольника пѣхоты. Каждая линія состоитъ изъ трехъ или четырехъ колоннъ по 500 человѣкъ каждая, по пяти шеренгъ въ глубину.

Катафракты составляютъ центръ первой линіи. Они имѣютъ свое особое построеніе, которое называется „трехугольнымъ", но представляетъ собою, собственно фигуру трапеціи. Всѣхъ шеренгъ 12, первая имѣетъ 20 человѣкъ, каждая слѣдующая вытягивается вправо и влѣво на два человѣка больше; такимъ образомъ въ послѣдней шеренгѣ всѣхъ всадниковъ 64 и общее число людей въ колоннѣ 504. Правое и лѣвое крыло, по 500 человѣкъ, держатъ равненіе на заднюю шеренгу катафрактовъ, колонна которыхъ выдвигается, такимъ образомъ, впередъ изъ боевой линіи. Сообщеніе о катафрактахъ и ихъ особомъ построеніи является совершенно новымъ свѣдѣніемъ, которое приноситъ намъ „Стратегика имп. Никифора". Искусство полководца состоитъ въ томъ, чтобы опрокинуть непріятеля и обратить его въ бѣгство, не доводя дѣло до генеральнаго сраженія. Въ преслѣдованіи принимаетъ участіе только легкая кавалерія; катафракты и пѣхота остаются на мѣстѣ или подвигаются шагомъ въ сторону, гдѣ происходитъ преслѣдованіе.

Общая численность дѣйствующей арміи 24 тысячи человѣкъ. Но, кромѣ строевыхъ, въ арміи есть значительное число нестроевыхъ, состоящихъ при обозѣ, а также прислуги, которую имѣли при себѣ строевые. Пѣхотинцы имѣли лошадей, которыми и пользовались во время похода; у кавалеристовъ были запасныя лошади. Для всего этого требовалось большое количество нестроевыхъ людей. Авторъ совѣтуетъ не увеличивать безъ нужды количество нестроевыхъ во избѣжаніе затрудненій въ походѣ и во время боя.

Что касается до лагерныхъ стоянокъ, то данныя „Стратегики“ совершенно однородны со свѣдѣніями, почерпаемыми въ гораздо большей подробности въ трактатѣ De castrametatione, съ которымъ докладчикъ въ свое время знакомилъ сочленовъ Общества.

Наставленіе автора относительно организаціи религіозной жизни арміи и его собственное искреннее и глубокое религіозное чувство съ опредѣленностью говоритъ намъ о настроеніи „Христолюбиваго воинства“ въ X столѣтіи въ вѣковой борьбѣ съ фанатизованнымъ восточнымъ врагомъ имперіи и по всему тому, что мы знаемъ объ имп. Никифорѣ, можетъ служить подтвержденіемъ признанія именно въ немъ автора „Стратегики“, какъ гласитъ заголовокъ этого текста въ рукописи.

Въ заключеніе г. докладчикомъ было сдѣлано нѣсколько разъясненій по запросамъ членовъ: В. З. Завитневича и Н. П. Дашкевича.

б, Д. чл. **В. Т. Георгіевскій** разсмотрѣлъ *„Новые научные труды акад. Н. П. Кондакова“ по археологіи и искусству*. Имя Кондакова пользуется давно широкой извѣстностью. Важнѣйшіе его труды: „Исторія византійскаго искусства“, „Византійскія эмали“, „Русскія древности“ и друг. давно переведены на нѣмецкій и французскій языки, а первый изъ нихъ вошелъ даже въ „Международную библіотеку искусствъ“, изд. Гашетта. Воспитанникъ Москов. у—та и ученикъ проф. К. К. Герца въ 1861—66 гг., направленіемъ своихъ работъ обязанъ акад. Ѳ. И. Буслаеву, въ сборникѣ котораго по исторіи русскаго искусства и были напечатаны первыя статьи Кондакова. Съ 1870 г. онъ занимаетъ каѳедру исторіи искусства въ Новороссійскомъ университетѣ и посвящаетъ себя изученію классическаго искусства; результатомъ этого изученія была его магистерская диссертація: „Памятники Гарпій“ и статья: „Греческія терракотовыя статуэтки въ отношеніи къ искусству, религіи и быту“; съ 1873 г. К—ъ предпринимаетъ рядъ поѣздокъ для изученія византійскаго искусства и его вѣтви—грузинской архитектуры. Въ

1875—76 гг. онъ изучалъ господство византійскаго искусства въ памятникахъ Россіи, славянскихъ земель, Италіи и проч. и издаетъ свой классическій трудъ: „Исторію византійскаго искусства по миніатюрамъ греческихъ рукописей"; русская и западно-европейская критика дала объ этой работѣ самые восторженные отзывы. Въ 1880 г. К—мъ издается мозаика мечети Кахріе Джамаси (прежде храмъ Μονή τῆς χώρας) и изучается древнѣйшая мозаика Преображенія въ абсидѣ церкви Синайскаго монастыря. Въ 1884 г., принимая дѣятельное участіе въ устройствѣ VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ, онъ выступаетъ на немъ съ обширнымъ изслѣдованіемъ о церквахъ и памятникахъ Константинополя, проводя ту мысль, что безъ изученія византійскаго искусства не можетъ быть понято русское, въ доказательство чего представилъ объясненіе фресокъ лѣстницы Кіево-Софійскаго Собора. Въ 1889 г. К—въ переходитъ на службу въ С.-Петербургскій университетъ и становится хранителемъ Эрмитажа. Въ 1890 г. онъ описываетъ памятники Грузіи, Мингреліи и Имеретіи; въ это же время, вмѣстѣ съ гр. И. И. Толстымъ онъ приступаетъ къ изданію „Русскихъ древностей въ памятникахъ искусства", которыя тотчасъ же появляются на французскомъ языкѣ въ изданіи Рейнака; ихъ вышло шесть выпусковъ. Одновременно онъ приступаетъ къ изученію изданій византійскихъ эмалей, по предложенію извѣстнаго собирателя древностей А. В. Звенигородскаго, издержавшаго на ихъ пріобрѣтеніе около 200 т. руб. и неудовлетвореннаго программами западно-европейскихъ ученыхъ; съ этой цѣлью К—въ изучилъ всѣ, какія оказались ему доступными, частныя и общественныя собранія и, на основаніи всесторонняго изученія этой отрасли искусствъ, далъ исчерпывающее изслѣдованіе. Въ 1891 г. К—въ былъ командированъ въ Сирію и Палестину. Усиленные труды, трудности экскурсій и суровый климатъ нашего Сѣвера подорвали здоровье К—ва. Поселившись въ Ялтѣ, онъ продолжалъ неутомимо работать и въ 1896 г. напечаталъ изслѣдованіе о русскихъ кладахъ; въ слѣдующіе за тѣмъ годы онъ выпускалъ книжки „Русскихъ древностей"; въ

1902 г.—описаніе памятниковъ Азіи; въ 1904 г.—описаніе памятниковъ Палестины и Сиріи; въ то же время онъ становится во главѣ Высочайше учрежденнаго Комитета о русской иконописи и, вмѣстѣ съ гр. С. Д. Шереметевымъ, изучаетъ иконописныя школы Владимірской губ., которыя онъ находитъ вѣрными иконописному преданію и византійской основѣ, о чемъ и дѣлаетъ докладъ въ Обществѣ Любителей Древней Письменности, а вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатываетъ планъ поддержанія русской иконописи посредствомъ устройства художественныхъ учебныхъ заведеній, изданія иконописныхъ подлинниковъ и организаціи артелей живописцевъ, съ художественно образованными иконописцами во главѣ, чтобы эти артели могли не только копировать лучшіе образцы древней иконописи, но и перерабатывать византійскіе оригиналы; ставъ во главѣ Комитета, онъ и осуществляетъ свои предначертанія. При этомъ референтъ подробно разсмотрѣлъ содержаніе иконописнаго подлинника, редактированнаго К—вымъ, указавъ способы изданія и источники заимствованія матеріала издателемъ, давшимъ сжатый очеркъ иконографіи Христа; наконецъ, послѣднимъ трудомъ К—ва въ области искусства является его изслѣдованіе объ изображеніяхъ русской княжеской семьи въ миніатюрахъ XI в., въ которомъ онъ предлагаетъ цѣнную монографію о древне-русскихъ княжескихъ одеждахъ и головныхъ уборахъ, въ связи съ одеждами византійскихъ царей и придворныхъ; съ особенной обстоятельностью К—въ останавливается на вопросѣ о формѣ головныхъ украшеній русскихъ князей. Указывая вообще на богатство и глубину выводовъ въ трудахъ К—ва, референтъ заключилъ свою оцѣнку ихъ обрисовкой тѣхъ широкихъ результатовъ, какіе они даютъ для исторіи древне-русскаго искусства.

Д. чл. Г. Г. Павлуцкій, признавая важность научныхъ заслугъ Н. П. Кондакова, замѣтилъ, что стремленіе возродить древне-русское иконописное мастерство носитъ нѣсколько искусственный характеръ и едва ли можетъ имѣть будущность.

Докладчикъ оспаривалъ это замѣчаніе.

IV. Засѣданіе 10-го декабря 1906 г.

а, Д. чл. **В. И. Щербина** сдѣлалъ сообщеніе по *„Вопросу о старостваxъ на четырехлѣтнемъ сеймѣ“*.

Въ эпоху преобразованій, начатыхъ въ Польшѣ патріотической партіей съ цѣлью поднятія могущества и благосостоянія своего отечества, былъ поднятъ на четырехлѣтнемъ сеймѣ (1788—1792 гг.) и вопросъ о староствахъ (королевщинахъ); это были государственныя земли, отдававшіяся въ управленіе заслуженнымъ лицамъ въ пожизненное владѣніе, и доходы съ этихъ земель въ 4-й части шли на содержаніе войска; позже онѣ обратились въ феодальныя помѣстья. Всѣхъ староствъ въ Польшѣ было 671; въ нихъ жило 840,000 крестьянъ; доходъ (кварта) получался въ $2^1/_2$ милліона пол. злотыхъ. На сеймѣ 1775 г. король былъ лишенъ права распоряжаться староствами и въ замѣнъ ему отданы были въ полную собственность староства: Бѣлоцерковское, Богуславское, Каневское и Хмельницкое. Король уступилъ эти староства: Бѣлоцерковское — Ксаверію Браницкому, Богуславское и Каневское—Станиславу Понятовскому и Хмельницкое—Іосифу Понятовскому, съ обязательствомъ, платежа 30% съ дохода. Въ виду политическихъ затрудненій и необходимости увеличенія доходовъ казны, явилась мысль о продажѣ староствъ; въ засѣданіи сейма 29 октября 1791 г., кс. Оссовскій представилъ проектъ такой продажи, доказавъ цифрами большую отъ этого выгоду для казны. Большинство ораторовъ высказалось противъ продажи; защитниками проекта явились Гуго Колонтай, коронный канцлеръ, Протъ Потоцкій, кіевскій воевода, и друг. Колонтай въ пользу проекта произнесъ рѣчь, вышедшую въ свѣтъ въ отдѣльной брошюрѣ; краков. посолъ Ясинскій предлагалъ продажу послѣ смерти старостъ; волын. посолъ Свѣнтославскій рекомендовалъ долгосрочную аренду, при чемъ во всѣхъ этихъ проектахъ освобожденіе крестьянъ не имѣлось въ виду; 19 декабря 1791 г. проектъ продажи былъ принятъ на сеймѣ большинствомъ 105 голосовъ

противъ 93, а также были выработаны и условія продажи, утвержденныя сеймомъ 21 апрѣля 1792 г.; въ этихъ условіяхъ были приняты во вниманіе интересы шляхты, а интересы крестьянъ даже вовсе не затрагивались, что́ и могло послужить поводомъ къ слухамъ о готовящемся возстаніи крестьянъ.

б, Секретарь А. М. Лобода прочелъ докладъ иногороднаго д. чл. **И. Ф. Павловскаго:** *„О переселеніи полтавскихъ козаковъ на Черноморье и Тамань въ началѣ прошлаго столѣтія"*.

Черноморское казачье войско образовалось, какъ извѣстно, изъ Запорожскаго; въ 1792 г. ему были пожалованы земли отъ Азовскаго моря до границъ Кавказа и отъ Ейскаго укрѣпленія по Кубани до ея устья; онѣ занимали пространство въ 300 кв. верстъ; населенія же было всего 30000 (20,000 муж. и 10,000 жен.) душъ; на нихъ часто дѣлали набѣги кубанцы, и потому черноморцы организовали стражу въ 4500 чел.; такое положеніе черноморцевъ грозило имъ гибелью, требовалось увеличеніе числа переселенцевъ, о чемъ и просилъ министра кн. А. Б. Куракина Новорос. ген.-губер. Дюкъ-де-Ришелье; просьба его была удовлетворена, и въ 1807 г. были утверждены инструкціи, касавшіяся переселенія. Оно должно было быть добровольнымъ; предпочтеніе оказывалось тѣмъ семьямъ, гдѣ больше женщинъ (такъ какъ женщинъ въ Черноморьи было очень мало); семьи эти должны быть свободны отъ недоимокъ; переселенцы отправлялись партіями разновременно для удобствъ продовольствія и оказанія въ пути необходимой помощи. Въ то время въ Полтав. губ. козаковъ числилось 551708 душъ обоего пола. Изъ нихъ въ теченіе 1809 и 1810 гг. предполагалось переселить 25,000 душъ; въ дѣйствительности же переселено 22822 (12835 мущ. и 9987 жен.), составлявшія 1649 семей. Кромѣ Черноморья, предполагалось переселить 250 семей на Тамань; въ дѣйствительности же переселено 29 семействъ, состоявшихъ изъ 199 душъ (113 муж. и 86 жен.). Переселенія на Тамань относятся къ одному лишь 1810 году.

V. Засѣданіе 14-го января 1907 г.

а) Д. чл. **П. В. Голубовскій** представилъ на обсужденіе Общества *„Интересный юридическій обычай конца XI-го вѣка"* (за болѣзнью автора рефератъ его былъ прочтенъ г. Предсѣдателемъ Н. П. Дашкевичемъ).

По мнѣнію референта, Русская Правда, представляя собой кодексъ обычнаго русско-славянскаго права, не вмѣстила его въ себѣ, да пожалуй и не могла вмѣстить, цѣликомъ; онъ различаетъ Русскую правду и списки ея, полные скомканности, пропусковъ и искаженій; есть основаніе думать, что существовали такіе оригиналы, въ которыхъ указанныхъ недостатковъ не было; въ дошедшихъ до насъ спискахъ несомнѣнно пропущено одно важное законоположеніе, бывшее древнимъ славянскимъ обычаемъ, на что̀ указываетъ нижеизложенный случай: Въ г. Дорогобужѣ, разсказываетъ Іаковъ Мнихъ, нѣкая женщина, будучи рабой, работала въ вежѣ, по приказанію своей госпожи, въ день св. Николая. И неожиданно явились предъ ней святые страстотерпцы (Борисъ и Глѣбъ) и сказали ей: „зачѣмъ ты дѣлаешъ такъ въ день св. Николая? Мы накажемъ тебя". И, сказавши это, разрушили ту постройку (храминуѳ), а женщину ту сдѣлали какъ бы мертвой; она лежала безъ движенія. И встала она больной и одна рука сдѣлалась у нея сухой. Она не могла работать и служить своей госпожѣ. Видя ее такой, госпожа прогнала ее отъ себя, а дѣтей ея, рожденныхъ въ свободѣ, поработила. „Соудящии же не послабиша томоу такомоу быти, нъ господѣ еѣ повелѣша лихомъ быти цѣны тоѣ, а онѣхъ свободѣ съподобиша, зане же по неволи дѣлавъши казнь пріяла есть". Принимая во вниманіе, что въ разсказѣ говорится о „цѣнѣ"—долгѣ и о дѣтяхъ, рожденныхъ женщиной свободной, женщина эта должна была быть „закупкой", отрабатывавшей свой долгъ; судьи признали также, что дѣти закуповъ, рожденные до совершенія долга, не отвѣчаютъ по обязательствамъ родителей; вмѣстѣ съ тѣмъ они прекратили наемное

обязательство женщины, такъ какъ увѣчье женщинѣ причинено было по винѣ госпожи, заставлявшей исполнять непозволительныя работы. Далѣе, референтъ задается вопросомъ, въ какомъ видѣ должна была бы явиться въ Русской Правдѣ статья, отвѣчающая указанному рѣшенію судей? Разсмотрѣвъ соотвѣтствующія статьи славянскихъ законодательныхъ памятниковъ и русскіе списки Правды, онъ излагаетъ ее въ такой формѣ: „оже господинъ пріобидитъ закупа а уведетъ ему вражду (членовредительство), то лихомъ быти ему цѣны его; а оже увериднть цѣну или копу, ли отарицю (вредъ матеріальный), то то ему все воротити, а за обиду платити ему“. . . . . Дорогобужскій фактъ Іаковъ Мнихъ помѣщаетъ сейчасъ послѣ перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба (1072 г.); затѣмъ было еще нѣсколько подобныхъ случаевъ наказанія св. князьями страстотерпцами согрѣшавшихъ, что́ и побудило кн. Святослава соорудить въ Вышгородѣ каменный храмъ, который былъ оконченъ незадолго до его смерти, послѣдовавшей съ 1076 г. Между 1071 и 1076 гг. пострадавшая женщина и могла посѣтить Вышгородъ, а такъ какъ пострадавшая женщина до исцѣленія болѣла три года, слѣдовательно, Дорогобужскій случай имѣлъ мѣсто въ 1069 г.

Въ обсужденіи реферата приняли участіе члены: Н. П. Дашкевичъ, Г. М. Барацъ, В. З. Завитневичъ, А. І. Степовичъ и А. В. Стороженко.

б, Д. чл. **В. Е. Данилевичъ** представилъ докладъ: „*О происхожденіи острогожскаго полковника Саса*“ (за отсутствіемъ докладчика, прочтенъ А. В. Стороженкомъ).

Свѣдѣнія о слободскихъ черкасскихъ полковникахъ крайне скудны; между тѣмъ для изслѣдователя прошлыхъ судебъ Слободской Украины эти свѣдѣнія не всегда безразличны, такъ какъ въ связи съ ними можно объяснить многія явленія въ исторіи этого края; далеко не всѣ полковники избирались изъ слободской старшины; многіе назначались Московскимъ правительствомъ; къ числу такихъ принадлежалъ острогожскій полковникъ Иванъ Семеновичъ Сасъ, или Сасовъ. Въ 1660 г. онъ былъ подполковникомъ рейтарскаго

строя въ полку бѣлгородскаго воеводы кн. Г. Г. Ромодановскаго; въ 1668 г. командовалъ копейнымъ полкомъ; въ 1674 году, участвовалъ въ походѣ подъ Чигиринъ; въ 1676 году назначенъ воеводой въ Острогожскъ, а съ 1680 г. занимаетъ должность острогожскаго полковника, въ которой и умираетъ въ 1693 г. Въ документахъ Главнаго Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ упоминается Иванъ Ивановичъ Сасъ; но разницу въ отчествахъ референтъ находитъ возможнымъ легко объяснить опиской, въ виду того, что всѣ факты, относящіеся къ Ивану Ивановичу, могутъ быть отнесены къ Ивану Семеновичу. Что касается до національности Саса, то референтъ, доказывая, что онъ не былъ ни молдаваниномъ, ни нѣмцемъ, ни шведомъ, считаетъ его, на основаніи сохранившихся подписей, англичаниномъ (Iones Sasones, ruku pryllosyl). Такимъ образомъ, судя по этой подписи настоящія имя и фамилія Саса были: Джонъ Сэсёнъ. Фамилія его племянника — Булартъ — также чисто англійская.

Въ обсужденіи этого доклада принимали участіе члены: А. В. Стороженко, В. З. Завитневичъ, А. І. Степовичъ и Н. П. Дашкевичъ, при чемъ было высказано предположеніе, что Сасъ—саксонецъ.

в) Д. чл. **И. М. Каманинъ** сдѣлалъ сообщеніе *„О судьбѣ грамоты кн. Романа Галицкаго“* (напечатано въ 4-мъ вып. XIX-й книги „Чтеній“).

VI. Засѣданіе 28-го января 1907 г.

а) Чл.-кор. **В. П. Каньшинъ** представилъ результаты своихъ *„Археологическихъ изслѣдованій въ Курской губерніи“*.

„Мои археологическія изслѣдованія, сказалъ онъ, производились въ сѣверо-западной части Курскаго уѣзда и обнимаютъ, главнымъ образомъ, область рѣки Большой Курицы съ ея притокомъ Малой Курицей и только отчасти захватываютъ и область рѣки Рагозны. Рѣки Б. Курица и Рагозна—правые притоки р. Сейма и впадаютъ въ него ниже Курска.

По областямъ этихъ двухъ рѣкъ я и свой докладъ раздѣляю на двѣ части. Въ 1-ой буду говорить о городищахъ и др. археологическихъ памятникахъ въ области р. Б. Курицы, а во 2-ой—о находкахъ костей мамонта и обнаруженіи слѣдовъ современнаго мамонту человѣка у р. Рагозны.

I.—*Гнѣздиловское и Липинское городища.*

Изъ археологическихъ памятниковъ въ области р. Большой Курицы слѣдуетъ отмѣтить два городища: при селѣ Гнѣздиловѣ и при д. Липино, по правой возвышенной сторонѣ рѣки (городище Липинцы лежитъ уже на р. Сеймѣ, недалеко отъ впаденія въ него Курицы); около обоихъ городищъ на западной ихъ сторонѣ находятся поля погребеній безъ курганныхъ насыпей; при обоихъ городищахъ, кромѣ того, разбросаны курганы, большинство которыхъ распаханы (при Гнѣздиловскомъ городищѣ распаханы 12 кургановъ и остался только одинъ нераспаханный по правой сторонѣ р. Малой Курицы); курганныя насыпи встрѣчаются и отдѣльно отъ городищъ у деревни Лукина (большой курганъ), на правомъ высокомъ берегу р. Б. Курицы, и у деревень Косинова, Полянской и Жеребцова, по лѣвой сторонѣ рѣки (всѣ распаханы, кромѣ кургана у Лукина). Къ историко-археологическимъ памятникамъ въ этой области можно отнести еще развалины монастыря въ дер. Липино (находки въ развалинахъ монастыря—монеты, крестики—относятся къ XVII и первой половинѣ XVIII в.) и деревянную церковь, построенную въ концѣ XVIII в. въ с. Гнѣздиловѣ. Оба городища Гнѣздиловское и Липинское, различаясь между собою своими размѣрами (Липинское городище больше: его размѣры д. = 40 с., ш. = 24 с., шир. вала 5 с., тогда какъ размѣры Гнѣздилов. городища д. = 27 с., ш. = 10 саж., ш. в. = 5 с.) и отчасти формою, очень походятъ другъ на друга по характеру культурныхъ остатковъ.

Разрывая культурные слои, мы встрѣчаемся одинаково въ обоихъ городищахъ съ двумя культурными напластова-

ніями. Липинское городище соотвѣтствуетъ городищамъ Дьякова типа. Здѣсь встрѣчаются характерные для городищъ этого типа слои золы и угля весьма значительной массивности, обожженныя кости, куски глины и слои колотаго камня, которыми укрѣпленъ обращенный къ рѣкѣ край городища. Валы угла городища, обращеннаго къ рѣкѣ, отдѣлены отъ городища рвомъ, и гребни ихъ не привышаютъ горизонта внутренней площадки городища. Нижнее древнѣйшее напластованіе городищъ характеризуется костяными орудіями и черепками разбитой, грубо выдѣланной посуды. Верхнее позднѣйшее напластованіе содержитъ въ себѣ желѣзныя орудія. Большое количество костей животныхъ (особенно много костей кабана въ Гнѣздиловскомъ городищѣ и костей лося и оленя въ Липинскомъ) указываетъ на то, что населеніе городищъ питалось главнымъ образомъ продуктами охоты и рыбной ловли. Найденные въ Гнѣздиловскомъ городищѣ ручные жернова говорятъ за то, что населеніе городища начинаетъ уже питаться и продуктами земледѣлія. Разводили также и домашнихъ животныхъ [1]).

Произведенныя мной раскопки не обнаружили пока землянокъ. Большое количество глиняной обмазки стѣнъ, часто обожженной случавшимися пожарами, указываетъ на то, что на городищѣ стояли деревянныя, сплетенныя изъ хвороста хижины, обмазанныя глиной.

Одеждой жителей городищъ служили, очевидно, звѣриныя шкуры и ткани, остатки которыхъ тамъ и найдены. Населеніе пользуется украшеніями изъ браслетъ, бусъ и т. п. [2]), отдѣлываетъ свою посуду орнаментами, лѣпитъ фигурки изъ глины, имѣетъ въ своемъ распоряженіи и музыкальные инструменты. Оружіе представляютъ лукъ, стрѣлы, топоры въ видѣ сѣкиръ и ножи.

---

[1]) См. Записки Русск. Отдѣл. Импер. Русск. Археол. Общ., т. V, в. I, стр. 111 – 142.

[2]) См. Инвентарь Гнѣздиловскаго городища.

Таковы бытовыя черты, о которыхъ говорятъ находки городищъ.

Расположенные около городищъ курганы и могильники, содержащіе въ себѣ тотъ же инвентарь, что и городища, говорятъ намъ о погребальныхъ обрядахъ и религіозныхъ вѣрованіяхъ населенія городищъ.

Но раньше, чѣмъ перейти къ погребеніямъ, попытаемся отвѣтить на вопросъ: когда и какимъ народомъ построены Гнѣздиловское и Липинское городища и долго ли они были обитаемы?

Весь инвентарь верхняго культурнаго слоя городищъ ясно указываетъ на то, что оба городища принадлежали славянамъ; присутствіе же въ нижнемъ культурномъ напластованіи городищъ костяныхъ орудій и грубо-выдѣланныхъ черепковъ, характеризуя болѣе раннюю эпоху, позволяетъ отнести постройку городищъ къ VI—VIII или IX вѣку.

Возможно, что городища построены и не славянами. Это замѣчаніе особенно касается Липинскаго городища въ виду большого его сходства по характеру съ городищами Дьякова типа.

Верхній культурный слой городищъ и сосѣднія съ городищами погребенія безъ кургановъ говорятъ объ обитаемости городищъ въ болѣе позднюю эпоху XI—XII и можетъ быть даже XIII—XV вѣковъ. При столь продолжительной обитаемости городищъ, естественно, измѣнялись и погребальные обряды.

Погребенія Сѣверянъ въ курганахъ (въ Черниговской и Курской губерніяхъ) обслѣдованы и описаны Д. Я. Самоквасовымъ [1]), который наблюдалъ 3 типа погребеній у Сѣверянъ-язычниковъ: 1) погребеніе съ сожженіемъ въ лодьѣ, 2) погребеніе сожженнаго праха въ погребальной урнѣ и 3) погребеніе безъ сожженія.

Я раскопалъ одинъ изъ распаханныхъ кургановъ около Гнѣздиловскаго городища (раскопка колодцемъ въ 8 арш. въ діаметрѣ). При раскопкѣ въ курганной насыпи найдены толь-

[1]) См. „Труды 3-го всероссійскаго археологич. съѣзда въ Кіевѣ".

ко уголь, птичья кость и зубъ животнаго. Надо думать, что погребеніе здѣсь было совершено съ сожженіемъ, въ погребальной урнѣ, которая разбилась и при распашкѣ уничтожена. При распахиваніи другого изъ Гнѣздиловскихъ кургановъ мною подобраны на мѣстѣ распашки черепки разбитаго горшка, соотвѣтствующіе, повидимому, черепкамъ нижняго культурнаго слоя городищъ, обломки обожженной глины, осколокъ кости и уголь. Повидимому и здѣсь было погребеніе въ урнѣ съ сожженіемъ.

Я уже говорилъ, что на западной сторонѣ Гнѣздиловскаго и Липинскаго городищъ находятся погребенія безъ кургановъ и безъ сожженія. Я думаю, что это погребенія позднѣйшей эпохи, соотвѣтствующія погребеніямъ болѣе верхней культурѣ городищъ. Сожженія уже нѣтъ, но есть намекъ на сожженіе, удерживается традиція: трупъ при погребеніи обсыпаютъ золой и углемъ, въ могилу бросаютъ зубы животныхъ, на могилѣ совершаютъ тризну, разбиваютъ горшки съ пищей, приносимой покойнику.

Я обслѣдовалъ нѣсколько такихъ погребеній при Гнѣздовскомъ городищѣ.

Это погребенія въ мелкихъ могилахъ, почти на поверхности земли. Костякъ лежитъ на спинѣ, головою на западъ, со сложенными на животѣ руками. Иногда при костякѣ взрослаго человѣка бываютъ дѣтскія погребенія. Костякъ обсыпанъ золою и углемъ, въ головѣ и ногахъ преимущественно разбитые черепки и кости животныхъ и птицъ. Сверху, повидимому, могила прикрывалась досками, которыя прибивались, вѣроятно, къ землѣ желѣзными гвоздями.

Можетъ быть, эти погребенія относятся уже ко временамъ христіанства. Такъ погребали христіанъ, сохранняя старыя языческія традиціи.

Этой эпохой заканчивается жизнь городищъ.

Подъ напоромъ набѣговъ Половцевъ или татарскихъ погромовъ населеніе этихъ городищъ покидаетъ свои насиженныя мѣста и увлекается, вѣроятно, колонизаціонной волной на сѣверъ, въ междурѣчье Оки и Волги. Надо замѣтить,

что народныя преданія связываютъ окрестную Гнѣздиловскому городищу мѣстность съ воспоминаніями о нашествіи Татаръ.

II.—*Мамонтъ и слѣды человѣка палеолитической эпохи у дер. Умрихина и села Старкова.*

Возвышенности, подымающіяся по обѣимъ сторонамъ долины р. Рагозны у дер. Умрихина и села Старкова (Курск. губ. и уѣзда, Старковской волости), прорѣзаны глубокими оврагами, расположенными перпендикулярно долинѣ рѣки и достигающими мѣстами глубины около 10 саженъ. Потоками дождевыхъ и весеннихъ водъ эти овраги постоянно размываются, и обрушившіеся слои глины и известняковъ на днѣ враговъ обнаруживаютъ кости мамонта.—Мѣстные крестьяне давно уже добываютъ изъ враговъ кости этого гигантскаго животнаго, разбивая ихъ иной разъ на мелкіе куски.

Въ прошломъ году одинъ изъ крестьянъ Даніилъ Умрихинъ обратилъ вниманіе учителя Старковской земской школы М. В. Пожидаева на находившіяся въ оврагахъ громадныя кости животнаго. Это были бивни мамонта, которые, по указанію М. В. Пожидаева, были выкопаны и перевезены въ Музей наглядныхъ пособій Курскаго губернскаго земства завѣдывающимъ Музеемъ, А. Я. Минаевымъ.

Узнавъ, по пріѣздѣ въ Курскъ, въ іюлѣ 1906 года, о найденныхъ костяхъ мамонта, я рѣшилъ поѣхать въ Умрихино, чтобы поискать слѣдовъ современнаго мамонту человѣка. Предпринятая мною (вмѣстѣ съ К. Н. Родіоновымъ) экскурсія дала слѣдующіе результаты.

Мною была произведена раскопка въ оврагѣ, находящемся ниже дер. Умрихина, по теченію р. Рагозны, въ томъ мѣстѣ, гдѣ найдены были бивни мамонта. Среди раскопанныхъ костей мамонта мнѣ удалось обнаружить расколотую при помощи каменныхъ орудій мозговую кость мамонта. Кромѣ того, при раскопкѣ найденъ обломокъ кости съ ясными слѣдами обдѣлки и грубо изготовленный кусокъ камня, служившій, можетъ быть, орудіемъ палеолитической эпохи. Среди найденныхъ здѣсь же, въ оврагахъ, нѣсколькихъ череп-

ковъ разбитой посуды, одинъ отличается особенно грубой выдѣлкой и плохо обожженъ.

Все это заставляетъ предполагать, что одновременно съ мамонтомъ въ мѣстности нынѣшнихъ Умрихина и Старкова жилъ человѣкъ палеолитической эпохи, который здѣсь охотился на мамонта, питался его мясомъ, раскалывалъ его кости при помощи своихъ грубо обдѣланныхъ каменныхъ орудій, чтобы извлечь изъ нихъ мозгъ, который служилъ для него лакомствомъ. И то обстоятельство, что въ оврагахъ Умрихина-Старкова находятся кости многихъ экземпляровъ мамонта, необходимо ведетъ къ заключенію, что здѣсь была стоянка человѣка, отъ рукъ котораго погибали эти гиганты.

Эта археологическая развѣдка выдвигаетъ вопросъ о подробномъ систематическомъ обслѣдованіи культурныхъ остатковъ жизни современнаго мамонту человѣка въ мѣстности нынѣшнихъ Умрихина-Старкова.

Курская ученая архивная коммиссія, по выслушаніи моего доклада о находкахъ въ оврагахъ Умрихина-Старкова, въ собраніи своемъ 4 августа 1906 года, постановила произвести лѣтомъ 1907 г. болѣе подробныя археологическія изслѣдованія въ этой мѣстности.

Курская архивная коммиссія, какъ мнѣ кажется, вправѣ ожидать въ своихъ изслѣдованіяхъ компетентной поддержки со стороны научныхъ силъ О-ва Нестора-лѣтописца и организующагося теперь XIV-го Всероссійскаго археологическаго съѣзда въ г. Черниговѣ.—Курская губернія очень мало изслѣдована въ археологическомъ отношеніи. Ученая архивная коммиссія создалась тамъ недавно, и, естественно, она бѣдна еще и матеріальными и научными силами.

Въ интересахъ научнаго изслѣдованія русскимъ археологамъ слѣдуетъ, мнѣ кажется, удѣлить Курской губерніи больше вниманія, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлалось.

Чтеніе этого доклада демонстрировалось предметами, добытыми г. Каньшинымъ при раскопкахъ. Въ обсужденіи результатовъ участвовали Е. Н. Антоновичъ, Н. П. Дашкевичъ и В. Н. Перетцъ.

б, Г. секретарь А. М. Лобода прочелъ докладъ иногороднаго д. чл. **М. П. Петровскаго:** *„Путешествія Франа Гундулича изъ Вѣны въ Москву въ 1655 г.“* (напечатанъ въ 4-мъ вып. XIX-й и 1-мъ вып. XX-й книгъ „Чтеній“).

Нѣсколько замѣчаній по поводу этого доклада сдѣлали Н. П. Дашкевичъ, В. Н. Перетцъ и А. І. Степовичъ.

Въ настоящемъ засѣданіи слушали письма съ выраженіемъ благодарности: 1) поч. чл. *В. Ѳ. Миллера*—за привѣтствіе его Обществомъ по случаю 25-лѣтія его предсѣдательства въ Этнографическомъ отдѣлѣ Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ и 2) академика *Н. П. Кондакова*—за избраніе его въ почетные члены Общества Нестора-лѣтописца.

VII. Засѣданіе 11-го февраля 1907 г.

а) Д. чл. **Д. И. Багалѣй** представилъ рефератъ: *„Внѣшняя исторія Магдебургскаго права въ городахъ Лѣвобережной Малороссіи послѣ присоединенія ея къ Россіи (съ половины XVII и до конца XVIII вв.“)*, который, за отсутствіемъ референта, прочтенъ г. секретаремъ А. М. Лободой.

Возстаніе Богдана Хмельницкаго произвело громадный соціальный переворотъ: правящимъ классомъ сталъ тотъ, положеніе котораго раньше было почти безправное (послѣ хлоповъ), т. е. казачество; его выборное начальство—гетманъ, старшина, полковники и друг.—получили гражданскую и военную власть; русское правительство вело переговоры только съ представителями козачества. Въ то же время, существовавшее въ городахъ до возстанія Магдебургское право оказало свое вліяніе и создало замкнутый классъ людей—мѣщанъ, дорожившихъ, ради промысловъ и торговли, спокойствіемъ и менѣе увлекавшихся возстаніемъ; такимъ образомъ, послѣ войны, населеніе распредѣлилось только въ два сословія: казачество и мѣщанство (не считая духо-

венства); казаковъ было исчислено 62949 чел. и мѣщанъ—62454 чел., а шляхты оказалось всего лишь 188 человѣкъ. Московское правительство не доискивалось до тонкостей сословнаго дѣленія; для него важны были лишь плательщики денежныхъ сборовъ и свободные отъ нихъ; сборы платили только мѣщане, пользуясь льготами въ торговлѣ и промышленности и имѣя самостоятельное управленіе; этими льготами они пользовались еще во время польскаго владычества и, съ присоединеніемъ къ Россіи, хлопочутъ о подтвержденіи своихъ старыхъ привилегій. Раньше другихъ отправляли свои посольства въ Москву съ просьбой о жалованныхъ грамотахъ Переяславъ и Кіевъ—въ 1654 г. Другіе города получили подтвержденіе своихъ грамотъ позже; такъ, Черниговъ получилъ грамоту 26 іюля 1655 г., Нѣжинъ—въ 1660 г., Стародубъ, Погаръ, Почепъ и Мглинъ—въ 1666 г., и только Полтава и Новгородъ-Сѣверскъ получили грамоты въ 1752 г.

Просьбу Новгородъ-Сѣверскихъ мѣщанъ поддержала „Розумиха", мать гетмана Разумовскаго, Наталія, обратившаяся по этому поводу съ письмомъ къ неизвѣстному какому-то Андрею Яковлевичу. Просьба мѣщанъ была удовлетворена.

Разсмотрѣвъ содержаніе грамотъ городамъ на права и вольности въ промышленности, торговлѣ, по цеховому устройству, суду и управленію, референтъ опредѣляетъ число всѣхъ привилегированныхъ городовъ въ 11, изъ коихъ 5 или 6 были полковыми, а остальные сотенными.

По поводу этого доклада д. чл. А. В. Строженко замѣтивъ, что „неизвѣстный" Андрей Яковлевичъ, къ которому обратилась граф. Наталія Разумовская, о дарованіи г. Новгородъ-Сѣверску Магдебургскаго права, былъ не кто иной, какъ Андрей Яковлевичъ Безбородко, отецъ канцлера, генеральный писарь, фактическій правитель дѣлъ Малороссіи при гетманѣ Разумовскомъ.

б) Д. чл. **Ю. А. Яворскій** сообщилъ *„Новую гипотезу о происхожденіи такъ называемой Грюнвальдской пѣсни"* (Сообщеніе напечатано въ настоящемъ выпускѣ, отд. IV).

Основная точка зрѣнія докладчика, что работа г. Щурата при всѣхъ своихъ недочетахъ, весьма важна въ смыслѣ указанія новыхъ факторовъ, съ которыми отнынѣ необходимо считаться при изученіи польской литературы, была поддержана и д. чл. В. Н. Перетцомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ дополнилъ докладъ г. Яворскаго изложеніемъ полемики между г.г. Брикнеромъ и Щуратомъ по поводу гипотезы этого послѣдняго.

VIII. Засѣданіе 25-го февраля 1907 г.

Открывая засѣданіе г. Предсѣдатель Н. П. Дашкевичъ сообщилъ о смерти д. чл. Общества *В. И. Модестова* и пригласилъ собраніе почтить память его вставаніемъ, что́ и было исполнено.

а) Поч. чл. **Ю. А. Кулаковскій** сказалъ *„Нѣсколько словъ въ память В. И. Модестова"*.

В. И. Модестовъ, новгородецъ по происхожденію, кичившійся чистотою русской крови въ своихъ жилахъ, родился въ священнической семьѣ. По окончаніи курса въ мѣстной семинаріи поступилъ въ Педагогическій Институтъ, а по его закрытіи перешелъ въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1860 году. Будучи назначенъ учителемъ латинскаго языка въ Олонецкую гимназію, В. И. черезъ годъ выдержалъ испытаніе на степень магистра римской словесности и былъ командированъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію. Защитивъ по возвращеніи изъ командировки диссертацію (К. Тацитъ и его сочиненія), В. И. занялъ каѳедру въ открывавшемся тогда Новороссійскомъ университетѣ, но уже черезъ два года покинулъ Одессу и перешелъ въ Казань. Послѣ защиты докторской диссертаціи (Письменность и періодъ царей) и пріобрѣтеніи званія ординарнаго профессора, В. И. занялъ въ 1869 году каѳедру римской словесности въ Кіевскомъ университетѣ, а вскорѣ и въ Кіевской Духовной Ака-

деміи. Дѣятельность В. И. въ Кіевѣ продолжалась до конца 77 года. Изъ Кіева В. И. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ состоялъ проф. С.-Петербургской Духовной Академіи. Оставивъ профессуру въ началѣ 80-хъ годовъ, В. И. отдался публицистикѣ; но ученые интересы, которыхъ онъ никогда не оставлялъ, привели его опять въ Одессу, гдѣ онъ и закончилъ свою преподавательскую дѣятельность. Выйдя въ отставку послѣ истеченія 25-тилѣтняго срока, службы В. И. переѣхалъ въ Петербургъ, откуда сталъ совершать поѣздки въ Италію. Во время второго своего пребыванія въ Одессѣ В. И. увлекся изученіемъ римской археологіи и посвятилъ ей всѣ свои интересы и свой литературный талантъ. Поѣздки въ Италію не казались ему достаточными, и онъ переѣхалъ навсегда въ Римъ, гдѣ и скончался. Отмѣчая даты внѣшней біографіи почившаго, докладчикъ, на основаніи записокъ В. И., публикованныхъ въ журнальныхъ статьяхъ, и воспоминаній сослуживцевъ, характеризовалъ его, какъ человѣка большихъ дарованій, отличавшагося чрезвычайной впечатлительностью. Изъ трудовъ почившаго, кромѣ диссертацій, пользуется широкой извѣстностью его курсъ поисторіи римской литературы—единственное изданіе этого рода на русскомъ языкѣ и полный переводъ сочиненій Тацита, автора, къ которому онъ относился съ особенной любовью съ юныхъ лѣтъ. Послѣднія десять лѣтъ жизни В. И. были посвящены римской археологіи, и въ этой области покойному принадлежитъ широко задуманный трудъ „Введеніе въ римскую исторію". Авторъ успѣлъ издать два тома, изъ которыхъ первый появился также еще при его жизни во французскомъ переводѣ.

По поводу этого доклада, д. чл. Г. Е. Аѳанасьевъ сдѣлалъ дополненіе къ характеристикѣ дѣятельности В. И. Модестова въ Одессѣ.

б) Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** представилъ *„Опытъ указанія литературныхъ параллелей къ „Плачу Ярославны"*.

Однимъ изъ высоко-поэтическихъ литературныхъ памятниковъ древней Руси на первомъ мѣстѣ должно быть

поставлено „Слово о полку Игоревѣ". Художественныя достоинства этого произведенія не разъ вызывали вопросъ объ ихъ выработкѣ: были-ли онѣ результатомъ самостоятельнаго развитія древне-русскаго творчества или обязаны иноземному вліянію? По мнѣнію референта, послѣднее едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, но признаніе его ни мало не уменьшаетъ достоинствъ произведенія; во всякомъ случаѣ, можно установить параллели къ „Слову" и въ его цѣломъ, и въ его частностяхъ. Референтъ остановился на одномъ изъ поэтичнѣйшихъ эпизодовъ „Слова"—на „Плачѣ Ярославны". Его не разъ уже подвергали сопоставленію съ другими плачами; связь плача съ народной пѣсней не подлежитъ сомнѣнію; интересна и литературная форма этого произведенія. Въ „Плачѣ Ярославны" ясно выступаетъ дѣленіе на строфы, чего нѣтъ въ другихъ мѣстахъ „Слова"; въ „Плачѣ" четыре скорбныхъ воззванія; построеніе строфъ подобно тому, какое мы видимъ въ „Пѣснѣ о Роландѣ"; такъ что, въ „Плачѣ Ярославны" мы имѣемъ слѣды эпико-лирической искусственной поэзіи, культиваровавшейся особыми пѣвцами. Ближайшими западными параллелями къ „Плачу" являются у насъ, какъ и на Западѣ того времени, французскіе романсы, или Chansons d'histoire XII в., и итальянскія жалобныя пѣсни XIII в.; въ нѣмецкой поэзіи извѣстны позднѣйшія подобныя же пѣсни. Въ Chansons d'histoire изображаются королевы и знатныя дамы, тоскующія объ отсутствующемъ миломъ; стихъ пѣсенъ эпическій 10-тисложный, съ цезурой послѣ 6-го слога. Референтъ изложилъ затѣмъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ, имѣющихъ, по мнѣнію изслѣдователей, историческую основу; несомнѣнно, что въ XII—XIII. вв. существовалъ особый видъ лирическаго сѣтованія женщины; онъ представляетъ собою параллель нашему „Плачу Ярославны". Если ставить „Плачъ Ярославны" въ связь съ западной лирикой рыцарскаго періода преждевременно, то вполнѣ умѣстно поднять вопросъ по поводу интереснаго совпаденія; въ „Плачѣ" и въ пѣсняхъ, женщины находятся въ разлукѣ съ мужьями; въ обоихъ одна и та-же эпико-лирическая форма; лишь въ содержаніи сѣтованій рус-

ской княгини и западныхъ grandes dames замѣчается различіе; вліяніе западныхъ пѣвцовъ на русскаго бояна было вполнѣ возможно, о томъ говоритъ само „Слово“: „ту нѣмци и венедици, ту греки и морава поють славу Святославлю, кають князя Игоря“. Вмѣстѣ съ этимъ референтъ привелъ и другія доказательства присутствія западныхъ пѣвцовъ на Руси, являвшихся сюда вслѣдствіе близкихъ сношеній русскихъ князей до-монгольскаго періода съ Западомъ.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца

IX. Засѣданіе 11-го марта 1907 г.

а) Д. чл. **В. Л. Модзалевскій** изложилъ содержаніе *„Описи лѣсовъ и пущъ, находившихся въ Черниговскомъ полку въ 1752 г."* (напечатано въ 1-мъ выпускѣ настоящей книги).

б) Чл.-кор. **Г. М. Барацъ** указалъ въ своемъ чтеніи на *„Еврейскіе источники для лѣтописныхъ сказаній о св. Владимірѣ и Рогнѣдѣ"*.

Сказаніе о Владимірѣ и Рогнѣдѣ распадается на три разсказа: 1, о сватовствѣ и женитьбѣ Владиміра на Рогнѣдѣ; 2, о неудавшемся покушеніи Рогнѣды-Гориславы на жизнь Владиміра и 3, объ отказѣ Рогнѣды отъ новаго брака съ бояриномъ и о принятіи ею монашества подъ именемъ Анастасіи.

Первый разсказъ помѣщенъ въ Лаврентьевской лѣтописи дважды: краткій подъ 980 г. и пространный подъ 1128 г., вмѣстѣ съ вторымъ разсказомъ; третій же разсказъ имѣется въ Тверской лѣтописи.

Предварительно референтъ исправляетъ текстъ перваго разсказа; мнѣніе, будто упоминаніе о приходѣ Рогволода изъ-за моря могло появиться въ началѣ XII в., въ разгаръ борьбы полоцкихъ князей съ кіевскими, онъ считаетъ шаткимъ, а замѣчаніе о Турѣ и туровцахъ, имѣвшее въ виду доказать будто-бы древнюю связь области Дреговичей съ областью Полоцкой, изъ коихъ первая была предметомъ спора между полоцкими и кіевскими князьями, въ сущности вставлено невпопадъ въ разсказъ о Рогволодѣ; мѣсто же ему въ разсказѣ о разселеніи славянскихъ племенъ; въ Архангелогородской и Софійской лѣтописяхъ разсказъ подвергся измѣненіямъ и переправкамъ съ цѣлью осмысленія его; далѣе, рѣчь Добрыни къ Владиміру и выраженія „и суть въ сапозѣхъ“, также какъ и глаголъ „розути“ (это не неопредѣленное наклоненіе, а причастіе страд. залога, множ. числа) относится къ извѣстію о войнѣ Игоря въ 945 г. съ древлянами. По исправленіи текста разсказа, референтъ, отыскивая его источникъ, находитъ таковой въ еврейской книгѣ „Сеферъга-яширъ“, а также въ книгѣ „Іосипона“ или „Іосифа—Горіанида“ (псевдо-Іосифъ“), въ разсказѣ о борьбѣ изъ-за Яніи царей Анніаса и Тургуса въ странѣ Китимъ въ г. Фуцимнѣ, гдѣ жилъ Уцу, отецъ Яніи; заимствованіе нашимъ лѣтописцемъ этого разсказа референтъ старается доказать не только общимъ сходствомъ въ содержаніи разсказовъ, но даже одинаковыми отдѣльными выраженіями и словами.

Во второмъ разсказѣ референтъ также находитъ необходимымъ сдѣлать исправленіе текста и перестановку словъ съ одного мѣста на другое; разсматривая содержаніе разсказа, онъ находитъ его заимствованнымъ изъ еврейскихъ сказаній, находящихся въ сборникѣ „Бетъ га-мидрашъ“ и въ упомянутой уже „Га-яширъ“, о царѣ Соломонѣ, доказывающемъ справедливость изреченія экклезіаста: „мужчину одного изъ тысячи я нашелъ, а женщины между всѣми

ими не нашелъ" (VII, 28), и объ отношеніяхъ патріарха Іосифа къ женѣ Потифара, царедворца Фараонова, Зелихѣ.

Въ третьемъ разсказѣ, въ свою очередь, референтъ дѣлаетъ поправки и перестановки выраженій: „дѣтьску сущу, еще и погану", „кормяще сына своего до возраста" и „постризеся въ мнишеской образъ, наречено бысть имя ей Анастасіа"; содержаніе разсказа онъ находитъ несоотвѣтствующимъ дѣйствительности и даже вымышленнымъ; но оно не придумано авторомъ собственнымъ умомъ, а вычитано изъ Талмуда, гдѣ повѣствуется о вдовѣ умершаго въ II-мъ в. по Р. Х. знаменитаго законоучителя Элазара, сына Симона бенъ Іохаса, которой его товарищъ предложилъ свою руку и сердце, но та отвергла предложеніе; рѣчь Ярослава, по мнѣнію референта сложилась подъ вліяніемъ рѣчи ребенка Потифара, а постриженіе въ монастырь Рогнѣды — подъ вліяніемъ разсказа 2-й книги Царствъ объ участи наложницъ Давида.

Въ обсужденіи этого чтенія принимали участіе члены А. А. Дмитріевскій, А. М. Лобода, Ю. А. Яворскій и А. В. Стороженко, и гость свящ. М. А. Стельмашенко, которые указали на произволъ, допущенный докладчикомъ при исправленіи текста лѣтописи, и на полную неубѣдительность приведенныхъ имъ параллелей къ лѣтописнымъ разсказамъ про Владиміра и Рогнѣду. Докладчикъ поддерживалъ настойчиво свои положенія и пріемы изслѣдованія.

X. Засѣданіе 25-го марта 1907 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ поч. чл. Ю. А. Кулаковскаго, вслѣдствіе болѣзни г. предсѣдателя Н. П. Дашкевича. Открывая засѣданіе Ю. А. Кулаковскій сообщилъ о тяжелой утратѣ, понесенной Обществомъ въ лицѣ недавно почившихъ членовъ *П. В. Голубовскаго* и

А. И. Булгакова и пригласилъ присутствующихъ почтить память ихъ вставаніемъ, что́ и было исполнено.

а, Д. чл. **Е. А. Кивлицкій** далъ общую *„Характеристику жизни и личности П. В. Голубовскаго"*.

б, Д. чл. **М. В. Довнаръ-Запольскій** отмѣтилъ *„Значеніе научныхъ трудовъ П. В. Голубовскаго"*.

в, Д. чл. **В. З. Завитневичъ** охарактеризовалъ *„Научную дѣятельность А. И. Булгакова"* въ слѣдующихъ словахъ:

Аѳанасій Ивановичъ Булгаковъ, сынъ священника Орловской губерніи, род. 21 апрѣля 1859 г. По окончаніи Кіевской Дух. Академіи въ 1885 г., тогда же назначенъ былъ преподавателемъ греческаго языка въ Новочеркасское Духовное училище, откуда въ 1887 году перешелъ въ Кіев. Дух. Академію, гдѣ сначала занималъ каѳедру общей древней гражданской исторіи, а съ 1889 г.—каѳедру исторіи и разбора западныхъ исповѣданій. Первымъ ученымъ трудомъ покойнаго была его магистерская диссертація: „Очерки исторіи методизма" (Кіевъ, 1887 г.). Трудъ этотъ появился въ двухъ выпускахъ, обнимающихъ два періода въ исторіи методизма. Періодъ первый: очерки исторіи методизма со времени его происхожденія (1729 г.) до смерти его основателя (1791 г.), и періодъ второй: съ года смерти его основателя до позднѣйшаго времени. Появившись въ Англіи въ началѣ XVIII вѣка, какъ реакція противъ крайностей деизма, методизмъ, соприкоснувшись съ гернгутіанствомъ, развился въ самостоятельную религіозную секту на почвѣ англійской національности и получилъ значительное распространеніе въ Англіи, Ирландіи, Шотландіи, Сѣверной Америкѣ и на островахъ Вестъ-Индіи. Слѣдя за исторіей методизма съ момента его возникновенія до нашихъ дней, авторъ особенно внимательно останавливается на условіяхъ его распространенія и борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами, знакомитъ съ догматическими особенностями секты и ея богослуженіемъ,

даетъ характеристику дѣятельности ея важнѣйшихъ представителей въ періодъ ея существованія, рисуетъ картину внутренней борьбы и дробленія ея во второй періодъ, и затѣмъ отдѣльно останавливается на исторіи методизма англійскаго и американскаго. Послѣ появленія въ печати труда преосвящ. Іоанна: „Изъ исторіи религіозныхъ сектъ въ Америкѣ", въ которомъ видное мѣсто отведено методизму, трудъ покойнаго Аѳанасія Ивановича является у насъ первой серьезной монографіей въ данной области, довольно полно обнимающій изслѣдуемый предметъ. Работая надъ изученіемъ методизма, авторъ неизбѣжно долженъ былъ ознакомиться и съ господствующею въ Англіи церковью, въ нѣдрахъ которой появился методизмъ. Здѣсь, конечно, ближайшая причина того, почему въ дальнѣйшей своей ученой дѣятельности покойный особенно много вниманія удѣлялъ изученію англиканства. Сюда относятся слѣдующія его сочиненія: „Стремленія англиканъ къ возстановленію древне-вселенской церкви" (1894 г.), „Новыя религіозныя преобразованія въ Англіи" (1897 г.), „Къ вопросу объ англиканской іерархіи" (1898 г.), „О законности и дѣйствительности англиканской іерархіи". (Вып. I. 1906 г.). Читая названные труды Аѳ. Ив., нельзя не замѣтить, что англиканская церковь особенно привлекала вниманіе его своимъ стремленіемъ къ возсоединенію съ нашею Православною Церковью. По этой же, очевидно, причинѣ онъ отводилъ не мало вниманія и изученію старокатоличества. Результатомъ научныхъ трудовъ покойнаго въ этой области явилось его изслѣдованіе: „Старо-католическое и христіано-католическое богослуженіе и его отношеніе къ римско-католическому богослуженію и вѣроученію" (1901 г.). Но какъ профессоръ по каѳедрѣ исторіи западныхъ исповѣданій, покойный Аѳ. Ив. по необходимости долженъ былъ заняться изученіемъ и другихъ явленій религіозной жизни, о чемъ свидѣтельствуетъ

цѣлый рядъ его работъ, каковы: О молоканствѣ (1891 г.); О религіозномъ образованіи въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ (1900 г.); Современное франкмасонство (1903 г.); О принятіи еще одного новаго догмата въ римскомъ католицизмѣ (1903 г.) и др. Состоя членомъ Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго общества, покойный не разъ предлагалъ въ его собраніяхъ чтенія, изъ которыхъ многія были напечатаны и изданы отдѣльными брошюрами; таковы: Когда нужно креститься? (1893 г.), Значеніе церкви Христовой въ жизни человѣка (1899 г.), О просвѣщеніи народовъ (1904 г.), Церковь и ея отношеніе къ прогрессу (1903 г.) и др.

д, Д. чл. **П. Н. Ардашевъ** сдѣлалъ сообщеніе объ *„Историческомъ матеріализмѣ"*; сущность его сообщенія заключается въ слѣдующемъ:

1. Въ отличіе отъ экономическаго направленія въ исторіи, историческій матеріализмъ есть нѣкоторая историко-философская и соціологическая теорія, то-есть, такая теорія, которая берется объяснить, съ извѣстной точки зрѣнія: а) послѣдовательный ходъ человѣческой исторіи и б) сущность общественно-историческаго процесса.

2. Сущность этой теоріи заключается въ монистической концепціи исторіи съ точки зрѣнія общественнаго хозяйства, какъ первоосновы всего историческаго процесса. Историческій матеріализмъ есть, по своему существу, экономическій монизмъ.

3. Въ отличіе отъ экономическаго направленія въ исторіи, возникшаго внутри исторической науки, на почвѣ чисто теоретическихъ научныхъ интересовъ,—теорія историческаго матеріализма внесена въ науку извнѣ, изъ области политики. Она, по выраженію одного изъ видныхъ представителей историч. матеріализма, „возникла на полѣ битвы" и явилась не въ результатѣ научныхъ, подсказанныхъ чисто теоретическимъ интересомъ, изслѣдованій, а въ результатѣ поисковъ

за „интеллектуальнымъ оружіемъ", которое Марксъ и его единомышленники считали нужнымъ дать въ руки революціонному пролетаріату, въ дополненіе къ оружію матеріальному. А такое происхожденіе теоріи историч. матеріализма исключало возможность той научной объективности, которая является однимъ изъ необходимыхъ предварительныхъ условій научности въ области исторіи.

4. Другой необходимой предпосылкой научности всякой теоріи, заявляющей, какъ теорія историч. матеріализма, притязаніе на универсальное истолкованіе всего содержанія исторіи, долженъ былъ быть высокій уровень научной разработки историческаго матеріала, на которомъ строится подобная теорія. А между тѣмъ это условіе какъ разъ отсутствовало въ пору возникновенія теоріи историч. матеріализма, въ виду крайне недостаточной и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи разработанности историческаго матеріала въ то время. Даже и въ настоящее время, не смотря на колоссальный шагъ впередъ, сдѣланный историч. наукой за протекшіе 50—60 лѣтъ, послѣдняя далеко не обладаетъ достаточными данными для сколько-нибудь удовлетворительнаго обоснованія теоріи, подобной историч. матеріализму; тѣмъ болѣе этотъ недостатокъ долженъ былъ сказаться 50—60 лѣтъ тому назадъ, когда вырабатывалась теорія историческаго матеріализма.

5. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ, теорія историч. матеріализма, съ научной точки зрѣнія, носила съ самаго начала и до сихъ поръ продолжаетъ носить чисто апріорный и гипотетическій характеръ. Она апріорна, потому что представляетъ собою не выводъ изъ достаточнаго и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи фактическаго историческаго матеріала, а результатъ комбинаціи нѣкоторыхъ общихъ идей,—комбинаціи, къ которой впослѣдствіи стали подгонять фактическій матеріалъ. Она гипотетична, потому

что до сихъ поръ не успѣла обосновать себя настолько солидно, чтобы получить право гражданства въ наукѣ,—превратиться изъ гипотезы въ научную теорію. И шансовъ на такое превращеніе историч. матеріализмъ не имѣетъ, такъ какъ послѣдовательные успѣхи научной исторіи служатъ скорѣе къ опроверженію этой теоріи, чѣмъ къ ея подтвержденію.

6. Въ настоящее время историч. матеріализмъ является не только старою, но и вполнѣ устарѣлою теоріею. Историч. матеріализмъ имѣлъ смыслъ и значеніе, какъ реакція противъ историческаго идеализма, но послѣ того, какъ послѣдній сданъ въ архивъ, и теорія историч. матеріализма отжила свой вѣкъ. Она представляетъ собою въ настоящее время совершенный анахронизмъ въ научномъ смыслѣ.

7. Научная несостоятельность теоріи историч. матеріализма всего нагляднѣе обнаруживается какъ разъ въ томъ, что можно назвать ея идейнымъ центромъ тяжести; въ ея монистической тенденціи, говоря короче—въ ея монизмѣ, на которомъ особенно настаиваютъ наиболѣе горячіе приверженцы этой теоріи. До сихъ поръ былъ и продолжаетъ оставаться возможнымъ лишь монизмъ метафизическій, монизмъ же научный невозможенъ по той причинѣ, что при помощи научнаго знанія нельзя свести все многообразіе міровой ли жизни, вообще, или же исторической жизни человѣчества, въ частности, къ одной основѣ, къ одному началу.

8. Это апріорное заключеніе вполнѣ подтверждается и a posteriori, путемъ анализа отдѣльныхъ элементовъ историческаго процесса. Послѣдній создается изъ взаимодѣйствія цѣлаго ряда факторовъ, не сводимыхъ къ одной общей основѣ,—не сводимыхъ въ частности къ общественному хозяйству. Нельзя свести къ послѣднему природу, ни какъ внѣшнюю среду, ни какъ силу, дѣйствующую внутри человѣческаго организма; нельзя свести къ хозяйству духовную

культуру, такъ какъ нельзя къ нему свести человѣческую психику; въ частности, нельзя свести къ хозяйству—нравственность, религію, науку, государство, національность, семью, наконецъ, нельзя объяснить съ точки зрѣнія экономическаго монизма роль личнаго начала въ исторіи.

9. Невозможность (такого) сведенія всего многообразія элементовъ исторической жизни къ одному началу, хозяйству, вынуждены были признать косвеннымъ образомъ уже сами основатели теоріи, Марксъ и Энгельсъ, а также и ихъ ученики. Это косвенное признаніе выразилось въ тѣхъ позднѣйшихъ разъясненіяхъ и оговоркахъ, которыя нашли нужнымъ сдѣлать Марксъ и Энгельсъ въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ, а равно и ихъ послѣдователи, для того, чтобы примирить теорію историч. матеріализма съ неукладывающеюся въ ея рамки историческою дѣйствительностью. Но эти оговорки идутъ въ разрѣзъ съ основной монистической идеей историч. матеріализма и въ сущности сводятъ послѣдній къ простому экономическому направленію. Но такъ какъ авторы оговорокъ продолжаютъ въ то же время настаивать на своей вѣрности основнымъ принципамъ своей теоріи, то результатомъ упомянутыхъ оговорокъ и разъясненій явилась лишь крайняя противорѣчивость, сбивчивость и путаница понятій, плодящая безконечныя недоразумѣнія и дѣлающая теорію историч. матеріализма крайне трудной какъ для пониманія, такъ и для критики. Путаница эта дошла до того, что, по словамъ одного изъ самихъ марксистовъ, въ „доктринѣ марксизма не остается почти ни одного положенія, которое бы оставалось внѣ критики и сомнѣній, какъ нѣтъ почти ниодной формулы, которая раздѣлялась бы всѣми учениками и послѣдователями“; въ себѣ самой доктрина заключаетъ наглядное свидѣтельство своей несостоятельности.

10. Очевидная непримиримость вышеупомянутыхъ разъясненій и оговорокъ съ основными идеями теоріи историч.

матеріализма, привела нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ защитниковъ ея къ попыткѣ примирить эту теорію съ историческою дѣйствительностью, безъ ущерба экономическому монизму, посредствомъ расширенія понятія производительныхъ силъ (природа, техника, математика, естественныя науки). Но вслѣдствіе такого расширенія производительныя силы сами утрачиваютъ необходимое съ точки зрѣнія монизма единство и превращаются въ сущности въ конгломератъ разнородныхъ, не сводимыхъ къ общей основѣ, факторовъ, а слѣдовательно и самый экономическій монизмъ сводится лишь къ „монизму“ термина, то-есть въ сущности къ чистой фикціи. Но такъ какъ авторы [1]) отмѣченныхъ попытокъ расширенія понятія „производительныхъ силъ“ не хотятъ признать своего разрыва съ этимъ монизмомъ, то въ результатѣ получается новый источникъ идейной путаницы и всевозможныхъ недоразумѣній.

11. Невозможность примирить теорію историч. матеріализма съ историческою дѣйствительностью безъ ущерба для той или другой, привела въ новѣйшее время многихъ писателей марксистовъ къ признанію несостоятельности этой теоріи, не смотря на тяготѣніе ихъ въ сторону этой теоріи по связи съ раздѣляемыми ими идеями марксизма въ другихъ областяхъ мысли. Этотъ фактъ служитъ наглядным опроверженіемъ двухъ ходячихъ тезисовъ марксистской литературы: 1) будто-бы отрицательное отношеніе къ себѣ теорія историч. матеріализма встрѣчаетъ исключительно лишь со стороны тѣхъ историковъ и вообще ученыхъ, которыхъ она называетъ „буржуазными“, 2) будто бы теорія историч. матеріализма составляетъ интегральную часть, которую будто

[1]) Бернштейнъ въ Германіи, Жоресъ во Франціи, Кроге въ Италіи и Баке въ Англіи. Цѣлый рядъ русскихъ эксъ-марксистовъ: Струве, Булгаковъ, Т.-Б.

бы нельзя отдѣлить, а необходимо либо принять вмѣстѣ съ остальными идеями марксизма, либо вмѣстѣ съ ними же отвергнуть.

12. Съ точки зрѣнія современнаго состоянія историч. науки, теорія историч. матеріализма, какъ отжившая, устарѣвшая, представляетъ интересъ лишь какъ одинъ изъ этаповъ въ исторіи развитія историософическихъ идей; съ точки же зрѣнія пониманія сущности историческаго движенія и историческаго процесса, она не только не имѣетъ никакого положительнаго научнаго значенія, но имѣетъ, наоборотъ, значеніе отрицательное, такъ какъ вноситъ новый элементъ путаницы и недоразумѣнія въ ту область, которая и безъ того представляетъ огромныя трудности для ея полнаго и всесторонняго научнаго освѣщенія.

Чтеніе этого доклада сопровождалось слѣдующимъ инцидентомъ:

Передъ докладомъ г. Предсѣдательствующему была передана изъ публики запиской просьба разрѣшить стороннимъ посѣтителямъ участіе въ преніяхъ по поводу доклада г. Ардашева. Г. Предсѣдательствующій, въ виду § 41 Устава Общества, не далъ такого разрѣшенія, и когда за тѣмъ было предоставлено слово докладчику г. Ардашеву, то изъ среды публики раздался протестъ противъ стѣсненія будто бы свободы обсужденія научныхъ вопросовъ. Г. Предсѣдательствующій прервалъ этотъ протестъ заявленіемъ, что слово въ собраніи настоящаго ученаго общества можетъ предоставлять только онъ, а посторонніе посѣтители не могутъ нарушать порядка засѣданія. Протестъ, однако, продолжался, обратившись въ большой безпорядочный шумъ, и часть публики демонстративно удалилась.

XI. Засѣданіе 9-го апрѣля 1907 г.

а) Д. чл. **А. А. Дмитріевскій** прочелъ сообщеніе: *„Къ предстоящему 25-лѣтнему юбилею Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества"*, изложивъ исторію возникновенія и дѣятельности этого Общества въ протекшіе 25 лѣтъ и указавъ на его значеніе для православныхъ, отправляющихся на поклоненіе Св. Мѣстамъ.

По поводу этого чтенія нѣсколько замѣчаній было высказано членами Д. В. Туткевичемъ, П. П. Соколовымъ и А. В. Стороженкомъ.

б) Д. чл. **И. М. Каманинъ** прочелъ докладъ на тему: *„Плачъ Кіевскаго лаврскаго Іереміи XVIII-го вѣка"* (напечатанъ въ 1-мъ выпускѣ настоящей книги).

Нѣсколько замѣчаній было сдѣлано д. чл. А. М. Лободой.

XII. Засѣданіе 6-го мая 1907 г.

а) Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** подвергъ разсмотрѣнію *„Думу объ Иванѣ Коновченкѣ"*.

Прочитанный авторомъ варіантъ думы объ Иванѣ Коновченкѣ замѣчателенъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, онъ наиболѣе отрѣшенъ отъ исторической окраски XVII в. и приближается къ эпосу болѣе древней формаціи. Эта историческая окраска XVII в. весьма неубѣдительна, и потому Костомаровъ относитъ думу не къ 1684 г., къ которому ее относили М. А. Максимовичъ и Ж. Паули, а пріурочиваетъ къ эпохѣ до Хмельницкаго, съ чѣмъ соглашается и М. П. Драгомановъ. По мнѣнію референта, упоминающееся въ нѣкоторыхъ варіантахъ имя корсун. полковника Хвилона (или Хвилоненка), упоминанія о походѣ подъ Тегинь и м. Крыловъ могли быть случайно сюда внесены. Лишь имя героя думы, Ивась, не измѣняется. Прозвище

же разно: Коновченко, Вдовиченко-Коновченко; Канивченко (отъ Канівець, по отцу); послѣднему варіанту прозвища надо отдать предпочтеніе, такъ какъ герой происходитъ изъ города близъ Черкассъ (Канева). Варіантъ референта какъ бы указываетъ на Подолію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы на архаичныя черты богатыря, связывающія эпосъ думъ съ богатырскими сказками и былинами (богатырская ходьба и сила); онъ напоминаетъ юныхъ героевъ киргизскихъ поэмъ, кельтскихъ сказокъ и русскаго былевого эпоса. Н. И. Костомаровъ находилъ сходство между Ивасемъ Коновченкомъ и Василіемъ Буслаевымъ. И. Н. Ждановъ относитъ думу о Коновченкѣ къ циклу пѣсенъ о погибшемъ удальцѣ. Коновченка можно сближать съ Михайликомъ, выступающимъ въ преданіи о разореніи Кіева татарами. Въ думѣ замѣчаются и моральныя наслоенія позднѣйшей среды. Согласно съ М. П. Драгомановымъ, есть основаніе считать думу „псальмой". Гибель Коновченка находится въ связи съ его неповиновеніемъ матери, съ пренебреженіемъ къ религіознымъ обычаямъ и съ его невоздержнымъ пьянствомъ и высокомѣріемъ, и этимъ дума сближаетъ Коновченка съ Алексѣемъ-поповичемъ. Въ виду всего изложеннаго, референтъ высказалъ догадку, что дума о Коновченкѣ возникла на основѣ богатырской эпохи и въ болѣе раннюю пору козачества, до XVII в., и подверглась измѣненіямъ въ деталяхъ у позднѣйшихъ хранителей думъ.

б) Д. чл. **Ю. А. Яворскій** сдѣлалъ сообщеніе: *„Къ исторіи галицко-русскаго фольклора XVIII-го вѣка"*.

Онъ представилъ подробныя свѣдѣнія о двухъ старыхъ записяхъ галицко-русскихъ народныхъ повѣрій, записяхъ, найденныхъ имъ во время поѣздки по Зап. Галичинѣ лѣтомъ прошлаго 1906 г. Первая запись—два судебныхъ дѣла, разбиравшихся въ волостномъ (зойтовскомъ) судѣ с. Вѣрхомли,

---

[1]) Думы эти напечатаны въ „Кіев. Стар." 1889 г. и 1903 г. №№ 2 и 9.

Новосандецкаго у., въ 1779 и 1781 гг.; въ дѣлахъ сохранились интересныя свѣдѣнія о колдовствѣ и его пріемахъ. Вторая запись—это сборничекъ народныхъ метеорологическихъ примѣтъ, на польскомъ языкѣ, помѣщенный на послѣднемъ (переплетномъ) листѣ метрической книги с. Перунки, Грибовскаго у., за 1778—1783 гг. Кромѣ общихъ свѣдѣній и замѣчаній объ этихъ старыхъ записяхъ, референтъ привелъ также полные тексты ихъ, причемъ указалъ для отдѣльныхъ повѣрій и примѣтъ рядъ важнѣйшихъ варіантовъ и параллелей въ русской и иноязычной этнографической литературѣ.

Замѣчанія по поводу этого сообщенія были сдѣланы членами В. А. Розовымъ, Т. Д. Флоринскимъ, В. З. Завитневичемъ и М. В. Довнаромъ-Запольскимъ.

в) Д. чл. **М. В. Довнаръ-Запольскій** сказалъ нѣсколько словъ объ открытомъ имъ *„Договорѣ рады Вел. Княжества Литовскаго съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ"*.

Этотъ документъ извлеченъ референтомъ изъ архива кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ; онъ находится среди другихъ отдѣльныхъ актовъ, переплетенныхъ въ одну книгу (№ 2893). Документъ представляетъ собою черновикъ и не оконченъ. Впрочемъ, онъ обрывается словами: „И на то все есмо дали", показывающими, что недостаетъ только даты и подписей, чего въ черновикѣ и не должно быть.

Содержаніе документа—договоръ „преднѣйшей рады" съ вступающимъ на престолъ вел. кн. Сигизмундомъ-Августомъ. До сихъ поръ подобнаго рода договоровъ и грамотъ, выдаваемыхъ радой Вел. Кн. Литовскаго отъ имени государства, мы не знали, хотя, конечно, между вступающимъ на престолъ господаремъ и представителями знати естественно каждый разъ велись предварительные переговоры, результатомъ которыхъ являлось подтвержденіе вольностей и „сво-

бодъ" шляхетства. Теперь мы знаемъ, что такіе переговоры закрѣплялись и особыми актами.

Настоящая грамота рады даетъ рядъ весьма важныхъ историко-юридическихъ положеній, на нѣкоторыя изъ нихъ и указалъ референтъ.

Преемство престола въ Литовско-Русскомъ государствѣ рада признаетъ не наслѣдственнымъ: великій князь литовскій избирается „вольными голосами". Сигизмундъ-Августъ еще при жизни отца былъ признанъ его наслѣдникомъ „за вольнымъ обраньемъ"; потомство самого Сигизмунда-Августа можетъ быть избираемо на литовскій престолъ; но можетъ быть и не избираемо. Это есть важное указаніе, такъ какъ до послѣдняго времени въ литературѣ встрѣчаются утвержденія о наслѣдственности литовскаго престола въ династіи Ягеллоновъ: это было фактомъ только.

При вступленіи на престолъ, господарь подтверждаетъ „вольности" „присягою тѣлесною". Такую присягу приносилъ и Сигизмундъ I [1]), конечно—и его предшественники. Пока затруднительно лишь выяснить процессъ избранія и тѣ коллегіи, въ которыхъ великій князь былъ избираемъ и въ присутствіи которыхъ онъ приносилъ присягу. Несомнѣнно, однако, что высшая санкція находилась въ рукахъ сейма [2]).

Изъ области государственнаго права въ разбираемомъ документѣ есть еще одна важная черта: весь документъ представляетъ собою актъ „преднѣйшей таемной рады". Изслѣдователемъ сейма и рады В. Кн. Литовскаго, г. Любавскимъ, этотъ институтъ былъ не замѣченъ, на что референтомъ и было ему указано, а въ подтвержденіе самаго факта существованія „таемной рады" были приведены нѣкоторыя данныя [3]). Отвѣчая на критическую статью референта, г. Лю-

[1]) Działynski, Zbiór praw lit., 99.

[2]) Stryjkowski, Kronika, изд. 17 г., p.

[3]) Ж. М. Н. Пр, 1901 г., № 10.

бавскій заявляетъ, что въ вопросѣ о радѣ, и послѣ этой статьи онъ считаетъ себя стоявшимъ „на правильномъ пути“ [1]). Договоръ рады—еще одно документальное возраженіе г. Любавскому, освѣщающее очень важную сторону института рады.

Что касается послѣдняго пункта договора рады съ вел. княземъ, касающагося выдѣла имѣній его потомству, то въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ выдѣломъ государственной земли, но съ подтвержденіемъ за потомствомъ великаго князя литовскихъ имѣній, принадлежавшихъ его матери и женѣ его по частному праву и перешедшихъ къ Сигизмунду-Августу [2]).

Такъ какъ мы имѣемъ черновикъ, набросокъ документа, то послѣдній вопросъ могъ бы быть о томъ, былъ ли этотъ договоръ въ дѣйствительности изданъ? Въ виду того, что подобнаго рода актъ—пока единственный, въ данномъ случаѣ трудно высказать какое либо опредѣленное сужденіе. Но вполнѣ естественно предполагать, что подобнаго рода переговоры облекались въ форму актовъ, выдаваемыхъ взаимно обѣими сторонами. Таково, напримѣръ, обязательство Сигизмунда I. Извѣстно также, что Сигизмунъ-Августъ подтвердилъ всѣ права литовско-русскаго народа на первомъ сеймѣ, собранномъ имъ послѣ своего возвращенія изъ Короны. Вполнѣ потому вѣроятно, что и разбираемый документъ не проектъ акта, но черновой его набросокъ.

Въ обсужденіи этого реферата принимали участіе члены В. З. Завитневичъ, Г. М. Барацъ, В. А. Розовъ и Н. П. Дашкевичъ.

---

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1901 г, и 2, отд. 2, стр. 382.

[2]) Довнаръ-Запольскій: Государственное хозяйство Вел. Кн. Литовскаго, стр. 150 и слѣд.—О завѣщаніи Сиг.-Авг. см. Pamiętnik Warszawski, XX, 1817, 71 и слѣд.

XIII. Засѣданіе 16-го сентября 1907 г.

Г. Товарищъ Предсѣдателя А. А. Дмитріевскій сообщилъ о кончинѣ лѣтомъ этого года дѣйств. членовъ Общества *Е. Н. Дверницкаго* и *А. А. Кочубинскаго*.

Емел. Ник. Дверницкій извѣстенъ какъ изслѣдователь древностей Волыни и, въ частности, г. Владиміро-Волынска и его окрестностей. О нихъ онъ напечаталъ свой трудъ отдѣльной книжкой, а небольшія замѣтки помѣщалъ въ журналѣ „Кіев. Старина". Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Владиміро-Волынскъ обязанъ покойному учрежденіемъ небольшого, но очень богатаго содержаніемъ музея владиміро-волынскихъ древностей при мѣстномъ православномъ братствѣ, которое процвѣтало благодаря трудамъ и заботамъ Е. Н. Дверницкаго, какъ его постояннаго предсѣдателя. При содѣйствіи братства и энергіи его предсѣдателя въ Владиміро-Волынскѣ былъ возстановленъ древній Мстиславовъ храмъ, лежавшій нѣсколько вѣковъ въ развалинахъ. Какъ членъ Общества Нестора-лѣтописца, покойный обогатилъ нашу бѣдную библіотеку пожертвованіемъ нѣсколькихъ весьма цѣнныхъ и рѣдкихъ изданій.

Заслуженный профессоръ Новороссійскаго университета *Александръ Александровичъ Кочубинскій,* болѣе 35 лѣтъ съ честью занимавшій каѳедру славяновѣдѣнія въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ, представлялъ собой крупную ученую силу и оставилъ по себѣ почетное имя среди представителей славянской науки. Обширное и разностороннее знакомство со славянскимъ міромъ, основанное на глубокомъ изученіи разныхъ отдѣловъ науки о славянствѣ и на непосредственныхъ наблюденіяхъ и изысканіяхъ во время неоднократныхъ путешествій по славянскимъ землямъ, критическій умъ, стройность изслѣдованія и изложенія—вотъ основныя черты научнаго облика почившаго нашего сочлена,

ярко выступающія въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, меньшихъ работахъ, ученыхъ и популярныхъ статьяхъ. Проф. Кочубинскій съ одинаковой любовью занимался и наиболѣе трудными вопросами славянскаго языкознанія, и исторіей западнаго славянства, особенно чеховъ, и отношеніями славянскихъ народовъ къ Россіи, и вопросомъ современной жизни славянства, наконецъ, исторіей возникновенія и развитія самой науки—славистики. Въ лицѣ А. А. Кочубинскаго славянскій міръ и русская наука понесли большую потерю.

а) Д. чл. **Т. Д. Флоринскій** сдѣлалъ докладъ о своемъ трудѣ: *„Къ вопросу о народности македонскихъ славянъ"* (напечатанъ въ 4-мъ вып. XIX-й книги „Чтеній").

Съ мнѣніемъ г. докладчика всецѣло согласился и А. І. Степовичъ. А. А. Дмитріевскій обратилъ вниманіе на необходимость считаться и съ греческимъ элементомъ, кромѣ болгарскаго и сербскаго, отмѣченныхъ Т. Д. Флоринскимъ. И. А. Сикорскій замѣтилъ, что надо также обращать вниманіе на антропологическій и психическій типъ, а не только на языкъ, и это, дѣйствительно, можетъ быть рѣшено лишь послѣ научной экспедиціи, предлагаемой авторомъ доклада.

б) Д. чл. **С. Т. Голубевъ** сообщилъ эпизодъ *„Изъ исторіи Кіево-Выдубицкаго монастыря"* (напечатанъ въ 4-мъ вып. XIX-ой книги „Чтеній").

Въ обсужденіи доклада приняли участіе члены В. З. Завитневичъ и П. П. Соколовъ.

XIV. Засѣданіе 1-го октября 1907 г.

а) Д. чл. **А. І. Степовичъ** предложилъ свое рѣшеніе на *„Вопросъ о происхожденіи и значеніи слова „изгой"* (за болѣзнью г. Степовича докладъ прочтенъ д. чл. В. И. Щербиной):

Въ первомъ томѣ полнаго собранія сочиненій К. С. Аксакова (изд. 1861 г., Москва), на стр. 25—38, находится лю-

бопытная замѣтка подъ заглавіемъ: „Родовое или общественное явленіе было *изгой*“, напечатанная первоначально въ № 97 „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1850 г. Замѣтка эта написана по поводу выхода въ свѣтъ „Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“ г. Калачова и высказаннаго тамъ мнѣнія о чисто-родовомъ значеніи слова „изгой“, тогда какъ самъ К. Аксаковъ былъ того убѣжденія, что „слово *изгой* имѣло значеніе общественное. Изгой не былъ явленіемъ родовымъ, но явленіемъ общественнымъ, гражданскимъ; это былъ человѣкъ, исключенный или самъ исключившій себя изъ общины или сословія“.

Насъ однако занимаетъ не эта сторона дѣла, а вопросъ о словопроизводствѣ и первоначальномъ значеніи слова „изгой“. Въ началѣ своей статьи г. Аксаковъ заявляетъ свое согласіе съ издателемъ вышеуказаннаго „Архива“, по мнѣнію котораго, слово „изгой“ значило: исключеніе, почему и естественна замѣна его иногда варіантомъ „изгонъ“. Такимъ образомъ слово „изгой“ приравнивается въ своемъ происхожденіи къ слову „изгонъ“ и приводится къ тому же звуковому корню, что и слова: изгонять, изгнанникъ и проч., т. е. къ корню: *гьн*. Такъ смотрятъ на дѣло и нѣкоторые другіе изслѣдователи, напр. г. Барацъ („Вѣстникъ права“ 1905 г., Ноябрь—Декабрь). Такъ ли это? Возможно ли такое словопроизводство по звуковымъ законамъ русскаго языка? Изъ корня *гьн* могло образоватьея слово: *изгонъ*, но никакъ не *изгой*, а между тѣмъ почти исключительно употребителенъ именно этотъ послѣдній обликъ: обликъ *изгонъ* (см. Татищ.-Погодин. списокъ Рус. Правды. Калачевъ: Предвар. юрид. свѣд. для объясн. Рус. Правды), кстати сказать, чисто случайный, долженъ считаться просто поправкою писца, плодомъ досужихъ его домысловъ; ему могла быть уже непонятна древняя форма, могла казаться странной или испорченной, и онъ исправилъ ее на болѣе понятную, почти созвучную, при-

томъ совершенно ясную по происхожденію и смыслу.... Поправку эту даже нельзя назвать особенно удачною, такъ какъ словомъ „изгонъ“ обозначалось въ древности отвлеченное понятіе: изгнаніе [1]).

По нашему мнѣнію, составъ слова „изгой“ таковъ: из (приставка) $+ \sqrt{\text{гой}}$; $\sqrt{\text{гой}} = \sqrt{\text{жи}}$, что̀ можно видѣть и изъ другихъ аналогичныхъ примѣровъ: пи-ти и пои-ти, по-кои-ти и по-чи-ти, за-гои-ти ся и за-жи-ти (= изцѣлиться, о ранахъ); срв. у чеховъ hojiti se = заживать, hojny = обильный; у сербовъ гоити = кормить; у поляковъ hojny = щедрый, плодоносный; въ былинахъ: „охъ, ты *гой* еси“—употребляется для вящшаго восхваленія и какъ бы пожеланія долгой жизни, какъ у сербовъ: *живіо*. Подобнаго же словопроизводства держится и Мрочекъ-Дроздовскій (Изслѣдов. о Рус. Правдѣ, прилож. ко 2 вып., стр. 75).

Такимъ образомъ слово: *изгой* могло, вѣроятно, означать первоначально понятіе, равное теперешнимъ: выжившій, неживущій, изжившій, затѣмъ уже: лишенный или лишившій себя прежнихъ правъ; выжившій (въ переносномъ значеніи); не пользующійся правами, присвоенными ему прежде; исключенный или исключившій себя изъ прежняго сословія, положенія и т. п. Теперь совершенно понятно и естественно приложеніе названія *изгой* въ древней Руси ко всякаго рода людямъ, по тѣмъ либо другимъ причинамъ *лишившимся* правъ своего рода или сословія, *переставшимъ* числиться въ прежнемъ своемъ состояніи: духовномъ („поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ“), купеческомъ („купецъ одолжаетъ“), холопскомъ („холопъ изъ холопства выкупится“), княжескомъ наконецъ (аще князь осиротѣетъ); *освобожденнымъ*

[1]) Ἐκδίωξις, expulsio, Словарь церковно-славянскаго языка А. А. Востокова.

отъ своихъ обязательствъ (= *пущеники, прощеники* въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ).

Примѣры эти взяты изъ Устава о церковныхъ судахъ новгородскаго князя Всеволода-Гавріила См. хотя бы „Хрестоматію по исторіи русскаго права“ М В.-Буданова, вып. 1-й, См. также Уставн. грамоту смолен. князя Ростислава 1150 г. Такимъ образомъ, и со стороны семазіологической, принятое нами словопроизводство представляется, кажется, вполнѣ цѣлесообразнымъ и лишено какихъ-либо натяжекъ; со стороны звукословной оно также едва-ли можетъ вызвать возраженія и, во всякомъ случаѣ, правильнѣе и естественнѣе прежняго словопроизводства (отъ $\sqrt{\text{гън}}$). Оно согласно даже и съ тѣмъ новымъ смысломъ (лихва, ростъ, %), который придается слову „изгойство“ Востоковымъ въ его извѣстномъ „Словарѣ церковно-славянскаго языка“ (стр. 298). Въ Сборникѣ XVI в. „о покаяніи“ онъ нашелъ слѣдующее мѣсто: „О горе емлющимъ изгойства: аще ли кто ималь изгойство: ти хощеть избыти вѣчныя муки, то вратити тѣмже вспять, и не поидеши въ муку, но въ жизнь вѣчную со всѣми святыми [1]), т. е.: О горе берущимъ лихву: ежели кто бралъ

[1]) Окончаніе этого мѣста таково: Якоже аще кто продаетъ челядинь, да елико на немъ давши, толико же възя; аще лише, то обрѣтается яко наклады емля и прасоля живыми душами, съ ними же на судищи стати предъ Богомъ. Тако же иже аще выкупуется на свободу, толико же дасть на собѣ, елико дали на немъ, потом же буди свободень ти да будетъ и ти начнут изгойство имати на них, то обрѣщутся придающе кровь неповиньну.—т. е.: также точно и въ томъ случаѣ, ежели кто, продавая челядина, беретъ за него столько, сколько самъ далъ; ежели же онъ возьметъ лишнее, то это выходитъ такъ, какъ если бы онъ бралъ лихву и торговалъ живыми душами, съ коими ему придется еще стать на судищѣ предъ Богомъ. Такъ же точно и ежели кто выкупается на свободу, долженъ столько дать за себя, сколько дали за него, покупая; кто же беретъ лишнее при продажѣ или выкупѣ рабовъ, такъ какъ бы кровь неповинную продаетъ. Что слово

лихву и хочетъ избавиться отъ муки вѣчныя, тотъ долженъ возвратить назадъ перебранное имъ (излишекъ); тогда не пойдешь въ муку вѣчную, но въ жизнь вѣчную со всѣми святыми". Подобное же мѣсто изъ рукописи XV в., приводимое издателемъ „Архива истор. юрид. свѣдѣній" (стр. 63), понимается и имъ и Аксаковымъ иначе, такъ какъ оба они придаютъ слову: изгойство значеніе не лихвы, роста, процента, а пребыванія, существованія въ качествѣ изгоя. Вотъ это мѣсто: „Всего же есть горѣе изгойство взимати: иже взимающеи, тіи не отдадуть опять тѣмже". По переводу „Архива" это значитъ: нѣтъ болѣе тяжкаго грѣха, какъ самовольно дѣлаться изгоемъ; кто беретъ на себя изгойство, тотъ не тѣмъ поплатится; по переводу Аксакова: кто беретъ на себя изгойство, тотъ уже назадъ отдать его не можетъ, не можетъ перестать быть изгоемъ.

Мнѣ кажется, что и въ этомъ второмъ мѣстѣ изъ рукописи XV в. слово *изгойство* правильнѣе понимать въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему Востоковъ, т. е. въ смыслѣ лихвы, роста; при такомъ пониманіи этого слова смыслъ всего мѣста получается болѣе ясный, простой и естественный: Всего же горше лихву взимать: когда кто взимаетъ и не возвращаетъ назадъ лишка, т. е. смыслъ тотъ же, что и

наклады тоже означаетъ: лихву, ростъ, процентъ, видно изъ слѣдующаго мѣста, приведеннаго изъ Сборника XVI в. въ церковно-славянскомъ словарѣ Востокова: „отверзися кунь дзати въ лихву, рекше (т е.) въ наклады... Яко же аще кто продаетъ челядинь, да елико на немъ давши, толико же възя; аще лише, то обрѣтается яко наклады емля—т. е. удержись (остерегись?) давать куны (деньги) въ ростъ... Это все равно, какъ ежели кто, продавая челядина, беретъ за него столько, сколько самъ далъ; иначе поступивъ, т. е. взявши лишнее, онъ взялъ бы въ сущности ростъ. При сопоставленіи всѣхъ приведенныхъ примѣровъ становится окончательно ясно, что слова: лихва, изгойство, наклады—совершенно однозначащи.

въ примѣрѣ, приведенномъ въ церковно-славянскомъ словарѣ Востокова.

Переходъ въ словѣ изгойство отъ понятія *изжитости, изгубленности* къ понятію о взиманіи лихвы, роста, процента за данныя въ долгъ деньги, съ точки зрѣнія семазіологіи вообще вполнѣ возможенъ, такъ какъ съ понятіемъ о ростовщичествѣ легко связывается и понятіе о той крайности, „изжитости", лишеніи всякихъ средствъ и проч., которыя вынуждаютъ кого-либо обратиться къ услугамъ ростовщика. Наконецъ, приводимое въ выноскѣ мѣсто изъ сборника XVI вѣка, при сопоставленіи съ приведенными раньше примѣрами, прямо указываетъ на тождественность значенія словъ: лихва, изгойство, наклады: всѣ они означаютъ ростъ, процентъ.

Должно, однако, сознаться, что объясненіе значенія слова *изгойство* въ смыслѣ роста, процента неизбѣжно производитъ впечатлѣніе нѣкоторой натянутости, такъ какъ и самое происхожденіе этого значенія отъ $\sqrt{\text{гой}} = \sqrt{\text{жи}}$ нѣсколько неожиданно. Впрочемъ, повторяю, невозможнаго въ нашемъ объясненіи нѣтъ ничего, такъ какъ подобные и даже еще болѣе неожиданные, странные и, казалось бы, даже необъяснимые переходы значеній, семазіологическія, такъ сказать, эволюціи, не представляютъ собою въ исторіи языка ничего удивительнаго. Явленія эти прямо вызываются тѣмъ несоотвѣтствіемъ между количествомъ понятій и числомъ служащихъ для ихъ внѣшняго выраженія словъ, какое неизбѣжно наблюдается въ исторіи всякаго языка и является необходимымъ послѣдствіемъ того закона человѣческаго развитія, въ силу котораго развитіе мысли совершается обыкновенно быстрѣе, чѣмъ развитіе языка, и число словъ въ языкѣ всегда менѣе числа понятій, чѣмъ и объясняется, напримѣръ, появленіе такъ называемыхъ омонимовъ.

б) Д. чл. **А. А. Дмитріевскій** сдѣлалъ сообщеніе *„О паломническихъ караванахъ въ Назаретъ на праздникъ Благовѣщенія“*.

21 мая текущаго года праздновался юбилей Императорскаго Русскаго Палестинскаго Общества. Юбилей прошелъ блѣдно и незамѣтно, въ виду теперешняго увлеченія политикой, и по этой причинѣ на страницахъ газетъ ему мало было удѣлено мѣста; но прошелъ онъ въ высшей степени торжественно. 1-й день праздновался въ Петергофѣ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, а 2-й день прошелъ въ Петербургѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Высочества В. К. Елисаветы Ѳеодоровны. На имя предсѣдателя былъ данъ Высочайшій рескриптъ; съ Востока была получена масса телеграммъ, отъ русскаго общества было принесено множество адресовъ; отъ разныхъ государственныхъ учрежденій Императорскимъ Русскимъ Палестинскимъ Обществомъ получены благодарности за благотворительность, оказываемую обществомъ, за литературные труды и за заслуги Общества въ области международной политики. Многіе не знаютъ, почему такъ отзывчиво было русское общество и какъ нужно благотворительное учрежденіе на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ массы русскихъ паломниковъ передвигаются по Святой Землѣ цѣлыми караванами. Многіе думаютъ, что тамъ вѣчно цвѣтутъ цвѣты, что тамъ благораствореніе воздуховъ, что въ Святой Землѣ постоянный рай. На самомъ дѣлѣ природа тамъ очень капризна. Сегодня, напр., тамъ стоитъ жгучій жаръ, свѣтитъ солнце, а на другой день начинается снѣжный буранъ, и проливной дождь образуетъ непроходимые потоки. При такихъ условіяхъ несчастій съ паломниками много. Истекшій годъ послѣ Пасхи тоже чуть было не ознаменовался громаднымъ несчастіемъ. Затѣмъ, проф. А. А. Дмитріевскій, какъ примѣръ, рисуетъ приключенія одного Благовѣщенскаго каравана, вышедшаго въ На-

заретъ 24 марта 1893 г.; въ караванѣ было 532 женщины и около 300 мущинъ; сопровождали караванъ фельдшеръ, священникъ, 2 проводника и 2 каваса, или жандарма, данные мѣстнымъ губернаторомъ. Караванъ выступилъ въ солнечный, веселый, весенній день съ разными предосторожностями. Со стороны общества были приняты такія предосторожности, какъ сопровожденіе каравана вьючными животными; обыкновенно полагается одинъ мулъ на 25 человѣкъ. Караванъ благополучно достигъ Назарета и рѣшилъ продолжать путь дальше. Погода стояла великолѣпная. Но какъ только караванъ выступилъ, погода начала рѣзко мѣняться: подулъ холодный вѣтеръ и пошелъ сильный дождь. Начальникъ каравана фельдшеръ Ивановъ совѣтовалъ подождать въ Назаретѣ; около 100 благоразумныхъ женщинъ остались въ Назаретѣ, а остальные рѣшили продолжать путь въ Тиверіаду. Подъ сильнымъ дождемъ караванъ достигъ вершины горы Ѳаворъ, гдѣ остановился въ греческомъ Преображенскомъ монастырѣ. Дождь не переставалъ лить и обратился въ градъ. Фельдшеръ Ивановъ совѣтовалъ возвратиться, но караванъ требовалъ продолжать путь до Тиверіады. Дороги сдѣлались непроходимы, но тѣмъ не менѣе караванъ съ большимъ трудомъ достигъ Тиверіады, гдѣ расположился въ русскомъ домѣ и греческомъ монастырѣ. Караванъ ни за что не хотѣлъ возвращаться въ Назаретъ и, несмотря на тяготы, достигъ Каны Галилейской. Тамъ въ греческомъ монастырѣ, по преданію, сохранились будто-бы два кувшина, въ которыхъ Іисусъ Христосъ претворилъ воду въ вино на брачномъ пиру. Мѣстные священники наливаютъ красное вино и поятъ русскихъ паломниковъ въ благословеніе отъ монастыря и пожинаютъ обильную жатву. Затѣмъ путь идетъ до Буркина и идетъ по долинѣ, покрытой роскошной растительностью; она особенно привлекательна для русскаго человѣка, привыкшаго къ степи. Но когда начинают-

ся дожди эта долина превращается въ море. До Буркина караванъ дошелъ благополучно; отсюда онъ выступилъ 17 числа; въ этотъ день въ Іерусалимѣ пронеслась снѣжная буря, покрывшая окрестности непроходимымъ снѣгомъ. Ивановъ напрасно требовалъ, чтобы караванъ не выступалъ. Но паломники не хотѣли и слушать; всѣ рвались въ Іерусалимъ. Нѣкоторые понемногу начали выступать, за ними потянулись остальные и караванъ растянулся на огромное пространство. Когда паломники отошли на нѣкоторое разстояніе, то полилъ сильный дождь съ градомъ величиной въ голубиное яйцо и лилъ въ теченіе $2^1/_2$ часовъ. Укрыться было негдѣ. Сильнѣйшіе бѣжали впередъ, слабѣйшіе падали; громадные дождевые потоки неслись неудержимо, смывая все на своемъ пути. Часть каравана свернула въ ближайшую турецкую деревню Любань; но турки враждебно встрѣтили русскихъ паломниковъ; только при видѣ ужаснаго состоянія богомольцевъ, сжалились надъ ними и оказали нѣкоторую помощь. Большую услугу оказалъ мѣстный греческій священникъ, давъ богомольцамъ маленькое помѣщеніе и сарай, въ который загонялся скотъ. Вскорѣ прибылъ фельдшеръ Ивановъ и началъ подавать помощь потерпѣвшимъ, причемъ изъ числа полузамерзшихъ больныхъ умерло 23 женщиины. Другая часть каравана попала въ другую деревню Санъ-Дисэкъ, гдѣ Ивановъ засталъ 44 человѣка въ очень тяжеломъ состояніи. Изъ Любани Ивановъ отправилъ вѣстового въ Іерусалимъ за помощью, а самъ осмотрѣлъ дорогу, по которой шли паломники, и нашелъ еще 3 трупа. Въ Іерусалимѣ въ этотъ день тоже была ужасная буря, и никто изъ арабовъ не хотѣлъ подавать помощь. Русскій консулъ послалъ кавасовъ, которые собрали достаточное число муловъ. До Рамаллы многимъ изъ паломниковъ было предложено ѣхать на мулахъ, но нѣкоторые отказывались, говоря, что грѣшно ѣздить по той землѣ, по

которой когда-то ходилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Рамалла—послѣдняя станція передъ Іерусалимомъ. На встрѣчу этому каравану выступилъ весь Іерусалимъ. Дѣйствительно, зрѣлище было ужасное; одинъ только имѣлъ на ногахъ разбитые опорки, остальные были босы. Между прочимъ, вышли встрѣчать караванъ и другіе русскіе паломники, пришедшіе сюда раньше; измученные странники при видѣ своихъ земляковъ лишались чувствъ, многіе-же падали на колѣни и благодарили Бога.

Референтъ представилъ и другую картину: мартъ мѣсяцъ дѣлаетъ Палестину красавицей. Богомольцы выступаютъ съ пѣснями въ тишинѣ и совершаютъ путь въ молитвѣ. Въ Назаретѣ паломники посѣщаютъ мѣстныя святыни. Жители Назарета обыкновенно готовятся къ встрѣчѣ паломниковъ, и во время пребыванія въ немъ паломниковъ Назаретъ превращается въ русскій городъ. Тамъ существуетъ нѣсколько русскихъ школъ со значительнымъ русскимъ персоналомъ. Это Императорское Русское Палестинское Общество съ цѣлью доставить удобство русскимъ паломникамъ, насаждаетъ русскій языкъ, а населеніе, съ цѣлью полученія для себя выгодъ, изучаетъ его. Школьники окружаютъ нашихъ богомолокъ, являются проводниками и пѣніемъ православныхъ молитвъ приводятъ въ умиленіе женщинъ; но чаще всего масса ихъ является назойливыми попрошайками. Празднества особеннаго ничего не представляютъ, время проходитъ въ молитвѣ.

По поводу этого доклада замѣчанія были сдѣланы д. чл. Г. Е. Аѳанасьевымъ.

Въ настоящемъ засѣданіи членами Ревизіонной Комиссіи для повѣрки кассы и библіотеки Общества избраны:

поч. чл. *Ю. А. Кулаковскій* и дѣйств. *А. В. Стороженко* и *Н. В. Стороженко.*

XV. Засѣданіе 14-го октября 1907 г.

а) Д. чл. **И. В. Шаровольскій** сообщилъ *„Объ одномъ изъ эпизодовъ Тидрекъ-саги"*.

Г. Стормъ усмотрѣлъ въ Тидрекъ-сагѣ отзвуки борьбы королей Оттона II и III и Генриха II со славянами. Пытаясь продолжить работу Сторма, авторъ доклада обращаетъ вниманіе на разсказъ скандинавскаго памятника объ увозѣ Эрки, дочери Озантрикса, маргрофомъ Рудольфомъ (ср. Тидрекъ-сага, изд. Ушера, стр. 48—56). Этотъ разсказъ совпадаетъ въ общемъ съ сообщеніемъ Видукинда о возстаніи Вихмана (ср. Monumenta Germaniae Historica, lib. III, 50, 51, 52). Сходство между историческимъ свидѣтельствомъ и сагой достаточно велико, такъ что признать его случайнымъ едва-ли возможно; къ тому же, различія находятъ вполнѣ удовлетворительныя объясненія.

Поэтому, есть основаніе предполагать, что устный разсказъ о Вихманѣ послужилъ однимъ ихъ источникомъ Тидрекъ-саги. Это положеніе подтверждается также отчасти и сходствомъ въ названіяхъ двухъ крѣпостей, изъ которыхъ одна—Snithleiscranne—встрѣчается у Видукинда, а другое—Marcstein—въ Тидрекъ сагѣ.

По поводу этого доклада нѣсколько замѣчаній было сдѣлано д. чл. А. М. Лободой.

б) Д. чл. **П. П. Соколовъ** разсмотрѣлъ вопросъ: *„Былъ-ли митрополитъ Исидоръ папскимъ легатомъ для Москвы?"* (напечатано въ настоящемъ выпускѣ).

---

1) Въ настоящемъ засѣданіи избранъ въ дѣйствительные члены общества *Иванъ Павловичъ Козловскій,* а д. чл. *Т. Д.*

Флоринскій открытымъ голосованіемъ единогласно возведенъ въ почетные члены.

2) Слушали: предложеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, отъ 8 іюня 1907 г. за № 889, принять участіе въ составленіи свода малорусскихъ пѣсенъ и другихъ памятниковъ малорусской этнографіи.

Постановили: довести объ этомъ, посредствомъ повѣстокъ, до свѣдѣнія гг. членовъ Общества и членовъ Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ г. Черниговѣ XIV Археологическаго Съѣзда лѣтомъ 1908 г.

3) Слушали: заявленіе поч. чл. *Н. П. Дашкевича* о сложеніи имъ съ себя, по случаю тяжкой болѣзни, обязанностей предсѣдателя Общества Нестора-лѣтописца.

Постановили: по этому поводу выразить чрезъ особую депутацію Н. П. Дашкевичу глубокое сожалѣніе Общества и принесть горячую благодарность за понесенные имъ для Общества труды.

XVI. Засѣданіе 28-го октября 1907 г.

Въ настоящемъ торжественномъ годичномъ засѣданіи Общества г. Секретаремъ **А. М. Лободой** былъ представленъ *„Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца въ 35-мъ году его существованія, т. е. съ 27 октября 1906 г. по 27 октября 1907 года“* (будетъ напечатанъ въ слѣдующемъ выпускѣ этой книги).

Затѣмъ, д. чл. **В. З. Завитневичемъ** была произнесена рѣчь: *„О значеніи великой Московской смуты въ исторіи до-Петровской Руси“*.

Прямой взглядъ науки на причины, вызвавшія и поддерживавшія смуту, въ позднѣйшее время значительно расширился и восполнился. Не отрицая значенія такихъ фактовъ, какъ прекращеніе династіи, стихійныя бѣдствія, интриги

иноземцевъ и проч., позднѣйшая историческая наука центръ тяжести при изученіи смуты переноситъ на вопросъ о политическомъ и соціально-экономическомъ положеніи общественныхъ классовъ, какъ оно сложилось въ Московскомъ государствѣ къ концу XVI-го вѣка. Постоянныя войны потребовали созданія сильнаго служилаго класса, а характеръ организаціи и матеріальнаго обезпеченія этого класса вызвалъ значительныя соціально-экономическія перемѣны, состоявшія, между прочимъ, въ разстройствѣ прежнихъ крестьянскихъ и посадскихъ міровъ, въ практическомъ закрѣпощеніи части крестьянства и въ значительномъ ухудшеніи экономическаго положенія всѣхъ вообще тяглыхъ классовъ. Къ концу XVI в. среди тяглыхъ людей немного было лицъ, которые довольны были бы своимъ состояніемъ. Тѣмъ не менѣе починъ къ выходу изъ такого тяжелаго положенія возникъ не среди тяглыхъ классовъ, а на самомъ верху общественнаго организма, въ средѣ боярской, у которой были свои особенно-острыя причины къ недовольству. Начало самовластія, которымъ стали проникаться московскіе государи подъ вліяніемъ татарщины и Византіи, во вторую половину царствованія Ивана Васильевича Грознаго проявилось въ чудовищныхъ формахъ азіатскаго деспотизма. Боярскій классъ, бывшій сознательнымъ выразителемъ исконныхъ, вѣками сложившихся воззрѣній русскаго народа на государственную власть, прежде всего и больше всего испыталъ на себѣ ужасы новаго порядка вещей. Подъ вліяніемъ возникшаго при такихъ условіяхъ недовольства, въ боярской средѣ зародилась мысль объ искорененіи „кровопійственнаго рода“ московскихъ Даниловичей, послѣднимъ представителемъ которыхъ былъ угличскій царевичъ Димитрій; а когда послѣдняго не стало, въ той же боярской средѣ возникла мысль добиться, при посредствѣ самозванца, ограниченія царской власти, мысль, нашедшая свое осуществленіе въ возведеніи на престолъ В. И.

Шуйскаго. Но узкій эгоизмъ боярскихъ стремленій и разнузданность разыгравшихся страстей втянули въ смуту и низшіе классы, имѣвшіе, какъ сказано было, свои причины къ недовольству своимъ положеніемъ. Усилившеюся смутой воспользовались сосѣднія государства; все это вмѣстѣ взятое привело Московское государство на край гибели. Но здоровые элементы народной жизни, проявившіеся въ горячемъ патріотизмѣ, подъ вліяніемъ глубокаго религіознаго чувства, нашедшаго свое выраженіе въ разнаго рода „видѣніяхъ“ и „откровеніяхъ“, привели въ движеніе лучшія силы народа, которыя и спасли государство.

Существеннымъ результатомъ смуты было осужденіе *самовластія* и утвержденіе „самодержавія“, по идеѣ котораго царь долженъ былъ управлять государствомъ при помощи Боярской Думы и Земскаго Собора, недоразвившагося, впрочемъ, до строгоорганизованнаго, правильно и постоянно дѣйствующаго учрежденія.

Отдѣлъ II.

Сообщенія и изслѣдованія.

Плачъ Кіевскаго лаврскаго Іереміи

конца XVIII вѣка.

Этотъ плачъ монаха Кіево-Печерской лавры конца XVIII вѣка Іереміи мало походитъ на извѣстный „Плачъ“ ветхозавѣтнаго пророка Іереміи. Ветхозавѣтный „Плачъ“—высоко-художественное поэтическое произведеніе; монашескій же плачъ XVIII в. этого качества, къ сожалѣнію, вовсе не имѣетъ. Между ними чисто внѣшнее сходство лишь въ планѣ изложенія, т. е. въ томъ, что какъ первый, такъ и второй, заключая въ себѣ описаніе въ началѣ бѣдственнаго положенія, первый—Израильскаго народа, а второй—монастырской братіи, заканчиваются оба обращеніемъ къ Богу съ мольбой объ избавленіи отъ этихъ бѣдствій. Лаврская администрація XVIII в. также рѣшительно не признавала произведенія своего монаха Іереміи поэтическимъ плачемъ, а именовала его въ оффиціальной перепискѣ „пасквильными стихами“ „слогу Іереміина“, служащими къ „ругательству и посмѣянію“ „въ немалую лаврѣ обиду“.

Эти стихи „слогу Іереміина“ послужили даже поводомъ къ оффиціальной перепискѣ между архимандритомъ лавры Зосимой [1]), Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ [2]) и Кіевской

[1]) Зосима Валькевичъ былъ архимандритомъ лавры въ 1762—1786 гг.

[2]) Ѳеодоръ Матвѣевичъ Воейковъ управлялъ Кіевской губерніей въ 1766—1776 гг.

губернской канцеляріей и едва-было не сдѣлались предметомъ судебнаго разбирательства. Вся цѣль этой переписки и сводилась именно къ тому, чтобы не допустить дѣла до разбора въ свѣтскомъ судѣ, а рѣшить его въ судѣ духовномъ, согласно съ Правилами св. отецъ, указами Св. Синода да Духовнымъ регламентомъ; если бы же этого не удалось достигнуть, то доказательно представить губернской канцеляріи вину Іереміи и просить о суровомъ его наказаніи.

Переписка эта сохранилась въ старыхъ дѣлахъ Центральнаго архива Университета св. Владиміра, откуда нами и заимствована; мы нашли это дѣло также и въ архивѣ лавры, гдѣ оно хранится подъ № 445.

Началась переписка по слѣдующему поводу, совершенно не имѣвшему никакого отношенія къ „пасквильнымъ стихамъ“: въ концѣ 1772 или въ началѣ 1773 г. на польской границѣ былъ задержанъ лаврскій монахъ Епифаній, провозившій тайно, помимо таможни, изъ Австріи пять „анталовъ“ Венгерскаго вина [1]). Задержанный монахъ былъ арестованъ и привлеченъ Кіевской губернской канцеляріей къ отвѣтственности [2]). При допросѣ монахъ Епифаній показалъ, между прочимъ, что онъ происходитъ „изъ раскола“ и, по поступленіи въ монастырь, былъ назначенъ смотрителемъ лаврскаго трактира въ г. Васильковѣ, тогда пограничномъ, гдѣ находился и „форпостъ“; въ его обязанности, какъ смотрителя, входила забота между прочимъ и о восполненіи расходуемыхъ въ трактирѣ водокъ, винъ, „чаевъ, кофіевъ“ и

---

[1]) Въ пострадавшемъ отъ гніенія дѣлѣ Центральнаго архива названіе мѣры вина нельзя разобрать; въ дѣлѣ же лавры, хорошо сохранившемся, читается ясно „анталовъ“. „Анталъ“—боченокъ въ $7^1/_2$ ведеръ; такимъ образомъ, Епифаній провозилъ $37^1/_2$ ведеръ вина, т. е. безъ малаго сорокаведерную бочку.

[2]) Въ архивѣ лавры дѣло Епифанія сшито недавно вмѣстѣ съ дѣломъ Іереміи; оно представляетъ собой огромный томъ въ 400 листовъ и заключаетъ въ себѣ много характерныхъ для своего времени чертъ бытовой жизни монашества; въ не продолжительномъ времени мы сообщимъ содержаніе этого интереснаго дѣла.

всякихъ съѣстныхъ припасовъ; за покупкой ихъ онъ часто отправлялся въ ближайшія мѣстности за границу; въ одну изъ такихъ поѣздокъ ему поручено было и пріобрѣтеніе для лаврской братіи Венгерскаго вина; порученіе ему было дано словесно, что и доставило возможность впослѣдствіи лаврской администраціи отговариваться невѣдѣніемъ. Спрошенъ былъ по этому поводу архимандритъ Зосима; но онъ отрицалъ всякое свое участіе въ порученіи и всю вину возлагалъ на самого Епифанія, который пріобрѣлъ будто-бы вино за границей для себя и для какихъ-то своихъ цѣлей. Однако, не можетъ не показаться страннымъ какъ самый отпускъ изъ лавры монаха въ далекую за-границу, такъ и пріобрѣтеніе имъ будто-бы для себя столь большого количества дорогого вина. Изъ лаврскаго дѣла о провозѣ корчемнаго вина Епифаніемъ оказывается, что послѣдній, дѣйствительно, письменнаго распоряженія собора лавры не имѣлъ, а исполнялъ лишь словесное порученіе старшей братіи, желавшей подешевле имѣть такое вино для себя. Этой ссылки Епифанія старшая братія, однако, на себя не приняла; виновнымъ являлся одинъ Епифаній; ему грозила серьезная и тяжелая отвѣтственность; облегчить эту отвѣтственность Епифанію и взялся одинъ изъ монашествующей братіи—Іеремія. Кто былъ этотъ Іеремія въ мірѣ, не видно изъ дѣла; только въ одной изъ челобитныхъ, не называя своей фамиліи, онъ говоритъ, что отецъ его служилъ сержантомъ гвардіи, что самъ онъ также находился въ военной службѣ, въ которой оставался до конца Прусской войны въ 1763 г., когда, получивъ оберъ-офицерскій чинъ, вышелъ въ отставку и поступилъ въ лавру на послушаніе. По истеченіи пяти лѣтъ, т. е. въ 1768 г., онъ принялъ постриженіе; вскорѣ его назначили коммиссаромъ по продовольствію переходившихъ черезъ Кіевъ войскъ; судя по почерку, какимъ написаны въ лаврскомъ дѣлѣ показанія Іереміи, онъ былъ по происхожденію малороссъ, получившій образованіе въ Кіевской академіи. Изъ сохранившейся переписки и изъ „пасквильныхъ стиховъ“ можно заключить, что Іеремія былъ человѣкомъ съ

сильнымъ характеромъ и аскетомъ, который искалъ въ монастырѣ уединенія отъ мірскихъ заботъ и спасенія души; между тѣмъ, по назначенію духовнаго собора лавры, ему пришлось заняться повѣркой выручки въ лаврскихъ шинкахъ и трактирахъ; этимъ назначеніемъ было грубо нарушено религіозное настроеніе Іереміи, хотя оно (т. е. назначеніе) и свидѣтельствовало о большомъ довѣріи къ Іереміи со стороны лаврской администраціи. До поры, до времени Іеремія терпѣливо несъ и это послушаніе. Дѣло собрата Епифанія переполнило чашу его терпѣнія, и онъ отъ своего имени и отъ имени монаха Епифанія подалъ въ Кіевскую губернскую канцелярію три „съ язвительными и поносительными словами челобитныя", въ которыхъ „разныя на оную лавру наносилъ клеветы", разъясняя слѣдователямъ неосновательность сообщеній архимандрита и указывая дѣйствительную причину покупки Венгерскаго вина Епифаніемъ, ставшимъ жертвой несчастливо сложившихся обстоятельствъ переѣзда его черезъ границу. Не довольствуясь этимъ, Іеремія написалъ „пасквильные стихи" и ихъ самъ и „чрезъ вспомогателей разсѣялъ по окрестностямъ въ немалую лаврѣ обиду", о чемъ архимандритъ Зосима сообщилъ генералъ-губернатору и губернской канцеляріи для характеристики дерзкаго обличителя. Можно думать, что генералъ-губернаторъ, принимая это сообщеніе, какъ жалобу на Іеремію, просилъ доставить ему эти, такъ глубоко огорчившіе лаврскую администрацію, стихи, для привлеченія виновнаго къ отвѣтственности. Архимандритъ, исполняя эту просьбу и препровождая упомянутые стихи генералъ-губернатору при своемъ письмѣ къ нему, отъ 30-го апрѣля, поясняетъ, во 1-хъ, что стихи были написаны еще въ февралѣ мѣсяцѣ этого же (1778-го) года и „разсѣяны" между лаврской братіей, принадлежавшей, вѣроятно, подобно самому автору, къ лаврской оппозиціи и съ большимъ интересомъ читавшей и копировавшей преслѣдуемые начальствомъ стихи, экземпляры которыхъ были найдены даже въ келіяхъ соборнаго старца Рафаила и другихъ іеро-

монаховъ; во 2-хъ, что въ лаврѣ было произведено слѣдствіе какъ объ авторѣ стиховъ, такъ и о степени „разсѣянія“ ихъ среди братіи, и съ этой цѣлью были произведены, вѣроятно, обыски въ келіяхъ мало внушавшихъ къ себѣ довѣрія монаховъ. На слѣдствіи монахъ Іеремія призналъ себя авторомъ стиховъ, но не соглашался съ именованіемъ ихъ пасквильными, доказывая это тѣмъ, что стихи не были анонимны, не расклеивались имъ по улицамъ на заборахъ и никому не были подбрасываемы; напротивъ, онъ лично распространялъ ихъ между братіей и одинъ экземпляръ послалъ даже члену Кіевской губернской канцеляріи, „губернаторскому товарищу“ Флерову, который, съ своей стороны, также распространялъ стихи между монахами; далѣе, въ 3-хъ, архимандритъ жалуется генералъ-губернатору на губернскую канцелярію, которая приняла Іеремію, вслѣдствіе его заявленія о возможности со стороны лавры физическихъ насилій надъ его личностью, въ свое особое „защищеніе“, когда лаврская администрація, убѣдившись въ разныхъ „непорядочествахъ“ Іереміи, обязана была „Правилами святыхъ отецъ, Духовнымъ регламентомъ и синодальными указами“ такихъ монаховъ „къ дальнѣйшей развращенности“ не допускать, и что губернская канцелярія совершила такимъ образомъ „небывалое“ присвоеніе власти, „собственно лаврѣ принадлежащей надъ духовными людьми“; въ 4-хъ, архимандритъ жалуется, наконецъ, что Іеремія продолжаетъ оставаться въ „охраненіи“ канцеляріи, которая съ этой цѣлью „въ монашеское обитаніе“ ввела даже „въ военномъ виду“ (т. е. вооруженнаго) солдата, а между тѣмъ этотъ „охранительной“ солдатъ служитъ „вспомогателемъ“ Іереміи къ „разсѣянію“ его стиховъ „по окрестностямъ“; въ заключеніе архимандритъ проситъ, чтобы и „сочинитель“ „по правосудію законовъ“ былъ „подверженъ штрафу“ и находящійся при немъ „охранительной“ солдатъ не былъ оставленъ „безъ оштрафованія“, ибо этимъ произведено „болѣе затрудненій правительству“ и „причинено лаврѣ обиду“.

Но Іеремія не унимался и продолжалъ свое сочинительство, а „охранительной“ солдатъ помогалъ „разсѣянію“ его произведеній, которыя были уже теперь „двохъ сортовъ“, къ сожалѣнію не оказывающихся ни въ лаврскомъ дѣлѣ, ни въ дѣлѣ Центральнаго архива. Архимандритъ лавры, отъ 10-го мая, извѣщалъ генералъ-губернатора о дальнѣйшихъ обстоятельствахъ дѣла и о мѣрахъ, принятыхъ духовнымъ соборомъ лавры по отношенію къ Іереміи; такъ, послѣдній былъ лишенъ должности коммиссара, которая передана іеродіакону Амфилохію, а іеромонаху Кириллу и послушнику „Василю“ Гергелю поручено потребовать отъ Іереміи сдачи находившейся у него „въ вѣдѣніи“ денежной суммы и провѣрить его бухгалтерію; между тѣмъ, вмѣсто дѣла, неугомонный монахъ Іеремія занималъ этихъ лицъ тѣмъ, что читалъ каждому „порознь“ „двохъ сортовъ такіе-же противъ лавры поносительные стихи“; въ тоже время онъ продолжаетъ сноситься съ губернской канцеляріей, въ которую отправилъ между прочимъ чрезъ солдата какую-то писанную бумагу; при выходѣ изъ монастыря, солдатъ былъ обысканъ, и у него „отобраты“ три „представленія“; подлинниковъ этихъ представленій въ дѣлахъ не оказывается и содержаніе ихъ не опредѣляется; только изъ дальнѣйшей переписки да показаній виновнаго въ лаврскомъ судѣ мы узнаемъ, что въ одномъ изъ этихъ представленій Іеремія проситъ канцелярію переслать въ Св. Синодъ его прошеніе о переводѣ изъ лавры въ одинъ изъ сѣверно-русскихъ „безмолвствующихъ“ монастырей. Поэтому, архимандритъ снова заявляетъ генералъ-губернатору, что если солдата „отъ сюду вскорѣ не будетъ взято, то и большія могутъ быть затрудненія, съ немалою лаврѣ противу законовъ обидою“.

Подробности объ обыскѣ солдата сообщаетъ прапорщикъ Шевыринъ, исправлявшій при губернской канцеляріи „экзекуторскую должность“. Онъ говоритъ въ своемъ „репортѣ“, что монахъ Іеремія поручилъ солдату передать въ губернскую канцелярію только одни „доношенія“ по своему дѣлу, что въ лаврѣ обращаются съ людьми весьма су-

рово, что монахи, „терзая ево, солдата“, вырвали у него бумаги и отнесли, куда—неизвѣстно, и что, наконецъ, этотъ солдатъ (Артемій Селинъ) больше недѣли „держанъ былъ отъ лаврскаго экономиста“ (эконома) подъ карауломъ.

Мѣстныя власти, видимо, долго стояли на сторонѣ автора „пасквильныхъ стиховъ“; но въ концѣ концовъ дѣло приняло все-таки благопріятный для лавры оборотъ: Епифаній признанъ виновнымъ въ провозѣ корчемнаго Венгерскаго вина лично для себя, безъ вѣдома лаврскаго начальства, а относительно Іереміи было найдено,что, онъ, дѣйствительно, долженъ подлежать духовному суду одной лавры. Но, вѣроятно, генералъ-губернаторъ выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе (къ сожалѣнію, письмо его объ этомъ къ архимандриту лавры не сохранилось) знать, чѣмъ и какъ будетъ рѣшено дѣло Іереміи, потому что архимандритъ Зосима сообщаетъ генералъ-губернатору, въ письмѣ отъ 15 мая, что дѣло Іереміи разобрано, наконецъ, духовнымъ судомъ лавры, который нашелъ, 1, что Іеремія, подавая въ губернскую канцелярію „съ язвительствами и клеветами доношенія“ и сочиняя „пасквильные стихи“, выступилъ „съ предѣловъ правилъ святыхъ отецъ“ и тѣмъ „сопротивляется своей командѣ“; 2, что онъ, зная о безпошлинномъ провозѣ Венгерскаго вина Епифаніемъ, никому о томъ не заявлялъ и потому „подлежателенъ къ отвѣту“; 3, что онъ не сдалъ отчетовъ по расходу лаврскихъ денегъ на содержаніе „переходящихъ командъ“, „отказываясь независимостью лаврѣ“, и потому послѣдняя обязана „произведеніемъ надъ нимъ щета такова, каковъ указный порядокъ требуетъ“; 4, что такъ какъ сочиненіе Іереміей стиховъ, „въ ругательство всего монашескаго чину, а паче лавры“, происходитъ отъ свободнаго держанія имъ въ келіи „бумагъ и чернилъ“, а по Духовному регламенту имѣть ихъ безъ вѣдома настоятеля не дозволяется, а равно не дозволяется писаніе по келіямъ „писемъ, какъ выписокъ съ книгъ, такъ и граматокъ совѣтныхъ“,—то постановлено: отобрать у Іереміи бумагу и чернильницу, а его самого, какъ не занимающаго коммиссарской должности, изъ от-

дѣльной келіи перевести въ такую, „гдѣ и протчая братія жительствуетъ“; 5, что такъ какъ Іеремія стремится къ уходу изъ лавры въ „безмолвствующіе“ монастыри, о чемъ подалъ и просьбу чрезъ губернскую канцелярію въ Святѣйшій Синодъ, и поэтому склоненъ къ побѣгу, то ему разрѣшается только свобода выхода въ церковь и въ трапезу, но строго воспрещается „за монастырь выхожденіе“.

На этомъ прерывается переписка по дѣлу Іереміи, вѣроятно потому, что этимъ дѣло и закончилось, дѣло, причинившее такъ много огорченій, обидъ, хлопотъ и безпокойства тогдашней лаврской администраціи.

Но что же это были за стихи, которые такъ жадно читались монашествующей братіей и имѣли большое „разсѣяніе по окрестностямъ?“

Приведемъ ихъ полностью, съ какой они сохранились и въ дѣлѣ Центральнаго и въ дѣлѣ Лаврскаго архива, удерживая правописаніе подлинника и внося въ него лишь современную пунктуацію для удобства читателя:

Явни инѣ здѣсь
монашескіи рѣчи:
Стремятся они на пристойность
горящей паче пѣчи;
Пѣчь огнепална дрова
въ пепелъ обращаетъ
И въ зимно паче время
чловком и скотом полезна бываетъ:
Нынѣшнихъ временъ
старейшины монаховъ
Не дали по себѣ протчимъ
полезныхъ дѣлъ знаковъ;
Нудятся себя показать
толко по слову,

Которое, не сущу дѣлу,
не имѣетъ ни мало честного слогу.
Гдѣ въ старейшинахъ
образы не благи,
Такъ можно-ль тамъ в меншихъ
надѣятся благочинной поваги?
Но какъ бы меншіе не грешны,
однако, пришли въ монастырь на покаянье;
Такъ не должно-ль имъ имѣть
своихъ старейшинъ въ примѣръ спасителна
благодѣянья?
Вить шинки-то и трактиры
и протчие мирския управленья,
Право, не делаютъ монахамъ спасенья,
развѣ развращеня;
А тѣ промыслы, сколко
их наружность ласкаютъ,
Столко паче самим делом
монашества лишаютъ.
Не сама-ли требуетъ пристойность
монаху быти уединенну,
Тѣлом кротку
и душею умиленну,
Наблюдать церковь
да келью
И к простому всегда
прилежать рукодѣлью,
Молится Бгу за цря и за вся,
яже суть во власти,
Да вси мирну поживутъ жизнь
безъ мятежной напасти?

О премилосердый Боже!
Призри на сей чинъ и даруй
ему время погоже,
Чтоб вышли из головы их
пѣния и лики,
Которые вовелись насилно
чрезъ шинки и трактиры съ превредной
музыки;
Они-то терзаютъ ихъ всегдашнею
межъ себя враждою.
Но Ты, Всеблагій Владыко,
благоволи симъ окончится
И устрой, по Твоей благости,
полезнѣйшему начатся!
О дивна вещь предъ целымъ свѣтомъ!
Что старейшины печерскии
спасаютъ монахов трактирнымъ завѣтомъ!
Сами же их для прибылей
вводятъ в пресуетные здоры,
Да сами же на послѣдокъ, барыши потерявши,
мучат ихъ души замысловатыми о томъ споры,
И, не возмогая в тѣхъ
притыканіях оправдатся,
Заставляютъ протчих на такой театръ
позорно удивлятся.
К таким за прибылями промыслам
путь у них монаху благословенъ и свободенъ,
А в церковъ возбраненъ, заключенъ
и вовся неволенъ.
О Всеблагій Правосуде!
суди и разсуди прю сию вредну

И даруй всѣмъ
кончину безбѣдну!
Сотвори, какъ угодно
Твоей святой волѣ,
Чтоб в такихъ непристойностях
не мучится отшельникамъ болѣ.

Въ концѣ стиховъ приписано: „Сии стихи слогу Іереміина списаны у Василия Ѳедоровскаго Николашею". „Февраля 26 дня (1773 г.)", что свидѣтельствуетъ объ ихъ копированіи и распространеніи.

Отсюда мы видимъ, что стихи „слогу Іереміина" не имѣютъ даже для своего времени, т. е. для XVIII в., никакихъ литературныхъ достоинствъ, не заключаютъ въ себѣ никакой „плѣнительной сладости". Поэтому, самъ собою возникаетъ вопросъ: чѣмъ же вызвали стихи интересъ къ себѣ у своихъ современниковъ какъ среди лаврской братіи, такъ и „по окрестностямъ", и даже среди высшихъ чиновниковъ Кіевской губернской канцеляріи (напомнимъ „губернаторскаго товарища" Флерова), оказавшихъ, какъ мы знаемъ, очень сильное „защищеніе" личности автора „въ военномъ виду" солдатомъ?—Несомнѣнно, что для воспріятія ихъ существовала подготовленная почва, что не только въ широкихъ кругахъ тогдашняго общества, но и среди монастырской братіи давно уже зародилось недовольство и протестъ, сначала глухой, а позже все болѣе громкій и горячій, противъ вотчинныхъ правъ монашества, отвлекавшихъ иноковъ отъ высокихъ идеаловъ и отъ даваемыхъ ими обѣтовъ при вступленіи въ монастырь: монастырское землевладѣніе, рабовладѣніе и пропинація представляли собой совершенную противоположность требованіямъ монастырскаго обѣта нестяжанія и отреченія отъ мірскихъ заботъ. Пользованіе вотчинными правами довело монашество до крайнихъ предѣловъ нравственнаго разложенія; монашесгво не только лаврское, Кіев-

ское, но вообще православное, въ этомъ случаѣ шло по тому же пути, по какому шло и католическое всего міра, подчиняясь неизмѣнному историческому закону развитія ни чѣмъ не сдерживаемой власти. Разложеніе вызывало реакцію въ лучшей части свѣтскаго общества и духовенства, такъ какъ несоотвѣтствіе широты монастырскихъ вотчинныхъ правъ высотѣ монастырскаго идеала приводило къ приниженію послѣдняго и проявлялось во многихъ печальныхъ явленіяхъ общественной жизни, и въ частности, монастырской. Мы не можемъ въ настоящей работѣ, имѣющей въ виду лишь разъясненіе происхожденія и значенія монастырской сатиры монаха Іереміи, ставить себѣ цѣлью изложеніе всего хода этой реакціи, но напомнимъ лишь наиболѣе важные ея моменты; изъ нихъ крупнѣйшимъ и раннимъ, когда реакція достигла впервые высокой степени напряженія, можно считать расколъ и дѣло патріарха Никона; позже выразилась она въ мѣропріятіяхъ Петра Великаго и его преемниковъ.

Съ одной стороны, Петръ В. осмѣивалъ бытъ монашества въ своихъ забавахъ, учреждая для шутокъ „всепьянѣйшую компанію“, съ „всешутѣйшимъ патріархомъ пресбургскимъ, кокуйскимъ и всеяузскимъ Іоанникитой“ во главѣ, и назначая въ это шутовское званіе Никиту Зотова, а себя въ діаконы; съ другой, онъ принималъ законодательныя мѣры противъ непорядковъ въ монастыряхъ путемъ опредѣленія правилъ монашескаго поведенія. Въ Духовномъ регламентѣ онъ, между прочимъ, старается установить въ монастырскомъ быту порядокъ, но постоянныя волненія монастырскихъ крестьянъ привели его къ мысли въ 1701 г.[1]) учредить Монастырскій

[1]) Въ указѣ объ этомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: „а монахамъ вотчинами и никакими угодьями не владѣть не ради разоренія монастырей, но лучшаго ради исполненія монашескаго обѣщанія, потому что древніе монахи сами себѣ трудолюбными своими руками пищу промышляли и общительно жили, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали; нынѣшніе же монахи не только нищихъ не питаютъ отъ трудовъ своихъ, но сами чужіе труды поѣдаютъ, а начальные монахи во

приказъ, въ которомъ было сосредоточено управленіе монастырскими имѣніями, а въ монастыряхъ введены штаты содержанія; остававшіеся же затѣмъ доходы шли на дѣла благотворительности и просвѣщенія; съ учрежденіемъ Св. Синода приказъ былъ упраздненъ, а его функціи перешли къ новому учрежденію; въ 1726 г. Екатериной I вызвана къ жизни Коллегія экономіи, и завѣдываніе всѣми свѣтскими дѣлами церкви было передано ей. Въ 1744 г., по ходатайству Синода, Коллегія была уничтожена подъ условіемъ расходованія доходовъ монастырскихъ на дѣла благотворенія и просвѣщенія, чтó однако фактически возстановило старый порядокъ въ монастыряхъ и привело опять къ большимъ неустройствамъ и непорядкамъ въ монастырской жизни; вслѣдствіе этого, въ 1757 г., императрица Елисавета, находя несвойственнымъ для монашества управленіе деревнями и крестьянами и „дабы монашествующихъ, яко сего временнаго житія отрекшихся, освободить отъ житейскихъ и мірскихъ попеченій“, издала указъ о возстановленіи Коллегіи экономіи и введеніи новыхъ штатовъ содержанія монастырей; но мѣры эти не приводились въ исполненіе. Императоръ Петръ III настоялъ на исполненіи указа 1757 г., а императрица Екатерина II съ 1762 г. обратила на этотъ вопросъ самое серьезное вниманіе и, стремясь „обратить даръ Божій на богоугодныя дѣла“, закончила свои заботы объ этомъ полной секуляризаціей церковныхъ

многіе роскоши впали и подначальныхъ монаховъ въ скудную пищу ввели; кромѣ того, отъ вотчинъ ссоры, и убійства, и обиды многія“ (Соловьевъ, С. М., „Исторія Россіи“, т. XV-й, гл. 5-я).

Въ этомъ указѣ весьма важно указаніе на „начальныхъ“ и „подначальныхъ“ монаховъ, какъ существующія двѣ партіи въ монастыряхъ. Дѣло монаха Епифанія о провозѣ корчемнаго Венгерскаго вина свидѣтельствуетъ, что такія партіи существовали и въ лаврѣ; „подначальные“ монахи не только пользовались скудной пищей, но подвергались жестокимъ наказаніямъ за малѣйшую провинность; антагонизмъ между указанными партіями проявлялся при каждомъ удобномъ случаѣ и велъ къ обнаруженію грустныхъ фактовъ монастырской жизни; онъ же обусловливалъ собой и успѣхъ разсматриваемыхъ нами здѣсь сатиръ 1773 и 1786 гг.

имѣній въ 1786 г. Вышеупонянутыя мѣры правительства находили себѣ сочувствіе и поддержку не только въ свѣтскомъ обществѣ и бѣломъ духовенствѣ, но и среди монашества, о чемъ свидѣтельствуетъ какъ появленіе сатиръ, написанныхъ самими же монахами, такъ и широкое распространеніе ихъ въ этой средѣ. Общее настроеніе мыслей и чувствъ было не въ пользу стараго строя монашества, чѣмъ и объясняется неудача протестовъ противъ секуляризаціи. Это настроеніе ярко вырисовывается и въ изложенномъ нами выше дѣлѣ Іереміи и въ исходѣ извѣстнаго дѣла митрополита Арсенія Мацѣевича.

Замѣтимъ ужь кстати, что, по поводу отобранія монастырскихъ имѣній въ казну въ 1786 г., также ходила по рукамъ сатира: „Плачъ лаврскихъ монаховъ", напечатанная лишь черезъ сто почти лѣтъ, именно, въ 1881 г. въ „Русской Старинѣ" (№ 10, стр. 435—444). Въ редакцію „Русской Старины" сатира была прислана 26 декабря 1879 года игуменомъ одного изъ монастырей Западной Россіи, но не въ оригиналѣ 1786 г.. а въ копіи 1792 г.; на первой страницѣ ея обозначено и имя автора: „сочиненіе дерзское перводіакона печерскаго Іоасафа Богова"; редакція при имени автора ставитъ вопросительный знакъ, выражая этимъ или сомнѣніе въ правильности чтенія имени автора или сомнѣніе въ дѣйствительности самого имени. Съ своей стороны, мы вполнѣ присоединяемся къ сомнѣнію редакціи и думаемъ, не является-ли авторомъ этой сатиры тотъ же Іеремія, которому принадлежитъ „Плачъ" 1773 г. Въ дѣлѣ за этотъ годъ Іеремія вездѣ именуется просто монахомъ; очень можетъ быть, что въ то время онъ не имѣлъ еще священно-служительскаго сана, а въ 1786 г. могъ быть уже протодіакономъ, загладивъ, конечно, свою прежнюю вину и получивъ отпущеніе грѣховъ. Слогъ „Плача" 1786 г. напоминаетъ нѣсколько слогъ „Плача" 1773 г., хотя въ первомъ, сравнительно съ послѣднимъ, стиль глаже и чище. Вѣроятно, Іеремія нерѣдко упражнялся въ писаніи виршей. Въ виду того, что сатира

1786 г. уже напечатана, а чтеніе ея въ подлинникѣ, за устарѣлостью слога, довольно таки утомительно, мы здѣсь ограничимся лишь пересказомъ ея содержанія какъ ради полноты изображенія лаврской жизни въ XVIII в., такъ и характеристики литературной обличительной дѣятельности монаха Іереміи.

Сатира начинается обращеніемъ автора къ читателю, „Милостивому Государю“; въ обращеніи разсказывается, что незадолго до 1 іюля 1786 г., когда состоялось, наконецъ, изданіе ожидавшагося со страхомъ указа объ отобраніи монастырскихъ имѣній, авторъ былъ „въ Печерскомъ“ и засталъ собраніе „чернцовъ“; ихъ было не 12, а 18; всѣ они уже знали о предстоящемъ отобраніи у нихъ имѣній и всѣ казались удрученными, сидѣли „въ печалномъ видѣ“, молча, „пока Зосима говорити началъ“,

„А по немъ и протчія рты отворили
И нижеписанное со слезами говорили“:

1, *Архимандритъ Зосима* объявляетъ собравшимся „отцамъ и братямъ“ объ „уставахъ новыхъ“, по коимъ всѣ „деревни не наши уже“, прибавляя, что и онъ самъ останется съ ними недолго и отъѣзжаетъ „въ отдаль“, намекая на близкую свою кончину, а потому поручаетъ себя ихъ молитвамъ, проситъ ему грѣхи его простить и Господа Бога о немъ молить.

2, *Орестъ, повѣренный.* Выражая недоумѣніе по поводу „уставовъ новыхъ“, Орестъ находитъ необходимымъ „быть у Петербурхѣ“, куда ему дорога хорошо знакома и гдѣ онъ „успѣвалъ въ дѣлахъ по-премногу“, но замѣчаетъ:

„Мы, даруя мощи, въ дѣлахъ успѣвали,
„Но подарки сіи златомъ подкрѣпляли,
„Безъ чего и теперь обойтитца не можно“.

Онъ совѣтуетъ и въ настоящемъ случаѣ, для предупрежденія отобранія монастырскихъ имѣній, въ виду того, что „мощи у насъ весма не дороги“, употребить это-же средство, обѣщая „потрудиться“ съ своей стороны.

3, *Епифаній, экономъ 1-й.* По его мнѣнію, совѣтъ о. Ореста запоздалъ; его надо оставить, а подумать, „не возможно-ль чего-нибудь еще пріобрѣсти“; такое пріобрѣтеніе возможно, если „продадимъ хотя одни кони“, „да роздадимъ и денежныя суммы“, т. е., въ сущности, предлагаетъ то же средство, что и о. Орестъ, повѣренный, т. е. подкупъ и задабриваніе вліятельныхъ лицъ.

4, *Варсонофій, экономъ 2-й.* Онъ предлагаетъ заготовлять буквицу, „бо не за что буде чаю куповати, а на сахаръ и вовся грошей не буде, да и меду-то нѣтъ, какъ не дадутъ люде“; по поводу слуховъ о неповиновеніи крестьянъ, онъ выражаетъ скорбь, что ни откуда не видно помощи; скорбь его усиливается при мысли, что нельзя будетъ носить „матерьяныхъ рясъ“, носить же „власяницы—грубо и обидно“.

5, *Мелхиседекъ, намѣстникъ.* Онъ болѣе всего огорченъ тѣмъ, что придется и „осетрину свѣжу позабути“, а довольствоваться одной таранью; при воспоминаніи о „лимонныхъ сокахъ“ у него текутъ „кровавыя изъ глазъ токи“; онъ предвидитъ, что надо будетъ привыкать къ церкви и къ псалтири, которая, за недосугомъ, была имъ совершенно забыта, и при всемъ томъ „не буде деревень, не буде скоту, надобно взятца за свою работу“; такія мрачныя мысли угнетаютъ его до того, что онъ „лутче почитаетъ во гробѣ лежати“.

6, *Модестъ, эклесіархъ.* Онъ выражаетъ готовность примириться со всякими лишеніями, даже остаться безъ пищи, но то бѣда, что не только вкусныхъ дорогихъ заграничныхъ винъ, но даже „ни водки, ни сивухи не будѣ“, безъ которой братія „увидитъ его скоро въ гробѣ“.

7, *Гервасій, ключарь.* Онъ повторяетъ одну общую скорбь о прошломъ и умалчиваетъ о своемъ личномъ пристрастіи къ чему-либо; совѣтуетъ же, чтобы отъ „господъ“ „имѣть милость вперіодъ“,—роздать имъ „конѣ и коляски“ и затѣмъ „отъ нихъ надѣяться ласки“,—т. е., въ свою очередь, рекомендуетъ подкупъ вліятельныхъ лицъ.

8, *Ферапонтъ, начальникъ ближнихъ пещеръ.* Онъ сомнѣвается въ полезности совѣта Гервасія; „паны добрыя людѣ“ были, когда видѣли богатство монаховъ, „а теперь нищихъ забудутъ ни за великій часъ“.

9, *Виссаріонъ, дальнихъ пещеръ начальникъ.* Онъ подозрѣваетъ у правительства тайный замыселъ обратить монаховъ въ солдаты: „не наберутъ-ли съ монаховъ какого-нибудь полку?“ Кажется ему, что „на то похоже“.

10, *Іоасафъ, казначей всѣхъ пещеръ.* Рѣчь его вначалѣ мало понятна въ наше время. Онъ приглашаетъ слушателей поговорить „о святыхъ печерскихъ“ и намекаетъ на что-то неудобное, именно, онъ говоритъ: „насъ бы вовся бѣдными не звали, когда бы при пещерахъ съ ружьями не стояли“. Дальше, подобно своимъ предшественникамъ, онъ выражаетъ сожалѣніе, что когда отберутъ „людей“ (крестьянъ), то некому будетъ подать ни воды, ни принести дровъ; некому будетъ имъ „натопить грубы и почистить каменныя трубы“; дрова надо будетъ „за гроши куповати“, а работы исполнять самимъ: „какъ не досадно, бывши господами, и здѣлатся наконецъ какъ суще рабами!“

11, *Варлаамъ, уставникъ праваго крилоса.* Онъ, вопреки предыдущимъ членамъ лаврскаго собора, является обличителемъ монашества. По его мнѣнію, слѣдовало-бы обратиться съ молитвой „къ Варварѣ великой“ о заступленіи; но великомученица отвергнетъ монашескія молитвы: „не могу, говоритъ, зрѣть на ваши дорогія шаты“, и совѣтуетъ ихъ „вовся оставляти“; если же она и молится за монаховъ, то только о томъ, чтобы они „деревень и стадъ вовся забывали“, чтобы они перемѣнили свои „горды нравы“, чтобы ихъ пути были „вездѣ правы“, чтобы „Бога всегда въ сердцахъ своихъ мѣли“ и чтобы души ихъ „всегда пламенемъ горѣли“, конечно, къ Богу. Варлаамъ указываетъ, такимъ образомъ, на тѣ высокія нравственныя качества, которыхъ недостаетъ его собратіямъ и противоположные пороки которымъ бичуетъ авторъ сатиры.

12, *Иннокентій, уставникъ лѣваго крилоса.* Онъ, скорбя о лишеніяхъ, которыя должны наступить для монашества съ 1-го іюля 1786 г., съ обнародованіемъ „новаго устава" монастырской жизни, замѣчаетъ, что этихъ лишеній не было бы, если-бы монастыри „судебныхъ дѣлъ поменьше имѣли" („упомянуто о семъ", говоритъ Иннокентій, „и въ новомъ уставѣ", но „не к полезѣ" монастырей, „ниже къ монастырской славѣ"); если бы монашеская твердая вѣра не была мертва безъ дѣлъ, если бы они побольше „апостольскихъ словъ держались и поменьше виномъ упивались".

Наконецъ, 13-й членъ собранія, „*соборный писарь* [1]) *Андрѣянъ*", откровенно сознается, что онъ бы „сей день согласился растритца", „толко бъ женитца", что „безженство можетъ ему наскучить", да и за что онъ „попуститъ страсти себя мучить?" „Прежде, говоритъ онъ, мы во всемъ „были бойки: имѣли каждый изъ насъ по двѣ портомойки— одну для субботы, другу для недѣли, и носили мы всегда рубашки бѣлы", а потому и въ женѣ нужды не имѣли, потому-то и жизнь ихъ была имъ пріятна. Онъ выражаетъ рѣшительное намѣреніе оставить монастырь и жениться, ибо „въ мірѣ болше найти спасенія чаетъ". „Засимъ, прибавляетъ Андрѣянъ, пора намъ въ кельи ступати и до перваго іюля судбы ожидати".

Въ заключеніе авторъ сатиры отъ себя дѣлаетъ „Прибавокъ къ плачу", въ которомъ, резюмируя сказанное выше, напоминаетъ, что скоро монахамъ нельзя будетъ „рабами повелѣвати", что нельзя будетъ носить „дорогихъ шатъ" и „матерьяныхъ рясъ", пить „дорогія напитки", употреблять „златые кубки"; скоро придется къ работѣ привыкать: носить для себя воду изъ криницъ, чтобы пить ее вмѣсто „аглицкаго пива и вина шемпанскаго", придется „кельи мести, дворы чистить и топить грубы", а также „по очереди чистить и трубы"; „видно, что и то время приходитъ, чтобы чернцамъ женится, бо уже невозможно будетъ имъ съ порто-

[1]) Т. е. правитель дѣлъ Духовнаго собора лавры.

мойками обходится". „Итакъ", наставительно заканчиваетъ свой „Прибавокъ" авторъ, „старайтесь теперь, честные отцы монахи, своими трудами наживать себѣ рубахи".

Изображенная въ сатирѣ характеристика лаврской жизни, намъ кажется, нисколько не преувеличена, скорѣе даже блѣдно обрисована; оффиціальные дѣла и документы XVIII в. представляютъ эту картину болѣе мрачной. Но если, что и оказалось преувеличеннымъ, то это—опасеніе за будущія лишенія и нищету монастырей и, въ частности, лавры. Конечно, монашествующей братіи, особенно старшей, кое отъ чего пришлось отказаться, но до лишеній было далеко, а тѣмъ болѣе до нищеты; самыя эти лишенія, если и были чувствительны, то лишь для современниковъ указа 1786 г.; слѣдующія же поколѣнія монаховъ, не знавшія былой роскоши и излишествъ, не могли чувствовать и лишеній; но даже и указанныя опасенія, страхъ передъ грядущей нищетой, представлены, мы думаемъ также, въ сатирѣ слабѣе, сравнительно съ тѣмъ, какъ они выразились въ дѣлѣ Арсенія Мацѣевича, послужившемъ темой нѣсколькихъ весьма серьезныхъ изслѣдованій (проф. В. С. Иконникова, И. Я. Морошкина и друг.); но сравненіе сатиръ и дѣла выходитъ уже за предѣлы нашей задачи.

Сатира 1786 г., дошедшая до насъ въ копіи 1792 г., также, можно думать, получила широкое распространеніе, какъ и сатира 1773 г., о чемъ мы сказали выше; и та и другая читались и переписывались не только современниками, но и потомками ихъ, и потому должны были оказывать большее или меньшее вліяніе на поднятіе нравственнаго уровня монашества: „ridendo, castigant mores".

Изложивъ подробности происхожденія сатиръ 1773 и 1786 гг. и коснувшись отчасти судьбы ихъ автора, мы уклонились, однако, отъ характеристики всей его дѣятельности вообще, предоставляя этотъ трудъ будущему историку лавры, такъ какъ правильная оцѣнка этой дѣятельности возможна лишь на фонѣ общей жизни монашества того времени. Для

такой оцѣнки въ лаврскомъ архивѣ имѣется нѣсколько не разсмотрѣнныхъ нами вовсе дѣлъ, касающихся монаха Іереміи.

Въ настоящемъ случаѣ мы приподняли лишь небольшой край завѣсы прошлаго, скрывающей отъ нашихъ взоровъ судьбы этого славнаго въ исторіи древняго очага православія, просвѣщенія и силы, связующей отдѣльныя части Русскаго народа, силы, которая не теряетъ своего значенія и теперь, хотя утилизуется въ меньшей степени, сравнительно съ тѣмъ, какіе могла бы она дать результаты при болѣе старательной и широкой постановкѣ дѣла.

И. Каманинъ.

Былъ ли московскій митрополитъ Исидоръ папскимъ легатомъ для Москвы?

Вопросъ о легатурѣ митр. Исидора представляетъ одну изъ деталей вопроса о Флорентинской уніи: деталь не большую, но далеко не неважную и заслуживающую большаго вниманія, чѣмъ то, какое ей удѣляется въ литературѣ. До сихъ поръ или ограничиваются простымъ упоминаніемъ о томъ, что Исидоръ прибылъ съ Флорентинскаго собора въ Москву въ качествѣ папскаго легата, или дополняютъ это указаніе свѣдѣніями, позаимствованными изъ русскихъ лѣтописей. Но русскія лѣтописи требуютъ въ этомъ случаѣ провѣрки, легатуры же по каноническому праву бываютъ различными съ точки зрѣнія предоставляемыхъ ими правъ. Признавъ м. Исидора папскимъ легатомъ, мы должны прежде всего рѣшить вопросъ, являлась ли такая легатура источниками его правъ на Кіевскую митрополію (а вмѣстѣ съ тѣмъ и на Московскую). Утвердительный отвѣтъ былъ бы затруднителенъ уже по чисто апріорнымъ соображеніямъ и не подтверждается документальными данными. Какимъ образомъ Римская курія, только что признавъ на Флорентинскомъ соборѣ неприкосновенность исконныхъ административныхъ правъ Константинопольскаго патріархата на востокѣ, могла допустить такое нарушеніе ихъ, какъ изъятіе изъ подъ его власти русскаго экзархата, являвшагося къ тому

„Чтенія въ Ист. Общ. Нест.-лѣт.“, кн. XX, в. II, отд. II.

же главнымъ источникомъ матеріальныхъ средствъ не только патріархіи, но и тощей казны византійскаго императора? Неужели это сдѣлала Римская курія, первое дипломатическое учрежденіе той эпохи, рискуя навѣрняка разрушить и безъ того непрочную унію съ востокомъ? Документальныя данныя рисуютъ дѣло совершенно инымъ.

Изъ настольной грамоты Пія II преемнику Исидора Григорію, 1458 г., мы узнаемъ, что оффиціальнымъ титуломъ м. Исидора въ это время былъ [1]) episcopus Sabiniensis et ex dispensatione apostolica archiepiscopus Ruthenensis, другими словами, м. Исидоръ былъ однимъ изъ шести старѣйшихъ кардиналовъ-епископовъ. Совершенно ясно изъ этого титула, что въ глазахъ Римской куріи права Исидора на Кіевскую (Русскую) митрополію не находились ни въ какой связи ни съ легатурой его, о которой совершенно не упоминается, ни съ его кардинальствомъ. Совершенно напротивъ: чтобы удержать ихъ для кардинала-епископа сабинскаго, потребовался особый папскій диспензъ. Послѣдующая судьба Кіевской митрополіи тоже доказываетъ самобытность митрополичьихъ правъ Исидора. Какъ извѣстно, послѣ отреченія Исидора, папа Пій II, въ 1458 году, назначилъ на Кіевскую митрополію Григорія, ученика и спутника бывшаго митрополита. Въ настольной грамотѣ ему особо подчеркивается, что онъ назначается архіепископомъ лишь для уніатовъ греческаго обряда (т. е. для бывшихъ православныхъ русскихъ) [2]) Григорій не былъ ни кардиналомъ, ни легатомъ; поэтому

---

[1]) Venerabili fratre nostro Isidoro, episcopo Sabiniensi et ex dispensatione apostolica archiepiscopo Ruthenensi, a sede sua Ruthenensi ejecto etc.

[2]) In parte inferiori Ruthenensi Kijoviensem ecclesiam cum Lithuaniae et totius Russiae inferioris partibus, sub obedientia archiepiscopi Ruthenensis illis duntaxat, in quibus secundum ritum Graecorum sub obedientia archiepiscopi Ruthenensis degentium vivitur, et qui sub dominio praefati regis Polouiae existant... Въ подчиненныя епископіи грамота отдаетъ Brestensem, Luceriensem, Vladimeriensem, Premysliensem, Chelmensem et Haliciensem.

слѣдуетъ предположить, что если сама легатура и давала митр. Исидору какія-нибудь особыя права юрисдикціи, то не надъ послѣдователями греческаго обряда, а надъ католиками, и такое предположеніе вполнѣ подтверждается другими данными и прежде всего—грамотами самого Исидора. Въ первой же своей, такъ сказать, программной грамотѣ, посланной имъ еще до возвращенія съ собора въ Россію изъ Будина 5 марта 1440 г. онъ титулуетъ себя „Милостіею Божіею Исидоръ, преосвященный архіепископъ Кіевскій и всея Русіи, легатосъ и (legatusque) отъ ребра апостольскаго сѣдалища Лятьскаго, Литовскаго и Нѣмецкаго“ (Воскр., 6945; ПСЛ, VIII, 106), но при этомъ подчеркиваетъ зависимость православныхъ отъ Константинопольской церкви по прежнему, обращаясь къ нимъ со словами: „и ти вси иже подлежатъ святѣй соборнѣй церкви Константинопольстѣй, еже суть Русь, и Сербы и Влахи“, и тѣмъ самымъ относитъ свою легатуру лишь къ католикамъ „сѣдалища Лятьскаго, Литовскаго и Нѣмецкаго“.

Въ такой постановкѣ легатура м. Исидора являлась въ полномъ смыслѣ слова образцовымъ дипломатическимъ ходомъ со стороны Римской куріи. Католическія провинціи, о которыхъ идетъ рѣчь, находились (хотя бы частями) на территоріи православной Русской митрополіи. Такое существованіе самостоятельныхъ католическихъ діэцезовъ на востокѣ, на территоріяхъ православныхъ епископій, вызывало со стороны Грековъ по адресу Латинянъ постоянные упреки въ нарушеніи элементарныхъ каноническихъ правилъ о недопустимости двухъ епископовъ на одной и той же территоріи. Подчиненіе въ той или иной формѣ католическихъ епископовъ Западной Россіи православному митрополиту и являлось отвѣтомъ на такія обвиненія, и въ тоже время указывало Константинопольской патріархіи тотъ путь, какимъ она, при желаніи съ ея стороны, могла бы достичь власти подъ католическими епископами Востока.

Но совершенно ясно въ тоже время, что Московская Русь, гдѣ не было ни католическихъ діэцезовъ, ни даже

католиковъ, находилась внѣ предѣловъ такой территоріальной легатуры м. Исидора. Тамъ онъ являлся лишь экзархомъ Константинопольскаго престола.

Правда, грамота папы Евгенія IV московскому князю Василію Васильевичу, „всея Руси великому царю", рекомендуетъ его вниманію „брата нашего Сидора, митрополита твоего всея Руси, *отъ апостольскаго престола посла*" (Соф., II, 4946; ПСЛ, VI, 160); но какъ изъ умолчанія о территоріальныхъ предѣлахъ такой легатуры, такъ и изъ самаго содержанія грамоты видно, что это была легатура совершенно иного рода. Она заключалась въ чисто дипломатическомъ порученіи передать Московскому государю посланіе папы и тѣмъ исчерпывалась [1]). Исидоръ въ данномъ случаѣ являлся такимъ же посломъ отъ папы, какимъ онъ одновременно былъ и отъ костантинопольскаго императора, тоже рекомендовавшаго Василію Васильевичу содѣйствовать проведенію уніи [2]). Въ Москвѣ отлично поняли это. Ставя принятіе м. Исидоромъ легатуры надъ католиками въ тяжкую вину ему, москвичи въ своихъ грамотахъ, какъ увидимъ, совершенно умачиваютъ о принятіи имъ посольства отъ папы къ Василію Васильевичу, очевидно, не усматривая въ этомъ никакого преступленія.

---

[1]) „Къ сему единачеству многое поможеніе и поспѣшеніе честнѣйшаго брата нашего Сидора, митрополита твоего всея Руси, отъ апостольскаго престола посла, иже за свое благое крѣпчайше потрудился о соединеніи; того ради потребно есть помогати ему комуждо во всѣхъ дѣлѣхъ, наипаче въ сихъ дѣлѣхъ, еже предстояніе имѣетъ къ достоинству и чину церковному, врученну ему".

[2]) См. у Длугоша, lib XII. Advenerat in illis diebus ex Italia ab Eugenio papa quarto Isidorus, natione Graecus, Archiepiscopus Kijoviensis, Cardinalis noviter creatus et legatus in Russiam missus,... ferens secum Apostolicas literas seu bullas eiusdem Eugenii sub plumbea et Constantinopolitani imperatoris sub aurea bullis munitus unionem Latinae et Occidentalis Ecclesiae cum Graeca et Orientali continentes, lingua quidem latina scriptas, sed Graeca Ruthenica subscriptas.

Мнѣніе о легатурѣ Исидора въ Москвѣ создалось главнымъ образомъ на основаніи Софійской II лѣтописи и отчасти на основаніи неясныхъ выраженій въ грамотахъ московскаго правительства по дѣлу м. Исидора.

О прибытіи Исидора въ Москву краткая редакція Софійской II лѣтописи подъ 6946 г. (ПСЛ, VI, 161) сообщаетъ слѣдующее: „По сихъ пріиде Сидоръ на Русскую землю въ градъ Москву, къ благовѣрному великому князю Василію Васильевичу; предъ собою веляше носити крыжъ латинскій, да *три* палицы сребрены, почесть Фряжскаго си права“ т. е., какъ предполагаютъ, съ помпою папскаго легата a latere.

Но такое сообщеніе не подтверждается современными лѣтописями Новгородскими и Псковскими и само представляетъ изъ себя лишь неудачное сокращеніе другого лѣтописнаго разсказа.

Новгородская I лѣтопись строго отмѣчаетъ различіе между поведеніемъ м. Исидора въ Западной Россіи и поведеніемъ его въ Москвѣ. Подъ 6949 годомъ она сообщаетъ:

„Той же зимы пріѣха митрополитъ Исидоръ съ осмого собора *на Русь* изъ Рима и нача зватися легатосомъ отъ ребра апостольскаго сѣдалища Римскія власти и *митрополитомъ Римскимъ* и нача поминати папу Римскаго въ службѣ и иныя новыя вещи, ихъже николи же слышахомъ отъ крещенія Русскія земли и повелѣ въ Лядскихъ божницахъ русскимъ попомъ свою службу служити, а въ русскихъ церквахъ капланомъ. Литва же и Русь за то не изымашася.“

Это сообщеніе въ первой части представляетъ изъ себя краткую передачу начала извѣстной уже намъ грамоты м. Исидора 5 марта 1440 года. Слова „нача зватися.... митрополитомъ „*Римскимъ*“, соотвѣтствующія выраженію „седалища Ляцкаго, Литовскаго и Нѣмецкаго“ подлинной грамоты, доказываютъ, что лѣтописецъ правильно понималъ легатуру Исидора[1]) и

[1]) Едва ли поэтому можно согласиться съ издателемъ лѣтописи, предлагающимъ читать здѣсь: „митрополитомъ *Руским*ъ“, вмѣсто—„Римскимъ“.

вообще точно освѣдомленъ былъ о его дѣятельности въ Литвѣ. Псковская лѣтопись объ этомъ періодѣ дѣятельности Исидора хранитъ полное молчаніе [1]).

Но относительно дѣйствій Исидора въ Москвѣ обѣ лѣтописи согласны въ томъ, что единственнымъ проступкомъ его, повлекшимъ за собою арестъ и изгнаніе, было поминовеніе имени папы за богослуженіемъ [2]). О пользованіи легатскими инсигніями обѣ лѣтописи молчатъ и—совершенно основательно: весь разсказъ Соф. II представляетъ изъ себя, какъ мы уже замѣтили, лишь неудачное сокращеніе разсказа, помѣщеннаго въ Воскресенской лѣтописи подъ особымъ заглавіемъ: „О приходѣ Сидора митрополита на Русь“, и буквально воспроизводимаго въ нѣкоторыхъ спискахъ той же Соф. II. Приводимъ текстъ этого разсказа по Воскресенской лѣтописи. Слова, заимствованныя въ Софійскую II, отмѣчены разрядкой:

---

[1]) Новгородцы имѣли особыя основанія быть недовольными именно Исидоромъ. Онъ передъ отправленіемъ на соборъ отнялъ Псковъ отъ новгородскаго владыки, назначивъ туда собственнаго намѣстника. Псковичи же давно желали такого отдѣленія, чѣмъ можетъ быть и объясняется такое молчаніе Псковской лѣтописи о неподобныхъ дѣяніяхъ м. Исидора, исполнившаго ихъ давнее желаніе.

[2]) Новг. I. 6950: Пріѣха митрополитъ изъ Литвы на Москву и князь великій Василій Васильевичъ повелѣ ему служити и, слышавъ отъ него на службѣ, что поминаетъ папу Римскаго, а не патріарха Царяграда, и иныя вещи многія не по обычаю земля Рускыя и рече князь Василій: при нашей братіи, князѣхъ великихъ Рускія земли, сего не бывало, и азъ сего не хощу слышати—и повелѣ жити ему въ монастырѣ и приставомъ повелѣ стрещи его, онъ же избѣжа въ Тферь и оттоле въ Литву.—Пск. I. 6949: Тоя же весны митр. Исидоръ пріѣхалъ на Москву, на вербную, изъ Литвы и началъ поминати на молитвахъ Евгенія, папу Римскаго и князь великой Василей Васильевичъ такого не валюби зломыслія Сидорова и сведе его съ митрополіи и за пристава посади.

О приходѣ Сидора митрополита на Русь.

[По сихъ же] пріиде Сидоръ на Рускую землю, въ богоспасаемый градъ Москву къ благочестивому и благовѣрному великому князю Василію Васильевичю, скрывая прелесть Латынское въ себѣ ереси, еже изнесе на истинное православіе; и тако почесть свою Лятынскаго обычая бѣснованія гордости вскорѣ являетъ, имже хотя величатися еже странно и тоже есть отъ православныя вѣры еже не достоитъ творити вѣрнымъ [1]); прежде убо въ посланіи грамотъ своихъ звашеся легатосъ и отъ ребра апостольскаго сѣдалища Лятскаго же и Литовскаго и Нѣмецкаго, а предъ собою повелѣваше носити крыжъ Латынскій да три палицы сребрены про [по]честь Фряжскаго си права, егда же въ молитвенныхъ реченій[хъ] святыя службы и вмѣсто святыхъ патріархъ вселенскихъ поминаетъ въ первыхъ и блажитъ Еугенія папу Римскаго ему же бе на златѣ отдаде святую вѣру Греческаго православіа; по скончаніи же святыя службы повелѣваетъ Сидоръ, вшедъ на онбонъ, чести велегласно грамоту осмого суемысленнаго си събора отреченнаго [и еже подписаніе папино на соборѣ] въ ней же написано есть [слѣдуетъ содержаніе грамоты и посланіе Евгенія IV къ Василію Васильевичу].

Сіа же вся услышавъ великій князь [благовѣрный князь великій] и яко узрѣ бываемая грамота ихъ суемысленнаго собора укрѣпленіа и услышавъ по изреченіемъ словесъ его, въ

[1]) Эти слова: „и тако.... вѣрнымъ“, какъ нарушающія ходъ разсказа слѣдуетъ признать за позднѣйшую вставку.

перьвыхъ папино помяновеніе имени и познa Сидора влкохищную [волка-хищника] ересь, и тако не пріятъ благословеніа отъ руки его и Латынскимъ ереснымъ прелестникомъ нареченъ его [и скоро обличивъ посрами его и вмѣсто пастыря и учителя влъкомъ назва его [1]) и скоро повелѣ съ митрополь-скаго [престола] съврещи его, яко безумна прелестника и отступника вѣры и повелѣваетъ пребыти ему въ монастыри донеле же [доколѣ] обыщетъ о немъ по божественнымъ священнымъ правиламъ святыхъ Апостолъ и богосоставныхъ седми съборовъ святыхъ отець [отъ правилъ истинно обыщетъ о немъ святыхъ Отець] [2]).

Полная несамостоятельность текста Соф. II совершенно ясна. Обратимся къ его источнику, т. е. разсказу „О приходѣ Сидора митрополита на Русь“. Въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ его въ Воскресесенской лѣтописи, онъ не представляетъ уже первоначальнаго текста, а текстъ частію интерполированный риторическими украшеніями, не всегда умѣстными. Но и изъ дошедшаго до насъ текста совершенно ясно, что разсказъ о Московскихъ событіяхъ начинается со словъ: „Егда же и въ молитвенныхъ реченій“ и т. д.; ношеніе же крыжа и *трехъ* палицъ относится къ пребыванію Исидора на Руси (южной) и въ Литвѣ и стоитъ въ непосредственной связи съ легатурой надъ тремя католическими провинціями. И по Воскресенской лѣтописи вина Исидора въ Москвѣ заключалась только въ поминовеніи имени папы при богослуженіи и прочтеніи бумагъ о соединеніи церквей по его окончаніи.

Совершенно также представляется дѣло и въ Никоновской лѣтописи, гдѣ періоды дѣятельности Исидора раз-

[1]) Скобками [ ] выдѣлены слова, находящіяся только въ Соф. II.

[2]) Повидимому, позднѣйшая вставка.

личаются съ такою же точностію, какъ и въ лѣтописи Новгородской [1]).

Только благодаря неумѣлому сокращенію автора Соф. II получилось, что м. Исидоръ приказывалъ носить передъ собою крыжъ и три палицы *въ Москвѣ* и что онъ приказалъ прочитать папскую буллу *во время* литургіи, а не послѣ ея, великій же князь чуть ли не прервалъ богослуженіе.

Лѣтописному изложенію не противорѣчатъ и оффиціальные документы московскаго правительства по дѣлу Исидора. Въ посланіи къ императору Іоанну Палеологу Василій Васильевичъ отнюдь не обвиняетъ м. Исидора, будто бы онъ присваивалъ себѣ титулъ папскаго легата въ Москвѣ при *личномъ* свиданіи съ великимъ княземъ; онъ употреблялъ его лишь въ грамотахъ (присылавшихся изъ Западной Россіи) [2]); Василій Васильевичъ знаетъ и то, что легатура Исидора касалась лишь католиковъ Западной Россіи, и именно поэтому обвиняетъ Исидора въ духовномъ двоеженствѣ:

---

[1]) Никон., 6946; (ПСЛ, XII, 40): *Прежде убо въ посланіи* грамотъ своихъ звашеся легатосъ и отъ ребра апостольскаго сѣдалища Лятцкаго же и Литовскаго и Нѣмецкаго; а предъ собою повелѣваше носити крыжъ Латинекій да три палицы сребряны про честь ѳряжскаго права; въ молитвахъ же и зъ службахъ божественныя литургіи вмѣсто святыхъ патріарховъ вселенскихъ поминаше въ первыхъ и величаше и блажаше Евгеніа папу Римскаго .... *И пріиде на Москву* въ недѣлю третью святаго великаго поста, и *того дня* молебная пѣлъ за великаго князя и за все православное христіанство и божественную литургію служилъ и въ первыхъ поминалъ Евгенія папу Римскаго. По скончаніи же божественныа службы повелѣ протодіакону своему въ стихарѣ съ уларемъ, вшедъ на амбонъ, чести велегласно грамоту осмого суемысленнаго сего собора отреченнаго и т. д.

[2]) Самъ убо Исидоръ въ своихъ ему когда грамотахъ, идѣже посылая, писаше, нарицая себя легатоса отъ ребра апостольска сѣдалища Лятьскаго и Литовскаго и Нѣмецкаго, и запечатлѣяше писанія своя зелеными запечатлѣнми и предъ собою повелѣваше распятіе латынски изваяно носити... по всему латынскіе обычая воспрінмъ держаше.

онъ, будучи главою православной церкви, въ то же самое время принялъ отъ папы пастырство и надъ католиками [1]). Изъ легатскихъ отличій м. Исидора грамота знаетъ лишь крыжъ (отнюдь не палицы), но и о немъ не утверждаетъ прямо, что м. Исидоръ носилъ его въ Москвѣ. Изъ контекста же слѣдуетъ заключить, что въ Москвѣ м. Исидоръ ограничился лишь поминовеніемъ папы и прочтеніемъ буллы объ уніи [2]).

Правда, грамота упоминаетъ еще о какихъ-то винахъ Исидора, не перечисляя ихъ. „Не токмо же до сего сотвори, но и ина многая странна и чюжа отъ православныа христіанскіа вѣры внесе въ наше православіе, ихъ же и не писахомъ здѣ". Но такое заявленіе въ виду того, что въ числѣ винъ упомянуто даже о зеленомъ сургучѣ, которымъ Исидоръ печаталъ свои грамоты, слѣдуетъ признать просто за риторическій пріемъ. То же самое слѣдуетъ сказать и объ извѣстномъ мѣстѣ посланія къ проту и инокамъ аѳонскимъ: „Каковый змѣй приползе въ отечество наше, хотя излити ядъ на православіе наше, и съ коликою гордостію пріиде къ намъ; крестъ велеше носити предъ собою высоко водруженъ латынскимъ именованіемъ". Если бы такой крыжъ внесенъ былъ въ Успенскій соборъ или даже въ Москву, то Василій Васильевичъ указалъ бы на это прямо, а не ограничивался бы такими неопредѣленными намеками.

Если же вся вина м. Исидора въ Москвѣ заключалась лишь въ поминовеніи папскаго имени и прочтеніи папской буллы объ уніи, то и то и другое долженъ былъ бы сдѣлать

---

[1]) Еще же и въ двѣ церкви нашея убо православныя и латынскіа еже въ Лятьской земли и въ Литовской и въ Нѣмецкой отъ папы благословеніе пріять, рече, учителемъ и настоятелемъ себя называше, злочестивнѣ двоеженствуя.

[2]) Еще же и поминовеніе папина имене въ святѣй нашей соборнѣй и велицѣй церкви (т. е. Успенскомъ соборѣ) въ служеніи сотвори; къ сему же подда и поработи насъ подъ отлученную многихъ ради ересей... Римскую церковь и Римскаго папу и т. д.

не только всякій уніатскій епископъ, но и всякій уніатскій священникъ. Легатура Исидора во всякомъ случаѣ тутъ не при чемъ. Но тогда какъ же объяснить изумленіе москвичей передъ поступкомъ м. Исидора? Вѣдь они же несомнѣнно знали, что Исидоръ—уніатъ и изъ грамотъ его, и изъ его дѣйствій въ Западной Россіи въ теченіе цѣлаго года? Намъ кажется, что единственнымъ объясненіемъ не только этого факта, но и очень многаго другого, должно признать по преимуществу обрядовый характеръ московскаго православія той эпохи.

Для москвичей понятіе православія почти что отожествлялось съ понятіемъ старины [1]), т. е. прежде всего старинаго обряда или стариннаго чина.

Въ дѣлѣ Исидора главнымъ для нихъ представлялось не самое принятіе уніи, а вызванное имъ поминовеніе папскаго имени во время богослуженія, т. е. измѣненіе традиціоннаго текста служебника. Не только Новгородскія и Псковскія лѣтописи видятъ въ поминовеніи папскаго имени въ Успенскомъ соборѣ *единственную* вину Исидора (совершенно умалчивая о прочтеніи буллы объ уніи), но и посланіе Василія Васильевича къ императору Константину Палеологу именно эту вину, а не унію, выставляетъ на первый планъ среди нарушеній старины. Исидоръ „шедъ принесе къ намъ не такожъ якоже обѣщася намъ, но ина вся, нова и чюжа и непріятна Божьей церкви и нашему древнему благочестію и помяновеніе папы Римскаго имени въ молитвенныхъ съгласіяхъ въ церкви нашей сотвори"—вотъ на что жаловался князь Василій Васильевичъ (РИБ, VI, 581).

[1]) „И Богу вѣдомо" писалъ Василій Васильевичъ Іоанну Палеологу „аще не быхомъ того нашего изначальнаго православнаго христіанства соблюдали и страха Божія аще не быхомъ въ сердцѣ имѣли, то ни како же не хотѣхомъ его (Исидора) пріяти отинудь". Послѣ поставленія Іоны онъ выражается уже нѣсколько иначе „Старины изначальныя не хотя рушити, пріяхомъ его съ радостію". (Посланіе импер. Константину).

Унія сама по себѣ въ глазахъ москвичей не имѣла большого значенія. Воспрещая поминать папу и требуя поминовенія патріарха к-го Митрофана, они совершенно не обращали вниманія на то, что этотъ патріархъ самъ былъ уніатъ; такъ стояло въ служебникѣ, и это было главное. Обращеніе къ уніату-императору и уніату-патріарху съ просьбою низложить митр. Исидора за унію утрачиваетъ значительную долю своей странности, если мы формулируемъ вину Исидора, какъ отказъ служить по старымъ московскимъ книгамъ. Предлагая еп. Іону на мѣсто Исидора, москвичи поступали совершенно такъ же, какъ современные намъ единовѣрцы. Лѣтописецъ, правда, старается объяснить поведеніе москвичей тѣмъ, что они будто бы не знали о латинствѣ К-го правительства, но едвали его объясненіе можетъ быть признано удачнымъ [1]). Нѣтъ, они отлично знали, но готовы были игнорировать это, не желая старины *своея* нарушити, пока не дознались, что и въ старину на Руси по нуждѣ бывали случаи поставленія митрополитовъ безъ участія константинопольскаго патріарха [2]).

---

[1]) Соф., II, 6946 (ПСЛ, VI, 167): „Пріиде *вѣсть, яко царь отыде въ Римъ на царство* и ста въ Латынскую вѣру: иославъословъ (ѣхавшихъ съ просьбою о разрѣшеніи поставлять митрополита въ Россіи) възвратити вспять". Какъ же это Москвичи, не повѣрившіе латинству императора на основаніи несомнѣнныхъ документальныхъ данныхъ, повѣрили тому же на основаніи одного вздорнаго слуха? Самое поминовеніе патріарха-уніата москвичи потомъ прекратили подъ тѣмъ предлогомъ, что они не знаютъ его имени „Не вѣмы аще уже есть въ державахъ святого ти царства въ царствующемъ градѣ, святѣйшій патріархъ или нѣтъ, понеже не слышахомъ о немъ ни отъ кого же ни имени его не вѣмы" (Грамота имп. Константину).

[2]) Въ посланіи къ Іоанну Палеологу и патр. Митрофану кн. Василій Васильевичъ пишетъ: „Просимъ, послѣте къ намъ честнѣйшее ваше писаніе, яко да помощію Божіею и благодатію Св. Духа и споспѣшествованіемъ Святого ти царства и благословеніемъ святѣйшаго патріарха и еже о немъ божественнаго и священнаго собора по святымъ правиламъ, собравше въ отечествіи нашемъ въ Рустѣй землѣ боголюбивые епископы отечьства нашего, по благодати Святаго Духа, из-

Дѣло м. Исидора застало Московское правительство, что называется, врасплохъ. Даже послѣ бѣгства Исидора въ Москвѣ не допускали еще мысли о возможности поставленія митрополита даже по нуждѣ безъ предварительнаго разрѣшенія императора и патріарха. Только въ 1446 г. Димитрій Шемяка предоставилъ московскому кандидату епископу рязанскому Іонѣ управленіе митрополіею [1]), и только въ концѣ 1448 г. Василій Васильевичъ пришелъ къ убѣжденію, что правила св. Отецъ не только не воспрещаютъ, но и повелѣваютъ поставить митрополита, въ случаѣ нужды, и безъ сношенія съ патріархомъ. Въ разсматриваемое нами время тотъ же Василій Васильевичъ еще не вполнѣ стоялъ на точкѣ зрѣнія „исконнаго" православія. Вся переписка его по дѣлу Исидора проникнута, какъ руководящимъ мотивомъ, наивною жалобою на попраніе, не православія вообще, а именно нашего московскаго православія.

Здѣсь, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ искать и объясненія той редакціи, какая придана въ грамотахъ Василія Ва-

---

бравше кого человѣка добра, мужа духовна вѣрою православна, да поставитъ намъ митрополита на Русь; *понеже и преже сего за нужу поставленіе митрополита бывало*". Московское правительство все таки считало и для поставленія по нуждѣ участіе К—аго правительства необходимымъ. Въ грамотѣ того же Василія Васильевича къ Константину Палеологу о состоявшемся поставленіи Іоны безъ участія патріарха и императора говорится уже иначе: „Възрѣвше въ бежественная и священная правила св. Апостолъ и святыхъ богоносныхъ Отець, нужи ради обрѣтохомъ *не бранящихъ, но повелѣвающихъ* епископы поставити болшаго святителя митрополита".

[1]) Соф. II 6954. (ПСЛ. VI 175). Князь же Дмитрей умысливъ еще (на дѣтей вел. кн. Василія Васильевича) призва къ себѣ епископа Резанскаго Іону *на Москву* и, пришедшу ему, обѣща митрополію смутъ если онъ приведетъ въ Москву дѣтей вел. кн. Василія Васильевича. Іона послѣ того, какъ исполнилъ порученіе и отвезъ княжичей въ заточеніе въ Угличъ, „возвратися ко князю Димитрію; онъ же повелѣ ему ити къ Москвѣ и сѣсти на митропольемъ дворѣ" (послѣ 6 мая 1446 г.).

сильевича обвиненіямъ противъ м. Исидора. Тамъ, какъ мы видѣли, редакторъ, говоря о дѣйствіяхъ м. Исидора въ Западной Россіи, нигдѣ не упоминаетъ о послѣдней. москвичи, стоя на своей точкѣ зрѣнія, должны были опасаться отвѣта: „Это было не у васъ на Москвѣ, и потому васъ не касается".

Москвичи и сами полагали, что это ихъ непосредственно не касается, и были вполнѣ увѣрены, что м. Исидоръ не осмѣлится на это въ Москвѣ. Подобно современнымъ единовѣрцамъ, они требовали лишь, чтобы въ *ихъ* церквахъ Исидоръ служилъ по ихъ служебнику, предоставляя ему въ другихъ церквахъ служить, какъ ему угодно. Изумленіе москвичей передъ посягательствомъ его на текстъ даже московскаго служебника и нежеланіемъ исполнить ихъ, казалось бы, безусловно законное требованіе не дѣлать этого, достаточно объясняется указаннымъ выше отношеніемъ москвичей къ ихъ старинѣ. Этимъ, а не какой-нибудь внѣшней помпой легата были раздражены москвичи.

Можно сказать съ увѣренностію, что въ Москвѣ Исидоръ не носилъ даже кардинальскаго костюма. О немъ грамота Василія Васильевича не упоминаетъ, хотя несомнѣнно цвѣтъ его долженъ бы былъ броситься въ глаза людямъ, замѣтившимъ такой сравнительно пустякъ, какъ необычайный зеленый цвѣтъ митрополичей печати [1]).

Ничего не пишетъ Московское правительство и о серебряныхъ жезлахъ (палицахъ) Исидора, и потому можно быть увѣреннымъ, что онъ и ихъ на Москвѣ не носилъ. Объ употребленіи ихъ въ Западной Россіи мы имѣемъ прямое свидѣтельство Симеона Суздальскаго, говорящаго, что Исидоръ носилъ предъ собою „крыжи и палицу сребряну. Крыжъ нося въ креста мѣсто, являя латынскую вѣру, а палицу

[1]) Печать эта была на грамотахъ, присланныхъ въ Москву, и потому москвичи смотрѣли на нее то же, какъ на нарушеніе московской старины.

нося—гордость и буйство латынское. Аще кто не приклякнеть (станетъ на колѣни) ко крыжу, то палицею ударивше, приклякнуть велитъ, якоже у папы тако творятъ". Симеонъ, конечно, ошибался приписывая драгоцѣннымъ жезламъ такое чисто полицейское назначеніе. Правильнѣе они понимаются въ статьѣ: „О приходѣ Сидора митрополита", гдѣ три палицы соотвѣтствуютъ тремъ подчиненнымъ м. Исидору-легату католическимъ провинціямъ и, слѣдовательно, признаются за символы легатской власти. Но въ такомъ случаѣ правъ Симеонъ Суздальскій, говоря не о трехъ, а объ одной палицѣ. М. Исидоръ, хотя и назначенный легатомъ для трехъ различныхъ провинцій, могъ, въ силу каноническаго права, пользоваться инсигніями легата лишь той провинціи, въ предѣлахъ которой онъ находился. Если три палицы не составляютъ плодъ домысла самого составителя сказанія „О прихожденіи" (три провинціи—три палицы), то мы затрудняемся опредѣлить, гдѣ и когда Исидоръ могъ воспользоваться ими одновременно. Въ качествѣ догадки можемъ высказать лишь такое предположеніе: единственное подходящее мѣсто для употребленія трехъ жезловъ сразу былъ бы Сандечъ, гдѣ Исидору, какъ легату, была устроена 25 марта 1440 г. первая торжественная встрѣча кардиналомъ Збигнѣвомъ Олеицкимъ, епископомъ краковскимъ. На границѣ одной изъ трехъ своихъ католическихъ провинцій, въ извѣстной степени объединенныхъ территоріей православной митрополіи, грекъ Исидоръ, можетъ быть, хотѣлъ подчеркнуть причину своего назначенія легатомъ именно для этихъ провинцій и тѣмъ придать своему титулу патріаршаго экзарха еще большій блескъ.

Остается лишь легатскій крестъ, о которомъ возможны еще нѣкоторыя сомнѣнія; но и о немъ приходится сказать почти то же самое, что о палицахъ. Легатъ можетъ употреблять его лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ, только въ предѣлахъ своей провинціи и только тогда, когда онъ выступаетъ въ качествѣ именно легата. Въ примѣненіи къ храмамъ подчиненныхъ Исидору мѣстностей это означало,

что онъ могъ употреблять легатскій предносный крестъ лишь при посѣщеніи католическихъ костеловъ, а отнюдь не православныхъ церквей. Въ Кіевскій Софійскій соборъ точно такъ же, какъ и въ Московскій Успенскій, Исидоръ выходилъ съ преднесеніемъ не крыжа, а греческаго экзаршаго креста. Предпочитать крыжъ для него не было основаній. Какъ убѣжденный гуманистъ, Исидоръ не могъ быть фанатикомъ католицизма; предметомъ его поклоненія была древняя эллинская культура, а не детали христіанской догматики. Онъ хлопоталъ объ уніи прежде всего какъ греческій патріотъ, видѣвшій въ ней единственное средство спасенія Византіи. Но, какъ патріоту-греку, роль патріаршаго экзарха должна была быть для Исидора болѣе пріятною, чѣмъ роль папскаго легата.

Пл. Соколовъ.

ПАМЯТИ

ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА

Историческаго Общества Нестора-лѣтописца

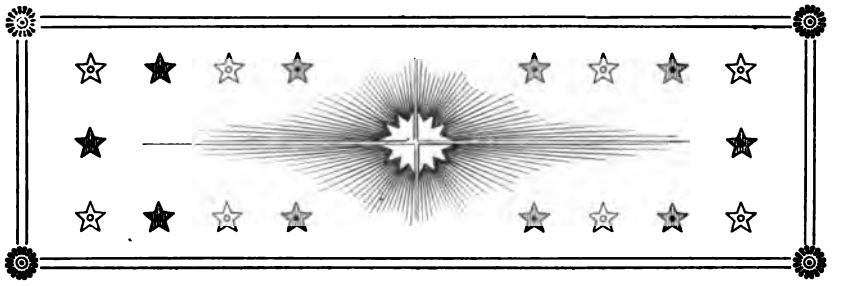
заслуженнаго ординарнаго профессора
и академика

Николая Павловича

Дашкевича.

(† 20 января 1908 г.).

H. Dannhelmer



Въ воскресенье, 3 февраля 1908 г., въ V-й аудиторіи Университета св. Владиміра состоялось засѣданіе Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, посвященное памяти почетнаго члена Общества заслуженнаго ординарнаго профессора и академика Николая Павловича Дашкевича. Въ этомъ засѣданіи въ присутствіи многочисленной публики, учениковъ и почитателей покойнаго были произнесены рѣчи предсѣдателемъ Общества Ю. А. Кулаковскимъ и членами: Т. Д. Флоринскимъ, А. И. Лободой, П. В. Шаровольскимъ, М. В. Довнаръ-Запольскимъ и И. М. Каманинымъ. Память почившаго многозаслуженнаго сочлена была почтена вставаніемъ.

Рѣчь Ю. А. Кулаковскаго.

Мм. Гг.

Двѣ недѣли тому назадъ русская наука, Университетъ св. Владиміра и наше Общество Нестора-лѣтописца понесли тяжелую утрату въ лицѣ почившаго заслуженнаго профессора Н. П. Дашкевича. Злой недугъ, гнѣздившійся съ давнихъ поръ въ его организмѣ, постепенно подтачивалъ его силы и наконецъ свелъ его въ могилу въ полномъ разцвѣтѣ его умственной и духовной силы и мощи. Съ тяжкимъ чувствомъ глубокой скорби о невознаградимой утратѣ собрались мы сегодня, чтобы почтить память почившаго, сказать доброе слово о его многоцѣнныхъ трудахъ, вызвать предъ нашимъ умственнымъ взоромъ его нравственный обликъ и въ этомъ общеніи съ почившимъ принести ему даръ нашей признательности за его жизненный подвигъ, совершенный на нашихъ глазахъ, въ общеніи съ нами.

Богато одаренный отъ природы, съ дѣтскихъ лѣтъ отличавшійся удивительной любознательностью и способностью усвоенія, Н. П. былъ какъ бы предопредѣленъ самой судьбою къ тому поприщу, которое онъ достойно проходилъ на своемъ жизненномъ пути. Еще на студенческой скамьѣ стяжалъ онъ себѣ ученое имя, а собравшійся въ Кіевѣ въ годъ окончанія имъ университетскаго курса Третій Археологическій съѣздъ упрочилъ за нимъ широкую и заслуженную извѣстность въ средѣ ученыхъ всей Россіи. Будучи оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ всеобщей литературы, Н. П. менѣе чѣмъ черезъ четыре года былъ уже магистромъ по предмету своей спеціальности и вступилъ въ число университетскихъ препо-

давателей, въ которомъ и остался до конца своихъ дней. На служеніе наукѣ и родному университету принесъ онъ всѣ свои богатые таланты, всѣ свои помыслы, всю свою энергію. Человѣкъ долга прежде всего, онъ съ неукоснительной вѣрностью стремился осуществить тотъ идеалъ профессора, который онъ носилъ въ своемъ сердцѣ: неустанно пополнялъ, углублялъ и усовершенствовалъ свое знаніе, чтобы передавать его другимъ въ живомъ процессѣ непосредственнаго общенія съ аудиторіей. Непритязательный, мягкій и деликатный въ отношеніи къ другимъ, необычайно строгій къ себѣ самому, проходилъ онъ свой жизненный путь въ неустанной напряженной ученой работѣ.

Оцѣнку ученыхъ трудовъ почившаго предложатъ Вашему вниманію мои товарищи; а я долженъ лишь отмѣтить заслуги его предъ нашимъ Обществомъ Нестора-лѣтописца. Н. П. вступилъ въ него черезъ годъ послѣ его зарожденія, въ 1874 году, съ 1878 года сталъ его секретаремъ и несъ эти обязанности непрерывно въ теченіи 15 лѣтъ. Горячо сочувствуя цѣлямъ Общества и радѣя объ успѣхахъ его дѣятельности, онъ являлся, благодаря широтѣ своихъ ученыхъ интересовъ и своей богатой энергіи, однимъ изъ самыхъ живыхъ его членовъ и много содѣйствовалъ интенсивности ученой жизни Общества. Когда пошатнувшіяся его физическія силы потребовали нѣкотораго облегченія, онъ оставилъ секретарство, но не прекратилъ своего участія въ ученой жизни Общества, а черезъ нѣсколько лѣтъ сталъ его предсѣдателемъ и съ малыми перерывами несъ эти обязанности до начала своей смертельной болѣзни. Болѣе 30 лѣтъ раздавалось въ засѣданіяхъ нашего Общества его краснорѣчивое слово въ ученыхъ сообщеніяхъ по исторіи литературы и отечественной исторіи, областяхъ знанія, въ которыхъ почившій былъ равно авторитетенъ. Онъ раскрывалъ здѣсь предъ нами свои огромныя познанія, свою бо-

гатую эрудицію, свой блестящій даръ комбинаціи. Ему предъ всѣми другими обязано наше Общество тѣмъ, что помимо историческаго, оно было также и историко-литературнымъ. Общество обязано почившему болѣе всѣхъ другихъ организаціей своей издательской дѣятельности. Покойный Н. П., съ самаго своего вступленія въ Общество, мечталъ о созданіи періодическаго органа. Недостатокъ матерьяльныхъ средствъ долго являлся здѣсь неодолимымъ препятствіемъ; но съ 1889 года удалось получить поддержку Министерства Народнаго Просвѣщенія; съ тѣхъ поръ „Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца" стали выходить въ видѣ одного большого тома въ годъ, а съ 14-го, по его иниціативѣ, наши „Чтенія" получили видъ періодическаго изданія, выходящаго по 4 книжки въ годъ.

Много труда положилъ почившій на наше изданіе, много внесъ онъ туда своихъ ученыхъ работъ, много времени стоила ему редакторская часть и тяжелый трудъ корректуры, который онъ часто исполнялъ за другихъ.

При его непосредственномъ и ближайшемъ участіи выработанъ былъ нынѣ дѣйствующій уставъ нашего Общества.

Желая расширить общественное служеніе нашего Общества, а также и упрочить матерьяльныя его средства, Н. П. былъ иниціаторомъ публичныхъ курсовъ и лекцій, объявляемыхъ отъ имени Общества его членами. Начиная съ 1896 года, Общество ежегодно объявляло публичныя лекціи и цѣлые курсы по разнымъ предметамъ историческаго знанія, при непосредственномъ участіи своего предсѣдателя. Публичныя чтенія по исторіи западной литературы Н. П. привлекали въ его аудиторію огромную публику, которая умѣла цѣнить его одушевленное изящное слово, полное знанія, силы, огня и убѣжденія. Когда его физическія силы стали ему измѣнять, мы, ближайшіе его това-

рищи, удерживали его отъ участія въ публичныхъ лекціяхъ; но онъ самъ такъ любилъ живой процессъ передачи своихъ сокровищъ искавшимъ у него поученія, что не слушалъ нашихъ совѣтовъ и уступилъ не сразу.

Помяну и еще объ одномъ его дѣлѣ. Его иниціативѣ и его энергіи обязано наше Общество и тѣмъ, что пятидесятилѣтіе со дня смерти Гоголя было достойно отмѣчено въ Кіевѣ рядомъ публичныхъ лекцій по разнымъ сторонамъ творчества этого писателя, и такъ составился изданный Обществомъ „Гоголевскій Сборникъ".

Эта живая, энергичная и плодотворная дѣятельность прервана теперь на вѣки. Обозрѣвая ее однимъ общимъ взглядомъ, мы приносимъ почившему нашу признательность за его великій трудъ и сохранимъ на вѣки благодарную память о томъ сосудѣ мира драгоцѣннаго, какимъ былъ въ нашей средѣ нашъ почившій дорогой товарищъ...

Рѣчь Т. Д. Флоринскаго.

Мы собрались здѣсь почтить память скончавшагося 20 января крупнаго представителя науки, многимъ изъ насъ близкаго и дорогого человѣка, который болѣе 30 лѣтъ принималъ самое живое участіе въ дѣятельности Историческаго Общества препод. Нестора-лѣтописца и почти всю свою жизнь, съ юношескихъ лѣтъ, провелъ въ этихъ стѣнахъ дорогой almae matris за непрерывнымъ, почти ежедневнымъ, книжнымъ трудомъ, посвященнымъ дѣлу преподаванія, научнымъ разысканіямъ и ученому творчеству.

Въ лицѣ ушедшаго въ лучшій міръ нашего сочлена, профессора и академика Н. П. Дашкевича понесли тяже-

лую, трудно вознаградимую потерю русская наука, нашъ Университетъ, Академія Наукъ и наше Историческое Общество, всегда бывшее близкимъ сердцу покойнаго ученаго.

Потеря эта слишкомъ свѣжа, вызванная ею скорбь въ нашихъ сердцахъ еще не улеглась, и мы стоимъ съ горькимъ чувствомъ предъ недавно засыпанной могилой.

Вѣдь Николай Павловичъ скончался всего на 56 году жизни, т. е. еще далеко не въ преклонномъ возрастѣ. До послѣдней минуты онъ сохранялъ въ своемъ, измученномъ болѣзнью, тѣлѣ бодрый духъ и свѣтлый умъ. Еще въ послѣдніе дни жизни, уже предчувствуя неизбѣжность близкой кончины, онъ не переставалъ думать о наукѣ, скорбѣлъ о неоконченныхъ имъ научныхъ предпріятіяхъ, читалъ корректуры своихъ новѣйшихъ статей и набрасывалъ свою послѣднюю, какъ онъ самъ называлъ, „предсмертную“ работу о „Полтавѣ“ Пушкина, отправленную въ печать всего за нѣсколько дней предъ его кончиной.

И вотъ уже не стало этого „книголюбца“-труженика, нѣтъ нашего завсегдатая университетской лекторіи и библіотеки. Какъ то не вѣрится, что мы больше уже не увидимъ его въ нашей средѣ и что въ этихъ стѣнахъ не раздастся болѣе его авторитетное, живое и научное слово. Въ переживаемыя нами тяжелыя минуты сознанія громадности понесенной утраты, такъ естественно возстановить въ памяти свѣтлый образъ почившаго ученаго и профессора. Но какъ трудно это сдѣлать теперь. подъ гнетомъ тяжелаго чувства вѣчной разлуки, особенно тому, кто имѣлъ возможность близко наблюдать жизненный путь покойнаго, постоянно находился съ нимъ въ близкомъ духовномъ общеніи и часто шелъ рука объ руку съ нимъ въ служеніи однимъ общимъ идеаламъ. Я чувствую, что мое слово слишкомъ слабо и блѣдно охарактеризуетъ свѣтлую личность и трудовую жизнь почившаго почтеннаго дѣятеля науки. Но и въ такомъ случаѣ

пусть оно будетъ принято какъ искреннее, хотя и скромное и весьма неполное, выраженіе глубокаго моего уваженія къ дорогой памяти покойнаго товарища и друга.

Н. П. Дашкевичъ родился 4 августа 1852 г. въ семьѣ сельскаго священника, въ селѣ Бежевѣ, Житомирскаго уѣзда, Волынской губерніи. Послѣ домашняго обученія онъ получилъ среднее образованіе въ Житомирской гимназіи, которую окончилъ съ золотою медалью въ 1868 г. Поступивъ въ томъ-же году въ Университетъ св. Владиміра на историко-филологическій факультетъ, онъ отдался съ особенной любовью изученію южно-русской исторіи и русской литературы. На студенческой скамьѣ онъ написалъ талантливое, увѣнчанное золотою медалью, изслѣдованіе о Даніилѣ Галицкомъ, которое до сихъ поръ остается одной изъ лучшихъ работъ по исторіи Галицкой Руси. Въ 1873 г. Н. П. былъ оставленъ при Университетѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ исторіи западноевропейскихъ литературъ, а въ апрѣлѣ 1877 г., послѣ защиты диссертаціи на тему: „Изъ исторіи средневѣковаго романтизма, Сказаніе о св. Гралѣ", удостоенъ степени магистра всеобщей литературы и выбранъ преподавателемъ на каѳедру этого предмета, которую и занималъ въ теченіе тридцати лѣтъ, послѣдовательно неся званія доцента, экстра-ординарнаго и ординарнаго профессора. И по истеченіи тридцатилѣтняго срока, ознаменованнаго сердечнымъ чествованіемъ юбиляра 20 мая 1904 г., онъ продолжалъ читать лекціи по своему предмету въ качествѣ сверхштатнаго заслуженнаго профессора, пока тяжелый недугъ—болѣзнь сердца— не лишилъ его возможности посѣщать дорогой ему Университетъ. Выдающіяся ученыя заслуги Николая Павловича, особенно выходъ въ свѣтъ его монументальнаго труда „Романтика круглаго стола въ литературахъ и жизни Запада" (Кіевъ, 1890 г.), побудили историко-филологическій

факультетъ и совѣтъ Университета поднести своему уважаемому сочлену дипломъ honoris causa на степень доктора исторіи западно-европейскихъ литературъ. Кромѣ Университета Н. П. преподавалъ свой обширный предметъ на высшихъ женскихъ курсахъ, старыхъ и новыхъ, и былъ главнымъ работникомъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца, исполняя при этомъ въ теченіе многихъ лѣтъ должность сперва секретаря, а потомъ предсѣдателя Общества. Сверхъ того, онъ принималъ дѣятельное участіе въ двухъ кіевскихъ археологическихъ съѣздахъ (1873 и 1899 гг.), а также въ завѣдываніи книжными сокровищами Университета въ качествѣ предсѣдателя библіотечной комиссіи. Для широкаго изученія своего предмета и съ цѣлью спеціальныхъ научныхъ разысканій Н. П. ѣздилъ три раза за границу, причемъ въ первый разъ провелъ въ заграничной командировкѣ около двухъ лѣтъ (съ 1878 по 1880 г.). Онъ работалъ въ университетахъ и библіотекахъ Германіи, Франціи, Англіи, Австріи и Италіи. Императорская Академія Наукъ давно считала его въ числѣ своихъ членовъ-корреспондентовъ, много разъ обращалась къ нему съ порученіями о разборѣ сочиненій, представляемыхъ на соисканіе премій, а въ прошломъ году избрала его въ ординарные академики по отдѣленію русскаго языка и словесности. Давній хроническій недугъ, особенно обострившійся весною 1907 г., подточилъ силы Николая Павловича, и 20 января, послѣ полудня, свелъ его въ могилу. Согласно волѣ покойнаго его прахъ погребенъ въ родномъ селѣ Бежевѣ 23-го января.

Такова въ главныхъ чертахъ несложная, небогатая фактами, внѣшняя сторона біографіи Н. П. Дашкевича. Почившій нашъ товарищъ посвятилъ себя всецѣло наукѣ, всю свою жизнь онъ провелъ въ поискахъ за истиннымъ знаніемъ и въ распространеніи этого знанія среди молодежи,

въ дѣятельномъ и идеально-чистомъ служеніи родному Университету и высшимъ задачамъ просвѣщенія. Его ученая и преподавательская дѣятельность были въ полной и самой тѣсной гармоніи. Онъ держался убѣжденія, что для того, чтобы быть хорошимъ профессоромъ, надо высоко держать знамя ученаго, самостоятельно и дѣятельно изучать разные отдѣлы данной науки и внимательно слѣдить за всѣми успѣхами ея разработки. Но, съ другой стороны, онъ думалъ (вопреки довольно распространенному мнѣнію), что спеціальныя занятія профессора не должны его отвлекать отъ добросовѣстнаго исполненія лежащей на немъ ближайшей задачи—тщательной обработки университетскихъ курсовъ. Въ университетскомъ преподаваніи Н. П. видѣлъ свое призваніе, какъ профессора, съ большимъ стараніемъ отдѣлывалъ свои научныя и весьма содержательныя лекціи и своимъ живымъ словомъ умѣлъ не только поддерживать въ аудиторіи интересъ къ предмету чтенія, но и возбуждать у наиболѣе даровитыхъ слушателей любовь къ самостоятельнымъ занятіямъ тѣми или другими историко-литературными вопросами. Его курсы, общіе и спеціальные, были весьма разнообразны, касаясь всѣхъ важнѣйшихъ отдѣловъ его безконечно-обширной спеціальности. Въ силу своей скромности и строгаго отношенія къ своимъ трудамъ, Н. П. не спѣшилъ съ печатаніемъ своихъ курсовъ; но многіе изъ нихъ, несомнѣнно, вполнѣ обработаны для печати и изданіе ихъ должно существенно обогатить нашу ученую литературу, столь бѣдную общими обзорами и спеціальными монографіями по исторіи западно-европейскикъ литературъ. Столь же разнообразны были научные вкусы и интересы Н. П. въ соотвѣтствіи съ сложностью его духовной организаціи и съ присущей ему страстною любовью къ труду и знанію. О всемъ этомъ разнообразіи можно будетъ составить отчетливо ясное и полное представленіе только тогда, когда станутъ

доступны ученому міру и широкой публикѣ, кромѣ уже напечатанныхъ его работъ, многочисленныя еще неизданныя его изслѣдованія и университетскіе курсы. Но и теперь, на основаніи извѣстныхъ данныхъ, можно видѣть, что Н. П. представлялъ собой большой и свѣтлый умъ и обладалъ обширной эрудиціей. Какъ бы оправдывая въ своей дѣятельности и ученой производительности несомнѣнно-вѣрное положеніе о близкой связи между науками историческими и филологическими, онъ былъ въ равной степени историкомъ и филологомъ-словесникомъ. Отъ раннихъ своихъ занятій русской исторіей, живой интересъ къ которой онъ сохранялъ до послѣднихъ дней жизни, онъ перешелъ къ работамъ въ области главной и обширной своей спеціальности—словесности, примѣняя въ нихъ широко и съ полнымъ успѣхомъ историческій методъ, на ряду съ методомъ сравнительнымъ. При этомъ какой широкій научный кругозоръ, какое безконечное разнообразіе предметовъ и вопросовъ, привлекаемыхъ къ разсмотрѣнію и изученію! На ряду съ родной, близкой сердцу Русью, южной и сѣверной, онъ обращаетъ взоры и на другія вѣтви славянства, напримѣръ, поляковъ и южныхъ славянъ, и охватываетъ своимъ всеобъемлющимъ мышленіемъ весь западно-европейскій міръ, во всѣхъ его крупныхъ представителяхъ, во всѣ эпохи средневѣковья и новыхъ временъ, со всѣми его разнообразными умственными и литературными движеніями и теченіями. Онъ пишетъ замѣчательныя изслѣдованія о Галицкомъ княжествѣ, о Литовско-русскомъ государствѣ, о Волоховской землѣ и оставляетъ въ рукописи обширную работу по исторіи южной Руси. Онъ мастерски разъясняетъ основные, наиболѣе трудные вопросы въ области русскаго былевого эпоса и малорусскихъ думъ и глубоко входитъ въ изученіе западно-европейскаго средневѣковаго эпоса. Въ цѣломъ рядѣ работъ онъ тщательно анализируетъ средневѣковой романтизмъ въ раз-

нообразныхъ его проявленіяхъ и изслѣдуетъ съ неменьшею обстоятельностью новѣйшую романтику въ ея отраженіяхъ въ литературахъ разныхъ народовъ. Съ полнымъ знаніемъ дѣла и весьма мѣтко онъ оцѣниваетъ значеніе провансальской поэзіи и опредѣляетъ генезисъ и дальнѣйшее развитіе поэзіи міровой скорби. Онъ пишетъ цѣнные мастерскіе этюды о корифеяхъ западно-европейскихъ литературъ, какъ-то: о Шекспирѣ, Мольерѣ, Байронѣ, Шиллерѣ, Гете и выступаетъ талантливымъ біографомъ и истолкователемъ поэзіи гигантовъ родной литературы: Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева. Большой знатокъ малорусской народной поэзіи, онъ глубже многихъ другихъ новѣйшихъ писателей зналъ малорусскую литературу и посвящаетъ выясненію ея исторіи цѣлую книгу, равной которой по достоинству нѣтъ въ ученой литературѣ по данному вопросу. Съ соблюденіемъ строгонаучныхъ критическихъ методовъ онъ изслѣдуетъ реальныя явленія литературъ и въ то же время подымается въ область болѣе отвлеченнаго философскаго мышленія, принимая на себя изученіе и разрѣшеніе трудныхъ вопросовъ теоріи поэзіи и психологіи творчества. Въ своихъ многочисленныхъ работахъ Н. П. проявляетъ одинаковую любовь къ старинѣ и новизнѣ и умѣло устанавливаетъ связь между старымъ и новымъ. Его вниманіе привлекаютъ не только самые литературные факты, но и исторія ихъ изученія, исторія науки. Сюда, напримѣръ, относятся его мѣткія характеристики ученой и литературной дѣятельности профессоровъ нашего университета, знаменитаго слависта, учителя покойнаго, А. А. Котляревскаго и болѣе раннихъ дѣятелей Метлинскаго и Красова. Сюда-же слѣдуетъ отнести его многочисленныя критическія статьи и цѣлые обзоры научной литературы. Вообще критическій элементъ присутствуетъ въ большей части работъ Н. П—а. Задачи критики покойный ученый понималъ очень широко. Подвергая раз-

бору то или другое сочиненіе, онъ не ограничивается указаніемъ достоинствъ и недостатковъ его, а даетъ самостоятельныя изслѣдованія по вопросамъ, рѣшенія которыхъ въ данномъ трудѣ его совсѣмъ или отчасти не удовлетворяли. Такимъ образомъ, нѣкоторые его разборы превращались въ цѣлыя изслѣдованія. Напримѣръ, изъ его замѣтокъ о сочиненіи проф. В. Б. Антоновича по исторіи Литовско-русскаго государства образовалась цѣлая прекрасная монографія „Литовско-русское государство, условія его возникновенія и причины упадка". Такой-же характеръ самостоятельнаго глубокаго изслѣдованія предмета имѣетъ его обширный разборъ сочиненія Н. И. Петрова „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія".

Всѣ работы Н. П. Дашкевича, большія и малыя, отличаются высокими достоинствами: онѣ носятъ на себѣ печать обширныхъ знаній, полной самостоятельности мышленія автора, свидѣтельствуютъ о глубинѣ и объективности изслѣдованія предмета и въ силу такихъ свойствъ надолго сохранятъ свою цѣну въ наукѣ. Въ 1906 году друзья и ученики Н. П—а, поднося ему сборникъ „Eranos", изданный въ его честь по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его профессорской дѣятельности, составили списокъ его ученыхъ трудовъ. Число ихъ тогда достигало 62 номеровъ. Въ теченіе 1907 года, не смотря на болѣзненное состояніе, онъ успѣлъ написать еще 7 работъ, которыя частью напечатаны, частью сданы въ печать. Эти работы слѣдующія: 1) Смѣна вѣковыхъ традицій въ отношеніяхъ народовъ Запада къ Русскимъ, 2) Славяно-русской Троянъ и римскій императоръ Траянъ; 3) Опытъ указанія литературныхъ параллелей къ плачу Ярославны въ „Словѣ о Полку Игоревѣ"; 4) Нѣсколько словъ о Н. И. Костомаровѣ и Ѳ. М. Достоевскомъ; 5) Разборъ книги проф. Розанова „Яковъ Ленцъ" и два этюда для Сборника „Библіотека великихъ писателей": 6)

Слѣды увлеченія Байрономъ, разочарованія и сомнѣнія въ поэзіи Пушкина и 7) О „Полтавѣ“ Пушкина. Послѣдняя работа, какъ уже сказано, была написана не задолго до смерти. Но кромѣ напечатанныхъ трудовъ, отъ Н. П—а осталось не мало работъ въ рукописяхъ. Въ одной изъ предсмертныхъ своихъ бесѣдъ онъ сообщилъ мнѣ, что у него совсѣмъ обработаны для печати четыре работы: „Изслѣдованіе объ Артуровомъ эпосѣ“, монографія о Лермонтовѣ, біографія Красова и большой (въ 3-хъ томахъ) трудъ по исторіи Южной Руси. Къ этимъ работамъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ присоединить и многіе изъ его университетскихъ курсовъ. Приходится пожелать, чтобы всѣ эти изслѣдованія и курсы были изданы въ возможно скоромъ времени. Объ этомъ должны позаботиться въ равной степени нашъ Университетъ, Академія Наукъ и Общество Нестора-лѣтописца.

Такъ среди непрерывныхъ ежедневныхъ научныхъ занятій протекла вся трудовая жизнь Н. П—а. Будучи отъ природы и по характеру человѣкомъ малообщественнымъ, онъ никогда не искалъ ни широкихъ связей, ни большихъ знакомствъ, не любилъ общественныхъ собраній и развлеченій, довольствуясь общеніемъ съ небольшимъ кружкомъ близкихъ друзей и знакомыхъ. Онъ дорожилъ каждымъ часомъ, каждой минутой дня, которыя казались ему необходимыми для его научной работы и, являясь въ случаѣ крайней необходимости въ обществѣ, всегда спѣшилъ скорѣе вернуться въ свой кабинетъ, къ своимъ книгамъ. Пламенная любовь къ наукѣ развила въ немъ такую же большую, страстную любовь къ книгамъ. На скромныя профессорскія средства, нерѣдко отказывая себѣ въ необходимомъ, онъ составилъ богатую библіотеку, въ которой особенно хорошо подобраны отдѣлы по исторіи западно-европейскихъ литературъ, народной поэзіи и южно-русской исторіи. Отдыхъ отъ своихъ трудовъ Н. П. находилъ въ своей семьѣ,

къ которой былъ искренно привязанъ, и въ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ на принадлежащемъ ему небольшомъ клочкѣ земли въ родномъ селѣ Бежевѣ, куда онъ уѣзжалъ на каникулярное время и гдѣ его особенно радовалъ уходъ за разведенными его непосредственными трудами садикомъ и цвѣтникомъ. Здѣсь у себя на родинѣ нашъ ученый находилъ высшее наслажденіе въ созерцаніи природы, которая всегда влекла его къ себѣ. Чувство любви къ природѣ соединялось у него съ присущимъ ему возвышеннымъ поэтическимъ настроеніемъ. Усидчивыя книжныя занятія отнюдь не засушили Н. П—а. Онъ представлялъ собой поэтическую натуру. Внимательное изученіе поэтическаго творчества у разныхъ народовъ и во многихъ литературахъ не могло не вліять извѣстнымъ образомъ на складъ его міросозерцанія. Глубокій изслѣдователь романтики, онъ самъ былъ въ своей жизни и въ своихъ воззрѣніяхъ въ извѣстной степени романтикомъ. Любя все прекрасное и стремясь къ возвышенному, онъ былъ отзывчивъ на все чистое, честное, благородное. Всегда скромный и непритязательный въ жизни, онъ руководился и въ отношеніяхъ къ людямъ чувствами правдивости и доброжелательности. Онъ всегда былъ идеалистомъ. Его искренній и чистый идеализмъ находилъ свое высшее выраженіе въ сильномъ религіозномъ чувствѣ. Николай Павловичъ былъ глубоко вѣрующимъ и убѣжденнымъ христіаниномъ. Въ своей жизни онъ стремился слѣдовать великой евангельской заповѣди о любви къ Богу и ближнему и превыше всего ставилъ служеніе истинѣ и правдѣ.

Въ своихъ общихъ взглядахъ по различнымъ вопросамъ науки и жизни онъ не былъ одностороннимъ теоретикомъ, не принадлежалъ къ какому-либо направленію или опредѣленной политической партіи, а проявлялъ полную самостоятельность въ мысляхъ и сужденіяхъ, руководясь

исключительно велѣніями своего ума и сердца. Широкое образованіе и непосредственное знакомство съ проявленіями духовной жизни многихъ народовъ не позволили ему увлечься столь модными теперь космополитическими теоріями, но они же помѣшали ему сдѣлаться узкимъ націоналистомъ. Относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ пріобрѣтеніямъ общечеловѣческаго генія въ области мысли и искусства, онъ, однако, высоко ставилъ идею народности. На ряду съ великимъ чужимъ онъ несказанно любилъ и свое родное русское, какъ-то родную литературу, величайшихъ русскихъ поэтовъ, русскую народную поэзію. Малороссъ по происхожденію, уже съ дѣтства близко стоя къ народу, онъ былъ искренно привязанъ къ простому люду, внесъ цѣнные вклады въ изученіе малорусской исторіи, этнографіи и литературы; но онъ не раздѣлялъ тѣхъ новѣйшихъ узконаціоналистическихъ доктринъ, которыя стараются вырыть глубокую пропасть между двумя русскими народностями, и не сочувствовалъ стремленіямъ представителей этихъ доктринъ разрушить созданное вѣками единеніе великоруссовъ и малоруссовъ въ одномъ общемъ научномъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ своихъ воззрѣніяхъ на современное политическое положеніе, онъ не былъ сыномъ вѣка, умѣлъ стоять выше мелкихъ злобъ дня и ходячихъ легковѣсныхъ теорій.

Такимъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, выступаетъ передъ нами образъ почившаго нашего товарища. Какъ человѣкъ, профессоръ и ученый Н. П. въ теченіе трехъ десятилѣтій занималъ выдающееся мѣсто въ университетской семьѣ. Симпатичный обликъ этого удивительнаго человѣка долго будетъ жить въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ его или слышавшихъ о немъ, а оставленное имъ богатое литературное наслѣдіе будетъ представлять не для одного поколѣнія обильный источникъ поученія.

„Чтенія въ Ист. Общ. Нест.-лѣт.“, кн. XX, в. III, отд. 3.

Рѣчь А. М. Лободы.

Н. П. Дашкевичъ, какъ историкъ литературы русской и малорусской.

Съ ростомъ науки все рѣже и рѣже встрѣчаются ученые энциклопедисты, въ родѣ Ѳ. И. Буслаева, А. Н. Веселовскаго; Н. П. былъ однимъ изъ этихъ немногихъ избранныхъ, но и среди нихъ онъ выдѣлялся условіями своей научной дѣятельности: спеціализовавшись первоначально на русской исторіи и блестяще зарекомендовавъ себя здѣсь, онъ вдругъ быстро переходитъ на западно-европейскія литературы, въ короткое время выпускаетъ рядъ крупныхъ работъ по нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаетъ свои прежнія разысканія въ области исторіи южной и западной Руси; наконецъ, обращается къ русской и украинской [1]) народной словесности и литературѣ, и послѣднія, видимо, все больше и больше начинаютъ привлекать его вниманіе; онѣ же создаютъ Н. П. наиболѣе широкую популярность, настолько, что его называютъ даже однимъ изъ наиболѣе желательныхъ преемниковъ по каѳедрѣ Буслаева въ Московскомъ университетѣ.

Это и понятно. Вѣдь литература—своего рода синтезъ жизни; въ ней найдетъ себѣ матеріалъ для работы лю-

---

[1]) Терминъ, которымъ Н. П., вслѣдъ за Буслаевымъ (ср. его ст.: „Объ эпическихъ выраженіяхъ Украинской поэзіи“), Н. И. Петровымъ и др., преимущественно пользовался сначала; еще въ 1893 г. онъ такъ озаглавилъ статью: „Вопросъ о литературномъ источникѣ украинской оперы И. П. К...аго „Москаль-чаривникъ“; но въ 1898 уже читаемъ: „Малорусская и другія бурлескныя Энеиды“..., и термины „малорусскій“, „южно-русскій“ вытѣсняютъ старый.

бой живой изслѣдователь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и справится съ этимъ матеріаломъ только тотъ, кто имѣетъ незаурядную подготовку. Давно ужъ отжилъ взглядъ, по которому литературныя произведенія можно было изучать, какъ нѣчто обособленное, самодовлѣющее, и, напримѣръ, исторія русской литературы только тогда выступаетъ въ своемъ настоящемъ видѣ, когда она опирается на русскую исторію, съ одной стороны, и международную литературную эволюцію, съ другой.

Вотъ почему та подготовка, съ которой Н. П. подошелъ къ родной ему литературѣ, оказалась какъ нельзя болѣе подходящей, и Н. П. умѣлъ ею пользоваться.

Вспомнимъ первый трудъ его въ области русской литературы, разборъ былинъ объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на Руси [1]). Мастерски разбираетъ онъ здѣсь лѣтописныя сказанія о названномъ богатырѣ и событіи, отдѣляетъ въ нихъ элементы историческіе и поэтическіе; сопоставляя ихъ съ позднѣйшими записями былинъ устанавливаетъ древнѣйшій видъ былевыхъ преданій объ Алешѣ Поповичѣ и затѣмъ намѣчаетъ послѣдующую эволюцію этихъ преданій подъ вліяніемъ мѣстныхъ переживаній русскаго эпоса и западно-европейскихъ воздѣйствій на него. Полнота историческаго знанія соединяется здѣсь съ обширной начитанностью въ былинной литературѣ и въ соотвѣтствующемъ матеріалѣ западномъ, умѣлый подборъ источниковъ—съ строгою критическою провѣркою ихъ, осторожность въ собственныхъ построеніяхъ—съ внимательнымъ учетомъ того, что сдѣлано другими, наконецъ, содержательность—съ сжатостью, такъ что небольшая по объему статья

---

[1]) Унив. Извѣстія 1883 г. №№ 3 и 5; Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора-лѣтописца, III, и отд.

оказалась одной изъ наиболѣе замѣтныхъ работъ въ русской былевой литературѣ и сразу доставила Н. П. видное мѣсто среди спеціалистовъ. Съ такимъ же успѣхомъ продолжалась и его послѣдующая дѣятельность.

Историкъ по своей первоначальной подготовкѣ и симпатіямъ, которыя хранилъ всю жизнь, онъ, естественно, и въ литературныхъ работахъ чувствовалъ особое тяготѣніе къ исторической точкѣ зрѣнія, но при этомъ чуждъ былъ односторонности, исключительности. Такъ, основу и исходный пунктъ былевого эпоса Н. П. считалъ историческими, либо въ тѣсномъ смыслѣ отправленія первоначальныхъ пѣсенъ отъ того или иного историческаго лица и событія, либо въ широкомъ смыслѣ изображенія бытовой картины, имѣющей связь, хотя бы и отдаленную, съ жизнью той среды, въ которой слагается и развивается эпосъ. Но историческая или бытовая основа эпоса, продолжалъ онъ, облекается въ значительной степени въ формы шаблонныя, установившіяся отчасти на почвѣ миѳическихъ представленій и бытовыхъ переживаній (какъ о послѣднихъ говоритъ антропологическая школа), но еще болѣе—на почвѣ извѣстныхъ, въ значительной степени международныхъ традицій эпическаго творчества. Сверхъ того, въ средѣ, въ которой слагается и живетъ извѣстный эпосъ, обращаются, кромѣ историческихъ пѣсенъ, и другія сказанія въ пѣсенной, анекдотической и сказочной формѣ, заступающія мѣсто повѣствовательной литературы и представляющія то или иное соприкосновеніе съ сюжетами былевого эпоса; эти сказанія также легко могутъ проникать въ эпосъ... Наконецъ, могутъ проникать въ него и нѣкоторыя данныя изъ литературныхъ и вообще книжныхъ источниковъ, своихъ и чужихъ. Со всѣми этими условіями и составными элементами и долженъ считаться изслѣдователь былевого эпоса, обязанный вмѣстѣ съ тѣмъ принимать во вниманіе, кромѣ чисто народныхъ сказаній,

старинныя литературныя записи ихъ и отдѣльныхъ эпическихъ мотивовъ [1]).

Тѣ же особенности чувствуются и въ отношеніи Н. П. къ изящной литературѣ.

Подобно тому, какъ къ истолкованію былевого эпоса онъ подходилъ съ пріемами историка, пользующагося другими, чисто литературными методами только для того, чтобы отыскать историческую основу интересующаго его сказанія, такъ и въ изящной литературѣ подъ внѣшнимъ покровомъ тѣхъ или иныхъ литературныхъ формъ, изобразительныхъ средствъ и пріемовъ творчества искалъ онъ отраженія идейныхъ настроеній, слѣдовъ общественныхъ и историческихъ переживаній. Такъ, въ своемъ замѣчательномъ разборѣ очерковъ проф. Петрова по исторіи украинской литературы XIX в. Н. П. проводилъ тотъ взглядъ, что одной изъ важнѣйшихъ, основныхъ задачъ изученія исторіи этой литературы должно быть выясненіе національныхъ основъ и стремленій, въ кругу которыхъ она зародилась и которымъ наиболѣе обязана своимъ живымъ народнымъ содержаніемъ; литературныя произведенія о Екатеринѣ II Н. П. разсматривалъ какъ „историческіе документы суда надъ нею ея современниковъ“ [2]) въ рѣчи о Жуковскомъ намѣчалъ себѣ цѣлью поставить поэзію Жуковскаго „въ связь съ общеевропейскимъ *культурнымъ* движеніемъ первыхъ десятилѣтій нашего вѣка“ (курсивъ нашъ) [3]); въ поэзіи Пушкина также особенно интересовало Н. П. именно ея идейное содержаніе, ея связь съ основными проблемами не только своего времени,

---

[1]) Цит. соч. и Разборъ сочиненія В. Ѳ. Миллера: Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса.

[2]) Литературныя изображенія императрицы Екатерины II и ея царствованія.

[3]) Кіевлянинъ, 1883 г. № 31.

но и позднѣйшаго; даже больше—„въ годы юности Пушкина", отмѣчаетъ, напримѣръ, Н. П.: „начали окончательно сказываться новыя идеи о народномъ благѣ и мечты о подведеніи нашего государства подъ тѣ западныя формы, образецъ которыхъ представляли Франція и Англія, и вообще уже тогда выникъ цѣлый рядъ жгучихъ вопросовъ, которые ставилъ постоянно и потомъ весь XIX вѣкъ до нашихъ дней включительно. Они предстаютъ намъ съ неотразимою настоятельностію и теперь, когда анархія идей опять охватила многіе умы и достигла чрезвычайной силы, и въ высшей степени интересно взглянуть, какъ отнесся къ нимъ умнѣйшій человѣкъ въ Россіи того времени, по мнѣнію имп. Николая I, человѣкъ, утрата котораго была незамѣнима, по выраженію Мицкевича" [1]).

Но и здѣсь онъ не упускалъ изъ виду, что „въ содержаніи и формѣ поэтическихъ произведеній должно различать *свое,* какъ индивидуальное и національное, и *чужое,* какъ инородное либо вообще международное.

Проблема сочетанія своего съ чужимъ возникла, вѣроятно, уже съ древнѣйшихъ временъ,... но никогда литературное взаимодѣйствіе не принимало такихъ размѣровъ, какъ въ новое время, преимущественно съ XVIII столѣтія и съ эпохи новой романтики.

Съ той поры принятіе и усвоеніе лучшихъ результатовъ умственной дѣятельности и литературныхъ направленій и формъ, выработанныхъ другими народами, стало постояннымъ и рѣзко замѣтнымъ фактомъ исторіи и неизбѣжнымъ условіемъ болѣе широкаго и многосторонняго народнаго развитія" [2]).

---

[1]) А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени, стр. 43 отд. оттиска.

[2]) Пушкинъ, стр. 2, 46.

Вслѣдствіе этого, изученіе литературы вообще возможно лишь при посредствѣ сравнительно-историческомъ, и въ частности исторія новой русской литературы мыслима и понятна только въ самой тѣсной органической связи съ литературами Запада.

Такъ именно и изучалъ ее Н. П., не увлекаясь простымъ нанизываніемъ параллелей, но стремясь къ своей конечной цѣли—разрѣшить „проблему сочетанія въ ней своего съ чужимъ", показать, какъ въ горнилѣ мірового обмѣна идей и формъ вырабатывались новые, оригинальные сплавы.

Въ поэзіи Жуковскаго онъ намѣчалъ точки соприкосновенія съ западно-европейскимъ романтизмомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „интересный процессъ сліянія западной романтики съ основами русскаго консерватизма", настроеніе „святой Руси" нашихъ среднихъ вѣковъ подъ оболочкой позднѣйшей, чужеземной [1]).

Обращаясь къ Лермонтову, Н. П. доказывалъ „что разсмотрѣніе отношеній его поэзіи къ западно-европейскимъ литературамъ важно не менѣе выясненія національной и личной основы ея", и далъ исчерпывающій общій перечень тѣхъ писателей Запада, съ которыми несомнѣнно знакомство Лермонтова, а затѣмъ детально разобралъ „Демона" въ связи съ его предшественниками съ одной стороны и личными настроеніями поэта съ другой [2]).

Задача статьи о Пушкинѣ—установить „исходный пунктъ поэзіи его—литературныя и другія идеи Запада, выработанныя XVIII вѣкомъ и началомъ XIX-го", и вмѣстѣ съ тѣмъ оттѣнить также самобытность его, проявлявшуюся какъ въ самомъ

---

[1]) Романтика на западѣ и въ поэзіи Жуковскаго, Кіевлянинъ, 1883 г. №№ 31—32.

[2]) Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова, Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора-лѣтописца, VI—VII.

присвоеніи чужого, такъ и въ постепенномъ, все большемъ и большемъ подчиненіи этого чужого родному. Шагъ за шагомъ сопоставляя Пушкина съ главнѣйшими „властителями думъ“ европейскаго общества конца XVIII в. и начала XIX в., Н. П. вскрываетъ предъ читателями, какъ нашъ поэтъ откликался на всѣ важнѣйшіе вопросы, волновавшіе его современниковъ, уже съ юности проникся почти всѣми интересами міровой поэзіи новаго времени и рано стремился стать на ея высотѣ, но не былъ ея рабомъ, а лишь свободнымъ испытателемъ тайнъ ея и конечное пристанище для задушевныхъ помысловъ и „трудовъ“ нашелъ въ родной землѣ—въ вѣрѣ въ духовность человѣка и въ высокій жребій того народа, изъ среды котораго вышелъ самъ [1]).

Въ частности, характеризуя затѣмъ „отголоски увлеченія Байрономъ въ поэзіи Пушкина“, Н. П. пришелъ къ заключенію, что „нашъ поэтъ, хотя и увлекался Байрономъ, не былъ, какъ мощный геній, прямымъ послѣдователемъ и подражателемъ британскаго поэта, а лишь сошелся съ послѣднимъ преимущественно въ видномъ и яркомъ выдѣленіи явленія, которое было обще русской жизни и поэзіи съ западноевропейской отчасти подъ вліяніемъ сходныхъ причинъ. Настроеніе „современнаго человѣка“ онъ передалъ въ цѣломъ рядѣ лирическихъ и эпическихъ произведеній, иногда напоминая Байрона, но всякій разъ оригинально и красиво, на свой ладъ“ [2]).

Не менѣе, по мысли Н. П., связанъ съ Западомъ и тотъ, кого до послѣдняго времени обыкновенно разсматривали лишь съ точки зрѣнія отраженія русской дѣйствительности,—Н. В. Гоголь. Не даромъ впервые со всею отчетливостью начала выяснять его значеніе критика иностранная,

---

[1]) Пушкинъ, 30, 173 и др.

[2]) Сочиненія Пушкина, изд. Брокгауза-Ефрона, т. II, 449.

обладавшая бо́льшимъ запасомъ данныхъ для сравненія и болѣе широкимъ кругозоромъ, чѣмъ наша отечественная. Томимый „жаждой знать душу человѣка", почерпнуть въ такомъ познаніи опредѣленіе добра, котораго алкала его душа, и обрести смыслъ человѣческой жизни, Гоголь искалъ опоры въ романтизмѣ. Романтическое настроеніе, какъ еще болѣе романтическая поэтика, оставили замѣтный слѣдъ въ его произведеніяхъ, но не оторвали его отъ дѣйствительности, что нерѣдко бывало у другихъ романтиковъ, а только привели къ просвѣтленію и углубленію ея. Въ этомъ соединеніи высокаго идеализма съ психологизмомъ и натурализмомъ и заключается особенность Гоголя, сдѣлавшая его „однимъ изъ обновителей искусства въ XIX в., какъ въ XIV ст. таковыми были Боккачьо и Чоусеръ, а въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го Шекспиръ и Сервантесъ" [1]).

Подобнымъ же образомъ изучалъ Н. П. и малорусскую литературу [2]), вводя ее въ широкую рамку общеевропейскаго движенія,—непосредственно, какъ то мы видимъ въ разборѣ „Москаля-чаривника" или черезъ посредство литературъ польской и русской; указаніемъ этихъ историко-литературныхъ связей малорусской литературы дѣло изученія послѣдней было поставлено на строго научный путь и намѣчены были основные факторы исторіи ея. Но и здѣсь Н. П. не ограничивался подведеніемъ произведеній подъ тѣ или иные общеевропейскія теченія: такъ, напримѣръ, исторія сюжетовъ „Москаля-чаривника" и „Энеиды" Котляревскаго

[1]) Значеніе мысли и творчества Гоголя и Романтическій міръ Гоголя (Чтенія И. О. Н.-л. XVI и XIX, в. 1).

[2]) Отзывъ о сочиненіи Н. И. Петрова: „Очерки исторіи украинской литературы XIX ст."; Вопросъ о литер. источникѣ украинской оперы И. П. Котляревскаго „Москаль-чаривникъ"; Малорусскія и другія бурлескныя Энеиды.

сопровождается оттѣненіемъ и того новаго, что внесъ Котляревскій въ заимствованныя имъ схемы: здороваго, высокаго юмора, гуманности, народныхъ началъ и „просвѣщеннаго вниканія въ общественныя отношенія Малороссіи въ предѣлахъ русскаго государства".

Къ сожалѣнію, не все въ этихъ разысканіяхъ успѣлъ Н. П. довести до конца, что объяснялось отчасти сложностью занятій его, отчасти характеромъ его работы и темпераментомъ.

При всей своей поразительной эрудиціи и начитанности, Н. П. отличался еще большей требовательностью и мнительностью, какъ къ другимъ, такъ и къ самому себѣ. Научное изслѣдованіе, по мнѣнію его, прежде всего должно представлять своего рода провѣрку сдѣланнаго ранѣе, должно охватывать весь наличный матеріалъ, и не одна его работа откладывалась до поры-до времени, потому ли, что появилась новая книга, съ которой надо было еще посчитаться, или потому, что не всѣ еще собраны были необходимыя справки. Оригиналы Н. П. всегда бывали испещрены помарками, вставками, передѣлками; не разъ случалось, что вполнѣ законченная статья вдругъ перерабатывалась чуть не заново,—и при всемъ этомъ Н. П. рѣдко оставался доволенъ своими трудами, первый усматривалъ въ нихъ недочеты и съ болѣзненной мнительностью прислушивался къ замѣчаніямъ другихъ.

Съ другой стороны, это не былъ ученый, замыкавшійся въ тѣсную рамку нѣсколькихъ излюбленныхъ вопросовъ; онъ никогда не уклонялся отъ того, что считалъ своимъ долгомъ, и одной изъ главнѣйшихъ обязанностей профессора литературы считалъ откликаться на всѣ выдающіяся явленія нашей литературной жизни.

Столѣтняя годовщина дня рожденія Жуковскаго (1883 г.), смерть Тургенева (1883 г.), тысячелѣтіе славянскихъ перво-

учителей (1885 г.), пятидесятилѣтіе смерти Пушкина (1887 г.), затѣмъ Лермонтова (1891 г.), смерть Аполлона Майкова (1897 г.), столѣтіе „Энеиды“ Котляревскаго (1898 г.), столѣтіе дня смерти императрицы Екатерины II (1896 г.) и столѣтіе рожденія Пушкина (1899 г.), наконецъ, пятидесятилѣтія смерти Гоголя и Жуковскаго (1902 г.)—вотъ длинный перечень событій, на которыя Н. П. такъ или иначе откликнулся, рѣчами или цѣлыми изслѣдованіями. Особенно памятно его участіе въ чествованіи предпослѣднихъ двухъ юбилеевъ. Плодомъ перваго изъ нихъ была замѣчательная статья о Пушкинѣ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени, одна изъ лучшихъ въ богатой юбилейной Пушкинской литературѣ; при второмъ Н. П. являлся главнымъ организаторомъ и вдохновителемъ всѣхъ юбилейныхъ начинаній при Обществѣ Нестора-лѣтописца и Университетѣ; по мысли Н. П. предполагалось дать рядъ публичныхъ лекцій о Гоголѣ, въ день юбилея устроить торжественное засѣданіе съ выставкой, издать юбилейный сборникъ. Засѣданіе не было разрѣшено въ виду тревожнаго времени, но лекціи и сборникъ состоялись, и послѣдній также занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Гоголевской литературѣ; къ сожалѣнію, самъ редакторъ его не успѣлъ закончить своихъ этюдовъ о Гоголѣ и дать нѣчто цѣльное, въ родѣ статей о Пушкинѣ или Лермонтовѣ.

Памятуя такъ о корифеяхъ нашей литературы, Н. П., конечно, былъ совершенно чуждъ какого-бы то ни было „казеннаго“ отношенія къ нимъ; сознаніе важности событія—вотъ что прежде всего вдохновляло его. „Смыслъ юбилейныхъ воспоминаній въ томъ именно и состоитъ“, писалъ Н. П.: „что они содѣйствуютъ установленію болѣе или менѣе зрѣлыхъ сужденій, невозможныхъ въ большинствѣ случаевъ для современниковъ и вообще людей, близкихъ по времени къ тому или иному дѣятелю или явленію, и самымъ отдаленіемъ перспективы уясняютъ общее, вѣковое

значеніе поминаемыхъ личностей и событій, способствуютъ подведенію общихъ итоговъ и тѣмъ безконечно расширяютъ горизонты нашей мысли". Но кромѣ того и не меньше того, Н. П. руководила теплая любовь и признательность впечатлительнаго читателя къ источникамъ его высокаго наслажденія. Достаточно просмотрѣть литературныя цитаты его, чтобы убѣдиться, какъ читалъ онъ, съ какою любовью умѣлъ уловить каждый оттѣнокъ мысли писателя, его особенность, какъ хорошо и много помнилъ: наши писатели, видимо, были настольною книгою его.

Глубокая любовь къ русской литературѣ, гордость ею, какъ великимъ національнымъ достояніемъ, видны во всѣхъ работахъ Н. П.; но и къ литературѣ украинской не оставалось холоднымъ его сердце. Котляревскому онъ ставитъ въ заслугу, что тотъ въ пьесу „Москаль-чаривникъ" „ввелъ и такой вопросъ, серьезный и глубоко захватывавшій тогда и потомъ украинцевъ, мыслившихъ и дорожившихъ своимъ личнымъ достоинствомъ, какъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ племенъ, составившихъ великое русское государство. Въ немногихъ сценахъ, въ которыхъ солдатъ-постоялецъ сталкивается со своими хозяевами—украинцами, проведена весьма отчетлива идея необходимости взаимнаго уваженія и равноправности, долженствующая устранить племенную рознь и высокомѣрное отношеніе къ „хохламъ" и устроить надлежащій modus vivendi" [1]). И позднѣе, въ 1898 году, Н. П. писалъ: „малорусская литература уже не бѣдна талантами въ Россіи и также въ Галичинѣ, имѣющей такого писателя, какъ Франко, и находится на пути къ выработкѣ изъ себя литературы, не только удовлетворяющей требованіямъ ограниченной среды и чисто народнаго

[1]) Вопросъ о литературномъ источникѣ украинской оперы И. П. Котляревскаго „Москаль-чаривникъ", 1893 г. стр. 29 оттиска.

вкуса, но и достигающей высокаго эстетическаго и соціальнаго подъема и становящейся всенародною, что видимъ въ Галичинѣ и отчасти въ Буковинѣ“ [1]).

Темныхъ явленій въ литературѣ Н. П., конечно, не скрывалъ, но не любилъ распространяться о нихъ и къ т. н. „развѣнчиваніямъ“, „разоблаченіямъ“, основаннымъ на одностороннемъ подчеркиваніи какихъ-либо отдѣльныхъ чертъ, относился отрицательно; наоборотъ, свѣтлыя стороны онъ любилъ и умѣлъ представить особенно рельефно и даже эффектно. Такъ, напримѣръ, онъ разбиралъ „Энеиду“ Котляревскаго, оспаривая взглядъ на нее, какъ на повтореніе грубой пародіи Осипова, и выдвигая въ ней иные, болѣе высокіе элементы; „сатиризмъ Котляревскаго“, писалъ онъ: „исполненъ грандіозной мысли: онъ приближается по своему смыслу къ основной идеѣ „Похвалы глупости“ Эразма Роттердамскаго, къ ироническому изображенію міра у Аріосто и вообще къ концепціи великихъ сатириковъ“ [2]). Или, въ другомъ мѣстѣ, касаясь толковъ о „непостоянствѣ“ взглядовъ и убѣжденій Пушкина, Н. П. отмѣчаетъ, что и „суровый“ Данте „также въ молодости былъ не чуждъ недостойныхъ его увлеченій, не оставался до конца вѣренъ всѣмъ идеямъ своей юности, въ томъ числѣ и политическимъ, и отъ сомнѣній взошелъ къ ясной и глубокой вѣрѣ... И Шекспиръ былъ кипучъ и страстенъ въ годы молодости“, также пережилъ періодъ разлада съ жизнью, но „затѣмъ взошелъ къ такой ясности духа и къ такому примиренію съ дѣйствительностью, какія находимъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ и которыя сообщаютъ „Бурѣ“ прелесть роскошной вечерней зари послѣ чуднаго лѣтняго дня“. Такіе пере-

---

[1]) Малорусская и другія бурлескныя Энеиды, 1898 г., стр. 3 отд. оттиска.

[2]) Ibid., стр. 43.

ломы—обычное свойство великихъ мыслителей-поэтовъ, которыхъ нѣмцы называютъ führende Geister, путеводными умами, потому, что они не слагаются сразу, а вырабатываютъ постепенными усиліями своего духа мощное идейное содержаніе; относиться къ подобнымъ переломамъ „съ недовѣріемъ или пренебреженіемъ“ способны только „тѣ люди, которые желали бы отъ другихъ нравственной высоты сразу, либо тѣ, для которыхъ не представляютъ особаго интереса и цѣны послѣдовательныя стадіи развитія много вдумчивой личности и которые слагаютъ довольно скоро свое міросозерцаніе безъ мучительной борьбы, такъ какъ для нихъ все рѣшается модньмъ вѣяніемъ, увлекающимъ ихъ за собою въ года ихъ молодости“ [1]).

Такъ отъ исторіи и западно-европейскихъ литературъ переходилъ Н. П. къ роднымъ литературамъ, и работалъ онъ здѣсь „не за страхъ, а за совѣсть“, сдержанный въ наружномъ безстрастіи ученаго, но полный внутренняго огня. Онъ вѣрилъ, что жизнь немыслима внѣ національныхъ основъ, но зналъ также, что истинный національнизмъ не въ исключительности, а въ примиреніи „своего“ съ „чужимъ“. Съ трепетомъ сердца неизмѣнно искалъ онъ этого примиренія и, перефразировавъ слова Жуковскаго, могъ бы сказать: жизнь и наука—одно.

---

[1]) Пушкинъ, стр. 29

Рѣчь И. В. Шаровольскаго.

Н. П. Дашкевичъ, какъ ученый и преподаватель.

Встрѣчаются люди, которые какъ будто самой природой предназначены къ научной дѣятельности: сильная память, блестящій даръ комбинацій, тонкое критическое чутье, самоотверженная любовь къ наукѣ, необыкновенная усидчивость—таковы тѣ качества, которыми они отличаются и которыя даютъ имъ возможность быстро усвоить добытые научнымъ изслѣдованіемъ результаты, затѣмъ приступить къ самостоятельной продуктивной работѣ и занять выдающееся мѣсто въ научномъ мірѣ. Къ типу такихъ личностей принадлежалъ и незабвенный мой учитель, память котораго мы чествуемъ сегодня.

Достаточно взглянуть на списокъ трудовъ покойнаго Н. П., приложенный къ изданному въ память его тридцатилѣтняго юбилея сборнику Eranos (Кіевъ 1906), чтобы понять, сколь выдающагося ученаго мы потеряли въ его лицѣ. Шестьдесятъ слишкомъ нумеровъ этого списка посвящены изслѣдованію различныхъ областей историческаго вѣдѣнія: княженіе Даніила Галицкаго, сказаніе о св. Граалѣ, Литовско-русское государство, провансальское знатное общество и трубадурки, Пушкинъ, Гете, русскій былевой эпосъ и народныя сказанія о животныхъ и т. д., и т. д.—короче, онъ работалъ одновременно въ трехъ областяхъ—русской исторіи и западной и русской литературы. Замѣчу, что упомянутые шестьдесятъ нумеровъ не исчерпываютъ количества его работъ: отличаясь необыкновенной научной добросовѣстностью, Н. П. отлагалъ печатаніе цѣлаго ряда

готовыхъ трудовъ, считая ихъ все еще недостаточно обработанными. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что въ его литературномъ наслѣдіи найдется еще нѣсколько работъ, которыя займутъ мѣсто на ряду съ лучшими его изслѣдованіями. Но не только разносторонность и многочисленность трудовъ поражаютъ насъ при разсмотрѣніи научной дѣятельности Н. П., мы не менѣе удивляемся и ихъ достоинствамъ. Когда вы читаете его книгу, вамъ рѣзко бросается въ глаза существенная особенность, именно: обиліе фактовъ, привлекаемыхъ для выясненія того или иного положенія; оно ясно доказываетъ богатую память автора и его широкую эрудицію. Особенно отличался Н. П. огромными познаніями въ области библіографіи не только по своей спеціальности, но также исторіи русской и славянской литературъ. Кажется, ни одна новинка въ этой колоссальной области не оставалась для него неизвѣстной; онъ выработалъ особую систему собиранія библіографическаго матеріала, лучшія работы пріобрѣталъ и, благодаря всему этому, всегда стоялъ на уровнѣ современнаго научнаго знанія.

Но одной памяти мало для того, чтобы занять мѣсто въ числѣ выдающихся ученыхъ: эта способность нашего духа можетъ дать намъ лишь знаніе фактовъ, но обработка ихъ и сооруженіе научнаго зданія требуютъ еще творческаго дара и критическаго таланта. Оба эти качества были присущи Н. П. въ высокой степени и нашли свое отраженіе въ его трудахъ. Я не стану вдаваться въ разборъ этихъ послѣднихъ для подтвержденія высказанной сейчасъ мысли—это увлекло бы насъ слишкомъ далеко,—а сошлюсь на одинъ фактъ: лучшимъ доказательствомъ въ данномъ случаѣ служитъ то обстоятельство, что Императорская Академія Наукъ, высшее научное учрежденіе въ Россіи, издавна поручала Н. П. оцѣнку работъ, представленныхъ на соисканіе премій, затѣмъ избрала его своимъ членомъ-кор-

респондентомъ и, наконецъ, въ прошедшемъ году—ординарнымъ академикомъ.

Если Н. П. создалъ многочисленные труды въ разнообразныхъ областяхъ, если онъ занялъ выдающееся мѣсто въ ученомъ мірѣ, то этимъ онъ обязанъ не только прирожденнымъ качествамъ своего духа и своимъ богатымъ дарованіямъ, но также полной самоотверженія любви къ наукѣ и необыкновенной усидчивости, которую онъ выработалъ въ себѣ. Чуждаясь развлеченій и обычной житейской суеты, онъ находилъ въ научной работѣ высшую отраду и благороднѣйшую цѣль жизни; эта работа была ему необходима, какъ воздухъ. Мнѣ никогда не забыть тѣхъ дорогихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжкихъ минутъ, которыя приходилось переживать въ послѣдніе два мѣсяца при посѣщеніи Н. П. Уже смерть тогда осѣнила его своимъ крыломъ, онъ чувствовалъ ея приближеніе, неоднократно говорилъ о своемъ близкомъ концѣ; но и въ эти полные глубокаго трагизма моменты благородный энтузіазмъ къ наукѣ не покидалъ его; этотъ энтузіазмъ проявлялся не только въ мечтахъ о томъ, какъ онъ, если только Господу будетъ угодно продлить его дни, отпечатаетъ свои сочиненія, „наводнитъ своими трудами академическія изданія“, какъ любилъ онъ выражаться, но и непосредственно въ самой научной работѣ, поглощавшей послѣднія его силы: въ декабрѣ, за три недѣли до смерти, уже совершенно ослабѣвъ и едва имѣя возможность держать перо въ рукахъ, онъ продолжалъ еще писать свой послѣдній трудъ о „Полтавѣ“ Пушкина, въ которомъ помимо широкой эрудиціи нашелъ отраженіе полный оригинальности взглядъ на основную идею этого произведенія.

Безкорыстная любовь Н. П. къ наукѣ сказалась также и въ томъ обстоятельствѣ, что онъ печаталъ свои труды, за немногими исключеніями, въ изданіяхъ, не платящихъ гонорара. Ясно, что исканіе истины само по себѣ являлось для

него высшей наградой. Поэтому Н. П. былъ ученымъ въ высшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Научная дѣятельность покойнаго неразрывно связана съ педагогической. Приступая къ характеристикѣ Н. П., какъ преподавателя, нельзя пройти молчаніемъ одного чрезвычайно важнаго факта. Покойный не принадлежалъ къ числу тѣхъ профессоровъ, которые думаютъ, что цѣль ихъ— исключительно чистая наука, и на этомъ основаніи считаютъ себя въ правѣ небрежно относиться къ преподаванію. Н. П. пропускалъ лекціи чрезвычайно рѣдко, когда болѣзнь или какія-либо исключительныя обстоятельства удерживали его дома. Столь строгое исполненіе обязанностей преподавателя вытекало у него не только изъ чувства долга, но и изъ любви къ дѣлу. Онъ любилъ русскую молодежь и въ просвѣщеніи ея видѣлъ высшую, благороднѣйшую цѣль жизни. Помнится мнѣ характерный въ этомъ отношеніи фактъ. Когда распространился въ университетѣ слухъ, что исполнилось 25 лѣтъ профессорской дѣятельности Н. П., многочисленная толпа студентовъ наполнила его аудиторію, ему былъ поднесенъ адресъ и сказано привѣтственное слово. Н. П. былъ чрезвычайно растроганъ не могъ сразу отвѣчать, но затѣмъ началъ. Его прекрасная рѣчь, произнесенная прерывающимся отъ волненія голосомъ, запала мнѣ въ душу. Прошло уже не мало лѣтъ съ тѣхъ поръ, но его слова и до сихъ поръ звучатъ въ моихъ ушахъ; онъ говорилъ о томъ, что ему дорогъ привѣтъ студентовъ, что онъ посвятилъ свою жизнь служенію студенчеству, что онъ въ душѣ навсегда остался студентомъ, что исполненіе лучшихъ завѣтовъ студенчества всегда было для него идеаломъ.

Смотря высоко на дѣятельность преподавателя, Н. П. прилагалъ много труда къ обработкѣ своихъ лекцій, и не только въ началѣ своего педагогическаго поприща: еще въ прошломъ году онъ высказывался, что надъ лекціей про-

ежиналъ обыкновенно три-четыре часа и понятно почему; я уже говорилъ, что Н. П. чрезвычайно тщательно слѣдилъ за литературой своего предмета; поэтому курсъ, читанный имъ года два-три назадъ, казался ему устарѣлымъ: отдѣльныя подробности и цѣлыя главы перерабатывались или даже замѣнялись новыми. „Я никогда не повторяю однѣхъ и тѣхъ же лекцій", не рѣдко говорилъ онъ. Его лекціи стояли всегда на уровнѣ современнаго научнаго знанія; каждая новинка, появившаяся за нѣсколько мѣсяцевъ, порой даже недѣль, до его лекціи, уже имѣла вліяніе на ея обработку.

Н. П. читалъ обыкновенно два курса: общій обзоръ исторіи западно-европейскихъ литературъ и какой-нибудь отдѣльный вопросъ изъ той-же области, эстетики, сравнительной поэтики или психологіи творчества. Что касается перваго курса, то онъ охватывалъ западно-европейскія литературы отъ ихъ начала до первой четверти XIX вѣка включительно. Этотъ огромный матеріалъ Н. П. умѣлъ изложить въ теченіе четырехъ семестровъ, располагая всего четырьмя часами въ недѣлю. Планъ изложенія былъ таковъ. Исторію литературы среднихъ вѣковъ, когда еще не успѣли вполнѣ выразиться національныя черты отдѣльныхъ народовъ, онъ разсматривалъ по рубрикамъ: литература церкви, народная словесность и литература рыцарства и буржуазіи. Литература новаго времени была излагаема по теченіямъ: остановившись на томъ или иномъ явленіи (напр., ренессансѣ, романтизмѣ и т. п.), онъ выяснялъ, гдѣ и какъ оно зарождалось, какъ перешло отъ одного народа къ другому, какія принимало при этомъ формы, для того, чтобы перейти къ слѣдующему по времени явленію и поступить съ нимъ также.

Излагалъ Н. П. исторію литературы строго научно. Если принять во вниманіе, что онъ располагалъ чрезвычайно небольшимъ временемъ, то станетъ вполнѣ понятно, что при научности его курсъ отличался сжатостью. Вотъ

почему онъ былъ доступенъ не для всякаго: случайно забредшій въ его аудиторію слушатель чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ; но зато студенты, занимавшіеся подъ руководствомъ Н. П., получали ясное представленіе о современномъ состояніи науки.

Инымъ характеромъ отличались курсы по отдѣльнымъ вопросамъ. Они были разсчитаны на болѣе широкій кругъ слушателей. Ихъ темы, въ выборѣ которыхъ Н. П. былъ такой мастеръ, касались интереснѣйшихъ вопросовъ литературы, эстетики и пр. Излагались они ясно и общедоступно. Поэтому спеціальные курсы Н. П. пользовались широкой популярностью среди студентовъ.

Что касается внѣшней стороны лекцій, то онѣ не поражали внѣшнимъ блескомъ и эффектами декламаторскаго искусства: ихъ авторъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя приносятъ въ жертву красному словцу содержаніе, порой прикрывая имъ пустоту послѣдняго. Тѣмъ не менѣе, лекціямъ Н. П. нельзя отказать въ изяществѣ: онѣ отличались законченностью и нерѣдко художественной обработкой; излагались онѣ оригинальнымъ стилемъ, отличавшимся своей сжатостью и силой.

Лекціями не ограничивалась педагогическая дѣятельность Н. П.: онъ руководилъ еще практическими занятіями. Какъ и теоретическіе курсы, они распадались на два вида: чтеніе памятниковъ западно-европейскихъ литературъ и разборъ студенческихъ рефератовъ. Занятія перваго рода ввелъ Н. П., исходя изъ совершенно справедливаго воззрѣнія, что чтеніе типичныхъ отрывковъ произведенія можетъ дать о немъ гораздо болѣе ясное представленіе, чѣмъ самыя яркія характеристики, и должно лечь въ основу изученія литературы. Поэтому, излагая теоретическій курсъ, Н. П. параллельно знакомилъ слушателей съ разсматриваемыми памятниками непосредственно, путемъ чтенія ихъ отрывковъ

въ оригиналѣ. Конечно, активное участіе въ такихъ занятіяхъ принимали немногочисленные слушатели, которые понимали ихъ значеніе и обладали знаніемъ западныхъ языковъ. Но зато широкую популярность снискали другого рода практическія занятія, которыя велись подъ руководствомъ Н. П., именно: разборъ студенческихъ рефератовъ. Н. П. выбиралъ для нихъ чрезвычайно интересныя темы, главнымъ образомъ изъ исторіи литературы и эстетики XIX вѣка, и, обладая огромными свѣдѣніями въ области любимыхъ дисциплинъ, умѣлъ указать пособія примѣнительно къ познаніямъ и вкусамъ каждаго. Благодаря этому, названныя занятія возбуждали всеобщій интересъ и въ числѣ лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, можно было видѣть представителей различныхъ спеціальностей: не только филологъ, но и математикъ, и медикъ, и юристъ несли къ Н. П. плоды своихъ работъ въ области исторіи литературы и эстетики, чтобы насладиться бесѣдой съ нимъ и услышать его авторитетное мнѣніе. По поводу прочитаннаго происходилъ обмѣнъ мнѣній, переходившій часто въ ожесточенный споръ. Порой Н. П. считалъ нужнымъ вмѣшаться, чтобы дать надлежащее направленіе бесѣдѣ, поддержать того или иного изъ спорившихъ, развить или опровергнуть какое-либо положеніе, и здѣсь-то со всей силой обнаруживались его огромныя познанія и необыкновенная начитанность въ разнообразныхъ областяхъ. Особенно это сказывалось, когда приходилось касаться широкаго вопроса, требовавшаго для своего рѣшенія привлеченія возможно бо́льшаго количества фактовъ; тогда всѣмъ становилось ясно, что Н. П. былъ знакомъ съ результатами научной работы не только въ историческихъ наукахъ, но также философскихъ и естественныхъ. Я думаю, что этой широтѣ своихъ познаній онъ и обязанъ тѣмъ обаяніемъ, которое влекло къ нему пытливыхъ, жаждущихъ истины молодыхъ людей

разнообразныхъ спеціальностей. По прекращеніи дебатовъ Н. П. имѣлъ обыкновеніе высказывать свое сужденіе о прочитанной работѣ, при чемъ приговоръ его отличался всегда чрезвычайной строгостью; это уязвляло самолюбіе нѣкоторыхъ изъ его референтовъ, и они удалялись обиженные. Н. П. зналъ это, но никогда не хотѣлъ поступиться своимъ методомъ: онъ говорилъ, что производить оцѣнку научной работы, руководясь идеальной нормой, потому что лишь такая норма приложима въ наукѣ. Тѣмъ выше стоялъ зато Н. П. въ глазахъ тѣхъ слушателей, которые его понимали.

Окидывая общимъ взоромъ дѣятельность Н. П., какъ ученаго и преподавателя, приходится сказать, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ высокихъ, благородныхъ личностей, которыя умѣютъ уберечь себя отъ матеріализма дѣйствительности и посвятить всю свою жизнь служенію одной великой идеѣ. Такой идеей для покойнаго Н. П. было неустанное безкорыстное исканіе истины; оно было для него путеводной звѣздой въ научной работѣ и въ педагогической дѣятельности.

Миръ праху твоему, благородный ученый и дорогой незабвенный наставникъ! Тебя уже нѣтъ среди насъ, но воспоминаніе о тебѣ будетъ всегда жить въ сердцахъ твоихъ друзей, учениковъ и читателей оставленныхъ тобою многочисленныхъ трудовъ!

Рѣчь И. М. Каманина.

Важнѣйшіе труды Н. П. Дашкевича по южно-русской исторіи.

Великій завѣтъ Гёте:

Образъ достойныхъ свято храни!

Такъ началъ Н. П. свой юбилейный трудъ, посвященный памяти Гоголя. Такъ начнемъ и мы свое сегодняшнее чтеніе, посвящая его памяти нашего „*достойнаго*“ Н. П. и обозрѣнію его историческихъ трудовъ.

Еще на студенческой скамьѣ, Н. П. проявилъ ту огромную даровитость, тѣ широкія знанія и ту настойчивость въ трудѣ, какими онъ отличался до послѣднихъ дней своей жизни. Товарищи тогда же отмѣтили его, какъ будущаго ученаго. Въ то время историко-филологическій факультетъ, бѣдный научными силами, лишь началъ пополняться; до того многія каѳедры оставались безъ профессоровъ. Въ годы же нашего студенчества вступилъ на каѳедру русской исторіи и В. В. Антоновичъ. Онъ сразу привлекъ къ себѣ симпатіи своихъ учениковъ, призвавъ ихъ къ научной самостоятельной работѣ. Часть студентовъ работала подъ его руководствомъ надъ лѣтописями, записками современниковъ и прочими памятниками древнѣйшаго періода русской исторіи; другая часть занялась разработкой южно-русской исторіи XVII—XVIII вв. по рукописнымъ матеріаламъ Центральнаго Архива. Н. П. принадлежалъ къ той части молодежи, которая предпочла древнѣйшій періодъ. Вскорѣ проф. Антоновичемъ была предло-

жена тема на медаль: „Княженіе Даніила Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ источникамъ". Н. П. выбралъ эту тему для своей первой научной работы, которую и исполнилъ блестяще. Сочиненіе было удостоено золотой медали и напечатано въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ". Мы предполагали видѣть въ Н. П. будущаго историка.

Но широкій умственный кругозоръ не позволилъ ему ограничиться узкими предѣлами мѣстной исторіи. Пытливость влекла его въ безбрежное море общечеловѣческой жизни; онъ стремился познать идеалы человѣчества, насколько выразились они въ произведеніяхъ литературы. Онъ хотѣлъ видѣть въ своемъ живомъ представленіи „народы, вѣки и державы", и предметомъ своихъ новыхъ работъ избралъ исторію всеобщей литературы, въ области которой работалъ съ такимъ же выдающимся успѣхомъ, какъ и по южно-русской исторіи.

Занятіе Н. П. каѳедры исторіи литературы не ослабило его интереса и къ южно-русской исторіи, по которой онъ и выпустилъ рядъ цѣнныхъ трудовъ. Остановимся на важнѣйшихъ изъ нихъ. Первый: „Княженіе Даніила Галицкаго", мы уже назвали. Н. П. разсматриваетъ это княженіе съ его, такъ сказать, внутренней стороны, наблюдаетъ жизнь Галицко-Волынской земли, какъ общественнаго организма, и въ этой жизни опредѣляетъ роль князя Даніила, какъ главнаго дѣятеля государственнаго прогресса. Съ этой цѣлью Н. П. обрисовываетъ состояніе культуры Юго-Западной Руси, отмѣчаетъ реформы, совершенныя въ политическомъ строѣ кн. Даніиломъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбу, которую тотъ выдержалъ за развитіе самостоятельности своего княжества. Личное отношеніе Н. П. къ своему герою точно опредѣлилось во взятомъ имъ эпиграфѣ изъ Ипатской лѣтописи: „Се же король Данило князь добрый, хоробрый и мудрый".

Вся работа Н. П. проникнута любовью къ предмету изслѣдованія, любовью, доходящею даже до увлеченія. Н. П. видитъ въ князѣ Даніилѣ самую замѣчательную русскую личность XIII в., затмѣвающую собою даже знаменитаго Александра Невскаго, и выдѣляетъ его вообще, какъ одного изъ самыхъ видныхъ русскихъ политическихъ дѣятелей, борцовъ за народъ и вождей его въ трудныя минуты. Изслѣдованіе Н. П. о Даніилѣ Галицкомъ, не смотря на протекшія 35 лѣтъ со времени выхода его въ свѣтъ, остается единственнымъ, если не считать общихъ историческихъ курсовъ, трактующихъ, между прочимъ, и о кн. Даніилѣ Галицкомъ.

Обстоятельное изученіе Н. П. источниковъ древней русской исторіи, и въ частности важнѣйшей въ жизни Юго-Западной Руси эпохи XIII в., имѣло слѣдствіемъ появленіе другихъ работъ, касающихся той же эпохи.

Излагая княженіе Даніила Галицкаго, Н. П. не могъ обойти вниманіемъ и его борьбы съ такъ называвшимися въ лѣтописи болоховскими князьями, о которыхъ встрѣчаются лишь отрывочныя и неопредѣленныя упоминанія; даже территорія ихъ не могла быть опредѣлена точно. Н. П. сразу чутьемъ угадалъ, что Болохово стояло во главѣ какого-то особаго общественнаго движенія, котораго не могъ преодолѣть Даніилъ Галицкій, и загадочность этого движенія побудила Н. П. заняться его изученіемъ.

Результатомъ этого новаго изслѣдованія явился его докладъ о Болоховской землѣ на III-мъ Археологическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Кіевѣ въ 1874 году. Изученіе Болоховской территоріи, ея князей, не принадлежавшихъ къ Рюриковичамъ и не выдѣлявшихся изъ массы населенія, враждебныя отношенія этихъ князей къ Галицкимъ и дружественныя къ Татарамъ,—все это дало основаніе Н. П. сдѣлать выводъ, что въ Болоховскомъ населеніи явно обнару-

живается стремленіе возстановить у себя старинный порядокъ, существовавшій у славянъ, дѣлившихся на общины, съ выборными князьями во главѣ, обнаруживается стремленіе къ общинной жизни и самоуправленію, которое такъ ярко проглядываетъ въ позднѣйшемъ козачествѣ. Выяснивъ мотивы этого стремленія, Н. П. даетъ, такимъ образомъ, простое и естественное объясненіе одному изъ важнѣйшихъ явленій въ жизни южно-русскаго населенія — козачеству. Этотъ ходъ исторической жизни южно-русскаго населенія провидѣлъ еще В. Б. Антоновичъ и высказалъ свой взглядъ на него въ 1863 году въ изслѣдованіи о козачествѣ. Но тогда, выражаясь словами Даніила Заточника, „вси на нь кликнуша и уста ему заградиша"; особенно постарался въ этомъ отношеніи покойный М. А. Максимовичъ.—Открытіе, можно сказать, Н. П—мъ Болоховской земли измѣнило положеніе вопроса о происхожденіи козачества и подкрѣпило догадку В. Б. Антоновича. Въ этомъ мы видимъ великую заслугу Н. П. передъ наукой русской исторіи.

Однако, два раза выводы Н. П. о Болоховцахъ подвергались критикѣ; сначала въ 1884 году со стороны Н. В. Молчановскаго, а позже, въ 1898 году, со стороны проф. М. Любавскаго. Оба раза Н. П. блестяще доказалъ неосновательность мнѣній („домысловъ", какъ онъ ихъ опредѣлялъ) своихъ ученыхъ противниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ слѣдилъ за каждой мельчайшей подробностью, касающейся Болоховцевъ, и пополнялъ такимъ образомъ общую нарисованную имъ картину новыми характеристическими чертами.

Вторая группа работъ Н. П. относится къ Литвѣ и Сѣверо-Западной Руси. Эта группа работъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ изслѣдованій, вызванныхъ появленіемъ въ свѣтъ извѣстной монографіи проф. В. Б. Антоновича: „Исторіи Литовскаго государства". Въ этой монографіи онъ затрогиваетъ вопросы, касающіеся Южной

Руси, напр. вопросъ о завоеваніи или подчиненіи Руси литовскими князьями. Какъ извѣстно, В. Б. Антоновичъ отрицаетъ завоеваніе Литвы въ 1320 г. Гедиминомъ и относитъ подчиненіе ея Ольгердомъ къ 1362 году. Н. П. подвергъ самому обстоятельному разбору этотъ спорный вопросъ и высказался за 1320 годъ, облегчивъ тѣмъ возможность молодымъ силамъ разобраться въ этомъ спорѣ и стать ближе къ истинѣ. Мы указываемъ на этотъ предметъ разногласій двухъ крупныхъ научныхъ силъ лишь для примѣра; такихъ спорныхъ вопросовъ было много. Поэтому, на эти критическія замѣтки можно смотрѣть и какъ на цѣльную до нѣкоторой степени исторію Литвы. Н. П. говоритъ объ этомъ своемъ трудѣ въ предисловіи: „мы имѣли въ виду прослѣдить въ связномъ общемъ очеркѣ процессъ возникновенія и развитія Литовско-русскаго государства съ древнѣйшихъ временъ до паденія его, процессъ, отличающійся замѣчательной послѣдовательностью и правильностью". „Сообразно съ этимъ", Н. П. въ своемъ очеркѣ „обратилъ вниманіе почти исключительно на два основныя теченія Западно-русской исторіи со времени татарскаго нашествія и сосредоточилъ изложеніе, во-1-хъ, на попыткахъ литовскихъ князей къ собиранію русскихъ земель,—попыткахъ, согласовавшихся съ стремленіями самаго Русскаго народа, и, во-2-хъ, на усиліяхъ Польши овладѣть южно-русскими землями и воспользоваться пріобрѣтеніями Литвы подъ видомъ уніи съ нею". Въ „Замѣткахъ по исторіи Литовско-русскаго государства", какъ въ „Княженіи Даніила Галицкаго" и „Болоховской землѣ", Н. П., въ свою очередь, разсматриваетъ культурныя условія жизни борющихся народностей и главнымъ образомъ этими условіями объясняетъ политическіе результаты борьбы.

Разсмотрѣнные нами важнѣйшіе труды Н. П. по Западно-русской исторіи— не единственные; они являются или

цикломъ отдѣльныхъ изслѣдованій, связанныхъ между собой единствомъ цѣли и общностью идеи, или центромъ, около котораго группируются меньшія работы. Всѣ они, выражаясь языкомъ художественныхъ критиковъ, отличаются тщательностью отдѣлки какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны стиля, и въ этомъ случаѣ могутъ быть поставлены въ образецъ. То и другое доведено Н. П. до высокой степени совершенства.

Въ ряду работъ Н. П. есть еще одинъ довольно значительный циклъ ихъ, стоящій на межѣ между исторіей и литературой; это—его извѣстное изслѣдованіе: „Рыцарство на Руси въ жизни и поэзіи", въ которомъ Н. П. собираетъ всѣ мельчайшіе слѣды проникновенія на Русь идей и идеаловъ рыцарства съ Запада Европы, проникновенія, имѣвшаго мѣсто въ два различные періода нашей исторіи: до-монгольскій и козацкій, и создавшаго у насъ на Руси борцовъ съ врагами русской вѣры и народности. Съ этимъ главнымъ изслѣдованіемъ связываются тѣсно работы Н. П. о богатырскомъ эпосѣ и о козацкихъ думахъ; но они уже входятъ въ область историко-литературныхъ монографій Н. П.

Воздавая должную дань почтенія глубоко-продуманнымъ и въ высокой степени старательно исполненнымъ научнымъ трудамъ Н. П., преклоняясь предъ достигнутыми имъ и прочно обоснованными результатами, закончимъ нашъ краткій обзоръ ихъ словами одной изъ любимыхъ имъ козацкихъ думъ:

„Слава твоя не вмре, не поляже!
„Буде слава твоя славна
. . . . . .
„Поміжь друзями,
. . . . . .
„Поміжь добрими молодцями,
(Твоими учениками, прибавимъ мы отъ себя)
„До конця віку!"

„Полтава“ Пушкина.[1]

Предпослѣдній періодъ дѣятельности Пушкина, начавшійся съ конца 1826 года, характеризуется значительной зрѣлостью его мысли. Эта зрѣлость сказалась въ его критическихъ сужденіяхъ и отношеніи къ авторитетамъ запада, и Пушкинъ въ большей степени, чѣмъ прежде, „пошелъ дорогою свободной“, куда влекли его и его собственный „свободный умъ“, и мысль, и чувство, и моральныя предрасположенія народности. Онъ оказался столь широкою натурою, что замѣчательно совмѣстилъ въ своей дѣятельности космополитизмъ-западничество съ народничествомъ. Національно-исключительныя тенденціи его творчества не подавили въ немъ мірового поэта, воплотившаго въ своихъ произведеніяхъ общечеловѣческіе идеалы. Проникновеніе въ духъ родного народа сказалось въ воззрѣніяхъ этическихъ, религіозныхъ и историческихъ, характеризующихъ послѣднее десятилѣтіе дѣятельности Пушкина, и такъ явилось между прочимъ „сочиненіе совсѣмъ оригинальное“, какъ выразился Пушкинъ о „Полтавѣ“ въ „Критическихъ замѣткахъ“, помѣщенныхъ въ „Денницѣ“ Максимовича за 1830 г. „Полтава“ была издана отдѣльной книж-

[1]) Въ послѣдніе дни своей жизни Н. П. Дашкевичъ былъ занятъ составленіемъ этюда о „Полтавѣ“ Пушкина. Тяжкіе приступы болѣзни не позволили ему дать окончательную отдѣлку написанному имъ наброску и развить подробнымъ анализомъ мысли, занимавшія его творческое воображеніе. Считаемъ умѣстнымъ помѣстить здѣсь въ „Поминкахъ“ нашего покойнаго друга этотъ, хоть и не вполнѣ готовый къ печати, этюдъ. *Ю. К.*

кой въ 1829 году. По словамъ П. А. Ефремова, „вся она написана въ двѣ недѣли: первая пѣснь окончена 3-го, вторая 9-го и третья 16-го октября 1828 г., а посвященіе написано уже въ дер. Малинникахъ 27 октября [1]).

Вылившись весьма скоро на бумагѣ [2]), это произведеніе, тѣмъ не менѣе, явилось созданіемъ довольно продолжительнаго процесса мысли и творчества самого поэта совмѣстно съ патріотическими внушеніями его лучшихъ друзей. И странно читать замѣчаніе Анненкова, что „Полтава была написана, какъ противодѣйствіе розыскамъ тайной полиціи, или какъ благодарность государю за оказанное покровительство въ дѣлѣ Леопольдова“ [3]).

Въ маѣ 1825 г. Жуковскій писалъ Пушкину: „ты долженъ быть поэтомъ Россіи, долженъ заслужить благодарность—теперь ты получилъ только первенство по таланту“ [4]). Интересно далѣе сопоставленіе Пушкина съ Петромъ В. въ письмѣ Баратынскаго въ декабрѣ 1825 г.: „Возведи русскую поэзію на ту степень между поэзіями всѣхъ народовъ, на которую Петръ В. возвелъ Россію между державами; соверши одинъ, что онъ совершилъ одинъ“ [5]).

---

[1]) Соч. А. С. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, т. VIII, изд. Суворина, 1905, стр. 415; приведенное ниже свидѣтельство самого Пушкина нисколько не противорѣчитъ этимъ даннымъ.

[2]) По словамъ Пушкина, онъ „Полтаву написалъ въ нѣсколько дней“. Взгляните на черновикъ описанія „Полтавскаго боя“, содержащій цѣлое море зачеркнутыхъ поправокъ, нагроможденныхъ одна на другую. Къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться полнымъ текстомъ „Полтавы“, рукописный подлинникъ которой открытъ лишь недавно въ г. Тарусѣ и содержитъ много неизвѣстныхъ доселѣ стиховъ.

[3]) Соч. А. С Пушкина, ред. П. А. Ефремова, т. VIII, изд. А. С. Суворина, 1905, стр. 300.

[4]) Переписка I, 217.

[5]) Тамъ же, 309.

Такимъ образомъ, стихотвореніе А. Н. Майкова, сближающее Пушкина съ собирателями русской земли, не лишено глубокаго смысла. Дѣйствительно, какую ширь русской государственности охватилъ Пушкинъ въ своей поэзіи: онъ вдохновенно воспѣлъ не только непрерывное съ IX. в. достояніе русскаго народа—сѣверъ русской земли, но и Кавказъ, Малороссію, Поволжье. Онъ явился могучимъ связующимъ звеномъ духовнаго единенія русскаго народа „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“.

Языкъ, одно изъ самыхъ могучихъ орудій цивилизаціи, не есть единое связующее звено національностей. Наиболѣе морально объединяетъ людей сознаніе солидарности, которое развивается и поддерживается въ особенности литературою. Въ частности поэзія Пушкина въ силу глубокаго проникновенія поэта въ судьбы родного народа, явилась однимъ изъ такихъ могучихъ объединяющихъ и духовно связующихъ цивилизаціонныхъ звеньевъ.

Пушкинъ внимательно и долго изучалъ отечественную исторію въ оригинальнѣйшихъ проявленіяхъ ея особенностей и наиболѣе драматическіе моменты ея. Между прочимъ, особенный интересъ его привлекали издавна представители народной вольницы на Дону и нижней Волгѣ. Изъ программъ 1820—1821 гг. видно, что Пушкину уже тогда были извѣстны нѣкоторыя черты стариннаго разбойничьяго быта, съ которымъ онъ могъ ознакомиться „изъ народныхъ преданій и пѣсенъ, слышанныхъ имъ въ казачьихъ станицахъ“ во время путешествія по югу Россіи. Въ октябрѣ 1824 г. Пушкинъ считалъ Стеньку Разина „единственнымъ поэтическимъ лицомъ русской исторіи“ [1]), а въ началѣ ноября заинтересовался и жизнью Емельки Пугачева.

---

[1]) Переписка, I, 141.

Малороссія, съ которой онъ ознакомился уже въ годы ранней молодости, благодаря ссылкѣ на югъ, должна была привлечь его вниманіе, между прочимъ, также со стороны своей народной жизни, казачествомъ, которое является оригинальнѣйшимъ и крупнѣйшимъ явленіемъ исторической жизни Малороссіи.

Уже въ годы пребыванія въ лицеѣ (въ 1814 году) Пушкинъ написалъ стихотвореніе „Козакъ", въ автографѣ котораго послѣ заглавія стоитъ надписаніе: „Подражаніе малороссійскому". И дѣйствительно, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ усматриваетъ въ этомъ стихотвореніи „вліяніе украинской народной словесности". [1]) Интересно оно, между прочимъ, потому что въ немъ уже намѣчена ситуація „удалого" козака, ѣдущаго ночью, хотя и съ другой цѣлью повторенная въ „Полтавѣ".

Непосредственно съ южно-русскими (Черноморскими) казаками Пушкинъ ознакомился на Кубани и изобразилъ ихъ въ „Черкесской пѣснѣ", „Кавказскомъ плѣнникѣ". Съ малороссами ему пришлось не разъ сталкиваться и жить: въ Екатеринославѣ, въ Кишиневѣ, въ Кіевской губерніи (въ особенности въ с. Каменкѣ Чигиринскаго уѣзда) и въ Кіевѣ. Здѣсь онъ могъ достаточно ознакомиться съ роскошной украинской природой, которая такъ ему нравилась, и съ народной поэзіей. Изученіе послѣдней было значительно обогащено изданіемъ въ 1827 году М. А. Максимовичемъ сборника „Малороссійскихъ пѣсенъ" [2]). На ряду съ при-

[1]) А. С. Пушкинъ. Харьковъ 1900, стр. 265 и слѣд. Здѣсь находимъ нѣсколько малороссійскихъ словъ. Съ своей стороны обращаемъ вниманіе читателя на малороссійскую форму слова *козакъ*.

[2]) Эти данныя сведены вскользь въ статьѣ Н. И. Петрова: „Отношеніе поэзіи А. С. Пушкина къ украинской жизни и поэзіи"—Сборникъ статей объ А. С. Пушкинѣ, изд. Кіевскаго Педагогич. Общества по поводу столѣтняго юбилея. Кіевъ 1899, стр. 153 и слѣд.

родой и населеніемъ Малороссіи Пушкина не могла не заинтересовать малороссійская исторія. Во время своихъ странствованій по южно-русскимъ степямъ Пушкинъ, конечно, не разъ слышалъ преданія, въ то время еще очень живыя, о народныхъ движеніяхъ XVIII в., могъ наблюдать духъ удальства въ нравахъ степного населенія, видѣть типы, напоминавшіе былое...

Уже Незеленовъ замѣтилъ, что, быть можетъ, идея „Полтавы“ созрѣвала въ умѣ Пушкина во время поѣздки въ Бендеры [1]), при чемъ немалое вліяніе могъ оказать и Байронъ. По словамъ кн. Вяземскаго, относящимся, впрочемъ, къ 1828-му году [2]), Пушкину „всегда было досадно, что Байронъ взялся за Мазепу и не додѣлалъ“. Но рѣшительно направила Пушкина на мысль о созданіи „Полтавы“ поэма Рылѣева „Войнаровскій [3]), „о чемъ говоритъ самъ поэтъ въ „Замѣткахъ“ напечатанныхъ въ „Денницѣ“ Максимовича 1830 года. Пушкинъ остался недоволенъ этимъ произведеніемъ и признавалъ непростительнымъ то, что Рылѣевъ въ описаніи Мазепы „пропустилъ безъ должнаго вниманія столь разительную черту про обиду Мазепы—

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь...

Но необходимо имѣть въ виду, что Рылѣева, автора поэмы о „Войнаровскомъ“, занимало по преимуществу стремленіе къ реформамъ посредствомъ пробужденія граждан-

---

[1]) *Незеленовъ*, Пушкинъ, 153.

[2]) Первоначально Пушкинъ думалъ назвать и свою поэму, какъ Байронъ: „Мазепа“. Остафьевскій Архивъ, III, 182.

[3]) „Жду съ нетерпѣньемъ Войнаровскаго“, писалъ онъ 24 марта 1824 г. (Переписка, I, 196).

ихъ доблестей. Онъ призывалъ къ самопросвѣщенію и къ общественному служенію.

Давно хотѣлъ открыться и важную повѣдать тайну,— говоритъ Мазепа Войнаровскому:

Но напередъ завѣрь меня,
Что ты, при случаѣ, себя
Не пожалѣешь за Украйну.
Готовъ всѣ жертвы я принять,
Воскликнулъ я, странѣ родимой;
Отдамъ дѣтей съ женой любимой,
Себѣ одну оставлю честь.

Малороссійскій патріотизмъ возводится здѣсь на высоту безъ отношенія къ общерусскому. Пушкинъ не могъ стать на такую точку зрѣнія, не говоря о недостаткахъ поэмы Рылѣева въ художественномъ отношеніи. На эти недостатки обратилъ вниманіе образованный пріятель Пушкина Н. Н. Раевскій [1]) въ письмѣ отъ 10 мая 1825 г.: „Войнаровскій— произведеніе мозаичное, составленное изъ отрывковъ Байрона и Пушкина, которые при томъ соединены не очень то обдуманно. Не требую отъ него соблюденія мѣстныхъ красокъ. Авторъ—умный малый, но не поэтъ“ [2]).

Пушкинъ сначала относился довольно снисходительно къ поэмѣ о „Войнаровскомъ“. Въ началѣ 1824 г. онъ писалъ: „Съ Рылѣевымъ мирюсь: Войнаровскій полонъ жизни“ [3]). „Рылѣева Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его „Думъ“,

[1]) См. о немъ въ статьѣ Л. Н. Майкова: „Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ“, помѣщенной первоначально въ „Р. Вѣстникѣ“.

[2]) Текстъ французскаго подлинника этихъ строкъ см. въ Перепискѣ, I, 213.

[3]) Переписка, I, 95.

слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ“ [1]). 25-го января 1825 г. онъ признавалъ, что эта поэма нужна была для нашей словесности [2]). Повидимому, этотъ сюжетъ очень занималъ его, потому что онъ писалъ въ февралѣ 1825 г. А. С. Пушкину: „Присовѣтуй Рылѣеву въ новой его поэмѣ помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ страшное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы“ [3]). Въ общемъ поэма Рылѣева до отзыва о ней Раевскаго нравилась Пушкину: „Войнаровскій мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня“, писалъ Пушкинъ въ началѣ апрѣля 1824 г.[4]). Вообще нѣкоторыя картины поэмы Рылѣева останавливали на себѣ вниманіе Пушкина [5]) и отразились въ „Полтавѣ“ послѣдняго; но, конечно, она неизмѣримо выше поэмы Рылѣева. По своему идейному значенію „Полтава“ нѣсколько приближается къ „Борису Годунову“. Какъ въ лицѣ Пимена Пушкинъ попытался освѣтить положительные идеалы русской жизни, отыскивая ихъ осуществленіе въ прошломъ; такъ въ „Полтавѣ“ великій поэтъ затронулъ въ высокой степени важныя стороны русской исторической жизни, введя древнѣйшую и лучшую часть Малороссіи въ ея естественную и истинную рамку общерусскаго единенія и освѣщая идею русской государственности, безъ которой было немыслимо благосостояніе и развитіе русскаго народа въ прошломъ и еще въ большей степени въ будущемъ. Онъ выбралъ великій историческій моментъ,

---

[1]) Тамъ же, 96.

[2]) Тамъ же, 168.

[3]) Тамъ же,

[4]) Тамъ же, I, 202.

[5]) Сочиненія и письма А. С. Пушкина, изд. Морозова, VIII, 461—462.

когда какъ нельзя ярче выступили рядомъ автономныя стремленія Украины, главнымъ образомъ нѣкоторыхъ лицъ ея высшаго класса, и общерусскія. Поэтъ сосредоточилъ свое вниманіе на личности Мазепы, который явился какъ бы типическимъ выразителемъ стремленія къ „самостійности“ Украины въ памяти потомства и до послѣдняго времени былъ клейменъ, какъ таковой, въ церковномъ обрядѣ въ недѣлю православія.

Кругъ историческихъ источниковъ, которыми Пушкинъ располагалъ для изученія исторической основы трагической исторіи художественно переданной въ „Полтавѣ, былъ весьма ограниченъ вслѣдствіе скудости нашей тогдашней исторіографіи: кругъ малороссійскихъ источниковъ былъ тогда едва затронутъ. На первомъ мѣстѣ можно поставить „Журналъ или поденную записку блаженной памяти императора Петра В.“, собранный кн. М. М. Щербатовымъ (Москва 1770—1772), „Дѣянія Петра В.“ Голикова и данныя, вошедшія въ „Исторію Малой Россіи“ Бантыша-Каменскаго, незадолго до того вышедшую въ свѣтъ (документальныя приложенія къ ней явились въ печати лишь нескоро—нѣсколько десятилѣтій спустя). Пришлось обратиться также къ старымъ трудамъ столь любимаго Пушкинымъ Вольтера, именно, къ его „Исторіи Петра В.“ и къ „Исторіи Карла XII“; слѣды вліянія этихъ твореній также указаны въ „Полтавѣ“. Но, конечно, главнымъ свѣдущимъ лицомъ, отъ котораго Пушкинъ могъ почерпать данныя для малороссійской исторіи, былъ молодой тогда малорусскій ученый М. А. Максимовичъ, самъ едва начинавшій приступать къ занятіямъ малороссійской исторіей. На это обратилъ вниманіе покойный Л. Н. Майковъ въ статьѣ, о которой см. ниже. Максимовичъ отозвался на поэму Пушкина критикой.

Изъ художественной обработки нѣкоторыхъ частностей сюжета „Полтавы“ видно, что Пушкинъ, былъ знакомъ съ

поэмами Байрона и Рылѣева. Спрашивается, насколько нашъ поэтъ остался въ зависимости отъ перечисленныхъ источниковъ и авторовъ и что внесъ онъ своего?

Онъ, конечно, старался во всемъ существенномъ придерживаться строго историческихъ данныхъ. Уже послѣ написанія „Полтавы“ въ Замѣткахъ, напечатанныхъ въ „Денницѣ“ Максимовича 1830 г., Пушкинъ писалъ: „Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры—и не мудрено, и не великодушно. Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ непохвальною“. И сообразно съ этимъ мы не находимъ клеветы и въ „Полтавѣ“. Нѣкоторыя слабыя отступленія отъ вѣрности въ нѣкоторыхъ мелочахъ объясняются лишь стремленіемъ сохранить поэтическій колоритъ трагической исторіи, составившей основу этой поэмы. Пушкина, какъ художника, привлекла, по его собственнымъ словамъ, прежде всего художественная сторона этой исторіи: „Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы—вотъ что увлекло меня“.

Главный герой поэмы—Мазепа, именемъ котораго Пушкинъ, подобно Байрону, хотѣлъ назвать свою поэму. Мазепа рисовался Пушкину дѣятелемъ самаго невысокаго нравственнаго уровня, и такое убѣжденіе Пушкинъ вынесъ изъ изученія всей совокупности чертъ нравственнаго облика и дѣяній этого знаменитаго авантюриста.

„Какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость“... „Добрымъ я его не нахожу, особенно, въ минуту, когда онъ хлопочетъ о казни отца дѣвушки, имъ обольщенной“, писалъ Пушкинъ въ „Критическихъ замѣткахъ“, помѣщенныхъ въ „Денницѣ“ Максимовича. „Мазепа могъ помнить долго обиду московскаго царя и отмстить ему при слу-

чаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытный, жестокій, постоянный“ [1]).—Словомъ, по идеѣ Пушкина, Мазепа—злодѣй.

Если мы вдумаемся въ это представленіе Пушкина о Мазепѣ, мы не сможемъ поставить его въ вину поэту. Вѣдь и въ оцѣнкѣ авторитетныхъ честныхъ историковъ, вышедшихъ изъ строгой школы исторической науки, не разнузданной новѣйшими посторонними умствованіями, тенденціозно искажающими исторію, Мазепа также является въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ, а не въ ореолѣ безкорыстнаго патріота высокаго моральнаго пошиба [2]).

Нѣсколько иначе стоитъ дѣло съ Пушкинскимъ изображеніемъ ближайшаго сотрудника Мазепы, „свирѣпаго“ Орлика, какъ назвалъ его Пушкинъ. Но изображеніе Орлика звѣремъ—плодъ недоразумѣнія, въ которомъ опять-таки нашъ поэтъ неповиненъ.

Неутомимый и неугомонный съ 1699 г. сподвижникъ Мазепы въ заговорѣ послѣдняго, унаслѣдовавшій послѣ смерти стараго гетмана, вмѣстѣ съ его ослѣпленіемъ и фантазерствомъ, его гетманскій титулъ по избранію со стороны небольшой группы казаковъ-эмигрантовъ и пытавшійся много лѣтъ со всею присущею ему энергіею осуществить путемъ цѣлаго ряда интригъ при разныхъ дворахъ затѣю Мазепы, Орликъ былъ генеральнымъ писаремъ при Мазепѣ и бѣжалъ вмѣстѣ съ послѣднимъ за границу послѣ Полтавскаго раз-

[1]) Ср. еще свѣдѣніе, что „въ I-ой пѣснѣ передъ изображеніемъ Мазепы набросано вродѣ программы: „Портретъ Мазепы; его ненависть; его замыслы, его сношенія съ Петромъ и Карломъ; его характеръ. Соч. А. С. Пушкина, ред. И. А. Ефремова, т. VIII, изд. А. С. Суворина. 1905, стр. 416.

[2]) См. статью покойнаго А. М. Лазаревскаго въ „Кіевской Старинѣ“ 1898 г, и въ „Чтеніяхъ въ Историч. Общ. Нест.-лѣт.“ (кн. XIII, отд. I, стр. 99)—рефератъ И. М. Каманина по поводу монографіи г. Уманца о Мазепѣ.

грома. Это былъ очень замѣчательный человѣкъ, игравшій весьма видную роль въ свое время; но исторія его похожденій до недавняго времени была весьма неясна и начала раскрываться лишь съ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, со времени напечатанія А. С. Петрушевичемъ во Львовѣ одного весьма интереснаго документа объ Орликѣ. Въ Краковѣ затѣмъ былъ найденъ рукописный, къ сожалѣнію неполный, списокъ его дневника по 1733 г., содержаніе котораго передалъ польскій ученый г. Равичъ-Гавронскій въ „Studien i Szkice historyczne“. Lwow. 1900 [1]).

Благодаря новѣйшимъ архивнымъ разысканіямъ, выясняется, что Орликъ, какъ генеральный писарь, т. е. секретарь Мазепы по иностраннымъ дѣламъ, не могъ принимать участія въ слѣдствіи надъ Кочубеемъ, въ допросахъ и пыткахъ, которые были предоставлены Мазепою со свойственной ему хитростью русской власти и производились далеко за предѣлами Украины—въ Витебскѣ, какъ стоитъ это у Пушкина.

Указываютъ и рядъ другихъ неточностей въ „Полтавѣ“, не выдерживающихъ критики въ историческомъ отношеніи. Любовь Матрены,—такъ въ дѣйствительности называлась дочь Кочубея,—къ Мазепѣ сомнительна, да и врядъ ли возможна въ психологическомъ отношеніи. Въ домѣ Мазепы былъ начальникъ стражи, и къ нему могли относиться напечатанныя письма Матрены Кочубеевны [2]).

---

[1]) См. замѣтки В. П. Борисова въ „Новомъ Времени“, 1901, № 8941.—Вскорѣ имѣютъ выйти въ свѣтъ въ новомъ томѣ „Архива Юго-Западной Россіи“ между прочимъ матеріалы для біографіи Орлика, извлеченные въ рядѣ другихъ изъ шведскихъ архивовъ покойнымъ Н. В. Молчановскимъ.

[2]) Историческія неточности, нашедшія мѣсто въ „Полтавѣ“, были отмѣчены въ статьѣ *В. П. Горленка*. Объ авторѣ „Исторіи Руссовъ“, приписывавшейся Георгію Конисскому—см. книжку Горленка, Южно-

Но понижается ли всѣми этими искаженіями и вымыслами цѣнность „Полтавы", какъ памятника поэтическаго, какъ своего рода эпопеи новой Россіи, вступившей на новый путь съ эпохи Петра Великаго? Думаемъ, что нѣтъ.

Какъ авторъ *поэмы*, а не какъ ученый, Пушкинъ не былъ обязанъ пускаться въ туманныя разысканія касательно всѣхъ частностей событій и біографіи лицъ, о которыхъ повѣствовалъ, и былъ въ правѣ поэтически видоизмѣнять тѣ или иныя частности, тѣмъ болѣе что онъ не затѣвалъ эпопеи, отъ написанія которой его предостерегалъ А. А. Бестужевъ въ письмѣ отъ 9 марта 1825 г.: „Избави Боже отъ эпопеи. Это богатый памятникъ словесности—но надгробный. *Мы не Греки и не Римляне, и для насъ* другія сказки надобны" [1]).

Пушкинъ повидимому имѣлъ въ виду создать прежде всего романтическое произведеніе, художественный образъ такой интересной типичности авантюриста, какъ Мазепа, дополнивъ первоначальный замыселъ Байрона и сдѣлавъ въ полной обрисовкѣ характера Мазепы то, что было опущено Рылѣевымъ. Пушкина, какъ и Байрона, очень занялъ этотъ типичный образъ смутной казацкой эпохи, богатой движеніями жизни, но и неправдами, присущими шляхетско-козацкому и вмѣстѣ демагогическому строю, и Мазепа представленъ у Пушкина почти также романтично, какъ и у Байрона. Это не трагическій герой; нѣтъ ничего величаваго въ этомъ образѣ эгоиста; любовное приключеніе въ значительной степени наполняетъ и позднѣйшіе годы Мазепы, изображенные Пушкинымъ, какъ и годы молодости,

---

русскіе очерки и портреты. Разборъ этой статьи былъ помѣщенъ *Л. Н. Майковымъ* въ № 5 „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" 1893 г. См. еще замѣтку В. Б Антоновича въ „Кіевской Старинѣ", 1899, № 5.

[1]) Перепис., I, 187—188.

изображенные британскимъ поэтомъ. Нашъ поэтъ развилъ далѣе ту идею о характерѣ Мазепы, которая слышится у Байрона изъ устъ Мазепы въ его разсказѣ Карлу XII-му на ложѣ изъ опавшихъ листьевъ подъ старымъ вѣтвистымъ дубомъ въ лѣсу съ беззвѣзднымъ небомъ вмѣсто крова въ ночь послѣ бѣгства изъ-подъ Полтавы. И у Байрона Мазепа старикъ, пышущій всѣмъ пламенемъ страсти и въ то же время „спокойный и отважный: никто не тратилъ меньше словъ и не дѣлалъ больше дѣла“.

Преклонный возрастъ не лишилъ
Меня ни мужества, ни силъ.

Пушкинъ самъ указалъ отличіе своей поэмы отъ Байроновой въ изображеніи Мазепы, состоящее преимущественно въ большей историчности и обстоятельности обрисовки; у Байрона данъ „рядъ картинъ, одна другой разительнѣе—вотъ и все“ [1]). У Пушкина, прибавимъ отъ себя, дана въ широкой исторической перспективѣ полная глубокаго смысла картина политической борьбы, въ которой страсти и притязанія честолюбія въ родѣ Мазепинскаго и Орликовскаго оказываются безсильными преградить путь неизбѣжному историческому процессу. Въ Полтавскомъ бою въ центрѣ Малороссіи надъ областнымъ малороссійскимъ патріотизмомъ, нашедшимъ такую крѣпкую опору въ честолюбивыхъ замыслахъ побѣдоноснаго шведскаго короля, торжествуетъ обще-русская идея, и народъ малорусскій, вопреки стараніямъ части своей интелегенціи, инстинктивно чуетъ высшую правду на сторонѣ той, которую поддерживаетъ не внѣшняя посторонняя сила, а вѣра въ правоту своего дѣла.

---

[1]) См. „Критическія замѣтки“, помѣщенныя въ „Денницѣ“ Максимовича 1830 г.

Это великое историческое чутье того непреложнаго историческаго закона, который движетъ народы въ ихъ стремленіи къ объединенію.

Наблюдатель хода событій XIX вѣка, замѣчая образованіе большихъ государствъ изъ объединенныхъ національностей, Фагэ пророчитъ въ будущемъ поглощеніе маленькихъ народовъ большими [2]).

Такимъ образомъ, историко-романтическая поэма въ „Полтавѣ“ Пушкина сливается съ эпопей въ новомъ духѣ, и, въ концѣ концовъ, все покрываетъ могучая личность Петра Великаго. Уцѣлѣло дѣло его одного, потому что согласовалось съ здоровымъ и истиннымъ теченіемъ народной исторіи [2]).

Вниманіе Пушкина на Петра В. обращалъ и А. А. Бестужевъ въ письмѣ отъ 9 марта 1829 г.: „что можетъ быть поэтичественнѣе Петра? кто написалъ его сносно?“ [3]).

И Петръ Великій явился у Пушкина въ образѣ гиганта, а самъ Пушкинъ сталъ какъ бы продолжателемъ того же вдохновенія, которое осѣняло нѣкогда чело пѣвца Петра Великаго и его „искры“ Елизаветы. Но неправы тѣ, кто находятъ, что у Пушкина „самый строй стиховъ, ладъ ихъ, духъ и

---

[1]) См. его Questions politiques.

[2]) См. Ждановъ, Пушкинъ о Петрѣ В.—Годичный актъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета 8 фев. 1900 г. и Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 5 (апрѣль) 1900 г.

[3]) Переписка, I, 187.

Интересны стихи въ черновой рукописи:

Среди волненья и тревоги
Вожди, *спокойные какъ боги*,
Очами ясными глядять.

Соч. А. С. Пушкина, ред. Ефремова, т. VIII, изд. Суворина, 1905, стр. 416.

гармонія звучатъ порою по-Ломоносовски“ и „особенно интересно совпаденіе въ „Полтавѣ“ описанія Петра, явившагося на поле сраженія“ [1]).

Сколь ничтожными являются расчеты на личное счастье отдѣльныхъ честолюбцевъ, каковы Мазепа и Орликъ, да и лучшихъ людей, въ родѣ Кочубея! Потому-то въ „Полтавѣ“ говорится: „Что жизнь? Тяжелый сонъ“ [2])...

Н. Дашкевичъ.

---

[1]) *Чтецъ*, Пушкинъ и Ломоносовъ—Новое Время. 1901 г., № 8965.

[2]) Ср. Соч. Пушкина, Акад. изд., т. I. 221: „тяжелый жизни сонъ“, т. I, 201: „сладкій жизни сонъ“. Совпаденія нѣкоторыхъ стиховъ „Полтавы“ съ однимъ стихомъ въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ и съ нѣсколькими въ „Русланѣ и Людмилѣ“ см. Соч. и письма А. С. Пушкина, подъ ред. Морозова, т. III, стр. 644—645. Ср. еще „Цыгане“:

Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одинъ старикъ не спитъ;
Онъ передъ углями сидитъ...

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.

Путешествіе изъ Вѣны въ Москву въ 1655 году Франа Гундулича.

Въ первый день изъ Вѣны отправились мы въ два часа пополудни и прибыли въ Штокрау, въ четырехъ миляхъ отъ Вѣны, въ замокъ князя Пугамъ: [1]) древнее зданіе, украшенное прекрасными картинами, а на ночлегъ прибыли въ Кутенштофъ, поселокъ, въ трехъ миляхъ отъ упомянутаго замка. На слѣдующее утро прибыли въ Моравію, и поспѣли на обѣдъ въ Знаимъ [2]), гдѣ и были у обѣдни въ іезуитской церкви. На ночлегъ поспѣли въ Будѣіовицы, гдѣ встрѣтились съ полковникомъ Валари. На слѣдующій день день прибыли въ Пирницъ [3]), имѣніе князей Колалто [4]), которые съ величайшею любезностью пригласили насъ на обѣдъ въ свой замокъ: ихъ двое братьевъ, истинные кавалеры. Предъ наступленіемъ ночи прибыли мы въ Иглаву, довольно большой, но весьма мало населенный городъ Чехіи [5]). На другой день прибыли мы въ обѣденное время въ Тайчъ-Протъ [6]), а на ночлегъ въ Янковъ [7]). Отъ Янкова повернули

[1]) Buchheim, Puchheim, Puchaim, наслѣдный, придворный (Truchsess) въ Вѣнѣ.

[2]) Znaim—Znojmo.

[3]) Pirnitz—Brtnice, въ Иглавскомъ округѣ.

[4]) Collalto, старинная итальянская фамилія, угасшая въ 1657 г.

[5]) Моравіи.

[6]) Deutsch-Brod—Nemecký Brod.

[7]) Jenikov-Golčuv.

мы къ Шаслѣ [1]), оставивъ влѣво Кутенбергъ [2]), гдѣ имѣются рудники, и къ обѣду прибыли въ Колинъ; тамъ мы пошли посмотрѣть Лабу [3]); потомъ къ ночи прибыли въ Чешскій Протъ [4]), городъ, сильно поврежденный въ прошлую войну со шведами, какъ и остальные почти всѣ города.

На слѣдующій день, въ субботу, въ полдень мы прибыли въ Златни-Прагу [5]) и помѣстились на Малой Странѣ [6]) у „Дикаго Человѣка". Тамъ, при посредствѣ господина Алегретича, я имѣлъ честь раскланяться съ великимъ бургграфомъ княземъ Мартиничемъ, который угостилъ насъ барскимъ обѣдомъ, а также я имѣлъ случай познакомиться съ младшимъ его братомъ княземъ Максимиліаномъ [7]). Также дважды обѣдали мы у кавалера Колореда, у котораго прекрасный дворецъ съ садомъ, заслуживающимъ величайшаго вниманія.

6 іюля мы оставили Прагу, къ ночи прибыли въ Белмаръ [8]), разрушенный городъ, лежащій въ трехъ миляхъ отъ Праги; въ полдень достигли города Ловершицъ [9]), и снова къ ночи прибыли въ Осѣкъ [10]), гдѣ мы помѣстились на суда и на веслахъ плыли по Молдавѣ [11]) и Лабѣ до Дрождянъ [12]), резиденціи саксонскаго герцога. На пути, по теченію этой

---

[1]) Czaslau—Časlav.

[2]) Kuttenberg,—Guttenberg—Kutná Hora.

[3]) Labe—Elbe.

[4]) Český Brod—Böhmisch Brod.

[5]) Въ текстѣ: U Zlatni Prag, у чеховъ—Zlatá Praha.

[6]) Часть Праги на лѣвомъ берегу Влтавы.

[7]) Бернардъ-Игнацъ и Максимиліанъ-Валентинъ графы з *Мартиницъ*.

[8]) Въ текстѣ—Belmar. Очевидно, чешскій городъ Velvary - Wellwaren.

[9]) Въ текстѣ Loversic. Очевидно, чешскій городокъ Lovosice,—Lobositz.

[10]) Ösiek, въ текстѣ. Вѣроятно, называемый нѣмцами Aussig, чешскій городокъ Ustí nad Labom.

[11]) Чешская Vltava.

[12]) Дрезденъ.

рѣки, взоръ услаждается всюду встрѣчающимися замками, городками, прелестными садами и богатыми поселками. Между прочимъ выдается крѣпость Кенигштейнъ, построенная на вершинѣ каменной скалистой горы. Въ ней всегда помѣщается гарнизонъ, въ триста человѣкъ; она занимаетъ такое пространство, что жители ея могутъ засѣять хлѣба на два года; тамъ есть источникъ (ручей) и паркъ. Тамъ герцогъ помѣщаетъ и свою сокровищницу; а солдаты, помѣщающіеся въ крѣпости, имѣютъ при себѣ женъ, дѣтей и имущество, такъ какъ каждый имѣетъ особое жилище, и изъ крѣпости выходить не могутъ. Драждяны весьма красивый и укрѣпленный городъ, чрезъ который протекаетъ Лаба, а чрезъ нее построенъ прекрасный каменный мостъ. Мы посѣтили герцога [1]); онъ, вмѣстѣ съ своимъ старшимъ сыномъ встрѣтилъ насъ съ величайшей любезностью и удержалъ насъ у себя на обѣдъ. Мы сидѣли за столомъ отъ 3 до 9 (часовъ), и было подано 60 различныхъ блюдъ. Герцогъ пробовалъ всѣ блюда и выпилъ девятнадцать тостовъ; три раза онъ засыпалъ за столомъ: удивительно и невѣроятно для старца за восемьдесятъ лѣтъ. Мнѣ сдѣлалось бы дурно, если бы я не пилъ воды; и всѣ гости, отъ опьяненія падавшіе со стульевъ, дивились тому, что я былъ трезвъ. При нашемъ выходѣ герцогъ предложилъ намъ свой шестиконный экипажъ, и мы весело добрались до дому. На другой день послѣ обѣда мы наняли одно суденышко, въ которомъ удобно размѣстились, и продолжали свой путь къ Гамбургу, плывя по теченію Лабы, но каждый вечеръ выходили на берегъ на ночлегъ. Первую ночь провели въ Мейссенѣ, городѣ извѣстномъ своей обширной церковью, построенной по внушенію супруги императора Оттона.

Три мили ниже на правомъ берегу находится Милбергъ [2]), городъ, не пострадавшій въ послѣднюю шведскую

---

[1]) Вильгельмъ изъ младшей Веймарской линіи. † 1662.

[2]) Mühlberg.

войну единственно потому, что въ немъ всѣ женщины, безъ исключеній, *ласковы*. Еще три мили ниже у самой рѣки, находится Торганъ [1]), главный городъ Мисніи, съ стариннымъ большимъ королевскимъ дворцомъ. А еще три мили ниже бросается въ глаза знаменитый Виттенбергъ, извѣстный столько же своимъ училищемъ, сколько гробницею Мартина Лютера, которую я видѣлъ въ большомъ храмѣ. Во всѣхъ этихъ городахъ женщины очень красивы, мило одѣты, богато разряжены.

Потомъ я видѣлъ Окенъ [2]), Барби, Бернбургъ, Шимпакъ [3]) и Шалцъ, гдѣ добывается соль,—маленькіе и разрушенные города.

Послѣ того мы прибыли въ Дѣвинъ (Магдебургъ), одинъ изъ важнѣйшихъ королевскихъ городовъ, резиденція императора Оттона. Въ послѣднюю войну, когда его взялъ приступомъ генералъ Тилли, городъ весь былъ сожженъ, такъ что не могла-бы убѣжать изъ него мышь, а тѣмъ болѣе невозможно было спастись обывателямъ. Остался въ цѣлости только главный храмъ, весьма обширный, обладающій множествомъ знаменитыхъ предметовъ, въ числѣ которыхъ находится престолъ великаго алтаря, весь изъ одной глыбы мрамора; длиною онъ въ 21, а шириною въ 10 моихъ пяденей. Тамъ видна и гробница императора Оттона, прелестнаго мрамора—золото, которымъ она была украшена, какъ и все церковное достояніе, было разграблено войскомъ. Въ этомъ храмѣ имѣется и еще нѣсколько гробницъ изъ литой бронзы, весьма искусно сооруженныхъ, съ надписями.

Предъ великимъ алтаремъ помѣщается большой круглый бѣлый, гладкій камень, на которомъ была отрублена голова епископа Удона [4]): и на немъ видны еще капли

---

[1]) Описка или опечатка вм. Torgau, въ округѣ Meissen.

[2]) Oker, Ocker.

[3]) Вѣроятно, Schönebeck.

[4]) Вѣроятно, Salzwedel.

[5]) Odo, или Udo, архіепископъ Магдебуржскій.

крови, которая не стиралась. Здѣсь намъ показали сгнившую уже деревянную лѣстницу, на которую будто-бы влѣзали жиды, чтобы прибить ко кресту нашего Спасителя, и которую привезъ императоръ Оттонъ, при возвращеніи изъ Іерусалима. Ей не придавали никакой цѣны, позволяя намъ отломить отъ лѣстницы, сколько намъ угодно; но этому нельзя и удивляться, такъ какъ они (германцы) индифферентны во всѣхъ предметахъ, касающихся церкви. Изъ Магдебурга мы продолжали свое путешествіе, и на ночлегъ добрались до какого-то поселка, а оттуда на другой день въ полдень достигли Лауденберга, откуда, странствуя всю ночь, на разсвѣтѣ прибыли въ Гамбургъ, сдѣлавъ отъ Драждянъ въ восемь дней, съ помощію Божіей, всегда благополучно, 72 (Итал. 288) мили.

Въ Гамбургѣ, чтобы запастись для себя и для сопровождающихъ насъ платьемъ, мы пробыли пять дней. Это вольный городъ, обширный и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный и весьма многолюдный. Въ немъ купцовъ больше нежели во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ, а поэтому онъ очень богатъ, а обыватели высокомѣрны, горды и дорого цѣнятъ свой товаръ. Благодаря большой торговлѣ, въ городъ забралось такое множество жидовъ изъ Португаліи, какого не замѣтно ни въ одномъ приморскомъ городѣ. Въ гостинницахъ чертовски обдираютъ, особенно — иностранцевъ. Городъ укрѣпленъ и обведенъ каналомъ; часто подвергается сильнымъ приливамъ, отъ которыхъ нерѣдко страдаютъ обыватели.

Зданія старинной архитектуры, всѣ въ стеклахъ, какъ старинныя церкви; а въ пріемныхъ комнатахъ (при самомъ входѣ), какъ лучшее украшеніе, видно множество мѣдной посуды и подсвѣчниковъ изъ латуни и олова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Венеціи, городомъ проведены трубы для воды, и дома подняты на деревянныя сваи и какъ бы висятъ на воздухѣ. Городъ находится въ 28 миляхъ отъ моря, съ которымъ его сближаетъ Эльба, способная тутъ поднимать корабли вмѣстимостью 1000 тоннъ. На пристани,

которая тянется до центра города, я видѣлъ до 150 такихъ кораблей, а меньшихъ было безъ счета. Эти корабли преимущественно приходятъ изъ Голландіи, Бельгіи, Португаліи, Даніи, Норвегіи, Швеціи и изъ всѣхъ приморскихъ городовъ и крѣпостей на Балтійскомъ морѣ. Окрестности города отличаются плодовитостью земли, прекрасно устроены и украшены красивыми садами.

Городской совѣтъ, при нашемъ отъѣздѣ, прислалъ намъ троихъ старшинъ и подарилъ одинъ боченокъ рейнскаго вина, одинъ боченокъ пива, одного осетра въ 80 литръ [1]), одного лосося [2]) въ 40 литръ, четырехъ барановъ и одну корову: и все это во имя своей преданности, приверженности и любви къ императору.

Отъ Гамбурга до Любека считается, по-суху, десять миль, которыя мы и проѣхали въ одинъ день. Здѣсь, съ двумя экипажами выѣхалъ на встрѣчу намъ императорскій посланникъ Фридрихъ Бремзенъ, человѣкъ вполнѣ благовоспитанный. Такъ какъ мы въ Любекѣ пробыли десять дней, то и имѣли возможность внимательно осмотрѣть его. Городъ прекрасно расположенъ, и по устройству, по качеству и привѣтливости горожанъ далеко превосходитъ Гамбургъ, но за то отстаетъ въ промышленности, количествѣ жителей и въ богатствѣ. Женщины въ обоихъ городахъ носятъ большія соломенныя шляпы на подобіе зонтиковъ, и поля шляпъ, опускаясь до плечъ, раскрываютъ ихъ лица, что весьма непріятно видѣть, но наряды ихъ приличны и красивы. Здѣсь не терпятъ жидовъ, какъ въ Гамбургѣ. Есть нѣсколько прекрасныхъ церквей и въ нихъ драгоцѣнныя картины. Въ главной церкви, въ одномъ придѣлѣ, по лѣвую руку, при проходѣ къ великому алтарю выдается, въ ряду остальныхъ изображеній, икона Іисуса Христа, распятаго на крестѣ; но неизвѣстно, чьей кисти это произведеніе.

---

[1]) Litra вѣситъ около 1 фунта (87 1/2 золотниковъ).

[2]) Въ текстѣ: jednog soma (salamuna).

Здѣсь церкви, хоть и въ лютеранскихъ рукахъ, чисто и въ порядкѣ содержатся, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ лютеранскіе молитвенные дома (грязные и запущенные) напоминаютъ вертепы разбойниковъ.

Устроивъ здѣсь свои дѣла, мы помѣстили на суденышко свой багажъ и свиту, и до Травемюнда отправились посуху, такъ какъ этотъ путь на три мили короче шестимильнаго водяного. Въ Травемюндѣ, въ ожиданіи благопріятнаго времени, мы пробыли шесть дней, и въ воскресенье, 1-го августа, при сильномъ западномъ вѣтрѣ, подняли паруса, направляясь къ Ревелю, куда мы доплыли въ шесть дней, продѣлавъ 250 миль, постоянно пользуясь, при помощи Божіей, хорошимъ попутнымъ вѣтромъ. На пути слѣва мы видѣли нѣсколько острововъ, шведскую землю и ея столичный городъ Штокгольмъ.

Зимой это море замерзаетъ, и тогда можно по немъ странствовать въ саняхъ. Двѣ ночи я не спалъ, дивясь необычайной краткости тамошнихъ лѣтнихъ ночей; и замѣтилъ, что отъ заката солнца до его восхода не больше четырехъ часовъ; и считая утренній разсвѣтъ и вечерній сумракъ, можно сказать, что тамъ лѣтомъ нѣтъ ночей; а зимой напротивъ столько дня, сколько лѣтомъ ночи. Слѣдуетъ замѣтить, что это море, къ востоку отъ Ревеля, не солоно: думаю, что это оттого происходитъ, что въ него впадаетъ большое число рѣкъ.

Добравшись до Ревельской пристани, для допущенія нашей высадки, мы отправили служителя [1]) съ путевыми шведскими документами къ начальнику города. Это былъ какой-то тиролецъ по имени *князь della Torre*; онъ отправилъ къ намъ своего секретаря и экипажъ; господинъ Алегрети поблагодарилъ его за это, а мы наняли экипажъ и отправились въ гостинницу. Здѣсь насъ встрѣтили нѣкоторые городскіе господа; но городской начальникъ не захо-

[1]) Въ текстѣ: domonavednika (maestro di casa, maggiordomo).

дилъ къ намъ до самаго нашего отъѣзда, ожидая, что мы сами ранѣе явимся къ нему съ привѣтствіемъ, чего мы не сдѣлали; и онъ вынужденъ былъ первый съ нами раскланяться, и явился въ военной формѣ въ сопровожденіи двадцати всадниковъ. Въ этотъ день, предъ отбытіемъ изъ города, мы завернули къ нему. Онъ торжественно встрѣтилъ насъ, въ обществѣ всѣхъ гражданъ, кавалеристовъ и пѣхотинцевъ, съ военными трубами, литаврами, распущенными знаменами и пушечной пальбой. На разстояніи мили отъ города насъ провожала вся кавалерія. Такъ мы въ семнадцати экипажахъ направились къ Нарвѣ, отстоящей отъ Ревеля въ тридцати миляхъ, по ровной хорошей дорогѣ, на протяженіи которой не было ни одного поворота въ сторону, и ничего не было на пути кромѣ изрѣдка встрѣчавшейся крестьянской хижины, которую горожане называютъ *kove*.

Языкъ этого народа не родственъ никакому иному языку, только кое въ чемъ, но и то отдаленно онъ отдаетъ нѣметчиной; большинство обывателей—идолопоклонники, считаютъ богами солнце, деревья и камни. Одѣяніе женщинъ необыкновеннаго покроя; оно напоминаетъ встрѣчающійся на картинахъ покрой платья индійскихъ женщинъ; дѣвушки носятъ волосы, какъ наши мальчики; на полосатомъ поясѣ, которымъ опоясываются, навѣшаны колечки и бубенчики изъ латуни, и звенятъ при ходьбѣ дѣвушекъ. На плечахъ (поверхъ рубашки), какъ плащъ, носятъ лоскутокъ бѣлаго холста до грудей; народъ этотъ чрезвычайно бѣденъ.

Въ воскресенье утромъ мы прибыли въ Нарву, откуда, пообѣдавши только, отправились далѣе и въ три часа ночи прибыли въ Яму [1]), гдѣ намъ пришлось остаться девять дней въ ожиданіи извѣщенія начальника Новгорода. Яма—городокъ изъ шестидесяти домовъ. Въ немъ сотня рейтаръ, которая зовется по имени живущаго тамъ полковника, у

[1]) Нынѣшній—Ямбургъ.

котораго въ собственной тамошней конюшнѣ до пятидесяти очень хорошихъ лошадей. Здѣсь ничего особеннаго нѣтъ, кромѣ того, что женщины дважды въ недѣлю ходятъ купаться голыя, въ чемъ мать родила; иныя изъ нихъ только зеленою листвою закрываютъ срамныя части.

Послѣ девятидневнаго ожиданія, мы на трехъ лодкахъ по Лугѣ добрались въ семь дней до Нѣшицы [1]), потому что рѣка была въ ту пору мелка. Эта рѣка обилуетъ всяческой хорошей рыбой. Здѣсь насъ впервые ожидали московскіе чиновники.

Одинъ царскій коммиссаръ явился навстрѣчу къ намъ съ пятьюдесятью рейтарами [2]), и, поздоровавшись съ нимъ, и выполнивъ предписанныя привѣтствія, мы направились далѣе къ Ново-Руской [3]), трое насъ въ экипажѣ, а всѣ остальные верхами. У Ново-Руской есть соленое озеро въ три мили въ окружности; горожане варятъ эту воду, изъ которой добываютъ весьма бѣлую соль. Въ субботу утромъ пересѣли мы на восемь лодокъ, оставили Ново-Руску и, благодаря попутному вѣтру, въ шесть часовъ по полудни доплыли до Новиграда (Новгородъ [4]); но въ этотъ вечеръ намъ не дозволили перебраться въ городъ. На слѣдующее утро, когда мы вышли на берегъ, къ намъ подошелъ намѣстникъ городского начальника и, послѣ привѣтствія, подарилъ намъ пять коней, на которыхъ мы добрались въ назначенный намъ для остановки домъ, въ сопровожденіи 2000-го войска.

---

[1]) Деревня—Онѣжинцы (Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными;—съ Римской имперіей Т. III, 272 и др.).

[2]) Тамъ же находимъ: „Послали мы... дворянина Богдана Ододурова... да съ нимъ подъячего да стрѣлцовъ пятдесятъ человѣкъ". Коммиссаръ —приставъ.

[3]) Село Новгородской губ. Новая Руса при р. Полѣ, въ Старорусскомъ уѣздѣ.

[4]) Ibid. стр. 273: „Августа въ 23 день... онъ Б. Ододуровъ тѣхъ пословъ на рубежѣ въ той деревнѣ въ Онѣжицахъ принялъ и въ В. Новгородъ... пришелъ августа въ 27 день, водянымъ путемъ въ судѣхъ".

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что съ той поры, какъ мы прибыли въ Нѣмпицу, русское правительство на свой счетъ стало содержать насъ, снабжая ежедневно въ достаточномъ количествѣ мясомъ, птицами, виномъ, пивомъ, водкой и проч.

Этотъ русскій городъ называется Великій Новгородъ; въ этомъ обширномъ городѣ дома деревянные, кромѣ одной части, окруженной стѣной въ четыре итальянскихъ мили длиною; эту часть называютъ *каменъ-градъ* [1]), и чужеземцамъ входъ въ нее не дозволяется.

Въ немъ болѣе трехъ сотъ церквей и сто семьдесятъ монастырей мужескихъ и женскихъ. Городъ дѣлится на три части: на правой сторонѣ, на востокъ, мы жили; лѣвая, на западъ, дѣлится на двѣ части, т. е. на Каменъ-градъ и его отдѣленіе, составляющее третью часть. Между этими двумя частями города протекаетъ рѣка, весьма скрашивающая мѣстность, и особенно Каменъ-градъ, возвышающійся надъ другими частями. Съ запада показывается озеро, какъ море; вокругъ—равнина: мѣстоположеніе прекрасно. Въ городѣ такое множество лягушекъ, что нѣтъ ни одного крестьянскаго дома, въ которомъ ихъ не держали-бы по меньшей мѣрѣ двухъ сотенъ, считая дурнымъ предзнаменованіемъ убійство этого животнаго; а также множество большихъ пауковъ, которые считаются населеніемъ за чертей, и ихъ никто не рѣшится убивать или трогать. Кромѣ градоначальника и нѣсколькихъ правительственныхъ продавцевъ здѣсь нѣтъ выдающихся личностей. Мѣстность—безъ всякой промышленности; но производительна, обильна всяческимъ зерномъ, домашними и дикими животными, птицею и особенно—рыбою.

Въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ—несносная жара; въ эти три мѣсяца созрѣваютъ всѣ имѣющіеся тамъ плоды, какъ у насъ,

---

[1]) Уже въ „Росписи... монастырей и храмовъ“ Новгородскихъ, составленной въ 1615 году, *Кремль* называется *Каменнымъ городомъ*. См. Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода 1808 г. стр. 84.

множество дынь, грушъ, яблокъ и вишенъ. Съ сентября до 15-го октября тихо, но по большей части дождливо, а отъ октября до мая—жестокій холодъ; льда и снѣга такъ много, что озера и рѣки замерзаютъ. Достопримѣчательно, что въ разстояніи на двѣ итальянскихъ мили отъ этого города не только вода зимой не замерзаетъ, но и бурлитъ и тогда бываетъ обильнѣйшій уловъ. Весной, когда снѣгъ и ледъ начинаютъ таять, вся земля покрывается водой, и можно бываетъ странствовать въ лодкахъ, какъ зимой на саняхъ.

Осужденныхъ на висѣлицу водятъ не связанными; но на пути дарятъ ихъ восковыми свѣчами, которыя носятся осужденными въ рукахъ до мѣста казни: тогда палачъ заматываетъ одинъ конецъ веревки вокругъ шеи осужденнаго, а другой перекидываетъ чрезъ верхнюю перекладину и, безъ помощи лѣстницы, руками поднимаетъ его. Здѣсь существуетъ обычай, который, въ образованомъ народѣ, далъ бы поводъ заключить о себѣ, что имѣетъ политическій характеръ, а именно: чуть не ежедневно, служилые люди вызываютъ и дерутся на кулачки съ горожанами: словно *Каштеланы и Николоты* въ Венеціи. Всѣ обыватели восточнаго обряда.

26-го сентября мы отправились изъ Новгорода, помѣстившись на шести лодкахъ [1]) . . . . . и 17-го октября прибыли въ Москву; но 14-го, въ четвертокъ, мы помѣщались въ домѣ одного боярина, князя Якова Циркоскаго [2]), гдѣ пробыли до воскресенья, когда и совершили свой торжественный въѣздъ въ городъ. За милю до въѣзда прибыли

---

[1]) Здѣсь въ рукописи нѣсколько перерывовъ.

[2]) Въ „Пам.“... стр. 315, „подхожей станъ боярина князя Якова Куденетовича Черкаского въ село Никольское“. У Котошихина (изд. 1884) читаемъ: „А какъ послы пріѣдутъ близко Москвы и дворянину велѣно бываетъ съ тѣми послами остановитися не доѣзжая Москвы за 20 верстъ, и о посолскомъ пріѣздѣ отписать; и по ево писму велѣть ему съ тѣми послами итти къ Москвѣ на подхожей станъ, верстъ за 7, и ожидати указу, какъ ему велятъ быть съ ними къ Москвѣ“ (стр. 67).

на встрѣчу намъ два царскихъ коммиссара со множествомъ народа и съ 2500 хорошо одѣтой конницы, преимущественно изъ придворнаго дворянства, при звукахъ трубъ и литавръ. Ранѣе коммиссаровъ къ намъ приступилъ главный царскій конюшій съ тридцатью лошадьми, изъ которыхъ три въ прекрасной сбруѣ были назначены для насъ троихъ: особенно отличалась сбруя на лошади, назначенной господину Алегретичу. Тогда приступили, въ весьма богатой одеждѣ, коммиссары на прекрасныхъ лошадяхъ и привѣтствовали насъ отъ царя, съ обычною у нихъ сердечностью. Тутъ между нами и ими произошелъ споръ—кто раньше долженъ слѣзть съ коней—и длился больше добрыхъ двухъ часовъ. Наконецъ, видя, что мы неподвижны, они сошли первыми.

Тогда коммиссары, по ихъ обычаю, прочитали намъ по книжкѣ царское привѣтствіе. Послѣ этого мы сѣли на коней и отправились въ городъ вмѣстѣ съ ними въ назначенный намъ для квартированія домъ, обливаемые жестокимъ дождемъ. Этотъ домъ со сводами, изъ опасенія пожара, находится въ *Китай-городѣ,* недалеко отъ царскаго двора, называемаго Кремени-градъ (Кремль?).

До перваго представленія нашего царю, мы жили какъ арестанты, не смѣя ни съ кѣмъ видѣться, ни съ кѣмъ бесѣдовать: и все потому, что царь не возвратился еще съ войны въ Москву. На третій день коммиссары были перемѣнены, а почему—причина этому была намъ не извѣстна. Первымъ изъ нихъ былъ бояринъ по имени Василій Шиновичъ [1]), пріятный и хорошій человѣкъ; другой—шведъ въ качествѣ толмача, человѣкъ лѣтъ тридцати, весьма вѣжливый и пріятный. Хоть мы и не нуждались въ толмачѣ, но онъ часто съ нами ходилъ и, благодаря этому, мы чрезъ него узнали многое объ этомъ городѣ и обо всемъ государствѣ. Между прочимъ онъ сообщилъ намъ, что кто желаетъ

---

[1]) Въ „Пам." (280,333 и др.) находимъ: „Государь... велѣлъ столнику Василью Семеновичу Волынскому да дьяку Микитѣ Головнину быти въ приставѣхъ у Цес. пословъ".

отправиться туда, гдѣ ловятся соболи, черныя лисы и другія драгоцѣнныя животныя, тотъ долженъ употребить на это годъ, а москвичи говорили, что на это нужно шесть лѣтъ [1]). Этотъ край называется Сибирью, откуда торгующіе мѣхами обыкновенно возвращаются къ Рождеству. Также намъ сообщали, что руссы, за два года предъ тѣмъ, открыли въ Сибири довольно образованный народъ, живущій въ хорошихъ домахъ и одѣвающійся въ красиво скроенные наряды; но они не могли ни понять языка этого народа, ни узнать его религію. Въ Сибири еще обитаютъ Самоѣды, народъ подходящій къ звѣрямъ болѣе, нежели къ людямъ; этотъ народъ не знаетъ истиннаго Бога, и поклоняется деревьямъ, камнямъ и шкурѣ рогатого скота. Рыбу и мясо ѣдятъ сырьемъ и спятъ на снѣгу. Они считаются царскими подданными, и изъ нихъ нѣсколько человѣкъ постоянно живутъ въ Москвѣ.

19-го декабря царь прибылъ въ одинъ монастырь, находившійся въ трехъ миляхъ отъ Москвы [2]), въ которую на другой день торжественно возвратился. Завернулъ онъ въ монастырь, чтобы тамъ отпраздновать день св. Николая, котораго чествуютъ весьма благоговѣйно.

20-го, по особенной царской милости, и намъ дозволено было смотрѣть на его торжественный въѣздъ; и мы размѣстились на ружейный выстрѣлъ отъ этого зрѣлища.

Тутъ чуть не всѣ обыватели этого большого города расположились на полѣ. На подобающемъ мѣстѣ поставлено было пятьдесятъ пушекъ для привѣтствій. На полумилю отъ города вышли на поклонъ царю всѣ мѣстные и иноземные

---

[1]) Тамъ же, стр. 336, читаемъ: „(Донъ Алегретъ) спрашивалъ у меня... гдѣ у васъ соболи родятся? и я... сказалъ ему: въ Сибири. И онъ спросилъ, долголь де ѣхать отъ Москвы до Сибири? и я... сказалъ, что до первыхъ городовъ Сибирскихъ, до болшого города Тоболска отъ Москвы ѣхать три года, а вдаль туды за Тоболскъ гораздо далеко, мнѣ прото не мочно".

[2]) Можно думать, что это былъ Николо-Угрѣшскій монастырь.

купцы съ дарами. Неимущіе изъ горожанъ поднесли ему хлѣбъ и соль, имущіе привѣтствовали его серебряными блюдами, соболями, бархатомъ, сукномъ, дамасскимъ шелкомъ и т. д. на сумму не менѣе 50000 талеровъ; эти подарки проносятся предъ нимъ, чтобы всѣ видѣли. За это чествованіе онъ любезно всѣхъ благодаритъ, допускаетъ къ цѣлованію руки и назначаетъ имъ день, когда явиться къ нему на обѣдъ. И такъ всегда ожидаютъ царя, когда онъ возвращается съ войны.

Предъ вратами Каменъ-града, которыми входитъ царь, съ обѣихъ сторонъ, были поставлены большіе сосуды съ святой водой, чтобы окропить царя при входѣ, а вокругъ постилаются большіе зеленые суконные ковры. Патріархъ съ духовенствомъ ожидаетъ его въ процессіи, неся много иконъ Богородицы и св. Креста. Когда царь поравняется съ патріархомъ, патріархъ произноситъ по обряду молитву и на главу царя возлагаетъ корону. Послѣ этого онъ произноситъ нѣкоторыя благословенія и молитвы, и снимаетъ съ него корону. Тогда царь начинаетъ что-то шептать патріарху на ухо, и, какъ мнѣ говорили, это была исповѣдь. Послѣ этого подвигается процессія съ божественными пѣснопѣніями, а за нею идетъ пѣшкомъ царь съ непокрытой головой, а съ правой и лѣвой стороны идутъ съ нимъ по боярину, ведя его подъ руку. Мы дивимся смиренію и благочестію царя, при видѣ его съ непокрытой головой въ жесточайшую стужу. Когда онъ поравнялся съ мѣстомъ нашей остановки, громкимъ голосомъ, какъ бы затѣмъ, чтобы мы слышали, онъ велѣлъ спросить императорскихъ пословъ, всѣ ли они въ добромъ здоровьи? Это отличіе всѣми присутствовавшими было принято за великій и рѣдкій почетъ, такъ какъ этого прежде онъ не говорилъ никакимъ посланникамъ, и никогда не допускалъ смотрѣть на его въѣздъ въ городъ. По примѣру царя, и патріархъ благосклонно посмотрѣлъ на насъ и благословилъ. За царемъ вели породистаго коня, везшаго весьма красивыя сани, на которыхъ былъ разложенъ весьма богатый протканный

повсюду золотомъ чапракъ [1]); а предъ ними шло 3000 стрѣльцовъ и 500 рейтаръ вродѣ нашихъ *драгуновъ*. Да еще, кромѣ вышеупомянутыхъ подарковъ, вели предъ ними 50 видныхъ коней въ дивной сбруѣ, изъ которыхъ шесть было подарено герцогомъ Эленштейномъ, а шесть Датскимъ королемъ. Въ царской свитѣ было множество бояръ въ превосходномъ одѣяніи. А онъ былъ облеченъ въ бѣлую шелковую одежду, отороченную сибирскимъ лисьимъ мѣхомъ; князь [2]) красивого вида, лѣтъ 28-ми, изященъ и красивъ, роста немного выше средняго. Прежде входа въ крѣпость онъ остановился подъ однимъ крытымъ входомъ [3]), пока пѣли: *Тебе, Бога хвалимъ,* подъ звуки трубъ, барабановъ и проч.

При всей такой выдающейся торжественности насъ болѣе всего удивляло смиреніе и религіозность такого могучаго царя. Когда довершилось празднованіе, въ обществѣ нашихъ коммиссаровъ мы на санкахъ вернулись домой; хоть мы и довольны были случаемъ видѣть необычныя для насъ и прежде не видѣнныя событія и обычаи, но насъ мучила въ этотъ день чрезвычайно рѣзкая стужа.

21-го, въ день святого апостола Ѳомы, коммиссары впервые сѣли съ нами за столъ, да и то, думаю, не безъ дозволенія Его Величества. Когда мы нѣсколько согрѣлись, начали пить тосты за царя и императора и за ихъ династію, за патріарха, а также и за выдающихся особъ. Въ разговорѣ одинъ изъ коммиссаровъ разсказалъ намъ о томъ, какъ царь спрашивалъ о нашемъ здоровьѣ и, понявъ, что господинъ Алегретичъ *изъ славянскаго племени* [4]), очень обрадовался, и ему весьма пріятно было то, что онъ можетъ

---

[1]) Въ текстѣ: sakrafoc. М. б. санная полость?

[2]) Въ текстѣ knjaz, вмѣсто: car.

[3]) Въ текстѣ: pod jednim trijemom, что можетъ обозначать и паперть.

[4]) Въ текстѣ: *od slovinskoga jezika.* Aligretti происходилъ изъ Дубровницкой фамиліи (Radić), угасшей въ XVIII вѣкѣ.

говорить съ нимъ на своемъ языкѣ. При этомъ самъ коммиссаръ, человѣкъ разсудительный, прибавилъ, какъ умно поступили бы всѣ правительственные дворы, если бы имѣли предусмотрительность посылать къ различнымъ дворамъ, въ качествѣ своихъ посланниковъ, лицъ, знающихъ языкъ державъ, къ которымъ посылаются, чтобы въ важныхъ и щекотливыхъ вопросахъ не ввѣряться слѣпо переводчикамъ. И такъ какъ мы другъ друга хорошо понимали на своемъ языкѣ, то по-дружески пустились въ разговоры различнаго рода: и это обстоятельство, относительно нашего посольства, было весьма полезно какъ имъ, такъ и намъ [1]).

25-го декабря, въ день Рождества Христова, въ субботу, мы были у царя съ привѣтствіемъ, о чемъ насъ оповѣстили за два дня чрезъ одного боярина.

Между тѣмъ мы уговаривались о титулованіи царя, и, послѣ длиннаго спора, порѣшили, что будемъ звать его, какъ Императоръ написалъ въ грамотѣ, *Великимъ Герцогомъ* [2]). Потомъ были принесены подарки, посылаемые ему Императоромъ: два золотые бокала цѣною въ 1000 флориновъ [3]), три куска шелковой матеріи, часы съ зеркаломъ,

---

[1]) Послѣ этихъ словъ въ текстѣ г. Франасовича пропущено слѣдующее мѣсто (приведенное въ „замѣткѣ“ Кукульицы): „anzi con altri ministri che non possedevan la lingua, e che volevan servirsi di interprete si sono scusati dicendo: se sapeste *slovinski* trattaressimo con voi: ma giacchè non la sapete, habbiate pazienza sin che l'appenderete. E pur ben si dice: zaludu je aptjecat strana od svijeta a jezika ne poznat, najčiše onijem koji ni materinijem jezikom neumiju govorit, koji koliko veće žive i veće svijeta vidu, toliko su veće goveda i *bestie*, quali si può dir nati solamente per far lettame al mondo i da bi Bog dô da ih i mi takijeh nijesmo imali s nami i bivši naši nenaučeni pastit ovake *animale* ičinit ih orat silom, treba je bilo vele puta šilkat ih kô goveda; za koje šiljkanje prigali su se u svomu salu i imali *pazienzu* za nevolju“.

[2]) Въ текстѣ: imenom *Velikog Vojvode*. Въ „проѣзжей грамотѣ“ (Пам. стр 262) читаемъ: „пресвѣтлѣйшему В. Кн.“.

[3]) т. е. гульденовъ.

одно постельное одѣяло изъ бѣлаго шелка съ золотомъ [1])—все вмѣстѣ стоимостью въ 3000 флориновъ. Когда мы отправились къ царю, то намъ дозволили быть при сабляхъ только до входа во дворецъ, что мы сильно и тщетно оспаривали [2]). Онъ отправилъ за нами двое саней, крытыхъ атласомъ, однѣ для двоихъ посланниковъ, а другія для меня: остальнымъ нашимъ дали коней. Отъ дома нашего квартированія до царскаго дворца разставлены были по обѣимъ сторонамъ стрѣльцы, на разстояніи итальянской мили, съ знаменами и литаврами.

Прибывъ ко дворцу, мы и тутъ встрѣтили множество стрѣльцовъ, и до первой комнаты все было полно прекрасно одѣтымъ людомъ. Когда мы вступили въ первую комнату, къ намъ подошли два боярина съ привѣтствіемъ отъ царя. Эта комната была загромождена платьемъ, опушеннымъ дорогими сибирскими мѣхами. У дверей пріемнаго покоя, въ которомъ насъ ожидалъ царь, насъ приняли двое бояръ, которые и ввели насъ въ пріемную. Она была полна боярствомъ. Въ половинѣ пріемной насъ остановили у одной колонны, стоявшей на срединѣ комнаты, и съ этого мѣста мы поклонились царю, возсѣдавшему на престолѣ въ царской одеждѣ со скипетромъ [3]) въ рукѣ и съ короной на головѣ. Его одежда была вся усыпана жемчугомъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями; тронъ—весь вызолоченъ, а подножіе и всѣ ступеньки украшены серебряными бляхами, а вся пріемная застлана драгоцѣнными персидскими

---

[1]) Въ Памятн. (стр. 374) читаемъ: „великіе послы челомъ бьютъ, въ 2 склянницахъ мyро Великаго Чудотворца Николы, 2 куфшинца золоты съ жемчюги, 2 объяра цвѣтные, по нихъ травы золоты, объярь серебряна, покровецъ шитъ шелкомъ цвѣтной, часы золочены, въ 2 коробкахъ аромать, въ 2 коробкахъ сахару составнаго".

[2]) У Котошихина читаемъ: „а какъ послы пріѣзжаютъ блиско царского двора слазятъ съ лошадей; и слѣзши съ лошадей послы и ихъ дворяне шпаги съ себя снимутъ и идутъ къ царю въ Верхъ безъ шпагъ. (Изд. 1884 г. стр. 68).

[3]) Текстъ: so zezlom u ruci.

коврами. Ниже трона стояли четверо, двое по одну сторону, и двое по другую, въ бѣлой одеждѣ, въ большихъ бѣлыхъ шапкахъ и съ золоченными бубнами (или литаврами) въ рукахъ [1]). Нѣсколько ближе къ трону стояли съ одной стороны царскій тесть [2]) съ державою въ рукѣ, съ другой—одинъ изъ выдающихся бояръ съ царскимъ посохомъ [3]).

Послѣ того, какъ мы поклонились, великій канцлеръ [4]) началъ говорить: „Императоръ римскій Фердинандъ III, твой дорогой и возлюбленный братъ, послалъ сихъ своихъ посланниковъ"... [5]) Сказавши это, нашъ первый посланникъ привѣтствовалъ царя, отъ имени Императора, на нѣмецкомъ языкѣ. Царь всталъ съ трона, поблагодарилъ за любовь Императора, и спросилъ насъ о здоровьѣ *своего дражайшаго и возлюбленнаго* брата Императора, а затѣмъ спросилъ и о нашемъ здоровьѣ. Послѣ этого мы всѣ поцѣловали его руку. Потомъ великій канцлеръ прочиталъ по грамотѣ о количествѣ и родѣ подносимыхъ царю подарковъ, которые царь и приказалъ показать ему. Наконецъ, спросилъ посланниковъ, не имѣютъ ли еще что-нибудь сказать? Они отвѣчали ему, что имѣютъ кое о чемъ тайно сообщить ему, и онъ замѣтилъ, что онъ удовлетворитъ ихъ. И такъ мы простились съ нимъ и возвратились домой въ томъ же порядкѣ, въ какомъ и являлись.

Черезъ насъ царь послалъ намъ изъ дворца обѣдъ съ одной тарелкой, одной вилкой и однимъ ножемъ для гос-

---

[1]) Да подлѣ Царя жъ, по обѣ стороны, стоятъ рынды, четыре человѣка, наряжены въ бѣлое платье камчатое на горностаяхъ, въ шапкахъ бѣлыхъ же высокихъ, и въ сапогахъ... (Кот. 68—69).

[2]) И. Д. Милославскій.

[3]) Въ текстѣ: sa žezlom.

[4]) Въ „Древней Россійской Вивліоѳикѣ" (2-е изд., ч. 20, стр. 151) находимъ: „иностраные прежнихъ временъ писатели въ путешественныхъ своихъ описаніяхъ о Россіи, пишутъ о Дьякахъ съ столь великимъ почтеніемъ, что называютъ ихъ *Канцлерами*, слѣдуя въ томъ обычаямъ нѣкоторыхъ народовъ, называвшихъ тогда и у себя письмопроизводителей судебныхъ мѣстъ *канцлерами*".

[5]) И здѣсь въ рукописи перерывъ.

подина Алегретича.—Такъ какъ это былъ день ихъ поста [1]), намъ принесли отборной рыбы, приготовленной по ихнему вкусу; такъ закончился первый пріемъ.

На другой день ночью великій канцлеръ приходилъ, не знаю что, тайно переговорить съ посланниками, и такъ приходилъ много разъ. 27-го мы были вторично у царя (тутъ онъ ждалъ въ другой комнатѣ, которая была много меньше первой) и имѣли случай ближе наблюдать царя: лицо его было бѣло-румяное, волосы золотистые, носъ крючковатый, царь былъ живого и веселаго характера, исполненъ величія, однимъ словомъ, красивый человѣкъ. И тогда при немъ было достаточно бояръ. Исполнивъ обычныя церемоніи, наши изъявили ему благодарность за присланный обѣдъ. Затѣмъ чрезъ великаго канцлера онъ сообщилъ намъ, что избралъ четырехъ бояръ, которые въ обществѣ самого великаго канцлера будутъ вести дѣла съ нами; за это они поблагодарили его. Тогда насъ повели въ другую комнату, гдѣ мы и встрѣтили указанныхъ четверыхъ бояръ, и здѣсь съ великимъ канцлеромъ начали разсуждать о дѣлахъ, и эта бесѣда длилась три часа; потомъ отвели насъ домой; такъ закончилась вторая бесѣда; 29-го слѣдовала—третья, а 30-го—четвертая. 3-го января (1656) было пятое свиданіе, за которымъ слѣдовало еще нѣсколько: 8-го того-же мѣсяца опять свидѣлись; а такъ какъ кое-что было уже закончено, то обѣ стороны порѣшили послать Императору курьера съ извѣщеніемъ о томъ, что сдѣлано: наши выбрали прапорщика Николу Минчетича, угра [2]), а они одного дьяка, которые съ прислугою отправились въ Вѣну, 18-го числа.

[1]) Очевидно авторъ путешествія выставилъ дату своего лѣтосчисленія; по ней 25-е декабря соотвѣтствуетъ нашему 15 декабря. Въ январскомъ 1655 году $^{15}/_{25}$ декабря приходилось въ субботу.

[2]) Въ примѣчаніи къ тексту г. Кукульицы сказано, что Никола Минчетичъ (въ рукописи: Mincetti тоже происходилъ изъ Дубровницкой фамиліи Menzeno С. Х. Минчетичь. Авторъ называетъ его угромъ (Ungarezom) можетъ быть потому, что онъ былъ въ военной службѣ въ Угріи; такимъ образомъ, это важное посольство состояло преимущественно изъ дубровничанъ.

28 числа Шведскіе послы привѣтствовали царя, принеся ему подарки отъ имени своего короля (все серебряныя позолоченныя вещи, донесенныя шестьюдесятью человѣками) цѣною на 15000 флориновъ.

Еще 28-го прошлаго декабря я сталъ чувствовать себя нездоровымъ, но перемогался до 18 января, когда принужденъ былъ слечь въ постель. Только на десятый день могъ добиться врача, какого-то нѣмца Эрманна, почтеннаго и веселаго человѣка. Въ день нашего прославленнаго св. Власія я всталъ съ постели, а въ половинѣ марта совсѣмъ оправился.

9-го апрѣля было цвѣтное воскресенье, праздникъ, чествуемый руссами болѣе другихъ церковныхъ праздниковъ. Слѣдуетъ описать его.

Божественная служба начинается процессіей, на которой присутствуетъ царь съ своими придворными и патріархъ со всѣмъ духовенствомъ. Процессія отправляется въ церковь, называемую *Іерусалимомъ* [1]), оттуда сходятся подъ однимъ шатромъ, гдѣ патріархъ прежде всего читаетъ царю нѣкоторыя благословенія и потомъ совершаетъ предписанные церковные обряды, которые продолжаются добрыхъ два часа; за тѣмъ патріархъ одѣляетъ, начиная съ царя, и потомъ по очереди бояръ, сообразно съ ихъ значеніемъ, освященными пальмами [2]).

Послѣ этого патріархъ садится на осла [3]), а его свѣтлость царь идетъ пѣшкомъ предъ нимъ, ведя патріаршаго

---

[1]) Вербное Воскресеніе. Въ 1656 январскомъ году Пасха приходилась $^{6}/_{16}$ апрѣля; слѣдовательно Вербное Воскресеніе было $\frac{30\text{ марта}}{9\text{ апрѣля}}$.

[2]) Покровско-Троицкій соборъ (Василій Блаженный). Еще Снегирекъ (въ Памятникахъ Московской древности, стр. 342) замѣтилъ, что „иностранные писатели XVII столѣтія называли его *Іерусалимомъ*, вѣроятно по придѣлу Входа въ Іерусалимъ.

[3]) Дѣйствительно, финиковыя вѣтви и вербу.

[4]) Т. е. коня, въ бѣломъ суконномъ *каптурѣ* (родъ попоны, закрывавшей и голову лошади). Подробности см. въ книгѣ Забѣлина: „Домашній бытъ русскихъ царей“, Т. I.

осла за уздy; между тѣмъ предъ царемъ идетъ небольшая толпа солдатъ, бросая ему подъ ноги по куску въ два локтя цвѣтнаго сукна, а предъ толпою влекутъ колесницу, на которой утверждена древесная вѣтвь, украшенная яблоками и другими плодами [1]), а около нея идетъ кучка дѣтей въ бѣлой одеждѣ, съ пѣніемъ; такъ возвращаются въ царскій дворецъ. И при этой церемоніи мы имѣли разрѣшеніе смотрѣть это торжество, къ чему напрасно стремилось шведское посольство. Въ великую субботу сюда прибылъ посолъ польскаго короля, Петръ Раленскій, съ 30-ю особами. На четвертый день ему было дозволено привѣтствовать царя. Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, только послѣ отпуска отъ царя, ему дозволено было насъ навѣстить. При отъѣздѣ онъ подалъ господину Алегретичу двѣ грамоты: одну отъ королей, а другую отъ великаго польскаго канцлера; послѣ этого онъ отправился на свою квартиру, отстоящую отъ нашей на добрую итальянскую милю.

1-го мая къ намъ явился великій канцлеръ и передалъ намъ отъ его свѣтлости, что такъ какъ еще не возвратился изъ Вѣны ни нашъ прапорщикъ, ни его курьеръ, а его свѣтлость долженъ отправиться въ Смоленскъ, то чтобы и мы готовились въ путь и возвратились къ императору, не имѣя здѣсь больше дѣла: но прежде чѣмъ будемъ разставаться, мы должны явиться къ нему на обѣдъ, а онъ насъ отпуститъ... На это господинъ Алегретичъ отвѣтилъ: „мы охотно разстались бы, но отсюда мы не смѣемъ двинуться, пока не вернутся люди, отправленные къ императору“. На этотъ отвѣтъ царь собралъ совѣтъ и на шестой день чрезъ великаго канцлера сообщилъ намъ, что слѣдуетъ уѣзжать, такъ какъ мы сдѣлали все, зачѣмъ были посланы; если же на пути получимъ какой-нибудь отвѣтъ отъ императора, то смѣло можемъ вернуться“. Тщетно мы сопротивлялись: нужно было отправляться. Также напрасно просили мы дозволенія ѣхать чрезъ Смоленскъ: мы должны были избрать опредѣленную для насъ дорогу чрезъ Новгородъ въ Ригу.

[1]) Въ текстѣ: i drugim spotnarijama.

14-го числа отправились мы на царскій обѣдъ, на который приглашены были всѣ бояре и его придворные. Прежде всего насъ ввели въ одинъ залъ, гдѣ мы застали царя на тронѣ. Послѣ того какъ мы произнесли ему привѣтствіе, насъ перевели въ другую комнату, гдѣ мы въ ожиданіи провели добрыхъ три часа. Наконецъ, насъ ввели въ ту комнату, въ которой мы въ первый разъ привѣтствовали царя, въ лучшую комнату во дворцѣ. Здѣсь мы застали царя на тронѣ; предъ нимъ накрытый столъ, за которымъ онъ возсѣдалъ, и который былъ четырьмя ступеньками выше остальныхъ накрытыхъ столовъ. По правую руку за однимъ столомъ отдѣльно сидѣли—сынъ короля . . . . .[1]) видный кавалеръ, лѣтъ пятнадцати и . . . . . Сибири . . . . . Татаріи, уродливые люди, которымъ не къ лицу бы быть слугами вышеупомянутому королевичу (sic)[2]). Съ лѣвой стороны былъ третій столъ, за который сѣли мы со своей свитой, коммиссары и нѣсколько бояръ; а около стояли остальные находившіеся бояре и придворные. Между всѣми отличался одинъ столъ, стоявшій прямо противъ царскаго, за которымъ сидѣло до пятидесяти нищихъ. Это насъ тронуло до глубины души, при видѣ такой благости и доброты: а еще далѣе и то, что онъ посылалъ имъ съ своего стола и ѣду и питье чрезъ посредство своихъ выдающихся бояръ; подвигъ, достойный величайшей похвалы.

У дверей на возвышенномъ мѣстѣ стояли суренщики, которые играли и пѣли по-своему[3]).

Посреди комнаты, около одной колонны, поддерживающей потолокъ, стояло четвероугольное хранилище сере-

---

[1]) Точки обозначаютъ въ рук. перерывъ.

[2]) Въ Памятн., стр. 235, читаемъ: „Да у государя жъ ѣли Грузинской, да Касимовской да Сибирскіе Царевичи“ (изъ потомковъ Кучума).

[3]) А будетъ трубниковъ и литаврщиковъ, и суренщиковъ въ царскомъ дому всѣхъ человѣкъ со 100. . . . . А прямыхъ истинныхъ добрыхъ трубачѣевъ выберется въ царскомъ дому человѣкъ до 6 или мало болши (Кот., стр. 100); у автора: kod vrata na uzdignutom mjestu stojachu sviraći, koji svirahu i pjevachu na jihovu.

бряныхъ сосудовъ, вызолоченое, цѣнимое въ сто тысячь флориновъ.

Усѣвшись, царь посылалъ намъ со своего стола хлѣбъ, питія и яства; и бояринъ, подававшій намъ, каждый разъ говорилъ: „*Царь и великій князь посылаетъ это вамъ*“, и всѣмъ это говорилъ, ходя вокругъ. Только трое, сидѣвшіе по правую руку отъ царя, если имъ что подавали, должны были по одиночкѣ подходить къ нему. Когда подносили имъ питіе, то оно дѣлилось такъ: молодому королевичу подавались три чаши, Сибиряку—двѣ, татарину—одна; этотъ же порядокъ наблюдался и въ кушаньѣ. Въ половинѣ обѣда царь подозвалъ къ себѣ всѣхъ посланниковъ, бояръ и царевича, и, вставши, съ открытой головой, съ большой хрустальной чашей въ рукѣ, выпилъ за здоровье императора, говоря: „Я пью за здоровье моего дражайшаго брата Фердинанда Третьяго, коему да подастъ Господь здравіе и долголѣтіе; да продолжается между нами, какъ и между нашими предками, братская любовь и дружба; да въ согласіи уничтожимъ враговъ святой каѳолической вѣры“. Сказавъ это, онъ выпилъ всю чашу. Послѣ этого тоста онъ велѣлъ откупорить двѣ объемистыя бутылки испанскаго вина и своею рукою налилъ двоимъ нашимъ посламъ по чашѣ, чтобы они выпили за здоровье своего императора. Когда до меня дошла очередь, и, по моей просьбѣ, мнѣ подали чашу воды, то царь съ удивленіемъ спросилъ меня, какъ могу я, безъ вреда, пить столько воды, я отвѣтилъ, что уже давно привыкъ къ этому. За нами по очереди пили всѣ другіе, начиная съ царевичей и бояръ. И, дѣйствительно, пріятно было видѣть, какъ гурьбами съ чашами въ рукахъ подходили къ царю общества отъ каждаго стола, отдѣльно одно отъ другого. Послѣдними были польскіе (перекрещенные) дворяне, которымъ царь сказалъ: пейте за здоровье императора, моего дражайшаго брата, и ударьте челомъ до земли. И они, выпивъ свои чаши, преклонили колѣни и ударили челомъ о полъ. Когда всѣ совершили тостъ, господинъ Алегретичъ выпилъ за царя, а по его примѣру и всѣ другъ

за другомъ. Такимъ образомъ при повтореніяхъ тостовъ всѣ сильно разогрѣлись и наши почти опились.

Господинъ Алегретичъ, такъ какъ былъ веселъ и пьянъ, рѣшился подойти къ самому царю и началъ съ нимъ говорить. Но такъ какъ языкъ у Алегретича путался, царь велѣлъ мнѣ подойти къ себѣ и, при моей помощи, сталъ съ нимъ разговаривать. И если царь желалъ кому-либо что сказать, приказывалъ мнѣ подходить къ нему и часто повторялъ мнѣ: помни хорошо, что я говорю, чтобы потомъ съумѣть передать Императору и его боярамъ при Императорскомъ дворѣ, да и твоимъ друзьямъ, когда отрезвятся, а теперь они на веселѣ и не знаютъ, что я говорю. На это я отвѣчалъ ему, какъ умѣлъ и какъ приличествовало, и все на своемъ природномъ языкѣ, а царь на своемъ. И когда нашихъ пословъ отвели на свои мѣста, такъ какъ они не могли держаться на ногахъ, я одинъ остался бесѣдовать съ царемъ, и онъ, взявъ меня за руку, возобновилъ порученіе не забывать въ разсказѣ Императору, что я слышалъ и видѣлъ у царя. Онъ говорилъ мнѣ не мало и о другихъ вещахъ. И онъ собственноручно подарилъ мнѣ одну тарелку, и при мнѣ приказалъ своему великому канцлеру, чтобы это было прибавлено къ подарку, который для меня былъ записанъ [1]).

---

[1]) Въ „Замѣткѣ“, сопровождающей текстъ, г. Кукульица по рукописи прибавилъ варіантъ этихъ строкъ: „prvo sig. Aligretto, pristupiše polak samoga Cara, i uzô s njim govorit, i nemogući *esprimat* dobro riječi meni je činio Car uzit prida nj i govorio sve sa mnom što bi s njim govorio. Takogjen svegj *present*; govoreći mi svegj: Slušâ dobro što govorim, neka paka umjieš spovjgjet Cesaru i bojarom ćesarskijem u ćesarovu dvoru, i takogjev.... kad se raztriezne zašto su sad vesoli, ne znadu što im ja govorim; na koji vam ja odgovorio kako sam umio i kako se pristojalo i sve mojijem jezikom naravnijem, a Car svojijem. Budući odveli na svoje mjesto sjestit *ambasciature* ne mogući stat na nogam, ja sam *tuttavia* ostô govoreći s Carom, gdje me uhitio za ruku *replikavajući* mi da ne zabora vim spovigjet bojarim ćesarovijem sve što sam čuo i vidio od njega, govoreći mi vele druzijch riječi: i tu mi je darovô jedun *pjat*.... i prida

И когда я поцѣловалъ послѣ этого у него руку, сказалъ мнѣ: „ты добрый юнакъ и еще лучшимъ будешь воиномъ“ [1]). На это я учтивѣйшимъ образомъ поблагодарилъ его. Кромѣ этой бесѣды, онъ съ удовольствіемъ и не разъ говорилъ мнѣ, насколько онъ дружественъ къ Императору и за его любовь только воздержится окончательно побѣдить поляковъ и съ ними заключитъ перемиріе, да готовъ и миръ заключить, чего ни для кого другого не сдѣлалъ бы; и прибавилъ, какъ думаетъ свидѣться съ Императоромъ, чтобы подавить общаго врага нашей вѣры, да не радуется дьяволъ нашей бѣдѣ, но печалится при нашемъ благѣ. И хоть онъ не опредѣлилъ, кто этотъ общій врагъ, но очевидно было, что онъ подразумѣвалъ Шведа, какъ и подтвердили послѣдствія. Онъ прибавилъ еще, что весьма удивляется тому, что Императоръ дозволилъ своимъ подданнымъ вступать въ военную службу Швеціи, особымъ голосомъ упирая рѣчь противъ нѣкоего Валдемара. Я отвѣтилъ ему, что этому нечего удивляться, такъ какъ твое царское величество вѣдаетъ, что нѣмецкая земля велика, и въ ней много Императорскихъ враговъ и отступниковъ отъ правой вѣры, и что всѣ и малые и большіе, которые не согласились на обращеніе себя въ правую вѣру, были изгнаны: и такъ изъ этого слѣдовало, что они, не зная сами куда, ушли и уходятъ на службу къ врагамъ императора. Этими разсужденіями съ моей стороны царь остался вполнѣ доволенъ.

Такъ какъ уже смеркалось, а наши не въ состояніи были отправиться домой, то царь подарилъ намъ свою шестиконную карету, говоря мнѣ: „ни одному послу я прежде не давалъ, не сдѣлалъ и не оказалъ такой милости, какую те-

---

mnom naredio je Kancelijeru Velikomu da mi da veći *present* nego je bio *terminô* od prie dat mi.... Т. е. чтобы мнѣ былъ данъ подарокъ, болѣе дорогой, чѣмъ былъ прежде назначенъ. Вмѣсто tanjur (тарелка) вѣрнѣе было бы блюдо (pjat).

[1]) Эти слова, кажется, доказываютъ, что Гундуличъ былъ очень молодъ въ 1655 году.

перь окажу императорскимъ посламъ", и дѣйствительно, это отличіе всѣми было сочтено за большую и необыкновенную почесть; онъ желалъ, чтобы насъ конвоировали до кареты важнѣйшіе изъ его бояръ и даже его дядя [1]); а самъ онъ смотрѣлъ на насъ въ окно и привѣтствовалъ; о такъ какъ мнѣ одному предоставлено было исполнять обязанность этикета въ отношеніи ко всѣмъ, то царь весьма меня и полюбилъ. Такимъ образомъ мы вернулись домой, провожаемые съ фонарями, бубнами, придворными и другими торжественными отличіями, къ великому удивленію зрителей—туземцевъ и иностранцевъ: всѣ единогласно признавали, что въ жизнь свою не видали еще такой царской милости.

Вернувшись домой, всѣ полегли какъ мертвые, и полопались бы, если бы не облегчались чрезъ посредство глотки. Какъ только раскидались они по постелямъ, явился бояринъ съ новымъ питіемъ, но такъ какъ всѣ были скорѣе мертвые, чѣмъ живые, то онъ ушелъ.

На другой день дядя царя, Симеонъ Лукьяновичъ, веселый и вѣжливый человѣкъ, и великій канцлеръ послали спросить насъ, хорошо ли мы выспались и здоровы ли.

18-го насъ пригласили во дворецъ и дали намъ оправдательные документы. Когда мы вернулись домой, бояринъ Петръ Шереметовичъ [2]) доставилъ намъ отъ царя обѣдъ.

На другой день царь послалъ намъ въ даръ соболь-ихъ мѣховъ сообразно съ нашимъ положеніемъ, т. е. двоимъ посламъ 64 десятка, мнѣ—восемь десятковъ, осталь-

---

[1]) А какъ послы пошли изъ палаты вонъ, и по государеву указу провожалъ пословъ до кареты бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ, а въ карету посадилъ пословъ столникъ и Московской ловчей Аѳонасей Ивановичъ Матюшкинъ; а карета была посламъ для того, что они были пьяны. И послѣ посолского отпуску посыланъ былъ къ нимъ потчивать съ питьемъ столникъ Петръ Шереметевъ; и пріѣхалъ назадъ со всѣмъ, не потчивавъ пословъ, для того что послы были пьяны". Памятн. стр. 438.

[2]) Стольникъ, Петръ Васильевичъ Шереметевъ.

нымъ—по три и по два десятка. 21-го мая (въ воскресенье) послѣ обѣда мы оставили Москву, съ нашей колесницей, четырьмя экипажами и тридцатью конями. Къ ночи доѣхали до Никольскаго, гдѣ и ночевали.

На другой день на зарѣ явился къ намъ Василій Сейменовичъ [1]), бывшій у насъ коммисаромъ, съ царскимъ наказомъ, чтобы мы остановились и ждали пріѣзда сюда князя Георгія Ивановича [2]), царскаго постельничаго. Вскорѣ прибылъ и этотъ Ивановичъ, человѣкъ вѣжливый и знающій латинскій языкъ. Онъ намъ сказалъ, что царь черезъ два дня отправляется на войну и желаетъ чтобы мы видѣли его отбытіе. Возвратившись на нашу прежнюю квартиру, мы четыре дня ждали царскаго отъѣзда; за это время насъ угощали побарски по порученію царя. Въ четвертокъ въ Спасовъ день [3]) царь отправился. Предъ храмомъ пр. Троицы, называемымъ ими Іерусалимомъ [4]), для насъ устроено было возвышеніе, все покрытое персидскими коврами, чтобы оттуда намъ виденъ былъ проѣздъ его и его служителей. Предъ ними шло до 6000 тысячь стрѣльцовъ, позади бояре и прислуга, которая вела тридцать прекрасныхъ коней и три кареты, изъ коихъ одна была вся вызолочена съ кресломъ по срединѣ.

Подъ однимъ деревяннымъ навѣсомъ, нарочно для для того устроеннымъ, его ждали патріархи—Антіохійскій и Московскій, которые благословляли его. Послѣ этого всѣ, которые должны были остаться въ Москвѣ, сообразно съ своимъ достоинствомъ, подошли къ его рукѣ, кланяясь ему до земли; ранѣе всѣхъ это сдѣлалъ царевичъ. Когда эта церемонія кончилась, царь пѣшкомъ дошелъ до насъ, сѣлъ

---

[1]) Василій Семеновичъ Волынскій.

[2]) Не можетъ ли здѣсь подразумѣваться постельничій (1764 г.), стряпчій съ ключемъ, Григорій Ивановичъ Ртищевъ? У автора: Knez Gjorgje Ivanowić carev posteljnik.

[3]) Т. е. Вознесеніе, которое въ 1656 янв. году приходилось 16/26 мая.

[4]) Василія блаженнаго.

на стулъ, крытый кармазиннымъ сукномъ, и подозвалъ насъ къ себѣ, а мы поцѣловали его руку. Мнѣ онъ снова поручалъ не забывать о передачѣ Императору всего, что онъ мнѣ раньше говорилъ; и приказалъ великому канцлеру доставить намъ еще нѣсколько десятковъ соболей. Простившись такимъ образомъ и поцѣловавъ его руку, мы ушли на свое мѣсто; а онъ сѣлъ на коня и отправился, провожаемый своими боярами, при звукахъ трубъ и бубновъ; все это было очень красиво. Послѣднею шла его стража въ красивой одеждѣ; одна сотня отъ другой отличалась цвѣтомъ одежды. Патріархи стояли и благословляли, пока всѣ не прошли.

26 мая мы отправились изъ Москвы и прибыли вечеромъ, какъ и въ первый разъ въ Никольское; оттуда на другой день на разсвѣтѣ двинулись къ Новгороду. 8-го іюня были въ Бровницѣ [1]), 9-го въ полночь—въ монастырѣ св. Георгія [2]) у Новгорода, гдѣ отдыхали полтора дня; а 11-го съ попутнымъ вѣтромъ доѣхали до села Боръ [3]), гдѣ и ночевали. Оттуда, выспавшись въ селѣ Солца [4]), продолжали путь, въ праздникъ Тѣла Господня, 15-го прибыли въ Плесковъ [5]). Здѣсь насъ захватилъ одинъ курьеръ, посланный нашимъ прапорщикомъ, который, возвратясь изъ Вѣны, въ Смоленскѣ ожидалъ царя, и тотъ далъ ему проводника, чтобы довезти его къ намъ. Это насъ весьма обрадовало, особенно потому, что мы еще не вступили на шведскую границу. На другой день насъ настигъ нашъ прапорщикъ, и, увидѣвъ содержаніе доставленныхъ намъ черезъ него грамотъ, мы должны были возвратиться къ царю и ждать его въ Полескѣ (Порѣчскѣ?) [6]). Но такъ какъ господинъ Алегре-

[1]) Бронницы, село Новгородской губ.

[2]) Такъ называемый Юрьевскій монастырь въ трехъ верстахъ отъ Новгорода.

[3]) Борокъ.

[4]) Сольцы.

[5]) Псковъ.

[6]) Въ Полоцкѣ.

тичь нѣсколько занемогъ, то мы остались въ Плесковѣ восемь дней. 23-го мы двинулись въ путь, и 25-го добрались до Опучка [1]), укрѣпленнаго города. 26 го, выбравшись изъ Опучка, прибыли мы въ одно село недалеко отъ Полескаго [2]), гдѣ насъ заживо съѣли комары, не давая намъ покоя ни днемъ ни ночью; здѣсь мы оставались восемь дней. 8 іюля прибыли мы въ Полеско, гдѣ, по распоряженію царя, насъ торжественно встрѣтили. Полеско, литовскій городъ, до этой войны принадлежалъ Польшѣ. Дома въ немъ деревянные. Есть церковь и домъ іезуитовъ—церковь разрушена.

При польскомъ правительствѣ іезуиты владѣли здѣсь 8000 крестьянъ. 14-го чрезъ этотъ городъ къ Ливоніи прошло тридцатитысячное войско, снабженное боевыми запасами на полгода. На другой день прибылъ царь, котораго ожидали мы съ величайшимъ нетерпѣніемъ. За день до царскаго прибытія въ Полеско, командующій войсками велѣлъ убрать одно распятіе, бывшее надъ городскими воротами, потому что оно было сдѣлано не по-русски: этотъ гнусный поступокъ я видѣлъ своими глазами: дѣло невыразимаго варварства.

Но вообще говорили, что это поруганіе было совершено безъ вѣдома царя, который, будучи человѣкомъ утонченнымъ и умѣреннымъ, не допустилъ бы такого беззаконія. Другое войско, подъ начальствомъ вождя князя Алексѣя Никитича Трубецкого, двигалось на Ингрію и Нарву; третье — въ Карелiи противъ Шведовъ, четвертое—на Польшу, пятое—на татаръ, шестое около Архангела [3]) наблюдало за англичанами, которыхъ подозрѣвали въ союзѣ съ Шведами: всего было до 350,000 солдатъ.

20 го числа въ четвертокъ, послѣ долгаго спора о титулованіи—такъ какъ бояре желали чтобы императоръ назвалъ Царя „Dux Smolicensis, Severiensis, Altae [4]) Russiae, et magni

[1]) Опочка, Псковской губ.

[2]) Полоцкъ въ текстѣ всюду: Polesko.

[3]) Архангельскъ.

[4]) Описка или опечатка вмѣсто Albae.

Ducatus Lituaniae", а Императоръ, дѣлаясь посредникомъ между Царемъ и Польшей, не соглашался на это—мы были приняты царемъ: и на этотъ разъ онъ хотѣлъ оставить насъ у себя на обѣдъ, но такъ какъ господинъ Алегретичъ чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо, царь послалъ намъ обѣдъ на квартиру. Царь принялъ насъ въ домѣ іезуитовъ, гдѣ онъ помѣщался. Царь сидѣлъ на тронѣ, а съ нимъ были его тайные совѣтники.

Когда господинъ Алегретичъ вручилъ царю Императорскія грамоты, царь велѣлъ принять насъ въ другой комнатѣ, гдѣ мы стояли цѣлый часъ. Потомъ пришелъ царскій чиновникъ, Теодоръ Михайловичъ [1]), отличный кавалеръ, вѣжливый, какъ цивилизованнѣйшій итальянецъ, и ввелъ насъ къ царю, котораго мы нашли за накрытымъ столомъ. Онъ подозвалъ къ себѣ пословъ, меня и переводчика. Прежде всего онъ пожаловался господину Алегретичу на то, что Императоръ не желаетъ признать вполнѣ царскаго титулованія. Въ это самое время Илья Дасичеловичъ [2]) и Борисъ Ивановичъ [3]), первый—тесть, а второй—своякъ царя, задавали и мнѣ вопросъ по этому дѣлу; я отвѣтилъ имъ, какъ умѣлъ. Послѣ этого царь спросилъ: всегда ли будетъ ему другомъ императоръ? и правда ли, что Бранденбужецъ послалъ на помощь Шведу 8000-ное войско? и все время удивлялся, почему императоръ не отвѣчалъ ему на нѣкоторые вопросы, которые онъ предлагалъ черезъ курьера. Онъ сказалъ, что пошлетъ къ императору [4]) своихъ пословъ, но совѣтовалъ, прежде чѣмъ они отправятся, чтобы наши послали курьеровъ къ императору, сообщая съ извѣщеніемъ со стороны царя, что онъ ударитъ и на Шведовъ и на Поляковъ одновременно, что онъ отправитъ пословъ къ Дат-

---

[1]) Ѳедоръ Михаиловичъ Ртищевъ стольникъ.

[2]) Илья Даниловичъ Милославскій.

[3]) Борисъ Ивановичъ Морозовъ.

[4]) Въ текстѣ: к Сагu.—Я предполагаю: к Свеагu.

скому королю съ просьбою, чтобы и онъ ударилъ, а поэтому пусть и императоръ соблаговолитъ ударить на Шведовъ.

На всѣ эти пункты Алегретичъ отвѣчалъ ему, какъ слѣдовало. А мнѣ царь особенно рекомендовалъ, чтобы все это я точно перевелъ Леопаху [1]), который не понималъ нашей рѣчи, а толмачь, какой-то новокрещеный курляндецъ, не очень былъ свѣдущъ въ нашемъ языкѣ.

Послѣ этого царь приказалъ принести столько чашъ, сколько было тамъ насъ присутствовавшихъ, и, вставъ съ непокрытой головой, выпилъ тостъ за императора, *чтобы быть всегда друзьями, какъ были ихъ предки.* И каждому, по степени его положенія, наполнилъ чашу.

Послѣ тостовъ онъ назначилъ намъ новые подарки, рекомендовалъ своихъ пословъ, которые должны были прибыть въ Вильну для заключенія мира съ Поляками, и мы, поцѣловавъ его руку, отправились на квартиру съ своимъ коммиссаромъ.

22-го изъ Варшавы явился вѣстникъ отъ польскаго короля, который на другой день былъ у царя. Онъ сообщилъ намъ, что отъ своего короля имѣетъ грамоту господину Алегретичу, которую долженъ собственноручно передать, когда будетъ допущенъ.

23-го царь съ войскомъ пошелъ въ Динабургъ, а въ этотъ же день явился къ намъ на ужинъ польскій Чернинскій вѣстникъ, на слѣдующее утро отправившійся въ Вильну, куда и мы послѣдовали, въ сопровожденіи 10,000-ной пѣхоты и конницы.

8-го августа добрались мы до Вильны: до этой войны это былъ прекрасный городъ, съ весьма большимъ предмѣстьемъ, съ красивыми каменными домами; а теперь городъ и предмѣстье, да и церкви, и мертвыя кости въ могилахъ... все было пожжено и осквернено.

---

[1]) Въ текстѣ: da... istumaćim *Leopachu.* А между тѣмъ всюду въ документахъ, касающихся переговоровъ, онъ называется—съ нѣкоторыми искаженіями—*Лорбахъ* (см. Памятн. стр. 1204). Въ австрійскихъ документахъ находимъ ту же форму.

10-го этого мѣсяца явились польскіе уполномоченные:

Лица замѣстителей:

Императорскіе упономоченные:—Ill... mus D. Alligrettus de Alligretti, et Ioannes Teodoricus a Leopah.

Польскихъ уполномоченныхъ пятеро:—Ioannes Casimirus Krasienski [1]) Palatinus Plosceviensis, Christophorus Zaciska [2]) Maresciallus Magni D. L. (Ducis Livoniae), Ioannes Zaciska [3]) nominatus Episcopus Vilacensis, Cyprianus Paulus Brostovski [4]) Referendarius M. D. L. Stanislaus Serbojevski [5]) starosta Gabojenski.

Уполномоченныхъ русскихъ пятеро: Князь Николай Ивановичъ Дроевскій [6]), ближній бояринъ и намѣстникъ Астраханскій; князь Иванъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, окольничій и намѣстникъ Резанскій; Василій Александровичъ Кавлаконъ [7]), окольничій и намѣстникъ Клажерскій; Дьякъ Герасимъ Сейменовичъ Дактуровъ [8]); Дьякъ Яфимъ Радивановичъ Дьюрдьевъ [9]).

Прелиминаріи.

1. Русскіе уполномоченные не допускали Поляковъ жить въ Вильнѣ. Поляки оспаривали это, но при нашемъ посредничествѣ согласились жить въ двухъ миляхъ отъ Вильны.

2. Споръ о присягѣ и титулованіи порѣшенъ: Польскому королю дать титулъ „Королевское Величество“, а Рус-

---

[1]) Jan Kazimierz na Krasnym Krasiński wojewoda Płocki, т. е. Плоцкій, а не Полоцкій, какъ замѣтилъ Соловьевъ, кн. II, стр. 1698.

[2]) Krzysztof Zawisza na Baksztach.

[3]) Jan Dowgiałło Zawisza, nominat Biskup Wileński.

[4]) Cypryjan Paweł Brzostowski.

[5]) Stanisław Sarbiewski, starosta Grabowiecki.

[6]) Никита Ивановичъ Одоевскій. У Соловьева (кн. II, стр. 1698, изд. Общ. Пользы) описка: (Иванъ Никитичъ Одоевскій).

[7]) Василій Александровичъ Чоглоковъ, нам. Алаторскій. Въ „Памятникахъ“ не упоминается.

[8]) Герасимъ Семеновичъ Дохтуровъ.

[9]) Еѳимъ Юрьевъ.

скому „Царское Величество“. А двое польскихъ и двое русскихъ уполномоченныхъ присягаютъ, что обѣ стороны не будутъ ни въ чемъ обижать другъ друга, пока существуютъ условія мира, будетъ ли онъ законченъ или не будетъ.

3. Гдѣ сходиться для договоровъ о мирѣ. Наконецъ, послѣ долгой проволочки порѣшили сходиться на полѣ—въ милѣ отъ города—на треугольникѣ, поставить одну палатку для насъ, одну для руссовъ, одну—для поляковъ; а среди нихъ одну палатку подъ именемъ *царской палатки* для собраній.

Первое собраніе произошло 22 августа, во вторникъ. Руссы прибыли съ 3000 легкой кавалеріи. двумя полками драгунъ и тремя полками пѣхоты, а польскіе уполномоченные съ нѣсколькими дворянами и служителями—всего до 300 лицъ. Прежде всего руссы начали бесѣду, силясь упорно доказать, что они правы, и что Богъ далъ имъ побѣду. Поляки стали умно отражать ихъ разсужденія, и возникшій споръ длился четыре часа. Но наши прервали ихъ споръ, доказывая, что безполезно останавливаться на вопросѣ, который не касается главнаго предмета. По окончаніи этого разногласія, руссы предъявили свои требованія: такъ какъ царь повсюду побѣдилъ поляковъ, то желаетъ, чтобы они уступили ему занятыя земли, т. е. воеводства: Смоленское, Северинское [1]), Положенское [2]) и Литовское, а къ этому, какъ военное вознагражденіе, пусть еще прибавятъ десять мильоновъ рублей. Если на это согласятся, Россія заключитъ съ Польшей вѣчный миръ и дружбу. Поляки потребовали, чтобы эти представленія были имъ переданы на письмѣ. Тутъ закончилось первое собраніе.

На второмъ собраніи 24 числа, поляки дали отвѣтъ на русскія представленія, говоря—пусть руссы возвратятъ всѣ края, несправедливо ими отнятые, да сверхъ того пусть прибавятъ десять мильоновъ рублей за ущербъ, причиненный этимъ краямъ войною. Руссы отвѣчали на это, что

[1]) Новгородъ-Сѣверское.

[2]) Полоцкое.

откажутся отъ требованія десяти мильоновъ рублей, если поляки уступятъ имъ все Литовское воеводство. Эти безстыдныя требованія со стороны руссовъ сдѣлали безплодными и слѣдующія засѣданія. На четвертомъ собраніи они требовали, чтобы за ними былъ оставленъ хоть оккупированный ими край Литовскаго воеводства, и просили, чтобы всѣ присутствующіе, кромѣ меня и польскихъ уполномоченныхъ, вышли на поле. Тогда заявили, какъ бы подъ величайшей тайной, что если желаютъ легко испросить у царя ихъ желаемый миръ, то пусть польскій народъ изберетъ его наслѣдственнымъ королемъ, еще при жизни Казимира; а пока этотъ послѣдній будетъ живъ, царь станетъ называться *протекторомъ Польши и Литвы,* съ обязательствомъ хранить во всей полнотѣ ихъ права и привилегіи, поддерживать и защищать ихъ вѣроисповѣданіе.

Въ разсужденіи объ этомъ вопросѣ безполезно прошли три слѣдующія засѣданія; и поляки постоянно говорили, что объ этомъ странномъ и неумѣстномъ вопросѣ они даже не имѣютъ полномочія уговариваться, а тѣмъ болѣе чѣмъ нибудь рѣшать. Между прочимъ подтверждали это слѣдующими доказательствами: 1. Они должны быть свободны въ избраніи своего короля. 2. При жизни существующаго короля они не могутъ избирать другого. 3. Польскій король долженъ быть католическаго исповѣданія. 4. Никогда за своимъ королемъ не признаютъ права наслѣдства.

На это руссы сказали, что оповѣстятъ объ этомъ царя, чтобы знать его мнѣніе. Такимъ образомъ на это время споръ этотъ былъ устраненъ.

4-го Сентября, въ понедѣльникъ, обсуждаются условія мира. Руссы представили въ качествѣ окончательныхъ условій: Польша уступаетъ русскому царю на вѣчныя времена воеводства: Смоленское, Северинское, Положенское съ верхней Русью [1]), Волынь, Подолію, и новой границей между

[1]) См. выше. Въ текстѣ: s gornjom Rusiom. Вмѣсто gornjom могло быть *crnom.*

двумя королевствами (sic!) дѣлается Двина, Днѣстръ и Бугъ. А въ качествѣ возмѣщенія военныхъ убытковъ въ размѣрѣ десяти мильоновъ рублей, на двадцать лѣтъ царь оставитъ за собой Литовское воеводство. Поляки требовали, чтобы руссы на бумагѣ изложили всѣ эти требованія, чтобы приготовить отвѣтъ для слѣдующаго засѣданія, упрекая безстыдство руссовъ въ требованіи уступить имъ и такіе края, какъ Волынь и Подолія, до которыхъ русскія войска и не доходили.

На слѣдующемъ засѣданіи 6 сентября, поляки отвѣтили, что они на безмѣрныя русскія требованія не могутъ дать никакого отвѣта. Но по просьбѣ нашихъ они согласились подчинить русскому царю Драгобушу (Дорогобушу), Бѣлу [1]), Сребишъ [2]) и еще четвертую крѣпость. Руссы осмѣяли это и, воспылавъ гнѣвомъ, сказали, что безполезно продолжать переговоры о мирѣ. Поляки отвѣтили: какъ вамъ угодно; желаете мира—вотъ вамъ миръ, а не желаете—мы станемъ биться. Руссы, еще болѣе, повидимому, разгорячившись, желали попугать поляковъ, велѣли разрушить палатки. На другой день, наканунѣ Рождества Богородицы, руссы опять возстановили палатки, и съ великой, неожиданной радостью мы увидѣли въ этой сходкѣ, что дѣло пойдетъ лучше, такъ какъ обѣ стороны оказывались умѣреннѣе. Поляки прежде всего обѣщали уступить Россіи Северинскій и Смоленскій края; относительно Украины и верхней Россіи [3]) и тѣ и другіе ожидали инструкцій своихъ дворовъ. Для этого нужно было перервать засѣданія на три недѣли. 28 числа пригласили насъ на засѣданіе. Но вмѣсто того, чтобы рѣшать остальные пункты мира, къ нашему великому удивленію, руссы опять повели рѣчь объ избраніи царя въ польскіе короли. Наши сильно протестовали противъ этого, говоря имъ, что они (Австрійцы) посланы не за тѣмъ, чтобы разсуждать объ

---

[1]) Biała.

[2]) Себежъ.

[3]) См. выше.

избраніи царя на польскій престолъ, но пришли въ качествѣ посредниковъ при заключеніи мира между Россіей и Польшей, и что никогда не будутъ присутствовать въ засѣданіяхъ, гдѣ будетъ подниматься этотъ вопросъ. Эта рѣчь сильно смутила руссовъ и нѣкоторыхъ поляковъ. И этотъ непріятный вопросъ снова былъ отложенъ до полученія инструкцій отъ правительства и польскаго короля. Между тѣмъ русскіе уполномоченные секретно приходили къ нашимъ, упрашивая ихъ, чтобы согласились съ ними, обѣщая имъ крупные подарки. Господинъ Алегретичь въ немногихъ словахъ высказалъ имъ свое мнѣніе, говоря, что не возьметъ цѣлый міръ за отступленіе отъ предписанныхъ ему наказовъ своего императора. Тѣмъ не менѣе на каждой сходкѣ руссы поднимали этотъ вопросъ, какъ самый существенный и какъ единственное условіе при заключеніи мира. И на засѣданіи 24 октября, по этому предмету руссы, на бумагѣ передали полякамъ слѣдующіе пункты:

1. Царь обѣщается охранять римско-католическую вѣру и сохранять въ неприкосновенности привилегіи дворянъ и всѣ ихъ права.

2. Его Выс(очество?) царь останется восточнаго вѣроисповѣданія и по сему ему будетъ невозбранно сооружать, гдѣ ему угодно, въ польскомъ королевствѣ церкви восточнаго обряда.

3. Уніатамъ дозволяется, если пожелаютъ, принять православіе.

4. Православные въ своихъ гражданскихъ и духовныхъ привилегіяхъ уравниваются съ католиками.

5. Царь, если будетъ коронованъ въ качествѣ польскаго короля, возвратитъ польской коронѣ только великое воеводство Литовское, и ничего больше.

6. О предложеніи коронованія самъ царь условится и опредѣлитъ способъ его съ польскими послами въ Москвѣ.

7. Царь никогда не уступитъ Польшѣ ни Украйну, ни Козачество, добровольно отдавшіяся Россіи.

8. Когда миръ будетъ заключенъ, имъ возвратятся плѣнные, пушки, церковные предметы и все, что сохранилось.

10 [1]). Когда царь будетъ коронованъ, какъ польскій король, то Швецію, Ливонію и Царьградъ, пункты, которые царь думаетъ присвоить, уступитъ коронѣ польской. Наконецъ, царь не обязуется всегда жить въ Польшѣ, но гдѣ ему будетъ угодно: то въ Польшѣ, то въ Россіи.

Поляки, соглашавшіеся въ принципѣ избирать царя въ польскіе короли, хотѣли, чтобы прежде рѣшенія этого вопроса, имъ были возвращены всѣ края, отнятые у нихъ руссами.

На это руссы ни подъ какимъ видомъ не склонялись. При упорствѣ съ обѣихъ сторонъ наши, видя, что миръ между ними быть заключенъ не можетъ, на засѣданіи 3-го ноября предложили обѣимъ сторонамъ перемиріе, пока не будетъ польскаго сейма, не опредѣляя времени, когда онъ соберется. Это предложеніе было единогласно принято. Главными пунктами перемирія были слѣдующіе:

1. Такъ какъ никоимъ образомъ нельзя было достигнуть заключенія мира, то посредничествомъ уполномоченныхъ Его Императорскаго Выс(очества?) заключалось перемиріе вполнѣ законнымъ образомъ, съ удовлетвореніемъ и согласіемъ обѣихъ сторонъ.

2. Обѣ стороны вмѣстѣ ударятъ на Шведа и Бранденбуржца (на Пруссію), если онъ не подчинится польской коронѣ, или соединится съ Шведомъ противъ Польши и Россіи.

3. Польское войско можетъ проходить по краямъ, занимаемымъ руссами.

4. Царь отправитъ своихъ уполномоченныхъ на польскій сеймъ, чтобы приняли на себя дѣло о мирѣ.

Два слѣдующіе дня мы провели во взаимныхъ посѣщеніяхъ и обѣдахъ, на которыхъ вмѣстѣ съ поляками рас-

---

[1]) Или описка или пропускъ въ текстѣ 9-го §.

прощались съ руссами. 6-го числа руссы возвратились къ своему царю, а мы въ обществѣ поляковъ рѣшили отправиться въ Варшаву, чтобы посѣтить и переговорить съ ихъ королемъ. 8-го ноября 1656 года съ Божіей помощью мы оставили Вильну.

Сообщилъ *М. Петровскій.*

LVI.

20-го Генваря, 1834. Петровскъ.

Другъ мой, Семенъ Петровичъ!... Что̀ касается до насъ, друзья мои, мы ужасно съ братомъ твоимъ хвораемъ. Бѣдный Алексѣй Петровичъ нѣсколько дней сряду сильно измученъ былъ нервическими припадками, и не успѣло отдать ему немного, я начала страдать болью въ боку и въ груди и вотъ двѣ ночи провела безъ сна, даже лежать не могла отъ боли, и мужъ мой, ухаживая за мною, тоже не могъ отдохнуть. Мы такъ оба перемѣнились, что ты бы, увидя насъ, едвали-бы узналъ, особливо, твоего брата. Онъ такъ слабъ, что бываютъ дни, въ которые онъ не только ничѣмъ не можетъ заняться, но говорить не можетъ.—Вообрази, какое у насъ электричество въ воздухѣ. К-ня Волконская пришла ко мнѣ на дняхъ. Я хотѣла помочь ей снять съ себя шубу и шляпку и лишь только дотронулась, такой сильный получила ударъ въ руку, что вскрикнула, а если я сдѣлаю нѣсколько шаговъ, идучи по хозяйству, то совершенно двигаться не могу: такъ стѣснитъ грудь.—Теперь у насъ нѣтъ такихъ сильныхъ морозовъ, слѣдовательно, и такой сильной сухости въ воздухѣ не будетъ. Можетъ, это дастъ намъ нѣсколько отдохнуть отъ разныхъ страданій.—Отъ Аврамова писемъ не имѣю. Не получаешь-ли ты, другъ мой, Семенъ Петровичъ? Извѣсти, что̀ знаешь о немъ! А если я получу о немъ извѣстіе, то сообщу тебѣ. Изъ письма, которое получитъ сестра Идалія, ты увидишь всѣ подробности о нашемъ бытьѣ. Теперь-же намъ ожидать еще худшаго: все дорожаетъ, жить очень трудно и помочь себѣ нѣтъ возможности, слѣдовательно, покоряться необходимости и терпѣть, пока силы еще позволяютъ.... М. Юшневская....

LVII.

2-го февраля, 1834. Петровскъ.

Другъ мой, Семенъ Петровичъ!... Я дала себѣ слово писать и каждыя двѣ недѣли аккуратно посылаю тебѣ извѣщеніе о твоемъ почтенномъ братѣ. Онъ очень нездоровъ всѣ эти дни, ни дня, ни ночи не имѣетъ отъ нервической боли, похудѣлъ еще болѣе прежняго и такъ слабъ, что насилу на ногахъ держится. Фердинандъ Богдановичъ увѣряетъ, что пока у насъ сильные морозы пройдутъ, то ему сдѣлается лучше. Я тоже страдаю болью въ боку и въ груди, но моя болѣзнь меня не безпокоитъ, а сильно тревожатъ меня страданія твоего брата.... Пришли, пожалуйста, брату на сей годъ календарь: кто ходитъ на работу, тому интересно искать въ календарѣ праздниковъ; а мнѣ необходимо еще имѣть календарь, чтобы исправно знать числа. Кто такъ часто пишетъ, какъ я, не должна бы чиселъ забывать, но память у меня стала предурная.—Прощай, другъ мой! Боданушка (?) [1]) сейчасъ пришелъ и мѣшаетъ мнѣ писать. Онъ велитъ тебѣ дружески отъ него поклониться. Какъ-бы ты расхохотался, увидя его, какъ онъ сталъ лысъ. И въ отчаяніи бѣдный, что полысѣлъ! Но не устарѣлъ очень и все такой-же, какъ былъ, чопорный.—Братъ твой его очень любитъ, и Боданушка къ намъ ни мало не перемѣнился, все столько-же, а можетъ, еще и больше теперь къ намъ привязанъ. Votre amie et soeur, Marie Juchniewsky.

LVIII.

Мой другъ, Семенъ Петровичъ! Я пропустила одну почту писать къ тебѣ. Наталья Дмитріевна Фонъ-Визина уѣхала на поселеніе. Мнѣ было грустно съ нею проститься, и кромѣ того я немного была озабочена окончаніемъ моей работы.... У насъ слухи носятся, что у васъ плохо на счетъ

[1]) М. б., Богданушка, т. е. Вольфъ, но почему сокращено изъ отчества?

хлѣба. Скажу тебѣ, мой другъ, что у насъ средствъ нѣтъ описать, такъ дурно. Теперь ржаная мука по 3 рубля пудъ; пшеничная по 4½ рубля пудъ. Что будетъ весною? У насъ же до сентября мѣсяца новаго хлѣба не будетъ. Въ августѣ только начинаютъ жатву. Пудъ простой грешневой крупы 5 рублей; говядина, мыло и проч. приступу нѣтъ.—Я просто не понимаю, какъ мы съ братомъ твоимъ существуемъ. Но Богъ милостивъ.—Всѣ твои знакомые здоровы, кланяются тебѣ, въ особенности, Вольфъ. Вчерась онъ былъ у меня и поручилъ сказать тебѣ, что дружбу къ тебѣ всегда сохранитъ неизмѣнно.—Ко мнѣ пришелъ гость, и я покидаю перо до будущей почты. Гость мой—Иванъ Семеновичъ Швейковскій, старикъ добрый, почтенный, и въ такихъ-же тяжкихъ обстоятельствахъ, какъ и я съ твоимъ братомъ. Мы и горюемъ вмѣстѣ.... Marie Juchniewsky.

Le 2 Mars, 1834. Петровскій заводъ.

LIX.

23-го Марта, 1834. Петровскій заводъ.

Наконецъ, получила я письмо, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, отъ Павла Васильевича. Онъ сообщаетъ намъ, что получилъ процентныя деньги за прошлый годъ и что дѣлаетъ тебѣ отсрочку на уплату суммы, должной ему.—Онъ доволенъ своимъ поселеніемъ. Родные часто о немъ пишутъ и заботятся о немъ. Онъ хочетъ заняться хлѣбопашествомъ и старается по немногу разводить свое хозяйство. Фаленбергъ часто ко мнѣ пишетъ. Онъ также доволенъ своимъ положеніемъ, и хотя живетъ въ недостаткѣ, но климатъ хорошій и все дешево. Братъ его и невѣстка пишутъ ему, и онъ, при ограниченныхъ своихъ желаніяхъ, довольно счастливъ.—У насъ ничто не измѣняется. Дорогъ хлѣбъ и еще того будетъ дороже къ веснѣ. Жители Петровскіе очень жалуются на недостатки, и видно, что нуждаются въ хлѣбѣ. По три рубля съ четвертью пудъ муки ржаной продается теперь, а

есть мѣста, гдѣ по шести рублей пудъ—и того дороже. Скотъ въ окружности Петровскаго по большей части кормятъ тальникомъ (по вашему, вербою). Много истребили скота, потому что кормить нечѣмъ. Плохо, весьма плохо, другъ мой Семенъ Петровичъ, а пособить нельзя! . . . . . .
. . . . . Marie Juchniewsky.

LX.

19-го Октября, 1834 года. Петровскій заводъ.

Наконецъ, 30-го прошедшаго Сентября получили мы письмо твое, любезный другъ, Семенъ Петровичъ. Оно безъ числа, но по содержанію видимъ, что писано изъ Балты, когда ты находился тамъ для пріема рекрутъ изъ однодворцевъ . . .
. . . . . .

Что до насъ касается, то мы оба годъ отъ году болѣе привыкаемъ къ здѣшнему климату, и отъ того здоровье наше становится способнѣе къ перенесенію здѣшнихъ суровыхъ зимъ. За то вещественные наши недостатки возрастаютъ въ геометрической прогрессіи, и мы сами не понимаемъ, какъ мы существуемъ. Ты знаешь, что наша деревушка даетъ намъ въ годъ 1500, а въ текущемъ году еще меньше. Безъ пособія товарищей мы часто были-бы въ строгомъ смыслѣ безъ хлѣба. Но и объ этомъ довольно. Жалобы—признакъ малодушія, а насъ въ этомъ упрекнуть нельзя.... Вольфъ тебя дружески обнимаетъ. Онъ очень благодаритъ тебя, что ты его помнишь. Когда выйдетъ срокъ ему, и онъ уѣдетъ на поселеніе, то будетъ писать къ тебѣ: еще остается полтора года до срока. Павелъ Васильевичъ не пишетъ, забылъ насъ совсѣмъ, а къ тебѣ, вѣроятно, пишетъ, и ты болѣе о немъ знаешь, чѣмъ мы . . . . . .
. . . . . .
. . . . на всегда остаюсь лучшій твой другъ и сестра Марья Юшневская.

LXI.

. . . . . .

. . . . . .

Братъ твой здоровъ довольно, все по старому, всегда занятъ то чтеніемъ, то музыкою, всегда добръ, по возможности, довольно въ хорошемъ расположеніи духа, кротокъ, терпѣливъ къ своему положенію, всѣми любимъ и уважаемъ какъ всегда.... Сестра и другъ вашъ Марья Юшневская.

14-го Декабря, 1834 Петровскій заводъ.

LXII.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ!... Получили мы горестное извѣстіе о случившемся у тебя пожарѣ. Сколь ни прискорбно оно было для насъ, по участію, какое мы въ тебѣ принимаемъ, но мы, по крайней мѣрѣ, находимъ облегченіе въ прискорбіи нашемъ, видя, съ какою твердостью ты переносишь неблагопріятства судьбы. Мы знаемъ по собственному опыту, что съ этимъ качествомъ можно переносить невѣроятно многое....—Вольфъ душевно тебя обнимаетъ и благодаритъ за память. Забавны жалобы его родственниковъ на его молчаніе. Не говорю уже о томъ, что несправедливо обвинять въ этомъ человѣка, лишеннаго права писать, но они сами совершенно его забыли и никогда къ нему не пишутъ.—Онъ знаетъ Phisiologie de Richerand (?), но совѣтуетъ тебѣ лучше прочитать физіологію знаменитаго Маженди, которая позднѣе его и уже переведена на русскій. Братъ однажды началъ было ее читать, но нашелъ, что безъ анатомическихъ таблицъ или рисунковъ это чтеніе безполезно. Теперь вышелъ въ Парижѣ „Traité complet de l'Anatomie de l'homme“ par le docteur Baurgery avec les planches litographiées d'aprés nature par N. H. Jacob. По словамъ„ Journal de debats“, это лучшее произведеніе по сей части.... Я писала дѣтямъ, чтобы познакомились съ А. З. Муравьевыми (?). Они

стояли квартирами въ Балтѣ. Но прежде, чѣмъ письмо мое дойдетъ до Синюшки, ихъ уже не будетъ тамъ. Съ сею же почтою пишу я имъ въ Тверь по порученію ихъ брата, который находится здѣсь въ заточеніи, какъ и твой братъ. Жаль, если и тебѣ не случилось познакомиться съ сими добрыми людьми.... У Ивашевой родилась дочь, Машенька, 7-го Генваря. О сю пору здоровы и маменька и дочь. Ивашевъ тебя благодаритъ, что ты его вспомнилъ, дружески тебя обнимаетъ. Крюковъ очень былъ доволенъ, что ты его вспомнилъ, замѣтилъ, однако же, что это въ первый разъ, поручилъ сказать тебѣ отъ него дружеское привѣтствіе. Николая я рѣже видаю: онъ хлопочетъ ужасно надъ чтеніемъ и музыкою. Что за добрый человѣкъ. Всѣ прочіе твои знакомые тебѣ кланяются, даже и Поджіо.... Ты, вѣроятно, его помнишь. Мы здѣсь его очень часто видаемъ, и онъ снабжаетъ каждый разъ твоего брата табакомъ, какъ только получитъ. Но ему посылаютъ гораздо слабѣе того, какъ братъ твой привыкъ курить.... Другъ вашъ и сестра Марья Юшневская.

15-го Февраля, 1835 года. Петровское.

LXIII.

15-го Марта, 1835 года, Петровское.

Наконецъ, пришла твоя очередь, любезный другъ Семенъ Петровичъ, упрекать насъ въ молчаніи, Правда, что съ нѣкотораго времени я стала писать рѣже, сперва по той простой причинѣ, что число писемъ, которыя пишу къ родственникамъ нашихъ соузниковъ, значительно увеличилось, а на послѣдокъ и потому, что самъ ты писалъ необыкновенно рѣдко, въ чемъ можешь увѣриться, если подобно мнѣ ведешь счетъ отправляемымъ письмамъ . . . . . Благодаримъ обоихъ васъ, любезные друзья, за поздравленіе съ новымъ годомъ, а тебя, Семенъ Петровичъ, съ прошедшимъ днемъ твоего рожденія и имянинъ. Тебѣ пошелъ 35-й, а братъ 12-го текущаго мѣсяца вступилъ въ 50-й годъ.

Онъ такъ устарѣлъ (sic), что едва-ли узналъ-бы ты его, если бы встрѣтилъ нечаянно, а похудѣлъ до того, что Вольфъ считается противъ него толстякомъ . . . . . Я передала всѣ поклоны, содержащіеся въ твоемъ письмѣ. Всѣ благодарятъ тебя за память. Всѣ очень тебя помнятъ и желаютъ тебѣ всякаго добра. Сергѣй Григорьевичъ, Марья Николаевна и оба Ивашева, въ особенности, поручаютъ тебѣ кланяться. Вольфъ дружески тебя обнимаетъ. Онъ ужасно обрадовался, что ты снова началъ къ намъ писать, а посему Фердинандъ Богдановичъ знаетъ о твоемъ житьѣ бытьѣ. Онъ всегда и неизмѣнно желаетъ тебѣ счастія. Павелъ Васильевичъ очень хвалится твоею аккуратностью въ высылкѣ ему процентовъ. Онъ чрезвычайно скучаетъ въ своемъ поселеніи, хозяйства не заводитъ и потому не имѣетъ никакихъ занятій, которыя бы могли разсѣять его грусть. Недавно выслали ему отсюда книгъ: это его развлечетъ на нѣсколько времени. Петръ Ивановичъ выстроилъ мельницу, и ихъ три хозяева (sic), участвовавшихъ въ издержкахъ. Петръ Ивановичъ Фаленбергъ не можетъ получать пособія отъ своего брата, слѣдовательно, одно и единственное средство къ его пропитанію есть часть дохода съ мельницы, которая, впрочемъ, на его одну долю въ годъ даетъ ему дохода 500 рублей. Онъ насъ не забываетъ и подробно извѣщаетъ насъ о своемъ хозяйствѣ и своихъ занятіяхъ. Александръ Ивановичъ Вегелинъ также пишетъ къ намъ. Онъ засѣялъ десятинъ 15 разнаго хлѣба и завелъ немного рогатаго скота. Надѣется, что вскорѣ не будетъ имѣть надобности прибѣгать къ помощи и пособію родныхъ своихъ.... Votre soeur et amie, Marie Juschniewski.

LXIV.

29 Марта, 1835. Петровское.

Въ прошедшемъ моемъ письмѣ отъ 15 текущаго мѣсяца забыла я сказать тебѣ, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, о полученіи Бердичевскаго календаря и благодарить тебя за

его присылку. Десятый годъ, какъ братъ твой не видалъ его и ожидалъ найти въ немъ какія либо дополненія, измѣненія и улучшенія, подобныя тѣмъ, какія содержитъ календарь Россійскій, но, къ удивленію, нашелъ еще нѣкоторыя убавки противъ прежнихъ лѣтъ. Кто-то сказалъ о словарѣ Боаста (?), что когда-бы языкъ французскій совершенно истребился въ памяти народовъ, то одинъ этотъ словарь, если-бы онъ одинъ какъ-нибудь уцѣлѣлъ, передалъ-бы понятіе о языкѣ и о степени просвѣщенія того народа, который имъ говорилъ. Что же бы заключили о Бердичевскомъ календарѣ, если-бы какимъ-нибудь естественнымъ переворотомъ земного шара изгладились съ лица его всѣ памятники новѣйшихъ успѣховъ человѣческаго ума? Конечно, отнесли-бы насъ, по меньшей мѣрѣ, къ среднимъ вѣкамъ, къ эпохѣ астрологіи. Но довольно объ этомъ. Недавно попала брату книга: „Введеніе въ новую философію“, сочиненіе священника Сидонскаго, изданная въ 1833 году. Онъ искренно порадовался, что у насъ есть свой Cousin, а можетъ быть, еще и почище, потому что самородный и, кажется, независимый отъ своихъ предшественниковъ. Его нельзя отнести ни къ какой школѣ. это не эклектизмъ и не германская философія, это нѣчто свое, самобытное, очищенное отъ пустыхъ отвлеченностей и доступное всякому уму. Братъ совѣтуетъ тебѣ выписать эту книгу. Она въ одномъ, небольшомъ томѣ и, вѣроятно, находится во всѣхъ столичныхъ книжныхъ лавкахъ, а когда ты вдоволь начитаешься, онъ проситъ прислать ему.... Братъ обоихъ (васъ) обнимаетъ, равно какъ и своего милаго племянника. Съ началомъ весны мы оба поправляемся въ здоровьѣ. Желаемъ всѣмъ вамъ какъ наилучшаго (sic). Простите, друзья мои. Обнимаю всѣхъ васъ отъ искренняго сердца. Вашъ вѣрный другъ, М. Юшневская.

.... Другъ мой, Семенъ Петровичъ!... Вольфъ тебя обнимаетъ, равно и Ивашевъ, Басаргинъ, Крюковы и Поджіо. Сергѣй Григорьевичъ Волконскій и Марья Николаевна кланяются тебѣ. Многіе даже незнакомые тебѣ поручаютъ поклониться отъ нихъ. Всѣ рады, что ты насъ опять вспомнилъ

и пишешь.—Продолжай, добрый братъ, утѣшать насъ извѣстіями о себѣ и твоихъ. Мы васъ всѣхъ отъ души любимъ. Je vous embrasse tendrement, ma chère soeur Idalie, ainsi que votre cher Lolo.

LXV.

19-е Апрѣля, 1835 года, Петровское.

... Братъ твой въ эту минуту въ казематѣ: навѣщаетъ больныхъ. Басаргинъ занемогъ и лежитъ: у него лихорадка, а кромѣ того припадки грудной боли. Швейковскій тоже боленъ. Бѣдный старикъ! У него тоже болѣзнь, отъ которой умеръ Сабанѣевъ. Прочіе наши жители каземата почти всѣ довольно здоровы, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ хорошей погоды, чтобы выйти на воздухъ и освѣжиться прогулкою на небольшомъ дворѣ нашего каземата.... Votre soeur et amie M. Juschniewski.

LXVI.

Узнавши изъ газетъ, что ты, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, пожалованъ въ камеръ-юнкеры, спѣшу поздравить тебя отъ себя и отъ брата съ такою Монаршею милостію. Принимая сердечное участіе во всемъ, что̀ клонится къ твоему благу, мы искренно обрадованы были этимъ вниманіемъ къ твоей службѣ . . . . . Письма ваши доходятъ до насъ въ два мѣсяца и 8 дней. Предпослѣднее письмо моей Сонюшки получила я черезъ три мѣсяца и нѣсколько дней. Не понимаю, гдѣ оно такъ долго залежалось.—Пишите намъ чаще, друзья мои, Семенушка и Идалія! Помните, что единственная наша отрада, одно облегченіе нашей тяжелой участи, письма ваши. Не скупитесь утѣшать друзей вашихъ, въ заточеніи живущихъ. Вѣдь, и для васъ должно быть пріятно утѣшить насъ: вы—

люди добрые.... Отъ души любящая тебя, сестра и другъ, Марья Юшневская.

3-го Мая, 1835 года, Петровское.

LXVII.

12-го Іюля, 1835, Петровскій заводъ.

Благодаримъ тебя, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, за письмо твое отъ 13-го Марта. Оно дошло сюда 23-го Іюня, т. е., съ лишкомъ мѣсяцемъ позже того, какъ обыкновенно получаемъ отъ васъ письма.... Подобно тебѣ и братъ также занимается чтеніемъ и музыкой. Все его время раздѣлено между этими двумя упражненіями. Благодаря просвѣщенному Правительству, мы читаемъ все, что доставляютъ родственники нашихъ соузниковъ. Такимъ образомъ, мы не лишены возможности слѣдовать за успѣхами наукъ, которыхъ бо́льшая часть имѣетъ между нами своихъ представителей. Чтеніе наше на многихъ языкахъ очень разнообразно, и насъ нелегко озадачить новостію въ области наукъ и словесности, а въ нынѣшнемъ вѣкѣ это не бездѣлица, ибо какъ сказалъ, помнится, Кондорсетъ (sic): „dans le siècle dernier il suffirait de quelques années d'étude pour savoir tout ce qu'Archimède et Hipparque ont pu connaître; aujourd'hui deux années de l'enseignement d'un professeur valent au délà de ce que savait Leibnitz ou Newton..." Что-жъ бы сказалъ онъ теперь, увидѣвъ числительную машину Бебежа, которая составляетъ астрономическія таблицы и дѣлаетъ выкладки высшей математики съ быстротой, за которою едва можетъ слѣдовать рука переписчика. Противъ этого усовершенствованіе Уцшнейдеромъ телескопа, сокращающаго для насъ ближайшее разстояніе луны въ 68 географическихъ миль, должно занять второстепенное мѣсто.—Говоря объ успѣхахъ просвѣщенія, братъ считаетъ полезнымъ упомянуть о новѣйшей методѣ обученія Жакото́, которая преимущественно принята въ Бельгіи. Подробнаго изложенія оной мы еще здѣсь не имѣемъ, а

есть только очень краткое, подъ заглавіемъ: „Метода всеобщаго обученія Жакото 1834“, и другое „Руководство къ умственнымъ упражненіямъ, изданное профессоромъ Гугелемъ“. Братъ очень совѣтуетъ тебѣ выписать эти двѣ книжечки. Прежде, нежели эту методу придетъ время приложить къ обученію твоего Алеши, надобно, чтобы ты самъ ею проникнулся, ея пользою, если только тебѣ прежде насъ не сдѣлалась извѣстна. Мѣсто не позволяетъ тебѣ дать понятіе объ этой методѣ.—Музыкою братъ также занимается, какъ и прежде, но его фортепьянъ отказывается служить, да и новыхъ нотъ нѣтъ, а ты знаешь, что онъ любитъ не затверживать, а читать музыкальныя сочиненія, какъ книги. Впрочемъ, иногда попадаются ему новѣйшія сочиненія, присылаемыя другимъ, а имена всѣхъ знаменитостей новѣйшей музыкальной литературы и ихъ произведенія извѣстны ему изъ каталоговъ, которые онъ перечитываетъ, какъ табачникъ нюхаетъ пустую табакерку, или, какъ поклонники Бахуса полощутъ бочки. Кстати о фортепіанѣ, братъ имѣетъ къ тебѣ просьбу, по порученію одного изъ своихъ сотоварищей. Удовлетворить ее можно, списавшись съ Шафнагелемъ, которому это ничего не будетъ стоить. Онъ, вѣроятно, выписываетъ многіе предметы изъ Парижа, а стало быть, можетъ узнать, чего будетъ стоить на мѣстѣ лучшій фортепьянъ знаменитыхъ тамошнихъ мастеровъ, Эрарда и Папа (Pierre Erard ainsi que M-r Pape, tous les deux premiers facteurs de pianos à Paris). Нужно знать, чего стоитъ особо Royal и особо un piano carré d'Erard; также особо Royal и особо un piano carré de M-r Pape. Послѣдній за усовершенствованіе этого инструмента получилъ орденъ почетнаго легіона. А мы все еще восхищаемся работою Тимнера и Гердау или работой Вѣнскихъ мастеровъ. Мѣсто не позволяетъ описать тебѣ всѣхъ усовершенствованій въ этомъ инструментѣ, за которыми братъ тщательно слѣдуетъ. Въ Journal des connaissances utiles сказано, что вообще механизмъ и продолженіе звука въ фортепьянахъ доведены до такого улучшенія, что фортепьяны, сдѣланные послѣ 1830 года, увозятъ уже въ

провинціи, ибо въ столицѣ нѣтъ имъ мѣста. Машелесъ послѣдній свой концертъ въ Лондонѣ не на Бродвудовомъ, а на Эрардовомъ флигелѣ. C'est tout dire. Пришлось бы написать цѣлую тетрадь, если бы передать тебѣ улучшенія или, лучше сказать, преобразованія этого инструмента. Такъ, напримѣръ, молотки у Рара падаютъ на струны сверху, а потому резонансъ весь сплошной безъ прорѣза для прохода молотковъ: это усиливаетъ продолженіе звука.—Затѣмъ, прости, любезный другъ.... Я не говорю тебѣ, любезный другъ, о нашемъ положеніи ничего. Оно такъ худо, и въ такой мы крайности находимся, что еслибы не наши добрые товарищи, то мы-бы въ строгомъ смыслѣ не имѣли хлѣба. Всѣ знакомые тебѣ кланяются, въ особенности Вольфъ. Когда это письмо дойдетъ до тебя, то останется Вольфу мѣсяцевъ восемь оставаться до срока его поселенія съ нами. Куда-то броситъ его судьба? Дай Богъ, чтобы ему было лучше, чѣмъ здѣсь. Впрочемъ одно одиночество въ какой либо глуши достаточно сдѣлать человѣка совершенно несчастливымъ.—Прощай.

LXVIII.

Письмо твое отъ 17 іюня съ номеромъ 1-мъ дошло до насъ 25 августа, милый и любезный другъ нашъ, Семенъ Петровичъ.... Братъ твой очень одобряетъ намѣреніе твое продолжать службу. Человѣкъ образованный и благонамѣренный хоть имѣетъ множество иныхъ средствъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ, но служба представляетъ къ тому еще болѣе способовъ. Занимаемое тобою нынѣ мѣсто, конечно, служитъ лестнымъ доказательствомъ довѣренности обывателей, но въ настоящемъ положеніи собственныхъ твоихъ дѣлъ годъ отъ году болѣе разстраиваетъ тебя въ финансовомъ отношеніи и очень медленно подвигаетъ впередъ. И такъ отъ всей души желаемъ тебѣ успѣха въ новомъ твоемъ предпріятіи.... На попеченіи зятя наши

дѣла, отъ которыхъ зависитъ все наше пропитаніе. Кромѣ того, что въ продолженіе полутора года мы получили всего полторы тысячи рублей, изъ которыхъ должны были пропитать и одѣвать себя, деревушка наша должна ежегодно уплачивать болѣе трехъ тысячъ банковаго долга, а мы по сіе время не имѣемъ извѣстія отъ Рейхеля, какимъ образомъ обезпечена имъ уплата этого долга на текущій годъ. Знаемъ только изъ давняго его письма, что въ Кіевѣ на контрактахъ онъ не былъ, а годовой срокъ поселенія въ Мартѣ текущаго года кончился, между тѣмъ какъ ни къ продажѣ этого имѣнія, ни къ отдачѣ онаго въ новую поссессію не было сдѣлано никакого распоряженія. Я не хочу уже говорить о томъ, въ какое положеніе поставляетъ это насъ самихъ, такъ какъ тебѣ совершенно извѣстно, имѣемъли мы что-либо кромѣ скуднаго дохода съ Тимашевки. Я уже и то слишкомъ распространилась объ этомъ, но у голоднаго хлѣбъ на умѣ...—Сестра ваша Марья Юшневская.

30-го Августа, 1835 года, Петровское.

Отнынѣ не на имя Ивана Богдановича Цейдлера посылайте письма, а на имя Генералъ-Губернатора Восточной Сибири, Семена Богдановича Броневскаго.

LXVIII.

16-го Августа, 1835 г., Петровское.

La poste passée (4 Août) nous a apporté ta lettre, notre cher et bon ami, Семенъ Петровичъ, datée du 24 Mai, conjointement avec les 12 livres de tabac.... Tu nous as beaucoup obligé en nous donnant de leurs nouvelles, car il y a plus de trois mois que nous n'avons point de leurs lettres, ce qui nous donnait des inquietudes sur leur compte, sans parler du denuement complet où nous sommes reduits, n'ayant pas reçu jusqu'à ce moment notre pauvre revenu de Тимашевка, qui nous parvenait

regulierement au mois d'Avril de chaque année. Il serait trop long et très triste de te parler de la position affreuse ou nous nous trouvons. Au surplus comme elle n'est que la suite necessaire des causes antecedentes, il faut s'y resigner sans plainte ni murmure. Qu'il te suffise de savoir que depuis bien longtemps nous ne subsistons que par les secours de nos coexilés.— Nous étions emus en lisant les détails que tu nous a donnés sur la fin du venerable Адамъ Адамовичъ. Voila un philosophe pratique. Sa vie a tousjours été d'accord avec les preceptes qu'il annonçait. S'il eut lu de l'instruction et moins d'apreté dans le caractère, ce serait un Franclin . . . . . .

. . . . . .

Toutes les connaissances d'ici te remercient pour ton souvenir et te font dire mille choses de leur part, particulierement Wolff. A propos de ce que tu dis de Richerand, il pourraiot te recommander plusieurs ouvrages en Phisiologie, mais comme à ton avois, qui est aussi le mien, l'étude même supperficielle de cette science exige plus de temps que n'en peut sacrifier celui qui ne s'en occupe pas exclusivement, il est plus profitable de suivre la première vocation et de cultiver les connaissances qui se rapportent plus directement à la carrière que l'on est appelé à parcourir.... Ne vous en prenez pas à nous, nos chers et bons amis, que mes lettres ne soient pas aussi volumineuses que les vôtres. D'abord notre existence monotone n'est marquée par aucun fait qui vaille d'être cité et tous nos jours se ressemblent au point qu'à peine, si nous pouvons distinguer les dates. En second lieu je suis chargée de la correspondance des plusieurs de nos camarades. En y ajoutant les soins que je dois donner au ménage, il me reste bien peu de loisir. Ceci a cependant son bon coté en ce qu'il me laisse peu de temps pour arrêter mes pensées sur ma propre position.... Меня просили, другъ мой, Семенъ Петровичъ, чтобы выписать сѣмена кукурузы. Пожалуйста, пришли мѣшечекъ хорошей, спѣлой, кукурузы: Трубецкой хочетъ попробовать и на теплой грядѣ вырастить. Ты можешь сѣмена эти доставить въ Москву. Владиміръ вручитъ оныя Катеринѣ Ѳеодоровнѣ Муравьевой, а она со

своею посылкою отправитъ сюда. Исполни сію мою просьбу непремѣнно....

LXX.

10-го Генваря, 1836. Петровскій заводъ.

22-го прошедшаго Декабря получили мы письмо твое, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, отъ 25 Октября. Я замедлила отвѣчать тебѣ сперва отъ множества другихъ писемъ, которыя въ то время скопились, а потомъ отъ болѣзни, которая похожа была на горячку, и отъ которой до сихъ поръ не могу оправиться. Здѣсь такъ-же, какъ и у васъ, существовала какая-то повальная болѣзнь, которая болѣе или менѣе посѣтила почти всѣхъ. Братъ приписываетъ это вліянію Гилеевой кометы, которая хотя теперь очень отъ насъ удалена, но въ приближеніи своемъ къ намъ могла измѣнить свойство нашей атмосферы, а для такой букашки, какъ человѣкъ, достаточно нѣсколькихъ постороннихъ атомовъ, чтобы произвести разстройство въ цѣломъ его организмѣ. Едвали не тому-же вліянію приписать должно необыкновенно теплую зиму, какая у насъ продолжается. Въ обыкновенномъ порядкѣ вещей морозы здѣсь въ это время года бываютъ далѣе замерзанія ртути. Нынѣшнею-же зимою не только этого еще не было, но, напротивъ, была долговременная оттепель.—Мы радуемся, что ты, наконецъ, отдохнешь отъ хлопотливой твоей должности. Та-же, которой ты вновь ожидаешь, вѣроятно, будетъ несравненно легче....—Изложеніе методы Жакото и сочиненіе Гугеля о томъ-же предметѣ, о которомъ ты спрашиваешь, издано на русскомъ (языкѣ) именно подъ тѣми заглавіями, которыя означила я въ прежнемъ моемъ письмѣ, продается-же въ обѣихъ столицахъ....—

Письмо мое получишь ты вскорѣ послѣ твоего рожденія и имянинъ, съ которыми оба отъ души тебя поздравляемъ. Вслѣдъ затѣмъ и мужу моему исполнится 50 лѣтъ....—Всегда душевно любящая тебя сестра и другъ Марья Юшневская.

LXXI.

12-го Іюня, 1836. Петровскій заводъ.

Благодаримъ тебя, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, за письмо твое отъ 24-го Марта. Я замедлила отвѣчать тебѣ оттого, что мы разставались съ нашими товарищами, которыхъ начали отправлять на поселеніе 7-го числа текущаго мѣсяца....—Желаемъ отъ всей души счастья новорожденной. Брату твоему пришли въ эту минуту на память стихи, которые, помнится, какой-то лордъ написалъ своему сыну:

„Quand vos yeux en naissant, s'ouvraient à la lumière,
Chacun vous souriait, mon fils, et vous pleuriez.
Vivez si bien, qu'un jour, à votre dernière heure,
Chacun verse des pleures, et qu'on vous voie sourire".

Тутъ, кажется, заключается все, о чемъ человѣкъ долженъ хлопотать.—Теперь нѣсколько словъ о нашихъ поселенцахъ. Тебѣ, конечно, любопытно знать о тѣхъ изъ отъѣзжающихъ, которые тебѣ знакомы: Ивашевъ, Вольфъ, Басаргинъ и оба Крюковы. Мѣста ихъ поселенія, вѣроятно будутъ современемъ извѣстны, теперь же они отправлены въ Иркутскъ, откуда послѣдуетъ уже окончательное ихъ водвореніе. Ты можешь себѣ представить, какъ грустно разставаться, можетъ быть, на вѣкъ съ давними пріятелями, съ которыми притомъ безъ малаго 11 лѣтъ раздѣляли одинъ жребій. Теперь остается насъ здѣсь менѣе 30. Что касается, собственно, до насъ, то при всей мрачности нашего здѣсь положенія, мы благословляемъ судьбу, что не наша еще очередь ѣхать на поселеніе: едва существуя на мѣстѣ и то пособіемъ добрыхъ товарищей, мы не имѣли-бы никакихъ средствъ тронуться отсюда. Три года остается еще намъ пробыть здѣсь. Одна надежда, что впродолженіе этого времени денежныя наши обстоятельства поправятся стараніемъ людей, которые взялись хлопотать о нашихъ дѣлахъ въ Кіевской губерніи. Но объ этомъ довольно....—Теперешнее

наше письмо кратко оттого, что отправленіе нашихъ товарищей еще продолжается, и я имѣю мало свободнаго времени. Въ слѣдующемъ письмѣ надѣюсь имѣть возможность увѣдомить тебя о томъ, какъ и гдѣ будутъ поселены покидающіе насъ соузники. Всѣ знакомые тебѣ изъ нихъ очень тебѣ кланяются....—М. Юшневская.

Любезный братъ, Семенъ Петровичъ! Я вскорѣ буду тебѣ писать: завтра ѣдутъ Ивашевы, и мы стараемся, сколь возможно, быть болѣе вмѣстѣ. Очень намъ грустно будетъ проститься съ ними; они намъ какъ родные.

LXXII.

19-го Іюня, 1836. Петровскій заводъ.

Мой другъ и братъ, Семенъ Петровичъ. Письмо къ тебѣ было написано съ прошлою почтою, но какъ наши господа уѣзжали на поселеніе, то я и не успѣла отправить его. Вчерась послѣдній изъ старыхъ нашихъ знакомыхъ уѣхалъ, Фердинандъ Богдановичъ. Онъ поручилъ мнѣ отъ него тебѣ поклониться. Уѣхали наши Ивашевы! И доѣхавъ до первой деревни, она сильно было расхворалась головною болью, много еще плакала дорогой и всю ночь, бѣдная, пострадала. На другой день утромъ уѣхали они благополучно въ дальнѣйшій путь. Люди ея, которые проводили ихъ, сообщили мнѣ все это. Басаргинъ поѣхалъ съ ними и кажется, съ ними-же и поселенъ. Онъ тебѣ много кланяется, равно и нашъ добрый Василій Петровичъ. Машинька ихъ здорова и дорогой не скучаетъ. Дай Богъ имъ здоровье и счастье. Крюковы уѣхали. Тоже тебѣ кланяются. Грустно, мой другъ, было проститься съ ними. Не шутка быть знакомымъ 18 лѣтъ. Жили вмѣстѣ и въ счастіи, и въ несчастіи страдали вмѣстѣ. Братъ твой былъ очень растроганъ, прощаясь со всѣми, но съ Ивашевымъ онъ плакалъ, какъ ребенокъ.—Не стану говорить тебѣ о себѣ. Ты знаешь, что я была всегда плаксою, здѣсь-же и самые крѣпкіе люди не

устояли бы, видя насъ разстававшихся съ людьми, съ которыми страданія сблизили и сроднили насъ.—Марья Николаевна еще съ нами и, можетъ быть, уѣдетъ не ранѣе зимы. Потомъ останется насъ только три, и насъ уже не будетъ никто провожать, ибо мы послѣдніе уѣдемъ всѣ вмѣстѣ. Богъ знаетъ, доживемъ ли мы еще до нашего поселенія: три года осталось еще. Какъ бы то ни было, высидѣвъ 10 лѣтъ въ заточеніи, хотѣлось-бы подышать свѣжимъ воздухомъ, а высидѣвъ 13 лѣтъ, еще того нетерпѣливѣе будетъ ожидать свободы....—У насъ несносная погода. Такъ грязь не менѣе Тульчинской, что̀ здѣсь весьма рѣдко бываетъ. Всѣ наши 19 человѣкъ уѣхали въ дождь....—Сестра и другъ, Марья Юшневская.

LXXIII.

25-го Сентября, 1836. Петровскій заводъ.

... Повѣрь, что благодарность наша свыше всего, что могли-бы мы объяснить словами.—Письмо твое содержитъ извѣстіе о старыхъ нашихъ пріятеляхъ, въ томъ числѣ и о Вщерскихъ.... Жаль бѣднаго Дюплеси; съ такою страстью къ музыкѣ, какъ у твоего брата, онъ понимаетъ, чего бы стоило ему лишиться пальца. Одно только можно сказать въ утѣшеніе, что Г-ну Дюплеси также подъ 60,—возрастъ, въ которомъ и безъ того пальцы начинаютъ отказываться: хрящи твердѣютъ. Довольно, если ухо не измѣняетъ и не лишаетъ наслажденія слушать другихъ. Братъ хотя этого еще не чувствуетъ, однакоже жалѣетъ, что не успѣетъ наиграться на хорошемъ инструментѣ, пока и уши, и руки еще послушны. Тотъ, который у него, никуда уже не годится, да и новыхъ нотъ давно нѣтъ. Лишь только позволятъ обстоятельства, онъ намѣренъ выписать фортепьянъ Попа, если только ввозъ ихъ дозволенъ. Онъ не простираетъ уже дальше своихъ желаній, ибо флигель Эрарда стоитъ въ Парижѣ до 5 т. франковъ, а о Бродвудѣ нынѣ и слышать не хотятъ. Брату извѣстны изъ журналовъ всѣ знаменитые піанисты, въ томъ

числѣ и Тальбергъ, котораго называютъ фортепьяннымъ Паганини. Онъ имѣетъ совмѣстникомъ Листа (Liszt). Объ нихъ сказано, что нельзя отдать преимущества одному предъ другимъ; остается только наслаждать игрою обоихъ.

Правда, любезный другъ, что намъ весьма было грустно разставаться съ нашими добрыми знакомыми, столько лѣтъ товарищами, но что дѣлать! Мы рады, что они, наконецъ, изъ тюрьмы на чистый воздухъ отправились. Странно, что о сю пору мы не получили еще извѣстія отъ Вольфа. Ты знаешь наши съ нимъ отношенія: не долженъ-бы онъ насъ забыть. Впрочемъ, можетъ, еще мы и не могли получить отъ него письма. Онъ поселенъ недалеко отъ Иркутска съ вдовцемъ Муравьевымъ, т. е., съ сыномъ Катерины Ѳеодоровны Муравьевой.—Вѣроятно, Ивашевы только что добрались до мѣста ихъ поселенія. Они въ Туринскѣ Тобольской губерніи. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю получить отъ нихъ письмо. Они насъ не забудутъ, навѣрное, люди добрые, и онъ уважалъ брата твоего, какъ только можно любить и уважать отца роднаго. Жена его тоже очень добрая, и мы съ нею были дружны. Басаргинъ съ ними.—Отъ Софьи я на дняхъ получила письмо. Они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ собственноручныхъ писемъ отъ брата, Николая Васильевича. Я ему скоро отошлю подушку моей работы. Это будетъ крышка для подушки, на которой скончалась маменька..— Прощай, любезный другъ, Семенъ Петровичъ. Je vous embrasse d'âme et du coeur, ma bonne Idalie, ainsi que vos chers enfants. Que Dieu vous protège, mes bons amis. Adieu. Марія Юшневская.

LXXIV.

30-го Октября, 1836. Петровскій заводъ.

Любезный другъ мой, Семенъ Петровичъ, ты неожиданно получишь мое письмо и мою вмѣстѣ съ симъ просьбу—вручить моей матушкѣ 200 рублей, которые выцлетъ тебѣ Г-нъ Понятовскій. Съ сею же почтою пишу я и къ нему въ на-

деждѣ, что онъ отъ поссессора Тимашевки получитъ въ первыхъ числахъ февраля деньги. Я его прошу въ письмѣ моемъ, чтобы немедленно выслалъ оныя къ тебѣ. Ты, мой другъ, не гнѣвайся на меня, что я съ моей стороны хочу, сколько будетъ моей возможности, дѣлиться съ моею матушкой, не потому, чтобы я сомнѣвалась, что ты не хлопочешь о ней, но моя обязанность постараться, чтобы доставить ей всевозможныя выгоды, и чтобы она, сколь возможно была спокойнѣе. Правда, что сами терпимъ величайшій недостатокъ и живемъ въ долгу, но у насъ будетъ на сердцѣ гораздо лучше, когда мы будемъ спокойнѣе о нашей етарушкѣ, которая на старости лѣтъ живетъ разлучена со всѣми близкими ея сердцу. Это ужасно! И я благодарю Бога, что онъ даетъ ей силу переносить тяжкое ея положеніе и хранитъ ее въ добромъ здоровьѣ.—Письма у насъ еще не готовы, а уже подали свѣчи и надо письма отсылать. Между тѣмъ у насъ сидитъ Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, и я съ нимъ толкую и тебѣ пишу. Не удивись, если найдешь письмо мое нескладнымъ. Сергѣй Григорьевичъ поручаетъ отъ него тебѣ поклониться.—Съ отъѣзда нашихъ господъ на поселеніе, у насъ неимовѣрно скучно: ни одного изъ нашихъ знакомыхъ не осталось, да и писемъ о сю пору не получили отъ нихъ. Я съ нетерпеніемъ ожидаю извѣстія отъ добрыхъ Ивашевыхъ, но, по нашему расчету, мы развѣ въ концѣ будущаго мѣсяца можемъ получить отъ нихъ письмо.—У насъ уже зима установилась, только еще мало снѣгу, и дороги нѣтъ. Отъ этого не привозятъ съѣстныхъ припасовъ, и мы о сю пору не запаслись хлѣбомъ. Въ этомъ году урожай былъ чудесный, но сказываютъ, что во многихъ мѣстахъ хлѣбъ сняли незрѣлый: осень была дождливая, и мѣшало это уборкѣ хлѣба. Какъ-то у васъ? Матушка Поджіо пишетъ, что у нихъ хорошій былъ урожай. Вѣроятно, и у васъ тоже.—Братъ твой здоровъ, обнимаетъ тебя съ твоими малютками, которыхъ благословляетъ и молитъ Бога, чтобы они выросли благополучно для утѣшенія вашего. Обними и Идалію за брата твоего. Поклонись отъ него доброму Игнатію Онуфріевичу.—Что тебѣ

сказать о себѣ? Такъ сильно страдаю грудною болью, что съ великимъ трудомъ пишу. Фердинандъ Богдановичъ называлъ эту болѣзнь нервическою. Твой братъ тоже часто страдаетъ тѣмъ-же и бываетъ такъ слабъ, что не въ силахъ ходить. Сегодня онъ уснулъ, диктуя мнѣ письма, а вслухъ давно не можетъ читать, ибо такъ ослабнетъ, что я не понимаю, наконецъ, что онъ читаетъ: словъ не договариваетъ и въ полголоса читаетъ....—Другъ и сестра, Марія Юшневская..

LXXV.

Многіе-ли изъ насъ взросли, не претерпѣвъ болѣзней? Теперь въ этомъ отношеніи намъ будетъ еще хуже, ибо Фердинандъ Богдановичъ, хранитель общаго нашего здоровья, не разъ спасшій многихъ изъ насъ отъ смерти, отправится вскорѣ на поселеніе въ числѣ 18 изъ нашихъ товарищей, которые туда-же съ нимъ слѣдуютъ . . . . . .

3-го Апрѣля, 1836. Петровскій заводъ.

LXXVI.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ! Братъ твой здоровъ, но очень худъ....—Я всегда тебѣ говорила, что моя къ тебѣ дружба безусловная. Доказательствомъ служитъ тебѣ, что никакія непріятности, случавшіяся между нами, и весьма тяжкія даже, не въ силахъ заставить меня потерять къ тебѣ чувство, которымъ сердце мое наполнено съ дѣтства твоего. Братъ твой любитъ тебя такъ и меня научилъ столько-же любить тебя.—Когда Владиміръ съ вами, поклонись ему отъ брата и отъ меня тоже. Изъ письма моего зятя я вижу, что у васъ гоститъ мой братъ Иванъ и Андрей. Удивляюсь, что они ко мнѣ ничего не пишутъ. Если онъ у тебя, любезный братъ, то обними ихъ отъ меня и мужа моего. Ожидаю, что они напишутъ ко мнѣ.—Поцѣлуй ручку за насъ обоихъ у матушки моей, скажи, что я и мужъ мой здоровы.

Благодарю тебя, что ты былъ крестнымъ отцемъ моей внучки. Какъ прабабушкѣ было пріятно быть крестною матерью своей правнучки. Съ сею почтою не имѣя тебѣ больше ничего сказать, какъ только увѣдомить о здоровьѣ твоего брата, кончу письмо мое. Что касается до моего здоровья, я всегда почти здорова. Прощай, любезный братъ, Семенъ Петровичъ. Желаю тебѣ всякаго благополучія и поздравляю тебя заранѣе съ днемъ твоего рожденія и днемъ твоихъ имянинъ. Огорчаюсь душевно, что не успѣла ничего сдѣлать тебѣ моей работы; у насъ теперь еще темнѣе въ нашемъ казематѣ: дверь затворяемъ, потому что изъ коридора холодъ несетъ,—то и невидно работать....—Марія Юшневская.

15-го Ноября, 1836 года, Петровскій заводъ.

. . . .

LXXVII.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ! . . . . . Братъ твой по старому живетъ: ни одна его привычка даже не измѣнилась. Въ эту минуту, когда я тебѣ пишу это письмо, онъ играетъ концертъ Машелеса и до сумерекъ просидитъ за фортепьяно, а потомъ возьмется за чтеніе и читаетъ, покуда не ляжетъ спать. У насъ чтенія столько, что не успѣешь всего прочесть, и теперь надо побольше почитать: на поселеніи не будемъ имѣть возможности читать, не имѣя способовъ выписывать себѣ книгъ.—Мои глаза рѣшительно отказываются: я не могу мелкаго ничего шить, читать также, а когда дня два почитаю въ очкахъ, такъ потомъ недѣлю голова кружится, и всѣ предметы рябѣютъ. Меня это очень огорчаетъ. У насъ зима чудесная; санная дорога, говорятъ, славная; дни бываютъ ясные и теплые, т. е., теплые—градусовъ 25 мороза и 20, но въ сравненіи, какъ въ другія зимы бывало, что нѣсколько дней сряду до замерзанія ртути морозъ. Впрочемъ, теперь самое холодное время настаетъ. Въ Крещеніе, вѣрно, такъ-же будетъ холодно, и ртуть замерзнетъ. У васъ не имѣютъ понятія о такихъ морозахъ, и слава Богу,

что вы ихъ не знаете....—У насъ есть нѣкто Николай Алексѣевичъ Пановъ, который тебя въ Москвѣ видывалъ, и однажды ты у него былъ: не помню, куда-то вы съ нимъ вмѣстѣ ѣздили. Онъ не большого роста, бѣлокурый. Можетъ, ты его вспомнишь. Ему только 36 лѣтъ теперь, а весь сѣдой. Такъ странно видѣть человѣка молодаго лицемъ, а голова, какъ у 75 лѣтняго старика. Впрочемъ, у насъ нѣтъ ни одного человѣка безъ сѣдыхъ волосъ.... Другъ вашъ, Марія Юшневская.

18-го Декабря, 1836. Петровскій заводъ.

LXXVIII.

29 Генваря, 1837. Петровскій заводъ.

Любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ!... Братъ твой здоровъ. и я чувствую себя немного лучше. У насъ все еще очень холодно: морозы до замерзанія ртути. Въ будущемъ мѣсяцѣ, вѣрно, будетъ теплѣе, и пора-бы! мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ теплаго времени: съ Августа мѣсяца мы все мерзнемъ.—Мнѣ подарилъ одинъ изъ нашихъ соузниковъ, Вадковскій, мазурки Chopin, преоригинальныя, но такъ хороши, что я всякій разъ съ новымъ удовольствіемъ ихъ слушаю, когда братъ твой играетъ. А когда я въ первый разъ ихъ слышала, расплакалась: такъ много чувства въ этой музыкѣ. Я очень хотѣла-бы, чтобы ты ихъ игралъ, и постараюсь тебѣ списать и прислать. . . . . Прощай, любезный другъ и братъ . . . . . Марія Юшневская.

LXXIX.

Мы получили письмо твое, любезный братъ Семенъ Петровичъ, отъ 12 Генваря. Намъ пріятно было найти въ немъ нѣкоторыя подробности о твоихъ дѣтяхъ. Будь увѣ-

ренъ, что близкое твоему сердцу и для насъ не чуждо. Говоря объ остротѣ твоего Лёлиньки, ты справедливо замѣчаешь, что не должно напрягать ни его памяти, ни вообще умственныхъ способностей прежде полнаго ихъ развитія. Исторія скороспѣлокъ представляетъ многіе примѣры, подобные приводимому тобою, но они были или недолговѣчны или, достигнувъ совершеннолѣтія, оставались въ ряду обыкновенныхъ дарованій, иногда-же отличались исключительно въ такихъ познаніяхъ, гдѣ болѣе участвуетъ память и воображеніе, нежели умъ. Къ числу первыхъ между прочими принадлежитъ знаменитое дитя *Гейнеке,* удивившее всю Европу вначалѣ XVIII столѣтія. Ежели ты вникнешь въ разсмотрѣніе методы Жакото, то увидишь, что польза ея состоитъ именно въ томъ, что въ ней всѣ умственныя способности воспитанника заняты въ равной степени, ибо кромѣ начальныхъ уроковъ, въ которыхъ исключительно требуется память, все остальное состоитъ въ соображеніи и разсужденіи, а мы, какъ все намъ показываетъ, живемъ въ вѣкъ положительный, и произведенія фантазіи занимаютъ мѣсто второстепенное.—Мы теперь рѣдко къ тебѣ пишемъ отъ того, что послѣ отъѣзда нѣкоторыхъ изъ нашихъ дамъ, ко мнѣ перешла переписка многихъ изъ нашихъ соузниковъ. Къ тому же здоровье мое такъ плохо, что не проходитъ недѣли сряду, чтобы я чѣмъ нибудь не страдала, и самое зрѣніе очень ослабѣло.—Благодаримъ тебя за извѣстія о матушкѣ и Рейхеляхъ. Отъ послѣднихъ пятый мѣсяцъ, какъ мы не имѣемъ писемъ. Благодаримъ тебя: и объ Андреѣ ты намъ далъ подробности.... Каждую недѣлю у меня посвящено два дня для моей переписки, и тутъ не могу успѣть всѣмъ написать; четвергъ и пятницу я провожу цѣлые дни съ перомъ въ рукѣ.... Марья Николаевна уже уѣхала отъ насъ, и мнѣ очень грустно было разстаться съ нею. Жаль мнѣ и крестницу мою: она меня очень любила и превеселая дѣвочка была. Марья Николаевна и Сергѣй Григорьевичъ были растроганы, прощаясь съ нами, и все говорили, что желали-бы, чтобы и мы были съ ними. Но мое здоровье такъ разстроено, что

я желала-бы въ лучшій климатъ попасть, и желала-бы быть съ твоимъ братомъ поселена въ Тобольской губерніи, въ городѣ Тюмени, или, если-бы это было сбыточнымъ, въ городѣ Красноярскѣ, гдѣ можно имѣть пособіе медиковъ. Тамъ поселена добрая наша подруга, Наталья Дмитріевна фонъ-Визинъ, или бы въ Туринскъ уѣхала къ Ивашевымъ, которые мнѣ, какъ родные, и которые хвалятся, что живутъ спокойно. Только климатъ у нихъ не разнится съ нашимъ Петровскимъ, а это для моего разстроеннаго здоровья не годится. Въ городѣ-же Тюмени климатъ хорошъ, и для жизни дешевлѣ, и много было-бы для насъ выгоды, если-бы мы туда попали. Впрочемъ, велитъ-ли еще Богъ дожить намъ до нашего срока—срокъ намъ окончится въ 1839 году 10-го Іюля. А можетъ, Богъ насъ и ранѣе освободитъ! Да будетъ воля Всевышняго во всемъ!...—Никогда неизмѣнный другъ твой и сестра Марья Юшневская.

29-го Марта 1837 года. Петровскій заводъ.

Волконскіе поселены близъ Иркутска въ 22 верстахъ, въ селеніи Урики, съ Вольфомъ и Муравьевыми.

LXXX.

. . . . . .

Что касается до нашихъ собственныхъ дѣлъ, то они годъ отъ году становились хуже и, наконецъ, дошли кажется, до послѣдней крайности. Если бы не помогали товарищи, то давно-бы ѣсть было нечего, но теперь и это средство истощилось, ибо; наконецъ, долги наши стѣсняютъ ихъ самихъ, такъ какъ всякій дѣлился съ нами тѣмъ, что для самого было необходимо. . . . . .

Басаргинъ мнѣ недавно писалъ. Онъ тоже получаетъ часто письма отъ Sophie. Она ему прислала свой портретъ хорошей работы, и, сказываютъ, похожа. Онъ очень порадованъ этимъ подаркомъ. Николай Васильевичъ пишетъ къ намъ часто. Ивашевы тоже. Я весьма рада, что въ Туринскѣ жи-

вутъ они спокойно и хорошо. Одно только непріятно, что письма наши слишкомъ долго въ дорогѣ, такъ что послѣднее письмо ихъ я получила черезъ 5 мѣсяцевъ. Отъ Марьи Николаевны еще не получали. Они выѣхали отсель 17 Марта, пообѣдавъ у моего имянинника. Помнится, я тебѣ уже о семъ писала. Чѣмъ кто къ намъ сюда ближе, тѣмъ медленнѣе доходятъ до насъ письма. Это весьма непріятно. Но не должно роптать! Слава Богу, что мы можемъ утѣшать другъ друга своими письмами. Лучше получать поздно, чѣмъ вовсе не имѣть писемъ отъ тѣхъ, кого любишь.... Пановъ весьма былъ доволенъ твоимъ письмомъ. Онъ такъ живо перенесся мысленно въ давнія времена, когда вамъ такъ было весело обоимъ въ Москвѣ, и разсказалъ мнѣ исторію о M-lle Mellard. Николай Алексѣевичъ тебѣ кланяется и благодаритъ тебя за милыя строки, которыя ты написалъ, а еще того болѣе, что ты такъ хорошо вспомнилъ его. Въ одномъ ты ошибся: онъ не жилъ у Николы на Пескахъ, а у Ржевской Божіей Матери....—Прошу тебя, мой другъ Семенъ Петровичъ, когда ты будешь въ Каменкѣ, скажи почтеннымъ сосѣдямъ твоимъ, что я такъ душевно благодарна имъ за все и знаю, что и теперь добрая и почтенная княгиня не вспомнитъ меня иначе, какъ съ участіемъ. Ни я, ни мой мужъ, до гроба не перестанемъ быть имъ благодарными и не перестанемъ молить о ихъ счастіи и спокойствіи. . . . . .
Твой другъ и сестра М. Юшневская.

12-го Іюня, 1837 года, Петровскій заводъ.

LXXXI.

27-го Августа, 1837 года. Петровскій заводъ.

. . . . . .

Одно только то довольно вѣрно, если доживемъ, что 10-го Іюля 1839 (года) насъ отправятъ на поселеніе. Люди, не избалованные ни настоящимъ, ни даже прошедшимъ, не довѣряютъ и будущему, а въ нашихъ собственно обстоятель-

ствахъ тѣмъ менѣе можно радоваться приближенію этого срока, что мы не имѣемъ средствъ существовать здѣсь на мѣстѣ, а какъ свершится наше перемѣщеніе, мы безъ ужаса вообразить себѣ не можемъ. То, что ты пишешь о разстройствѣ твоихъ дѣлъ, попало на больное мѣсто. Но много надо бы было говорнть, чтобы описать тебѣ наше положеніе, между тѣмъ какъ ни тебѣ, ни намъ, не было бы отъ того легче. Скажу только, что оно съ каждымъ годомъ становилось хуже, наконецъ, нищета начинаетъ заглядывать въ глаза.—Читавши въ письмѣ твоемъ, что ты имѣлъ порученіе объѣхать уѣзды для приготовленія издѣлій къ выставкѣ, братъ рекомендуетъ тебѣ одно сочиненіе, которое перечитываетъ теперь во второй разъ. Оно стоитъ не болѣе 5 рублей. Это „Traité sur l'économie des machines," par Bobage, traduit par Biet. Сочинитель тотъ самый, который изобрѣлъ числительную машину, описанную въ концѣ этой-же книжки. Она же дѣлаетъ не ариѳметическія выкладки, какъ машина Паскаля, но вычисленія высшей математики съ быстротою, за которой едва могутъ слѣдовать писцы, записывающіе одни результаты ея вычисленій.—Съ отъѣздомъ въ прошломъ году бо́льшей части нашихъ книжниковъ, запасъ нашего чтенія значительно оскудѣлъ. На поселеніи-же ожидаетъ насъ и въ этомъ отношеніи совершенный недостатокъ. Здѣсь, благодаря товарищамъ едва достаетъ времени для прочтенія однихъ повременныхъ изданій, а тамъ едва ли будемъ въ состояніи изъ однихъ только журнальныхъ объявленій узнавать о произведеніяхъ литературы. Братъ же, какъ ты знаешь, ни во что ставитъ матеріальную жизнь, ежели нѣтъ пищи для ума и способовъ для музыкальныхъ упражненій. Фортепіанъ, который у него былъ, такъ испортился, что братъ долженъ бы былъ проститься съ этимъ удовольствіемъ, если бы Марья Николаевна въ замѣнъ не отдала ему своего, который очень плохъ, ибо прослужилъ уже 10 лѣтъ, но, по крайней мѣрѣ, клавіатура исправна, хотя такъ стучитъ, что въ скорой игрѣ слышенъ болѣе стукъ, нежели тонъ. Братъ просилъ тебя однажды узнать черезъ Шафнагеля о цѣнѣ

инструментовъ Эрарда и Папа и о возможности ихъ выписать. По описанію журналовъ, это должно быть чудо. . . . .

. . . . . .

Есть у меня шитый китайскій кисетикъ, который я тебѣ пришлю, и еще тебѣ пришлю нѣчто желѣзное, въ надеждѣ, что оно доставитъ тебѣ удовольствіе. Только это современемъ ты получишь, и будетъ для тебя сюрпризъ. Прощай, Семенъ Петровичъ!... Твоя другъ и сестра Марья Юшневская.

LXXXII.

15-го Ноября 1837 г. Петровскій заводъ.

Любезный другъ и братъ, Семенъ Петровичъ . . . . . .

. . . . . .

Тотъ, кто меня лѣчитъ, надѣется, что я хоть не скоро, но выздоровлю. Онъ кромѣ того, что искусный врачъ,—человѣкъ добрый. Твой братъ нерѣдко до слезъ былъ разстроенъ участіемъ этого уважительнаго человѣка. Самый близкій родной не могъ-бы болѣе ничего для насъ сдѣлать. Да наградитъ его Богъ за меня. Братъ твой здоровъ, хотя въ эти два мѣсяца очень измучился, ухаживая за больною, а еще впереди надо долго оберегать меня и ходить, какъ за дитятей. Г. Понятовскій пришлетъ тебѣ 200 р. Вручи ихъ моей матушкѣ. Прощай, мой другъ Семенъ Петровичъ! Обнимаю тебя съ моимъ мужемъ вмѣстѣ. Обнимаемъ все твое семейство. Дай вамъ Богъ всѣмъ счастье. Другъ и сестра М. Юшневская.

LXXXIII [1]).

Le 19 Mars 1838.

Le depart de la personne respectable dont vous aviez fait connaissance lors de sa nomination pour la Siberie m'engage à

[1]) Это письмо имѣетъ большой интересъ, потому что является первымъ, собственноручнымъ письмомъ Алексѣя Петровича и содержитъ интересные намеки и указанія.

vous tracer quelques lignes, mon cher frère Семенъ Петровичъ, sans tenir compte cette fois-ci du silence que vous gardez si longtemps, votre dernière lettre ayant été datée du 25 Mai 1837. J'éprouve un besoin irresistible de proferer quelques paroles du fond de mon tombeau, qui doit se refermer ensuite, pour épancher devant vous les sentiments d'estime et de reconnaissance que nous portons tous deux pour cet homme qui est la bonté même. C'est tout le but de ma lettre. Dans la personne de son venerable oncle nous avons perdu tout se qui pouvait adoucir notre position. Il nous restait encore ce digne successeur de ses vertus qui, après la mort du Général, avait occupé provisoirement sa place. Mais le sort en a disposé autrement. Dans notre détresse nous croyons trouver quelque consolation par l'espoir qu'il vous verra, que vous serez auprès de lui l'interprète de notre gratitude, vous qui, par votre experience, aviez appris à estimer les personnes qui savent respecter le malheur et qui, sans se guider des preventions, apprecient les hommes d'après ce qu'ils valent par eux mêmes et font leur possible pour concilier des fonctions aussi delicates avec les sentiments d'humanité.—Si vous tenez à savoir quelque chose sur notre compte vous l'apprendrez dans tous les détails de cet homme estimable qui est au fait de tout ce qui nous regarde et qui nous a toujours temoigné un interet special.—Il ne me reste donc que deux choses à ajouter: d'abord de vous expliquer la raison pour laquelle nous vous avions une fois engagé d'envoyer un exprès à Тимашевка ou à Каменка,—c'est que nous y avions adressé une lettre secrete pour vous concernant nos affaires; mais malheresment elle ne pourrait y parvenir par des raisons qu'il serait long de vous expliquer d'autant plus que, par le changement des circonstances, son contenu même avait perdu son importance. Plus tard nous vous avions expedié une seconde lettre secrete dans une enveloppe adressée à Reychel. Pour vous en signaler la reception, nous l'avions engagé de vous transmettre un de mes portraits qu'il possède. Cependant il ne nous en eu jamais fait mention, malgré que nous ayons de bonnes raisons d'être persuadés que nos lettres lui avaient

été transmises par la personne qui en fut chargé. Cette fois-ci nos affaires ayant pris une autre tournure, je crois superflu de vous repeter le contenu de ma lettre. La première ainsi que la seconde contenaient entr'autre le resumé de tout ce qui m'était arrivé dépuis ma condamnation et ma reclusions à la forteresse de Schlusserbourg,—reclusion la plus affreuse qui ait jamais existé. Cette fois-ci nous sommes pleinement persuadés que notre lettre vous parviendra, pourvu que le porteur obtienne la permission de se rendre dans votre voisinage. Toute fois pour plus de sureté, je vous prie, mon-cher ami, après que vous l'aurez reçu, de nous dire deux mots sur Викентій Ивановичъ Монтрезоръ.—Le porteur de la présente vous apprendra que ma femme avait fait une grave maladie qui follit mettre fin à son existence et c'etait au plus fort de ses souffrances qu'elle vous avait écrit la lettre du 15 Novembre. C'était Gastro-anterite ou l'inflamation de l'estomac. Grace à la proximité de Кяхта, un medecin était venu la sauver. Il s'appelle Иванъ Сергѣевичъ Персинъ. C'est encore la moindre de ses qualités que d'être habil medecin.—Je vous quitte, mon cher ami, parceque le porteur pourra vous satisfaire sur tout ce qui nous concerne. Je vous embrasse du fond de mon âme et vous engage d'en faire autant en mon nom à toute votre chère famille. Puisse le sort en vous rendant tous heureux nous dedommager de tout ce dont il nous a privé, et nous benirons encore sa justice.—Votre ami et frère А. Юшневскій.

Зрѣніе жены до того ослабло, особенно послѣ этой болѣзни, что она съ трудомъ пишетъ, работы-же всѣ принуждена на всегда покинуть.

Думаю, другъ мой Семенъ Петровичъ, что доставлю тебѣ маленькое удовольствіе припискою моею. Я еще придумала послать тебѣ желѣзный крестикъ, сдѣланный изъ выломаннаго кусочка желѣза у окошечной рѣшетки изъ того номера и того каземата, въ которомъ жилъ твой добрый братъ, и я съ нимъ.—О. А. вручитъ тебѣ его. Онъ сдѣланъ однимъ изъ нашихъ господъ въ казематѣ. Я еще тебѣ пришлю черезъ почту желѣзное кольцо, оправленное въ золото.

Оно будетъ сдѣлано изъ желѣзъ, которыя носили всѣ наши страдальцы. Все это можешь ты узнать отъ достойнаго подателя сего . . . . . .

. . . . . .

Ты можешь узнать подробно о нашей жизни и нашемъ здѣсь помѣщеніи, и даже о нашей услугѣ [1]). Я была сильно больна, пять мѣсяцевъ не выходила изъ опаснаго состоянія. Кажется, теперь я совсѣмъ поправилась, хотя каждая малѣйшая неосторожность заставляетъ меня страдать. Добрый нашъ, уважительный и достойный гость твой (въ эту минуту) столько оказывалъ намъ самаго родственнаго участія. Онъ не только огорчался моему опасному положенію, но когда я стала выздоравливать, онъ хлопоталъ даже о моей пищѣ, доставлялъ все, что только въ возможности было, даже старый рейнвейнъ, потому что докторомъ велѣно употреблять для подкрѣпленія моего желудка. Онъ увезъ мой портретъ; увезъ-бы и брата твоего, но нѣтъ теперь сдѣланнаго. Онъ хотѣлъ его показать вамъ, какъ я измѣнилась. Теперь я еще болѣе не похожа на себя: этотъ портретъ нарисованъ до моей болѣзни.—Другъ мой Семенъ Петровичъ! Будетъ все, что Богу угодно. Можетъ, я на поселеніи, если доживу, поправлюсь, а если Богъ велитъ, прощусь съ вами на всегда. Тогда старайся какъ можно чаще утѣшать брата твоего письмами, а наиболѣе доказывай ему дружескую и братскую твою любовь. Обязанность наша и потребность души каждому доброму человѣку быть полезнымъ ближнему. Твой-же братъ въ изгнаніи имѣетъ болѣе потребности въ утѣшеніи, когда и меня уже съ нимъ не будетъ.... Прощай, другъ мой Семенъ! Дай Богъ тебѣ все доброе! Сестра твоя и другъ М. Ю....

LXXXIV [2]).

Среди переѣзда и среди хлопотъ нашего перемѣщенія получили мы, любезный братъ Семенъ Петровичъ, два тво-

[1]) Чит.: „прислуга“.

[2]) Съ этого № начинается рядъ собственноручныхъ писемъ А. П. Юшневскаго: съ выходомъ на поселеніе онъ получилъ право самъ вести

ихъ письма, одно изъ Ольгополя отъ 21 Апрѣля, другое изъ Хрустовой отъ 28 Іюля. Недавно усѣлись мы на мѣстѣ, съ трудомъ пріискавши себѣ квартиру въ селеніи *Кудѣ* [1]) въ 21-й верстѣ отъ Иркутска. Безпокойство и недосуги, съ такимъ положеніемъ сопряженные, были причиною, что вся наша переписка терпѣла замедленіе.—Съ прискорбіемъ читали мы описаніе болѣзни, которую ты перенесъ; желаемъ, чтобы наше письмо застало тебя со всѣмъ твоимъ семействомъ здоровыми. Два года тому назадъ жену мою также посѣтила болѣзнь, которая свела-бы ее въ могилу безъ пособія искуснаго врача. Фердинандъ Богдановичъ былъ уже тогда на поселеніи. Впрочемъ, она, помнится, сама писала къ тебѣ во время самой ея болѣзни: это было воспаленіе желудка (gastro-anterite). Но, освободившись отъ этой опасной болѣзни, она почувствовала ревматическую боль, которая препятствовала ей владѣть рукою. Носила фонтанель; но не замѣтно ощутительнаго облегченія. При пользованіи всякаго недуга необходимо спокойствіе духа и покой тѣла; а она должна была перенести трудности пути, хотя недальняго, но тягостнаго по недостаткамъ и нуждѣ, въ какой мы постоянно находимся.—Домъ, который мы имѣли въ Петровскомъ заводѣ, продали за четверть цѣны, а домашнюю утварь просто бросили. Теперь все это надо заводить снова. Таково начало нашего новаго быта, о которомъ ты знать желаешь.—О разстройствѣ твоихъ собственныхъ дѣлъ мы знаемъ изъ писемъ нашихъ пріятелей и тѣмъ болѣе соболѣзнуемъ, что въ положеніи нашемъ не только пособія, но даже совѣта дать не можемъ. Не унывай, какъ мы не унываемъ. Елькинъ говаривалъ: „какъ пойдетъ дождь, такъ ужь и мочитъ“.—Однако, когда-же нибудь настанетъ ясная погода!—Прости, любезный другъ! Обнимаемъ тебя. Скажи отъ обоихъ насъ дружескій

свою корреспонденцію. Мы печатаемъ эти письма почти безъ всякихъ пропусковъ, такъ какъ они служатъ единственнымъ источникомъ обрисовки личности Алексѣя Петровича, къ тому же этихъ писемъ очень немного.

[1]) Курсивъ подлинника.

привѣтъ супругѣ твоей и разцѣлуй за насъ всѣхъ твоихъ дѣтей. Поздравляемъ васъ съ рожденіемъ Николиньки, о которомъ узнали изъ твоего лишь письма. Посылаемъ ему наше благословеніе. Твой другъ А. Юшневскій.

Сел. Кудà. 28 Октября 1839.

Адресъ къ намъ почти тотъ-же, то есть: Его Превосходительству Господину Иркутскому Гражданскому Губернатору Андрею Васильевичу Пятницкому, для доставленія намъ.

Когда ты получишь письмо это, любезный другъ Семенъ Петровичъ, вспомни, что будетъ ровно 14 лѣтъ, какъ ты не видѣлъ почерка твоего брата. Я воображаю, какое волненіе произведетъ въ тебѣ письмо наше. Братъ твой самъ много-бы желалъ сказать тебѣ, но не знаетъ на первый разъ, что̀ бы говорить. Измѣненіе чувствъ? Можно и писать хорошо и разсказывать чудесно, а въ сердцѣ мало ощущенія. Ты знаешь твоего брата; мы знаемъ, какъ онъ всегда любилъ тебя. Онъ никогда неизмѣненъ въ своихъ чувствахъ, но живучи 17 лѣтъ въ разлукѣ, твои отношенія къ нему могли измѣниться. Не пеняй, другъ Семенъ, если письмо твоего брата покажется не довольно удовлетворительно . . .

. . . . . .

Да благословитъ васъ Богъ! М. Юшневская.

LXXXV.

Я очень былъ растроганъ, любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ, письмомъ твоимъ отъ 5 Января. Изъявленіе твоихъ чувствъ ко мнѣ было для меня дороже того пріятнаго извѣстія, которое сообщилъ ты мнѣ о начетѣ [1]).

[1]) Начетъ, о которомъ здѣсь говорится, былъ сдѣланъ на А. П. Юшневскаго по его дѣятельности какъ генералъ-интенданта южн. арміи и палъ всецѣло на Семена и Владиміра Петровичей, какъ получившихъ все имѣніе и капиталы. Братьямъ удалось доказать невѣрность самаго начета на ихъ брата.

Будь всегда увѣренъ, что сердце мое никогда не останется у тебя въ долгу.—Первое чувство, произведенное во мнѣ извѣстіемъ о разрѣшеніи отъ начета, было—удивленіе. Въ положеніи моемъ я считалъ это несбыточнымъ. Благоговѣю предъ правосудіемъ, оправдавшимъ беззащитнаго! Не замедли переслать изложеніе дѣла съ заключеніемъ Государственнаго Контроля и увѣдоми меня объ успѣхѣ распоряженій, какія будутъ его послѣдствіемъ. Радуюсь, что, наконецъ, устранены будутъ всѣ затрудненія, причинявшія тебѣ столько разстройства, и которымъ противъ воли моей я былъ причиной, но съ тѣмъ вмѣстѣ скорблю о издержкахъ, какихъ стоило пребываніе Владиміра въ столицѣ, тѣмъ болѣе, что не имѣю средствъ принять ихъ на себя.—Наши дѣла таковы, что, если бы не пособіе добрыхъ моихъ товарищей, мы не могли бы существовать. По прибытіи ко мнѣ въ 1830 г. жены надобно было построить въ Петровскомъ домишко, завестись всѣмъ необходимымъ въ хозяйствѣ. Такъ какъ въ то-же время строились и прочіе женатые товарищи, то постройка обошлась намъ въ четверо противъ обыкновенныхъ цѣнъ, и мы безъ ихъ пособія не могли-бы ни начать, ни окончить. Въ прошломъ году, при отправленіи на поселеніе, принуждены были иное бросить, другое отдать за безцѣнокъ. Сюда пріѣхали мы почти безъ копѣйки, ибо всѣ деньги, какія тогда были, надобно было, предъ отъѣздомъ, уплатить продавцамъ, снабжавшимъ насъ первыми потребностями. Въ деревнѣ, назначенной для моего водворенія, нѣтъ никакого для насъ пріюта, а строиться не чѣмъ. Это побудило насъ испрашивать дозволенія жить въ самомъ Иркутскѣ, гдѣ можно найти удобное помѣщеніе для больной моей жены и при томъ имѣть за деньги все, чего не можемъ завести въ своемъ хозяйствѣ. Къ тому-же необходимо постоянное врачебное пособіе женѣ, которой здоровье такъ разстроено, что не проходитъ недѣли, чтобы она чѣмъ-нибудь не страдала. Ходатайство наше не имѣло еще желаемыхъ послѣдствій. Между тѣмъ, вмѣсто селенія Кузьмихи, въ которой нѣтъ помѣщенія, дозволено мнѣ жить до Сентября въ другой, въ

семи верстахъ отъ города.—Тутъ мы нанимаемъ крестьянскую избу за неимовѣрную цѣну—350 руб. въ годъ! Это составляетъ 6-ю часть всего, что мы получаемъ отъ Понятовскаго на содержаніе. За всѣми потребностями мы должны посылать въ городъ и, не имѣя лошади,—которой содержаніе стоило-бы здѣсь едва не столько-же, какъ квартира,—необходимо должны нанимать для каждой посылки и еще платить за поромъ. Словомъ, разореніе со всѣхъ сторонъ, а нужды между тѣмъ возрастаютъ въ одинаковой пропорціи съ уменьшеніемъ денежныхъ способовъ. Кромѣ пропитанія себя и людей, надобно одѣться. Въ теченіи 10 лѣтъ мы не возобновляли бѣлья. Бѣдная моя жена скрываетъ отъ меня, до какой степени она въ немъ нуждается, а пособить не чѣмъ. Будучи самъ отцомъ семейства, ты поймешь, что долженъ я чувствовать, смотря на все это. Но довольно—я уже слишкомъ заболтался. По крайней мѣрѣ, не могу сказать, чтобы кто изъ насъ обоихъ упалъ духомъ; а говорятъ, что Провидѣніе еще не покинуло, пока посылаетъ испытанія не выше нашихъ силъ. Сохранимъ наше упованіе на Него. Авось Его рукой все перемелется и будетъ лишь мукой!—Я теперь одинъ: жена уѣхала 16 числа пользоваться отъ ревматизма къ горячимъ сѣрнымъ водамъ по ту сторону Байкала въ 500 верст. отсюда. Благодаря добрымъ людямъ, эта поѣздка ничего не будетъ ей стоить. Осталось испытать это послѣднее средство. Фонтанель и всѣ пособія искусства истощены надъ нею безъ малѣйшаго успѣха.... Вѣрный другъ и твой братъ А. Юшневскій.

Адресуй по прежнему на имя Иркутскаго Гражданскаго Губернатора Его Превосходительства Андрея Васильевича Пятницкаго.

Селеніе Жилкино. 25 Марта 1840.

LXXXVI.

Жена доставила мнѣ письмо твое отъ 25 февраля, посланное изъ Хрустовой, любезный другъ Семенъ Петровичъ.

Помнится, я писалъ тебѣ, что она на водахъ.—Я поджидалъ обѣщанной выписки по дѣлу о начетѣ и вмѣсто того получилъ извѣстіе о затрудненіяхъ, происходящихъ отъ неразрѣшенной статьи по поставкѣ Свистунова. Никакая память не можетъ представить во всей подробности того, что происходило назадъ тому чуть не 20 лѣтъ. Въ послѣдней моей должности я находился слишкомъ 6 лѣтъ. Впродолженіи этого времени Свистунову дѣлаемы были почти безпрерывно порученія, и потому не могу угадать, къ которому изъ нихъ относится начетъ 29 тыс. Изложеніе дѣла припомнило-бы мнѣ обстоятельства, на которыя могъ-бы я указать въ оправданіе. Теперь-же въ успокоеніе тебя и самого себя могу только сослаться на чистоту моихъ дѣйствій и утѣшаться упованіемъ на то самое правосудіе, съ какимъ разсмотрѣны были прочія важнѣйшія мои распоряженія по этой части. Когда получишь это письмо, пройдетъ болѣе полугода послѣ сообщеннаго тобою извѣстія, и дѣло въ продолженіи этого времени могло измѣниться вслѣдствіе забранныхъ справокъ и поясненій. Если же не видишь скораго конца пребыванія брата въ Петербургѣ, то не разсудить-ли ходатайствовать о ускореніи рѣшенія. Ты видишь, что содержаніе тамъ Владиміра будетъ, наконецъ, равняться суммѣ самаго начета. Ты можешь быть увѣренъ, что это сокрушаетъ меня не менѣе тебя. Мое безсиліе подать тебѣ какую-либо помощь приводитъ меня въ унынie. Между тѣмъ я худо понимаю, или лучше, нисколько не понимаю, какими силлогизмами можно подвергнуть отвѣту, вамъ только двоимъ принадлежащее, по начету на меня, тѣмъ болѣе, что я осужденъ до раздѣла и, слѣдовательно, оставилъ свѣтъ „такъ голъ, какъ голъ родился“. Мнѣ кажется, что такая мѣра подлежитъ оспариванію. Въ объясненіи, которое подалъ ты въ Дворянскую Опеку 19 Октября 1828 г., показаны были неопровержимые доводы къ вашему огражденію.—О мѣстѣ постояннаго моего водворенія я нахожусь все еще въ неизвѣстности и живу тамъ-же, откуда получилъ ты послѣднее мое письмо. Такой образъ жизни довершаетъ наше разореніе. Живемъ

день до вечера, опасаясь даже заглядывать въ даль.—Никогда не приходитъ тебѣ въ мысль перенести насъ въ твое семейство, познакомить съ его бытомъ, съ препровожденіемъ времени Идаліи. Что дѣлаетъ мелкій народъ, каковы дарованія моихъ племянниковъ и проч.?—Что до меня касается, я веду жизнь самую уединенную, очень рѣдко кого-либо вижу, цѣлый день занимаюсь чтеніемъ, а вечеромъ музыкой. Предъ глазами моими большая рѣка и изрядная природа. Но ты знаешь, что я на нее любуюсь только изъ окна. Безъ крайней надобности я не выхожу даже на крыльцо.—Хотѣлъ было кончить, но пришла мысль сказать еще нѣсколько словъ о предметѣ твоего объясненія въ Дворянскую Опеку. Не зная въ подробности всѣхъ обстоятельствъ, конечно, могу судить только по тѣмъ даннымъ, какія имѣю. И такъ, до наложенія запрещенія ничто, кажется, не лишало васъ права продать Хрустовую. Если это право было неоспоримо тогда, тогда я не постигаю, почему оно могло измѣниться въ послѣдствіи. Какъ прежде, такъ и теперь, имѣніе принадлежитъ одному тебѣ и не должно подлежать отвѣтственности за меня.... Твой другъ А. Юшневскій.

Деревня Жилкина. 22 Іюля 1840.

LXXXVII.

Деревня Малая Разводная. 13 Января 1841.

Здравствуй, любезный другъ, Семенъ Петровичъ! Давно, очень давно, скоро пять мѣсяцевъ, какъ мы къ тебѣ не писали. Все это время протекло въ хлопотахъ и заботахъ о нашемъ перемѣщеніи, и не смотря на то, мы все еще безъ постояннаго пріюта. Будучи не въ состояніи гдѣ-либо строиться, мы только перемѣняемъ мѣсто и квартиры. Это довершаетъ наше разореніе и, что еще того хуже, имѣетъ вредное вліяніе на здоровье моей жены, которое лишь только начинало поправляться послѣ водъ.—Въ эти 5 мѣсяцевъ мы получили отъ тебя 3 письма. 1-е отъ 30 Августа по возвра-

щеніи твоемъ изъ Кіева. Въ немъ ты увѣдомилъ объ уничтоженіи остального начета по поставкѣ Свистунова. Радуюсь, что, наконецъ, я пересталъ быть невольною причиною препятствій и разстройства, какія потерпѣли твои дѣла. Изъ другого твоего письма отъ 23 Сентября вижу, что уже рѣшился заложить Хрустовую. Очень понимаю, что одна только крайность заставила тебя рѣшиться открыть себѣ; такъ сказать, эту фонтанель, которая тѣмъ только лучше настоящей, что перевязывается не болѣе двухъ разъ въ годъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, ты ни въ чемъ уже не отстаешь отъ прямого русскаго дворянина, когда и твое имѣніе заложено. Незабудь, любезный другъ, увѣдомить насъ объ успѣхѣ твоихъ дѣйствій по этому премету. Въ 3-мъ письмѣ отъ 3 Ноября изъявляешь ты, мой другъ, желаніе имѣть мой портретъ. Разумѣется, что я тотчасъ исполнилъ-бы его, если бы это было въ моей волѣ. Въ Петровскомъ заводѣ, гдѣ мы были всѣ вмѣстѣ, оно было очень легко; но послѣ разсѣянія нашего товарищъ, оказывавшій всѣмъ намъ эту услугу, остался на поселеніи по ту сторону Байкала въ г. Селенгинскѣ. Здѣсьже въ цѣломъ краѣ нѣтъ даже плохого маляра. Могу только дать тебѣ слово, что не упущу воспользоваться первою возможностью исполнить твое желаніе.... Кстати о лѣтахъ. Вотъ и тебѣ не во гнѣвъ, минетъ въ февралѣ 40 лѣтъ. Поздравляю тебя, любезный другъ. Желаю, чтобы Парки считали это число за меньшую половину твоего вѣка, и чтобы вторая искомая половина была благополучнѣе протекшей. Вскорѣ за тобой слѣдуютъ и мои 55 лѣтъ, т. е. считая съ 12 марта 1786 г. Число истинно счастливыхъ, никакимъ горемъ не помраченныхъ, дней было такъ невелико, что если принять къ зачету послѣднія 15 лѣтъ, то судьба останется у насъ въ долгу̀ неоплатномъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ мы съ женою лишимся способности пользоваться ея дарами.—Спасибо тебѣ, любезный братъ, что ты сообщилъ намъ нѣкоторыя подробности о вашемъ житьѣ-бытьѣ. Хорошо, что музыку ты не совсѣмъ покидаешь. Кромѣ удовольствія собственнаго, она входитъ въ воспитаніе дѣтей. Le nouvelliste здѣсь получается,

но вообрази, какъ содержаніе отвѣчаетъ названію: въ одномъ номерѣ напечатанъ концертъ Фильда, и то одинъ изъ худшихъ, 4 й; признаюсь, кромѣ Листа, котораго я недостоинъ понимать, большая часть, каковы Тальбергъ и самый Дрейшокъ, какъ мнѣ кажется, только фигляры. Трудности у нихъ, конечно, доселѣ небывалыя, des tours de force, но пѣнія и чувства мало. При всемъ томъ новая школа называетъ старую—perruque. Посмотримъ, кто кого переживетъ!—Очень понимаю удовольствіе, какое доставляетъ тебѣ химія, потому что я самъ имѣлъ большую къ ней склонность. Книжныя пособія по этой части у насъ всѣ есть, но почти нѣтъ ничего необходимаго для опытовъ, а безъ нихъ почти то-же, что читать физіологію безъ анатомическихъ препаратовъ. Бо́льшую часть всего, что здѣсь имѣемъ по части Химіи, читалъ, но, безъ повѣрки опытомъ, ничего почти въ памяти не сохранилось.—Такъ какъ ты читаешь газеты и журналы, то, конечно, знаешь, что послѣ Тальбота усовершенствованъ во Франціи способъ приготовленія бумаги для фотогеническихъ изображеній и сохраненія ихъ, помнится, par M-r Verignon.... Вашъ другъ А. Юшневскій.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

LXXXVIII.

Малая Разводная. 31 Марта 1841.

...Въ замѣнъ извѣстія твоего о кончинѣ Э. Н. Вегелина сообщу тебѣ не менѣе прискорбное для всѣхъ насъ. Не помню, писали-ли мы къ тебѣ, что въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1839 г. Ивашевъ лишился жены, которая оставила ему троихъ дѣтей, а въ прошломъ Декабрѣ, когда онъ дѣлалъ приготовленія къ годовщинѣ, сдѣлалось ему дурно. Позванный врачъ не

замедлилъ явиться, но кровь уже не пошла, и Ивашевъ испустилъ духъ отъ апоплексическаго удара на сорокъ четвертомъ, какъ помнится, или 45 году.—Разтолстѣвъ до чрезвычайности, онъ началъ терпѣть частые припадки полнокровія, а кровопусканія не любилъ. Впрочемъ, кончина легкая. Ему собственно этотъ опытъ окончательнаго поселенія не стоилъ столькихъ хлопотъ, съ какими сопряжено наше поселеніе. Сироты остались на попеченіи престарѣлой и немощной его тещи, пріѣхавшей за нѣсколько лѣтъ до этого окончить вѣкъ при своей дочери.... Вашъ другъ А. Юшневскій.

PS. Письма адресуй по прежнему.

. . . . . .

LXXXIX.

Любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ! Рѣдко случалось мнѣ быть такъ неисправнымъ въ перепискѣ, какъ въ нынѣшнемъ году. Причиною тому безпокойная жизнь, какую ведемъ со времени отъѣзда изъ Петровскаго Завода. Недостатокъ средствъ къ постройкѣ себѣ жилища въ деревушкѣ, которая назначена была для моего поселенія, побудилъ насъ испрашивать дозволенія жить въ г. Иркутскѣ, гдѣ могли-бы занять готовое помѣщеніе. Въ ожиданіи разрѣшенія, мы не могли нигдѣ постоянно водвориться. Наконецъ, въ просьбѣ нашей отказано и повелѣно поселить меня въ Малой Разводной, бѣдной деревушкѣ въ шести верстахъ отъ Иркутска, состоящей изъ 18 избъ. Безъ способовъ и безъ пріюта не знаю, что бы съ нами было, если-бы добрый товарищъ, водворенный здѣсь за годъ до насъ, не предложилъ намъ избы на своемъ дворѣ. Если бы помѣстить въ ней весь нашъ домашній скарбъ и хламъ, который, благодаря времени года, можетъ валяться гдѣ попало, то намъ съ женою не болѣе-бы осталось порожняго мѣста, какъ сколько займемъ мы въ землѣ. Четвертый мѣсяцъ находимся мы въ этомъ положеніи. Весь этотъ промежутокъ времени проведенъ, какъ

ты можешь себѣ представить, въ хлопотахъ и горькихъ заботахъ, которымъ не вижу конца.... Не вижу иного средства выйти изъ затруднительныхъ твоихъ обстоятельствъ, какъ или займомъ въ частныхъ рукахъ подъ залогъ имѣнія, или въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Относительно послѣдняго тебя затрудняетъ требуемая точность въ платежѣ. Но при частномъ займѣ существуютъ тѣ-же опасенія. Покойный Ал. Тим. Тутолминъ лишился бы имѣнія, которое было въ залогѣ у кн. Абимелика, если-бы покойный нашъ братъ не внесъ за него въ срокъ денегъ, которыя я самъ возилъ въ Гайсинъ. Заемъ былъ сдѣланъ, помнится, по 250 р. на душу, въ случаѣ-же неуплаты въ срокъ, кн. Абимеликъ имѣлъ право, доплативъ по 150 р. за душу, вступить во владѣніе имѣніемъ. Итакъ, частный заемъ тѣмъ только лучше, что условія займа добровольнѣе, за то проценты выше и срóкъ окончательной уплаты короче.... Хотѣлъ-бы сказать тебѣ, мой добрый другъ, что-нибудь о образѣ моихъ занятій. По званію поселенца я долженъ бы пуститься въ агрономію, но ты знаешь, имѣлъ-ли я къ ней когда-либо склонность. При томъ-же все мое время посвящено было службѣ. Послѣднія 16 лѣтъ еще менѣе могли развить во мнѣ эту склонность. Къ умственнымъ-же занятіямъ нужно спокойствіе духа, беззаботность, по крайней мѣрѣ, о завтрешнемъ днѣ, и потому я неспособенъ ничѣмъ прилежно заняться. Чтеніе не оставляетъ ничего въ головѣ; къ музыкѣ становлюсь равнодушенъ. Послѣднимъ я даже доволенъ: хорошо не имѣть жажды, когда ее утолить нечѣмъ.... Твой другъ А. Юшневскій.

Малая Разводная, 21-го Іюля 1841.

Братъ твой высказалъ тебѣ, любезный другъ Семенъ Петровичъ, всѣ подробности нашей жизни. Грустно говорить объ этомъ. Лучше скажу тебѣ, что у насъ мѣстоположеніе чудесное. На берегу рѣки Ангары поставленъ домъ Артамона Захаровича Муравьева. У него-то во флигелѣ мы живемъ. Все, что̀ плыветъ за Байкалъ и оттуда,—мимо нашихъ оконъ. По другую сторону дома большая дорога видна. Пашни и

лѣсъ окружаютъ насъ. За рѣкой—горы, покрытыя кедрами, сосной и елками. На рѣкѣ—острова, покрытые деревьями, цвѣтами. Туда многіе ѣздятъ гулять. Народу всякаго плыветъ туда кучами, одни за рыбой, другіе собираютъ ягоды, иные косятъ, иные гулять цѣлыми семействами. Бываютъ дни, въ которые цѣлый день сижу на крылечкѣ и любуюсь на всѣхъ плывущихъ по быстрой нашей рѣкѣ. Еще одинъ мѣсяцъ, и надо будетъ запереться на всю зиму. Начнутся туманы, холодъ, сырость, и за удовольствіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ надо прожить 8 взаперти [1]). Какъ часто вспоминаемъ мы телескопъ, который остался у тебя. Когда поютъ на островахъ, гуляютъ, хотѣлось-бы на нихъ посмотрѣть, да не во что, только видишь вдали разныхъ цвѣтовъ платья, шляпки; тутъ же и мужички работаютъ, поютъ и на стружкѣ, самой маленькой лодкѣ, переплываютъ къ намъ или на другую сторону рѣки. Меня очень забавляетъ, что почти всегда бабы или дѣвицы однимъ весломъ управляютъ стружкомъ и пребыстро несутся по рѣкѣ.—Можетъ быть, когда-нибудь пришлю тебѣ рисунокъ нашего мѣстоположенія, только постараюсь и домикъ помѣстить, въ которомъ мы живемъ. Домикомъ его назвать нельзя, а клѣточка, съ крошечнымъ крылечкомъ... Ta soeur Marie Jouschniewsky.

XC.

Любезный братъ и другъ Семенъ Петровичъ! Обстоятельство, нетерпящее времени, побудило меня просить о доставленіи письма моего кратчайшимъ путемъ. Я не объяснялъ еще тебѣ, какимъ образомъ, находясь третій годъ на правѣ поселенца, я не имѣлъ ни постояннаго водворенія, ни пріюта. Причиною тому была невозможность найти какое-либо помѣщеніе въ деревнѣ, которая первоначально назначена была для моего поселенія. На постройку-же, какую бы

[1]) Изъ этихъ 4-хъ не насчитаешь одного истинно лѣтняго. (Примѣч. Алексѣя Петровича).

то ни было, мы не можемъ удѣлить ничего изъ получаемаго нами дохода отъ того, что содержаніе здѣсь стоитъ почти вдвое противъ Петровскаго завода, а денежные способы такъ мало увеличились, что при всѣхъ лишеніяхъ недостаточны на годовыя наши потребности. Это побудило насъ просить дозволенія жить въ самомъ Иркутскѣ, гдѣ можно нанимать готовую квартиру и, что̀ не менѣе важно, имѣть врачебное пособіе. Въ ожиданіи разрѣшенія проживали мы, благодаря дозволенію начальства, то по другимъ деревнямъ, гдѣ могли находить временное пристанище, то на предмѣстьѣ города. Такой образъ жизни, лишая насъ возможности чѣмъ-либо завестись, довершилъ наше разореніе. Не могу описывать подробно, какъ это происходило. Скажу только, что со времени поступленія моего на поселеніе, мы на шестой квартирѣ. Наконецъ, на многократныя просьбы моей жены послѣдовалъ положительный отказъ и предписано водворить меня въ Малой Разводной (деревушкѣ на правомъ берегу Ангары, въ шести верстахъ отъ Иркутска, состоящей изъ 17 хижинъ) съ отводомъ подъ постройку дома, пашню и сѣнокосъ 15 дес. земли.—Къ счастію, здѣсь водворенъ прежде насъ Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ, мужъ Вѣры Алексѣевны, который успѣлъ здѣсь построиться. Какъ добрый товарищъ, онъ предложилъ намъ на время избу на своемъ дворѣ; въ самой-же деревушкѣ нѣтъ никакой квартиры. Тутъ, благодаря времени года, мы кое-какъ мѣстимся. Съ ужасомъ, однакожъ, помышлялъ я о приближеніи зимы и о необходимости теплаго пріюта для бѣдной моей жены, безпрестанно страждущей разными болѣзненными припадками. Среди безпомощности нашей нашелся человѣкъ, который, едва бывши знакомъ, принялъ въ насъ участіе. Не справляясь о нашемъ состояніи, онъ самъ вызвался уступить намъ за полцѣны купленный имъ въ Иркутскѣ домъ и, не получивъ еще отъ насъ ничего, заплатилъ за насъ подрядчику, который взялся перевезть его сюда и поставить. За все это мы остаемся ему должны три тысячи рублей.—Домъ безъ малаго въ семь саженей длиною, съ особою на дворѣ кух-

ней, поставленъ уже вчернѣ. Кромѣ внутренней отдѣлки, конечно, остается еще многое пристроить, но мы имѣемъ уже главное—собственный покойный пріютъ, гдѣ, вѣроятно, суждено намъ кончить свой вѣкъ. Теперь лежитъ на насъ священный долгъ—расплатиться съ добрымъ человѣкомъ, который изъ одного только удовольствія сдѣлать доброе дѣло одолжилъ насъ на всю жизнь. Надобно во всей подробности знать затрудненія, изъ какихъ онъ насъ выручилъ, чтобы представить себѣ и нашу благодарность и съ тѣмъ вмѣстѣ наше прискорбіе видѣть себя въ невозможности удѣлить изъ дохода нашего что-либо на уплату этого долга.-- Рѣшимость писать къ тебѣ объ этомъ, любезный другъ, стоила мнѣ долговременной борьбы съ тяжкой необходимостью. Если бы достаточно было одной увѣренности въ твоей дружбѣ и участіи, я не затруднился бы къ тебѣ прибѣгнуть, но зная стѣсненное положеніе твоихъ собственныхъ дѣлъ, объясняю только тебѣ мою крайность. Помоги, любезный другъ, если можешь, въ видѣ ссуды. Намъ нужно три тысячи на уплату означеннаго долга и двѣ тысячи на постройку необходимыхъ принадлежностей дома, котораго я не въ состояніи теперь даже обнести заборомъ. Съ нашей же стороны мы употребимъ всѣ усилія, чтобы мало по малу возвратить тебѣ эту сумму. Оказавъ намъ это пособіе, ты успокоишь насъ на весь остатокъ нашихъ дней. Не могу выразить, чего мнѣ стоило рѣшиться просить тебя объ этомъ, зная, что ты и самъ въ затрудненіи. Но ты знаешь, что кромѣ тебя у меня нѣтъ никого. Если же ни самъ ты, ни съ постороннимъ содѣйствіемъ, не можешь пособить намъ,—откажи безъ дальнихъ объясненій. А если можешь, то поспѣши выручить меня, и во всякомъ случаѣ не замедли отвѣтомъ на имя Его Превосходительства Андрея Васильевича Пятницкаго въ Иркутскѣ безъ означенія на конвертѣ передачи мнѣ. Подъ этимъ адресомъ дойдутъ ко мнѣ исправно и деньги, если ты найдешь возможность помочь намъ.... Твой другъ А. Юшневскій.

Малая Разводная. 7 Сентября 1841.

На оборотѣ письма слѣдующая собственноручная приписка Губернатора Пятницкаго: „Долгомъ поставляю удостовѣрить Милостиваго Государя Семена Петровича, что положеніе Алексѣя Петровича таково, что одно просимое имъ пособіе можетъ поправить его, и это то самое обязало меня отступить отъ принятаго порядка на щетъ (sic) отправленія сего письма. Имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугой Андрей Пятницкій".

XCI.

Малая Разводная. 3-го Ноября 1841.

Я замедлилъ отвѣтомъ, любезный братъ и другъ Семенъ Петровичъ, на письмо твое отъ 25-го Іюля, какъ по причинѣ строительныхъ хлопотъ и недосуговъ, такъ и потому, что желалъ писать тебѣ изъ своего уже дома, если можно назвать своею вещь, за которую не уплатилъ еще ни копѣйки. Какъ-бы то ни было, на дняхъ мы перешли въ домъ, не имѣющій не только никакихъ принадлежностей, но даже забора. Всѣмъ, чего къ дому недостаетъ, мы пользуемся у добраго нашего товарища, Г. Муравьева, котораго дворъ съ нашимъ смѣженъ. Средствъ не хватило, и мы должны были остановиться тамъ, гдѣ застало насъ ихъ истощеніе. Благодаря добрымъ людямъ, у насъ теперь помѣщеніе, какого при недостаткѣ нашемъ, мы имѣть не воображали. Когда будетъ возможность достроить недостающее, пришлю тебѣ чертежъ дома. До тѣхъ (поръ), конечно, принуждены будемъ терпѣть множество разорительныхъ неудобствъ. Вспомни, кѣмъ населенъ здѣшній край, и тогда представь себѣ, что значитъ жить среди улицы. Ты знаешь сестру; помнишь, какъ она боялась тѣни на стѣнѣ. Здѣсь-же есть причина бояться не призраковъ, а оборонительнаго оружія намъ имѣть не позволяется.—Благодарю тебя, мой другъ, за обѣщаніе исполнить все касательно снятія запрещенія съ 50 тыс. Получивши отъ тебя адресъ брата, я тотчасъ написалъ къ нему и

между прочимъ просилъ прислать мнѣ другой, не столь многосложный. Тутъ-же просилъ его и о запрещеніи. Съ безпокойствомъ буду ожидать отвѣта на письмо отъ 7 Сентября. Въ такомъ отдаленіи, не зная подробностей нашего быта, ты никакъ не можешь представить себѣ нашихъ нуждъ и нашихъ затрудненій. Такъ какъ до этой поры мы скитались по квартирамъ съ готовою мебелью, то теперь перешли въ пустой домъ, гдѣ, разумѣется, не на чемъ ни сѣсть, ни лечь: все должны заводить вновь.—Отъ нынѣ будемъ писать къ тебѣ чаще, а теперь передаю перо женѣ. Прошу тебя передать мой родственный привѣтъ сестрѣ Идаліи. Мы никогда не видимъ ни строчки ея руки. Мысленно обнимаю и благословляю моихъ племянниковъ. Прости, мой добрый другъ. Твой другъ А. Юшневскій.—

Я обѣщала писать тебѣ вскорѣ послѣ отправленія письма брата твоего, и не удалось мнѣ, добрый мой Семенъ Петровичъ. Хлопоты переборки въ домѣ для меня, старушки, утомительны были. Теперь мы въ собственномъ нашемъ уголкѣ. Дай Богъ пожить въ добромъ здоровьѣ, не для того (sic), чтобы хотѣлось жить, а изъ любопытства: не будетъ-ли намъ когда-нибудь лучше. Надо тебѣ чистосердечно сознаться, любезный братъ, что я никогда не бывала такъ чутка и внимательна къ каждому шороху, какой чудится моимъ ушамъ. Двора у насъ нѣтъ, а прохожихъ много. Можетъ, они и не думаютъ о насъ, а я о нихъ безпрестанно. Третьяго дня какой-то подошелъ къ дому; собаки бросились на него. У меня есть Молдованъ, дворникъ, въ услуженіи. Вышелъ ночью и присталъ къ любопытному посѣтителю, но онъ разсудилъ уйти отъ него. Оказалось, что посѣтитель желалъ только подѣлиться съ нами дровами. Это-бы еще не бѣда: охотно-бы я ему готова была удѣлить отъ доброй воли дровъ, только-бы не пугалъ меня. Ты знаешь мою храбрость. Пожалуйста, любезный братъ Семенъ, сдѣлай дружбу, собери на . . . . . [1]) три или четыре. Положи туды ко-

[1]) Слово не разобрано.

чень *папушои* [1]) и хоть на одну мамалыгуцу пришли моему молдовану; онъ такъ будетъ счастливъ. Я ему обѣщала все это отъ тебя выписать, и онъ до слезъ разнѣжился. Я ему на фортепьянахъ заиграла *жокъ молдованескъ* [2]). Онъ закричалъ, заплакалъ и не велѣлъ играть. Кричитъ: не хочу: мнѣ крѣпко жаль, *кныма доретыре* [3]). Бѣдный человѣкъ! Что-же чувствуютъ образованные люди?! Бѣдные-мы: какъ тяжело жить въ такомъ волненіи безпрерывномъ! Пожалуйста, мой другъ, найди случай передать твой ящичекъ въ Москву съ выше просимымъ для моего Степана. Оттуда безпрестанно родные съ обозомъ высылаютъ разныя вещи и провизію: передадутъ и твою посылку. Пусть только отдадутъ Муравьевой Катеринѣ Федоровнѣ или Александру Раевскому для передачи мнѣ.—Прощай, другъ мой Семенъ! Обними за меня Идалію и дѣтей. Дай Богъ вамъ всѣмъ счастье. Ваша М. Ю.

XCII.

Малая Разводная. 29 Декабря 1841.

Спѣшу отвѣчать, любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ, на два твои письма отъ 16 Октября и отъ 9 Ноября, которыя оба получилъ 20 текущаго мѣсяца. Я былъ тронутъ изъявленіемъ дѣятельной твоей заботливости о вспоможеніи намъ. Но къ чувству моей благодарности примѣшивается мысль, что въ то самое время, какъ ты хлопочешь объ улучшеніи твоихъ, являюсь я, чтобы усугубить твои затрудненія. Успокаиваю себя только надеждою на твою увѣренность въ томъ, что, безъ самой неумолимой крайности, я бы себѣ этого не позволилъ. Безъ малаго 12 лѣтъ терпѣли мы здѣсь съ женою жесточайшія лишенія и недостатокъ. Но все это, благодаря участію добрыхъ товарищей, могли мы кое-какъ пережить. Съ поступленіемъ на поселеніе оста-

[1]) Кукуруза.

[2]) Особенный, національный, молдованскій танецъ.

[3]) Какія то молдованскія слова.

лись мы при однихъ собственныхъ способахъ. Остальное извѣстно тебѣ изъ предыдущаго. Теперь мнѣ осталось только благодарить тебя, любезный другъ, за новый опытъ твоей дружбы и за ту искреннюю готовность, съ какою взялся ты пособить намъ. Съ терпѣніемъ буду ожидать послѣдствія твоихъ стараній.—Передавая перо женѣ, прошу тебя сказать мой родственный привѣтъ сестрѣ и обнять за меня моихъ племянниковъ. Прости! Твой другъ А. Юшневскій.

Прими и мою благодарность, любезный другъ Семенъ Петровичъ, за обѣщаніе выручить твоего брата изъ затрудненія. Безъ дому намъ невозможно было жить здѣсь, гдѣ нѣтъ даже лачужки порядочной. Теперь я еще болѣе спокойна, зная, что твой братъ не будетъ грустить и задумываться. Онъ даже похудѣлъ это время. Праздники мы встрѣтили вдвоемъ съ моимъ мужемъ, ни мало не скучая. Сосѣдъ нашъ, Артамонъ Захаровичъ, встрѣтитъ съ нами новый годъ. Также и два брата Борисовыхъ, которые въ нашей-же деревнѣ поселены. Не знаю, изъ чего ты, мой другъ, взялъ, что мы должны Артамону Захаровичу. Домъ купили мы въ городѣ и перенесли сюда. Хозяину надо было очистить мѣсто для постройки другого дома. Я воспользовалась предложеніемъ купить старый, и такимъ образомъ, устроили наше жилище и задолжали добрымъ людямъ. Странно видѣть домъ среди пустаго мѣста безъ ограды: субстанціи не было сдѣлать заборъ. Въ нашей сторонѣ это очень невыгодно: посѣщаютъ бѣглые, и самые жители дѣлятся съ нами дровами. Впрочемъ, здѣсь и запоры мало помогаютъ. Ты можешь себѣ представить, каково мнѣ трусихѣ жить здѣсь. До сихъ поръ Богъ миловалъ: не можемъ жаловаться, какъ другіе жалуются.... Другъ вашъ и сестра М. Юшневская.

XCIII.

Малая Разводная. 2 Марта 1842.

Больше мѣсяца, какъ я собираюсь писать тебѣ, любезный другъ Семенъ Петровичъ, но какъ-то не удавалось, и

все оттого, что голова полна однѣхъ заботъ и тоща мыслями. Къ тому-же вокругъ насъ такое однообразніе, всѣ дни такъ ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другого, что мы забыли-бы измѣреніе времени, если бы переписка не заставляла справляться съ календаремъ. Если вѣчность что-нибудь въ этомъ родѣ, то надобно быть существомъ безплотнымъ, чтобы не соскучиться. Прежде, когда мы были всѣ вмѣстѣ, было что почитать: книжный запасъ былъ общимъ достояніемъ, а теперь рѣдко что-либо попадается. Нѣтъ даже Библіотеки для Чтенія, ни Наблюдателя, а для меня, особенно въ нынѣшнемъ положеніи, жить значитъ читать,—лишь-бы только не произведенія фантазіи, а что-нибудь дѣльное. Однакожь въ послѣднее время, за неимѣніемъ инаго чтенія, я прочиталъ на немѣцкомъ нѣсколько романовъ Шпиндлера и Тромлица: оно годится, чтобы не забыть языка. Предъ выѣздомъ на поселеніе нужда заставила меня продать фортепіанъ; но одинъ изъ добрыхъ товарищей снабдилъ мень здѣсь своимъ. Только отъ неимѣнія-ли новыхъ нотъ, или отъ неспокойствія мыслей, или, наконецъ, отъ возраста, я сталъ какъ будто раснодушенъ къ музыкѣ, которая преждѣ составляла лучшее изъ моихъ наслажденій. Однакожъ, чтобы не выдти изъ удара, я играю однѣ гаммы и пальцеломные этюды, этюды Гензельта. Рѣдко заглядываю въ Баховы фуги, потому что, какъ курить простой, крѣпкій, табакъ, такъ ихъ играть можно только наединѣ. У жены дѣлается отъ нихъ спазматическая зѣвота.

.... Ничего нѣтъ скучнѣе нашей жизни. Жду лѣта съ нетерпѣніемъ: займусь огородомъ, а мужъ мой постройкой службъ, необходимыхъ при домѣ, была бы только малѣйшая возможность. Знаешь-ли, мой другъ, что и на меня напала охота играть на фортепьянахъ . . . . . .

. . . . . .

На дняхъ, можетъ быть, сдѣлаютъ портретъ твоего брата для тебя. Онъ устарѣлъ (sic) очень. Ты бы удивился, какъ его измѣнили эти 16 лѣтъ. О себѣ и говорить не хочу: совсѣмъ другое лицо сдѣлалось; даже выраженіе лица со-

всѣмъ измѣнилось, послѣ тяжкой болѣзни, которую перенесла я въ Петровскомъ заводѣ; не смотря на то, что этому пошелъ четвертый годъ, я не могу прійти въ себя. Да, пора собираться въ вѣчность! Только бѣда, что мой добрый мужъ очень меня жалѣетъ и боится меня потерять. Маленькіе мои недуги его крѣпко пугаютъ.... Прощай, мой другъ Семенъ. М. Юшневская.

XCIV.

Послѣ письма твоего, любезный братъ Семенъ Петровичъ, отъ 23 Января, полученнаго 8-го Марта, мы не имѣемъ твоихъ писемъ. Мы также давно къ тебѣ не писали въ ожиданіи отъ тебя извѣстія изъ Кіева. Черезъ нѣсколько времени послѣ того Андрей Казиміровичъ писалъ намъ, что ты и уѣхалъ. Но изъ молчанія твоего заключаемъ, что дѣла твои пошли не такъ успѣшно, какъ предполагалъ, à moins que vous ne nous ayez déjà écrit et envoyé l'argent et qu'il ne nous soit pas encore parvenue. Между тѣмъ въ надеждѣ на обѣщанную тобой ссуду мы принялись достраивать домъ, но наконецъ, не имѣя никакого средства продолжать, принуждены будемъ остановиться и отказаться отъ условій съ рабочими заключенныхъ. Къ этому горю присоединилось другое, важнѣйшее—болѣзнь жены, которая, однакожъ, благодаря близости города и искусству достойнаго врача, прекращена въ короткое время, и она, спасенная отъ горячки, уже оправилась. Словомъ, когда прохожу въ мысляхъ всѣ проведенные здѣсь 15 лѣтъ, то не нахожу такого денька, который не былъ-бы омраченъ какимъ-нибудь горемъ или тяжкою заботой. Одно, что еще даетъ силы все переносить, это мое здоровье, которое рѣдко мнѣ измѣняетъ, за исключеніемъ припадковъ, которые проходятъ, такъ сказать, хотя и безъ врачебныхъ пособій. Таковы припадки гемороидальные и нервическіе, бывающіе чаще зимою. Послѣдніе приписываю климату, избытку электричества, котораго напряженность здѣсь чрезвычайна. Во время здѣшнихъ морозовъ, доходя-

щихъ до 38° Реомюра, при необыкновенной сухости воздуха, мы бываемъ изолированы. По крайней мѣрѣ, я такъ себѣ это объясняю. Земля, превращенная въ толстый слой непроницаемаго льда, перестаетъ быть проводникомъ. Когда мы еще были въ Петровскомъ заводѣ, случился вотъ какой опытъ: взявшись за кондукторъ машины и *не изолируясь* [1]), человѣкъ издавалъ искры и пальцами зажигалъ спиртъ. Случалось, что ртуть впродолженіи двухъ недѣль бывала въ ковкомъ состояніи. При всемъ томъ это еще чуть не Италія сравнительно съ другими мѣстами, лежащими болѣе къ сѣверу-востоку Сибири. Въ особенности здѣсь ощутительна независимость климата отъ широты мѣста. Мы находимся здѣсь тремя градусами южнѣе Москвы и съ небольшимъ только полуторомъ сѣвернѣе Кіева.—Но я долженъ обратиться къ главному предмету. И такъ скажи намъ, любезный другъ, на чемъ остановились твои дѣйствія касательно займа, и съ тѣмъ вмѣстѣ исполнится-ли наше ожиданіе. О послѣднемъ мнѣ не легко тебя спрашивать, ибо знаю затруднительное положеніе собственныхъ твоихъ дѣлъ, но твоя дружба мнѣ это позволила, а крайность меня къ тому побуждаетъ. Я писалъ уже тебѣ, что пріобрѣтеніемъ жилища и всѣмъ, что по нынѣ въ немъ устроено, обязаны пособію добрыхъ людей.... Твой другъ А. Юшневскій.

Давно не писала я тебѣ, любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ. . . . . .

. . . . . .

Поговори мнѣ, пожалуйста, о сосѣдяхъ Каменки [2]). Здоровы-ли старички? Съ какимъ чувствомъ мы ихъ вспоминаемъ! Не женился-ли князь Ал.? Гдѣ теперь младшіе, George и Nicalas? Никогда ихъ не забуду. Я ихъ всѣхъ любила искренно. Когда будешь въ Каменкѣ, напомни княгинѣ меня. Я увѣрена, что память ея обо мнѣ не совсѣмъ изгладилась....

---

[1]) Подчеркнуто въ оригиналѣ.

[2]) Князь и княгиня Витгенштейнъ.

У насъ лѣто чудесное. Я съ 12 числа начну сѣно косить: у насъ есть 13 десятинъ покоса. Косарей наняла 8 человѣкъ; въ недѣлю каждому по 13 руб. ассигнаціями. Копенъ будетъ мѣрныхъ 80, надѣюсь. Сочти, какъ все здѣсь дорого. Есть у меня огородъ, въ которомъ *яблочекъ* [1]) будетъ достаточно. Такъ здѣсь называютъ картофель. Будетъ морковки и укропу довольно, а петрушка и проч. не удались. Немного цвѣтной капусты, а портулаку множество. Огурцовъ еще нѣтъ, и будетъ жаль, что достатки не позволяютъ сдѣлать хоть маленькій парничекъ. Лѣтомъ я только и дышу воздухомъ, хлопочу цѣлый день и за себя, и за другихъ. Наши сосѣди по хозяйственной части меня уполномочили, и я рада, что чѣмъ-нибудь могу быть имъ полезной. Съ одной стороны нашего дома живетъ Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ, а съ другой стороны дома собираются строиться два брата Борисовы. Одинъ изъ нихъ больной человѣкъ, а другой тоже очень глухъ и слабъ здоровьемъ. Артамонъ Захаровичъ цѣлые три мѣсяца тоже лежалъ,—сломалъ лѣвую руку, потомъ ревматизмъ присоединился,—и очень страдалъ бѣдный. Я сама едва двигаюсь, но за больными ухаживаю. Жизнь моя очень дѣятельная, но какъ-то проку мало. Хлопоты не вознаграждаются. Но я благодарю Бога, что мое существованіе на что-нибудь еще годится. Добрый мой Алексѣй Петровичъ много трудится, и безъ его помощи было бы еще тяжелѣе наше положеніе.... Я, было, принялась за фортепьянъ. Играла многое. Бертини каприсы есть чудесные и по моимъ силамъ. Но только не хочется иногда цѣлый мѣсяцъ подступиться къ фортепьянамъ. У насъ есть небольшой, Талонова, московскаго мастера. Данъ онъ намъ однимъ товарищемъ мужа моего. Тонъ пріятный, но слабенькій инструментъ. . . . . Прощай, другъ мой Семенъ. Сестра твоя и другъ Марія Юшневская.

6-го Іюля 1842. Малая Разводная.

[1]) Подчеркнуто въ оригиналѣ.

XCV.

Малая Разводная. 17 Августа 1842.

Двѣ недѣли тому назадъ, какъ я получилъ письмо твое отъ 21 Іюня, любезный другъ Семенъ Петровичъ. Изъ предыдущаго моего письма отъ 6 Іюля ты уже видѣлъ, какъ справедливы были мои догадки насчетъ неуспѣшности твоихъ дѣлъ. Пособить не чѣмъ, кромѣ терпѣнія. Не скрою, что это поставило насъ въ жестокое затрудненіе. Я такъ убѣжденъ въ искренности твоего желанія помочь намъ, что мнѣ совѣстно было читать твои извиненія и въ особенности подробный отчетъ въ употребленныхъ деньгахъ. Если-бы ты говорилъ мнѣ это лично, то я не позволилъ-бы себѣ слушать. Одно только, на что я имѣю право, это—принимать искреннее участіе въ твоихъ затрудненіяхъ и непріятностяхъ. И такъ, напрасно ты думаешь, что мое мнѣніе о г-нѣ Попов(скомъ) можетъ имѣть малѣйшее вліяніе на братскую дружбу и любовь. Старый юридическій афоризмъ гласитъ: „habeatur justus, donec probetur injustus“. Слѣдовательно, съ перемѣною свойствъ субъекта, позволительно перемѣнить и наше объ немъ заключеніе. Притомъ-же тебѣ извѣстно, что я не имѣю никакого понятія ни о существѣ дѣла, ни о томъ, что произошло между вами.—Что касается до трансфертной записки, то я не имѣю возможности воспользоваться этимъ способомъ, а долженъ ожидать успѣха собственныхъ твоихъ стараній. Не стану повторять тебѣ, какъ мнѣ больно усугублять твои затрудненія; не могу и выразить, какъ это меня мучитъ. Прости, мой добрый другъ!... Твой другъ А. Юшневскій.

Добрый мой другъ, Семенъ Петровичъ.... Наши желанія весьма умѣренны: самый неприхотливый кусокъ хлѣба, да независимый теплый свой уголокъ, маленькая прислуга,—и доживали бы мы свои дни спокойно. Главное, прежде всего—расплатиться съ тѣми, которые насъ одолжили. Здоровье наше порядочно. Не знаю, какъ проведу зиму, а теперь могу ходить много, довольно хорошо себя чувствую. Если поз-

волитъ Богъ прожить, провела бы лучше прошедшей. Хозяйство мое не увеличивается безъ средствъ. Сѣна накосили возовъ до 30, можетъ, больше. Тихоступъ нашъ, старичекъ, будетъ сытъ. Огородные овощи хоть и плохи, но есть всего по немногу. Не смотря на дождливое лѣто, ягодъ было мало; грибовъ совсѣмъ нѣтъ почти, но, сказываютъ, кедровыхъ орѣховъ бездна: масло будетъ дешево. Урожай чудесный на хлѣбъ. Если удастся снять хорошо, все будетъ дешевле. До сихъ поръ еще незамѣтно этого, но когда начнуть возить новый хлѣбъ, цѣны уменьшатся. Поговори намъ больше подробностей о твоемъ семействѣ.... Не забывай старушку, твою сестру и друга, Марью Юшневскую....

XCVI.

Малая Разводная. 19 Октября 1842.

....Это письмо, вѣроятно, застанетъ уже оконченными твои дѣйствія касательно займа. Съ тѣмъ вмѣстѣ и я ожидаю обѣщанной благостыни. Мы живемъ въ такой крайности, что не постигаю, какъ дальше существовать будемъ. Постройку необходимыхъ принадлежностей дома невозможно было остановить, надобно было кончить во что-бы то ни стало; а это надобно было дѣлать посредствомъ займа, то она стоитъ намъ необыкновенно дорого. За то теперь у насъ почти все есть необходимое для удобства жизни. Недостаетъ бездѣлицы—чѣмъ жить, и это безъ преувеличенія, а въ буквальномъ смыслѣ. По крайней мѣрѣ, я пользуюсь постояннымъ здоровьемъ, которое даетъ силы противустоять всему; но жена рѣдко бываетъ свободна отъ какихъ-либо припадковъ, которые тѣмъ труднѣе переносить, что надобно отказывать себѣ нерѣдко въ самомъ необходимомъ. Вотъ она сама тебѣ напишетъ.... Твой другъ А. Юшневскій.

Здравствуй, дорогой мой другъ, Семенъ Петровичъ.... Ты нынѣ, вѣрно, захлопотался дѣлами. Ахъ, любезный другъ, и наша жизнь проходитъ въ большихъ заботахъ, а помочь

невозможно себѣ, какъ-бы не старались. Стѣсненное положеніе мужа моего не допускаетъ трудами помогать себѣ, какъ бы хотѣлось. Братъ твой трудится, и еслибы не онъ помогалъ горю, плохо-бы было. . . . . .
У насъ начались уже холода, и я, бѣдная старушка, устраиваю себѣ уголокъ на всю зиму. Каково на семь мѣсяцевъ готовиться сидѣть! За то, если доживу до будущаго лѣта, опять молодцомъ буду на воздухѣ цѣлые четыре мѣсяца. Здоровье мое поправится. Я даже лѣтомъ моложе кажусь, веселѣе, хожу скоро и легко, съ удовольствіемъ даже хлопочу по моему маленькому хозяйству.... Сестра М. Юшневская.

XCVII.

Я замедлилъ благодарить тебя, любезный братъ и другъ Семенъ Петровичъ, за письмо твое отъ 5 Октября и за твою заботливость успокоить насъ. Причиною тому безпрестанная болѣзнь моей жены и неспокойствіе мыслей. . . . . .
Обѣщаніе твое отправить деньги въ концѣ Октября ободрило нѣсколько насъ среди нашего унынія, ибо должно признаться, что мы въ жестокомъ затрудненіи, и я не могу себѣ представить, что съ нами будетъ, если наше ожиданіе продолжится.—Благодарю тебя, мой добрый другъ, за все то, что ты сказалъ касательно брата, Андрея Казимировича. Зная, какъ я всѣхъ ихъ люблю, ты поймешь чувство моей благодарности. Всякій опытъ дружбы, который ты ему окажешь, будетъ утѣшать меня въ моей невозможности быть ему полезнымъ.—Съ душевнымъ прискорбіемъ узнали мы отъ тебя о новой потерѣ, постигшей почтенное семейство твоихъ сосѣдей [1]). Все, до нихъ касающееся, близко намъ, какъ-бы родное; чувства наши къ нимъ угаснутъ только съ нашею жизнью.—Я потѣснился, чтобы оставить больше мѣста для приписки жены, но не знаю, будетъ-ли она въ состояніи писать. Скоро три мѣсяца, какъ она безъ отдыха страдаетъ....

[1]) Витгенштейнъ.

Еслибы можно было дѣлиться здоровьемъ, то моего стало бы для обоихъ насъ, ибо оно никогда мнѣ не измѣняетъ, хотя скоро будетъ мнѣ 57, только такъ худъ, какимъ ты меня не видывалъ.... Вашъ другъ А. Юшневскій.

4 Января 1843.

Назадъ тому съ мѣсяцъ ртуть была замерзши. Теперь ожидаю того-же.

XCVIII.

На силу собрался я, любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ, отправить къ тебѣ обѣщанный портретъ.... Всѣ дни наполнены тѣмъ-же однообразіемъ, горечью и заботами. Хорошо, однакожь, то, что здоровье жены съ нѣкотораго времени стало удовлетворительнѣе. О моемъ не говорю. Я кончилъ 57 лѣтъ, и еще ни одного дня не лежалъ больной, что даже не совсѣмъ прилично людямъ хорошаго тона. За то ужь, вѣрно, когда-нибудь слягу, чтобы больше не вставать.... Ты обѣщалъ показать опыты свѣтописи. Вѣроятно, ты прочиталъ уже гдѣ-нибудь извѣстія о новыхъ опытахъ надъ дѣйствіемъ свѣта профессора Мёзеръ, дѣланныхъ въ присутствіи Гумбольдта и Энке. Подлинно, дойдутъ скоро до того, что откроютъ средство удерживать изображеніе предмета, видимаго въ зеркалѣ.... Твой другъ А. Юшневскій.

Малая Разводная. 5 Апрѣля 1843.

Ты и не воображай себѣ, мой добрый другъ Семенъ Петровичъ, чтобы твой братъ могъ быть когда-нибудь похожъ на этотъ портретъ! Я бы была въ отчаяніи. Если ты хочешь, черты лица его, но выраженіе, о Господи! Неужели есть люди съ такимъ выраженіемъ лица?! Твой братъ сохранилъ свѣжесть лица, какую всегда имѣлъ; даже днями бываетъ красенъ, когда не по себѣ ему, или немного приливъ къ головѣ. Ты помнишь, лице его выражаетъ кротость, благородство души его. Сѣдины у него въ-половину нѣтъ,

сколько здѣсь нарисовано. Одна худоба твоего брата изображена. Впрочемъ, если случалось показать мнѣ этотъ портретъ кому-нибудь,—узнаютъ, что намѣреніе было изобразить Алексѣя Петровича. Кстати разскажу тебѣ, какъ у насъ, бывало, стража солдатъ узнаютъ сходство портретовъ. Однажды Бестужевъ нарисовалъ очень похожій портретъ m-me Фонвизинъ. Сторожъ увидѣлъ и закричалъ во все горло: „ахъ ты проказникъ, Николай Александровичъ, даже живаго ты Якушкина представилъ!“ Другой разъ портретъ Швейковскаго нашли похожимъ на m-me Давыдову. Не думай, чтобы это одни простые такъ различали. Однажды порядочный человѣкъ подошелъ, когда дѣлали портретъ, удивлялся сходству и указалъ пальцемъ на носъ, у него не дорисованный. (Носъ) остался на пальцѣ. Такъ живописецъ съ отчаянія мазнулъ кистью по всему лицу, и пропала вся работа.... Ваша сестра М. Юшневская.

XCIX.

Малая Разводная. 5 Іюля. 1843.

Любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ, письма твоего долго ожидали, и какое ты намъ далъ дурное извѣстіе о почтенномъ князѣ Витгенштейнѣ! Трудно ему поправиться послѣ такой тяжкой болѣзни: съ 25 Декабря ему пошелъ, помнится, 79-й годъ. Да укрѣпитъ его Богъ! Ты ничего мнѣ не сказалъ о добрѣйшей почтенной княгинѣ. У насъ слухи пронеслись, будто она потеряла зрѣніе, но какъ ты не писалъ мнѣ никогда объ этомъ, то я не вѣрю. Какъ то она теперь бѣдная поживаетъ? Съ Марта 12-го и ей пошелъ 64 годъ. Дай имъ, Господи, все доброе, чтобы не испытывали тяжелыхъ огорченій. Трудно ихъ переносить, какъ человѣкъ ни твердъ въ вѣрѣ и (какъ ни) готовъ повиноваться волѣ Господней! . . . . . .
Какъ бы то ни было, и что бы то не терпѣлось, а есть теперь свой уголокъ и даже лучшій, чѣмъ мы предполагали

съ мужемъ. Да укрѣпитъ Богъ здоровье моего Алексѣя Петровича! Все будетъ хорошо. Трудно старичкамъ много такъ трудиться, а что-же дѣлать! Нужда научитъ покоряться необходимости: славный учитель!... Сестра и другъ твой М. Юшневская.

Извѣстіе о добродѣтельномъ князѣ очень насъ опечалило, хотя въ его лѣта, при всей воздержной его жизни, должно ожидать чего-нибудь подобнаго. Сомнительно даже, чтобы онъ выдержалъ предпринятый путь. Память о немъ должна вѣчная сохраниться въ нашемъ семействѣ. Никто до самаго конца не оказалъ намъ столько искренняго дѣятельнаго участія, могу сказать, дружбы, какъ оба они. Не замедли, прошу тебя, увѣдомить насъ о дальнѣйшемъ его положеніи.—Портретъ мой, отправленный къ тебѣ 5-го Апрѣля, вѣроятно, ты уже получилъ, и потому въ скоромъ времени ожидаю твоего письма. При этомъ вспомнилъ я объ опискѣ Библіотеки для Чтенія въ описаніи хризолита, о которой ты....[1]).—Въ № 3 Отечественныхъ Записокъ за Мартъ текущаго года сказано, что бумага намачивается лимоннокислымъ аміакальнымъ желѣзомъ, а послѣ просушки смачивается въ растворѣ полуторной соли синеродистожелѣзистаго потассія. Изображеніе, напечатанное отрицательно на бумагѣ, будучи намочено первою изъ означенныхъ жидкостей, дѣлается тотчасъ изъ слабаго яснымъ, когда его обмоютъ нейтральнымъ растворомъ золота.... Твой другъ А. Юшневскій.

С.

26 Сентября 1843. Малая Разводная.

Добрый другъ и братъ Семенъ Петровичъ.... У насъ на дняхъ спустили пароходъ,—большое событіе въ нашей Сибири. До сихъ поръ по Байкалу плавали грязныя суда, большею частью, съ омулями (наши сибирскія сельди и глав-

[1]) Слово пропущено въ оригиналѣ.

ный рыбный промыселъ). Перевозятъ и чаи и разный товаръ на особыхъ судахъ, но все это очень некрасивыя, плоскодонныя суда, безъ всякихъ выгодъ для пассажировъ, такъ что многіе предпочитали большую лодку и скорѣе переплывали Байкалъ. Когда пріѣхала я къ твоему брату, 6 сутокъ качало меня на Байкалѣ. Другой разъ переѣхала счастливо, когда всѣ мы пріѣхали сюда на поселеніе. Въ третій разъ проѣхали по льду море [1]) въ концѣ Марта, ѣдучи на горячія воды. Въ Августѣ опять въ четвертый разъ переплыла море счастливо въ однѣ сутки. Невозможно довольно налюбоваться горами, окружающими Байкалъ. Прелестныя мѣста есть. Гольцы въ виду. Покрыты снѣгомъ верхи этихъ горъ. Чудесный видъ, особливо, когда солнцемъ освѣтитъ всю эту группу горъ. Иныя имѣютъ совершенную форму сахарной головы. Нѣсколько недѣль тому назадъ ѣздила я по хозяйственнымъ дѣламъ за 80 верстъ отъ насъ къ Байкалу по другую сторону—называемая кругоморская дорога. Ты себѣ не можешь вообразить узкой скалистой дороги, исковерканной рытвинами. Крутизны горъ, лѣсъ—тайга непроходимая, необыкновенной высоты сосны, кедри, темнота, чаща такая, что три шага сдѣлать нельзя. Все покрыто мохомъ, очень красивымъ. Какъ подушки мѣховыя лежатъ по лѣсу. И разный цвѣтъ на этихъ подушкахъ, большею частью, розовый, голубой и желтый. По дорогѣ малины множество, огромные кусты. Въ этомъ году все замерзло: не было ни ягодки. За то видѣла я первый разъ въ жизни, какъ растетъ морошка, и ягоды кушала свѣжія. Не нашла много вкуса въ ней. Черная смородина несравненно лучше. Но что за удовольствіе было для меня видѣть рыбаковъ, ловко разбрасывающихъ свои сѣти по морю, управленіе лодками съ такимъ искусствомъ. Прелесть, сколько рыбы въ одинъ разъ вытаскиваютъ. Какая вкусная рыба,—чудо что такое. Нельзя имѣть понятія, какое объяденіе жаренные свѣжіе омули.

[1]) Такъ сибиряки называютъ Байкалъ, иногда съ прибавкой эпитета „святое“. Ред.

Только могутъ наслаждаться этимъ удовольствіемъ тѣ, которые живутъ на этихъ берегахъ. Я смотрѣла нѣсколько часовъ, какъ при лунномъ свѣтѣ ловили рыбу. Трудно описать тебѣ, другой мой, какой это былъ видъ чудесный. Въ Культукѣ, гдѣ я была, узкое мѣсто моря; съ обѣихъ сторонъ горы покрыты лѣсомъ, и посрединѣ моря полоса свѣтлая отражалась отъ луны. Чудесный видъ. Тутъ я вспомнила Софіевку, и такъ сдѣлалось грустно, тяжело на сердцѣ, что я поскорѣй усѣлась въ тарандасъ (sic) и ночью же уѣхала оттуда. Хорошо, что успѣла купить себѣ соленой рыбы и все, что мнѣ было нужно.—У меня теперь садятъ кусты смородины, по скату горы къ рѣкѣ. Ты уже знаешь, что домъ нашъ стоитъ на высотѣ, на берегу Ангары. Ограда нашего дома внизу. Отъ рѣки мѣсто осталось для дороги. Посрединѣ ограды сдѣланы небольшія ворота и выходъ на Ангару. Жаль, что не умѣю снимать видовъ. Я бы тебѣ послала рисунокъ, и ты бы любовался мѣстоположеніемъ. У насъ и зимою, и лѣтомъ, народъ мимо самого дома проходитъ. Зимой по льду почтовая дорога, а лѣтомъ суда, лодки, поминутно плоты; теперь на корабляхъ цѣлыя скирды сѣна плывутъ. Право-же, это очень мило! А на рисункѣ каждая вещь лучше еще кажется. Все, что тебѣ сказала въ моемъ письмѣ, написано съ мыслію, чтобы ты видѣлъ, что и у насъ есть свои прелести Сибирскія, есть мѣста хорошія, даже нравятся самые дикія мѣста, которыхъ не найдешъ нигдѣ. Вообрази: когда я ѣхала въ Культукъ, нарочно замѣчала, не попадется ли птица какая-нибудь. Такая тишина, что ничего живого не найдешь, ни даже жучка, ни червячка, ну ничего—однимъ словомъ—кромѣ множества мошки и большихъ комаровъ. Никто, даже проѣзжающій, не попадался. Сказывали жители Культука, что медвѣдей много бываетъ и то далѣе въ лѣсахъ. Жаль, что не по силамъ было на Хамаръ-Дабанъ взобраться—можно только верхомъ и то очень страшно. Есть узенькая дорога, и та засыпана каменьями.

Много-бы тебѣ еще могла говорить о нашихъ горахъ и дикихъ мѣстахъ, да всего не перескажешь и надоѣсть можно.... Твой другъ М. Юшневская.

Казанье Мелетія Смотрицкаго на честный погребъ о. Леонтія Карповича.

I.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей церковно-общественной жизни Юго-Западной Руси въ первой половинѣ XVII ст. является, безъ сомнѣнія, Мелетій Смотрицкій (род. около 1578 г., † 1633 г.). Богато одаренный отъ природы, получивъ блестящее для своего времени образованіе, онъ принялъ самое живое участіе въ той борьбѣ, которая возгорѣлась послѣ Брестскаго собора на территоріи его родины между православіемъ, съ одной стороны, католицизмомъ и уніей, съ другой.

Какъ извѣстно, Смотрицкій началъ свою дѣятельность въ рядахъ православной партіи и здѣсь впервые обнаружилъ свой блестящій полемическій талантъ. Его Θρῆνος былъ съ восторгомъ принятъ единомышленниками: нѣкоторые сравнивали это сочиненіе съ твореніями Златоуста и заявляли, что готовы пролить за него свою кровь. Когда въ 1620 году іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ поставилъ для православной церкви въ Польшѣ и Литвѣ новыхъ епископовъ и митрополита на мѣсто прежнихъ, перешедшихъ въ унію,

Смотрицкій, только два года передъ тѣмъ принявшій монашество, былъ возведенъ по просьбѣ пановъ и другихъ обитателей Вильны въ санъ архіепископа полоцкаго, епископа витебскаго и мстиславскаго. Однако талантливый апологетъ православной церкви оказался не стойкимъ борцомъ за свои идеалы. Подъ конецъ жизни, въ 1627 году, онъ по мотивамъ, все еще недостаточно выясненнымъ, перешелъ въ лагерь противниковъ и сталъ защищать унію съ тою же страстностью, съ какой прежде отстаивалъ интересы православія [1]).

---

[1]) Личность Мелетія Смотрицкаго неоднократно привлекала къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Не останавливаясь на множествѣ мелкихъ замѣтокъ, назовемъ наиболѣе важныя статьи, посвященныя его жизни и дѣятельности. Въ 1666 году въ Римѣ вышла біографія Смотрицкаго, написанная еп. *Іаковомъ Сушею* п. з.: Saulus et Paulus ruthenae unionis, sanguine b. Iosaphat transformatus, sive Meletius Smotriscius, archiepiscopus Hieropolitanus etc. (Новое изданіе Мартынова, Брюссель, 1864). Въ концѣ XVIII и въ XIX ст. о Смотрицкомъ писали: *Ign. Stebelski,* Dwa wielkie światła na horyzoncie połockim. 1781—1783. (Во второмъ изданіи, Lwów 1866—1867, см. т. I, стр. LXIV—LXV; т. II, стр. 123—125; т. III, стр. 137—138). — *J. Chr. von Engel,* Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Cosaken. „Fortsetzung der algemeinen Welthistorie". th. XLVIII, Halle, 1796, s. 121—125.—*Митроп. Евгеній*, Словарь Историческій. Спб. 1818, томъ II, стр. 409—418. (Въ изданіи 1827 г. статья подверглась значительнымъ измѣненіямъ. См. т. II, стр. 44—54).—*M. Wiszniewski,* Historya literatury polskiej, t. VIII, w Krakowie, 1851, str. 319—346.—*W. A. Maciejowski,* Piśmiennictwo polskie, t. III, Warszawa, 1852, str. 455—469.—*Филаретъ*, Обзоръ русской духовной литературы, 862—1720, стр. 180—183; см. „Ученыя записки второго отд. Имп. Академіи Наукъ", кн. III, 1856. (Въ третьемъ изданіи „Обзора", Спб. 1884, о М. Смотрицкомъ см. стр. 184—186).—*М. Кояловичъ*, Литовская церковная унія, т. II, Спб. 1861, стр. 139—164, 349—381.—*К. Еленевскій*, Мелетій Смотрицкій; см. „Православное Обозрѣніе", т. V (1861, №№ 6, 7, 8).—*П. Пекарскій*, Представители кіевской учености въ половинѣ XVII-го столѣтія; см. „Отечественныя Записки", т. CXL (1862, № 2), стр. 566—573.—*И. Мартыновъ* въ предисловіи къ переводу „Апологіи" Смотрицкаго; см. „Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ", вып. I, Leipzig-Paris, 1863, стр. XXII—XL.—*А. Демьяновичъ*, Іезуиты въ Западной Россіи (въ 1569—1772 годахъ); см „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія", ч. CLVIII (1871, № 12),

Литературная дѣятельность Смотрицкаго въ настоящее время не можетъ быть представлена въ полномъ объемѣ, такъ какъ нѣкоторыя, принадлежащія ему сочиненія своевременно не были напечатаны и исчезли, повидимому, безслѣдно. Изъ сохранившихся трудовъ его только немногіе носятъ подлинное имя автора, большинство же вышло въ свѣтъ подъ различными псевдонимами. Въ изданной за пять лѣтъ до смерти „Апологіи“ Смотрицкій, оглядываясь на пройденный ранѣе путь, перечисляетъ какъ оставшіяся не напечатанными, такъ и анонимныя свои произведенія. Такъ, указавъ на то, что унію онъ принялъ не сразу, а послѣ долгихъ изысканій и размышленій, Смотрицкій продолжаетъ: Świadomi są tego dobrze ci, ktorym wiadome były moie *lucubracie naprzeciw scriptu Unia otytułowanego, naprzeciw rozmowie Brześcianina z Bratczykiem, naprzeciw zmartwychwstałego Nalewayka, naprzeciw Politice, Ignorantiam y nabożeństwu nowo-Cerkwian Wileńskich* napisane y do publikowania przez druk iuż po wydaniu Lamentu pusczone bydź nagotowane; nie wspominam *Verificatiey, Obrony iey, Elenchu, Justificatiey* y

отд. II, стр. 206 — 214. — *Н. Скабалановичъ*, Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета. Спб. 1873, стр. 60—69 и слл.—*С. Голубевъ*, Памфлетъ на Мелетія Смотрицкаго; см. „Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1875, № 17, отд. II, стр. 556—567.—*J. Pelesz*, Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom, B. II, Wien, 1880, s. 388—407.—*Митрополъ. Макарій*, Исторія русской церкви, т. X, Спб. 1881, стр. 404—409, 445—447; т. XI, Спб. 1882, стр. 251—255, 265—311, 328—337, 339—370.—*Н. Засадкевичъ*, Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ, Одесса, 1883.—*В. Завитневичъ*, Палинодія Захаріи Копыстенскаго. Варшава, 1883, гл. VII.—*С. Голубевъ*, Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники, т. I, К. 1883, стр. 93—203, 230—240.—*С. Голубевъ*, Исторія Кіевской Духовной Академіи, вып. I, К. 1886, стр. 217—218.—*А. Кирпичниковъ*, Мелетій Смотрицкій; см. „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза-Ефрона, т. XIX, Спб. 1896, стр. 23—25.—*A. Brückner*, Spory o unię w dawnej literaturze; см. „Kwartalnik historyczny“, r. 1896, III, str. 603, 608—612, 615—626.—*К. Харламповичъ*, Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань, 1898, стр. 390—397.

tym podobnych, w ktorych iedney po drukiey (sic!) im daley, tym rzadszy byłem w następowaniu na dogmata prawdziwe, szerszy w rzeczach potocznych, pod te czasy nagle przypadłych. Niemal y teraz nayduie się w Bibliotece Monastera Bractwa Cerkiewnego Wileńskiego *Traktat o pochodzeniu Ducha ś.* sposobem syllogismow, od Graekow Rzymianom y wzaiem Graekom od Rzymian zadawać się zwykłych, polskim ięzykiem napisany y przodkowi memu na mieyscu tym Archimandritowi do czytania podany; za ktorym na ten czas mieysce to tak się było poruszyło, że aż na większy zaszkodny gomon, niż na zbawienny pożytek zaniosłey się sprawie milczeniem złożyć musiałem[1]). Przyszło było czasu swego y do tego, żem był y *Palinodią na Lament* napisał, ktorą do rąk Kapitule Ostrozskiey w tym Monasteru, w ktorym teraz residuię y to piszę, podana odemnie bywszy, zaległa. Bog moy podobno za uczynioną iemu przez Lament wielką obrazę, w tym doświadczeniu dłużey mię mieć chcąc, przyść mi ni do owego, ni do tego publicatiey nie dopuścił. Po wszytkim tym, w roku 1621. Lamentowe błędy y haeresye porzucić usądziwszy, wziałem przed siebie nie bez woli Bożey, ktorego w pracy tey osobliwey łaski nad godność y gotowość moię doznawałem, poważny sposob dochodzenia tey prawdy, ktorą my w przodkach naszych z Cerkwie ś. Wschodniey przyięli, to iest sposobem dialogu *Kathechism wiary dogmat* pisać, Pana Boga mego na pomoc wziąwszy, począłem; ktory we wszytkich wiary dogmatach swoim methodem sporządzony za tegoż dobrotliwego Boga pomocą w roku 1623 skończyłem [2]).

---

[1]) На поляхъ: Swiadkami tego są wiele z Bractwa Wileńskiego duchowni y swietcy.

[2]) Apologia, Lwów, 1628, str. 105—106 (въ переводѣ И. Мартынова, Leipzig—Paris, 1863—стр. 122—123). Ср. въ Paraenesis'ѣ (Kraków, 1629, str. 22): „Y ieślibym tego przez chwałę Uniey szukał, abym się nieco w narodzie moim bydź okazał, czyniłbym to praepostere y nadaremnie; ponieważ dosyciem się iemu iuż był przez *Lament, Weryfikacyą, Obronę iey, Elench, Justyfikacyą* y insze prace moie znaczne bydź nieco okazał; y przyczyny tey sławą, łaską y miłością narodu mego aż pod niebo, iako mówią, wyno-

Принимая во вниманіе эти показанія, находящія подтвержденіе въ нѣкоторыхъ современныхъ документахъ [1]), наша наука приписываетъ Смотрицкому слѣдующія сочиненія (утраченныя отмѣчены звѣздочкой):

*1. Статья, направленная противъ брошюры п. з. „Унія", изданной въ Вильнѣ въ 1595 г.

*2. Статья, направленная противъ сочиненія „Розмова Берестянина зъ братчикомъ".

*3. Сочиненіе, написанное противъ „Воскресшаго Наливайка".

4. Αντιγραφή, albo odpowiedź na script uszczypliwy, przeciwko ludziom starożytney religiey Graeckiey od apostatow cerkwie Wschodniey wydany, ktoremu titul: „Heresiae, Ignoranciae y Politika popow y mieszczan bractwa Wileńskiego", tak też y na książkę rychło potym ku obiaśnieniu tegoż scriptu wydaną, nazwiskiem „Harmonią". Издана въ Вильнѣ въ 1608 году отъ имени iednego brata bractwa cerkiewnego Wileńskiego religiey starożytney Graeckiey [2]).

5. Θρῆνος, to iest Lament iedyney św. Powszechney Apostolskiey Wschodniey Cerkwie, z obiaśnieniem dogmat wiary. Изданъ въ Вильнѣ въ 1610 году отъ имени Theophila Orthologa [3]).

---

szony byłem". Указаніе на *Traktat o pochodzeniu Ducha ś.* см. также въ Exaethesis'ѣ, Lwów, 1629, к. 15.

[1]) Ср., напримѣръ, письмо Александра Заславскаго къ Мелетію Смотрицкому отъ 19 февраля 1627 года. *Еленевскій*, op. cit., „Правосл. Обозр." V, 277—278.

[2]) Перепечатана въ „Памятникахъ полемической литературы въ Западной Руси", кн. III („Русская Историческая Библіотека", т. XIX), Спб., 1903, стлб. 1149—1300. По мнѣнію *К. Студинскаго* всѣ эти сочиненія, „Унія", „Розмова Берестянина зъ братчикомъ", „Воскресшій Наливайко", „Heresiae..." и „Гармонія", принадлежатъ перу Ипатія Потѣя. Памятки полемічного письменства кінця XVI і поч. XVII в., т. I (Памятки укр.-руської мови і літератури, т. V), У Львові, стор. I.—LI.

[3]) Указанія нѣкоторыхъ библіографовъ на славяно-русское изданіе Θρῆνος'а, повидимому, слѣдуетъ считать ошибками. Ср. *С.*

*6. Палинодій на Плачъ.

*7. Traktat o pochodzeniu św. Ducha [1]).

8. Грамматіки Славенския правилное Сунтагма потщаніемъ многогрѣшнаго мніха Мелетія Смотриского. Эвю, 1619. (На второмъ загл. л. означенъ 1618 годъ) [2]).

9. Казанье на честный погребъ о. Леонтія Карповича презъ Мелетія Смотриского. Вильна, 1620.

10. Verificatia niewinności, изданная отъ имени иноковъ св. Духовскаго монастыря въ Вильнѣ около 5 апрѣля 1621 года. Второе изданіе (съ измѣненіями и дополненіями) вышло въ Вильнѣ же около 16 іюня 1621 года [3]).

11. Obrona Verificatiey. Wilno, 1621. Издана отъ имени св.—духовскихъ иноковъ, направлена противъ сочиненія Sowita Wina. W. 1621 [4]).

12. Elenchus pism uszczypliwych. При немъ—Appendix na Examen Obrony Verificatiey. Wilno, 1622.

13. Justificatia Niewinności, изданная отъ имени митр. Іова Борецкаго и всѣхъ русскихъ епископовъ около 6 декабря 1622 года [5]).

Голубевъ, Библіографическія замѣчанія о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ. К. 1876, стр. 3—9.

[1]) Въ сочиненіи Sowita Wina (Wilno, 1621, str. 70—71) говорится, что трактатъ этотъ былъ переданъ авторомъ въ распоряженіе уніатскаго духовенства и въ извлеченіяхъ вошелъ въ составъ изданной въ 1617 г. книги „Obrona iedności". Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. VII, К. 1887, стр. 493. См. также Exaethesis, Lwów, 1629, к. 15.

[2]) Послѣдующія изданія: Вильна 1629 (?), М. 1648, М. 1721, Рымникъ (въ Валахіи) 1755. По свидѣтельству Суши (Saulus et Paulus, R. 1666, p. 18—19), кромѣ грамматики, Смотрицкій составилъ въ это же время и лексиконъ. *М. Кояловичъ*, op. cit., II, 353. Лексиконъ до нашего времени не дошелъ.

[3]) Текстъ перваго изданія перепечатанъ *С. Голубевымъ* въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, ч. I, т. VII, К. 1887, стр. 279—344.

[4]) Перепечатана *С. Голубевымъ* въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, I, VII, 345—442.

[5]) Перепечатана *С. Голубевымъ* въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, I, VII, 511—532.

*14. Катехизисъ (оконченъ въ 1623 году).

15. Apologia peregrinatiey do kraiów wschodnich, przez mię Meletiusza Smotrzyskiego, medycyny doktora, archiepiskopa połockiego... roku pańskiego 1623 y 24 obchodzoney, przez fałszywą Bracią słownie y na piśmie spotwarzoney, do przezacnego narodu Ruskiego oboiego stanu, duchownego y swieckiego, sporządzona y podana a. 1628 augusti die 25 w Monasterze Dermańskim. Lwów, 1628. Къ сочиненію приложены Consideratiae, abo uważania sześciu roznic miedzy cerkwią wschodnią y zachodnią strony wiary zaszłych [1]).

16. Protestatia przeciwo soborowi, w tym roku 1628. we dni augusta miesiąca w Kiiowie Monasteru Pieczerskim obchodzonemu, uczyniona przez ukrzywdzonego na nim Meletiusa Smotrziskiego.... do przezacnego narodu Ruskiego. Lwów, 1628 [2]).

17. Paraenesis, abo napomnienie od Meletiusza Smotrzyskiego... do przezacnego Bractwa Wileńskiego Cerkwie ś. Ducha, a w osobie iego do wszystkiego tey strony narodu Ruskiego uczynione. Kraków, 1629. Въ приложеніи (str. 63—96)—Kopia listu, pisanego do I. M. Oyca Cyrylla, patryarchy Konstantynopolskiego (z lacińskiego na ięzyk polski przełoż.) [3]).

18. Exaethesis abo Expostulatia, to iest rosprawa miedzy Apologią y Antidotem o ostanek błędow, haereziy y kłamstw Zyzaniowych, Philaletowych, Orthologowych y Klerykowych,

---

[1]) Въ переводѣ на современный русскій языкъ Apologia издана *И. Мартыновымъ*. „Кирилло-Меѳод. Сборникъ", вып. I, Leipzig-Paris, 1863. „Consideratiae" помѣщены во II выпускѣ Сборника.

[2]) Перепечатана *С. Голубевымъ*, Петръ Могила, т. I, К. 1883, Приложенія, стр. 323—348. Переводъ на современный русскій языкъ помѣщенъ во II выпускѣ „Кирилло-Меѳодіевскаго Сборника".

[3]) Kopia listu do o. Cyrylla въ переводѣ на соврем. русскій яз. издана во II выпускѣ „Кирилло-Меѳод. Сборника".

uczyniona przez Meletiusza Smotrzyskiego.... do oboiey strony narodu Ruskiego. Lwów, 1629 [1]).

Приведенный списокъ различные изслѣдователи пополняютъ еще нѣсколькими сочиненіями. Такъ, еще въ 1843 г. В. Копитаръ находилъ возможнымъ отождествить писателя конца XVI в., скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ Клирика Острожскаго, съ Мелетіемъ Смотрицкимъ. Въ послѣднее время на этомъ вопросѣ остановился К. Студинскій и, произведя рядъ стилистическихъ сопоставленій трудовъ Клирика съ подлинными сочиненіями Смотрицкаго, пришелъ къ выводу, что мысль Копитара вполнѣ правдоподобна и что, повидимому, Клирикъ Острожскій и Мелетій Смотрицкій одно и то-же лицо. Такимъ образомъ г. Студинскій находитъ возможнымъ включить въ списокъ сочиненій Смотрицкаго слѣдующіе труды Клирика Острожскаго:

1. Отписъ на листъ в Бозѣ велебного о. Ипатіа, володимерского і берестеиского епископа, до яснеосвецоного княжати Костентина Острозского, воеводы киевского..., изданный въ 1598 году, вѣроятно, въ Острогѣ.

2. Исторію о листрикійскомъ, т. е. о разбойническомъ, ферарскомъ або флоренском синодѣ..., изданную при вышеназванномъ Отписѣ.

3. Отвѣтъ „На другій листъ велебного о. Ипатіа“, писанный въ Острогѣ въ 1599 году и своевременно, повидимому, не напечатанный [2]).

---

[1]) Есть извѣстіе, что труды, направленные противъ православія, начиная съ Апологіи, Смотрицкій перевелъ на латинскій языкъ и переслалъ въ Римъ папѣ Урбану VIII, который помѣстилъ ихъ въ своей избранной апостолической библіотекѣ въ замкѣ св. Ангела. *Макарій*, Исторія русской церкви, т. XI, Спб. 1882, стр. 364.

[2]) *К. Студинскій*, op. cit., т. I, стр. XXIII—LII. „Отписъ“ 1598 г. и „Исторія о флоренском синодѣ“ перепечатаны въ Памятникахъ полемической литературы въ Западной Руси, кн. III (Русская Историческая Библіотека, т. XIX), Спб. 1903, столб. 377—476. Переводъ на современный русскій языкъ см. въ изданіи: „Апокрисисъ Христофора Филалета“ К. 1870 (также К. 1869),

Далѣе, о. Петрушевичъ и вслѣдъ за нимъ митроп. Макарій приписываютъ Смотрицкому брошюру п. з. Supplicatia do przeoswieconego i jaśnie wielmożnego senatu, изданную въ 1623 году отъ имени православнаго польско-литовскаго дворянства [1]). Наконецъ, по свидѣтельству Еленевскаго, основанному, вѣроятно, на показаніяхъ Суши, Смотрицкій занимался сличеніемъ славянскихъ и греческихъ текстовъ Псалтири и Новаго Завѣта и издалъ на славянскомъ языкѣ Типикъ съ послѣдованіемъ различныхъ службъ и Бревіарій [2]).

Оставляя въ сторонѣ сочиненія, до насъ не дошедшія и извѣстныя только по имени, а также тѣ, принадлежность которыхъ Смотрицкому еще не вполнѣ установлена, мы можемъ замѣтить, что литературнымъ языкомъ Смотрицкаго былъ по преимуществу языкъ польскій. Хотя Юго-Западная Русь того времени высоко цѣнила церковно-славянскій языкъ, считая его „плодоноснѣйшимъ отъ всѣхъ и Богу любимѣйшимъ", хотя, съ другой стороны, уже съ XVI в. здѣсь началъ формироваться и свой собственный литературный, т.

стр. 325—400. Отвѣтъ „на другій листъ о. Ипатія" изданъ г. Студинскимъ (op. cit. т. I, стр. 201—229) по рукописи библіотеки Оссолинскихъ съ разночтеніями по рукописи библіотеки Крехлвскаго монастыря.—Въ Имп. Публичной Библіотекѣ хранится латино-польская рукопись (Разнояз. Q. I. 47), надписанная именемъ Мелетія Смотрицкаго и содержащая различныя доказательства того, что римскій папа является антихристомъ. Рукопись издана въ названномъ трудѣ Студинскаго (стр. 250—302). Составленіе ея издатель относитъ къ 1609 году (ib., стр. LV—LVI).

[1]) *А. Петрушевичъ,* Сводная галицко-русская лѣтопись. 1600-1700 гг. Львовъ, 1874, стр. 445 (со ссылкой на 22 стр. Paraenesis'a. *Макарій,* Исторія русской церкви, т. XI, Спб. 1882, стр. 297. Не имѣя въ настоящее время возможности произвести тщательную провѣрку авторскихъ правъ Смотрицкаго на это сочиненіе, замѣтимъ только, что въ указанномъ мѣстѣ Paraenesis'a Supplicatia вовсе не упоминается.—Подлинный текстъ памятника съ переводомъ на французскій языкъ перепечатанъ *М. Кояловичемъ* въ „Документахъ, объясняющихъ исторію Западно-русскаго края". Спб. 1865, стр. 230-311.

[2]) *Еленевскій,* op. cit. „Православное Обозрѣніе", V, 125.

наз. „простый русскій“ языкъ, тѣмъ не менѣе въ полемическихъ сочиненіяхъ XVI—XVII ст. польская рѣчь играетъ весьма видную роль. Это объясняется главнымъ, образомъ, тѣмъ, что полемическая литература предназначалась для широкаго распространенія среди польскаго и воспринявшаго польскую культуру русскаго дворянства и имѣла въ виду воздѣйствовать на такихъ читателей, которые, занимая важные уряды или принимая участіе въ дѣлахъ сейма, могли оказать существенную поддержку угнетенной православной церкви. И Смотрицкій, избравъ для своей полемической дѣятельности польскій языкъ, только слѣдовалъ традиціямъ своего времени. Такимъ образомъ, если языкъ считать главнымъ критеріемъ для отнесенія писателя къ той или другой литературѣ, то дѣятельность Смотрицкаго принадлежитъ почти исключительно литературѣ польской. Для историковъ русской письменности Смотрицкій интересенъ только какъ составитель Славянской Грамматики и какъ авторъ поученія надъ гробомъ Леонтія Карповича.

Грамматика Смотрицкаго, сыгравшая въ свое время громадную роль въ русской, болгарской и сербо-хорватской письменности, рано привлекла къ себѣ вниманіе ученыхъ и достаточно извѣстна въ наукѣ [1]). Казанье же, сохранившееся въ единственномъ экземплярѣ въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря, было доступно для небольшого числа изслѣдователей и изучено сравнительно мало [2]).

---

[1]) Замѣтки о грамматикѣ Смотрицкаго и ея историческомъ значеніи начинаются съ первыхъ десятилѣтій XIX в. (*митр. Евгеній, Востоковъ, Шафарикъ, Копитаръ* и др.). Наиболѣе обстоятельно грамматика Смотрицкаго изслѣдована въ вышеназванномъ трудѣ *Н. Засадкевича*.

[2]) Первыя свѣдѣнія о Казаньи находимъ у *Сопикова* (Опытъ россійской библіографіи, ч. I, Спб. 1813, № 508), и у *митр. Евгенія* (Словарь историческій, Спб. 1818, т. II, стр. 411—412. Въ изданіи 1827 г. см. т. II, стр. 46). *И. Сахаровъ*, перепечатавъ въ „Обозрѣніи славяно-русской библіографіи“, т. I, кн. 2, Спб. 1849, № 185, свѣдѣнія названныхъ изслѣдователей, замѣтилъ: „изданія

II.

Сознавая важность Казанья для исторіи южно-русскаго проповѣдничества [1]), имѣя затѣмъ въ виду сдѣлать это произведеніе доступнымъ для широкаго круга ученыхъ,

---

сего, извѣстнаго только по указаніямъ Сопикова и митр. Евгенія, въ нашихъ библіотекахъ не видно". Въ концѣ 70 хъ и началѣ 80-хъ гг. снова возникъ интересъ къ названному сочиненію Смотрицкаго. Нѣсколько выдержекъ изъ него опубликовалъ *С. Голубевъ* въ замѣткѣ по поводу статьи архим. Леонида „Леонтій Карповичъ... и два его слова". („Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ", 1880, № 3, стр. 49—51) и въ монографіи „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила", т. I, К. 1883, стр. 106—107. Далѣе, *митроп. Макарій* въ „Исторіи русской церкви", т. XI, Спб. 1882, стр. 252-255, довольно подробно изложилъ его содержаніе (см. также т. X, стр. 432-433). Наконецъ, въ то же время явился детальный библіографическій очеркъ памятника въ извѣстномъ трудѣ *И. Каратаева,* Описаніе славяно-русскихъ книгъ, т. I, Спб. 1883, № 262.

[1]) Кромѣ анонимныхъ поученій, входящихъ въ составъ нѣкоторыхъ сборниковъ, въ родѣ виленскаго Требника 1621 года (*Каратаевъ,* op. cit., I, № 268), Требника Петра Могилы 1646 года и т. п., къ первой половинѣ XVII ст. относятся слл. печатные памятники южно-русской проповѣднической литературы: 1) Два поученія *Леонтія Карповича,* на Преображеніе Господне и на Успеніе Богородицы, напечатанныя въ Эвю въ 1615 г. Переизданы архим. Леонидомъ въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, "1878. I, стр. 1-118. (27 января 1619 г. Карповичъ произносилъ на славяно-русскомъ языкѣ рѣчь при погребеніи кн. Голицына, которую вскорѣ затѣмъ напечаталъ въ польскомъ переводѣ п. з.: Kazanie na pogrzebie kniazia W. W. Galiczyna. Кромѣ того, въ рукописномъ сборникѣ Кіево-Софійскаго Собора № 357, лл. 101—108, помѣщено поученіе въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ, приписанное Леонтію, архим. виленскому. См. Н. Петровъ, Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ, вып. III, М. 1904, № 578). 2) Евангеліе Учительное *Кирилла Транквилліона,* напечатанное въ Рохмановѣ (Волынск. г.), въ 1619 г. 3) Примѣрныя панегирическія рѣчи *Кассіана Саковича,* присоединенныя къ „Вѣршамъ на погребъ Сагайдачного", К. 1622. Переизданы С. Голубевымъ въ „Исторіи Кіевской Духовной Академіи", вып. I, К. 1886, Приложенія, стр. 41—46. 4) Казанье *Павла Домживъ-Лютковича* „на чиненью памяти по А. Ѳ. Шептицком", 1622. 5) Два поученія *Захаріи Копыстенскаго* — „Казанье на честномъ погребѣ о.

стремясь, наконецъ, предохранить его отъ полной утраты въ случаѣ исчезновенія экземпляра изъ библіотеки Михайловскаго монастыря, мы рѣшаемся переиздать названный памятникъ, предпославъ тексту краткій обзоръ нѣкоторыхъ его особенностей.

Казанье свое Смотрицкій произнесъ 2 ноября 1620 года, въ Вильнѣ, въ качествѣ архіепископа полоцкаго и элекъ-архимандрита Виленскаго св.-Духовскаго монастыря, при отпѣваніи и погребеніи своего предшественника Леонтія Карповича, номината-епископа владимірскаго и брестскаго. Вскорѣ затѣмъ Казанье было напечатано въ типографіи св.-Духовскаго братства и издано въ свѣтъ въ видѣ отдѣльной брошюры.

Внѣшнія особенности этой брошюры таковы: она содержитъ 28 ненумерованныхъ лл. въ 4-ку и состоитъ изъ 1+6 тетрадей (по 4 лл. въ каждой); сигнатура тетрадей дана только во второмъ счетѣ, внизу посерединѣ, и ведется при помощи буквъ А, Б, В....Е, съ которыми соединяются цифры для обозначенія второго и третьяго лл. тетради. Страницы обведены линейками, между которыми помѣщены: 1) названія частей брошюры: *Предмова* и *Казанье Погребное*, 2) цитаты изъ Библіи и отцовъ церкви; внизу страницъ находятся кустодіи (переносы). Въ печатаніи употреблено семь славянскихъ шрифтовъ (одно слово на л. 19 напечатано полатыни). Страницы имѣютъ по 24 строки, за исключеніемъ лл. 2—4, гдѣ при полномъ наборѣ число строкъ доходитъ до 27. Заглавіе брошюры окружено рамкой; въ медальонахъ ея помѣщены изображенія Іоанна Крестителя, пророка Иліи,

---

Еліссеа Плетенецкого“ и „Омиліа, албо казанье, на роковую память о. Еліссеа Плетенецкого“, изданныя въ Кіево-Печерской Лаврѣ въ февралѣ и ноябрѣ 1625 г. 6) Поученіе *Петра Могилы* п. з. „Крестъ Христа Спасителя и кождого человѣка“, К. 1632. Обстоятельное изложеніе этого поученія — у С. Голубева, Петръ Могила, I, стр. 401—408. 7) Казанье *Игнатія Оксеновича-Старушича* надъ тѣломъ кн. Иліи Святополка-Четвертинскаго, К. 1641.

сошествія св. Духа на апостоловъ, успенія пр. Богородицы при изображеніяхъ—пояснительныя надписи. Въ брошюрѣ нѣсколько заставокъ незатѣйливаго рисунка; иниціалы только на лл. 2, 5 и 9; киновари нѣтъ вовсе.

Экземпляръ, принадлежащій Михайловскому монастырю, переплетенъ вмѣстѣ съ сочиненіемъ St. Joseph. Bieżanow; skiego „Messis liliorum quinaria", 1688 и хранится въ библіотекѣ подъ значкомъ: *отд. II, гл. IX, № 2117—21* [1]). Въ Казаньи уцѣлѣли всѣ листы, но края ихъ весьма сильно обрѣзаны: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ножемъ переплетчика повреждена нумерація тетрадей и переносы, а на загл. л. испорчено изображеніе успенія Богородицы. Форматъ обрѣзанной книги—14,5 × 16,3 снт. [2])

По составу своему брошюра распадается на слл. части: на об. загл. л. приведены двѣ цитаты изъ Библіи, связанныя по смыслу съ основной темой казанья. На послѣдующихъ листахъ помѣщена предмова автора къ Іову Борецкому (съ датой 8 ноября 1620 г.), въ которой книга отдается *под оборону* митрополита, какъ *ока* и *головы* русской церкви. За предмовой слѣдуетъ текстъ поученія.

Послѣ краткаго предисловія, гдѣ авторъ между прочимъ отмѣчаетъ, что ему впервые приходится вступать на проповѣдническую каѳедру и вести бесѣду со слушателями [3]),

---

[1]) На внутренней сторонѣ переплета сохранился прежній значекъ: *2 И. 41. 129,* писанный въ 1809 году рукою еп. Иринея Фальковскаго.

[2]) Въ рукописномъ каталогѣ библіотеки Казанье отнесено въ отдѣлъ книгъ на иностранныхъ языкахъ и озаглавлено слѣдующимъ образомъ: *Kazania Polskia Мелитія Смотрицкаго, съ другими разными славяно-польскими сочиненіями, въ Вильнѣ 1620 г., въ 4-ю, въ корешкѣ.* Естественно, что по каталогу эту брошюру найти почти невозможно. Отыскивая ее, мы должны были обратиться къ шкафамъ и пересматривать книги непосредственно на полкахъ.

[3]) Если вѣрить Геласію Диплицу, Смотрицкій не пользовался популярностью, какъ проповѣдникъ. Такъ, возражая противъ заявленія Смотрицкаго, будто, находясь среди православ-

приводится цитата изъ книги Премудрости Соломона: *Праведникъ аще постигнетъ скончатися, в покой будетъ*, составляющая *фундаментъ* или тему казанья. Вся послѣдующая часть проповѣди сводится къ иллюстраціи этого положенія примѣнительно къ данному частному случаю, при чемъ разсужденія ведутся слѣдующимъ образомъ: Проповѣдникъ устанавливаетъ пять различныхъ видовъ жизни и смерти человѣка:

1) *Животъ прироженья* и *смерть прироженья*, т. е. жизнь естественная, состоящая во взаимодѣйствіи души и тѣла, и смерть естественная, представляющая отдѣленіе души отъ тѣла.

2) *Животъ ласки* и *смерть грѣха*, т. е. жизнь благодатная, соединеніе человѣка съ Богомъ, начинающееся въ таинствѣ крещенія, и смерть грѣховная—отпаденіе человѣка отъ Бога, происходящее черезъ грѣхъ.

3) *Животъ смысловъ* и *смерть цноты*—жизнь чувственная и смерть добродѣтельная, состоящая въ освобожденіи души отъ тѣлесныхъ страстей.

4) *Животъ житейскій* и *смерть изступленія*—жизнь мірская, представляющая „пожадливость очій и пыху свѣта

ныхъ, онъ „błędow y hereziy nauczał y one przepowiadał", Диплицъ пишетъ: „A żebym ieszcze o tey nauce y przepowiedzi autora Apologiey dostateczniey oznaymił, wiedzieć potrzeba, że gdy on na stan Episkopski y Archiepiskopski wywyższony był, nie więcey nad pięć kroć, iako mam wiadomość, lud w Cerkwi Wileńskiey nauczał; gdzie indziey zaś y tyle snać kazani nie miał. W Wilnie kazanie miał trzy razy z Kathedry, a dwa z Ambonu. Z Kathedry pierwsze kazanie miał nad ciałem ś. pamięci Oyca y przodka swego, podał ie y do druku, a, iakom słyszał, przepisawszy po niemałey części z lacińskiego, ktore wypuścił na swiat ieden z Oycow Dominikanow. Drugie gdy powiedał w Roku P. 1621. na święto, iako my ie zowiemy, Bohoiawlenia, mało było czego słuchać, bo na co się był nagotował, to mu z pamięci było snać wypadło, gdyż odstąpiwszy od przedsięwziętey materiey, do pobożności lud upominał y to tak, że się iawnie zdał słowa zbierać, iako ten, co się nie nagotował. Trzecie maiąc w tymże roku na święto, iako ie nazywać zwykłismy, Stretenia Pańskiego, poprawił się. Ale iednak we wszytkich tych

сего", и смерть самозабвенія, при которой праведники „з Богомъ ся найдуючи, самымъ собѣ не бываютъ притомными".

5) *Животъ славы* и *смерть геенны*, т. е. жизнь вѣчная и адскія мученія.

Выдѣливъ затѣмъ изъ этого перечня по три *хвалебныхъ* рода жизни и смерти, авторъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія каждаго изъ нихъ жизнь и смерть Леонтія Карповича и приходитъ къ заключенію, что положенная въ основу Казанья сентенція *без жаднои вонтпливости на немъ зъ ласки божеи иститься, выполняеться и опочиваетъ*.

Въ заключеніе проповѣдникъ проситъ Бога послать на свою жатву новаго дѣлателя, подобнаго усопшему, и возсылаетъ молитвы за возрожденную чрезъ возстановленіе іерархіи русскую церковь [1]).

Въ исторіи южно-русской проповѣди XVII ст. обыкновенно различаютъ два смѣнившихъ другъ друга періода: въ первый, относящійся къ начальнымъ десятилѣтіямъ вѣка, проповѣдь строилась просто, безъ какихъ-либо риторическихъ ухищреній и состояла преимущественно въ экзегезѣ какого-нибудь отрывка Евангелія или другого мѣста Библіи. Въ такомъ именно родѣ составлены проповѣди Транквилліона, вошедшія въ составъ его *Учительнаго Евангелія* (1619). Во второй періодъ, типичнымъ представителемъ котораго является Іоанникій Галятовскій, южно-русская проповѣдь при-

---

trzech kazaniach swoich o wiary dogmatach nie uczył, ktore teraz heretyckiemi być mieni.... O tym zaś, co z Ambonu po dwakroć powiedał Apologiuiący, niemasz czego y wspominać, bo chociaż tymi razy Unię ogolem ganił, tak iednak ganił, że dowodami słusznymi iey nie zbiiał, iako więc zwykło na te przypadać, ktorzy, na to się dobrze nie nagotowawszy, mowić co chcą przed wielą. „Ant apologia, 1632, str. 54—55. См. также Antidotum Андрея Мужиловскаго, 1628—1629.

[1]) Кромѣ Казанья Мелетія Смотрицкаго, памяти усопшаго архимандрита посвящено стихотвореніе „Ляментъ у свѣта убогихъ на жалосное преставленіе.... о. Леонтія Карповича", изданное въ типографіи св. Духовскаго братства въ томъ же 1620 году. См. *И. Каратаевъ*, op. cit, I, № 258.

обрѣтаетъ стройную, искусно выработанную форму: въ основу поученія въ это время полагается т. наз. *тема* и всѣ части поученія поставляются къ ней въ то или другое отношеніе. Кто хо́четъ Каза́нье оу҆чини́ти, пишетъ Галятовскій въ своемъ руоводкствѣ для проповѣдниковъ, — на́йперше ма́етъ положи́ти з̀ пи́сма ст҃гѡ Ѳе́мꙋ, котра́ѧ є҆́стъ фꙋндаме́нто҃ всегѡ̀ Каза́нѧ, бо ве́длꙋгъ ѳе́мы мꙋ́ситсѧ повѣда́ти все Каза́нье, в̀ кото́ромъ знайдꙋ́тсѧ три ча́сти — экзордіумъ, наррація и конклюзія. Ты́и всѣ̀ ча́сти, продолжаетъ Галятовскій, ма́ютсѧ згажа́ти з̀ Ѳе́мою, бо ꙗ҆́къ з малогѡ жро҃ла выхо́дитъ вели́каѧ рѣка̀, є҆дна́къ вода̀ в̀ Рѣцѣ̀ з̀гожа́етъсѧ з̀ тое́ю водо́ю, кото́раѧ є҆́стъ в̀ жро́длѣ, такъ з мало́и Ѳе́мы вели́кое похо́дитъ каза́нье, зачи́мъ ча́сти, котры́исѧ в̀ ка́заню знайдꙋ́ютъ, пови́ннысѧ з̀ Ѳе́мою з̀гажа́ти, жебы̀ щосѧ в̀ Ѳе́мѣ знäдꙋ́етъ, то́е в̀ Єѯо́рдїꙋмъ и҆ в̀ Нарра́цїи и҆ в̀ Конклю́зїисѧ знайдова́ло [1]).

Разсматривая поученіе Мелетія Смотрицкаго съ этой точки зрѣнія, не трудно замѣтить, что оно предваряетъ тотъ типъ проповѣди, представителемъ и теоретикомъ котораго былъ Іоанникій Галятовскій. Всѣ части его подчинены лежащему въ основѣ библейскому изреченію, и казанье развивается съ внѣшней стороны правильно и стройно.

Какъ историческій документъ, поученіе Смотрицкаго важно, во-первыхъ, по собраннымъ въ немъ біографическимъ даннымъ о Леонтіи Карповичѣ. Изъ него мы узнаемъ, что Карповичъ былъ сынъ священника и происходилъ изъ шляхетской фамиліи Пинскаго повѣта, что онъ былъ постояннымъ *мешканцемъ* Вильны, что, не достигши 30-лѣтняго возраста, подвергся тюремному заключенію по проискамъ уніа-

[1]) Наꙋ́ка а҃лбо спосѡ҃ зложе҃нїѧ каза́нїѧ. Ключъ Разꙋмѣ́нїѧ. К., 1659, лл. 241—241 об.

товъ и провелъ въ тюрьмѣ цѣлыхъ два года, что, наконецъ, онъ умеръ въ серединѣ сентября 1620 г. [1]).

Кромѣ этихъ фактическихъ данныхъ, Казанье даетъ полную и детальную характеристику Карповича, какъ *любоподвижнаго* инока, какъ образцоваго іерея и архимандрита, память о которомъ будетъ жить до тѣхъ поръ, *поки солнце землю видѣти будетъ* [2]). Впрочемъ, пользоваться этой характеристикой историкъ долженъ съ большой осторожностью, такъ какъ вся рѣчь имѣетъ ясно выраженный панегирическій характеръ [3]).

---

[1]) Лл. 15 об.—18, 19 об. Повидимому, упоминая о тюремномъ заключеніи почившаго архимандрита, Смотрицкій имѣлъ въ виду событія 1610 года, когда по поводу выхода изъ виленской братской типографіи Θρῆνος'а король велѣлъ drukarzów y autorów tych pasquillussów y correctora ich Łotwina (Лонгина—мірское имя Леонтія) Karpowicza. zwłaszcza ieśli nie iest szlachcicem, na ratuszu albo w więzieniu iakem zatrzymać". Если, такимъ образомъ, въ 1610 году Карповичу было около 30 лѣтъ, время его рожденія должно быть отнесено приблизительно къ 1580 году. Акты, издаваемые Вил. Археогр. Коммиссіею, т. VIII, В. 1875, № 45. *Макарій*, Исторія русской церкви, т. X. стр. 409, 432—433.

[2]) Лл. 18 об.—22 об. Подобный же взглядъ на Леонтія Карповича см. въ „Палинодіи" Захаріи Копыстенскаго. 1622 (Пам. Полем. литер. I. 1878, стлб. 913), въ панегирикѣ Mnemozyne 1633 г., въ запискахъ Петра Могилы (Архивъ Юго Зап. Россіи, т. I, ч. VII, стр. 57—59). въ „Діаріушѣ" Аѳанасія Филипповича, 1646 (Пам. Полем. Лит. I, 88—89).

[3]) О жизни и дѣятельности Леонтія Карповича см. *Филаретъ*, Обзоръ русской духовной литературы, Спб. 1884, стр. 173—174.—*Архим. Леонидъ* въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Росс." 1878, I.—*Макарій*, Исторія русской церкви, т. X, Спб. 1881, стр. 432—445.—К. *Харламповичъ*, Западнорусскія православныя школы XVI и начала XVII в. Казань, 1898, стр. 397—399 и др... По свидѣтельству Андрея Мужиловскаго (Antidotum, л. 6 об.), Карповичъ не довѣрялъ искренности православныхъ воззрѣній Смотрицкаго, отказывался отъ его постриженія и только вслѣдствіе просьбы нѣкоторыхъ лицъ нехотя принялъ его въ число иноковъ своего монастыря. См. *М. Коялович*ъ, Лит. церк. унія, т. II, Спб. 1861, стр. 145 и 352. Самъ Смотрицкій изображаетъ свои отношенія къ Карповичу совершенно въ иномъ свѣтѣ. A potym,—возражаетъ онъ Мужиловскому,—mieszkaiąc w Monasterzu tym (т. е Виленскомъ св. Ду-

Далѣе, въ Казаньи содержатся нѣкоторыя черты и для характеристики настроенія самого автора въ концѣ 1620 г. Въ немъ Смотрицкій выступаетъ страстнымъ ненавистникомъ уніи и горячимъ поборникомъ интересовъ православной церкви. Нѣкоторыя мѣста поученія дышатъ обычнымъ для полемическихъ трактатовъ Смотрицкаго пыломъ: онъ отмѣчаетъ ярость *нелитостивои, звѣрско* надъ православными *бестячеися* (бѣснующейся) *унітскои схісмы* и мечтаетъ о полномъ *попраніи и испразненіи* этой *богомерзкои, скотско юродѣвшеи* въ южно-русской церкви *апостасіи* [1]). Съ другой стороны, во всемъ поученіи чувствуется радостный, приподнятый тонъ по случаю только что происшедшаго, важнаго для православной церкви событія, выразившагося въ возстановленіи ея іерархіи, въ назначеніи для православныхъ новаго митрополита и новыхъ епископовъ.

Издавая разсмотрѣнное произведеніе Смотрицкаго, мы старались по возможности точно передать всѣ особенности оригинала: мы вездѣ сохраняли его орѳографію, различные строчные и надстрочные знаки, принятое въ немъ раздѣленіе словъ. Цитаты изъ Библіи и отцовъ церкви, помѣщенныя въ подлинникѣ на поляхъ, вынесены нами подъ строку. При этомъ мы не сочли себя въ правѣ исправлять встрѣчающіяся въ цитаціи ошибки [2]).

ховскомъ) dłużej niż rok po świetcku, byłem częstokroć sollicitowany y proszony tak od wszystkiego Bractwa, iak osobliwie od Nieboszczyka Przodka mego na tym Archimandrytstwie o przyięcie habitu Zakonnego; czego dobrze świadom Warlaam, bywszy Wasili, pop Bratski, y wiem że inaczey nie rzecze, za ktorego prośbą y perswazyą. iako na ten czas duchownika mego, obietnicę uczyniłem y dzień wstąpienia do Zakonu naznaczyłem. Exaethesis, Lwów 1629, л. 15—15 об.

[1]) Лл. 17 об., 4 и др.

[2]) Эти ошибки довольно многочисленны. Такъ, первыя двѣ цитаты на л. 8 не соотвѣтствуютъ тексту, къ которому отнесены; на л. 10 об., вмѣсто ссылки: *Ефес. гл. 4*, слѣдовало бы ожидать:

Для иллюстраціи шрифтовъ и орнамента къ изданію приложены снимки съ трехъ наиболѣе характерныхъ мѣстъ книги.

Въ заключеніе предупреждаемъ читателей, что въ перечнѣ трудовъ Смотрицкаго только заглавія Θρῆνος'а, Казанья, Protestati'и, Paraenesis'а и Exaethesis'а взяты непосредственно изъ подлинниковъ; заглавія же остальныхъ сочиненій заимствованы у позднѣйшихъ издателей и изслѣдователей.

С. Масловъ.

Римл. гл. 5; между тѣмъ эта послѣдняя цитата помѣщена нѣсколько ниже и отнесена къ другому мѣсту проповѣди; на л. 6 об., вмѣсто 1-й главы Іова, ошибочно названа 14 глава; на л. 28, вмѣсто 4 й главы Евангелія отъ Луки, указана гл. 5, и т. д.

Сошествіе С. Дха

КАЗАНЪЕ:

На честны Погребѣ пре
честногѡ и превелебно Му
жа Гдна и Ѿца: Гдна Ѿца
ЛЕОНТІЯ КАРПО
ВИЧА, Номіната Епкопа Воло
димерскогѡ и Берестейскогѡ: Ар
химандрита Виленскогѡ.

Прѣзъ

МЕЛЕТІЯ СМО
ТРИСКОГѠ, Смі Архі
епкпа Полоцкогѡ, Блку Витепско
гѡ и Мстиславскогѡ: Електа
Архімандрита Виленскогѡ,
ѿправованое: в Вилни.
Року ѿ Воплощенія Бга Слова. ҂ахк.
Ноемврія, в. дня.

Усп: Пр: Б

ПРЕЧЕСТНѢЙШЕМУ, И ПРЕВЕЛЕБНѢЙШЕМУ ГДНУ И ОТЦУ:

ГДНУ ОТЦУ

ІОВУ БОРЕЦКОМУ,

Блгтїю Бжїею, Преѡсвѧщенному Митрополиту Киевскому и Галицкому и всеѧ Россїи: Архїмандритови Обители стогѡ Архїстратига Михаила 3: в Киевѣ Сослужителю и Брату о Хѣ Возлюбленному,

МЕЛЕТІЙ СМОТРИСКІЙ,

Блгтїю Бжїею, Смиренный Архїепкопъ Полоцкїй, Блка Витепскїй и Мстиславскїй: Архїмандритъ Виленскїй.

Ласки, покоѧ, здоровѧ и вшелѧкои в добрыхъ дшївныхъ и тѣлесныхъ помыслности ѿ Бга Ѿца, и ѿ Гда нашегѡ Іс Ха, и ѿ стогѡ и животворѧщогѡ Дха, на лѣта многїи молитъ, зычитъ, и вѣншуетъ.

Вчасне, здастмисѧ, в овое з Бжественнымъ Апломъ ꙗзыкѡвъ, мнѣ (по сесъ нашъ ненепомыслный з ласки Бжеи в справахъ духовныхъ, з Бга, и з Бгомъ спорѧженои причины збавенне выникльи скутокъ,) Боскими недовѣдомыми суд

бами

Казанѣ: На честны́й По́гребъ пречє́стногѡ и̑ прекелє́бно̑ Мѵ̑жа Гд҃на и̑ Ѿц҃а: Гд҃на Ѿц҃а Леонтїа Карповича, Номїна́та Є̑пископа Володи́мерскогѡ и̑ Берестѝскогѡ: Архима́дрита Вилє́скогѡ. Пре́зъ Мелє́тїа Смотрискогѡ, См: Архїєпископа По́лоцкогѡ, Влкѵ Ви́тепскогѡ и̑ Мстисла́вскогѡ: є̑лє́кта Архїма́дрита Ви́ленскогѡ, Ѿправова́ное: ѵ̆ Ви̑ни. Ро́кѵ Ѿ Воплоще́нїа Бг҃а Сло́ва. ,аѧ҃к. Ноємврїа, ѵ̆. дн҃ь. ‖

Загл. л. об.

Ѱало́мъ, рā҃і.

Во па́мять вѣ́чнѵю бѵ́детъ Пра́вє̑ник҃ъ, Ѿ слы́ха зла́ неѹ́боѝтсѧ. Гото́во ср҃це є̑гѡ̀ ѹ̑пова́ти на Гд҃а: ѹ̑тверди́сѧ ср҃це є̑го̀: неѹ́боѝтсѧ до́ндеже пре́зритъ врагѝ своѝ.

Премѵ́др: Соломо̑: г̑: д҃.

Непра́вє̑нїи ѹ̑зр҃ѧ коні́цъ Премѵ́драгѡ, и̑ неразѵмѣ́ютъ что̀ восхотѣ́ ѡ̑нѣ̑, и̑ во что́ ѹ̑ма́ли є̑го́ Гд҃ь. Ѹ̑зр҃ятъ и̑ ѹ̑ничижа́тъ є̑го́: и̑мѣ́же Гд҃ь посмѣ́ѥтсѧ: и̑ бѵ́дѵтъ по сѣ́мъ во паде́нїе бѣ́сто́но, и̑ во срамотѵ́ во ме́ртвы̑ вовѣ́ки.‖

Пречестнѣ́йшемѵ́, и̑ превелебнѣ́йшемѵ́ гд҃нѵ́ и̑ Ѿц҃ѵ́: гд҃нѵ́ Ѿц҃ѵ́ Їовѵ́ Борецкомѵ́, Блг҃тїю Бж҃їею, Прѣосвщє́нномѵ́ Митрополи́тѵ́ Ки́евскомѵ́ и̑ Га́лицкомѵ́ и̑ всем҃ Рѡ́ссїи̑: Архїмандри́тови Ѡби́тели ст҃огѡ Архїстрати́га Михаи́ла з: ѵ̆ Ки́евѣ̀ Сослѵ́жи́телю и̑ Бра́тѵ́ ѻ̑ хр҃тѣ̀ Возлюбле́нномѵ́, Мелє́тїй Смотрискїй, Блг҃тїю Бж҃їею, Смире́нный Архїєпископъ Поло́цкїй, Влка Ви́тепскїй и̑ Мстисла́вскїй: Архїмандри́тъ Ви́ленскїй. Ла́ски, поко́м҃, здоро́вм҃ и̑ вшелѣ́коѝ ѵ̆ до́врахъ дш҃е́вныхъ и̑ тѣлє́сныхъ помы́слности Ѿ Бг҃а Ѿц҃а̀, и̑ Ѿ Гд҃а на́шегѡ Іс҃ хр҃а, и̑ Ѿ ст҃огѡ и̑ животвор҃ѧщогѡ дх҃а, на лѣ́та мно́гїи̑ мо́литъ, зы́читъ, и̑ вѣ́кишветъ.

л. 2.

Вчáсне, здáстмисѧ, ѣ ѻ́вое ѕ̑ Бжествéнымъ а҃пломъ
гаꙁы́кwвъ, мнѣ (по̑ сéсъ нáшъ ненепомы́сленый ѕ̑ лáски Бжéи
вспрáвахъ дхо́вныхъ, ѕ̑ Бг̑а, и̑ ѕ̑ Бг̑омъ спорм̑женои̑ при-
чи́ны збавéнне вы́никлый скwтокъ,) Бо́скими недовѣ́домыми
л. 2 об. сѹд||бáми и̑ꙁступлéнномѹ задивéнѣ пришéдши, заволáти, ѡ̑
глѹбино́ богáтства, и̑ премѹ́дрости, и̑ рáꙁума Бжїѧ. Ѣ̑ко
неи̑спытáни сѹдове ег̑wѧ, и̑ неи̑зслѣдовáни пѹ́тїе ег̑wѧ. Кто́бо
рaꙁумѣ оу̑мъ Гд̑нь; и̑лѝ кто̀ совѣ́тникъ ѥ́мѹ бы́сть [1]; хто́
ѕ̑ нáсъ, неркwчѝ дѣ́ломъ а̑лбо рáдою, а̑ле мы́слїю, тáкъ да-
лéкw, тáкъ глѹбо́кw, тáкъ высо́кw, зайтѝ, зейтѝ, и̑ взыйтѝ
мо́глъ: чогѡ̀ Всеси́лный Гд̑ь Бг̑ъ непости́гненою превѣ́чноѧ
во́ли своеѧ рáдою, сѹ́домъ, и̑ выро́комъ, на̑ мы́сль на́шѹ,
на̑ про́мыслъ, и̑ страна́не, ре́чю само́ю, дѣ́ломъ, и̑ скѹ́ткомъ,
на́мъ, и̑ всемѹ́ бл̑гочéстивомѹ Нáродови на́шемѹ, сто́и̑, мо́влю,
Цéркви на́шей Рѹ́ской, ско́рw, ла́цнw, и̑ сто́бли́ве, дойтѝ,
взя́ти, и̑ wдéржати, спорядúлъ, спрáвилъ, и̑ вы́коналъ.

Кто́ вовѣ́сти́тъ а҃враа́мѹ, ѣ̑кw до́нт̑ wт̑рочѧ Сáрра;
ѣкw породѝ Сн̑а во ста́рости своéи̑; [2] Кто̀ повсѣ́хъ Рѹ́скихъ
Крáинахъ, Повѣ́тахъ, и̑ мѣ́стахъ, wзнáймитъ, wповѣ́ст̑, и̑
wголо́ситъ, же за выро́нымъ wбю́родѣ́немъ, бл̑говѣ́ствова-
нїемъ родúти во мнѣ мѣ́вшихъ дрѹгwвъ Женихо́выхъ,
нѣ́ѧкw замaтерѣ́лаѧ це́рковъ Рѹ́скаѧ ложеснѧ̀ зачáтїѧ, и̑
оу̑тро́бѹ роженѧ непрáздну ношѹ́. [3] Смѣ́хъ мѝ сотворѝ Гд̑ь:
хтоко́лвекъ а̑во́вѣмъ wт̑о́мъ послы́шитъ, ко́дый зомно́ю
вéсполъ рáдоватисѧ ѕ̑ тогѡ̀ вѹ́детъ.

Зачáтъ Ѳ̑ліса́вéдъ и̑ тамо́шесѧ мѣ́сѧцей пя́ть, глюци,
ѣ̑кw тáкw мнѣ сотворѝ Гд̑ь воднѝ, вня́же при́зрѣ ѿ̑яти
поношéнїе моѐ ѣ̑ чл̑вцехъ. [4] зачáти бл̑гтїю Прест̑огѡ и̑ жи-
вотворя́щогѡ дх̑а постѹпи́вши, таи́лямъсѧ: тáкъ вовѣ́мъ
л. 3. зомно́ю. оу̑чини́ти зезво́лилъ Гд̑ь Бг̑ъ ѣ̑ днѝ ты́и̑. || ѣ̑ ко-
торы́и̑ при́зрѣлъ, а̑бы ѿня́лъ оу̑рѹга́не моѐ межѝ лю́ми̑.

[1] Рѝ. г̑. аї.—а̑. Корѝ. г̑. ѣ̑.—Премѹд. глв̑. д̑.—Іѣ̑ глв̑. м̑. [2] Бы́т̑. г̑. кв̑.
[3] Бы́т̑. глв̑. ѝі. [4] Лѹк. г̑. а̑.

Але ѕдыи҃ ѿжъ кыполнилъсѧ часъ порожéнѧ: ѕдыімъ ѿжъ блговѣствованїѧ, по Апльскомꙋ гóлосꙋ, Бжимꙋ порóдомъ плодовúта зостáла, слáвлюсѧ, хвалюсѧ, веселю҆ и҆ тѣшꙋсѧ. Што оу҆слы́шавши сꙋсѣдове и҆ повиновáтыи мои҆, ѥжъ велúкое оу҆чúнилъ Гдь Бгъ милосéрдїе своѥ надомнóю, сполéчнесѧ зо мнóю рáдꙋютъ, веселю҆ютъ, и҆ тѣшатъ.[1]

Тóй недовѣдомыхъ сꙋдéкъ Всесúлный Спорядúтель, котóрый нѣкогѡ до рáды своéи҆ невзывáючи, нáневѣ и҆ нá земли чúнитъ тѡ҆, штѡ҆ хóчетъ[2], тойжъ непонáтои҆ вóли своéи҆ непостúгненымъ совѣтомъ и҆ сеи҆ нáшеи҆ ѥнѣшнеи҆ рáдости оу҆чáстникомъ некóждого ѥднáкѡ, але ѻбого блúжей, ѻбого ѡ҃далѣй мѣти зезволúвши: ѡ҃дныімъ, мóвлю, блúжей себé бꙋдꙋчымъ, радостнѣйшими ѕ҃ тогѡ҆ бы́ти, дрꙋгы́мъ ѡ҃далѣй нéгѡ бꙋдꙋчымъ, мнѣй рáдости тои҆ зажúти постановúвши: нáсъ на прáцы рáдости тои҆ зостáвити, а҆ Гдна моéгѡ и҆ Ѿца҆, Велéбности твоéй дрꙋга и҆ врáта, Гдна Ѿца҆ Леóнтїа Кáрповича Архїмандрúта Вúленского на самꙋю тóлкѡ рáдости тои҆ оу҆тѣхꙋ, по҆ тóтъ самы́и҆ часъ, и҆ себé и҆ тои҆ рáдости блúжей мѣти ѥгó хóтячи, ѕ҃ земли҆ нáнево смéрти перехóдомъ перестáвити рáчилъ. Котóрый члвѣчúи҆ мы́слїи҆ нáшихъ, áлбо нѣчóгѡ, áлбо мáлѡ штѡ҆ перѣ собóю вúдячимъ совѣтомъ, пéрвый потóмъ, къ чꙋ҆ сѧ, блгодáтїю Твоюмъ найдꙋетъ, ѥдиномы́сленными всѣхъ голосáми найдовáтисѧ, бы́лъ рокóванъ.

Тóе ѥгѡ҆ нáмъ а҆чколвекъ, ꙗкъ людемъ, смꙋтное, але, ꙗкъ Блгочестúвымъ оу҆тѣшное, престáвленїе, (велúкам бовѣмъ ѥстъ оу҆тѣха оу҆трáпленымъ, дрꙋга врáта Ѿца҆ перѣ ѡ҃блúчемъ цáрскимъ зáвжды притóмного къ потребáхъ причúнцꙋ мѣти) же и҆ по мнѣ межи҆ ѥншими ѡ҃стáнеи҆ послꙋги, вéдлꙋгъ звы́чаю хрїстїáнскогѡ потребовáло, ѕ҃ ты́темъ себé до нéи҆, ѕ҃ чúмъ и҆ повúненъ бы́лемъ, и҆ блгодáтїю ѯа Бга 3 л. об.

[1] л҃. Кор. гл҃. д҃. ..дꙋ. ѳ҃. ка. [2] Рй, ѳ҃. аі.

моéгѡ мóглъ, стáвилемъсѧ. А̑ же справедли́вый ѿ вѣ́чной пáмяти, ведлугъ бжествéногѡ дѣ́да, зоставáти мáетъ[1]: вовѣ́чный рóды и̑ сегѡ̀ пречéстногѡ и̑ прáведногѡ Ѩжа ѿ тóмъ пáмять, ѿ чóмъ óнъ вѣ́чну бы́ти є̑н̀ перє̑ Бг̃омъ, за всесúлною є̑гѡ̀ пóмочю, зрáдилъ, зоставáти рéчъ бы́ти сто́бли́вую ви́дѣвши, несмертéльный Цнóты є̑гѡ̀, словáмн ѿ непáмять рúхлѡ приходúти збы́клыми, вѣ́рне а̑ справедли́ве по̑ чáсъ чéстногѡ Пóгребу є̑гѡ̀, прє̑ менé недостóйного є̑гѡ̀ ѿ дх҃у Сн҃а, ѡ̑голóшеный, пúсмомъ бы́ражены бы́ти, и̑ Велéбности Твоéй, ꙗ̃кѣ вшелáкихъ цнóтъ Ѩжу, и̑ на сéсъ чáсъ, блг̃одáтїю прест̃огѡ и̑ жневотворя́щогѡ дх҃а о̑ку, а̑же ꙗ̃снѣй реку, Головѣ̀ (котóрой ѡ̑ члóнкахъ свои̑̀, побо̑ности и̑ цнóтъ Ѩжáх҃ вѣ́домост҃ налéжна,) Тѣ́ла ст҃óѥ Цр҃кви нáшеѥ Рⷭскоѥ по̑ ѡ̑боро́ну по̑дáти сѹдúлемъ. А̑ прѝ брат҃ерскѝ̀ повóлностєхъ мои̑̀, з̑ вѣ́чною преставлéнногѡ ѿ нáсъ ст҃огѡ Ѩжа сегѡ̀ пáмятю, ѡ̑фѣ́рую и̑ по̑дáю. Велéбность Твоѝ, за свою̀ до цнóтъ прирóдную склóнность, и̑ за цѣ́лую до ѡ̑бóхъ нáсъ Ѿцéвскую любóвъ, же лицé е̑́й весéлое и̑ вдмчное ѡ̑казáти, и̑ по̑ ѡ̑боро́ну свою̀ Пáстырскую приня́ти вⷣетъ рáчила, О̑нъ, и̑ тѣ̑ пéвни є̑́стесмо. ‖

4 л. Прóчее: Бг̃а, Ѿ негóже всѧ́ко дая́нїе блг̃о, и̑ всѧ́къ дáръ соверше́нъ[2], молю̀ оу҃сéрднѡ, Цéркви є̑гѡ̀ ст҃óй ѿ Рⷭсíйстей нáшей земли ѡ̑брѣтáющейсѧ, во всѧ́ческое бг̃оме́рзкоѥ, скóт҃ско понѣ́ вне́й ю҃родѣ́вшеѥ а̑постасíи попрáнїе и̑ и̑спразне́нїе, Велéбность Твою̀ даровáтисѧ во мнóгаѧ лѣ́та ѿ мúрѣ, цѣ́лу, чéст҃ну, здравíемъ долгоденствующу, и̑ прáвѡ прáвящу слóво хвы и̑́стинны.

З ѩ҃нни. Рóку Ѿ воплоще́нїѧ Бг̃а Слова, а҃х҃к. Мц̑а Ноéмврїѧ, и҃: днѧ̀.

---

[1] ѱ҃лѡ рн҃і. [2] ꙗ́ковъ. г҃. а҃.

Помози́ми Бж҃е Сп҃си́телю мо́й, сла́вы ра́ди и҆́мене твое́гѡ Ст҃а́гѡ.

Ла́ски вседарови́телногѡ, прест҃огѡ и҆ животворѧ́щогѡ Дх҃а, звы́клым пова́жнымъ и҆ ст҃ы́мъ Цр҃ко́внымъ поря́дкомъ на мѣ́стце се́е, и҆ семꙋ̀ подо́бное ко́ждое, з҆ кото́рогѡ є҆ѵ҃лскои̑ наꙋ́ки про́повѣдь вшелѧ́кымъ, а҆ ѻ҆собли́ве Правосла́внымъ слꙋ́хачѡмъ пода́вана быва́ти звы́кла, вступова́ти: и҆ з҆ не́гѡ в҆ ко́ждой дш҃езбаве́нной, вѣ́рѣ и҆ до́брымъ ѻ҆бича́емъ нале́жачой мате́рїи бесѣдова́ти, зꙋпо́лнꙋю вла́дзꙋ ѿ Бг҃а, чере́зъ Бг҃опода́ннꙋю цр҃ко́внꙋю зве́рхность но́вѡ ѡ҆де́ржавши, ва́жилемъсѧ то днѧ̀ нн҃ѣшнегѡ, само́ю пови́нностю мое́ю потѧ́гненый пе́рвый ра́зъ ѹ҆чини́ти, а҆ з҆ мѣ́стца сегѡ̀ до Мл҃ти ва́шеи̑, бл҃гочести́выи Хрїстїа́не, пе́рвꙋю мою́ дꙋхо́внꙋю Бе́сѣдꙋ в҆ ко́ротце мѣ́ти хотѣ́ти. И҆ хотѧ́жъ в҆ нѣ́которыхъ правосла́вїѧ на́шегѡ мѣ́стахъ, за ѡ҆бхоже́немъ нода́внѡ

пре́шлои̑

Помози́ми Бж҃е Сп҃си́телю мо́й, сла́вы ра́ди и҆́мене твое́гѡ Ст҃а́гѡ. л. 5.

Z Ла́ски вседарови́телногѡ, прест҃огѡ и҆ животворѧ́щогѡ Дх҃а, звы́клымъ пова́жнымъ и҆ ст҃ы́мъ Цр҃ко́вным порѧ́дкомъ на мѣ́ст҃це се́е, и҆ семꙋ̀ подо́бнее ко́ждое, з҆ кото́рогѡ є҆ѵ҃лскои̑ наꙋ́ки про́повѣдь вшелѧ́кымъ, а҆ ѻ҆собли́ве Правосла́внымъ слꙋ́хачѡмъ пода́вана быва́ти звы́кла, вступова́ти: и҆ з҆ не́гѡ в҆ ко́ждой дш҃езбаве́нной, вѣ́рѣ и҆ до́брымъ ѻ҆бычаѥ́мъ нале́жачой мате́рїи̑ бе́сѣдовати, зꙋпо́лнꙋю вла́дзꙋ ѿ Бг҃а, чере́зъ Бг҃опода́ннꙋю цр҃ко́внꙋю зве́рхность но́вѡ ѡ҆де́ржавши, ва́жилемъсѧ то днѧ̀ нн҃ѣшнегѡ, само́ю пови́нностю мое́ю потѧ́гненый пе́рвый ра́зъ ѹ҆чини́ти, а҆ з҆ мѣ́ст҃ца сегѡ̀ до Мл҃сти ва́шеи̑, бл҃гочести́выи Хрїстїа́не, пе́рвꙋю мою́ дꙋхо́внꙋю Бе́сѣдꙋ в҆ ко́рот҃це мѣ́ти хотѣ́ти. И҆ хотѧ́жъ в҆ нѣ́которыхъ правосла́вїѧ на́шегѡ мѣ́стахъ, за ѡ҆бхоже́немъ неда́внѡ ‖ пре́шлои̑, мнѣ̀ з҆ послꙋша́нїѧ в҆ ода́лный кра́й, ѿ л. 5 об.
Бл҃а: па́мѧти Гд҃на мое́гѡ и҆ Ѿца̀ в҆ спра́ва дх҃о́вны зле́ценои̑ доро́ги, ѹ҆чини́ти то ѹ҆жи́ванъ и҆ взы́ванъ бы́лемъ: А҆ле ѧ҆ мѣ́сто се́е, а҆ в҆не́мъ, се́е мѣ́ст҃це, за выне́слость и҆ ѡ҆каза́лость стате́чности є҆гѡ̀ в҆ благоче́стїи з҆ да́вна любꙋ́ючи, з҆ сегѡ̀ дꙋхо́внымъ мои̑ з҆ правосла́вными бе́сѣдамъ поча́токъ ѹ҆чини́ти пре̑сѧвзѧ́лемъ бы́лъ тогды̀, ґды́мъ на́то бл҃года́тїю, ꙗ҆́комъ ре́клъ, прест҃огѡ и҆ животворѧ́щого Дх҃а, ѿ Цр҃ко́вной зве́рхности і҆навґꙋро́ванъ бы́ти, ѹ҆достое́ны ста́лсѧ: ѡ҆бовѧ́занъ бы́вши ма́лѡ пере̑ ты́мъ за доброво̑нымъ мои́мъ зезволе́немъ, и҆ само́ю за́коне нало́женою на ме́не пови́нностю неи҆́начей ѹ҆чини́ти. Поча́токъ, мо́влю, дꙋхо́внымъ з҆ правосла́вными бе́сѣдамъ мои́мъ в҆ се́мъ мѣ́стѣ Ви́лни, и҆ з҆ сегѡ̀, в҆ цр҃кви се́й ст҃о́й на́то по̑несе́негѡ мѣ́ст҃ца ѹ҆чини́ти пре̑сѧвзѧ́лемъ бы́лъ. Не в҆ то́й є҆дна́къ мате́рїи̑, не в҆ то́й за́исте правосла́внїи̑ Хрїстїѧ́не, в҆ кото́рой тепе́ръ на̑ мы́сль, на̑ во́лю, и҆ на̑ ѡ҆чекива́не моѐ и҆ ва́ше з҆ слова́ми мои́ми найдова́тисѧ прихо́дит ми. Не в҆ мате́рїи̑ жа́лю и҆ пла́ча, а҆́ле в҆ мате́рїи̑ є҆ѵ҃лскои̑ ѹ҆тѣ́хи и҆ ра́дости. А҆чко́лвекъ и҆ є҆ѵ҃лскаѧ ѹ҆-

тѣ́ха и҆ ра́дость, неи҆́ншее што̀ сꙋ́тъ, то̑кѡ жа́ль и҆ пла́чъ. При-
ближи́сѧ, мо́витъ бо̑: І҆ѡа́нъ Предоте́ча, цр҃то нб҃ное[1]. ||
л. 6. Оу҆тѣ́ха то є҆́стъ и҆ ра́дость є҆ѵ҃лскаѧ, зближеноесѧ до на́съ
слы́шати и҆ мѣ́ти ца́рство нб҃ное. А҆́ле пе́рвей ре́клъ, Пока́й-
тесѧ, то є҆́стъ, жа́лꙋйте и҆ пла́чте за грѣхѝ свои̑: ꙗ҆́кобы
ре́клъ, оу҆тѣ́ха и҆ ра́дость цр҃тва нб҃ногѡ зближилысѧ до на́съ,
а҆́ле в҆ жа́лю сегосвѣ́тномъ и҆ в҆ пла́чꙋ. Длѧ̀ чо́гѡ и҆ са́мъ Зба-
ви́тель на́шъ І҆с҃ Хс҃: Бл҃же́ни, мо́витъ, пла́чющїи, ꙗ҆́ко тїѝ
оу҆тѣ́шатъсѧ[2], Пла́чъ доча́сный оу҆тѣ́хою называ́етъ вѣ́чною.
Ѿто́ль и҆ премꙋ́дрый Соломѡ́нъ, лѣ́пшꙋю ре́чъ бы́ти повѣ-
да́етъ приходи́ти до до́мꙋ пла́ча, нѣ́жли до до́мꙋ пи́рꙋ. И҆
в҆ о҆́во̑, то є҆́стъ, въ домꙋ̀ пи́рꙋ, в҆ домꙋ̀ мо́влю оу҆́чтъ и҆ бан-
ке́тѡвъ, ср҃це безꙋ́мныхъ найдова́тисѧ повѣда́етъ: а҆ в҆ домꙋ̀
пла́ча, ср҃це розꙋ́мныхъ. И҆ншїй є҆дна́къ, Пр҃: Хр҃: тꙋ́тъ тепе́ръ
на́мъ є҆́стъ жа́ль и҆ пла́чъ, на̑ жа́ль и҆ пла́чъ є҆ѵ҃лскоѝ оу҆тѣ́хи
и҆ ра́дости: и҆́ншїй мо́влю, понева́жъ з҆ и҆́ншеѝ причи́ны вы́-
никлый найдꙋ́етъсѧ. Жа́лю и҆ пла́ча є҆ѵ҃лскоѝ оу҆тѣ́хи и҆ ра́до-
сти причи́на, грѣ́хъ: а҆ сегѡ̀ тепе́решнегѡ на́шегѡ жа́лю и҆
пла́ча причи́на и҆ мате́рїѧ, преставле́нїе ѿ на́съ пречє́стногѡ
Мꙋ́жа, оу҆чите́лѧ на́шегѡ, Гд҃на и҆ Ѿца̀. Пе́рвоѝ пре́тѡ сеѝ
дꙋхо́вноѝ бе́сѣды моеѝ мате́рїѧ є҆́стъ жа́лю и҆ пла́ча по́лнаѧ:
л. 6 об. зачи́мъ слꙋ́шне ре́клемъ, же хотѧ́жъ з҆ сегѡ̀ мѣ́стца, на || ко-
то́ромъсѧ тепе́ръ найдꙋ́ю, дꙋхо́внымъ мои́мъ з҆ правосла́вны-
ми Слꙋ́хачами бе́сѣда̑ поча́токъ оу҆чини́ти пре̑сѧвзѧ́лемъ бы́лъ,
не въ мате́рїѝ є҆дна̑ жа́лю и҆ пла́ча. А҆́ле понева́жъ совѣ́ты
Бж҃їѝ не ꙗ҆́къ совѣ́ты лю́дскїѝ:[3] понева́жъ, мо́влю, и҆́начей
ра́дитъ чл҃вкъ, а҆ и҆́начей ра́дитъ Бг҃ъ, става́етъсѧ ѿто́ль
посполи́те, же што чл҃вкъ доча́сною мы́сли своеѝ ра́дою собѣ̀
ѡ҆бецꙋ́етъ, то добротли́вый Гд҃ь Бг҃ъ превѣ́чною во́ли своеѝ
ра́дою ницꙋ́етъ: а҆ то што̀ є҆мꙋ̀ лю́бо, ра́дитъ, вырокꙋ́етъ,
справꙋ́етъ и҆ ко́нчитъ. Кото́рогѡ во́ли, ра́дамъ, сꙋ́дѡмъ и҆

---

[1] Мѳ҃д. г҃. г҃. [2] Мѳ҃д. г҃. є҃. [3] І҆са̑. м҃.

выро́кѡмъ в҆ про́тивъ и҆тѝ, нето́лкѡ ма́рногѡ є҆́стъ чл҃вка и҆ безрозꙋ́многѡ, а҆́ле и҆ превро́тногѡ и҆ незбо҃ногѡ. И҆ мнѣ̀ теды̀ во́ли, ра́дамъ, сꙋ́дѡмъ, и҆ выро́кѡмъ всеси́лногѡ Бг҃а вовсе́мъ ѡ҆хо́тне по҃лега́ючомꙋ, то̀ чини́ти в҆ то́мъ ра́зѣ прихо́дитъ, што́сѧ неѿмѣ́нномꙋ є҆гѡ̀ вы́рокови, и҆ превѣ́чной во́ли, ра́дѣ, и҆ сꙋ́дови подоба́ло: а҆бы́сѧ и҆ з҆ моеѝ ча́сти, за смꙋ́тною сею̀ о҆ка́зїею, пере҃ всѐ до́бре спорѧжа́ючи҃, и҆ все до́бре справꙋ́ючи҃ Гд҃емъ Бг҃омъ нѣвчо҃ незгрѣши́ло, нѣ в҆ ᲂу҆стна́хъ мои́хъ, и҆ жебы́мъ нѣчо́гѡ безꙋ́многѡ в҆ спра́вѣ се́й проти́въ Бг҃ꙋ мое́мꙋ невы́реклъ. Гд҃ь Бг҃ъ бы́лъ на́мъ да́лъ Оу҆чи́телѧ по ср҃цꙋ свое́мꙋ, Гд҃ь Бг҃ъ и҆ взѧ́лъ є҆го̀: та́късѧ ста́ло, ꙗ҆́късѧ Гд҃ꙋ || Бг҃ꙋ подоба́ло: неха́й бꙋ́детъ и҆мѧ̀ Гд҃не бл҃ве́но на вѣ́ки.[1] Та́къ теды̀ ю҆́жъ постано́вленꙋю слова́мъ мои́мъ, в҆ пе́рвой, ꙗ҆́комъ ре́клъ, з҆ правосла́вными Слꙋ́хачами з҆ мѣ́стца сегѡ̀ Бе́сѣдѣ мое́й дꙋхо́вной, мате́рїю ма́ючи, ᲂу҆ва́жити ми пи́лнѡ нале́житъ, з҆ки́мъ тꙋ́ю бе́сѣдꙋ на́первей ᲂу҆чини́ти ма́ю: з҆ ва́ми Пра҃: Хр҃: в҆ дш҃ѝ и҆ тѣ́лѣ на мѣ́стцꙋ се́мъ притомными слꙋ́хачами, лю́бъ з҆ о҆́вымъ пречéстнымъ Мꙋ́жемъ, въ д҃шѝ свое́й пере҃ маеста́томъ Бг҃а вседержи́телѧ, кото́ромꙋ ѿ живота̀ ма́тки свое́й вѣ́рне и҆ побо҃не слꙋжи́лъ, стоѧ́чимъ: а҆ в҆ тѣ́лѣ посре҃ домꙋ̀ сегѡ̀ бо́жогѡ, в҆ кото́ромъ повѣ́реное собѣ̀ ѿ прест҃огѡ и҆ животворѧ́щогѡ Дх҃а ᲂу҆слꙋгова́не чю́ле и҆ пова҃не ѡ҆бходи́лъ, ле́жачимъ. З ва́ми Пра҃: Хр҃тїѧ́не, є҆слѝ Гд҃ь Бг҃ъ захо́четъ и҆ жи́ви бꙋ́демо, є҆слѝ на́то добротли́вогѡ Бг҃а во́лѧ бꙋ́детъ, и҆́ншїй ча́съ до ро҃мо́вы з҆ мѣ́стца сего̀ здари́тисѧ мнѣ̀ мо́жетъ, а҆ з҆ о҆́вымъ в҆ тѣ́лѣ на́мъ прито́мнымъ, и҆ пе́рвая то моѧ̀ и҆ о҆ста́тнѧѧ з҆ мѣ́стца сего̀ розмо́ва. Ктомꙋ̀, вы̀ во҃люблéнный, дрꙋ́гове и҆ Бра́тїѧ моѝ є҆сте́, а҆ то Па́нъ мо́й и҆ о҆те́цъ: Вы̀ спо҃слꙋ́хаче моѝ и҆ спо҃ꙋ́чневе, а҆ то всѣ́хъ на́съ наста́вникъ и҆ ᲂу҆чи́тель. А҆́же и҆ бо҃ско́е и҆ лю́дское пра́во Ѿца̀ и҆ ᲂу҆чи́телѧ на́дъ бра́тїю и҆

л. 7.

[1] Іо҃. ді.

л. 7 об. дрꙋ́ги чти́ти прика́зꙋетъ, нале́житъ, а҆бы́м ‖ ва́съ бра́тїю мою̀ и҆ дрꙋ́ги ма́лѡ позанеха́вши, з҆ пречє́стнымъ мои́мъ Ѿце́мъ в҆ пере̑ нѣ́што розмо́вилъ.

Дивꙋ́ешъсѧ сна́ть Веле́бный, и҆ ю҆́ж нн҃ѣ Бл҃же́нный Гд҃не мо́й и҆ Ѿче, же ѧ҆ Сн҃ъ тво́й и҆ слꙋга̀ (кото́рый те́бе а҆́чъ на́томъ мѣ́стцꙋ, а҆́ле нета́късѧ въ тѣ́лѣ маю́чого вита́ти мѣ́лъ,) на̑ звы́чай розмо́вы мое́й, стобо́ю ѡ҆бходи́тисѧ звы́клон̀ вита́ти тебѐ, и҆ спра́вꙋ послꙋ́ги мое́й, на кото́рꙋюсь мѧ̀ бы́лъ вы́слалъ, Ѿправова́ти постꙋпи́лемъ; же з҆ сего̀ мнѣ̀ незвы́клогѡ, а҆ твое́гѡ вла́сногѡ мѣ́стца̀ о҆бо́е то́е о҆бойти̇̀ пре̑сѧвзѧ́лемъ; дивꙋ́ешъсѧ мо́влю. А҆́ле ю҆́жъ сѧ ты̀ нѣчо́мꙋ насе́мъ свѣ́тѣ дѣ́ючомꙋсѧ недивꙋ́ешъ, всеми́рный о҆́ный, лю́дскими о҆чи́ма нѣко́ли неви́дѣный ди́въ в҆ оу҆тѣ́шномъ подниве́ню ма́ючи. З сего̀ мѣ́стца ты̀ повѣ́реное тобѣ̀ Ѿ Бг҃а и҆ Ѿ Це́ркве посе́лство, Ѿче мо́й че́стный, до бл҃гочести́вогѡ сего̀ лю́дꙋ Ѿправыва́лъ: з҆ тогѡ́жъ и҆ ѧ҆ мнѣ̀ повѣ́реное, Ѿ тогѡ̑ Бг҃а и҆ Ѿ Дх҃омъ Бо́жимъ спорѧ́женой цр҃ко́вной зве́рхности посе́лство, до тогѡ̑ бл҃гочести́вогѡ лю́дꙋ Ѿправова́ти постꙋпи́лемъ. З сего̀ ты̀ мѣ́стца та́мъ, где́сѧ тепе́ръ вла́сце Бо́жой знайдꙋ́ешъ преста́вленъ бы́ти оу҆достое́нымъ ста́лъсѧ: тогѡ́жъ и҆ ѧ҆ в҆ Бг҃ꙋ мое́м пра́гнꙋчи, на мѣ́стце се́е встꙋпи́ти зезво́лилемъ. На се́мъ мѣ́стци, за оу҆молкне́ ‖ нѣ́мъ тебе́ чл҃вка, дш҃езбаве́нный медото́чны оу҆́стъ твои̑ слова̀ коне́ц взѧлы̀: натѡ̑же мнѣ̀, ве́длꙋгъ слѡ̑ Хр҃а Гд҃а, трꙋ́дномꙋ в҆ слова̀ Ка́меневи,[1] вола́нѧ поча́токъ оу҆чини́ти нале́жало: а҆бы̀ твои́хъ че́стныхъ оу҆́стъ в҆ слꙋ́жбѣ Бж҃ой затво́ръ, мои́м о҆каѧ́нным в҆ тꙋю́жъ слꙋ́жбꙋ Бж҃ꙋю ста́лсѧ о҆тво́ръ. З сегѡ̀ ѧ҆ тебе́ Гд҃на мое́го и҆ Ѿца̀ в҆ дꙋ́хꙋ мое́мъ вита́ю: з҆ сегѡ̀ и҆ звы́клый мо́й сн҃овскїй покло́нъ тобѣ̀ чиню̀: з҆ сего̀ зайсте и҆ повѣ́реной мнѣ̀ послꙋ́ги спра́вꙋ до те́бе Ѿправова́лъ бы́мъ, бы́мъ небы́лъ той немы́лной оу҆́фности, же ты̀ все

л. 8.

[1] Лꙋк. г҃. д҃і.

тобѣ и намъ належачее, в Бгу, в которомъ южъ лицемъ к лицу живешъ, и рушаешся, и естесь, способомъ ему самому вѣдомымъ, и тобѣ внемъ ѡбявлены речивисте видишъ. Справ людскихъ прешлых и пришлыхъ вѣдомость Самъ ѡдинъ всевѣдаючій, и все прешлое и пришлое притомне оу себе маючій Гдь Бгъ собѣ зоставивши, же притомных нашихъ справъ и потребъ вѣдомости оучастникомъ и тебѣ сполечне з иншими стыми егѡ оугодниками оучинити рачилъ без жадной ѧ вонтпливости вѣрую, зачимъ и поступку злеценой мнѣ ѿ тебе, а мною справленой послуги прекладати перед тобою непоступую: але рачей, ведлугъ мѣлкогѡ розуму моегѡ, до цнѡтъ, вѣчных твоихъ ѡздѡбъ, пре кото||рый ты на семъ земномъ л. 8 об.
свѣтѣ поднеслымъ ѡказалымъ честнымъ и славнымъ, а на ономъ нбномъ, праведнымъ и стымъ, за ласкою добротливогѡ Бга зосталесь, ѡголошенѧ поступую. Держачи запевне по запертой твоей до мене любви, же то, вчомбысѧ ведлугъ годности высокихъ твоихъ цнѡтъ ѿ мене тобѣ недосить стало, нездолности моей, а не нехути причтено ѿ ней будетъ. Што гды чинити пресѧберу, Пречтой и преблгословенной прнѡ дѣвы Бцы, славной Влчци нашей, оуставѣчной ненасыченогѡ в любви ей срца твоегѡ оутѣхи, до Ха превѣчногѡ Бга ѡ причину прошу, абы он ѿ живучей в тобѣ ѡбфите престогѡ и животворѧщогѡ Дха ласки, ꙗкъ ѿ Мойсеова духа взѧвши,[1] на мнѣ црквн егѡ Стой послѣднемъ слузѣ положилъ. А взглѧдомъ далших владзою духовною наложеных на мене оуслуг црковныхъ реку дерзостнѣй, (дерзати абовѣмъ ѿ часу тогѡ въ Бгу моемъ, за всесилною егѡ помочю и нехотѧчому настоитъ ми:) ꙗкъ на Елисеѧ з милотію Илїиною,[2] такъ на мене недостойного з сими твоими при насъ зосталыми честными мощми, сугубого, который былъ в тобѣ духа, еслим не ѡжестилъ про-

[1] Чис. г. аі. [2] д. Цар. гла. в.

си́ти, вы́лѧти а҆бы̀ ра́чилъ. То́лкѡ за тою̀ ѻ҆ка́зїею, ми́мѡ
л. 9. ва́съ бра́тїю мою̀ и҆ дрꙋ́ги, до ‖ Гдⷭ҇на мое́гѡ и҆ Ѿца̀, кото́рого за любо́въ мою̀ є҆мꙋ̀ ви́ннꙋю, на́прⷪ҇ в҆ Контерфе́ктѣ живота̀ и҆ сме́рти посполи́томъ: пото́мъ в҆ вла́сномъ є҆гѡ̀ живои̑ дꙋши̑ ѻ҆́бразѣ: наконе́цъ в҆ живы́хъ ѿ животворѧ́щогѡ Дх҃а прибы́лыхъ є҆мꙋ̀ Цно́тахъ живꙋ́ю по́стать, за по́мочїю Хⷭ҇а Бг҃а мое́гѡ, перⷣ ва́ми поста́вити за́мыслъ взѧ́вши: Розꙋмѣ́ю, же ми́лость ва́ша за свою̀ до не́гѡ любо́въ, є҆щѐ живо́го ѻ҆глѧда́ти є҆го̀ пра́гнꙋчи, и҆ мнѣ̀ до приведе́нѧ в҆скꙋ́токъ дѣ́ла тогѡ̀ знамени́тогѡ ча́сꙋ на годи́нкꙋ любо́вне ѹ҆зы́чите, и҆ са́мисѧ до тогѡ̀, прⷣ та́къже коро́ткїй ча́съ, ѻ҆бо́ими ва́шими смы́слами приложи́ти ѻ҆хо́тне зезво́лите.

Пра́ведникъ а҆́ще пости́гнетъ сконча́тисѧ, в҆ поко́й бꙋ́детъ:
Справедли́вый чл҃вкъ, ґды̀ є҆мꙋ̀ прі́йдетъ ѹ҆мерети̑, в҆ ѿпочине́нїю бꙋ́детъ.
Премꙋ́дрый ре́клъ Соломѡ́нъ. [1]

Всѣ̀ свои̑ конце́пта, в҆ ре́чїй высо́кихъ ѹ҆важа́нїю, ѻ҆крꙋ́глѡ спорѧжа́ти звы́чай ма́ючїи̑ лю́де, ґды̀ межи̑ и҆́ншими и҆ то̀ ла́цнѡ ѻ҆ба́чити хотѧ́тъ, што́бы за коне́цъ бѣ́гꙋ в҆ сегѡ-
. 9 об. свѣ́тномъ ‖ животѣ̀ кото́рогѡ чл҃вка бы́лъ, в҆мѣ́стѡ ша́ль справедли́вои̑ розва́ги, живо́тъ лю́скїй ѹ҆важа́ти звы́кли пѧтера́кѡ. А҆же́бы ла́цнѣй то, чогѡ̀ шꙋка́ютъ, найти̑ могли̑: в҆то́мже живота̀ лю́скогѡ бѣ́гꙋ, пѧтера́когѡ ѹ҆важе́нѧ и҆ сме́рть найдꙋ́ютъ: ты́мъ порѧ́дкомъ, ꙋ҆важа́ютъ напрⷪ҇ живо́тъ и҆ сме́рть Прироже́нѧ: затымъ живо́тъ Ла́ски, а҆ сме́рть Грѣха̀: к҆ томꙋ̀ живо́тъ Смы́слѡвъ, а҆ сме́рть Цно́ты: потⷪ҇ живо́тъ Жите́йскїй, а҆ сме́рть И҆зстꙋпле́нїѧ: наконе́цъ живо́тъ Сла́вы, а҆ сме́рть Гее́нны. Прⷣ кото́рыи̑ живота̀ и҆ сме́рти ѹ҆важе́нѧ, ꙗ҆́къ по шнꙋрꙋ̀ нѣ́ѧкомъ до́йденъ бы́ти мо́жетъ ко́ждогѡ чл҃вка коне́цъ, на кото́рый по сконче́нїю замѣ́реногѡ собѣ̀ живота̀ прихо́дитъ: на до́брый, лю́бъ на злы́й: на живо́тъ, мо́влю, вѣ́чный, лю́бъ на сме́рть вѣ́чнꙋю.

[1] Премꙋ: Солом. г҃. д҃.

Нѣкоторый авѳ́вѣмъ животà й смéрти стáны, сѵ́тъ дорóгою до животà вѣ́чногѡ, à нѣ́который до вѣ́чноѧ смéрти.

Штóбы былъ живóтъ Прирожéнїа, з̑ ѳ̑граничéнїа смéрти Прирожéнїа вѣ́дати даéтсѧ. Ѥ̑слѝ вовѣ́мъ смéрть Прирожéнїа ѥ̑стъ, дш҃и ѿ тѣ́ла розлѹчéе: живóтъ Прирожéнїа бѹ́детъ, дш҃и з̑ тѣ́ломъ з̑ѣ́дночéне. Ꙗ̑кѡ вовѣ́мъ слóнце даéтъ свѣ́тлость днéви, тáкъ дш҃а живóтъ даéтъ тѣ́лѹ: й тáкъ за заст҃е́мъ || слóнца ставáетсѧ днéви нóчь, тáкъ за выст҃е́мъ дш҃и ставáетсѧ тѣ́лѹ смéрть. Тóй то живóтъ вѣ́ пéрвомъ чл҃вцѣ́ бл҃вчи҃ Гд҃ь Бг҃ъ, мóвитъ, Растѣ́тесѧ, й мнóжитесѧ, й наполнáйте зе́млю, й ѳ̑бладáйте ѥ́ю[1]. Й тоютo смéрт҃ю томѹ́жъ пéрвомѹ чл҃вкови тóйже Гд҃ь Бг҃ъ грóзячи мóвитъ, Вóнже а҃ще дéнь снѣ́сте́, ѿ ѿ (sic!) плóда дрéва, ѥ́же вѣ́дѣти добрó й злó, смéрт҃ію ѹ҃мрете́[2]. Ѿтóль Бо҃: А҃пл҃ъ Пáвелъ, Ѡбрóци, мóвитъ, грѣ́хà, смéрть[3]. Ѥ̑ст҃ тéды живо҃ Прирожéнїа, посполи́тое всѣ́мъ людéмъ вѣ́ дш҃и й тѣ́лѣ рожéѥсѧ: à смéрть Прирожéнїа, ѥ̑ст҃ посполи́тое всѣ́мъ людѣ́ дш҃и ѿ тѣ́ла рѡ́лѹчéне.

Живóтъ Ꙗ́ски, ѥ̑стъ живóтъ поединáнѧсѧ чл҃вка з̑ Бг҃омъ, черéзъ тáйнѹ крщ҃енїа починáючїйсѧ й повстáючїй, ѳ̑ котóромъ животѣ́ сáмъ Збавúтель нáшъ Ї҃с҃ Х҃с҃, А҃ще, мóвит҃, кто҃ нерóдитъсѧ ѿ воды, немóжетъ вúдѣти цáрствїа Бóжїа[4]. Ѡтóмѣже животѣ́ й Бо҃: А҃пл҃ъ Пáвелъ, Ѳлúци, мóвй, во Х҃а Ї҃са крестúхѡ́сѧ, во смр҃т҃ ѥгѡ̀ крестúхѡ́сѧ: спогребóхѡ́сѧ ѹ҃бо ѥмѹ́ крщ҃енїемъ во смр҃т҃: дà тáкоже костà Х҃с҃ ѿ мéртвы҃х̑ слáвою Ѻ̑чею, тáкѡ й мы̀ вѣ́ нóвости жúзни х҃одимъ[5]. Но принимáтю крщ҃енїа, нóвогѡ животà покóждомъ чл҃вкѹ Гд҃ь Бг҃ъ потребѹ́ет҃: котóрый нóвый живóтъ, животóмъ Ꙗ́ски й ѥ̑стъ й назывáетъсѧ, ѳ̑дúномѹ коемѹ́ждо нáсъ дадéсѧ блг҃ть, по мѣ́рѣ дарованїа х҃ва: Бо҃: А҃пл҃ъ Пáвелъ до ѳ̑фесе́ѡвъ мóвитъ[6]. Й йнде тóйже, Йдéже || ѹ҃мнóжисѧ грѣ́хъ, л. 10 об.

л. 10.

[1] Бы҃: г҃: а҃. [2] Тѣ́же г҃. в҃. [3] Рм҃: г҃: ѕ. [4] Їѡа҃: г҃: г҃. [5] Рм҃л: г҃: ѕ. [6] ѳ̑фс҃: г҃. д҃.

тáмѡ презбыточествовáтъ блáгть. Дà тáкоже цáрствовà грѣхъ во смéрть, тáкоже и блáгть воцарúтсѧ прáвдою к҃ жúзнь вѣчнýю, Ї҃ѕ х҃ристóмъ Гд҃емъ нáшимъ[1]. Живóтъ тéды Лáски тóй чл҃вкъ живѣ, котóрый самóмꙋ Бг҃ꙋ и живéтъ и оумирáетъ, Никтóже ѿ нáсъ себѣ живéтъ, мóвитъ Бо҃: Ап҃лъ Пáвелъ, И никтóже себѣ оумирáетъ а҃ще оубѡ живéмъ, Гд҃еви живéмъ: а҃ще оумирáемъ, Гд҃еви оумирáемъ: а҃ще оубѡ живéмъ, а҃ще оумирáемъ, Гд҃вы ѥсмы[2]. Живéтъ и тóй Лáски живóтъ, хто҃ Бг҃ꙋ а не собѣ живéтъ: вéдлꙋгъ ты҃же бо҃: Ап҃лом речéногѡ, х҃с за всѧ оумрé, дà живꙋщíй нектомꙋ себѣ живꙋтъ, нò оумéршемꙋ за нúхъ и воскрéсшемꙋ[3]. Смéрть зáсь Грѣхà, ѥстъ смéрть розлꙋчéнѧсѧ чл҃вка ѿ Бг҃а, черéзъ грѣхъ дѣючѧсѧ и повстáючѧ. Грѣхъ содѣáнъ, мóвитъ бо҃: Ї҃ковъ Ап҃лъ, ражáетъ смéрть[4]. Котóрꙋ ѧвóвѣмъ чл҃вкъ длѧ грѣхóвъ опꙋщенымъ ставáетъсѧ ѿ Бг҃а, кóждый такóвый нà дш҃и оумирáетъ. Грѣси вáши разлꙋчáютъ мéждꙋ вáми и Бг҃омъ: злóсти вáши роздѣлúлы межи вáми и межи Бг҃óмъ вáшимъ, Прр҃къ бж҃ій Ї҃сáїа до людꙋ жидóвскогѡ мóвитъ[5]. и бо҃: Ап҃лъ Пáвелъ, а҃ще, мóвитъ, пóплоти живетé, и҃мате оумрѣти[6]. Бо тáкъ тѣлꙋ живóтъ дáетъ дш҃а, тáкъ дш҃и живóтъ дáетъ Бг҃ъ, котóрымъ ѡнà живéтъ тáкъ тѣло дш҃éю. ѠтóлЬ бо҃: Григорíй двоеслóвъ, Ꙗкъ смéрть, мóвитъ, зевнꙋтрнаѧ ѿ дш҃и ‖ розлꙋчáетъ тѣло, тáкъ смéрть внꙋтрнаѧ л. 11.
ѿ Бг҃а ѿлꙋчáетъ дш҃ꙋ[7]. Смéрть сáмъ Грѣхà, нà смéрть Прирожéнъ тáкъ ѥстъ далéкѡ гóршею, тáкъ далéкѡ Бг҃ъ лѣпшимъ ѥстъ нáдъ дш҃ю: и тáкъ шкодлúвшее ѥстъ ѿлꙋчéнесѧ Бóжее ѿ дш҃и, нáдъ розлꙋчéнесѧ дш҃и ѿ тѣла. В смéрти ѧвóвѣмъ Прирожéной ѥстъ нѣшто добрà, а в смéрти сéй Грѣхà, ѡтиню жáдногѡ добрà нѣмáшъ. Прирожóнаѧ смéрть згꙋбленое довро́ привертáетъ чл҃вкꙋ, а Грѣхà смéрть все добро́ чл҃вчее внѣвечъ ѡвертáетъ. Прирожéнъ смéрть

---

[1] ефѣ҃: г҃: д҃. [2] Рúл: г҃: ѕ҃.—Тáже г҃. дї҃. [3] ѕ҃. Ко҃. г҃. ѕ҃. [4] г҃. а҃. [5] г҃. нд҃: [6] Рй҃: г҃: й. [7] в Ки. д҃. Морâ. на лї҃. глáвꙋ Їѡва. г҃. мв҃.

всѣ́мъ бѣда́мъ, не́ндзамъ, кло́потωмъ, и҆всемꙋ̀ о҆вше́ки сегωсвѣ́тномꙋ доча́сномꙋ злꙋ̀ коне́цъ чи́нитъ, а҆ сме́рть Грѣха̀ всемꙋ̀ злꙋ̀: всѣ́мъ, мо́влю, вѣ́чнымъ мꙋ́камъ пеке́лнымъ чи́нитъ поча́токъ. Сме́рти Прирожо́ной бы́ти спорѧди́лъ Гдь Бг҃ъ, а҆ сме́рти Грѣха̀ дѣѧ́тисѧ гро́зитъ, и҆ по̑ сро́ґимъ гнѣ́вꙋ свое́гω кара́нѣмъ зака́зꙋетъ[1]. Прирожо́нꙋю ра́зъ то́лкω о҆бхо́димо, а҆ сме́рть грѣхо́внꙋю ба́рзω ча́стω: кото́рою оу҆ме́рши, и҆мѧ̀ то́лкω то́е, же́смо жи́вы, на собѣ̀ но́симо, а҆ самою̀ и҆сто́тою ме́ртвы є҆́стесмо. Ѿто́ль бо̑: А҆вгꙋсти́нъ, Мно̀гїи̇, мо́витъ, найдꙋ́ютсѧ, кото́рыи̇ в҆ живы́хъ тѣ́лахъ ме́ртвыи дш҃и но́сѧтъ[2]. ѿ ґды́бысѧ комꙋ̀ присмотрѣ́ти дало́ и҆ ви́дѣти Правосла́внїи̇ Хрїстїѧ́нє: || ꙗ҆́къ мно́гшихъ тꙋ́тъ л. 11 об.
всє́й на́шей внꙋ́трь до́мꙋ сегὼ бж҃огω найдꙋ́ючойсѧ грома́дце, сею̀ Грѣха̀ сме́ртю жи́вω по́мерлыхъ на́съ, ꙗ҆́къ о҆́нꙋю оу҆ Бо̑: А҆пл҃а Па́вла простра́ннω пита́ючꙋюсѧ, жи́вω оу҆ме́рлꙋю вдовꙋ̀[3], стоѧ́ти нашо̑бы, нѣ́жли внѣ̀ це́ркви на цминтарꙋ̀ з҆ сме́рти Прирожє́нѧ погре́бены̑ лежа́ти.

Живо́тъ Смы́слωвъ што́бы бы́лъ, Бо̑: А҆пл҃ъ Па́велъ вѣ́дати да́етъ, гдѐ мо́ви̑, Ꙗ҆вле́ннаже сꙋ́ть дѣ́ла пло́тскаѧ, ꙗ҆́же сꙋ́ть, прелюбодѣѧ́нїе, блꙋ́дъ, нечистота̀, стꙋдодѣѧ́нїе, і҆дωлослꙋже́нїе, чародѣѧ́нїе, вра́жды, рве́нїѧ, за́виды, ꙗ҆́рости, разжеже́нїѧ, ра́спрѧ, со́блазны, є҆́реси, за́висти, оу҆бі́йства, пїѧ́нства, бе̑чи́нни кли́чи, и҆ подо́бнаѧ си́мъ[4]. Є҆́стъ те́ды живо̑ Смы́слω̑, ґды̀ хто̀ оу҆ме́рши Бг҃ꙋ, ґды̀, мо́влю, хто̀ ѿстꙋпи́вши Бг҃а собѣ̀ живе̑ и҆ свѣ́тꙋ, во вшелѧ́ки̑ тѣ́ла и҆ свѣ́та намѣ́тностѧ̑ и҆ пожадли́востѧ̑. Живо́тъ се́й живꙋ́тъ сн҃о́ве непокори́выи̇, ꙗ҆́къ бо̑: мо́витъ А҆пл҃ъ, на кото́рыхъ трва́етъ гнѣ́въ бо́жїй: и҆ кото́рыи̇ ца́рства нб҃ногω ѡ҆дѣ́дичити немо́гꙋтъ[5]. А҆ сме́рть циѡ́ты є҆́стъ, ґды̀ хто̀ живе́тъ Бг҃ꙋ во вшелѧ́кой свѧтобли́вости и҆ справедли́вости и҆ пра́вдѣ, и҆ става́етсѧ же́ртвою дх҃о́вною блг҃опрїѧ́ною Бг҃ви: а҆ оу҆мира́етъ собѣ̀, то

[1] Бы҃: г҃: в҃. [2] в҃ Ко̑мен. на А҆пока̑ [3] а҃. Ти̑. г҃. є҃. [4] Га̑: г҃: є҃.
[5] Кола̑: г҃. г҃:—Га̑: г҃: є҃:

є҆́стъ, тѣ́лꙋ и҆ свѣ́тꙋ[1], ста́вшисѧ є҆мꙋ слѣпы́мъ, глꙋхи́мъ, нѣмы́мъ, хро́мымъ, и҆ про҃: оу҆ста̀ ма́ючимъ, а҆ не мо́вѧчимъ,
л. 12. о҆́чи ма́ючимъ, а҆ неви́дѧчимъ: оу҆ха ‖ ма́ючимъ, а҆ неслы́шачимъ, но́здри ма́ючимъ, а҆ неѡ҆бонѧ́ючимъ, рꙋ́ки ма́ючимъ, а҆ неѡ҆сѧ́жꙋчимъ, но́ги ма́ючимъ, а҆ нехо́дѧчимъ, а҆́ле оу҆ставѣ́чне дие́мъ и҆ но́чю до Гд҃а Бг҃а своє́гѡ вола́ючимъ, Ѿврати̑ о҆́чи мои̑ неви́дѣти сꙋеты̀: Положи̑ оу҆сто́мъ мои́мъ храни́ло: Ѡ҆гради̑ оу҆ха моѧ̀ те́рнїемъ: Напра́ви стопы́ моѧ̀ по словеси̑ твоє́мꙋ[2]; Ро́вне и҆ о҆ всѣ́хъ и҆́нꙋшихъ дш҃и и҆ тѣ́ла смы́слахъ. Ꙗ҆́къ теды̀ живото́мъ Смы́слѡвъ живе́тъ то́й, хто̀ грѣхо́ви живе́тъ, а҆ оу҆мира́етъ справедли́вости: та́къ сме́ртю Цно́ты оу҆мира́етъ то́й, хто грѣхо́ви оу҆мира́етъ, а҆ живе́тъ справедли́вости: ве́длꙋгъ рече́ногѡ, Помышлѧ́йте, ме́ртвы оу҆бѡ бы́ти себѐ грѣхꙋ̀, жи́выже Бв҃и ѡ҆ х҃ѣ І҆с҃ѣ Гд҃ѣ на́шемъ[3]. И҆ за́сь, До́лжни є҆смы непло́ти, є҆́же по пло́ти жи́ти, [но дꙋ́хꙋ:] а҆́ще бо попло́ти живете́, и҆́мате оу҆мрѣ́ти: а҆́щели дꙋ́хомъ дѣѧ́нїѧ пло́тскаѧ оу҆мерщвлѧ́ете, жи́ви бꙋ́дете[4]. Сме́рть Прироже́нѧ бы́ти ре́клемъ, дш҃и ѿ тѣ́ла розлꙋче́не: сме́рть за́сь Цно́ты, дш҃и ѿ теле́сныхъ а҆фе́ктѡвъ и҆ намѣ́тностїй ѿлꙋче́не бы́ти повѣда́ю: кото́рꙋю Цно́ты сме́рть, посполи́те пло́ти оу҆мерщвле́нїемъ называ́ти звы́клисмо, ве́длꙋгъ рече́ногѡ, Оу҆мертви́те оу҆́ды ва́ша, и҆́же на́земли, блꙋ́дъ, нечистотꙋ̀, стра́сть, по́хоть злꙋ́ю, и҆ лихоима́нїе, є҆́же є҆́стъ і҆дѡлослꙋже́нїе: и҆́хъ же ра́ди грѧде́тъ гнѣ́въ Бж҃їй на сн҃ы непо-
л. 12 об. кори́выѧ[5]. З сею̀ Цно́ты смр҃тю, смр҃тъ ‖ Грѣха̀ жа́дногѡ поровна́нѧ нема́етъ, ꙗ҆́къ з҃свѣ́тлостю те́мность.

Живо́тъ Жите́йскій, є҆́стъ чл҃вка печа́лми свѣ́та сегѡ̀ ѿ все́ль ѡ҆го́рненогѡ и҆ ѡ҆панова́ногѡ. Живо҃ се́й недале́кїй є҆́стъ ѿ живота̀ Смы́слѡвъ: ѡ҆ ѡ҆бо҃ а҆бо́вѣмъ си́хъ живота́хъ о҆́вое бо҃: А҆пл҃а І҆ѡа́нна речи́сѧ мо́жетъ. Все є҆́же є҆́стъ в҃ ми́рѣ, по́хоть є҆́стъ пло́тскаѧ, по́хоть о҆че́съ, и҆ го́рдость жите́йскаѧ[6].

[1] а҃. Пе҃. г҃. в҃. [2] Ѱа҃: ли҃:—Ѱа҃: рм҃:—Сира҃: г҃ ки҃.—Ѱа́лом ри҃і. [3] Ри҃: г҃: ѕ҃: [4] Та́же г҃: и҃. [5] Кола҃. г҃. г҃. [6] а҃: І҆ѡа҃: г҃: в҃.

Живо́тъ а҆бо́вѣмъ Смы́слѡвъ є҆́стъ пожадли́вость теле́снаѧ: а҆ живо́тъ Жите́йскїй, пожадли́вость є҆́стъ о҆чі́й, и҆ пыха̀ свѣ́та сегѡ̀. То́й тако́вый живо́тъ приподо́банъ є҆́стъ ѿ Х҃а Гд҃а насѣ́нїю о҆́номꙋ межѝ те́рнїе оу҆па́ломꙋ[1]. Тако́гѡ а҆бо́вѣмъ живота̀ лю́де печа́лми, бога́тствы, и҆ ро́скошами живота̀ дочасногѡ задꙋ́шени бы́вши, о҆́воцꙋ вѣ́чногѡ живота̀ приноси́ти немо́гꙋтъ. А҆ ꙗ҆́къ живо́тъ Смы́слѡвъ живꙋ́тъ Сарданапа́леве и҆ Є҆пїкꙋ́рове, роспꙋ́стникове свѣ́та сегѡ̄, и҆ теле́сникове: Та́къ живо́тъ се́й Жите́йскїй живꙋ́тъ Делїка́тове и҆ Волюптꙋа́рїѝ, коха́нкове свѣ́та сегѡ̀, и҆ роско́шникове. Семꙋ̀ живото́ви в҆ про́тивъ стано́витъсѧ сме́рть И҆зстꙋпле́нїѧ, кото́раѧ роди́ти звы́кла Бг҃омы́слники, мꙋжѝ А҆гг҃лкогѡ живота̀, ѿ всѣ́хъ сегосвѣ́тныхъ печа́лїй ѿда́леный: кото́рый в҆ ко́ждой свое́й спра́вѣ себе́ Бг҃ꙋ, а҆ Бг҃а собѣ̀ притѡ́но||го л. 13.
бы́ти хотѧ́тъ. Ѿко́ль става́етсѧ и҆́мъ, же до Бг҃асѧ зближивши, самы́хъ се́бе частѡ́кроть ѿходи́ти мꙋ́сѧтъ: з҆ Бг҃омъсѧ найдꙋ́ючи, самы́мъ собѣ̀ небыва́ютъ притѡ́ными. Ѿто́ль ѡ҆собѣ̀ це́рковъ Хв҃а в҆ Пѣ́снехъ пѣ́снїй лю́бѡ спѣва́етъ, А҆́зъ сплю̀, и҆ срⷣце моѐ бди́тъ[2]. Сплю̀, мо́витъ, ѧ҆̀, а҆́ле срⷣце моѐ не спи́тъ, чю́етъ. Та́къ оу҆мира́ли Прⷪ҇ро́кове бж҃їѝ, ґды̀ в҆ ро́маи́тыѝ виде́нїѧ приходи́ли. Вто́й сме́рти бы́лъ Бо҃: І҆ѡа́нъ А҆пⷭ҇лъ, ґды̀ стра́шное о҆́ное в҆ Па́тмѣ о҆́стровѣ, ѿкрове́нїе ви́дѣлъ[3]. Тоѝ И҆зстꙋпле́нїѧ сме́рти знамени́те сподоби́лъсѧ и҆ Бо҃: А҆пⷭ҇лъ Па́велъ, ꙗ҆́къ са́мъ ѡ҆ собѣ̀ вѣ́дати то да́етъ, гдѐ мо́витъ, Вѣ́мъ чл҃вка ѡ҆ х҃ѣ пре́де лѣ́тъ четырна́десѧти, а҆́ще в҆ тѣ́лѣ невѣ́мъ, а҆́ще кро́мѣ тѣ́ла, невѣ́мъ, Бг҃ъ вѣ́сть: восхище́на бы́вша сего́ да́же до тре́тїѧгѡ нб҃се[4]: и҆ да́лей: Гдѐ мо́вѧчи ѡ҆ собѣ̀ Бо҃: се́й А҆пⷭ҇лъ, є҆слѝ в҆ тѣ́лѣ, є҆слѝ кро́мъ тѣ́ла бы́лемъ по́рванъ и҆ натре́тее и҆́бо зане́сенъ, невѣ́даю: о҆́вꙋю И҆зстꙋпле́нїѧ сме́рть выража́етъ. На кото́роѝ по́мень и҆ Бо҃: Лꙋка̀ в҆ дѣѧ́нїѧхъ А҆пⷭ҇лкихъ прише́дши, Воста́въ,

---

[1] Лꙋка̀ г҃: и҃. [2] г҃. є҃. [3] А҆пока҃: г҃. а҃. [4] в҃: Ко҃: г҃: в҃і.

мо́витъ, Са́вела̀ ѿ землѝ, ѿкрестома о҃чи́ма свои́ма нигди́нагѡ вида́ше: ведо́мые же его́ за́рꙋкꙋ въ ведо́ша въ Дама́скъ, ѝ бѣ̀ днѝ трѝ не вида́, ни ꙗ҆де́, ни пѝ[1]. ѾкоЛь ко҃лїꙋ́ютъ нѣ́которыѝ же пре́ вс҃ѣ тыѝ днѝ, сей Йзстꙋпле́нїа сме́рти Бо҃: сей А҃пла̀ бы́ла̀ заде́ржанъ. ‖

л. 13 об. Живо́тъ на коне́цъ Сла́вы, а҆ сме́рть Гее́нны въ про́тивѣ собѣ́ стоа́тъ. Живо́тъ Сла́вы, е҃стъ живо́тъ вѣ́чный: ѡ҆ кото́ромъ Зба́витель на́шъ Ї҃с Х҃с, Сі́а, мо́витъ, е҃стъ ко́ла послА́вшагѡ ма̀ Ѿца̀, да̀ всѧ́къ вида́и Сна, ѝ вѣ́рꙋи́й во́нь, и҆мать живо́тъ вѣ́чный[2]. Тогѡ̀ то живота̀ вѣ́чногѡ ро́скоши Бо҃: А҃пла̀ Па́вела̀ ѡ҆пи́сꙋючи, мо́витъ, О҆ко не вида́ѣ, ѝ ꙋ҆хо не слы́ша, ѝ на ср҃це чл҃вкꙋ не взыйдо́ша, ꙗ҆же ѹ҆гото́ва Бг҃ъ люба́щымъ его́[3]. Сме́рть за́сь Гее́нны, е҃стъ мꙋ́ка вѣ́чная: ѡ҆ кото́рой то́йже Зба́витель на́шъ Ї҃с Х҃с, Ѝ и҆дꙋ́тъ, мо́вит҃, сїѝ, [то е҃стъ гр҃ѣ́шници] въ мꙋ́кꙋ вѣ́чнꙋю[4]. Тꙋ́ю то сме́рть Гее́нны Бо҃: Їѡа́нъ А҃пла̀ взглА́домъ сме́рти Прирожє́нїа, кото́рая е҃стъ сме́рт҃ю пе́рвою, въ Ѿкрове́нїи свое́мъ сме́рт҃ю называ́ет҃ вто́рою, гдѣ́ мо́витъ, Боа҃вли́вымъ, ѝ невѣ́рнымъ, ѝ скве́рнымъ, ѝ ꙋ҆бі́йцамъ, ѝ бл҃дникїимъ, ѝ чародѣ́ямъ, ѝ і҆дложе́рцемъ, ѝ всѣ́мъ лжи́вымъ, ча́сть и҃мъ во е҃зерѣ́ горА́щемъ ѡ҆гне́мъ ѝ жꙋпеломъ: е҃же е҃стъ сме́рть вто́рая[5].

А҆ то е҃стъ патера́кое живота̀ лю҃скогѡ ѝ сме́рти въ ко́рот҃це прело́женое ꙋ҆важе́не. ѾкоЛь вѣ́домо на́мъ вы́ти Пр: Хр҃: нале́житъ, же пререче́ный живота̀ ѝ сме́рти ро́зницы проти́вным҃ нѣ́кꙋ спо́собомъ до се́бе ма́ючисѧ, пи́лнѡ ѡ҆сторо́жное на́ше на се́бе о҆ко мѣ́ти на́съ хотА́тъ. Живо́тъ а҃бо҃вѣ́мъ Прирожє́нїа ро́дячомꙋсѧ чл҃вкови ле́гокъ
л. 14. е҃стъ, а҆ ‖ сме́рть томꙋ́жъ ꙋ҆мираю́чомꙋ тА́жка: Живо́тъ Ласки е҃стъ вдА́чный, сме́рть Грѣха̀ е҃сть смꙋ́тна: Живо́тъ Смы́слwвъ ѝ живо́т҃ Житє́йскїй начА́съ ѹ҆тѣша́ютъ, а҆ на ча́съ смꙋтАтъ, а҆ сме́рть Цно́ты ѝ Йзстꙋпле́нїа, на ча́съ

---

[1] ѳ҃. д҃. [2] Їѡа҃: ѳ҃. б҃. [3] а҃: Бо҃: ѳ҃: б҃. [4] Мѳ҃д. ѳ҃. г҃. [5] ѳ҃. кв҃.

смꙋтѧтъ, а҆ на ча́съ оу҆тѣша́ютъ: Живо́тъ Сла́вы на́вѣки весели́тъ, а҆ сме́рть Гее́нны на́вѣки мꙋчитъ. Зачи́мъ з҆ тогѡ̀ тако́вогѡ прело́женогѡ животѡ́въ и҆ сме́ртїй проти́вногѡ до се́бе оу҆важе́нѧ, чл҃вкъ до ни́хъ мѣ́тисѧ ма́етъ, ꙗ҆́комъ ре́клъ, ѡ҆сторо́жне. Живо́тъ а҆бо́вѣмъ Прироже́нѧ бл҃года́рне прїйма́ти ма́емо, ꙗ҆́къ ѿ Бг҃а на́мъ да́ный: а҆ сме́рть Прироже́нѧ ла́годне зноси́ти. ꙗ҆́къ то што̀ на́съ минꙋ́ти немо́жетъ. Живота̀ Ла́ски пожада́ти ма́емо ꙗ҆́къ дш҃езбаве́нногѡ: а҆ сме́рти Грѣха̀ выстерега́тисѧ ꙗ҆́къ дш҃егꙋ́бной. Живо́тъ Смы́слѡвъ ѡ҆хи́лѧнъ и҆ ѿбѣ́ганъ на́ми бы́ти ма́етъ, ꙗ҆́къ Бг҃ꙋ бры́дкїй, и҆ дш҃а́мъ на́шимъ шкодли́вый: сме́рть Цно́ты ма́етъ бы́ти найдо́вана и҆ го́нена, ꙗ҆́къ Бг҃ꙋ лю́блѧ и҆ дш҃а́мъ на́шимъ заве́ннаѧ. Живото́мъ Житє́йскимъ бры́дитисѧ ма́емо, ꙗ҆́къ ве́лце шкодли́вымъ, и҆ до згꙋ́бы вѣ́чной ско́рѡ и҆ бѣ́днѡ прова́дѧчимъ: а҆ сме́рти И҆зстꙋпле́нїѧ ма́емо пожада́ти ꙗ҆́къ вдѧ́чне оу҆тѣ́шной, и҆ до доскона́лости живо́тъ лю́дскїй спѣ́шнѡ || и҆ ле́гкѡ прова́дѧчей. л. 14 об.
За живото́мъ Сла́вы всею̀ дш҃ею оу҆гонѧ́тисѧ ма́емо, и҆ догонѧ́ти, ꙗ҆́къ на́вѣки невымо́вне оу҆тѣша́ючогѡ: а҆ ѿ сме́рти Гее́нны всѣ́ми дш҃и си́лами оу҆тѣка́ти, и҆ оу҆бѣга́ти ꙗ҆́къ на́вѣки ѡ҆крꙋ́тне мꙋчачей.

То та́къ в҆ ко́ротце на кшта́лтъ Контерфе́ктꙋ живо́й ст҃о́гѡ сегѡ̀ Мꙋ́жа по́стати преложи́вши, бы́ в҆ само́мъ Мꙋ́жа сегѡ̀ ст҃о́гѡ животѣ̀ дово́лной до бе́сѣды з҆ ва́ми Пр: Хр҃: мате́рїй немѣ́лъ, не бе́зъ дш҃езбаве́нногѡ пожи́ткꙋ на прело́женыхъ живота̀ и҆ сме́рти оу҆важе́нѧхъ з҆ мл҃тю ва́шею забавитисѧ мо́глбымъ: ґды̀ бы́мъ ѡ҆бое́гѡ тогѡ̀, то є҆́ст, ко́ждогѡ живота̀ ѡ҆со́бнѡ, и҆ ко́ждой сме́рти нале́жный ѡ҆коли́чности оу҆ва́жити хотѣ́лъ. А҆́ле дово́лной, ꙗ҆́комъ ре́клъ, мате́рїй живота̀ Мꙋ́жа сегѡ̀ ст҃о́гѡ мѣ́стце даючи̑, то прело́женое бе̑ ѡ҆коли́чностїй, ꙗ҆́къ Контерфе́ктъ бе̑ фа́рбъ зоставꙋ́ю.

Живота̀ и҆ сме́рти пѧтера́кое оу҆важе́не, Пр: Хр҃: пре-

Йдѹ до животà Лáски: тогѡ чéстный сéй Мѵ́жъ набы́лъ черéзъ тáйнѹ Крщенїм ѣ̀ стóй соборной Âпⷭ́кой Цр̃кви: и̂ неѡ̈мр̃тв̃не вⷭ̃ жáдногѡ подойзрéнїа доховáлъ ѐгѡ̀, Бг̃ѹ ѣ̀ нéмъ живѹ́чи, âжъ до преставлéнїа своéгѡ ѕ̀ землѝ нá нб̃о. ||

л. 16 об. Живóтъ Слáвы, ѡ̂ котóромъ нáмъ рéчъ, âчкóлвекъ на óномъ â нб̃номъ свⷱ́тѣ зⷪ́олне и̂ досконáле познáванъ бывáетъ: ѥшáкже ѣ̀ ѻ̂сóбахъ вⷱ́рне на нéго заслѹжи́вшихъ, коллї́ ѓóванъ бывáетъ знáчне и̂ ѕ̀ побóжной слáвы животà свⷱ́та сегѡ̀ зéмногѡ. Йже животъ Слáвы свⷱ́та сегѡ̀, чéстенъ Мѵ́жѹ семѹ́, слáвенъ, и̂ стъ̃, сáмо достоéнство ѐгѡ̀ Їерéйское, и̂ прелоⷠжéнство Âрхїмандрїское, котóрыми ѿ Бг̃а ѐстъ̀ почтéнъ, свⷱ́дчатъ. В тыѭ достоѣ́ствахъ дочáсной слáвы, на вⷱ́чнѹю нб̃ногѡ животà слáвѹ працовúте заслѹжи́чи, ꙗ̃къ живóтъ ѡ̃ѣходúлъ, мáлѡ нúжей Пр: Хр̃: ѣ̀ смéрти ѐгѡ̀ Цнóты послы́шите.

Троúкїй тéды сéй похвáлный живóтъ перѣ̀ óчúма всѣ́хъ нáсъ, â ѡ̂совáйве перѣ̀ всевúдячими óчúма Бжи́ми насéмъ свⷱ́тѣ сватовлúве провáдивши Стый сéй Мѵ́жъ, бѣ̀ конⷮплúвости выро́къ óбый, Справедлúвый чáвкъ, ѓды̀ ѐмѹ́ прúйдетъ оу̂мретѝ, ѣ̀ ѡ̃почúнéню вⷭ̃детъ[1]: на óномъ, гдѣ̀ тепéръ ѐстъ̀, нб̃номъ свⷱ́тѣ зúщеный на совѣ́, спóлненый и̂ ѡ̂почúлый мⷱ́ти гóдными́ся стáлъ. В животѣ́ âвóвѣмъ Прирожéнъ, чéстенъ найдⷭ̃тся: ѣ̀ животѣ́ Лáски, непорóченъ: ѣ̀ животѣ́ Слáвы дочáсной, йлѣ до помⷱ́рéнъ
л. 17. ѣ̀н ѕ̀ слáвою вⷱ́чною, стъ̃. Што все || ѥнéмъ ꙗ̃снúй и̂ ѡ̂казáлнй вúдⷮти дáетъ смéрть Цнóты: до котóрой нⷱ́мъ ѐмѹ́ ѣ̀ нúжшихъ нⷱ́жъ трúцати лⷱ́тахъ пришлó, и̂ Йсповⷱ́дничей и̂ Мѵ́ченической зáцности корóною былъ вⷱ́нчáнъ, Йсповⷱ́дникъ самóю йстóтою, â Мѵ́ченикъ проúзволенїемъ ставшúся: ѓды̀ ѐмѹ́ прѣ̀ цⷱ́лый двà рóки срóѓимъ â ѡ̂к-

[1] Пр: Об: г̂. д̂.

рѹтнымъ темни́чнымъ кази́немъ мордо́ванома, на ко́дый де́нь для҃ є҆ѵ҃ской пра҃ды в҃де҃не ѹ҆мира́ти приходи́ло: В҃е́домъ ка́мъ Пр: Хр҃: спра́вы той по́ст҃покъ, в҃е́дома причи́на: в҃е́домъ и҆ скѹтокъ. Ї҆ки҃й на о҃нъ ча́съ дїа́волскїй покѹсы сто́му семѹ Ижу зноси́ти приходи́ло: ї҆ки҃й та́мъ лѹка́вый Б҃е́съ пре҃ свои҃ і҆нстрѹме́нта пере҃ ни́мъ фо́хи стро́илъ, то к҃ ѡ҆в҃е́тницахъ на҃ сподѣва́не рыхлѣ́йшогѡ з҃ темни́цы вызволе́нѣ, з҃ о҃вою конді́ціёю, є҆сли҃ па҃ши покло́нишъсѧ мнѣ҃: то к҃ стра́хаѫ на́дъ ѡ҆чекива́не ѡ҆кр҃ѹтныхъ мѹкъ и҆ незвыча́йной сме́рти, гдѣ́вы тогѡ҆ неѹ҆чини́лъ. Я҃ле тве́рдшїй нѣ҃жъ дїаме́нтовый, на Ка́менн в҃е́ры мо́цнѡ ѹ҆тве́рженый фїла́ръ се́й, все то́е ма҃къ дш҃е́гѹвный пеке҃ногѡ мо́рѧ нава́лности, мѹ҃ченическою дш҃е́ю непоколѣ҃бимѡ зно́смчи, сѫ҃цемъ и҆сповѣ҃дничимъ ста́ле ѿража́лъ. Во́женъ бы́лъ пре҃ царе҃ и҆ велмо́жи для҃ пра҃ды є҆ѵ҃ской, и҆ вы́зналъ є҆и҃ стате́чне: ‖ Бы́лъ насмѣ҃ванъ для҃ л. 17 об.
в҃е́ры правосла́вной, лжен, вѣ҃чи́шен, ша́рпа҃, ѿ҃ сѹдѹ до сѹдѹ, з҃ тѹрмы до тѹрмы, пре҃ цѣ҃лый два҃ ро́ки ма҃къ злочи́нца ма҃кі҃й поколо́ка҃, (чогѡ́сѧ всегѡ҆ всѣ҃хъ ва́съ влг҃очести́вый Хрі҃сті҃а́не кров҃а́выми на о҃нъ ча́съ лза́ми ѡ҆т҃е́клый о҃чи насмотрѣ҃лы: ѯдыі́сѧ ва́мъ и҆ весе́лый ва́ши сті҃ы́хъ днїй ѹ҆рочи́тости, жо́лчемъ нелитости́вой звѣ҃рскѡ на҃ ва́ми пре҃ а҃постáты бе́ствѣчнісѧ ѹ҆ні҃тской Схі́смы, к҃ смѹтокъ и҆ пла́чъ ѡ҆ворочáлы,) пра́вды є҆дна́къ є҆ѵ҃ской незапрѣ҃лъсѧ. Все то́е ѡ҆хо́тне ра́достною дш҃е́ю зноси́лъ, вы́ле то́лкѡ пра́вда з҃ є҆гѡ҆ о҆со́бы на то́т҃ ча́съ к҃ своє́й пова҃ности была҃ зоста́ла: ма҃ко҃ за ла́скою доброти́вогѡ Бг҃а҃ зоста́ла. Са́м҃ о҃ный нема́ль ѹ҆ста҃вѣ҃чный дворо́чногѡ кази́на҃ є҆гѡ҆, по҃зе́мный темни́чный мро́къ, ле́гкомѹ к҃ вѣ҃рѣ, лю҃бъ вѣ҃тромъ свѣ҃та сегѡ҆ надѹ҃томѹ ср҃цѹ до́сыть бы́лъ назречéнѣсѧ Правосла́ві҃а: чогѡ҆ самогѡ на о҃нъ ча́съ посе́мъ ста́лои в҃е́ры млоде́нцѹ потребова́но. По ро́зныхъ о҃ныхъ темни́цахъ, и҆ тѹрма҃ во́женому, што҆ за вчасность мѣ҃стца, повѣ҃трм, това́ристка; Са́мы ѿ҃ пѹ҃тъ и҆ ланцѹхо́въ нате́ртый вли́зны тѣ҃ла сегѡ҆ че́стногѡ

Йдѹ до живота̀ Ла́зки: тогѡ̀ че́стный сей Мѫжъ набы́лъ чере́зъ та́йну Крще́нїа є҃ стой соборной Апльской Цр҃кви: и҆ неѿмѣ́нне бе҃ жа́дногѡ подойзре́нїа доховалъ є҃гѡ, Бг҃у є҃ не́мъ живу́чи, а҆жъ до преставле́нїа своегѡ з҃ земли на не҃бо. ||

л. 16 об. Живо́тъ Сла́вы, ѡ҆ кото́ромъ на́мъ ре́чъ, а҆чко́лвекъ на о҃номъ а҃ не҃номъ свѣ́тѣ зѵпо́лне и҆ доскона́ле позна́ванъ бы-ва́етъ: ѥшако́же є҃ о҆со́бахъ вѣ́рне на не́го заслѹжи́вшихъ, колїѣ ѓо́ванъ быва́етъ зна́чне и҆ з҃ побо́жной сла́вы живота̀ свѣ́та сегѡ̀ зе́многѡ. Йже живо́тъ Сла́вы свѣ́та сегѡ, че́стенъ Мѫжъ семѹ, сла́венъ, и҆ сѵ̑тъ, са́мо достое́нство є҃гѡ̀ Їере́йское, и҆ преложе́нство Архїма́ндрїское, кото́рыми ѿ Бга̀ е҆́сть почтенъ, свѣ́дчатъ. В҃ тыхъ достоѣ́ствахъ дочасно҆й сла́вы, на вѣ́чную не҃ногѡ живота̀ сла́ву працовите заслѹжи́ви, я҆́къ живо́тъ ѡ҆ѣ́хо́дилъ, ма́лѡ ни́жей Пр: Хр҃: є҃ смерти є҃гѡ̀ Цно́ты послы́шите.

Тромкїй те́ды се́й похва́лный живо́тъ пере҃ о҆чи́ма всѣ́хъ на́съ, а҆ ѡ҆сова́ѥ пере҃ всевидачими о҆чи́ма Бжими насе́мъ свѣ́тѣ сватова́ѥ прова́дивши Сѵ̑тый се́й Мѫжъ, бе҃ воитѣ́пливости вы́рокъ о҃вый, Справедли́вый чл҃къ, ѓды є҃мѹ прі́йдетъ ѹ҆мрети, є҃ ѿпочине́нїю бѹ́детъ[1]: на о҃номъ, где́ тепе́рь е҆́сть, не҃номъ свѣ́тѣ зи́ценый на сове҃, спо́-ленный и҆ ѡ҆почи́лый мѣ́ти го́дными́съ ста́лъ. В҃ живо́тѣ а҃во́кѣмъ Прироже́нъ, че́стенъ найдѹ́тъ́ся: є҃ живо́тѣ Ла́ски, непоро́ченъ: є҃ живо́тѣ Сла́вы дочасно҆й, и҆́же до помѣре́нїа
л. 17. є҃ѝ з҃ сла́вою вѣ́чною, сѵ̑тъ. Што все || вне́мъ ла́сный и҆ ѡ҆ка-за́лѣй ви́дѣти да́етъ сме́рть Цно́ты: до кото́рои҆ нѣ́мъ є҃мѹ є҃ ни́жшихъ нѣ́жъ трицати лѣ́тахъ пришло́, и҆ Йспо-вѣ́дничеи҆ и҆ Мѵченической за́цности коро́ною бы́лъ вѣнча́нъ, Йспове҃дникъ само́ю и҆сто́тою, а҆ Мѵченикъ прои҆зволе́нїемъ ста́вшисѧ: ѓды є҃мѹ пре҃ цѣ́лый два̀ ро́ки сро́ѓимъ а҆ ѡ҆к-

[1] Пр: Сб҃: Ѳ҃. а҃.

рꙋтнымъ темни́чнымъ вѧзе́нѣмъ мордо́ваномꙋ, на кождый де́нь длѧ̀ є҆ѵ҃ской пра́вды бѣ́дне оу҆мира́ти приходи́ло: Вѣ́домъ ва́мъ Пр: Хр҃: спра́вы тоѝ по́стꙋпокъ, вѣ́дома причи́на: вѣ́домъ и҆ скꙋ́токъ. Ꙗ҆кі́и на о҆́нъ ча́съ дїа́волскїи покꙋ́сы ст҃о́мꙋ семꙋ̀ Мꙋ́жꙋ зноси́ти приходи́ло: ꙗ҆кі́и та́мъ лꙋка́вый Бѣ́съ пре̑ свои̑ і҆нстрꙋме́нта пере̑ ни́мъ фо́хи стро́илъ, то в̑ ѡ҆бѣ́тницахъ на̑ сподѣва́не рыхлѣ́йшогѡ з̑ темни́цы вызволе́нѧ, з̑ о҆́вою кондіцїею, є҆сли̑ па̑ши покло́нишъсѧ мнѣ̑: то в̑ стра́хахъ на́дъ ѡчекива́не ѡ҆крꙋ́тныхъ мꙋ́къ и҆ незвыча́йнои̑ сме́рти, где́бы тогѡ̀ неоу҆чини́лъ. А҆́ле тве́рдшїй нѣ́жъ Дїаме́нтовый, на Ка́мени вѣ́ры мо́цнѡ оу҆тве́рженый фїла́ръ се́й, все то́е ꙗ҆́къ дш҃егꙋ́бныи̑ пеке̑ногѡ мо́рѧ нава́лности, мꙋ́ченическою дш҃ею непоколѣби́мѡ зно́сѧчи, ср҃цемъ и҆сповѣ́дничимъ ста́ле ѿража́лъ. Во́женъ бы́лъ пре̑ царѣ̑ и҆ велмо́жи длѧ̀ пра̑ды є҆ѵ҃лскои̑, и҆ вы́зналъ є҆и̑ стате́чне: || Бы́лъ насмѣ́ванъ длѧ̀ л. 17 об.
вѣ́ры правосла́вной, лжен̑, бе̑че́щен̑, ша́рпа̑, ѿ сꙋ́дꙋ до сꙋ́дꙋ, з̑ тꙋрмы̀ до тꙋрмы̀, пре̑ цѣ́лыи̑ два̀ ро́ки ꙗ҆́къ злочи́ница ꙗ҆кі́й поволо́ка̑, (чогѡ́сѧ всегѡ̀ всѣ́хъ ва́съ бл҃гочести́выи̑ Хрїстїа́не крва́выми на о҆́нъ ча́съ лза́ми ѡ҆те́клыи̑ о҆́чи насмотрѣ́лы: Гды́сѧ ва́мъ и҆ весе́лыи̑ ва́ши ст҃ы́хъ днїй оу҆рочи́тости, жо́лчемъ нелитости́вои̑ звѣ́рскѡ на̑ ва́ми пре̑ А҆поста́ты бе́ствѧчеи̑сѧ оу҆ні́тскои̑ Схі́смы, в̑ смꙋ́токъ и҆ пла́чъ ѡ҆бороча́лы,) пра́вды є҆дна́къ є҆ѵ҃лскои̑ незапрѣ́лъсѧ. Все то́е ѡ҆хо́тне ра́достною дш҃е́ю зноси́лъ, бы́ле то́лкѡ пра́вда з̑ є҆гѡ̀ о҆со́бы на то́тъ ча́съ в̑ свое́й пова̑ности была̀ зоста́ла: ꙗ҆ко̑ за ла́скою добротли́вогѡ Бг҃а зоста́ла. Са́мъ о҆́ный нема́ль оу҆ставѣ́чный дворо́чногѡ вѧзе́нѧ є҆гѡ̀, по̑зе́мный темни́чный мро́къ, ле́гкомꙋ в̑ вѣ́рѣ, лю́бъ вѣ́тромъ свѣ́та сегѡ̀ надꙋ́томꙋ ср҃цꙋ до́сыть бы́лъ назрече́несѧ Правосла́вїѧ: чогѡ̀ само́гѡ на о҆́нъ ча́съ посе́мъ ста́лои̑ вѣ́ры млоде́нцꙋ потребова́но. По ро́зныхъ о҆́ныхъ темни́цахъ, и҆ тꙋрма̑ во́женомꙋ, што̀ за вча́сность мѣ́ст҃ца, повѣ́трѧ, това́риства; Са́мы ѿ пꙋ́тъ и҆ ланцꙋхо́въ нате́ртыи̑ бли́зны тѣ́ла сегѡ́ че́стногѡ

л. 19 об. до ст҃ои̑ є҆гѡ̀ дш҃и̑, ꙗ҆́кобы до ‖ ска́рбцꙋ нѣ́ꙗкогѡ всѣ̑ І҆ноческїи̑ цно́ты былы̀ стеклы̀: кото́рыи̑ в҆ не́мъ помѣсти́тисѧ немо́гши, всѣ́мъ прине́мъ и҆ ѻ҆́колѡ не́гѡ живꙋ́чымъ на живы́й при́кладъ го́йнесѧ вилива́лы. А҆ нето́лкѡ І҆нокѡмъ самы́мъ напри́кладъ, а҆́ле ко́ждомꙋ и҆ на́вышшогѡ и҆ на́нижшогѡ Ста́нꙋ бл҃гочести́вомꙋ Хр҃тїа́нинꙋ. Бо̀ хо́ть на за́кона І҆ноческогѡ посторо́гꙋ в҆не́мъ по́йзрѣлъ хто́, Пꙋстынножи́телемъ ро́внымъ бы́ти є҆го́ ѻ҆ба́чилъ: хо́ть посполи́тымъ свѣ́тскогѡ живота̀ цно́тамъ в҆не́мъ присмотрѣва́лъсѧ, про̑кꙋючимъ є҆го́ в҆ни́хъ пере̑ всѣ́ми и҆ напобожнѣ́йшими знайдова́лъ. И҆ а҆́чъ за́зростю (кото́раѧ на ко̑дꙋю ре́чъ пожите́чнꙋю слѣ́па) тлꙋ́мленъ бы́ти звы́клъ то́й, когѡ̀ жа́днаѧ сла́ва зла́ѧ недотыка́етъ, тꙋ́тъ є҆дна́къ и҆ та́ѧ мѣ́стца мѣ́ти немо́жетъ: Са́мъ всты́дъ свѣ́тскїй и҆ наневстыдли́вшемꙋ ѡ҆жꙋ́вци ᲂу҆ста̀ затамꙋ́етъ. Посре̑ бѣ́логѡ а҆бо́вѣмъ дня̀, ꙗ҆́къ мо́вѧтъ, Мꙋ́жъ се́й ве́съ бѣ́гъ живота̀ свое́гѡ прова́дилъ. Зна́ютъ все то́е в҆не́мъ Бра́тїѧ, кото́рыи̑ з҆ни́мъ жили̑, кото́рымъ ѻ҆́нъ бы́лъ Пре̑води́телемъ: зна́ете и҆ вы̀ Правосла́вныи, кото́рїистесѧ томꙋ̀ присмотрѣ́ли, кото́рымъ ѻ҆́нъ бы́лъ Ꙋчи́телемъ: зна́етъ на коне́цъ и҆ все Ви́лно, кото́рое цно́тъ є҆гѡ̀ ты́хъ по̑но: в҆ кото́ромъ ѻ҆́нъ бы̑ по всѣ̑ лѣ́та свои̑ ме́шканцемъ· ‖

л. 20. І҆ере́йства слꙋ́жбꙋ ꙗ҆́къ ѡ҆бходи́лъ, Бг҃ꙋ то само́имꙋ (sic!) на́лѣпшей вѣ́домо, а҆ле́сѧ и҆ томꙋ̀ на́ши ѻ҆́чи ба́рзѡ до́бре присмотрѣ́лы. Приближа́ющїисѧ І҆ере́е ко Гд҃ꙋ Бг҃ꙋ, мо́витъ пи́смо ст҃о́е, да̀ ѡ҆ст҃ѧ́тъсѧ: да̀ некогда̀ ѿстꙋ́питъ ѿ ни́хъ Гд҃ь[1]: Росказа́нїе се́е Бж҃ее че́стномꙋ семꙋ̀ І҆ере́ови та́къ до́бре па́мѧтно было̀, же непе́рвей на достое́нства сегѡ̀ слꙋ́жбꙋ возва́ный Гд҃ꙋ Бг҃ꙋ себе́ ѿда́ти зезво́лилъ, а҆́жъ бы ѿ свѣ́тскихъ себе́ заба́въ ѻ҆вше́ки бы́лъ ѿда́лилъ. Томꙋ̀ само́мꙋ, кото́рый є҆го́ на слꙋ́жбꙋ тꙋ́ю ст҃ꙋ́ю собѣ̑ ѻ҆бра́лъ, возва́лъ, и҆

[1] И҆схо̀: г҃: ді҃.

послáлъ, âбыcѧ подóбалъ: ѻ҃вой Бо҃: âпла Пáвла здорóвой рáдѣ дóсыть ꙁ себé оучинúлъ, мóкмчогѡ, Никтóже воинствýай ѻ҃вовáзуетъcѧ кꙋплями житéйскими[1]. Повúниость Ꙗчúтéскую гако чюле, гако дбáле оустне и Скріптами Ѿправовáлъ, нетóлкѡ вáмъ Православнымъ навки ег҃ѡ притóмнымъ Слꙋхачѡмъ, âле и самымъ іновéрцемъ неéстъ невѣдомо. Прилежáщiи дóврѣ Презвíтери, мóвитъ тóйже Бо҃: âплъ Слꙋжбым чéсти дà сподовлáютcѧ[2]: чюлъ и знáлъ себé выти, дóбрый сéй Ꙗчúтель, настрáжи Бжой постáвленого[3]: крáсны мѣти на горáхъ бговѣствýючогѡ и проповѣдýючогѡ покóй. Пѡносúлъ гóлосъ свóй гако трýбꙋ[4]. Трезвúлcѧ вовсéмъ, бодрствовáлъ, працовáлъ чи ‖ нúлъ дѣло л. 20 об.
ев҃лíсты, послꙋгꙋ свою выполнúлъ: проповѣдà слóво, налегáлъ, бговрéменне и бѣврéмене, строфовáлъ, громúлъ, просú, во вшелáкой терплúвости и наꙋцѣ[5]. Назелéны травáхъ, и на бýйны пáствы, вéдлугъ слѡвъ Прр҃ка бжогѡ[6], дóбрый сéй пáстырь словéсный ѻ҃вцы Хвы пáствѣ своéй повѣреный пáсл, ꙁгромажáл роспорóшеный, звирà розвѣглый: выводúлъ и҃х ꙁ людú Шствпны, ꙁ зéмль ересúцкú и халдъ Схúсмáтицкú, â ѣ҃ водúлъ зáсь до влáсной им зѣлú, до ѥдúной ст҃ой соборной и âплакой Цр҃кви: зевнꙋтр котóрой блꙋкáючиcѧ, ѿ волкóвъ и ѿ ѧ҃ншú крвежадлúвыхъ вéстú пожéрты выкши, погúнꙋти мꙋслы. Пáслъ и҃хъ по горáхъ и по здорóмъ пáжити вѡдъ животóчныхъ ѻ҃вскихъ. Тогѡ, што былó загúнꙋло, шꙋкáлъ: што былó закúнено, находúлъ: што былó полáмано, ѡ҃вязовалъ: што былó ѡ҃слáблено, оумоцнúлъ: â што тлꙋстое былó и мóцное, тогѡ стерéглъ: дшꙋ свою на конéцъ дóбрый сéй пáстырь за ѻ҃вцы Хвы положúти завжды былъ готóвый[7], ѻ҃вый Бо҃: âпла Пáвла до пáстырев речéный слова наоустáвичной пáмати мáючи, внимáйте себѣ, и всемꙋ стáдꙋ, внéмъже

[1] к҃. Тѝ. ѳ҃. к҃. [2] ā: Тѝ: ѳ҃. б҃. [3] âввà. ѳ҃: к҃. [4] Ісаі: ѳ҃. кв. [5] к҃. Тѝ. ѳ҃. д҃ [6] ѱа҃: кв: [7] Іѡа҃. ѳ҃. ї:

л. 19 об. до сѣ҃ной ѣ҃гѡ дш҃и, ѩ҃кобы до ‖ скáрецъ нѣ҃когѡ всѣ҃ Їноческіѝ цно́ты былы̀ стеклы̀: котóрыѝ ѣ҃ нéмъ помѣ҃стúтисѧ немóгши, всѣ҃мъ҃ прúнéмъ и̂ ѻ҃колѡ нéгѡ жнѣ҃чымъ на живы́й прúкладъ гóйнѡсѧ биливáлы. А̂ нетóлкѡ Їнокѡмъ самы́мъ напрúкладъ, а҃ле кóждомꙋ̀ и̂ нáвышшогѡ и̂ нáнижшогѡ Сѣ҃тáꙋ̀ блг҃очестúномꙋ̀ Хр҃тїáнинꙋ̀. Нѡ̀ хóть на зáкона Їноческогѡ посторóгꙋ̀ ѣ҃нéмъ пóйзрѣлъ хтó, Пꙋстынножúтелемъ҃ рóвнымъ вы́ти ѣ҃гó ѳ҃вáчилъ: хóть посполúтымъ свѣ҃тскогѡ животá цнóтамъ ѣ҃нéмъ прúсмотрѣ҃вáлъсѧ, прѡ̀кую-чимъ ѣ҃гó ѣ҃нúхъ перѣ҃ всѣ҃мú и̂ наповожнѣ҃йшнми знáйдовáлъ. И̂ а҃ч҃ зáзрѣ҃стю (котóрая на кѡ̀дꙋю рéчъ пожнтéчнꙋю слѣ҃пá) тлꙋ́млѣнъ вы́ти звы́кл тóй, когѡ̀ жáднал слáва злáл недотыкáетъ, тꙋ́тъ ѣ҃днáкъ и̂ тáл мѣ҃стца мѣ҃ти немóжетъ: Ѳáмъ всты́дъ свѣ҃тскїй и̂ наневстыдлúвшемꙋ̀ ѡ҃жѣ҃вци ѹ҃стá затамѣ҃тъ. Посрѣ҃ всѣ҃логѡ ѧ҃вóкѣ҃мъ҃ днá, ѩ҃къ мóкл҃, ли҃жъ сéй вéсь всѣ҃гъ животá своéгѡ провáдилъ. Знáютъ всѣ тóе ѣ҃нéмъ Брáтїи, котóрыѝ зни́мъ жилѝ, котóрымъ ѻ҃нъ вы́лъ Прѣ҃водúтелемъ҃: знáете и̂ вы̀ Православ-ныи, котóрїнстесѧ томꙋ̀ прúсмотрѣ҃ли, котóры ѻ҃нъ вы́лъ Ѹ҃чúтелемъ҃: знáет҃ на конéцъ и̂ всѣ҃ вúлно, котóрое цнóтъ ѣ҃гѡ̀ ты́хъ пѡ̀но: ѣ҃ котóромъ҃ ѻ҃нъ бы҃ по всѣ҃ лѣ҃та своѝ мéшкалцемъ҃· ‖

л. 20. Їерéйства слꙋ́жбꙋ̀ ѩ҃къ ѡ҃ходúлъ, Бг҃ꙋ̀ то самóмꙋ̀ (sic!) нáлѣ҃пшей вѣ҃домо, а҃лéсѧ и̂ томꙋ̀ нáши ѻ҃чи бáрзѡ дóбре прúсмотрѣ҃лы. Прúближáющїисѧ Їерéе ко Гд҃ꙋ̀ Бг҃ꙋ̀, мóвитъ пúсмо сѣ҃тóе, да ѡ҃стѣ҃мáтсѧ: да̀ нéкогда ѡ҃стꙋ́питъ ѡ҃ нúхъ Гд҃ь [1]: Росказáнѣ сéе Бж҃ее чéстномꙋ̀ семꙋ̀ Їерéови тáкъ дóбре пáмл҃тно было̀, же непéрвей на достоéнства сегѡ̀ слꙋ́жбꙋ̀ возвáный Гд҃ꙋ̀ Бг҃ꙋ̀ себѣ҃ ѡ҃дáти зезволúлъ, а҃жъ вы ѡ҃ свѣ҃тскúхъ себѣ҃ забáвъ ѳ҃вшéки былъ ѡ҃дáлилъ. Томꙋ̀ самóмꙋ̀, котóрый ѣ҃гó на слꙋ́жбꙋ̀ твю҃ сꙋ́ю совѣ҃ ѳ҃брáлъ, возвáлъ, и̂

[1] Йсхо: ѳ҃: д҃і҃.

послáлъ, áбысѧ подóбалъ: ѻ҆́вой Бо҃: А҆п҃ла Пáвла здорóвой рáдѣ дóсыть з҆ себé ѹ҆чинúлъ, мóвѧчогѡ, Никтóже воинствꙋѧ́й ѻ҆бовѧ́зꙋетъсѧ кꙋплѧми житéйскими[1]. Повúнность Ѹ҆чи́тельскꙋю ꙗ҆́къ чю́ле, ꙗ҆́къ дбáле ѹ҆́стне и҆ Скрíптами ѿправовáлъ, нетóлкѡ вáмъ Правослáвнымъ наꙋ́ки є҆гѡ̀ притóмнымъ Слꙋхачѡмъ, а҆́ле и҆ самы́мъ і҆новѣ́рцемъ неє҆́стъ невѣ́домо. Прилежáщїѝ дóбрѣ Презвíтери, мóвитъ тóйже Бо҃: А҆п҃лъ Сꙋгꙋбыѧ чéсти дà сподоблѧ́ютсѧ[2]: чю́лъ и҆ знáлъ себé бы́ти, дóбрый сéй Ѹ҆чи́тель, настрáжи Бж҃ой постáвленого[3]: крáсны мѣ́ти на горáхъ бл҃говѣствꙋ́ючогѡ и҆ проповѣдꙋ́ючогѡ покóй. По҃носи́лъ гóлосъ свóй ꙗ҆́къ трꙋбꙋ̀[4]. Трезви́лсѧ вовсéмъ, бодрствовáлъ, працовáлъ чи ‖ ни́лъ дѣ́ло є҆ѵ҃лíсты, послꙋгꙋ свою̀ выполнѧ́лъ: проповѣда҃ слóво, налегáлъ, бл҃говрéменне и҆ безвремѣ҃не, строфовáлъ, громи́лъ, проси҃, во вшелѧ́кой терпли́вости и҆ наꙋцѣ̀[5]. Назелéны҃ травáхъ, и҆ на бꙋйны҃ пáства҃, вéдлꙋгъ слѡ́въ Прр҃ка бж҃огѡ[6], дóбрый сéй пáстырь словéсныѝ ѻ҆́вцы Хвы҃ пáствѣ своéй повѣ́реныѝ пáсл҃, з҆громажáл роспорóшеныѝ, збира҃ розбѣ́глыѝ: выводи́лъ и҆́хъ з҆ лю́дѡ ѿстꙋпны҃, з҆ зéмль є҆рети́цки҃ и҆ халꙋгъ Схїсмáтицки҃, а҆ в҆ води́лъ зáсь до влáсной и҆м зе҃лѝ, до є҆ди́ной ст҃ой собóрной и҆ А҆п҃лкой Цр҃кви: зевнꙋтр҃ котóрой блꙋкáючисѧ, ѿ волкѡ́в и҆ ѿ и҆́нши҃ крвежадли́выхъ бéстїй пожéрты бы́вши, поги́нꙋти мꙋсѣ́лыбы. Пáслъ и҆́хъ по горáхъ и҆ по здрóѧх҃ пáжити вѡ́дъ животóчныхъ Є҆ѵ҃лскихъ. Тогѡ̀, што былó заги́нꙋло, шꙋкáлъ: што былò заки́нено, находи́лъ: што былò полáмано, ѡ҆бвѧ́зовалъ: што былó ѡ҆слáблено, ѹ҆моциѧ́лъ: а҆ што тлꙋстое былó и҆ мóцное, тогѡ̀ стерéглъ: дш҃ꙋ свою̀ на конéц҃ дóбры҃ сéй пáстырь за ѻ҆́вцы Хв҃ы положи́ти зáвжды бы́лъ готóвый[7], ѻ҆́выѝ Бо҃: А҆п҃ла Пáвла до пáстыревъ речéныѝ словà наѹ҆ставѣ́чной пáмѧти мáючи, Внимáйте себѣ̀, и҆ всемꙋ̀ стáдꙋ, в҆нéмъже

л. 20 об.

[1] в҃. Тѝ. г҃. в҃. [2] а҃: Тѝ: г҃. є҃. [3] А҆вва҃. г҃: в҃. [4] И҆саі: г҃. кв. [5] в҃. Тѝ. г҃. д҃ [6] Ѱа҃: кв: [7] І҆ѡа҃. г҃. і҃:

вáсѧ дх҃ъ сты́й постáви є҃пископы, пáсти цр҃ковь Гд҃а и́ Бг҃а, и҃же притажа́ кровїю своéю[1]. ѿ бж҃ей є҃гѡ слꙋжбы тáкъ
л. 21. ѣ҃ безакро́вной с҃: ‖ о҆фе́ры штодне́ному приноша́нію, тáкъ и́ ѣ҃ є҃ти́ской звабе́нной нáꙋки ча́стомъ проповѣда́нію жа́дныи трꙋдности, нѣ҃ сла́кость здоро́вѧ, нѣ҃ повѣ́тра невча́сность, нѣ҃ на́тажшее зи́мно, нѣ҃ наслю́тѣйшаѧ непого́да неѡ҃стра́шилы: и҆ѡ́вшемъ, ѣ҃ тыи́хъ бж҃ихъ слꙋжбахъ и́мъ собѣ҃ на́тажей чини́лъ, ты́мъ ба́рзѣй з҃ того́ся тѣ҃шилъ.

А҆рхї́мандри́тскогѡ достоѥ́нства слꙋжбꙋ, же повóжне, бг҃обо́йне, дава́ле и́ осторóжне о҆бходи́лъ, зна́комъ сꙋть о҆тѡ тыи́ че́стныи є҃гѡ Бра́тїи, (з҃ межи́ кото́рыхъ и́ себѣ҃ невыбу́чаю,) кото́рыи на ѡ҆выча́евъ є҃гѡ о҆кла́дность, на по-бо́ности прикла́дность, на живота́ цѣ҃ломꙋдрїе погладаю́чи, до не́гѡсѧ ѡ҃весе́ль тáкъ до ѡ҃ца́ кꙋпили. Зна́комъ и́ зало́женыи, за ла́скою Бж҃ею, и́ споражéныи ѡ҃ не́гѡ по ро́зныхъ мѣ҃стахъ и́ мѣ҃стцахъ Монастыри́, а҆ ѣ҃ ба́рзѡ коро́тком животá и́ дозо́рꙋ є҃гѡ ча́сѣ. Бы́лъ а҆во́вѣмъ ве́сь Мꙋжъ дꙋхо́венъ, прикла́ный, о҆ꙋчи́тельный, цѣ҃ломꙋдрый, братолю-ви́вый, снисходи́тельный: ѣ҃ наꙋча́нію бра́тїи ростро́пный, ѣ҃ строфока́нію ба́чный, ѣ҃ кара́нію о҆ꙋва́жный, ѣ҃ справле́нію со-вѣ҃стномъ разсꙋ́дный: го́дный зане́сте мѣ҃стца сегѡ сто́гѡ, и́ мѣ҃ста А҆рхї́мандри́тъ.

л. 21 об. Ступлю́ ѡ҃жъ до о҆ꙋсмотрева́нѧ ѣ҃не́мъ, о҆ꙋба́ ‖ жéноѭ Изступле́нїѧ сме́рти: ѣ҃ то́и тáкъ ча́стый з҃ ча́стогѡ ѡ҃ Бг҃ꙋ розмышла́нѧ че́стны сéи Мꙋжъ быва́лъ, свѣ́домы сѧ҃т того́ ѣ҃ дꙋхꙋ пра́вды тыи́, кото́рымсѧ бли́шыми по҃ тако́выи ра́зы прие́мъ выти здарма́. Шóлъ до це́ркви, на моли́твѣ҃ был҃ъ: пришóлъ з҃ цр҃кви, на моли́твѣ҃ ста́нꙋлъ: є҃лъ любъ пи́, седѣ́лъ, ходи́, стоа́, о҆ꙋставлѣ́чнесѧ ѣ҃ дше́полéзны҃ бг҃омы́слности о҆ꙋтѣ́хѧ҃ найдока҃[2]. Стѣ́ны ме́шканѧ є҃гѡ запы́таныи призна́лыбы, же мі́нꙋты о҆ꙋ того́ сто́гѡ Мꙋжа

[1] Дѣ҃а҃: ѓ: к҃. [2] Лоꙋ҃: ѓ: нї.—а҃. Об҃: ѓ: в҃.—Рїм: ѓ: ѧв: (sic!)—Фф҃: ѓ: в҃.

не было, к которую штобыкольвек чинъ, авы любъ Бгъ з ними, любъ онъ з Бгомъ неродмовлялъ. Весь свой часъ албо начитанью трактовалъ, где Бгъ зъ нимъ розмовлялъ: албо на молитвѣ, где онъ з Бгомъ розмовы мѣлъ: небыймую з того и забавъ его к намовахъ справъ церковныхъ и монастырскихъ: который поневажъ, к чести и славѣ Божую свѣтъ сторожены, и к тыхъся онъ з Бгомъ найдовалъ, а Бгъ з нимъ. Частокроть вдячнала тому стому Духу w Бгу и w его довродѣйствахъ медитаціа, к окую Изступленія смерть порыкаючи его, якобы штошлымъ его Усебе чинила. Частокроть потреба было иногды гукнѣнъ, иногды именованъ, иногды порушенъ, пре штовы к себе былъ приходилъ. Вѣдаютъ то тыи якомъ рекъ, ‖ которымъ набличный х. 22.
и прикатный молитвы з ни оходи придавалося. Вѣдаю Части и ка каминый, а з потужѣнемъ своего до Божей службы членичества, повонымъ стого сегw Духа повигwмъ дивуюся. Вѣруйте мнѣ Колюблѣнній, Англскую войстинну нѣякую члекwмъ страннюю вдячность, к лицю стого сегw Духа частокроть видѣти было, а wсобливе по Вокровеной С: офѣры пре него принесенію, и по Отвсной навки проповѣдн. Далъ бы то Гдь Бгъ, дабы тамъ вымовы моей моцъ к коротокихъ словахъ была, авымъ нею Духа сегw стгw цнотъ дѣлность хоть малw словы выразити, и до вѣдомости вамъ Православнымъ Хрістіанwмъ, и всемъ свѣту подати былъ могъ: которой нерукчи моего мѣлкого доктwмъ косноязычивый язык к залеценѣ довоанымъ стравитися неможетъ, але и напросторшій язика wборотъ, и словъ вструтъ к розумъ глубокомъ набыстрѣйшій к досконалой власности поставити ей, к многомъ нездолаетъ: небошественна бокѣмъ и w люскогw змыслу нѣякw выпатна. Сей пречестый (sic!), Учитель церковъ нашъ Виленьскую к побожности оцы почасти зазивалую, до зыклон Блочестивымъ (оной стой первосажѣной Церкви стый wбы-

л. 22 об. чаѝ ѣне́й ѿновѝвши,) пло‖дови́тости, ча́сты҃ѧ ѳ҃у҃скиѧ вѡ́дѣ дожче҃ ѥѝ розогрѣва́ючи, зрѧди́л, бл҃готі́ю Хв҃ою, спосо́вив, ѝ вы́дала ѻ҃у҃рожа́йну҂ ѝ плодови́тѹ҂: ꙗ҆кѣ ѣ҃ ѳ҃у҃ской про́повѣди любо́вному слу҃ха́нію, та́кѣ ѣ҃ штоде́нногѡ набоже́нства ѡ҆хо́тно҃ ѻ҃у҃чаща́нію: ѣ҃ ꙗ҆лмѹ҃жны го́йности це́ркви, шпитале́мѣ, ни́щымѣ, ѻ҃у҃бо́гымѣ свои́мѣ ѝ ѡ҃ц҃ы́мѣ бе҃жа́дногѡ ѻ҃сѡ́ѣ бракова́нѣ. ѣ҃ повѡ́жно҃ Пра́зникѡѣ ѻ҃у҃рочи́стыхѣ Гд҃ки́хѣ, Пре҃чт҃оѝ ѝ пребл҃гослове́нноѥ пр҃ѡ҃ Дв҃ы҃ Бц҃ы, ѝ ꙗ҆пра́скихѣ ѡ҆ѣ҃хо́дѣ: ꙗ҆ ѡ҆совли́ве ѣ҃ ча́стомѣ пречи́стыхѣ ѝ животворя́щихѣ тѣ҃ла ѝ кро́ве Хв҃ы҃ та́инѣ, по достодо́лжномѣ пре҃ по́стѣ ѝ Спо́вѣди споряже́нюсѧ ѝ приготова́нію, прича́ща́нїю.

ꙗ҆ко де́нь вы҃ мѧ рихлѣ́й Правосла́вный Хр҃ї́ѥтїа́не ѻ҃у҃шо́лѣ, нѣ҃жлибы на матерїѝ побо́жныхѣ сто́гѡ сѣгѡ ꙗ҆ѳ҃ѕа́ѣ, приме́тишѣ, ѡ҆бы́ча́ѥѣ, по́ступкишѣ, ѝвсѣгѡ̀ живо́тѣ ѥ҃гѡ̀ зи́шло́: ѥ҃сли́вымѣ всѣ҃ ѣ҃не́мѣ найдѹ҃ючїѝсѧ повѡ́жности цио́ты подро́бнѹ҂ вы҃лѣ҃чи́ти мѣ҃лѣ.

До тре́тен҃ сме́рти, кото́рая ѥ҃сть Прирожѐнѧ, ѕ҃ ѻ҃у҃смотрева́нѥмѣ мои́мѣ посту҃пѹ, нако́торой ѝ пр҃ѣмѧ́тѹ҂ Бе҃сѣдѣ̀ моа́й коне́цъ ѻ҃у҃чиню. На сме́рть Прирожѐнѧ че́стный се́й ꙗ҆ѳ҃ѕъ ꙗ҆кѣ бы́лѣ гото́вымъ, межѝ ѝншими о҃бы́нь,
л. 23. по҃ча́съ сме́рти ‖ ѥ҃гѡ̀, ѿ не́гѡ до о҆́дногѡ̀ ѕ҃ Сѵ̑ѥ́ноі̑ноко҃шѣ, ѡ҆ нефрасова́нюсѧ ѕ҃ сме́рти нѣ҃што҃сь припомина́логѡ, ре́чёный слова́ вѣ҃да́ти даю́тъ: Што́съ, мо́вить, ма́ю фрасова́ти, ѕ҃ гости́ны до ѿчизны ѡ҆хо́дячи. ѡ҃ вѣ҃ры Бл҃гочести́вогѡ ср҃ца. Прихо́дневѥ, мо́вить, ѥ҃стесмо наземлѝ, а҆ не ѿчичи[1]. Мѣ́шкаѥ на́ше Бо҃: ꙗ҆пл҃ъ Па́велъ, на́йбесѣхъ бы҃ти повѣ҃да́етъ, ѡ҆коль ѝ Зва́кителѧ чека́емо Гд҃а Іс҃ Хр҃а[2]. Вѣ҃даемо а҆во́вѣмъ, же вѣ҃дета҃ли зе́мный тѣ҃ла на́шегѡ до́мъ зопсо́ванъ, и҃жъ ма́емо вѹ҃дова́ѥ ѿ Бг҃а до́мъ нерѹ҃котворе́нный вѣ҃чны҃ѧ на нб҃сѣ҃х[3]. Ѩ҃кѧ зась натѹ҃ю Прирожѐнѧ

[1] Ѱл҃: лн҃: [2] Фїлн҃: р҃. г҃. [3] к҃. ко҃: р҃. б҃.

смéрть готовáлъ, ѻ҆́выи̑ дрꙋгі̑и̑ подъ тóтже смéрти є҆гѡ̀ чáсъ до всеи̑ ѻ҆́колѡ нéгѡ стóмчеи̑ дꙋхóвнои̑ Брáтїи̑ вы́реченыи̑ словà ѹ҆вѣ́домлѧ́ютъ, до котóрыхъ по напомнéнїю и҆ бл҃гословéнствѣ ѿцéвскомъ, ѻ҆́ни свои̑ на ѻ҆́бразъ Распѧ́тїѧ Хр҃а Бг҃а нáшегѡ, котóрый є҆мꙋ̀ бы́лъ ѹ҆ставѣ́чне притóмный, поднéсши рéклъ, Просѣ́те брáтїе Гд҃а Бг҃а, а҆бы̀ менé даровáлъ є҆щé Цéркви. ѿ гóлоса ст҃огѡ: ѿ гóлоса пáстырскогѡ: ѿ слóвъ вѣ́чнои̑ пáмѧти гóдныхъ. Нáштожъ а҆бы̀ тебé Гд҃ь Бг҃ъ даровáлъ Цéркви, Гд҃не мóй проси́ти кáжешъ; а҆зáжъ ти свѣ́тъ сéй ми́лъ; а҆зáжъ нб҃наѧ ѿчизна нелю́ба; Ꙋ҆чи́телеве тебé цр҃кóвнїи̑, Ст҃и́тели, Прáведници, || Преподóбници, л. 23 об.
И҆сповѣ́дници, Мч҃еникове, А҆пл҃ове, Прр҃ци, Патрїáрхове, Дв҃ствéнници: а҆ в̾ кóротце рéкши, всѣ̀ ты́и̑, котóрыхъ землѧ̀ неѹ҆таи́ла, а҆ле нб҃о и҆́хъ принѧлò: перѣ̀ котóрыми ѿвори́лысѧ нб҃ногѡ Рáѧ двéри, а҆ ѻ҆ни̑ в̾нꙋ́тръ є҆гѡ̀ бꙋ́дꙋчи, Дрéва животà, котóрое є҆́стъ Гд҃ь нáшъ І҆с҃ Хс҃, насаждáютсѧ, нáнебѣ тебé рáдостиѡ чекáютъ: а҆ ты̀ на сéмъ мїзéрномъ свѣ́тѣ ѡ҆ дáлшїй собѣ̀ живóтъ Гд҃а Бг҃а проси́ти Брáтїи̑ своéй кáжешъ; Чекáютъ тебé тáмже нáнбѣ А҆́гг҃ли и҆ А҆́рхáгг҃ли, Херꙋви́ми и҆ Серафи́ми, и҆ всѣ̀ и҆́ншїи̑ нб҃ныхъ вóинствъ хóры. Што бóлшее: Чекáетъ и҆ ѻ҆́наѧ нáдъ Херꙋви́мѡвъ честнѣ́йшаѧ и҆ на̑ Серафи́мѡвъ славнѣ́йшаѧ, ср҃ца твоéгѡ несы́тнаѧ ѹ҆тѣ́ха, Прест҃áѧ и҆ преблг҃ословéннаѧ пр҃нѡ дв҃а Бц҃а. Наконéцъ и҆ є҆диноро̑ны̑ є҆и̑ Сн҃ъ, Гд҃ь твóй и҆ Бг҃ъ превѣ́чный тебé вѣ́рногѡ своéгѡ слꙋги̑ з̾ прижи́тыми ѿ тéбе талáнтами чекáетъ, а҆бы́ тѧ на̑ бóлшими дóбры свои́ми преложи́лъ, и҆ до вѣ́чнои̑ рáдости своéи̑ тебé в̾ провáдилъ:[1] а҆ ты̀ ѡ҆ мáрный дочáсный, и҆ тóй в̾ плóхомъ здорóвю твоéмъ земдлéный живóтъ проси́ти кáжешъ; Кажю̀, мóвитъ, и҆ прошꙋ̀ проси́ти: и҆ сáмъ, є҆сли̑ нá то вóлѧ Бг҃а моéгѡ є҆́стъ, прошꙋ̀: а҆ле не мнѣ̀ себé прошꙋ̀. Цéркви даро-

[1] Мѧ҃д. г҃. кє.

л. 24. ка́ти мене́ проша́, а́ не мнѣ. Мнѣ ‖ а҃вое҃мꙋ жи́ти Хⷭ҇, а́ ѹ҃мре́ти зѣ́искъ.[1] З божестве́нными а҃ Па́вломъ Па́кломъ мо́клю, мо́кчимъ, Жела́ніе и҃мамъ ра҃зрѣши́тисѧ и҃ со Хⷭ҇омъ бы́ти, мно́гш па́че лꙋ́чше: а́ е҃же пребы́ва́ти во пло́ти, нꙋ́жднѣ́йше е҃́стъ ка́съ ра́ди.[2] Пра́гнꙋ а҃ дале́кш ба́рзѣй розсе́та́тисѧ з҃ тѣ́ломъ, а́ з҃ Хⷭ҇омъ Бг҃омъ моймъ бы́ти, нѣ́жли тꙋ҃ на се́мъ ма́рномъ свѣ́тѣ жи́ти: але́ дла̀ ва́съ, дла̀ повѣ́реной мнѣ҃ ѣ҃ Це́ркви Хⷭ҇ой дш҃езбавѣ́ной ѳ҃ѵ́лской ѹ҃слꙋ́ги, жи́кѳ мо́й пожитечнѣ́йшій е҃́стъ. Во́ля е҃дна́къ ѣ҃ то́мъ Бг҃а моего҃ нехаи́сѧ по́лнитꙋ, немола̀. ѿ Вели́кого сегѡ̀ ѵ҃чи́тела̀ покѡ́жности го́дныхъ слꙋ́къ, Нерекꙋ́ а҃ зайсте, ѵ҃чи́телю и҃ Ѻ҃че мо́й че́стный, нерекꙋ́ а҃вы̀ ты̀ ѹ҃мерла̀, и҃ недозрѣ́лой твое́й сме́рти ѡ҃плако́вати невꙋ́дꙋ: живе́шъ а҃во́е҃мъ сла́вою че́стнаго жи́вота̀, и҃ живо́й твое́й нꙋ́жки живе́шъ, и҃ по́ки сл҃нце зе́млю ви́дѣти бꙋ́детъ, жи́ти бꙋ́дешъ. Чогѡ̀ а҃во́е҃мъ тобѣ҃ лѣ́та дети́нныя позайзрѣ́лы, а́лбо што недозрѣ́лая сме́рть ѹ҃ма́ла̀, то́е ты̀ все І҃ноческаго жи́вота̀ цио́тами напо́минаѣ: кото́рый ѣ҃ тобѣ҃ не мы то́лкш, кото́рыисмо прито́мными и҃ѯ҃ назо́рцами бы́ли, и҃ по си́лѣ на́шей насл҃ѣдо́вцами бы́ти ѹ҃спѡлова́ли, з҃ подиве́немъ вене́рѣемо: але́ и҃ всѣ҃ кото́рыхъ зна́емость тобе́ заходи́ла, Пра-
л. 24 об. восла́вный, и҃ І҃новѣ́рцы, ‖ Ѻ҃ц҃епе́нцы и҃ А҃посто́тове: кото́рыи накшта́лъ ѡ҃востроро́нне о҃́строгш меча̀ дѣ́йствꙋю́чꙋю твою̀, ср҃це и҃ всѣ҃ внꙋ́трности, а́жъ до розѣле́нѣ (sic!) дш҃и и҃ дх҃а, и҃ до состо́а́вшъ и҃ мо́згшъ ѣ҃ ко́стехъ проража́ючꙋю ѳ҃ѵ́лской пра́кды на́жкꙋ,[3] не́вомъ и҃ земле́ю нѣ҃хрячой своей҃ А҃постасі҃и сме́рть бы́ти и҃ по́гревъ о҃мїнова́ти мѣ҃ли, и҃ мѣ҃лтъ: насл҃ѣ́дници а҃во́е҃мъ, з҃ ла́ски Бж҃ей, незбыва́ютъ сно́ве. Чогѡ̀ ко́ждый Правосла́вный цѣ҃лымъ ср҃цемъ пожада́ти, и҃ горя́чш пра́гнꙋ́ти ма́етъ. Неро́вню а҃во́е҃мъ помыслнѣ́йшіи҃ Це́ркви Хⷭ҇ой Шесе́ль Сѫщесы настꙋ́пилъ, ꙗ҆ды ѡ҃вори́длое то́е и҃

[1] ѵ҃ фі҃лі҃: ѓ. а҃. [2] Та́ж. [3] Евр: ѓ. д҃.

ненáвистное Ѿщепéнцѡвъ и Апостáтѡвъ имѧ̀ зне́и выстꙋ́питъ, и внепáмѧти загрéбеное счéзнетъ. Нáто сáмо всею̀ дш҃éю своéю з пожадáнемъ поглѧдáючи ст҃ый сéй Мꙋ́жъ, áвы̀ єго́ Гдь Бг҃ъ даровáлъ бы́лъ єщé Цéркви, прáгнꙋлъ. ѡ҆ здари́лъ бы̀ то бы́лъ добротли́вый Гдь Бг҃ъ, Ѿче нáшъ чéстный, гды́ бы тѧ̀ бы́лъ Цéркви своéй ст҃óй єщé даровáлъ: лю́бый бы̀ нáмъ твóй живóтъ бы́лъ и в нáсѣдшихъ сѣди́нахъ, ꙗ҆́къ мнóгихъ цнóтъ стѧжáтелѧ, Дѣвствен҃ника, Исповѣ́дника, Мꙋ́ченика, дѣ́ломъ и слóвомъ Ꙋчи́телѧ, покаѧ́нїю и҆стин҃номꙋ Вели́когѡ Проповѣ́дника.

А҆ле поневáжъ сѣди́ны, мꙋ́дрость чл҃вкꙋ: а҆ вóзрастъ ‖ стáрости, жи́тїе непорóчное:[1] ю҆́жесь презъ тóе двóе крéсꙋ вѣ́кꙋ своéгѡ дошóлъ зꙋпóлне, и҆ сѣди́нъ мꙋ́дрости, и҆ стáрости живота̀ непокалѧ́ногѡ зꙋполне дошéдши: зáшто Гдꙋ Бг҃ꙋ дш҃а твоѧ̀ подобáласѧ: котóрый длѧ̀ тóгѡ и поспѣши́лъсѧ, áбы тѧ̀ вы́велъ з посрéдкꙋ непрáвости. А҆чкóлвекъ несправедли́вый незрозꙋмѣ́вши штóбы мы́слилъ ѡ҆ тобѣ̀ Бг҃ъ, же тѧ̀ скóрѡ ѿ нáсъ поволáлъ, мóгꙋтъ погорди́ти тобóю: а҆ле зни́ Гдь Бг҃ъ насмѣѧ́тисѧ ѡ҆бецꙋ́етсѧ, и на безéцный оу҆пáдокъ вы́дати и҆́хъ нáвѣки.[2] Чини́ло ст҃óго сегò Мꙋ́жа на смéрть Прирожéнѧ готóвымъ и штодéнное по̀ чáсъ здорóвѧ, а҆ чáстое в чáсъ хорóбы Прч҃тыхъ и животворѧ́щихъ тѣ́ла и крóве Хв҃ы тáинъ причащéнїе. Была̀ є҆мꙋ̀ в оу҆́фность готóвости, и є҆ди́на є҆гѡ̀ пéрвая по Бг҃ꙋ оу҆тѣ́шная оу҆тѣ́чка, Прч҃тая преблг҃ословéнная прн҃ѡ Дв҃а Бц҃а: А҆ пéрвымъ и наособли́вшимъ спóсобомъ в досконáлой є҆гѡ̀ готóвости оу҆́фность, на котóрой о҆́нъ всею̀ дш҃éю своéю полѣгáлъ, бы́лъ є҆мꙋ̀ непорóчный о҆́ный А҆́гнецъ бж҃їй, котóрый всѣ̀ всегѡ̀ свѣ́та грѣхи̇̀ зглáдилъ.[3] Тáкъ приготовáный на смéрть Прирожéнѧ сéй ст҃ый Мꙋ́жъ з земли̇̀ нáнбо, ѿ людíй до Бг҃а престáвленъ є҆́стъ: гдé ю҆́жъ неоу҆чи́телскꙋю ѡ҆ на̀

л. 25.

[1] Пр: Сб: г҃. д҃. [2] Пр: Сб: г҃. д҃.—Ѱа҃: в҃: [3] Іѡа҃. г҃: а҃.

л. 25 об. Возлюблéнный, слꙋж‖ꙗ ѿвхóдитъ, âлѐ ходотáйскꙋю: йлѝ ходотáемъ до сéбе, ѥдúнъ ѻ҃ный Бг҃ъ и чл҃кꙋ҆ Ходотáй, чл҃къ Їс҃ Хр҃,[1] выíти ѥмꙋ҆ совѣ́ми Ст҃ы́ми дарова́лъ.

Ѡ тóмъ тáкъ побóжне пожúломъ, и тáмъ стоблúве зéшломъ лꙋ҆жꙋ, напочáтокъ бѣ́сѣды моéй безпéчне рéклемъ, Справедлúвый чл҃къ, ѓды ѥмꙋ҆ прúйдетъ ѿмерéти, ѣ҆ Ѡпочинéню бꙋ҆детъ:[2] бѣпéчне зайúте и ѣ҆ замкнéню ѥй мóвлю, Справедлúвый Лвóнтїе, ѓды тобѣ́ пришлó ѿмерéти, ѣ҆ Ѡпочинéню зостáлесь. В Ѡпочинéню покóю Бг҃а твоéгѡ, ѣ҆ котóромъ, же и повтóре то рекꙋ҆, живéшъ, рꙋ҆шáешсѧ, и ѕ҃стесь:[3] и тѣ́шишсѧ ѣ҆ нéмъ, рáдꙋ҆ешъ, весели́шъ, роскошꙋ҆ешъ, и видѣ́нїемъ ѥгó тóлкꙋсѧ насычáешъ, кóлкꙋ ємꙋ҆ сти́ти мóжешъ. Кóлкꙋ тобѣ́ Гд҃ь Бг҃ъ твóй зезволúтъ, и ты понестú змогáешъ, тóлкꙋ знамéтковъ вѣ́чногѡ ѻ҃ногѡ блажéнства ѻ҃жъ заживáешъ. В Ѡпочинéню нѣ́ныхъ ѻ҃ныхъ, рáдости и весéлїа пóлныхъ, свѣ́тлости притóмногѡ лица Бж҃огѡ ѡ҆свѣ́ченыхъ Палáцꙋхъ ѣ҆ котóрыхъ ты сполéчне зо всѣ́ми Ст҃ы́ми Хрⷭ҃ꙋ Бг҃ꙋ҆ прѣстóмчи,[4] и за нáми ѣ҆ молúтвахъ свои́хъ Ст҃ы́хъ, котóрымсѧ мы вѣ́рне порꙋ҆чáемо, памѧтствꙋ҆ючи, на Корóнꙋ҆ справедлúвости любóвне чекáешъ.

л. 26. На ѻ҃ногѡ цáр‖ства Корóнꙋ҆, котóрогѡ добръ ѻ҃ко невúдѣло, и ꙋ҆хо неслы́шало, и на ср҃це чл҃вче невзышлы: котóрꙋю Ѡдáти тобѣ́ мáетъ Гд҃ь ѣ҆ ѻ҃ный дéнь, ѣ҆ дéнь, мóвлю, страшногѡ своéгѡ сꙋ҆да, справедлúвый Сꙋ҆дїѧ́[5]: а нетóлкꙋ тобѣ́ ѡ҆дномꙋ҆ тогды́, âлѐ тогды́жъ и всѣ́мъ котóрый ѿлюбúли прихóдъ ѥгѡ. Тогды́, ѓды вéдлꙋ҆ѣ ѡ҆свѣ́тницы своéй[6] прекрѣ́чный Сн҃ъ Бж҃ій, Гд҃ь Бг҃ъ нáшъ Їс҃ Хр҃, зготовáвши тобѣ́, и всѣ́мъ, ѕ҃ которымн ѕ҃стесь, Ст҃ы́мъ мꙋ҆ченцє, повтóре прúйдетъ, и вóзметъ йхъ и тебѐ до сéбе, âбы гдѣ́ ѻ҃нъ ѕ҃стъ, и ты былъ, и всѣ́ передъ тобóю и по тобѣ́ выбранный ѥгѡ. Тогды́, ѓдысѧ неповóчный

---

[1] â: Тн҃: Р҃. б҃. [2] Пр: Сб҃: Р҃. д҃. [3] дѣ́л҃: Р҃: зї҃. [4] Ѱáлом пг҃.
[5] а: Кс҃: Р҃: б҃.—Їсⷭ҃: Р҃: вâ҃. [6] Їѡа҃. Р҃: д҃.

о҃ный превы́ше всѣ́хъ небе́съ мастѣ́ючій а҃гнецъ Бжі҃й з҃ выбранымі посе́литъ, ра́дити ни́ми постѣ́питъ, и҆ до жро́делъ вѣ́дъ живы́хъ доведе́тъ и҃хъ[1]. Тогды́, гды́ доскона́лость прiймова́ти бу́дутъ и҆ ты́ми, кото́рыи свѣдо́цтвомъ вѣ́ры досто́йнѣни вы́кши, непрiяли҆ ѡ҆ве́тницы[2], и҃жъ Бі҃ъ што́сь лѣ́пшаго и҆ ѡ҆ тебѣ́ прѣ́взрѣлъ, а҆бы҆ о҃ни ве́зъ тебе́, а҆ ты҆ бе҃ ни́хъ и҆ бе҃ по тебѣ́ вѣ́дучихъ, доконча́лости своеи҆ невзма́лъ. Тогды́, гды́ пре҃ стра́шнымъ нелицемѣ́рнаго Су́діи҆ трiѣ́ву на́ломъ, и҃ дшѝ и҆ тѣ́лъ персона́лне соверше́нъ ча́вкъ ста́нешъ: гды́ ко́ждому вѣ́длугъ ѣ҆гѡ҆ о҆у҃чи́нкивъ ‖ вѣ́детъ ѡ҃дава́но[3]: гды́ ре́чено вѣ́детъ, Прiидѣ́те бл҃гослове́нiи҆ ѻ҃ц҃а мое́гѡ, наслѣ́дуи҆те о҆у҃гото́ва́нное ва́мъ ца́рство ѡ҃сложе́нiемъ ми́ру[4]. Вниидѣ́те вѣ́рнiи҆ рабѝ и҃ ра́дость Г҃да своего́[5]: Живѣ́те живо́тъ Бл҃гослове́ный, живо́тъ вѣ́чный[6]. А҆ то е҆́стъ и҃ живы́хъ животворя́щаго дх҃а цно́тах҃, кото́рымъ ва́мъ Правосла́вныи҆ Хрі҃стіа́не предложи́ти ѡ҃беща́лъ, Г҃да на́шегѡ и҆ ѻ҃ц҃а живо́м по́стати.

Та́къ те́ды, высо́кихъ и҆ та́къ ѡ҃каза́лыхъ цно́тъ мѫ́жа, мѣ́вши Настоя́теля и҆ ѻ҃ц҃а, Па́стыра и҆ У҃чи́теля, Бг҃а на́шегѡ, кото́рый е҆гѡ́ на́мъ была́ да́лъ, и҆ кото́рый е҆гѡ́ ѡ҃ на́съ взя́лъ бл҃годармчнѣ,[7] ра́дуи҃мося Правосла́вныи҆ Хрі҃стіа́не, и҆ тѣ́шмо: О҆у҃мре́шу а҃вво́вѣмъ Пра́ведникѹ, мо́вите Прямѫ́дрыи҆, возвесела́тся лю́дїе. А҆ же́смо да́лшеи҆ з҃ на́ми живо́и҆ притомности е҆гѡ́, да́ла́шегѡ дх҃о́внаго на́шегѡ пожи́тку, и҃ котóромъся о҃нъ з҃ да́ру дх҃а Ст҃о́гѡ ѡ҃бфи́тый знайдова́лъ, го́дными нестя́ли жалу́имо и҆ пла́чмо. А҆ г҃да Бг҃а всѣ҆ е҆диншу́шиw, я҃́к Г҃дна жа́твы, просѣ́мо, а҆бы҆ о҃нъ на жа́твѹ свою́ подо́бного сѣмѹ́ дѣла́теля посла́ти на́мъ ра́чилъ.[8] Што́ж о҆у҃ Бг҃а невозмо́жно;[9] а҆чко́лвекъ и҆ сѣ́й пречѣ́стный и҆ ст҃ы́и҆ ѻ҃ц҃ъ невѣ́плоде́нъ жи́лъ, невезвча́денъ зишо́лъ: о҃тw е҆гѡ́ че́стныи҆ Сы́нове ‖ стоя́тъ о҃колw не́гѡ: л. 27.

л. 26 об.

[1] а҆пока́л҃: ѳ҃: з҃. [2] ѳвр҃: ѳ҃: а҃і҃. [3] в҃: Ко҃: ѳ҃: в҃. [4] мѳ́д҃. ѳ҃. кѳ҃. [5] Та́же: [6] Та́же: [7] Іо҃: ѳ҃: а҃. [8] мѳ́д҃: ѳ҃: д҃: [9] Та́же: ѳ҃: д҃і҃.

здари́тъ Всесѝльный Гдь Бг҃ъ, здари́тъ неконт҃пли́ве, же вмѣ́стѡ Ѻц҃а бꙋдꙋтъ Сн҃о́ве. Здара́же то доброт҃ли́вый Гдь Бже на́шъ дла҃ че́сти и҃ хвалы̀ и҃мени твоего́ сто́гѡ, а҃ дла҃ дꙋхо́вной ѻ҃чт҃вхи тесклѝвогѡ ср҃ца з҃ сме́рти че́стногѡ и҃ сто́гѡ сегѡ҃ и҃жа засмꙋ́ченыхъ Правосла́вныхъ люді́й сѝхъ: кото́рыхъ о҃чи до тебе́ Па́на своего́, ꙗ҃къ о҃чи слꙋ́жнїи҃ до рꙋ́къ Панꙋ́ихъ свои́х҃: ꙗ҃къ о҃чи слꙋже́бницъ до рꙋ́къ Па́нїй свои́х҃, а҃жъ и҃хъ ѻ҃ц҃е́дришъ, а҃жъсѧ на́дъ ни́ми змилꙋ́ешъ,[1] а҃ по ср҃цꙋ твоему́ по́шлешъ и҃мъ Наста́вника Па́стырѧ и҃ Ѻ҃чи́теля: кото́рый бы и҃хъ на дш҃езбаве́нныхъ твои́хъ є҃҆вре́скихъ па́житехъ зла́комъ тꙋ́чныхъ и҃ нѣко́ли нева́ꙋчихъ тра́къ и҃ цѣ́ꙋтшевъ, при вда́чныхъ вѡды̀ живо́и҃ жро́длахъ, ꙗ҃къ слове́сныи҃ твои҃ о҃вцы па́сѧ,[2] справедли́востемъ твои́мъ ѻ҃чи́лъ и҃х҃, и҃ на вшелѧ́кꙋю и҃ пра́вдꙋ наставлѧ҃ чюле, дба́ле, и҃ ѡ҃сторо́не: по҃ се́сь звла́ща ча҃: ѓдысь ю҃жъ ла́скавы҃ свои҃ Ѻц҃е́вскимъ о҃комъ на ѻ҃тра́пленый На́родъ на́шъ ве́йзрѣ́ти ра́чилъ: ѓды за ѻ҃ста́немъ сѝлъ на́шихъ твоѧ҃ неждолѣ́емаѧ сѝла в҃ не́мощи на́шей выполниласѧ: ѓдысь пр҃е́ прокла́тое Ѻц҃тво ѻ҃пла́ꙋю Цр҃кви на́шеи҃ Рꙋ́ской Сн҃ы́ню шасли́ве по҃нести҃ зезво́лилъ. Тепе́ръ з҃ на́ми зостава́й, тепе́ръсѧ || з҃ на́ми найдꙋ́й, л. 27 об.
тепе́ръ на́съ нея҃ствꙋ́й. Тепе́ръ на́съ, и҃ всю̀ сн҃ꙋю̀ на́шꙋ Це́рковъ чюлыми, дба́лыми, и҃ до́брыми Па́стырями надари́, ѡ҃ввардꙋ́й, и҃ ѡ҃смотри́.[3] Сро́жшимъ а҃бо́вѣмъ тепе́рь ѡ҃кр҃вты̀ный дꙋ́шъ лю҃скихъ Пожи́рца вы́ти захо́четъ: хитрѣ́йшымъ лꙋка́вый Пеке́лникъ напроти́въ на́мъ в҃ тисмчо прехи́рныхъ свои́хъ Ми҃сте́рїахъ ста́вити҃сѧ замы́слитъ. Ле́чъ где́ ты ѡ҃ди́нъ Са́мъ зна́ми зостава́ти бꙋдеш҃ь, чогѡ҃ мы бе҃ жа́дной конт҃пли́вости ꙋ҃фие пе́вни, хто̀ напроти́въ на́мъ змо́жетъ;[4] Ты на́шъ Засто҃пникъ, и҃ ѻ҃чт҃вха: Ты на́шъ Пн҃ъ и҃ Бг҃ъ, на кото́ромъ мы всею̀ дш҃е́ю на́шею звпо́лне полеглѝ. Ты̀ на́съ вы́свободилъ з҃ таѥ́мной злохи́трыхъ Лове́цъ сѣ́ти: и҃ ѡ҃

[1] Ѱа́лом҃ рк҃в: [2] Ѱа́лом҃ кв: [3] Іерем: г҃: г҃: [4] Рн҃: в҃: н҃.

при́крыхъ а҆ тѧ́жкихъ слѡ́въ понꙋ́рыхъ Насмѣ́вцѡвъ ты́ на́съ ратова́лъ. Защича́же на҃ ѡ҆боро́нцо ишъ и҆ Па́не ра́менами свои́ми Всеси́лными, а҆ мы̀ по҃ кри́лами твои́ми бе҆пе́чне оу҆фа́ти бꙋ́демо.[1] Пра́вда твоѧ̀ ст҃а́ѧ та́рчею на́съ неха́й заклада́етъ, а҆ мы́сѧ но́чногѡ и҆ на́болшогѡ стра́ха боѧ́ти небꙋ́демо. Нѣ стрѣлы̀ лѣта́ючеи̇ в҆ де́нь, нѣ спра́вы хо́дѧчеи̇ в҆ те҃ности, нѣ наѣ́здꙋ чю́вствен҃ногѡ и҆ мы́слногѡ Бѣ́са полꙋ́дневогѡ. А҆ле за твое́ю на́съ ѡ҆боро́ною, паде́т҃ по бо́кꙋ на́ше҃ лѣ́вом҃ ти́сѧча, а҆ попра́во҃ тма̀: а҆ до на҃ жа́де҃сѧ незбли́жи҃[2]. ‖ Прето́, л. 28.
же́смо в҆ тобѣ̀ надѣ́ю мѣ́ли, вы́бавилесь на҃: же́смо зна́ли и҆мѧ̀ твоѐ, защити́лесь на́съ: же́смо вола́ли до те́бе, вы́слꙋхалесь на́съ: бы́лесь з҆ на́ми в҆ оу҆ти́скꙋ, а҆́лесь на́съ з҆не́гѡ вы́рва҃, и҆ оу҆ве́лбилесь на҃, ꙗ҆́кѧ ст҃о́й твое́й во́ли подоба́ло, знамени́те.[3] До́лгост҃ю те́ды дні́й на҃ наполнѧ́ючи, ѡ҆ка́зꙋй на́м҃ збаве́не твоѐ. По҃не́сенꙋю и҆ ѿно́вленꙋю, ла́скою твое́ю ст҃о́ю оу҆ти́сненои̇ Цр҃кви на́шеи̇ Рꙋ́скои̇ Ст҃ы́ню Ѿце́вскѡ пѣ́стꙋй, хова́й, ши́рь, и҆ мно́жъ. А҆́гглѡм҃ свои́мъ ст҃ы́мъ порꙋчи̇ є҆и̇, а҆бы̀ є҆и̇ стерегли̇ на всѣ́хъ доро́гахъ є҆и̇: на рꙋка́хъ свои́хъ а҆бы̀ є҆и̇ носи́ли, бы за́сь ѡ҆ то́йже, лю́бъ томꙋ̀ подо́бный ка́мень ноги̇ свое́и̇ неѡбрази́ла.[4] Да́й є҆й по ты́хъ вы́киненыхъ з҆ неи̇ Пада́лцахъ и҆ Базїлі́скахъ бе҆пе́чне ходи́ти, а҆ потопта́ти Лва̀ и҆ Смо́ка. Тобѣ̀ а҆бо́вѣмъ само́мꙋ ѡ҆ на́съ про́мыслъ, тобѣ̀ ѡ҆ дш҃а́хъ на́шихъ є҆ди́номꙋ печалова́не. А҆ мы̀ тебе́ Бг҃а на́шего, Бг҃а в҆ Трои́ци є҆ди́ного, Ѿца̀ и҆ Сн҃а и҆ ст҃о́го Дх҃а, за́ то и҆ за всѣ̀ и҆́ншыи̇ незлѣчо́ныи̇ добрѣ́йства твои̇ сла́вити и҆ хвали́ти бꙋ́демо нн҃ѣ, и҆ за́вжды и҆ на́вѣки вѣкѡ́мъ:

А҆ми́нь.

---

[1] Ѱа́лом҃ ла҃.—Ѱа҃ ч҃.—Ѱа́лом рк҃г.—Ѱа́лом и҃в. [2] Ѱа҃: ч҃. [3] Ѱа҃: л҃:—Іоуди (?): г҃: ѕ҃. [4] Лоу҃: г҃: є҃.—Ѱа҃: ч҃.

Отдѣлъ IV.

БИБЛІОГРАФІЯ.

НОВАЯ ГИПОТЕЗА

о происхожденіи т. наз. Грюнвальдской пѣсни.

Д-ръ В. Щуратъ: „*Грунвальдська пісня* (Bogurodzicza dziewicza). Памятка западно-руської літератури XIV в." Жолква, 1906. Стр. 52, 8⁰.
Его-же: „*Дві статї про Грунвальдську пісню.* Відповідь проф. Брікнерови". Жолква, 1906. Стр. 32, 8⁰.

Самой интересной и замѣчательной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самой загадочной страницей древне-польской письменности является несомнѣнно знаменитая духовная пѣсня „Bogurodzica", сдѣлавшаяся со временемъ, по непостижимому влеченію или капризу народной традиціи, народно-военнымъ гимномъ поляковъ, и названная даже, послѣ одержанной ими подъ ея звуки побѣды надъ нѣмцами подъ Грюнвальдомъ 1410 г., Грюнвальдской пѣсней.

Къ какому бы времени ни относить происхожденіе этой пѣсни,—къ X-му ли вѣку и творчеству св. Войтѣха, какъ это упорно утверждаетъ народно-историческое преданіе, начиная со „Статута" 1506 г. вплоть до научныхъ разысканій первой половины XIX в.; къ XIII-му ли вѣку и молитвеннымъ пѣніямъ св. Кинги въ старо-сандецкомъ монастырѣ Кларисокъ, какъ легкомысленно гадаетъ берлинскій профессоръ-фельетонистъ А. Брикнеръ, или же, наконецъ, къ по-

ловинѣ или даже концу XIV-го вѣка, на которомъ, въ силу наличныхъ научныхъ данныхъ, остановилось большинство современныхъ изслѣдователей,—все равно она является древнѣйшимъ памятникомъ польскаго языка, первымъ и знаменательнымъ откровеніемъ національной польской письменности, блеснувшимъ неожиданно и ярко во тьмѣ сплошной монастырской латинщины поздняго средневѣковья.

Но—habent sua fata libelli... Несмотря на крайне незначительный, даже миньятюрный свой объемъ,—такъ какъ первоначальный текстъ пѣсни состоитъ всего изъ двухъ строфъ, въ общемъ изъ 11 стиховъ,—она съ давнихъ поръ и донынѣ привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе и неослабный интересъ, не только въ польской, но и въ обще-славянской наукѣ. Вопросу о происхожденіи пѣсни, о времени ея составленія и объ ея авторѣ, о характерѣ и языкѣ ея, наконецъ, посвящена обширная и разнообразная литература, начиная съ замѣчаній Ласкаго и Кохановскаго, до полемики гг. Брикнера и Щурата включительно,—и, тѣмъ не менѣе, она и до сихъ поръ, подобно таинственному свитку подъ семью печатями, остается неизмѣнно, во всѣхъ отношеніяхъ, трудной и жгучей загадкой, которой не успѣлъ разрѣшить сколько-нибудь удовлетворительно минувшій вѣкъ и за рѣшеніе которой съ новымъ интересомъ и усердіемъ принялась современная славянская наука.

Древнѣйшіе списки пѣсни относятся къ началу XV в., но ни одинъ изъ нихъ не даетъ даже слабаго намека на время составленія и на автора ея. Только въ 1506 г. Янъ Ласкій, помѣщая пѣсню во главѣ „Статута“, замѣчаетъ, что она была составлена „рукою и вдохновеніемъ“ св. Войтѣха, чеха-миссіонера X вѣка, принесшаго Польшѣ свѣтъ Христовой вѣры и почитаемаго поэтому просвѣтителемъ и патрономъ польскаго народа. Это авторитетное сообщеніе „Статута“ было жадно воспринято народной традиціей, нуждав-

шейся только въ указаніи какого-либо громкаго имени, къ которому можно было-бы прикрѣпить излюбленную, но безыменную пѣсню. Затѣмъ оно уже упорно повторяется въ теченіе послѣдующихъ столѣтій, хотя въ достовѣрности его сомнѣвался еще Кохановскій. Такъ приняли его на вѣру и ученые филологи и историки XIX-го в., не только польскіе, но также и чешскіе и нѣмецкіе, которые тѣмъ охотнѣе ухватились за него, что въ немъ они могли найти теперь удобное объясненіе многихъ загадочныхъ явленій языка и орѳографіи пѣсни, которыя, такимъ образомъ, были причислены къ разряду старочешскихъ остатковъ или воспоминаній, вполнѣ умѣстныхъ и естественныхъ въ польскомъ твореніи автора-чеха.

Эту удобную, хотя и весьма шаткую историко-филологическую легенду о составленіи пѣсни „Bogurodzica“ св. Войтѣхомъ разрушила и устранила окончательно болѣе трезвая и строгая критика новѣйшаго времени, разбросанные замѣчанія и выводы которой, наконецъ, умѣло собралъ и свелъ воедино, словно въ яркомъ фокусѣ, упомянутый выше профессоръ Брикнеръ *). Только эти статьи Брикнера, несмотря на свою фельетонную краткость и легковѣсность, въ критической своей части показали воочію, какъ собственно слаба и шатка была эта старинная историко-литературная легенда и какъ легко было опровергнуть и разрушить ее. Стоило только отрѣшиться отъ вѣкового, тяготѣвшаго въ продолженіе четырехъ столѣтій, гипноза народно-исторической традиціи, стоило только смѣло и умѣло тронуть его ножомъ трезвой научной критики, какъ отъ старой и, казалось, стройной и прочной аксіомы не осталось и слѣда.

*) См. „*Bogurodzica*. Rozwiązanie zagadki“, въ „Bibliotece Warszawskiej“, 1901, т. 244; „*Literatura religijna w Polsce średniowiecznej*“, 1902, I, 144—178; „*Dzieje literatury polskiej w zarysie*“, 1903, I, 10.

„Стоитъ только, говоритъ г. Брикнеръ, взглянуть на построеніе стиха, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ X вѣкѣ, не видавшемъ вообще въ цѣломъ католическомъ мірѣ никакой пѣсни на народномъ языкѣ, эта пѣсня возникнуть не могла. А ужъ св. Войтѣхъ менѣе всего могъ обладать условіями, необходимыми для выполненія подобной задачи. Представитель римской Церкви, не сдающійся ни на какіе компромиссы съ окружающимъ его міромъ, ревностный латинникъ, попадающій часто въ столкновенія съ народнымъ элементомъ, этотъ чехъ не могъ и думать о польской пѣснѣ, для которой тогда и время совсѣмъ еще не настало“ *)... Эти общія критическія соображенія вполнѣ подтверждаются также анализомъ языка памятника, который никакъ не дается втиснуть не только въ тѣсныя рамки X вѣка, но даже значительно болѣе поздняго времени.

Покончивъ, такимъ образомъ, съ упорной легендой о происхожденіи „Bogurodzic“-ы отъ „боговдохновенной руки“ св. Войтѣха, г. Брикнеръ, однако, въ свою очередь, предложилъ не менѣе фантастическое объясненіе ея происхожденія, подмѣнивъ только старинную легенду—новой фантазіей собственнаго производства. Свое—sit venia verbo—„открытіе“, основанное, подобно старой легендѣ, не на прочныхъ данныхъ самого текста памятника, а на произвольныхъ соображеніяхъ и сомнительныхъ „фактахъ“ внѣ его, г. Брикнеръ, тѣмъ не менѣе, предлагаетъ не въ видѣ робкой, болѣе или менѣе остроумной и вѣроятной, но все-же подлежащей сомнѣнію и спору догадки или гипотезы, а навязываетъ его какъ категорическое и окончательное разрѣшеніе вопроса. Первое его сообщеніе по этому вопросу (въ „Bibliotece Warszawskiej“ 1901 г.) даже въ самомъ заглавіи своемъ не допускаетъ никакихъ колебаній и сомнѣній: „Во-

*) „*Literatura religijna*“, I, 156.

gurodzica—rozwiązanie zagadki"! Вѣковая загадка благополучно разгадана: „мы разрѣшили ее разъ на всегда"! побѣдоносно восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ смѣлый и стремительный авторъ*).

Къ сожалѣнію, однако, эта самоувѣренная категоричность заглавія и выводовъ не находитъ никакого оправданія въ фактическомъ изложеніи предлагаемаго польскимъ ученымъ разрѣшенія загадки. Какое же это разрѣшеніе? Проф. Брикнеръ основываетъ его, главнымъ образомъ, на внутреннемъ содержаніи и смыслѣ пѣсни, которую онъ почему-то считаетъ молитвеннымъ обращеніемъ не къ Богородицѣ, какъ это съ полной очевидностью явствуетъ изъ самого текста, а къ Іисусу Христу, рядомъ съ Которымъ упоминаются Богородица и Іоаннъ Креститель только въ роли посредниковъ и ходатаевъ передъ Нимъ. Почему авторъ предпочелъ такое произвольное аллегорическое толкованіе несомнѣнному текстуальному факту, это остается его секретомъ, но оно необходимо, какъ точка отправленія, для всей его дальнѣйшей хитроумной „разгадки". Именно, подчеркивая далѣе необычное въ латино-польской обрядности троичное сочетаніе именъ Богородицы и Іоанна Крестителя, какъ посредниковъ и ходатаевъ передъ І. Христомъ, онъ объясняетъ его въ связи съ нѣкоторыми эпизодами (тоже нѣсколько легендарнаго характера) изъ біографіи жены короля Болеслава, св. Кинги, въ которыхъ встрѣчается случайно такое-же троичное сочетаніе тѣхъ-же святыхъ именъ. По словамъ древняго біографа Кинги, она, послѣ вѣнчанія съ Болеславомъ, трижды, годъ за годомъ, упросила мужа—оставить ее въ дѣвствѣ: первый годъ во имя Іисуса Христа, второй—во имя Богородицы, третій—во имя св. Іоанна Крестителя, который и вообще чудеснымъ образомъ являлся ея

*) *„Literatura religijna"*, I, 168.

посредникомъ и защитникомъ передъ мужемъ. Проводя эту случайную аналогію троичности святыхъ именъ въ біографіи св. Кинги и въ пѣснѣ „Bogurodzica“, проф. Брикнеръ считаетъ ее „неопровержимымъ доказательствомъ“ внутренней, генетической зависимости самой пѣсни отъ этихъ интимныхъ обстоятельствъ жизни благочестивой королевы-монахини. Въ этомъ утверждаетъ его еще болѣе то обстоятельство, что св. Кинга, по словамъ того-же біографа, поступивъ по смерти мужа въ монастырь Кларисокъ въ Санчѣ и проживъ тамъ 18 лѣтъ, до самой смерти (1292 г.), отличалась особеннымъ культомъ Пресвятой Дѣвы, читала ежедневно псалмы въ неизвѣстномъ нынѣ польскомъ переводѣ *) и ввела въ монастырскій обиходъ ежедневное совмѣстное пѣніе какихъ-то, тоже неизвѣстныхъ нынѣ, польскихъ гимновъ въ честь Богородицы. Проф. Брикнеръ настойчиво увѣряетъ, что въ числѣ этихъ гимновъ была и „Bogurodzica“... **) Преподнося всѣ эти, можетъ быть, остроумныя, но совершенно бездоказательныя и голословныя сближенія и предположенія, г. Брикнеръ, ничтоже сумняшеся, заключаетъ самоувѣренно и побѣдоносно: „Для обѣихъ строфъ пѣсни „Bogurodzica“ даетъ только житіе Кинги природный, неизбѣжный, не натянутый нисколько, убѣдительный комментарій. Не найдемъ его нигдѣ болѣе; только здѣсь находится ключъ къ разрѣшенію этой загадки. Мы разрѣшили ее разъ на всегда!“ ***).

) Проф. Брикнеръ тутъ-же попутно рѣшаетъ съ плеча и этотъ вопросъ, именно, высказываетъ предположеніе, что остатки этой польской псалтыри, бывшей въ рукахъ св. Кинги, сохранились въ первой, древнѣйшей части извѣстной „Флоріанской псалтыри“,—мнѣніе столь же голословное и неосновательное, какъ и прочія подобныя потуги его буйной фантазіи. („Literatura relig.“*, I, 153).

**) *„Literatura religijna“*, I, 154.

***) *„Literat. relig.“*, I, 168.—Впрочемъ, въ самое послѣднее время, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ уничтожительной критики г. Щурата,

Точно такъ-же легкомысленно и голословно разрѣшаетъ г. Брикнеръ тутъ-же и трудный вопросъ объ авторѣ пѣсни, хотя дѣлаетъ это почему-то уже все-таки не столь рѣшительно и увѣренно. Выходя изъ вполнѣ основательнаго психологическаго предположенія, что о такой интимной тайнѣ личной жизни св. Кинги, какъ сохраненіе ею дѣвства въ теченіе трехъ лѣтъ супружеской жизни, не могъ знать, кромѣ развѣ исповѣдника ея, никто изъ посторонних людей, г. Брикнеръ строитъ на этомъ обстоятельствѣ новый затѣйливый этажъ своего воздушнаго замка, именно, предполагаетъ, что авторомъ пѣсни „Bogurodzica", являющейся молитвеннымъ отраженіемъ этой личной тайны св. Кинги, былъ ея исповѣдникъ, францисканецъ Богухвалъ, составившій пѣсню въ сандецкомъ монастырѣ около 1280 г.*). Въ подтвержденіе этого новаго предположенія г. Брикнеръ опять таки не даетъ ни малѣйшихъ фактическихъ данныхъ или хотя-бы только намековъ на таковыя, ограничиваясь по своему обыкновенію одними только голословными „психологическими" догадками и соображеніями.

Какъ-же, однако, примиряется со всѣми этими историко-психологическими хитросплетеніями фельетонной фантазіи польскаго ученаго самый текстъ пѣсни, ея своеобразный и загадочный языкъ,—этотъ, въ данномъ случаѣ, единствен-

---

проф. Брикнеръ уже нѣсколько сбавилъ съ этого рѣшительнаго и самоувѣреннаго тона: въ полученной нами уже во время печатанія настоящей замѣтки I-й книжкѣ Ягичева „Архива" за 1907 г. помѣщена его оправдательно-полемическая статейка, въ которой онъ уже со скромно опущенными глазами позволяетъ называть свое „открытіе" относительно связи „Bogurodzic"-ы съ дѣвственными молитвами св. Кинги—просто „романомъ" или „романтической примѣсью", на которой онъ уже и не настаиваетъ такъ стремительно и рѣзко. („*Archiv f. slav. Philologie*", XXIX, 1, 123, 128).

*) „*Literat. relig.*", I, 168—170.

ный прочный и устойчивый матеріалъ, на которомъ одномъ только можетъ основываться и дѣйствовать научная мысль? Какъ укладывается онъ, со всѣми своими загадочными особенностями и противорѣчіями, въ извѣстную намъ, болѣе или менѣе установленную уже (хотя-бы самымъ г. Брикнеромъ), сферу древне-польскаго языка вообще, а XIII-го вѣка въ особенности? Какъ справляется съ этимъ, казалось-бы, непреодолимымъ затрудненіемъ неустрашимый г. Брикнеръ? О, какіе пустяки! Всѣ эти скучныя филологическія недоумѣнія разрѣшаются имъ очень легко и просто. Стоитъ только, какъ въ извѣстномъ анекдотѣ, въ одномъ случаѣ натянуть, въ другомъ урѣзать, и отъ всѣхъ этихъ докучныхъ затрудненій и недоумѣній остается одно только веселое воспоминаніе. Въ самомъ дѣлѣ, г. Брикнеръ именно такъ и разрѣшаетъ всѣ эти филологическія недоумѣнія. То объясняетъ ихъ латинизмами своего автора-франциcканца, то выгораживаетъ ихъ разными возможными и даже невозможными аналогіями, какъ изъ древне-польскаго, такъ и изъ другихъ славянскихъ языковъ, то, наконецъ, гдѣ не хватаетъ уже ни латинизмовъ, ни аналогій, преподноситъ замысловатую теорію „перелома“—своего рода чудесный эликсиръ противъ всякихъ филологическихъ затрудненій и загадокъ. По этой теоріи допускаются рядомъ, вопреки историческому развитію языка, болѣе старыя и новыя формы, чѣмъ и объясняются всѣ тѣ фонетическія и морфологическія загадки и противорѣчія въ текстѣ пѣсни, которыхъ авторъ иначе объяснить не умѣетъ или не хочетъ; очутясь же передъ необычнымъ, не-польскимъ лексикальнымъ явленіемъ, онъ уже, вмѣсто теоріи „перелома“, ловко подсовываетъ теорію утраты, въ силу которой вдругъ оказывается, что хотя данная форма въ древне-польскомъ языкѣ и неизвѣстна совершенно, но она несомнѣнно въ немъ существовала и только со временемъ, вѣроятно въ

„эпоху перелома", была имъ почему-то утрачена*). Вообще, всѣ эти филологическія „объясненія" г. Брикнера поражаютъ своею натянутостью и безцеремонностью. Они очевидно насильно подогнаны подъ его предвзятую историко-психологическую гипотезу о составленіи пѣсни для св. Кинги Богухваломъ, и поэтому должны во что бы то ни стало, посредствомъ всевозможныхъ уловокъ, натяжекъ и урѣзокъ, втиснуть ея строптивый текстъ въ тѣсныя рамки XIII вѣка **).

Подобное „разрѣшеніе загадки", шумно провозглашенное проф. Брикнеромъ, какъ и слѣдовало ожидать, было встрѣчено, какъ въ болѣе серьезной части польской науки, такъ и въ славянской вообще, болѣе или менѣе недовѣрчиво и отрицательно. Его настойчивыя и самоувѣренныя, хотя и голословныя увѣренія и гибкія предположенія никого не удовлетворили и не убѣдили. Но они, повидимому, явились побудительнымъ толчкомъ къ новому пересмотру вопроса, къ новымъ разысканіямъ и изученіямъ загадочнаго памятника. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ этихъ злополучныхъ „открытій" и окончательныхъ „рѣшеній" проф. Брикнера появилось нѣсколько новыхъ работъ, относящихся къ пѣснѣ „Bogurodzica" ***), которыя, рѣшительно опровергая въ томъ или другомъ отношеніи его фантастическія хитро-

*) „*Literat. relig.*", I, 160—167.

**) Проф. Брикнеръ, хотя нынѣ какъ-будто и отказывается уже отъ своего фантастическаго „романа" о св. Кингѣ и Богухвалѣ, тѣмъ не менѣе, не смотря на сокрушительную критику г. Щурата, не оставившую камня на камнѣ изъ его воздушнаго историко-филологическаго замка, все еще съ прежней самоувѣренностью настаиваетъ на этой именно, „основной" части своей работы: „я доказалъ,—все еще побѣдоносно бахвалится онъ,—что пѣсня подлинно-польская и происходитъ изъ XIII-го вѣка". („*Archiv f. slav. Ph.*", XXIX, 1, 123).

***) I. Фіялка, А. Полинскаго, А. Хмѣля, К. Гека, В. Брухнальскаго и др.

сплетенія, со своей стороны, однако, не представляютъ для центральнаго вопроса о происхожденіи и языкѣ пѣсни ничего существенно новаго и интереснаго. Такимъ образомъ, старая загадка, не смотря на всѣ эти попытки ея разрѣшенія, все еще оставалась совсѣмъ неразгаданной и темной.

Но оставалась она въ такомъ неопредѣленномъ состояніи, послѣ покушенія г. Брикнера, не долго. На смѣну ему скоро явился новый блуждающій рыцарь, не менѣе его жадный шума и сенсаціи, не менѣе самоувѣренный и смѣлый. Только, повидимому, нѣсколько лучше вооруженный и, можетъ быть, болѣе счастливый. Мы имѣемъ въ виду статьи галицко-русскаго ученаго, д-ра *В. Г. Щурата*, заглавіе которыхъ приведено въ началѣ этой замѣтки. Г. Щуратъ не новичокъ въ этой области. Еще 10 лѣтъ назадъ, чуть-ли не со студенческой скамьи, онъ произвелъ довольно громкій, хотя и непродолжительный шумъ своимъ сенсаціоннымъ „открытіемъ“ византійскаго подлинника „Моленія“ Даніила Заточника. Это „открытіе“, однако, оказалось на повѣрку не только сильно преувеличеннымъ и раздутымъ, но также не совсѣмъ оригинальнымъ, послѣ чего сконфуженный авторъ какъ-будто почилъ на нѣкоторое время на своихъ смятыхъ лаврахъ. Но, повидимому, онъ все-таки не дремалъ нисколько, а, напротивъ, дѣятельно готовился къ новому, еще болѣе сенсаціонному „открытію“. Нынѣ онъ, наконецъ, выступилъ съ нимъ публично, во всеоружіи обширныхъ знаній и самоувѣреннаго задора, смѣло предлагая совершенно новое и, въ противоположность первому своему выступленію, даже слишкомъ ужъ оригинальное разрѣшеніе вѣковой славянской загадки о пѣснѣ „Bogurodzica“.

„Открытіе“ г. Щурата, какъ это явствуетъ уже изъ самого заглавія первой его статьи, заключается въ томъ, что онъ считаетъ пѣсню „Bogurodzica“—*русскимъ*, въ частности—*западно-русскимъ памятникомъ конца* XIV в., сохра-

нившимся только въ нѣсколькихъ польскихъ транскрипціяхъ XV и XVI вв. и оставшимся поэтому неузнаннымъ и непризнаннымъ донынѣ.

Хотя такая рѣшительная и самоувѣренная, даже въ заглавіи, постановка вопроса сильно напоминаетъ пресловутое „rozwiązanie zagadki“ г. Брикнера и сама по себѣ ужъ не внушаетъ довѣрія, но справедливость требуетъ признать, что въ общемъ работа г. Щурата, выдержанная въ болѣе спокойномъ и серьезномъ тонѣ, оперирующая, большей частью, фактическимъ и прочнымъ, хотя, къ сожалѣнію, и одностороннимъ, научнымъ матеріаломъ, производитъ, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе выгодное и серьезное впечатлѣніе, чѣмъ разсмотрѣнныя выше легкомысленныя построенія проф. Брикнера. Во всякомъ случаѣ, въ ней на всемъ протяженіи, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ второстепенныхъ подробностей и конечнаго рѣзкаго вывода, осязается болѣе или менѣе твердая и устойчивая почва фактовъ и чувствуется значительная доля несомнѣнной правды...

Въ противоположность г. Брикнеру, который, выходя изъ предвзятаго историко-психологическаго предположенія, подгоняетъ къ нему per fas et nefas всѣ свои филологическія разысканія и заключенія,—г. Щуратъ производитъ свое изложеніе болѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ индуктивнымъ способомъ: прежде всего онъ подвергаетъ тщательному критическому разбору прежнія попытки рѣшенія вопроса, въ особенности же послѣднюю изъ нихъ—проф. Брикнера, сужденія и мечтанія котораго онъ тутъ-же, дѣйствительно, разбиваетъ въ пухъ и прахъ; расчистивъ себѣ, такимъ образомъ, почву изслѣдованія, онъ производитъ затѣмъ самый внимательный и подробный филологическій анализъ самого текста пѣсни и, наконецъ, только на основаніи результатовъ послѣдняго, пытается поддержать и утвердить свои выводы нѣкоторыми другими, историче-

скими и историко-литературными соображеніями и данными.

Исходной точкой своего изслѣдованія г. Щуратъ беретъ древнѣйшій и лучшій кцинскій списокъ пѣсни, сохранившійся на внутренней сторонѣ переплета латинскихъ проповѣдей Матвѣя изъ Грохова, нач. XV-го в., въ рукописи Краковской Ягеллонской библіотеки № 1619. Къ работѣ приложенъ также, въ натуральную величину, хорошій фотографическій снимокъ этого списка.

Текстъ пѣсни разбираетъ г. Щуратъ весьма подробно и внимательно, строку за строкой, слово за словомъ, доказывая настойчиво и, болѣе или менѣе, убѣдительно западнорусскія черты и особенности каждой отдѣльной формы, приводя многочисленныя документальныя данныя и аналогіи, наконецъ, ловко опровергая и устраняя нѣкоторыя иныя, древне-польскія или чешскія, объясненія и сближенія, въ первой же мѣрѣ всѣ натянутыя сужденія и объясненія своего главнаго, хотя и не самаго сильнаго супостата, г. Брикнера. Не останавливаясь здѣсь подробно на этомъ, произведенномъ г. Щуратомъ болѣе или менѣе успѣшно, филологическомъ анализѣ текста пѣсни, ни на его настойчивыхъ, но не всегда столь же удачныхъ попыткахъ подробнаго возстановленія ея западно-русскаго характера,—такъ какъ для этого пришлось бы воспроизвести полностью 14 страницъ кропотливой работы г. Щурата (и заодно ужъ также 9 дополнительныхъ страницъ изъ второй, полемической его брошюры),—мы приведемъ только, какъ окончательный, бѣловой результатъ его труда, возстановленный имъ якобы западно-русскій текстъ пѣсни въ русской же ретранскрипціи съ польско-готическаго списка:

Кцинскій текстъ:	*Текстъ Щурата:*
1. Bogvrodzicza dzewicza	1. Богуродица девица
2. bogem slawena maria	2. бл҃гл҃авена марїѧ
3. U twego syna gospodzina	3. У твего сына господина
4. matko swolena maria	4. матко сволена марїѧ
5. Siszczi nam spwczi nam kyrieleyson.	5. С'ищи намъ споусти намъ кирїелейсонъ
6. Twego dzela krzcziczela boszicze	6. Твего делѧ кр҃тїтелѧ божиче
7. Uslisz glosi naplen misli czlowecze	7. Оуслышь гл҃сы наплън' мысли чл҃вечье
8. Slisz modlitwф уфsz nosimi	8. Слышь мл҃твѫ ѭш' носимы
9. A dacz raczi gegosz prosimi	9. А дать рачи егош' просимы
10. a na swecze zbozni pobith	10. а на свете збозны' побытъкъ
11. po sziwocze raski przebith kyrieeleyson.	11. по животе ра'ски' пребытъкъ кирїеелейсонъ

„Только свойствами западно-русской рѣчи, говоритъ г. Щуратъ, и можно объяснить вполнѣ фонетическія и морфологическія явленія Грюнвальдской пѣсни, только западно-русскимъ элементомъ—ея лексику. И можно объяснить ихъ съ такой точностью, что древнѣйшій кцинскій текстъ пѣсни приходится считать транскрипціей, точнымъ спискомъ западно-русскаго оригинала—готическими буквами". („Грунв. п." стр. 23). „Только въ свѣтѣ такой русской ретранскрипціи, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, разъясняются всѣ загадки этого текста: такія лексикальныя загадки, какъ maria, matko, swolena, siszczi, dzela, boszicze, naplen, pobith, przebith; такія морфологическія загадки, какъ Bogvrodzicza,

dzewicza, maria; такія фонетическія загадки, какъ Bogvrodzicza, swolena, spwczi, zbozni, вмѣстѣ съ отсутствіемъ польскаго смягченія; такія синтаксическія загадки, какъ bogem slawena; такія орѳографическія загадки, какъ naplen, raski, pobith, przebith и т. д." (Тамъ-же, стр. 36).

Все это было-бы, пожалуй, весьма вразумительно и складно, если-бы авторъ, прежде чѣмъ возстановлять и доказывать такимъ категорическимъ образомъ западно-русскій характеръ пѣсни, хоть сколько-нибудь уяснилъ и разрѣшилъ прежде всего тотъ общій и принципіяльный вопросъ, который въ данномъ случаѣ долженъ-бы явиться первымъ и важнѣйшимъ критеріемъ: *возможно-ли вообще допустить существованіе подобнаго народно-областного текста въ древне-русской духовной письменности* XIV-го в.? возможно-ли хоть сколько-нибудь согласовать подобное своеобразное явленіе съ наличными историко-языковыми данными того времени? если же это только единичное и небывалое исключеніе, только случайный и прихотливый прорывъ народно-областной стихіи, только исключительное, минутное торжество живой народной рѣчи надъ сплошнымъ и твердымъ верхнимъ слоемъ книжной церковно-славянщины,—то какимъ образомъ и въ какихъ условіяхъ могло это произойти такъ рано и ярко? и почему оно, словно наперекоръ исторіи и логикѣ фактовъ, проявилось именно въ самой строгой и устойчивой, въ отношеніи внѣшней формы, области, въ церковной, да еще къ тому же гимнологической письменности?

Всѣ эти предварительные, принципіальные вопросы, въ данномъ случаѣ, существенно важны и неизбѣжны, такъ что напрашиваются, при вдумчивомъ отношеніи къ смѣлой гипотезѣ г. Щурата, сами собою. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, западно-русскій текстъ г. Щурата заключаетъ въ себѣ, въ объемѣ всего 11 маленькихъ строчекъ, столько якобы на-

родно-областныхъ, діалектическихъ формъ и звуковъ, что, будь все это вѣрно, нельзя было бы не признать въ немъ поразительно чистое и яркое отраженіе живой народно-областной, даже вульгарной рѣчи. Правда, всѣ эти, кажущіеся народно-областными явленіями, формы и звуки неоднократно повторяются также въ нѣкоторыхъ другихъ, даже болѣе раннихъ, древне-русскихъ памятникахъ, но въ нихъ они встрѣчаются только по-рознь и рѣдко, такъ что они тутъ-же растворяются и теряются незамѣтно въ общей массѣ книжнаго языка. Въ данномъ же текстѣ, гдѣ онн на такомъ маленькомъ протяженіи, словно въ яркомъ фокусѣ, собраны и подчеркнуты въ связной и цѣльной совокупности, они дѣйствительно какъ-будто являются осмысленнымъ и цѣльнымъ проявленіемъ живой западно-русской рѣчи. Такъ-ли это, однако, возможно-ли, мыслимо-ли это?

Г. Щуратъ молча обходитъ, даже не затрагивая ихъ вовсе, всѣ эти щекотливые, но существенные и неизбѣжные вопросы. Обходитъ ихъ, очевидно, потому, что, въ силу неотразимыхъ фактовъ, долженъ бы отвѣтить на нихъ вполнѣ отрицательно, отъ чего и вся его стройная гипотеза сразу-же лопнула бы сама собою. Эти коварные вопросы являются, въ данномъ случаѣ, тѣмъ роковымъ волоскомъ, который иногда,—по выраженію Достоевскаго,—падая на колесо машины, ломитъ всю ее въ дребезги...

Впрочемъ, и помимо того, не всѣ сужденія и доказательства г. Щурата достаточно вразумительны и убѣдительны. Иногда ему приходится прибѣгать даже къ такимъ-же самымъ непозволительнымъ пріемамъ, за какіе онъ только-что самъ жестоко, хотя и вполнѣ справедливо, издѣвался надъ г. Брикнеромъ: онъ неоднократно пытается устранить иное неодолимое затрудненіе посредствомъ очевидно нелѣпой „аналогіи“ или просто даже какой-нибудь развязной натяжки, а въ крайнемъ случаѣ привлекаетъ на

помощь даже злополучную „руку“ предполагаемаго русскаго писца или его польскаго переписчика и т. п.

Весьма недостаточно и, повидимому, нѣсколько случайно обставленъ въ работѣ г. Щурата также объемъ древнерусскаго сравнительно-языкового матеріала, привлеченнаго имъ для провѣрки и объясненія текста пѣсни. Онъ пользуется почти исключительно только нѣкоторыми отрывочными текстами, помѣщенными, въ крайне неудовлетворительномъ видѣ, въ галицко-русской средне-учебной „Христоматіи“ пок. Огоновскаго, затѣмъ довольно ограниченными матеріалами, собранными въ двухъ раннихъ работахъ проф. Е. Ѳ. Карскаго, и, наконецъ, весьма сомнительнымъ текстомъ „Повѣсти о трехъ короляхъ-волхвахъ“, изданнымъ проф. В. Н. Перетцомъ*). Что касается послѣдняго памятника, то было-бы безспорно гораздо лучше, если-бы г. Щуратъ даже вовсе не вовлекалъ его въ кругъ своей работы, такъ какъ это, во 1-хъ, памятникъ значительно болѣе поздняго времени (конца XV или даже нач. XVI вв.), посредствомъ котораго, слѣдовательно, никакъ нельзя провѣрять или даже возстановлять языкъ XIV-го вѣка, во 2-ыхъ же, потому, что онъ, по всей видимости, представляетъ только буквальный переводъ съ неизвѣстнаго польскаго текста, отъ котораго онъ всецѣло и рабски зависимъ, такъ что для исторіи древне-русскаго, хотя-бы и западно-русскаго языка онъ вообще можетъ имѣть только самое незначительное и отдаленное значеніе.

*) Только заднимъ числомъ, прижатый къ стѣнѣ рѣзкой отповѣдью проф. Брикнера, г. Щуратъ потрудился заглянуть еще въ „Матеріалы для словаря древ.-рус. языка“ Срезневскаго, изъ которыхъ онъ уже и извлекаетъ цѣлый рядъ новыхъ примѣровъ и параллелей въ своей второй брошюрѣ („Дві статї“, стр. 20—28).

Вѣское доказательство въ пользу русскаго характера пѣсни „Bogurodzica“ усматриваетъ г. Щуратъ, кромѣ данныхъ ея языка, также въ мелодіи кцинскаго текста. Мелодія пѣсни, представляющая, по изслѣдованіямъ А. Полинскаго *), григоріанскую секвенцію-прозу, т. е. состоящая изъ ряда музыкальныхъ фразъ, съ которыми точно совпадаютъ и всѣ логическія, текстуальныя фразы, даетъ г. Щурату возможность, путемъ сравненій и сближеній съ данными древнерусскаго стихосложенія, вывести заключеніе, что она, вполнѣ согласуясь съ основными правилами и пріемами послѣдняго, вмѣстѣ съ тѣмъ точно распредѣляетъ отдѣльные стихи пѣсни, сообразно ея музыкальнымъ и логическимъ фразамъ, и, наконецъ, искусно соединяетъ обѣ строфы ея въ одно связное и стройное цѣлое.

Въ отношеніи внутренняго содержанія и смысла своего, пѣсня „Bogurodzica“, въ интерпретаціи г. Щурата, тоже представляетъ будто-бы несомнѣнныя доказательства своего восточно-русскаго, а не польско-католическаго происхожденія. Считая ее, и вполнѣ основательно, молитвеннымъ обращеніемъ къ Богородицѣ, а не къ Іисусу Христу, какъ предполагаетъ проф. Брикнеръ, авторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, настойчиво подчеркиваетъ ея народно-военный характеръ. „Bogurodzica“, безъ сомнѣнія, была военнымъ гимномъ, что̀ признаютъ согласно, какъ многія историческія свидѣтельства, начиная съ Грюнвальдской битвы, такъ и большинство изслѣдователей пѣсни. Но г. Щуратъ, на нашъ взглядъ, все-таки нѣсколько злоупотребляетъ этимъ обстоятельствомъ, стараясь во что бы то ни стало, хотя и весьма неудачно, использовать его тоже во вящшую пользу своей общей гипотезы. Приведя цѣлый рядъ разнообразныхъ свидѣтельствъ и данныхъ въ

*) „Pieśń Bogurodzica pod względem muzycznym“, Варшава, 1903.

подтвержденіе обстоятельства, что Пресвятая Дѣва и Іоаннъ Креститель считались, какъ въ греческой обрядности вообще, такъ и на Руси въ особенности, покровителями и помощниками воиновъ и брани, г. Щуратъ на этомъ основаніи строитъ крайне произвольное и шаткое предположеніе, что троичность святыхъ именъ—Богородицы, Іисуса Христа и Іоанна Крестителя—въ военной пѣснѣ, какою была „Bogurodzica", могла возникнуть только въ области греко-русской обрядности, только на Руси. „Изъ литературнаго преданія русской церкви, увѣренно говоритъ авторъ, произошла идея Грюнвальдской пѣсни. Въ ней Марія, Іоаннъ Креститель и Іисусъ Христосъ явились съ такими свойствами, какими надѣлила ихъ русская церковь, а вслѣдъ за нею и русскій народъ. Ихъ военный характеръ придалъ и цѣлой пѣснѣ военное значеніе". („Грунв. п." стр. 50).

Отъ этихъ смѣлыхъ церковно-военныхъ экскурсій автору остается сдѣлать уже только одинъ, послѣдній шагъ—въ родственную область военно-историческаго преданія. И онъ дѣлаетъ этотъ шагъ, по своему, легко и просто, разрѣшая, такимъ образомъ, сразу же нѣсколько трудныхъ и, казалось-бы, безъотвѣтныхъ вопросовъ. Основываясь на описаніи Грюнвальдскаго сраженія въ Хроникѣ Длугоша и, главнымъ образомъ, въ т. наз. Лѣтописи Быховца, г. Щуратъ полагаетъ, что тѣми полками, которые первые выступили съ польской стороны въ бой, поя, по словамъ Длугоша, „patrium carmen Bogurodzica", были именно литовско-русскіе полки вел. кн. Витовта. Слѣдовательно, „Bogurodzica" была ихъ родной, западно-русской военной пѣсней, которую они въ этомъ бою, въ чаду блестящей побѣды, и передали своимъ польскимъ союзникамъ. Признательный же польскій народъ воспринялъ ее столь благоговѣйно и любовно, что возвелъ ее даже до степени своего священнаго народно-военнаго гимна...

Всѣ эти церковно-военныя и военно-историческія соображенія и комбинаціи г. Щурата приходится, конечно, подобно „роману“ о св. Кингѣ и Богухвалѣ проф. Брикнера, отнести къ разряду произвольныхъ и праздныхъ мудрствованій или даже просто гаданій. Странно только, что г. Щуратъ все-таки замечтался до такой непозволительной степени, что, помимо всего прочаго, упустилъ изъ виду даже элементарные законы, если можно такъ выразиться, историко-литературной динамики. Вѣдь, если подобная стихійная національзація и популяризація чужого литературнаго явленія, въ силу какихъ-нибудь особыхъ, исключительныхъ условій, и возможна вообще, то этотъ сложный процессъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ происходить такъ быстро и стремительно, словно по щучьему велѣнію, какъ это пришлось-бы допустить въ настоящемъ случаѣ: вѣдь кцинскій списокъ пѣсни почти современный Грюнвальдской битвѣ...

Если, однако, весьма страннымъ и невѣроятнымъ является уже предположеніе о томъ, чтобы цѣлый, высококультурный народъ, вслѣдствіе одной побѣды, сразу же воспринялъ съ такимъ проникновеніемъ и почетомъ чужеязычную пѣсню, не пытаясь даже сколько-нибудь примѣнить и приспособить ее къ своему собственному языку и культурному обиходу,—то еще болѣе удивительнымъ и непостижимымъ приходится признать обстоятельство, что другой народъ, передавъ эту пѣсню сосѣду, почему-то самъ вдругъ совершенно оставилъ и утратилъ ее. Пришли русскіе полки, спѣли въ бою свой прадѣдовскій гимнъ, воодушевили имъ другой народъ,—и вдругъ этотъ завѣтный, священный гимнъ, осіянный новой побѣдой, совершенно и безслѣдно вывалился и исчезъ изъ памяти цѣлаго народа, словно его здѣсь никогда и не бывало. По крайней мѣрѣ, не было замѣчено здѣсь, послѣ рокового боя, ни малѣйшихъ, ни письменныхъ, ни устныхъ слѣдовъ или хотя-бы

воспоминаній о немъ. Какъ же это, въ самомъ дѣлѣ, могло случиться?

Очень просто,—отвѣчаетъ, не смущаясь нимало, г. Щуратъ. Видите-ли, пѣсня была среди западно-русскаго народа такъ общеизвѣстна и популярна, что закрѣплять ее здѣсь въ письмѣ, на бумагѣ, не было никакой надобности и никому даже въ голову не приходило. А со временемъ она дѣйствительно, какъ-то исподволь и незамѣтно, была призабыта и, наконецъ, даже совершенно утеряна. Этимъ и объясняется вполнѣ, по мнѣнію г. Щурата, совершенное отсутствіе русскихъ списковъ пѣсни. Наоборотъ,—это его доказательство a contrario,—существованіе цѣлаго ряда польскихъ списковъ свидѣтельствуетъ какъ нельзя лучше о томъ, что пѣсня была въ Польшѣ чужой и экзотичной, вслѣдствіе чего и явилась потребность письменнаго усвоенія и закрѣпленія ея—для памяти... Что-же это, однако, въ самомъ дѣлѣ? Случайный и неосторожный lapsus linguae, или неумѣстная шутка? Или, чего добраго, г. Щуратъ до такой степени уже увлеченъ и обуянъ своей общей „идеей“, что даже не замѣчаетъ болѣе всей чудовищной нелѣпости подобнаго „научнаго“ абсурда? Во всякомъ случаѣ, дальше этого, даже въ слѣпомъ увлеченіи навязчивой идеей, кажется, идти некуда!

Въ общемъ, подведя итоги нашимъ замѣчаніямъ, нельзя сказать, чтобы доказательства въ пользу западно-русскаго происхожденія пѣсни „Bogurodzica“, какія усердно и подробно проводитъ въ своей работѣ г. Щуратъ, были въ настоящемъ ихъ видѣ удовлетворительны и пріемлемы, чтобы они хоть сколько-нибудь оправдывали подобную категорическую и увѣренную постановку вопроса.

Напротивъ, подобная гипотеза представляется уже сама по себѣ совершенно неудачной и безнадежной, такъ что въ наукѣ она, по всей вѣроятности, должна быть рѣшительно забракованной и отвергнутой.

Что же остается, послѣ этого, отъ работы г. Щурата? Остается все-таки очень много. Прежде всего существенно важенъ и полезенъ его дѣльный и ѣдкій критическій разборъ, или, лучше сказать, разгромъ фантастическаго „разрѣшенія загадки“ проф. Брикнера, послѣ котораго это пресловутое „разрѣшеніе“, кажется, упраздняется изъ серьезнаго научнаго круга зрѣнія совершенно и разъ навсегда. Правда, и самъ-то г. Щуратъ, въ свою очередь, разгадку разрѣшилъ въ конечномъ выводѣ весьма произвольно и неудачно,—но онъ все-таки, по крайней мѣрѣ, въ критико-филологической части своей работы, подошелъ и придвинулся къ настоящей, подлинной правдѣ гораздо существеннѣе и ближе, чѣмъ кто-нибудь другой до него. И въ этомъ его главная заслуга, хотя онъ тутъ-же самъ легкомысленно ослабилъ и подорвалъ ея значеніе. Почуявъ смутно несомнѣнную близость этой скрытой правды, онъ, въ чаду увлеченія, сразу-же потерялъ всякое чувство осмотрительности и мѣры и ринулся, очертя голову, за созданнымъ имъ тутъ-же соблазнительнымъ, но неуловимымъ призракомъ...

А эта правда, не столь ослѣпительно-яркая и соблазнительная, какъ увлекшій автора призракъ, болѣе ограниченная и скромная, осталась, такимъ образомъ, въ тѣни и въ обидномъ пренебреженіи.

Заключаясь въ произведенномъ г. Щуратомъ сравнительно-филологическомъ разборѣ языка пѣсни, она постепенно открывается намъ все яснѣе и ярче—въ видѣ *несомнѣнной и непосредственной связи этого языка съ языковымъ достояніемъ древне-русской письменности.* И если гипотезѣ г. Щурата о западно-русскомъ происхожденіи самой пѣсни и не суждено принять въ наукѣ сколько-нибудь положительную и заслуживающую вниманія форму, то, во всякомъ случаѣ, за нимъ останется уже та выдающаяся за-

слуга, что онъ, въ данномъ случаѣ, рѣшительно повернулъ вопросъ въ ту именно сторону, отъ которой до сихъ поръ пренебрежительно отворачивались польскіе изслѣдователи съ проф. Брикнеромъ во главѣ: *въ сторону славяно-русскихъ, въ частности—западно-русскихъ вліяній и заимствованій въ древне-польскомъ языкѣ и письменности.* И, хотя пѣсня „Bogurodzica“ и послѣ „открытій“ г. Щурата все-же нисколько не можетъ быть изъята изъ польской и причислена къ западно-русской письменности, тѣмъ не менѣе всѣмъ послѣдующимъ ея изслѣдователямъ и комментаторамъ прійдется уже непремѣнно серьезно считаться съ древне-русскими элементами и вліяніями, какъ въ ней самой, такъ и въ древне-польской письменности вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ,—чего, къ сожалѣнію, почему-то совершенно не замѣтилъ и не коснулся г. Щуратъ,—прійдется также обратить серьезное вниманіе, кромѣ языка, на такія-же, несомнѣнно русскія, культурныя отраженія и въ характерѣ и составѣ пѣсни, напр. на самое это понятіе Bogurodzica = Богородица=θεοτόκος, или на странное соотвѣтствіе ея необычной троичности святыхъ именъ—греко-русскому представленію „Деисуса“, которыя-то понятія и явленія совершенно чужды и немыслимы въ польско-латинской, но вполнѣ свойственны и обычны въ греко-русской догматикѣ и обрядности...

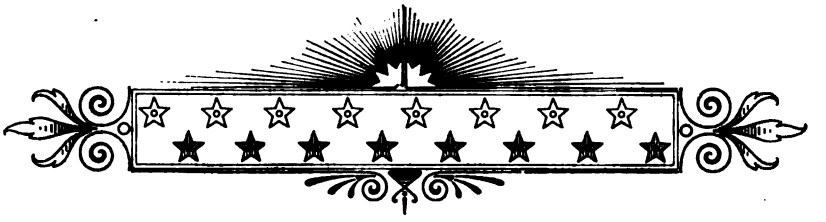
Такимъ образомъ, отъ подробнаго и внимательнаго обслѣдованія и установленія объема и устойчивости этихъ древне-русскихъ вліяній, можетъ быть, рядомъ съ подобными же вліяніями древне-чешскими, зависитъ, главнымъ образомъ, объясненіе или даже полное разрѣшеніе вѣковой загадки пѣсни „Bogurodzica“: раскрытіе и установленіе степени и характера ея прикосновенности или даже принадлежности къ польской, русской-ли, или, наконецъ, чешской письменности, или, по крайней мѣрѣ, преимущественной литературно-языковой сферѣ вліянія.

Пока-что, однако,—какъ бы рѣшительно и настойчиво ни преподносили свои „окончательныя“ разрѣшенія и разгадки самоувѣренные ученые въ родѣ гг. Брикнера и Щурата, какъ бы громко и зычно ни провозглашали они свое побѣдоносное „эурека!“,—намъ остается, въ концѣ концовъ, все-таки только грустное и безнадежное заключеніе, что вѣковой вопросъ о происхожденіи и характерѣ пѣсни „Bogurodzica“ по прежнему представляется все тѣмъ-же самымъ, нераскрытымъ и неразгаданнымъ, таинственнымъ и сложнымъ свиткомъ подъ семью печатями...

Ю. Яворскій.

Отдѣлъ V.

Замѣтки и извѣстія.



Изъ исторіи подложныхъ документовъ.

1) Грамота Галичскаго князя Льва.

Дошедшія до насъ грамоты съ именемъ этого князя признаются согласно почти всѣми историками подложными; мы не будемъ перечислять этихъ грамотъ и излагать литературу по вопросу объ ихъ подложности, такъ какъ это сдѣлано уже проф. И. А. Линниченкомъ въ своихъ работахъ [1]), но имѣемъ въ виду обратить вниманіе на его мнѣніе, что нѣкоторыя изъ грамотъ могутъ быть признаны подлинными и что основанія, по которымъ другія грамоты считаются подложными, слабы, недостаточно обоснованы, а иногда и мотивы подлоговъ совершенно гадательны; между тѣмъ многіе изслѣдователи спѣшатъ рѣшительно высказываться противъ ихъ подлинности. Разсматривая спорныя грамоты и задаваясь вопросомъ о степени ихъ достовѣрности, мы не можемъ не замѣтить, что всѣ грамоты князя Льва, во 1-хъ, предъявляются несомнѣнно древними родами и учрежденіями и, во 2-хъ, что они представляются

[1]) Изъ такихъ работъ назовемъ: „Грамоты Галичскаго князя Льва и значеніе подложныхъ документовъ, какъ историчныхъ источниковъ". Спб. 1904 (оттискъ изъ „Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Император. Академіи Наукъ", 1904 г., т. IX, кн. I, стр. 80—102).

въ такую пору и при такихъ условіяхъ, когда эти роды, если бы они были даже и безправными владѣльцами, могли легко обойтись и безъ всякихъ грамотъ; поэтому, на основаніи существующихъ редакцій ихъ, нѣсколько преждевременно совершенно отрицать ихъ подлинность; если же принять во вниманіе, что до сихъ поръ вопросъ о происхожденіи и развитіи частнаго землевладѣнія въ Галичской и Юго-западной Руси, вызвавшемъ появленіе на свѣтъ опорочиваемыхъ грамотъ, остается неизслѣдованнымъ должнымъ образомъ, не считая сочиненій, лишь отчасти затрогивающихъ этотъ вопросъ, то признаніе подложности грамотъ кн. Льва покажется еще болѣе спѣшнымъ; быть можетъ, со временемъ, во многихъ, если не во всѣхъ, случаяхъ, окажется, что въ основѣ лежитъ дѣйствительный фактъ выдачи грамоты, что, съ утратой подлинныхъ грамотъ, вслѣдствіе разнаго рода несчастныхъ обстоятельствъ (пожаровъ, татарскихъ разореній и проч.), владѣльцы ихъ прибѣгали къ возстановленію по памяти утраченнаго подлинника, что на этой почвѣ возстановленія и происходило искаженіе грамотъ, доходившее до введенія или уничтоженія въ нихъ такихъ частей, которыя въ то или другое время были излишни или недоставали (напр. грамота князя Романа Галичскаго Кіево-Печерской лаврѣ, князя Любарта Гедиминовича Луцкой епископской каѳедрѣ и друг.). Примѣромъ искаженія грамоты князя Льва, въ основѣ своей быть можетъ дѣйствительныхъ, служитъ, между прочими, грамота его старому дворянскому роду Кульчицкихъ, приведенная въ работахъ проф. Линниченка [1]) и Грушевскаго [2]). У послѣдняго она приводится не только въ своей основной первоначальной формѣ, но и съ позднѣйшими приращеніями, съ какими была внесена въ Перемышльскія актовыя книги конца XVII в. Проф. Грушевскій относитъ внесеніе грамоты въ Пере-

[1]) Черты изъ истор. сословій въ Юго-Запад. Руси, стр. 57.

[2]) „Чи маемо автентичні грамоты кн. Льва?“ въ Зап. Наук. Товар. імени Шевченка, т. XLV.

мышльскія книги къ 1696 г. на основаніи частной копіи, сдѣланной г. Т. Реваковичемъ въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, но самыми актовыми книгами г. Грушевскій не пользовался, по всей вѣроятности, не найдя въ нихъ грамоты подъ указаннымъ годомъ вслѣдствіе ошибочности даты ея въ копіи г. Реваковича. Случайно эту грамоту мы встрѣтили въ Кіевскихъ замковыхъ актовыхъ книгахъ 1790 года, куда была внесена выпись грамоты князя Льва изъ Перемышльскихъ актовыхъ книгъ, но не 1696 г., а 1660 г., и притомъ съ припиской 1366 г. о какой-то провѣркѣ грамоты королевскимъ судомъ, но о припискѣ этой проф. Грушевскій не упоминаетъ. Предполагая, что такая приписка въ болѣе исправномъ видѣ быть можетъ сохранилась въ Перемышльскихъ книгахъ 1660 года и что указываемая нами точность даты внесенія туда грамоты князя Льва даетъ возможность провѣрить приписку 1366 г., мы и приводимъ ниже запись грамоты въ Перемышльскія книги со всею точностью, съ какой она имѣется въ Кіевской замковой книгѣ 1790 г., хранящейся въ Центральномъ Архивѣ Университета св. Владиміра, приводимъ ее въ надеждѣ, что будущему изслѣдователю исторіи частнаго землевладѣнія и въ особенности грамотъ князя Льва эта приписка можетъ пригодиться и дать не лишенный значенія фактъ для рѣшительнаго признанія грамоты подлинной или подложной.

Roku tysiąc siedemset dziewięćdziesiątego, miesiąca nowembris dziewiętego dnia.

Na urzędzie grodz., w miescie J. K. M. Żyt., przede mną, Kaietanem Trzeciakem, regentem przysiąg. grod., genell. w-twa Kijow., y xięgami ninieyszemi grod. Kijow., osobiscie stawaiący ur. Jan Kulczycki te kopię z extraktu originalnego z upisaniem w nim przywileju od j. o. x. Leona, ziemi Ruskiey dziedzica, ur. Kulczyckim na dobra wies Kulczyc łaskawie danego, na papierze Jego Cezarskiey Mosci napisaną, z przyszytem arkuszem papieru srebrnogroszowego, polskiego, do akt grod. Kijow. w oblatą podał w ten sposob:

Kopia przywileju panow Kulczyckich z extractu originalnego.

Actum Praemisliense, in judicio terrestre Praemislien. et districtu Praemisliensi, vigore confederationis in conventu..... nensi palatinatus Russiae proximi expedite, ordinatio, feria quinta pridie festi Exaltationis sanctae Crucis, anno Domini millesimo sexcentesimo sexagasimo.

Ad judicium praesens castr. terrae Praemislien. actaque judicii ejusdem, veniens personaliter, nobilis Michal Kulczycki-Zankowicz obtulit eidem judicio et ad acticandum porrexit literas pergamineas, ruthaenico stillo scriptas vetustatis et sigillo appensas, seu donationem villa Kulczyce, per seraenissimo olim ducem Leonem benignite datas, servientes, cujus affectationi et juri communi Regni judicium praesens annuendo, h as literas a se offerenti suscepit et actis connotavit, ... quarum literarum rutenicarum tenoris talis:

Ja, u Boze, Lew, kniaz y pan Ruskoy zemli, dalem seło Kulczycy słuzi swoiemu Melentomu Turkiewiczowy w Samborskoy oblasty, iakosmy samy derzaly, z chłopami, sytnikamy y zo wsima pozytkami, polamy, sinozatiami, pastwiskamy. lisamy, dubrowamy, bortamy y sitiu (sic!) y z uroczyskamy, do Kulczyc nalezaczemy: Kobyla y Boleniz, horod, sad y rudel miezy mezamy ohraniczonymy Babinskoho, Komelskoho, Ozminskoho, Stupnickoho, Ubornickoho y Samborskoy; kto by naszy łysty mal zlamaty budu maty z nym sud pred Bohom; a na herb daju Sasa. Pysalosia w lito od Rozdestwa Chrystowa perszoy tysiaczy dwochsot osmdesiatoho czetwertoho.

Post cujus privilegii ruthenice ingrossationem, originale eidem offerenti per judicium praesens extraditum est.

U tey kopii privilegii z extractu originalnego korrecta, pieczęc y zaswiadczenie takowe: Correxi Nowosinski (L. S.).

Productum coram judicio sacrae magestatis circa visitationem laure(?) inter officiales communitatis Samboriensis et com-

munitatos inter villaram(que) eo nomine atque camerarium Kulczyce nec non alios incomparatis ne expressas.

Feria quarta, in crastino festi sanctae Agnetis virginis et martyris, anno Domini millesimo trecentesimo sexagesimo sexto. Adamus Brzezowski.

Ktora to kopia, slowo w slowo, iak się w sobie ma, do xiąg ninieyszych grod. Kijow. iest zapîsana.

Книга Кіев. Централ. Архива № 122, л. 188 об., актъ 192-й.

2) Универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго.

Земскій подсудокъ Лубенскаго повѣта Ѳедоръ Булюбащъ 20 августа 1780 года подалъ въ Малороссійскую коллегію „доношеніе“ о томъ, что въ эту коллегію представленъ „Коммиссіей генеральной описи“, бывшей въ Лубенскомъ полку, одинъ подложный универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго, вмѣстѣ съ другими документами и крѣпостными актами, которыми Кіевскій Пустынно-Никольскій монастырь доказывалъ въ упомянутой коммиссіи свои права на земли; въ этомъ универсалѣ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „трактуется о Чигринѣ“, приписано „Дуброва“. Чигринъ же и Чигринъ-Дуброва—двѣ различныя мѣстности; одинъ изъ нихъ лежитъ на правомъ, а другой—на лѣвомъ берегу Днѣпра; первый принадлежитъ Польшѣ, а второй—Россіи. Теперь же (въ 1780 г.), въ силу указа Правительствующаго Сената, Малороссійской коллегіей назначены особые „коммиссіонеры“ для передачи Пустынно-Никольскому монастырю всѣхъ земель, значащихся въ его документахъ и простирающихся на 70 верстъ въ длину; эти земли, извѣстныя подъ именемъ Климятицкихъ, заселены на всемъ указанномъ пространствѣ, и въ ихъ предѣлы входятъ также земли, принадлежавшія отцу „доносителя“ Демьяну Булюбашу, полковому Лубенскому судьѣ; „фалшивый“ универсалъ служитъ доказательствомъ незаконности владѣнія, „искательства“, монастыря, по мнѣнію „доносителя“, а по-

тому онъ проситъ коллегію выдать ему, конечно, для предъявленія иска къ монастырю, копію „фалшиваго“ универсала, съ означеніемъ всѣхъ поправокъ. Коллегія постановила выдать Ѳедору Булюбашу такую копію.

Приводимъ этотъ оспариваемый универсалъ, съ замѣчаніями коллегіи на поляхъ.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ, зъ войскомъ его кор. мл. Запорожскимъ.

Ознаймуемъ тымъ писаннемъ нашымъ кому ведаты надлежитъ, меновыте, сотникови и атаманови и всѣмъ обывателямъ *Чигринъ-Дубровскимъ* мѣста *Чигринъ-Дуброви* и селъ до него належачихъ: поневажъ маетности до монастыра с-того Николи-Пустиннаго Кіевского зъ давнихъ лѣтъ отъ побожныхъ ктиторовъ, пановъ и христіанъ благочестивыхъ наданые и мѣстцу с-тому оффѣрованые, а от королев ствержены привилѣями и потомъ черезъ пановъ отнятые и отъ мѣстца с-того отдаленые, о чемъ декреты судовые, въ книгахъ земскихъ и гродскихъ и трибуналскихъ переведеніе и до экзекуціи и интромѣсіи приведеные сведчатъ; для чого мѣстце святое през часъ немалый много шкодъ поносило; а теперь, видячи мы, же тые маетности, декретами присуженые, помененому монастыреви належатъ ведлугъ привилеовъ давныхъ; теды, яко иншои шляхты добра свое волно обыматы, такъ и монастыра вышей-речоного игуменъ и капѣтула отнятые и присуженые мѣстцу с-тому добра обымаютъ и свои урядники посилаютъ; протожъ росказуемъ, абы въ мѣсте *Чигринъ-Дуброви* и селахъ тамъ належачихъ вси тые, которые колвекъ въ реестръ войска Запорожского написаны послу-

Въ подленномъ увиверсалѣ дикціи: Чигриндубровскимъ и Чигринъ Дуброви— переправлены.

Такожъ дикція: Чигириндуброви въ подлѣномъ переправлена.

шенство звыклое отдавали и яко поданные повынности своеи досытъ чинили и ни в чемъ спречними и противными не были урядникамъ и старшимъ, отъ игумена и капитулы монастыра Никольского посланнымъ; а если бы якіе иншіе урядники хотѣли наеждчать до *Чигринъ-Дуброви* и до селъ, до него належачихъ, съ тѣми не задирать и ничего не починать безъ вѣдомости и позволеня игумена и капитулы монастырской, кгдыж кождый маетъ волное право въ судахъ ведлугъ правъ и привилеевъ распирается, въ чемъ всемъ козаки не маютъ быти перешкодою, а овшемъ радою и помочу, въ млины, аренды, шинки и въ иншие монастирские пожытки не втручаючися, бо предъ тымъ козаки моремъ и землею праци своеи шаблею пожиненье мѣли и церкви божіе надаряли; и повторе напоминаемъ, абысте иначей не чинили подъ караньемъ суровымъ. Въ Чигиринѣ, 1-го ноября 1651 года. Въ подлинномъ подписано тако: Богданъ Хмельницкій, рука власна. М. П.

Въ дикціи: до Чигринъ - Дуброви, лѣтери: чиги, написаны на подчисткѣ; ринъ—переправлены; дуброви—сверху приписано.

Сия копѣя списана съ подлѣннаго унѣверсала, въ Малороссійской коллегіи имѣющагося, и, по опредѣленію оной коллегіи, съ означеніемъ, какіе въ подлѣнномъ имѣются переправки, подчистки и приписки, подсудку земскому повѣта Лубенскаго Федору Булюбашу дана 1780 году августа...

Но это свидѣтельство Малороссійской коллегіи грѣшитъ недомолвкой. Она умышленно не говоритъ о томъ, что въ коммиссію Генеральной описи Малороссіи представлялись не подлинники крѣпостныхъ актовъ, а копіи, и при томъ копіи часто неисправныя, съ помарками; неудивительно, что въ дѣлахъ коллегіи и универсалъ Богдана Хмельницкаго

оказался съ помарками и приписками. Такія копіи можно тамъ наблюдать и теперь [1]).

Этотъ же самый универсалъ имѣется и въ книгѣ копій крѣпостныхъ актовъ Кіево-Пустыннаго Никольскаго монастыря на л. 87 об.[2]). Здѣсь универсалъ Хмельницкаго написанъ безъ всякихъ подчистокъ и поправокъ. Эта книга копій крѣпостныхъ актовъ монастыря была изготовлена въ царствованіе Елисаветы Петровны и представлена въ Сенатъ для сличенія съ подлинными актами и для засвидѣтельствованія ихъ взаимной вѣрности, во избѣжаніе всякихъ случайностей и подлоговъ, такъ какъ монастырь велъ тяжбы съ полковниками Лубенскимъ, Миргородскимъ и Прилуцкимъ, которые захватили монастырскіе земли и основали на нихъ многіе села и города. Сенатъ, свѣряя и скрѣпляя вѣрность копій, не дѣлаетъ никакихъ замѣчаній о поправкахъ и припискахъ. Универсалъ Хмельницкаго не возбуждалъ тамъ ничьихъ сомнѣній. Наконецъ, трудно думать, чтобы гетманъ выдалъ универсалъ съ поправками и приписками, безъ оговорокъ; чтобы онъ не различавъ Чигирина отъ Чигринъ-Дубровы. Поэтому, на попытку Булюбаша объявить этотъ универсалъ подложнымъ и на именованіе коллегіей завѣдомой копіи подлинникомъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на одно изъ средствъ борьбы частныхъ владѣльцевъ съ монастыремъ изъ-за богатыхъ и населенныхъ земель, средствъ, которыя давали возможность продолжить на нѣкоторое время судебную волокиту, если нельзя было совсѣмъ отнять эти земли.

Что касается до терминовъ: подложный, подлинный, то мы считаемъ не лишнимъ сказать по поводу ихъ нѣсколько словъ. Въ строго юридическомъ смыслѣ, всякій неподлинный документъ, выдаваемый за подлинный, есть

---

[1]) См. „Чтенія въ Историч. Общ. Нест.-лѣт.," кн. II, стр. 165, рефератъ И. В. Лучицкаго.

[2]) Книга Кіев. Центр. Архива № 5974.

уже безусловно подложный („фалшивый“); по большей части опредѣляемыя такими документами права одного лица служатъ въ ущербъ другому; конечно, какъ судебное доказательство въ тяжбѣ двухъ сторонъ, они не могутъ быть принимаемы за основаніе права ни одной, ни другой стороны и должны быть судомъ отринуты. Но въ прошлые вѣка, когда документы въ большемъ количествѣ гибли отъ разныхъ причинъ (войнъ, крестьянскихъ возстаній, татарскихъ разореній и т. п.), наиболѣе цѣнные изъ нихъ, и наиболѣе древніе особенно, владѣльцами ихъ возобновлялись, возстановлялись по памяти, съ цѣлью не столько укрѣпленія правъ, сколько ради приданія имъ важности ссылкой на глубокую древность, къ которой они относились и въ дѣйствительности. Такіе возстановленные по памяти, при томъ возстановленные болѣе или менѣе точно по имѣвшимся быть можетъ у владѣльцевъ частнымъ копіямъ ихъ, имѣютъ историческое значеніе и, если не противорѣчатъ юридическимъ условіямъ жизни того времени, къ которому бываютъ пріурочиваемы, то въ такомъ случаѣ они могутъ быть признаваемы за подлинные, какъ доказательство дѣйствительно совершившагося факта. Въ такомъ смыслѣ мы признаемъ подлинными, напр., и грамоты, о которыхъ недавно говорилось на страницахъ нашихъ „Чтеній“, грамоты кн. Любарта Гедиминовича, кн. Романа Галичскаго и друг.

И. Каманинъ.

П. Ѳ. Кузмищевъ—корреспондентъ В. И. Даля.

Краткія свѣдѣнія о контръ-адмиралѣ Павлѣ Ѳедоровичѣ Кузмищевѣ находятся въ „Справочномъ словарѣ о русскихъ писателяхъ и ученыхъ“ Геннади: Кузмищевъ родился въ 1798 г., окончилъ морской кадетскій корпусъ въ 1814 г., въ 1825 г. назначенъ былъ помощникомъ начальника Камчатки, въ 1837 г. опредѣленъ былъ капитаномъ надъ портомъ въ Астрахань, въ 1841 г. переведенъ на ту же должность въ Архангельскъ, гдѣ умеръ въ 1850 г. При этомъ замѣчено, что Кузмищевъ былъ образованъ, занимался естественными науками, печаталъ въ журналахъ, участвовалъ въ Энциклопедическомъ лексиконѣ, и указаны изданія, гдѣ были напечатаны некрологи его [1]).

Издавая изъ черновыхъ писемъ Кузмищева къ разнымъ его корреспондентамъ семь писемъ къ В. И. Далю, я приведу наиболѣе характеризующее Кузмищева, извлеченное мною изъ писемъ его къ разнымъ лицамъ, не повторяя сказаннаго о немъ въ некрологахъ, указанныхъ въ словарѣ Геннади. Мысли Кузмищева, высказанныя имъ въ письмахъ, заслужи-

[1]) Берлинъ, 1880 г., II, 196. „Москвитянинъ“ 1851 г., № 11, стр. 235. „Морской Сборникъ“ II (1850), стр. 458.

ваютъ вниманія, если имѣть въ виду время, когда онѣ высказывались.

Черновыя письма Кузмищева къ В. И. Далю, М. П. Погодину и нѣкоторымъ другимъ лицамъ за время 1840—49 гг. составляютъ переплетенный сборникъ, не имѣвшій пагинаціи, въ 393 листа большею частью in 4°. Всѣ письма писаны одною рукою на сѣрой бумагѣ, нѣкоторыя изъ писемъ подписаны: „Павелъ Ѳедоровичъ Кузмищевъ", подъ другими при подписи указанъ адресъ Кузмищева. Переплетены письма не въ хронологическомъ порядкѣ: въ началѣ—письма болѣе позднія по времени; начала и концы нѣкоторыхъ писемъ, писанныхъ на нѣсколькихъ листахъ, по винѣ, быть можетъ, переплетчика, вплетены въ разныхъ мѣстахъ, напр.: 332 л.—продолженіе письма къ В. И. Далю, начало же этого письма—лл. 51 и 52. Въ концѣ сборника нѣсколько тщательно переписанныхъ стихотвореній Пушкина, Лермонтова, акростихи, нѣсколько разсужденій („о дружбѣ", „объ орудіяхъ чувствъ"), нѣсколько страницъ изъ „Морского сборника" (помѣчено мартомъ 1849 г.) съ перепечатаннымъ „Предисловіемъ къ собранію матеріаловъ для исторіи Архангельскаго порта", написаннымъ Кузмищевымъ, примѣчанія къ Думамъ Рылѣева и одно изъ стихотвореній его-же, въ то время запрещенное, написанное рукою Кузмищева, отдѣльный оттискъ статьи его: Epoques aux quelles la Dwina Septentrionale s'est couverte de glace à Arkhangelsk, изъ Bull. de la Soc. Impér. des. Natural. de Moscou (t. XV, 1842). Сборникъ черновыхъ писемъ П. Ѳ. Кузмищева принадлежитъ И. Н. Михайловскому въ г. Нѣжинѣ.

П. Ѳ. Кузмищевъ, посылавшій Далю собранныя имъ слова въ Камчаткѣ, Астрахани и Архангельскѣ, въ одномъ изъ писемъ къ Погодину назвавшій Западъ „гнилымъ", но Петра В. „нашимъ Геркулесомъ", высказывалъ въ письмахъ къ Далю мысли о собираніи русскихъ на-

родныхъ сказокъ, пословицъ, загадокъ, скороговорокъ, писалъ о замѣнѣ иностранныхъ словъ, по возможности, словами русскими или взятыми изъ славянскихъ нарѣчій, выражалъ пожеланіе, чтобы изданы были словарь малорусскій съ грамматикою и словарь синонимовъ. Одному изъ своихъ друзей—М. Ф. Рейнике [1]) Кузмищевъ писалъ, что думаетъ объявить премію за составленіе малорусскаго словаря: „словари мои камчатскій, астраханскій и архангельскій думаю, переписавъ вмѣстѣ, представить Академіи на соисканіе Демидовской преміи; если бы за мои ничтожные труды назначили мнѣ что нибудь, то я бы подѣлился съ тѣмъ, кто дастъ намъ малорусскій словарь или, пожалуй, словарь синонимовъ. Подивись, что есть словари разныхъ славянскихъ нарѣчій, а малорусскаго нѣтъ. Хотя я не малоруссъ, но желалъ бы, чтобы Академія объявила задачу на малорусскій словарь и грамматику и назначила бы за нихъ награду". Во исполненіе такого намѣренія Кузмищевъ обратился въ Академію Наукъ, повидимому, въ 1848 г.; такъ можно думать, во 1-хъ, потому, что черновикъ этого обращенія находится на томъ же листѣ, на которомъ писано черновое письмо къ Погодину, помѣченное 1848 г.; въ 2-хъ, въ декабрѣ 1848 г. Кузмищевъ писалъ Далю, что послалъ въ Академію Наукъ собранныя имъ астраханскія слова (письмо къ Далю № 6). Въ своемъ обращеніи въ Академію Наукъ Кузмищевъ предлагалъ ей собраніе словъ, записанныхъ имъ въ Астраханской губерніи и напечатанныхъ въ Астраханскихъ Губ. Вѣд. за 1841 г., впослѣдствіи дополненное и исправленное; доводя до свѣдѣнія Академіи,

[1]) Рейнике, Михаилъ Францовичъ (1801—59 гг.), вице-адмиралъ, членъ Академіи Наукъ, замѣчательный гидрографъ. По его иниціативѣ въ Архангельскѣ были основаны шкиперскіе курсы; былъ предсѣдателемъ морского ученаго комитета.

что предсѣдателю Отдѣленія рус. яз. и слов. онъ представилъ уже собраніе словъ, записанныхъ имъ въ Архангельской губ. и напечатанныхъ въ Архангельскихъ Губ. Вѣд. за 1847 г., Кузмищевъ выражалъ готовность прислать въ Академію слова, записанныя имъ въ Камчаткѣ и Сибири, напечатанныя въ „Москвитянинѣ“ за 1842 г.

Кромѣ писемъ къ Далю, среди черновиковъ Кузмищева обращаютъ на себя вниманіе письма его къ Погодину.

Писемъ къ Погодину восемь. Первое написано было въ 1842 г., послѣднее—въ 1849 г. Изъ содержанія перваго по времени письма видно, что Кузмищевъ былъ въ перепискѣ съ Погодинымъ до 1842 г. Онъ посылалъ Погодину списки съ найденныхъ имъ въ Архангельскѣ писемъ и указовъ Петра В., котораго называлъ „нашимъ истиннымъ, а не баснословнымъ Геркулесомъ“, письма генералъ-адмирала Ѳ. М. Апраксина, составленный имъ „образецъ стариннаго судопроизводства“, слышанный разсказъ о Ломоносовѣ; высказывалъ сожалѣніе, что „для показанія русскихъ замысловатости и игривости“ нѣтъ собранія народныхъ загадокъ и скороговорокъ, чѣмъ, по мнѣнію его, могли бы заняться учителя гимназій и уѣздныхъ училищъ, замѣчалъ, что въ П. С. З. собраны не всѣ законы. Въ одномъ изъ писемъ онъ обращалъ вниманіе Погодина, что въ архивахъ городовъ и монастырей гибнутъ, благодаря невѣжеству, дѣла, и высказывалъ мысль о необходимости разработать архивы, пока еще не поздно, для чего „надобно бы не одну Археографическую Коммиссію“ [1]). Сообщая Погодину о намѣреніи издать отъ Архангельскаго губернскаго статистическаго Комитета „Справочный календарь для Архангельской губ.“, Кузмищевъ выражалъ пожеланіе, чтобы и въ другихъ гу-

[1]) Это письмо Кузмищева къ Погодину приведено Н. Барсуковымъ („Жизнь и труды М. П. Погодина“ X, 429).

берніяхъ издавались подобные календари, а также въ Москвѣ. Отправляя Погодину найденную имъ грамоту XVII в., данную Каргопольскому воеводѣ Андрею Ив. Салтыкову, и тетрадку съ историческими пѣснями, собранными учителемъ Борисовымъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, Кузмищевъ предлагалъ Погодину или оставить грамоту и тетрадку у себя, или передать Московскому Обществу Ист. и Др. Р. [1]). Онъ высказывалъ Погодину желаніе, чтобы Археографическая Коммиссія и Моск. Об. Ист. и Др. Р. присылали безплатно свои изданія въ Архангельскую губернскую библіотеку, дабы любители отечественной исторіи и древностей поучались, какъ должно разрабатывать русскую исторію. Познакомившись съ стихотвореніями крестьянина Нечаева, Кузмищевъ послалъ ихъ Погодину съ просьбою напечатать въ „Москвитянинѣ“, поясняя, что поэтъ—крестьянинъ и не получилъ никакого образованія.

Кузмищевъ пытался завязать сношенія съ извѣстнымъ въ его время этнографомъ И. П. Сахаровымъ. Въ 1841 г. онъ писалъ своему знакомому въ Петербургѣ, чтобы тотъ, на досугѣ, передалъ Сахарову слова, записанныя имъ въ Астраханской губ., потому что Сахаровъ, какъ видно изъ книги его: „Сказанія рус. народа“ (ч. 2, стр. III, изд. 1837 г.), обѣщаетъ представить публикѣ обозрѣніе и словарь русскихъ областныхъ нарѣчій [2]). Онъ просилъ передать Сахарову, что

[1]) Въ описаніяхъ рукописей, принадлежащихъ Моск. Об. Ист. и Др. Р. Строева (М. 1845 г.) и Е. И. Соколова („Чтенія“ 1906 г. кн. 1) я не нашелъ грамоты Салтыкову и историч. пѣсенъ, собранныхъ Борисовымъ. Этотъ Борисовъ сталъ, по словамъ Н. Барсукова, дѣятельнымъ корреспондентомъ Погодина („Жизнь и труды М. П. Погодина“, VII, 227).

[2]) Сахаровъ писалъ: „исторія русской народной литературы будетъ состоять изъ трехъ отдѣленій... Третіе отдѣленіе единственно посвящается на обозрѣніе русскихъ областныхъ нарѣчій. Этотъ предметъ, еще не начатый въ русской литературѣ, приводитъ въ изумленіе своимъ величіемъ“.

представилъ собранныя имъ въ Сибири слова Д. И. Языкову для Академіи Наукъ, но готовъ прислать ихъ Сахарову, „потому что Академія, конечно, не скоро сдѣлаетъ изъ нихъ к. н. употребленіе, а для г. Сахарова—готовый матеріалъ", что могъ бы переслать Сахарову тетрадку „съ врачебными средствами Якутовъ" и пѣсни, которыя пѣлись въ Архангельскѣ на вечеринкахъ и которыя начали выходить изъ употребленія, потому что „дѣвки, брося повязки и кофты и надѣвъ нѣмецкое платье, бросили и прежнія свои игры—онѣ замѣняются уже танцами: кадрилью и вальсомъ, цѣлью высокаго нашего образованія".

Желаніе быть полезнымъ изданію словаря рус. яз. не оставляло Кузмищева и впослѣдствіи. Онъ продолжалъ искать, кому бы пригодились собранныя имъ слова. Въ письмѣ къ В. П. Бурнашеву [1]) (черновикъ этого письма между письмами, написанными въ 1846 г.) Кузмищевъ писалъ: „около 2 лѣтъ назадъ я имѣлъ честь доставить вамъ собраніе особыхъ словъ, употребляемыхъ въ Астрахани, и указалъ на напечатанныя въ „Москвитянинѣ" 1842 г. слова Камчатскія и Сибирскія, мною собранныя. Теперь я занялся здѣсь собираніемъ словъ, употребляемыхъ въ Архангельской губ.; ихъ набралось здѣсь у меня болѣе 800; всѣ эти слова съ ихъ опредѣленіями, а также замѣтками о мѣстныхъ нарѣчіяхъ могутъ служить дополненіемъ къ вашему словарю при второмъ его изданіи, которое, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ. Но по сію пору, къ крайнему сожалѣнію, я не видалъ еще вашего словаря и не знаю, что въ него вошло, какъ

[1]) Владиміръ Петровичъ Бурнашевъ—литераторъ, занимался агрономіей; писалъ въ „Сѣв. Пчелѣ", „Отечествен. Запискахъ" и др. изданіяхъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Въ 50-хъ годахъ онъ редактировалъ „Труды Имп. Вольнаго Эконом. Об." и первый пытался составить русскій словарь: „Опытъ терминологическаго словаря сельскаго хозяйства" Спб. 1844).

опредѣлено и пояснено? Вы, конечно, не могли вездѣ быть и жить подолго для собранія провинціальныхъ словъ, не могли свѣрить, выспросить и переспросить о значеніи ихъ у разныхъ и многихъ лицъ. Въ этомъ случаѣ, смѣю похвалиться, я счастливѣе васъ, потому что имѣю случаи, досугъ и возможность собрать слова на востокѣ, югѣ и, наконецъ, теперь на сѣверѣ Россіи. Но ко всему этому для соображеній мнѣ надобенъ и полезный вашъ словарь, а я его по сію пору еще не имѣю и не знаю, будетъ ли что изъ собраннаго мною для васъ новостью, и потому прошу одолжить меня высылкою вашего словаря и увѣдомить о цѣнѣ его для высылки денегъ". Въ этомъ же письмѣ Кузмищевъ спрашивалъ Бурнашева, можно ли послать „хозяйственныя статьи" для его „Эконома".

Въ томъ же 1846 г. Кузмищевъ писалъ Рейнике, что намѣренъ послать архангельскія слова, которыхъ набралось у него до тысячи, вмѣстѣ съ сибирскими и астраханскими словами, въ Академію Наукъ: „тамъ онѣ пригодятся для русскаго словаря, который давно уже обѣщанъ".

Проживая въ Архангельскѣ, Кузмищевъ склонялъ своихъ сослуживцевъ выписывать журналы и газеты. Въ одномъ изъ писемъ онъ упоминалъ, что въ складчину морскими и портовыми чиновниками выписывалось 14 журналовъ и газетъ. Выписывать приходилось въ складчину потому, что губернская библіотека въ Архангельскѣ, какъ объяснялъ Кузмищевъ Н. А. Полевому, была бѣдна, частныхъ же библіотекъ не было; вслѣдствіе этого Кузмищевъ просилъ издателя „Русскаго Вѣстника" высылать его сочиненія въ читальню архангельскихъ моряковъ.

Слѣдя по газетамъ за событіями 1848 г. на западѣ Европы, Кузмищевъ въ письмахъ къ своимъ друзьямъ и знакомымъ высказывалъ свой взглядъ на происходившее въ Европѣ. Въ 1848 г. власти въ Европѣ, по представленію

его, „растлились"; онъ полагалъ, что отъ революціоннаго движенія во „взбудораженшейся Европѣ не будетъ добра никому: всѣ добрыя начинанія, развитіе и усовершенствованія въ наукахъ, художествахъ, земледѣліи остановятся и придутъ въ упадокъ, много прольется слезъ и крови, слѣдствія отзовутся, можетъ быть, и въ монастырскихъ кельяхъ; можно предсказать еще, что съ каждой почтой въ нынѣшнее лѣто (1848 г.) мы будемъ получать извѣстія горше и хуже. Да сохранитъ Господь нашу матушку Россію отъ всякихъ смутъ и отъ liberté, égalité и новаго fraternité!" Тогда же Кузмищевъ писалъ въ другомъ письмѣ: „смуты повсюду: отъ Мадрида до Берлина, отъ Ирландіи до Венгріи и Молдавіи и отъ Палермо до Стокгольма. И что еще будетъ? Чѣмъ все это окончится? И чего хотятъ сумасброды, изверги и злодѣи? Да сохранитъ Господь нашу матушку Россію отъ такой свободы, равенства и братства. Державы и государства рушатся и падаютъ на Западѣ. Вотъ оно милое просвѣщеніе и прогрессы! Замѣтьте, что нигдѣ, ни при какомъ начинаніи или успѣхѣ на Западѣ не упоминаютъ, и не слыхать, имени Божьяго. Пала и святая вѣра Христова. Безъ нея падетъ и унизится тамъ все: наука, искусства, ремесла, земледѣліе, торговля и благоденствіе и спокойствіе всѣхъ и каждаго. Вездѣ опасенія, страхи и застой. И мы здѣсь три года видѣли у себя болѣе 700 иностранныхъ кораблей, а нынѣ (въ 1848 г.) не обѣщаютъ и 150". Въ другомъ письмѣ Кузмищевъ писалъ въ томъ же 1848 г.: „мы здѣсь (въ Архангельскѣ) не рѣдко сравниваемъ и говоримъ, что теперь въ Россіи гораздо лучше, чѣмъ въ Европѣ, а въ Архангельскѣ лучше, чѣмъ въ Парижѣ. Будемъ довольны золотою умѣренностью и станемъ благодарить Бога за настоящее благо. *Всему время: когда плодъ созрѣетъ, тогда онъ самъ спадетъ съ дерева*". Событія 1848 г. на западѣ Европы, по наблюденію Кузмищева, „интере-

совали въ Архангельскѣ всѣхъ и каждаго... Хотя мы здѣсь вовсе не дипломаты и небольшіе политики, но съ грустнымъ и жалостнымъ вниманіемъ слѣдимъ за смутами Европы. Живущіе здѣсь консула получаютъ иностранныя вѣдомости, и потому до насъ доходитъ иной разъ то, чего нѣтъ въ русскихъ газетахъ. Никто въ настоящую пору не можетъ, кажется, ни предвидѣть, ни предсказать, чѣмъ, когда и какъ все это кончится. Можно скорѣе ожидать самыхъ горестныхъ событій, и особенно въ отношеніи наукъ, искусства, художествъ, торговли". Другому своему корреспонденту Кузмищевъ тоже писалъ: хоть французы (Ламартинъ въ Journal des débats) и сладко вѣщаютъ, но Богъ вѣсть, что будетъ на дѣлѣ". Въ другомъ письмѣ онъ выражалъ свое удовольствіе: „будучи ограждены попеченіемъ мудраго правительства, мы живемъ, слава Богу, преспокойно, какъ за китайской стѣной, и не знаемъ никакихъ вздоровъ и пустяковъ, какіе разсѣваются о насъ на западѣ Европы, да и писать не надо. Право, съ этой стороны мы очень довольны".

Однако Кузмищевъ далеко не всегда былъ доволенъ „настоящимъ благомъ".

Когда въ 1841 г. онъ проѣздомъ въ Архангельскѣ посѣтилъ Петербургъ, то побывалъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Впечатлѣнія свои отъ посѣщенія роднаго ему корпуса онъ повѣдалъ одному изъ своихъ друзей: „тамъ очень, очень много перемѣнъ и роскоши, а учебныхъ дней въ году, говорятъ, немного болѣе ста. Все время посвящено болѣе шагистикѣ". Чиновничій міръ въ Архангельскѣ, начиная съ начальствующихъ, не произвелъ на Кузмищева благопріятнаго впечатлѣнія: „наушничества и сплетенъ тамъ тьма тьмущая: такъ заведено для безпорядка; это не токмо допускается, но требуется. Даже судебныя слѣдствія начинаются—„по дошедшимъ слухамъ". Это—изъ рукъ вонъ и хуже безымен-

ныхъ доносовъ: тѣ, по крайней мѣрѣ, бываютъ писанные. Гражданскихъ чиновниковъ лишаютъ такъ—здорово живешь". Въ началѣ 1842 г. Кузмищевъ писалъ: „о новомъ тарифѣ видѣлъ и будемъ чувствовать. Къ этому имѣемъ честь поздравить съ налогомъ на соль по 6 коп. сер. (21 ас.) на пудъ. Вѣдь это сплошь на всѣ состоянія поровну! Еще маленькій наложецъ на подорожныя—по 30 коп. сер. за листъ, чего прежде не бывало, и все это почти въ одно время, вдругъ! *Да куда же дѣваются деньги и на что?*" Въ томъ же письмѣ: „Объ уменьшеніи расходовъ давно бы пора подумать. Хотя бы о той же Камчаткѣ. Я представлялъ въ 1834 г., что съ передачею Р. А. К° казна сохранила бы полъ милліона ежегодно, да меня, маленькаго человѣка, не послушали. И въ Астрахани тоже можно бы соединить морскія части вмѣстѣ. Я это доказалъ уже, управляя всѣмъ одинъ въ продолженіе года и 4 мѣсяцевъ. Выгоды тѣ, что съ сокращеніемъ переписки уменьшилось бы и чиновничество, а, слѣдовательно, будутъ остатки, которыми съ лихвою можно уравнять содержаніе конторскихъ съ канцелярскими, да и дѣло пошло бы проще и скорѣе. Но высказать это не смѣю—не примутъ, да еще засмѣются и назовутъ прожектеромъ. Предвидя это, молчишь, скрѣпя сердце. Указываю только на то, что знаю ближе, вѣрнѣе и лучше многихъ другихъ. Пусть бы и другіе сдѣлали то же". Начальство въ Архангельскѣ, казалось Кузмищеву, не стояло на должной высотѣ: „о начальствѣ относительно къ себѣ, писалъ онъ одному изъ своихъ знакомыхъ, грѣхъ еще сказать дурно, *но жалко и стыдно за правительство: неужели изъ 50 милліоновъ нельзя выбрать 50*"? Въ другомъ письмѣ Кузмищевъ называетъ иронически начальство, за отношенія къ нему, „справедливымъ".

Большое неудовольствіе въ Кузмищевѣ возбуждалъ порядокъ отправленія посылокъ изъ Архангельска. Онъ пи-

салъ: „здѣсь большія хлопоты съ посылками: надо подать на гербовой бумагѣ объявленіе въ таможню и представить посылаемыя вещи къ осмотру, а потомъ уже на почту. Мѣра со стороны правительства совершенно излишняя и обременительная. Какой же дуракъ захочетъ представить контрабанду для конфискаціи?“ Въ другомъ письмѣ онъ объясняетъ, что надо ходить дня 2—3, чтобы „выходить изъ таможни свидѣтельство; всякій же, желающій вывезти контрабанду, могъ нагрузить барку ею или снарядить обозъ, что не подвергалось таможенному осмотру. „Мы,—писалъ онъ,—посторонніе люди, представлять не можемъ, да насъ и не послушаютъ, а кому должно объ этомъ представить, напр. губернатору, почтъ-инспектору, таможнѣ—эти молчатъ и *не смѣютъ полезнымъ для всѣхъ и выгоднымъ для казны предложеніемъ утруждать и безпокоить высшее начальство*“ (подчеркнуто въ письмѣ).

Одному изъ своихъ корреспондентовъ Кузмищевъ писалъ: „у насъ награждаютъ за вѣрную и усердную службу отнятіемъ должнаго и лишеніемъ слѣдуемаго“. Недовольный необходимостью исписывать множество бумагъ по службѣ, онъ выражалъ свое негодованіе въ одномъ изъ писемъ: „здѣсь (въ Архангельскѣ по управленію портомъ) было бы ихъ (бумагъ) менѣе, если бы управленіе было потолковѣе. Самое лучшее рѣшать словесно, что можно. Это показываетъ доброе и умное управленіе, а у насъ такъ напротивъ—обо всемъ бумаги, и нерѣдко противорѣчащія одна другой и даже сами себѣ, а иногда и пополамъ съ безсмыслицей. Это отнимаетъ время и убиваетъ духъ усердія“. Въ другомъ письмѣ онъ жаловался на то-же: „а сколько у меня лишней, привязчивой и пустой переписки! Тамъ, гдѣ можно бы все рѣшить и узнать на словахъ, у насъ непремѣнно бумаги. Всѣ эти подъиски обременяютъ, отвлекаютъ отъ исполненія настоящаго дѣла и убиваютъ духъ“. Сооб-

щая знакомому объ одномъ тяжебномъ дѣлѣ, Кузмищевъ замѣтилъ: „знаемъ мы, какъ идутъ спорныя дѣла въ гражданскихъ судахъ".

Состояніе Архангельскаго порта представлялось Кузмищеву неудовлетворительнымъ. Онъ писалъ: „я думалъ, что забытѣе и заброшеннѣе Астраханскаго порта нѣтъ, а нахожу здѣсь гораздо хуже; много недобраго и своекорыстнаго вкралось и укоренилось издавна, а такія хроническія болѣзни не скоро вылечиваются, крутыя мѣры не годятся. Предвижу однако же, что похвалы и награды ни отъ кого не заслужу". О тѣхъ же неустройствахъ въ Архангельскомъ порту въ другомъ письмѣ онъ сообщалъ: „вижу, что мало одного года, чтобы устроить и привести все на ладъ. Въ адмиралтейскихъ командахъ много старыхъ вредныхъ привычекъ, а исправлять ихъ круто нельзя. И какъ послушаю, такъ здѣсь награждаютъ еще за такую службу и порядокъ! Впрочемъ, не диво, стоитъ только кланяться и просить, ползать и плакаться, да еще кричать и хвастать, а этого я не сумѣю". Службу въ порту онъ опредѣлилъ одному изъ своихъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „служба—и говорить нечего! Безтолочь и совершенное отсутствіе здравыхъ понятій. Довольно-ли?"

Кузмищевъ не упускалъ поздравлять своихъ знакомыхъ, когда тѣ получали ордена; но, получивъ орденъ св. Станислава 2 ст., писалъ въ одномъ письмѣ: „по извѣстіямъ, недавно полученнымъ, меня поздравляютъ съ пожалованіемъ Станислава 2 ст. Но можетъ ли это радовать, когда слѣдуетъ опять новый вычетъ, и будетъ только лишняя забота при одѣваніи?" Другому знакомому онъ сообщалъ по тому же поводу: „мнѣ гораздо лестнѣе, что Об. поощр. лѣсн. хоз. прислало мнѣ дипломъ на званіе своего корреспондента, а ордена составляютъ только лишнюю заботу при одѣваніи, лишній расходъ на ленты, да лишнюю подушку за гро-

бомъ—и все". Онъ былъ недоволенъ, что мѣста съ хорошимъ окладомъ давались русскимъ нѣмцамъ. „Русскихъ, вишь, писалъ онъ въ одномъ письмѣ, не найдется на мѣста съ большимъ содержаніемъ и съ малымъ дѣломъ".

Кузмищевъ былъ ревнитель просвѣщенія. Распространеніе грамотности онъ называетъ въ письмѣ къ С. А. Маслову [1]) „святымъ дѣломъ" и разсказываетъ о школѣ, которая была заведена въ Архангельскѣ для дѣтей мастеровыхъ рабочихъ экипажей, главнымъ образомъ, какъ видно изъ разсказа его о началѣ школы, благодаря ему, хотя онъ себя не выставляетъ въ роли иниціатора или главнаго учредителя. Школа эта основана была въ 1846 г. Интересно, какъ возникла она, благодаря старанію кружка лицъ, и какъ велось въ ней обученіе. И надо было, писалъ Кузмищевъ С. А. Маслову, учить дѣтей мастеровыхъ не только ремесламъ, а и грамотѣ, но средствъ для того отъ казны не дано, хотя и спрашивали: что̀ надо для обученія? Надо, разумѣется, денегъ и способныхъ людей, и потому отвѣта никакого не послѣдовало. Жаль было оставить дѣтей безъ обученія, и мы изворотились своими средствами: отвели въ адмиралтействѣ двѣ комнаты для классовъ, надѣлали столовъ и скамей, купили на экипажныя экономическія суммы ланкастеровы таблицы и сотню катехизисовъ, назначили учителей изъ обучавшихся унтеръ-офицеровъ, пригласили священника—и дѣло пошло съ Божіею помощью. Для обученія письму беремъ бумагу отъ канцеляріи, а послѣ азбуки и складовъ учили читать, давая для того безгрѣшныя при-

[1]) Масловъ, Степанъ Алексѣевичъ (1793—1879 г.г.), писатель и дѣятель по сельскому хозяйству, непремѣнный секретарь Имп. Моск. Общества сельскаго хозяйства, способствовавшій учрежденію при этомъ Обществѣ комитета по „распространенію всенародной грамотности на религіозно-нравственныхъ началахъ". Будучи ревнителемъ просвѣщенія, онъ способствовалъ также зарожденію ученыхъ обществъ.

бавленія къ Спб. и Моск. Вѣдомостямъ. Предметы ученія: грамота — читать гражд. и церковн., писать, катехизисъ, ариѳметика, выкладка на счетахъ, церковное пѣніе, а лѣтомъ---шагистика, т. е. строевое ученіе, игры, гимнастика. Въ награду прилежнымъ и успѣвшимъ даемъ катехизисъ, молитвословъ, чистую тетрадку, карандашъ и т. п. мелочь. Для солдатскаго сына и довольно". Въ томъ же письмѣ Кузмищевъ развивалъ мысли о профессіональномъ образованіи. „Для нихъ (русскихъ купцовъ), писалъ онъ, есть у насъ высшія учебныя заведенія—Академія и Коммерческое Училище, а нѣтъ училищъ для спеціальнаго образованія средняго и нижняго купеческаго сословія. А сколько настроено богадѣленъ и церквей купцами—не перечесть... Почему бы, спрошу я, не быть училищамъ для образованія приказчиковъ и домашнихъ купцовъ? Грѣха и лиха тутъ нѣтъ. Почему бы мѣщанскихъ дѣтей не учить ремесламъ, надобнымъ въ городахъ, каковы столяры, печники, маляры, стекольщики и проч. и проч.? И тутъ лиха нѣтъ. Не всѣмъ имъ быть торговцами. Ремесло за плечомъ не виснетъ, а даетъ хлѣбъ. Пусть воспитаніе, образованность, ученіе идетъ и развивается во всѣхъ классахъ, для каждаго по его назначенію, не болѣе, и вездѣ въ духѣ православія, народности, самодержавія (и трудолюбія, прибавлю я отъ себя къ словамъ Уварова), т. е., въ духѣ повиновенія властямъ духовнымъ, семейнымъ и гражданскимъ, поставленнымъ отъ Бога".

Присматриваясь къ русской торговлѣ въ Архангельскѣ, Кузмищевъ отсутствіемъ просвѣщенія среди русскаго купечества объяснялъ зависимость русской торговли отъ иностранцевъ: онъ полагалъ, что русскіе купцы должны торговать „за моремъ на своихъ корабляхъ." Его печалило, что русскій хлѣбъ вывозился изъ Архангельска „на чужихъ корабляхъ", онъ недоумѣвалъ, почему и преемникъ гр.

Канкрина не внималъ просьбѣ вологодскаго и великоустюжскаго купечества воспретить иностранцамъ черезъ своихъ агентовъ скупать хлѣбъ въ русскихъ губерніяхъ. Онъ проектировалъ, въ письмѣ къ С. А. Маслову, требовать отъ желающихъ записаться въ 1 гильдію университетскаго образованія, отъ записывающихся во 2 гильдію—гимназическаго и въ 3—свидѣтельства объ окончаніи уѣзднаго училища. Обращая вниманіе на то, что въ Россіи мало купеческихъ домовъ, просуществовавшихъ столѣтіе, Кузмищевъ писалъ: „происхожденіе многихъ, или хоть нѣкоторыхъ нашихъ купцовъ—вольноотпущенный лапотникъ, изъ мѣщанъ, изъ цѣловальниковъ. Всѣ помнятъ, какъ онъ былъ приказчикомъ или сидѣльцомъ у такого-то, и когда тотъ проторговался или ранѣе отошелъ отъ хозяина, самъ открылъ торговлю. Тоже въ свой чередъ случится и съ этимъ, вновь возникшимъ купцомъ, если не разворятъ его взрослыя дѣти, воспитанныя на шампанскомъ, а не на квасѣ“ [1]).

Полагая, что на русскихъ купцахъ „лежитъ еще довольно мрака“, Кузмищевъ не находилъ, чтобы русское дворянство отличалось культурностью: „мы, дворяне, писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ, обнѣмечились, но только по наружности; мы уже не носимъ волоса въ кружокъ, пестрой рубахи съ косымъ воротомъ и на выпускъ, давно уже на-

[1]) Кузмищевъ считалъ важнымъ дѣломъ заведеніе торговыхъ сношеній съ Японіей. Въ 1844 г. онъ писалъ Е. Л. Черныхъ (о немъ въ „Сборн. Имп. Руск. Ист Об. LXII, 422): „благодарю васъ за всѣ извѣщенія ваши и за рапортъ о бѣдствіи вашемъ въ морѣ... Послѣ я видѣлъ извлеченіе изъ вашего рапорта въ Сѣверной Пчелѣ... Видѣлъ также въ газетахъ объ отвозѣ отъ васъ японцевъ. Что это за храбрый народъ! Желательно бы знать, продолжатся ли эти попытки о заведеніи торговыхъ сношеній съ Японіей? Судя по тому, чего достигла Англія въ Китаѣ, можно ли не желать намъ подобнаго успѣха въ сосѣднемъ и пограничномъ государствѣ? Неужели ничего не предпримется болѣе?“

дѣли нѣмецкое платье и куримъ безъ зазрѣнія табачище, но въ этомъ ли образованіе?"

Интересна также попытка Кузмищева устроить въ Архангельскѣ школу еще въ 1842 г., вскорѣ послѣ переѣзда его изъ Астрахани, по слѣдующему поводу: пересматривая портовый архивъ, онъ нашелъ, что Петръ В. 30 іюля 1693 г. впервые прибылъ въ Архангельскъ и предложилъ отпраздновать этотъ день 30 іюля 1842 г. Предложеніе было принято, празднество было устроено. У Кузмищева была мысль воспользоваться этимъ празднествомъ, чтобы устроить школу: „мы хотѣли, писалъ онъ своему знакомому, склонить купцовъ къ подпискѣ на учрежденіе школы и надѣялись на успѣхъ, а намъ далась колонна—памятникъ Петру, какъ предлагалъ вице-губернаторъ въ своей *громкой* (подчеркнуто въ письмѣ) рѣчи. И вышло ничего—ни колонны, ни школы, ни денегъ. Досадно!"

Думая о распространеніи просвѣщенія, Кузмищевъ интересовался вопросомъ о лучшей постановкѣ обученія и воспитанія. Своей родственницѣ, извѣщавшей его объ успѣхахъ ея дѣтей, онъ писалъ: „радуюсь успѣхамъ въ ученіи вашихъ дѣтей, но—смѣю замѣтить—ученіе наизусть такой пьесы, какъ ода „Богъ", тяжело для дитяти, и едва ли оно понимаетъ въ ней хоть половину, и это если не отвращаетъ, то все таки не привязываетъ ребенка нисколько къ ученію. Придетъ время, онъ выучитъ ее и самъ, если только будетъ у него охота. Иные занимаютъ дѣтей изученіемъ басенъ, но и это для нихъ едва ли занимательно. Много говорятъ у насъ и по сію пору о воспитаніи и ученіи дѣтей, но все еще рѣшительнаго и вѣрнаго ничего не сказали. Мнѣ кажется, что скорѣе и съ большимъ удовольствіемъ дѣти затвердятъ народныя пословицы, сказки и даже пѣсни, если только нужно твердить имъ что-нибудь для изощренія ихъ памяти".

Скудость просвѣщенія въ Россіи сокрушала Кузмищева. Одному своему корреспонденту онъ писалъ: „гибельные примѣры и самая нужда не сильны еще, чтобы заставить учиться людей низшаго сословія общества. Я сказалъ низшаго, потому что средняго у насъ почти нѣтъ. Просвѣщеніе и образованность только въ высшемъ обществѣ, и то болѣе едва ли не наружныя. Масса народа все еще не просвѣщена. Много ли учатся въ нашихъ университетахъ, тогда какъ это ученіе доставляетъ еще многія преимущества по службѣ? Десятки почетныхъ гражданъ не составляютъ средняго сословія. Вообще между дворянствомъ и народомъ у насъ большая пустота. Молода еще ты, матушка Россія, молодешенька!“

Въ письмахъ съ 1845 г. Кузмищевъ извѣщалъ своихъ корреспондентовъ, что „сталъ рыться въ архивахъ губернскомъ и портовомъ“ и находитъ много интереснаго, только жалѣетъ, что нѣтъ у него „въ этомъ дѣлѣ охочаго товарища или сподручника“. Вскорѣ это занятіе—поиски въ архивахъ—стало для него „лучшимъ занятіемъ на досугѣ“. Онъ находилъ, что „архивы у насъ—богатые и непочатые еще рудники“. Результатомъ занятій его въ архангельскихъ архивахъ были „Матеріалы для исторіи Архангельскаго порта“ съ „Средисловіемъ“. Онъ высказывалъ своимъ корреспондентамъ надежду, что, быть можетъ, „Матеріалы“ съ „Средисловіемъ“ побудятъ другихъ къ разработкѣ портовыхъ архивовъ и сообщалъ, что собранные имъ матеріалы и напечатанные въ Арханг. Губ. Вѣд. предположено перепечатать въ „Морскомъ Сборникѣ“, если будетъ разрѣшено. „Средисловіе“ было перепечатано въ „Морскомъ Сборникѣ“ (1849 г., мартъ) и въ извлеченіяхъ въ „Москвитянинѣ“ (1849 г., № 7, 99).

Въ „Средисловіи“ Кузмищевъ сообщаетъ, что выписывалъ изъ дѣлъ, имъ найденныхъ въ архивахъ, относив-

шееся къ исторіи Архангельскаго порта, судостроенія, морскаго управленія, флота, города Архангельска, губерніи и высказываетъ мысли, достойныя вниманія, если имѣть въ виду время, когда мысли эти высказывались, и лицо, которое высказывало ихъ. Кузмищевъ писалъ, что слѣдовало, чтобы „каждое присутственное мѣсто или особое управленіе въ губерніи, каждый городъ, посадъ, каждый монастырь выбрали изъ своихъ архивовъ все, относящееся до происшествій и быта прежнихъ временъ; тогда мы имѣли бы матеріалы для исторій своей губерніи, а онѣ, въ свой чередъ, дали бы матеріалы для новѣйшей исторіи Россіи". Онъ полагалъ, что „надо прежде имѣть частныя исторіи мѣстъ, лицъ и проч., и изъ нихъ уже составлять общую..., и потому, съ цѣлью имѣть исторію к.-л. управленія, города или губерніи, весьма желательно и непремѣнно надобно, чтобы были разобраны, прочтены и разработаны всѣ архивы въ губерніи, а сдѣланныя изъ нихъ извлеченія напечатаны. Потомъ, конечно, слѣдуетъ свести, разобрать, очистить критикою эти и другіе матеріалы и изъ нихъ уже строить зданіе исторіи. Это пока еще не наше дѣло, а будущаго историка. Наше дѣло подготовить ему матеріалы. Въ наше время мы встрѣчаемъ иногда въ печати исторію какого-нибудь русскаго города и, нерѣдко, не находимъ въ ней ничего новаго, или весьма мало, потому что она вся почти выбрана изъ другихъ печатныхъ книгъ, а чаще всего изъ „Исторіи государства Россійскаго" Карамзина. Пока онъ руководитъ насъ, мы идемъ смѣло, но сами не пускаемся вдаль. Говоря сравненіемъ, у насъ не источники, не ключи, не ручейки доставляютъ воду въ рѣчки и рѣки и, наконецъ, въ главную большую рѣку временъ, а обратно—зачерпываютъ изъ нея и даютъ намъ будто бы новую, отдѣльную исторійку... Съ такою работою, съ такими передѣлками мы не далеко уйдемъ впередъ на поприщѣ исторіи. Безъ

матеріаловъ не возможно построить зданіе, каковъ бы ни былъ строитель. Чтобы не подпасть нареканію и справедливымъ упрекамъ потомковъ, намъ предлежитъ теперь разбирать архивы и пытать безмолвныя, пыльныя кипы истлѣвающихъ бумагъ, пока еще уцѣлѣвшихъ. Еще два—три десятка лѣтъ, быть можетъ, и ихъ не будетъ отъ сырости ли, отъ огня ли, или отъ чего другого—все равно! Тогда останется одно позднее, горькое сожалѣніе пытливаго историка. А сколько, можетъ быть, уже погибло, исчезло въ разныхъ архивахъ самыхъ любопытныхъ актовъ! Поспѣшимъ же, поспѣшимъ спасти отъ забвенія, записать и передать тисненію, что можемъ, и что теперь зависитъ отъ насъ!"

Такъ думалъ Кузмищевъ и къ такой работѣ призывалъ изъ Архангѣльска въ 1848 г.

Думая объ изученіи прошлаго, Кузмищевъ не упускалъ изъ виду настоящаго: онъ составилъ планъ описанія губерній въ ихъ современномъ состояніи. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Архангельскъ онъ писалъ одному своему знакомому: „теперь я задумалъ составить программу губернскаго календаря... Дѣло въ томъ, что о. своей губерніи мы имѣли бы весьма много любопытныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній. Онѣ и для правительства были бы не лишнія. Я полагаю ввести въ планъ мѣсяцеслова, разумѣется съ сокращеніями, адресъ-календарь и почтовый дорожникъ—и все относительно только губ. города и ограничиваясь одною губерніею. Кромѣ святцевъ, таблицъ о солнцѣ, лунѣ, праздникахъ, о вскрытіи и покрытіи рѣкъ, метеорологическихъ извѣстій за минувшій годъ, можно помѣщать почтовыя свѣдѣнія, маршруты по губерніи, статистику, а для нея должно быть собрано довольно свѣдѣній, которыя остаются вовсе безъ употребленія. Надо также вмѣстить полицейскія, медицинскія, торговыя, промышленныя, учебныя и другія свѣдѣнія, а адресъ-календарь представитъ всѣхъ служа-

щихъ въ губерніи по разнымъ министерствамъ. Если есть губернскія вѣдомости, почему же не быть губернскимъ календарямъ? Я такъ думаю, но, можетъ быть, моя мысль не примется здѣсь, особенно же, если она созрѣла преждевременно и опережаетъ понятія общества". Въ началѣ 1842 г. Кузмищевъ выработалъ программу изданія губернскихъ календарей. Благодаря М. С. Рыбушкина [1]) за „Записки объ Астрахани", онъ сообщалъ ему „свою мысль, которая родилась здѣсь" (въ Архангельскѣ). „Вы увидите ее, писалъ онъ, изъ прилагаемой программы о губернскихъ календаряхъ; мнѣ кажется, это возможно, и также можетъ осуществиться и у васъ. Здѣсь принялъ ее безпрекословно гражданскій губернаторъ и, отправляясь недавно въ Петербургъ, обѣщалъ представить программу министру внутрен. дѣлъ. Не знаю, примется ли она тамъ. Когда вы изволите усмотрѣть, что изданіе губернскаго календаря возможно и у васъ (и почему бы не возможно?), то я готовъ сообщить вамъ болѣе пространный и подробный планъ, если прикажете, а на первый разъ для разсмотренія и обсужденія довольно, кажется, и этого. Для образца и соображенія у васъ есть календари академическіе. Если бы к.-н. статья показалась лишнею или весьма затруднительною для составленія, ее можно исключить... А сколько полныхъ и вѣрныхъ данныхъ представитъ вамъ статистика губерніи! Теперь всѣ эти свѣдѣнія пропадаютъ въ статистическомъ комитетѣ и, будучи никому не вѣдомы, остаются безполезными и для своей

[1]) Рыбушкинъ, Михаилъ Самсоновичъ (1792—1849), писатель, адъюнктъ россійской словесности Казанскаго университета, впослѣдствіи директоръ народныхъ училищъ въ Астраханской и Пензенской губерніяхъ. Напечаталъ нѣсколько стихотвореній и статей историческаго, географическаго и статистическаго характера о Казанской губерніи, „Исторію Казани", и „Записки объ Астрахани", издавалъ журналъ „Заволжскій Муравей".

страны и вообще для государства и для науки. Позвольте нѣсколько распространиться объ этой близкой до васъ статьѣ: о жителяхъ—число ихъ въ городахъ, селахъ и проч. по народамъ или племенамъ (тоже и по вѣроисповѣданіямъ), по состояніямъ, сколько родившихся и умершихъ, сочетавшихся бракомъ; число монастырей, церквей. Въ городахъ исчислите улицы, площади, рынки, магазины, питейные дома, дома каменные и деревянные, земли подъ виноградниками, садами, бахчами; укажите виды урожая, число скота: рогатаго, верблюдовъ, лошадей, овецъ и проч., промыслы рыбные. Возьмите нѣкоторыя, напр., полицейскія свѣдѣнія: пожары, утраты отъ нихъ, кражи, преступленія по родамъ, тюрьмы; пріѣхавшихъ, выѣхавшихъ, городскіе доходы, общественныя увеселенія, клубы, число ихъ членовъ; торговыя свѣдѣнія—число судовъ мореходныхъ, рѣчныхъ пароходовъ, привозъ и отвозъ товаровъ, ярмарки, фабрики и заводы, число на нихъ рабочихъ и оборотъ капиталовъ, шелководство, винодѣліе. О свѣдѣніяхъ учебныхъ—говорить предъ вами нечего. Врачебныя свѣдѣнія—число врачей, больницъ, число пользовавшихся, болѣзни скота, аптеки... Частныя описанія—или топографія и исторія городовъ и монастырей, древности. Можно еще прилагать виды или рисунки городовъ, одежды и нарядовъ разноплеменныхъ народовъ... Если только возможно и захотятъ напечатать губернскій календарь, то найдется, откуда позаимствовать на это сумму, хотя-бы, напр., изъ канцелярскихъ, а послѣ она уплатится. Деньги на изданіе навѣрно найдутся, стоитъ только захотѣть, а прежде всего, разумѣется, надо имѣть дозволеніе начальства... У насъ въ Россіи мое намѣреніе немножко ново, но въ чужихъ образованныхъ земляхъ едва ли не каждый порядочный городъ имѣетъ свой календарь, свою топографическую исторію, планъ, и первое знакомство пріѣзжаго съ новымъ мѣстомъ начинается печатными извѣстіями".

Найдя въ 1846 г. въ Архангельскѣ атласъ Россіи, напечатанный около половины XVIII в., Кузмищевъ писалъ Ф. П. Врангелю [1]), что отправилъ этотъ атласъ въ даръ Географическому Обществу, въ надеждѣ „со временемъ видѣть изданную Обществомъ добрую карту Россіи, а, можетъ быть, и полный географическій словарь Россіи...“ Въ этомъ же письмѣ онъ высказывалъ мысль, что губернскіе Статистическіе Комитеты много пособили бы Русскому Географическому Обществу: „мнѣ казалось бы, что Русское Географическое Общество, имѣющее тѣсную связь съ Статистическимъ Комитетомъ, учрежденнымъ при М. В. Д., могло бы черезъ него получить множество новыхъ свѣдѣній, когда бы губернскіе комитеты распространили свое назначеніе и, перемѣнивъ имя, назвались бы *Географическими и Статистическими* (подчеркнуто Кузмищевымъ). Но эта перемѣна зависитъ отъ высшей власти. А пока Комитеты будутъ носить имя Статистическихъ, до тѣхъ поръ, по даннымъ имъ формамъ, они будутъ собирать только числа да цифры, да и въ тѣхъ на половину будетъ вранья... Если бы въ Статистическіе Комитеты отъ Мин. В. Д. посланъ былъ рядъ географическихъ вопросовъ, то, смѣю васъ увѣрить, получилось бы множество новыхъ и чрезвычайно любопытныхъ свѣдѣній о Россіи“. Въ другомъ письмѣ Кузмищевъ извѣщалъ, что „наконецъ удалось возбудить здѣсь (въ Архангельскѣ) Губ. Стат. Комитетъ, членомъ котораго я остаюсь съ 1842 г.; поговорю въ первомъ собраніи Комитета, что, по разумѣнію моему, надо намъ дѣлать и какъ; попробую сказать и объ изданіи губ. календаря; для всего надо средствъ и могу-

[1]) Врангель, Фердинандъ Петровичъ, адмиралъ, бывшій начальникомъ Колымской экспедиціи, съ 1836 г. по 1849 г.—директоръ департамента корабельныхъ лѣсовъ, впослѣдствіи управлявшій морскимъ министерствомъ, почетный членъ Академіи Наукъ и членъ многихъ ученыхъ обществъ.

чій двигатель—деньги, а ихъ ни копѣйки; надо подвигнуть членовъ къ пожертвованію или къ складчинѣ. Не знаю, удастся ли; а на пикники, гулянья, юбилеи и т. п. затѣи у насъ есть и рубли" [1]).

Въ одномъ изъ писемъ своихъ, въ 1844 г., Кузмищевъ описывалъ жизнь въ Архангельскѣ, гдѣ онъ прожилъ съ 1841 г. до смерти своей: „въ однообразной нашей жизни не много развлеченій и разсѣяній; Архангельскъ скученъ, а климатъ суровъ. Дворянства здѣсь нѣтъ, за то нѣтъ роскоши и мотовства. Картежной игры тоже здѣсь нѣтъ. Если и случится видѣть въ самомъ большомъ собраніи 3 или 4 стола, то это единственно для препровожденія времени—по 5 коп. асс. въ бостонъ. Подивитесь: преферансъ здѣсь еще рѣдокъ и новъ! Общество хотя не отличается высшею образованностью, но все же не лишено ея. Нѣмецкій кругъ, состоящій болѣе изъ иностранныхъ консуловъ, купцовъ и служащихъ у нихъ въ конторахъ, также не лишенъ образованности и едва ли въ этомъ отношеніи не выше, чѣмъ въ другихъ губернскихъ городахъ Россіи наше дворянство. У нѣмцевъ свой клубъ, довольно порядочный; у русскихъ тоже свой, но плохъ, бѣденъ и жалокъ. Есть у насъ и театръ, но имъ также похвалиться нельзя, а все таки есть. Есть и губернская библіотека—о ней нельзя не жалѣть: она весьма бѣдна и дурно управляется. Если вамъ угодно, такъ у насъ, кромѣ Губернскихъ Вѣдомостей, есть и „Сборникъ" историческо-литературный... Новыми книгами, правду сказать, мы очень бѣдны, и немного найдется, что почитать. О выходящихъ вновь знаемъ только по журналамъ. Музыка у насъ хоть и не громка, но не совсѣмъ забыта. У нѣмцевъ

---

[1]) Статистическіе Комитеты стали учреждаться и въ губерніяхъ съ 1834 г. Описывать губерніи начали въ 1861 г. (Проф. В. С. Иконникова „Опытъ русской исторіографіи", 1, 1, 275 и слѣд.

есть свое маленькое музыкальное общество. Чего же еще требовать отъ самаго сѣвернаго губернскаго города, стоящаго вдали отъ столицы и не на проѣздѣ, еще и не въ дворянской губерніи?... Вотъ вамъ краткій очеркъ Архангельска".

Въ „Москвитянинѣ" Кузмищевымъ напечатано было: „Собраніе особенныхъ, или имѣющихъ другое значеніе словъ и нѣкоторыхъ выраженій, употребляемыхъ въ Камчаткѣ" [1] (1842 г. III, 237 и XI, 246); „Анекдоты о Ломоносовѣ" (1845 г., I, 17); „Разысканія въ архивахъ для исторіи Архангельскаго порта" (1849 г. VII, 99) и „Поэтъ—самоучка" (1849 г. X, 29).

Мысль свою объ учрежденіи преміи за словарь малорусскаго языка съ грамматикою Кузмищевъ не осуществилъ.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, Н. И. Костомаровъ внесъ 4,000 р. въ Академію Наукъ для преміи за лучшій словарь съ малорусскаго на русскій языкъ [2]). Тогда только осуществилось одно изъ желаній Кузмищева, намъ извѣстное изъ писемъ его къ Далю и Рейнике. Премія имени М. И. Михельсона, объявленная Академіей Наукъ за сборникъ русскихъ синонимовъ, напоминаетъ другое желаніе Кузмищева, высказанное въ письмахъ его: „у насъ нѣтъ и словаря синонимовъ... И это стоило бы академической задачи и наградъ"; а существующія лишь съ недавняго времени Губернскія Архивныя Коммиссіи цѣлью своею имѣютъ то, о чемъ писалъ Кузмищевъ въ своемъ „Средисловіи".

В. Савва.

---

[1]) Это „Собраніе" Камчатскихъ словъ обратило на себя вниманіе А. Ѳ. Бычкова. Въ письмѣ къ Погодину онъ указалъ на значеніе „Собранія", заключающаго въ себѣ объясненіе многихъ словъ, находящихся въ Сибирскихъ актахъ, и отмѣтилъ двѣ ошибки Кузмищева въ объясненіи словъ („Жизнь и труды М. П. Погодина" Н. Варсукова, VI, 227).

[2]) „Литературное Наслѣдіе" (Спб. 1890), стр. 516, № 250.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письма къ В. И. Далю.

№ 1. [1])

Ваше письмо отъ 28 окт. я имѣлъ честь получить и, удовлетворяя желанію вашему, отвѣчаю на предложенные вопросы. Собранныя мною въ Сибири слова я послалъ еще въ 1832 г. изъ Камчатки въ Москву Обществу Любителей Словесности при тамошнемъ университетѣ, желая, чтобы слова были напечатаны въ трудахъ Общества; но оно тогда прекратило уже изданіе своихъ записокъ, и слова остались у секретаря Имп. Общества Сел. Хоз. безъ всякаго употребленія. По возвращеніи въ Петербургъ я отдалъ одинъ экземпляръ П. И. Рикорду [2]), а другой—Ф. И. Рейфу. Онъ тогда напечаталъ уже 1-й томъ своего русско-франц. словаря и въ прибавленіи ко 2-му помѣстилъ весьма немного словъ, заимствованныхъ отъ меня. Рукопись мою онъ передалъ Н. И. Гречу [3]), а у него, конечно, она завалялась въ бумагахъ. Еще одинъ экземпляръ я предоставилъ въ тоже время президенту Р. А., А. С. Шишкову, но онъ также, кажется, оставилъ мою тетрадку безъ вниманія и, стало быть, слова нигдѣ вполнѣ не были напечатаны. Наконецъ послѣдній экземпляръ попалъ *въ добрыя руки*—къ вамъ. А вы можете, и я прошу васъ, дѣлать изъ словъ какое угодно употребленіе, только оставьте мое имя при моемъ трудѣ, каковъ онъ ни есть. Попытаюсь еще, если только доберусь нынѣшней зимой до Петербурга, отдать одинъ экземпляръ

[1]) На полѣ написано (тою же рукою): *Далю Вл. Ив.*

[2]) Рикордъ, Петръ Ивановичъ (1776—1855), адмиралъ, съ 1817 г. по 1822 г. управлялъ Камчаткою, гдѣ учредилъ больницы и школы.

[3]) Гречъ, Н. И., авторъ „Пространной русской грамматики“, „Практической рус. грамматики“, „Чтеній о рус. языкѣ“; можно думать, что ему было передано собраніе словъ Кузмищева.

секретарю Р. Ак. Можетъ быть, онъ найдетъ что-нибудь годнымъ для полнаго Русскаго словаря, который Академія должна же когда-нибудь издать и дополнить свой первый трудъ. Мнѣ кажется, что собраніе мѣстныхъ словъ, употребляемыхъ въ разныхъ странахъ Россіи, есть прямое и настоящее дѣло Рос. Академіи. Она обязана собирать ихъ, а мы, люди сторонніе, должны трудиться въ частности. Не лишнее, если бы Академія сказала русское спасибо за такіе не совсѣмъ маловажные для нея подарки. Могла бы даже дать и медаль для побужденія другихъ къ подобнымъ трудамъ. Я этого не ищу, а право, работа стоитъ полтинника или цѣлковаго съ изображеніемъ совы (вмѣсто орла). По губерніямъ могли бы заняться такимъ дѣломъ скорѣе всего учителя гимназій и школъ. Но мы всѣ дремлемъ и молчимъ: надо насъ растолкать, чтобы возбудить къ труду и на дѣло. Безъ всякаго сомнѣнія найдутся люди, которые подорожатъ похвалою или благодарностью Р. Академіи (а теперь, когда дорожитъ она своими медалями, такъ никто, кажется, ими не дорожитъ) [1]). Если Академія даетъ медали за крестьянскіе розсказни, такъ собраніе словъ также имѣетъ какую-нибудь цѣну. Вотъ мои мысли о *словарѣ русскихъ нарѣчій*. Помоги Богъ вамъ составить его! А я обѣщаю прислать еще собраніе Астраханскихъ словъ. Ихъ набралось довольно— болѣе 150. Думаю отдать ихъ напечатать въ здѣшнихъ Губернскихъ вѣдомостяхъ въ будущемъ году для того, чтобы не переписывать много экземпляровъ, и чтобы всякой могъ судить, дополнять и поправлять невѣрности или ошибки. А можетъ быть, и въ другихъ губерніяхъ кто-нибудь вздумаетъ заняться тѣмъ же. Вѣдь Губернскія вѣдомости размѣниваются между всѣми, хотя далѣе присутственныхъ комнатъ Губернскихъ правленій, можетъ быть, и не идутъ.

[1]) Въ скобкахъ зачеркнутое.

При сей вѣрной оказіи позвольте еще сказать нѣсколько словъ о любимомъ нами предметѣ—русскомъ языкѣ. Въ устахъ русскаго народа (а не въ книгахъ) живутъ еще сказки и присказки, пословицы и поговорки, загадки и скороговорки. Сказки и пословицы есть печатныя, такъ же, какъ и пѣсни, но далеко, кажется, не полны. Вамъ, конечно, случалось слышать не одну народную сказку о попѣ да батракѣ, а напечатаны ли онѣ гдѣ-нибудь, я, право, не знаю. Загадокъ и скороговорокъ у насъ довольно изустныхъ, а печатныхъ очень мало, и тѣ новѣйшаго произведенія. Къ сожалѣнію, многія изъ нихъ слишкомъ неблагопристойны и почти ужъ и недвусмысленны. Онѣ гуляютъ на томъ полѣ, которое извѣстно у насъ подъ именемъ Барковщины. Но кромѣ ихъ есть очень порядочныя и не глупыя. Неужели же хоть для святочныхъ игръ онѣ не столько же пригодны, какъ синонимы и проч. въ этомъ родѣ, привезенное къ намъ на св. Русь вмѣстѣ съ модами. Въ послѣднее время Сахаровъ подарилъ насъ „Сказаніями Русск. народа“, но мнѣ кажется, его планъ слишкомъ обширенъ и не по силамъ одному человѣку. Сахаровъ теперь замолчалъ, но онъ также намѣревался, помнится, и обѣщалъ издать словарь русскихъ нарѣчій.

Можно найти довольно особенныхъ и *новыхъ* (для насъ) [1]) *словъ въ старинѣ*. Онѣ давнымъ давно вышли изъ употребленія, утрачены и забыты, но вы отыщите ихъ въ старинныхъ лѣтописяхъ, грамотахъ, актахъ. Роясь въ архивной пыли, Карамзинъ возвратилъ намъ нѣкоторыя давно потерянные слова и обороты, какъ напр.: взять на копье, на щитъ; громить и друг.,—теперь все не вспомню. Д. И. Языковъ съ большою охотою отыскивалъ и пояснялъ старинныя слова, принося ихъ въ казну Энц. лекси-

[1]) Въ скобкахъ зачеркнутое.

кона [1]); хотя, по правдѣ сказать, онъ тутъ не совсѣмъ у мѣста. Но спасибо и за то.

У меня есть еще одинъ источникъ, который съ удовольствіемъ вамъ открою. Это—наши русскія фамиліи или прозванія, происхожденіе или, вѣрнѣе, словопроизведеніе которыхъ мы не знаемъ. Не говорю о татарскихъ или обрубленныхъ, какъ напр.: Юсуповъ, Бахметевъ и проч., или (Ше)Реметевъ, (Тру)Бецкой, (Ре)Пнинъ и проч. Но спросите у кого угодно: отъ чего произведены чисто русскія фамиліи, напр.: Лутохинъ, Тебеньковъ, Стадольскій, Ослоповскій, Ломоносовъ, Вахтинъ, Шульгинъ, Чекмаревъ и множество другихъ? Не всякій, я увѣренъ, дастъ вамъ скорый отвѣтъ, что такое значитъ лутоха и проч. Но слова или корни непремѣнно есть или были въ языкѣ и что-нибудь да значили же. Не многое вы найдете и въ словаряхъ. Съ вашего позволенія поясню нѣкоторые, какъ сумѣю: *лутошникъ*—молодой липовый лѣсъ, растущій отъ корней срубленнаго дерева; *тебеньки*—какая то принадлежность къ конской верховой упряжи; *шамша*—который не чисто выговариваетъ, какъ беззубая старуха; *шульга*—шуйца, лѣвша; *чекмарь*—деревяная колотушка. Обратите, если угодно, вниманіе на корни, отъ которыхъ произведены многія наши русскія фамиліи, и вы непремѣнно откроете много новыхъ словъ. Я на этомъ поприщѣ не пускаюсь *въ даль,* а вы можете смѣло писать, потому что, . . . ну, потому что у меня языкъ не поворачивается сказать что-нибудь похвальное въ глаза, а просто, потому что вы сами—*Даль.*

Вотъ все, что откровенно и запросто могъ повѣдать вамъ, какъ любителю русскаго слова. Смѣло и не безъ гор-

---

[1]) Д. И. Языковъ—писатель и переводчикъ, съ 1802 г. служившій въ департаментѣ Мин. Н Пр., участвовалъ въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ Плюшара.

дости мы съ вами можемъ сказать иному, что русскій—родной языкъ,

Что родину мою
Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.

Астрахань. 27 ноября 1840 г.

№ 2.

Милостивый Государь,

Владиміръ Ивановичъ! [1])

Передъ выѣздомъ изъ Астрахани въ концѣ января я отдалъ собранныя мною слова (около 200) напечатать въ Губ. Вѣдомостяхъ. Не простите ли вы мнѣ, что безъ вашего дозволенія я осмѣлился посвятить ихъ вамъ? Знаю, что никто лучше васъ не оцѣнитъ этого собранія. При мнѣ въ 3-хъ №№ набрано уже было до буквы И, а въ слѣдующемъ редакторъ хотѣлъ помѣстить половину К. По отпечатаніи всѣхъ словъ, я просилъ непремѣнно отправить къ вамъ одинъ или два экземпляра. Примите ихъ въ полное свое распоряженіе, и да будетъ это посвященіе знакомъ моего искренняго къ вамъ почтенія и уваженія, хотя мы и не знакомы лично. По любви къ родимому нашему языку мы, кажется, съ вами давно уже не чужіе. Остановясь здѣсь не надолго у родныхъ, на досугѣ пишу къ вамъ съ половины моего пути отъ Ю. на Сѣверъ. Въ Архангельскъ надѣюсь прибыть черезъ мѣсяцъ.

Тверь. 24 февр. 1841 г.

[1]) На полѣ написано (тою же рукою) *Далю*.

№ 3.

М. Г. Вл. Ив. [1])

Не поторопился и я отвѣчать на письмо ваше отъ 20 дек. прошлаго года. Теперь только имѣю случай послать съ сослуживцемъ моимъ Евграфомъ Ал. Бодиско печатную тетрадку Астраханскихъ словъ. Я счелъ за лучшее отправить ее съ сослуживцемъ. Не помню хорошенько, что именно прибавлено въ печатномъ противу письменнаго, посланнаго къ вамъ прежде, а помнится, что есть прибавленія, того ради и посылаю. По крайней мѣрѣ вы можете видѣть по ней младенчество и бѣдность одной изъ нашихъ губернскихъ типографій. Прибавляю еще листокъ изъ Астр. Губ. Вѣд., содержащій дополненіе къ собранію прежде напечатанныхъ словъ. Въ этомъ я уже не грѣшенъ прямо, а развѣ только соблазнилъ и подалъ примѣръ, и не отвѣчаю ни словомъ, ни дѣломъ, т. е., ни за слова, ни за опредѣленія ихъ.

Г. Сахарову я сообщилъ недавно Астрах. слова черезъ лейтен. Крашен. [2]) а Сибирскихъ еще не послалъ: надо переписать. Поступайте съ имѣющимися у васъ, какъ угодно. Прошлаго года, бывши въ Петерб., я отдалъ собраніе словъ Д. И. Яз., тогда еще секретарю Рос. Акад. Полагаю, что слова—хоть и не всѣ, а пригодятся таки для русскаго словаря, который собирались (и все-то еще собираются) издать вновь. Изъ послѣдней рѣчи г. министра о словарѣ—признаюсь въ своей простотѣ—я что-то не все понимаю: аль она не про насъ сказана? А теперь и самой 60 лѣтн. старушкѣ

---

[1]) На полѣ написано (тою-же рукою) *Далю*. Письмо это не датировано; оно вплетено между писемъ, датированныхъ 1842 и 1843 гг.

[2]) Крашенинниковъ, Серг. Петр. (1871—70), писатель, служившій въ ученомъ Комитетѣ Морск. Министерства. Съ Серг. Петр. Крашенинниковымъ Кузмищевъ былъ въ перепискѣ.

Р. Академіи царство небесное и вѣчная память. Съ перемѣной фамиліи—согрѣшишь—подумаешь, какъ будто ее замужъ выдали. Конечно, она не пропала, а живетъ послѣ преобразованія подъ именемъ Отдѣленія Рос. слов. [1]) Оно, коли хотите, и тоже, да не такъ. Неужто и тутъ... разсчеты?—Пожалуй, чего добраго!

Помня вашу статью, помѣщенную въ Акад. вѣдомостяхъ, о русск. языкѣ, я, кажется, понимаю дѣло нѣсколько яснѣе.—И въ самомъ дѣлѣ, все кончается только разглагольствованіями, а дѣлателей и примѣровъ мало. А какъ заговорятъ еще на нѣмецкій ладъ, такъ и Боже упаси! Нѣкоторые образчики народнаго и родимаго можно найти у фонъ-Визина (слово въ Духовъ день) [2]), да у гр. Ростопчина (патріотическія афиши, мысли въ слухъ и одна или двѣ коляды). Но онѣ и не вызвали и не возбудили, кажется, подражателей. Залихвацкіе, кажется, немного натянуты и въ подметки не годятся хотя бы къ Силѣ Андр. Богатыреву. Вельтманъ и покойный А. С. Шишковъ съ братіею смотрѣли въ другую сторону (и не безъ пользы), рылись глубоко... Сахаровъ и другіе—помоги имъ, Боже,—раскрываютъ русскій духъ. А новой языкъ въ разныхъ кругахъ общества подслушали Загоскинъ, Грибоѣдовъ, да панъ Грицько, хоть онъ и не ходитъ *Гоголемъ* (подчеркнуто Кузмищевымъ). Сказки разсказали по-русски Пушкинъ (то ужъ на все голова!), да Ершевъ. О казакѣ Луганскомъ не смѣю сказать, а то перескажете ему. О дѣдушкѣ Крыловѣ тоже молчу: это особь статья. Изъ прежнихъ поэтовъ—попадется кое-что у Державина, а коли поискать, такъ найдется и у кн. Ив.

---

[1]) Въ 1841 г. къ Академіи Наукъ присоединена Россійская Академія, учрежденная въ 1783 г.

[2]) Должно быть „Поученіе, говоренное въ Духовъ день іереемъ Василіемъ въ селѣ П*** ". („Русскіе писатели XVIII и XIX ст.", изд. Глазунова, стр. 212 и 678. Спб. 1866 г.).

Долгорукаго. Онъ теперь забытъ, но отъ него пахнетъ Русью. Изъ пѣсенъ, если угодно, примите въ этотъ разрядъ: мнѣ..., а не Дельвиговы и не Кольцова. Новаго я мало знаю; читаю однакожь, что попадется. Слышу, иногда хлопочутъ на Маякѣ [1]), а не смогу никогда прочитать краткихъ критиковъ Отеч. Запис. съ претензіями на народность. Кто ихъ знаетъ, о чемъ они толкуютъ безъ толку. Сію Библіотеку для уч. собратьевъ ругаютъ, а сами ей подражаютъ. Стало, что она не дурна, худого не принимаютъ. И выходитъ, что у насъ „вездѣ ругаютъ, а всюду принимаютъ", а въ этомъ случаѣ—всѣ читаютъ.

Здѣсь вспало мнѣ на умъ другое дѣло и, кажется, не невозможное, именно—изданіе *Губернскаго календаря* (подчеркнуто Кузмищевымъ). О цѣли, пользѣ и проч. можете видѣть изъ прилагаемой программы. Оно хоть не совсѣмъ ново, не мое, и есть у другихъ, а все таки ново еще у насъ въ Россіи. Здѣшній губернаторъ, находящійся теперь у васъ въ Петер. въ отпуску, принялъ отъ меня программу Календаря и обѣщалъ представить ее Мин. Вн. Д. Сомнѣваюсь немножко, выполнитъ ли онъ обѣщаніе, а еще болѣе опасаюсь, чтобы не переиначилъ чего-нибудь по своему, что у насъ таки водится. Коли выдастъ за свое,—это еще не бѣда: были бы только польза и добро для Россіи и для православнаго народа, а отъ меня ли, отъ него ли—все равно. Предполагая нѣкоторыя, быть можетъ и ошибочныя, опасенія, я осмѣливаюсь (хотя оно и не по вашему Д-ту) безпокоить васъ и усерднѣйше прошу при удобномъ случаѣ довести до свѣдѣнія министра о преднамѣреваемыхъ

[1]) Повидимому, „Маякъ", издававшійся въ 1840—45 гг. С. Бурачкомъ и П. Корсаковымъ, ставившій своею цѣлью защиту русской народности отъ вловредныхъ вліяній западнаго просвѣщенія (А. Н. Пыпина „Ист. рус. этнографіи", т. I, гл. X).

Губ. Календаряхъ. Желательно, по крайней мѣрѣ, знать: примется ли, отвергнется ли это. Примутъ—ладно, и не примутъ—не бѣда. А хочется сдѣлать что-нибудь полезное и принести для матушки Россіи хоть послѣднюю лепту добра.

№ 4. [1])

Ѳ. И. К... сказывалъ мнѣ, что вы собираете и желаете имѣть русск. сказки. Очень жалѣю, что не могу служить вамъ на этотъ разъ. Обѣщали мнѣ доставить кое-какія сказки, но обѣщаніе это по сію пору неисполнено. Я имѣю одну сказку „о царѣ Аггѣе", которую давно отослалъ М. П. Погодину для Москвитянина, но она все еще не явилась въ журналѣ. Были у меня когда-то Камчат. сказки о тамошнемъ родоначальникѣ Кутхѣ, но я лишился ихъ въ пожарѣ. Это, однакожъ, не русскія сказки. А наши родныя, напр., объ Иванушкѣ-дуракѣ, о Жаръ-птицѣ не вездѣ разсказываются одинаково; оно и не можетъ быть иначе, когда переходитъ только изустно, а не письменно, и потому мнѣ кажется, что сказки объ одномъ и томъ же героѣ могутъ быть изданы съ варіантами. И то еще, надо сказать, что для собранія сказокъ лучше, кажется, разъѣзжать по деревнямъ, и разъѣзжать не торопясь, а не быть приковану, какъ мы бѣдные, на одномъ мѣстѣ, и потому скорѣе всего могутъ заняться собраніемъ сказокъ тѣ гражданскіе чиновники, которые по дѣламъ службы ѣздятъ или живутъ иногда по деревнямъ. Дѣло бы казалось очень простое, но не всякой за него возьмется: иной не сумѣетъ, другой не любитъ и не понимаетъ важности дѣла, а тому кажется и стыдно:

---

[1]) Письмо безъ хронологической даты. На полѣ написано тою же рукою *В. И. Далю*. Слѣдующее письмо, начало котораго находится на томъ же листѣ, датировано 1845 г.

какъ, дескать, заниматься чиновнику мужицкими сказками. А иногда и своя братья подсмѣются. Постараюсь и попытаюсь еще добыть, что могу, сказочнаго и тогда отправлю вамъ. А отъ васъ будемъ ждать изданія русскихъ сказокъ, собранныхъ на Руси. Да помогутъ вамъ въ этомъ всѣ русскіе могучіе богатыри!

Ахъ! Владим. Иван., много видишь на святой Руси, что надо бы сдѣлать и обработать для добра и пользы, да не все то сможется. А между тѣмъ старѣешся. Хоть бы сказать объ архивахъ. Навѣрное изъ каждаго—возьмите любой—можно извлечь прелюбопытныя извѣстія. Въ нихъ прошлая жизнь Россіи, ея городовъ и управленій. Археографическая Коммиссія—дай Богъ ей здоровья—представила намъ по милости правительства множество историческихъ актовъ, но это все слишкомъ давнее, а что было послѣ Петра, до того еще немногіе дотрагивались; все дожидаемся нѣмцевъ—Миллеровъ да Шлецеровъ, а безъ нихъ не осмѣливаемся приняться. Былъ, правда, у насъ покойный В. Н. Берхъ [1]), и есть теперь Висковатовъ [2])—люди, которые порылись въ архивахъ и знаютъ имъ цѣну. А кто, спрашиваю, разбиралъ у насъ архивы старыхъ городовъ и разныхъ правительственныхъ мѣстъ? Между тѣмъ бумаги тлѣютъ или растаскиваются (что грѣшить на мышей!) самими же сторожами и продаются связками въ лавочки, а тамъ идутъ на завертки или подъ пироги. Много ли мы знаемъ объ Екатерининскомъ времени? а вѣдь не прошло еще и полувѣка послѣ нея! Ужъ и Павлово царствованіе становится (пока не стало) темно и забыто... Всюду надо охочихъ и мало-мальски смышленныхъ людей, а коли и найдутся

[1]) Берхъ, Вас. Никол. (1781—1834), воспитанникъ Морского кадетскаго корпуса. извѣстный своими историко-географическими трудами.

[2]) Повидимому, Алекс. Вас. Висковатовъ (1804—1858), русскій военный историкъ.

такіе, такъ имъ ни поощренія, ни воли не даютъ, мало того, да еще смѣются надъ подобными охотами,

А ежели невѣжа познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

№ 5.[1])

Простите, что запоздалъ отвѣчать на письмо ваше отъ 26 февр.; причина того моя болѣзнь.

Собранныя мною слова Камч. и Астрах. напечатаны были—первыя въ Москвитянинѣ 1842 г. № 3, а примѣчанія къ нимъ въ... 12 № того же года, Астраханскія же въ первыхъ №№ тамошнихъ Губернскихъ вѣдомостей 1841 г. Я бы послалъ вамъ и тѣ и другія слова, но печатныхъ экземпляровъ у меня нѣтъ, а велю переписать и буду имѣть честь доставить къ вамъ вмѣстѣ съ Архангельскими, когда кончится печатаніе ихъ въ здѣшнихъ Губ. вѣдомостяхъ, что я и безъ напоминанія вашего намѣренъ былъ непремѣнно сдѣлать. Изданіемъ словаря русскихъ нарѣчій вы обогатите лексикографію нашего родного языка и откроете намъ такое богатство, котораго мы у себя едва ли и подозрѣвали. Академія Наукъ давно обѣщаетъ издать словарь, но и по сію пору мы его не видимъ. У насъ недостаетъ еще *Малороссійскаго словаря* (подчеркнуто Кузмищевымъ), хотя являлись на этомъ нарѣчіи сочиненія Когляревскаго, Квитки и другихъ. Недостаетъ также словаря *Бѣлорусскаго нарѣчія*. Между тѣмъ какъ у другихъ славянскихъ племенъ есть уже словари[2]). Смѣю объявить свое мнѣніе, хоть и въ тихомолку, между нами, что это обязанность особаго отдѣленія Акад. Наукъ. Оно могло бы объявить на это задачу съ

[1]) На полѣ (тою же рукою) *Вл. Ив. Далю. 19 марта 1847 г.*

[2]) На полѣ тою же рукою: *Польскій Линде.*

обѣщаніемъ награды разныхъ степеней, т. е., за лучшій и полный Малор. словарь съ грамматикою—столько то, за другой—00, и даже за неполной—00. Тогда, вѣроятно, найдутся дѣлатели, и будутъ надѣяться, что труды и издержки ихъ вознаградятся и не пропадутъ задаромъ. Да неужели не найдется малороссійскихъ пановъ, которые пожелали бы видѣть свой родной словарь? Неужели нѣтъ уже нынѣ Румянцовыхъ, Безбородко и Демидовыхъ? О собраніи и изданіи словарей областныхъ нарѣчій помышлялъ и говорилъ за сто лѣтъ нашъ великій Ломоносовъ. Объ этомъ, помнится, я читалъ въ изданной Пассекомъ портфели Ломоносова.

У насъ нѣтъ и словаря синонимовъ. Опытъ Калайдовича, нѣсколько синонимовъ фонъ-Визина, Сахарова и друг., разбросанные въ журналахъ, только попытки. И это стоило бы академической задачи и наградъ. А безъ того ничего не будетъ. Развѣ не обязана Академія пояснить намъ, такъ сказать, взвѣсить каждое слово на аптекарскихъ вѣсахъ? Ея дѣло сказать, что значитъ и гдѣ должно употребить: бранить, ругать; воровать, красть; брать, взять; глядѣть, смотрѣть; печаль, горе, тоска, скука, унынie; горло, гортань, глотка... И никто еще не пояснилъ намъ этихъ *равносмысловъ*.

Техническія слова въ наукахъ и ремеслахъ не стараются замѣнить своими русскими, а если иногда и пытались, то несовсѣмъ удачно. Нельзя же сдѣлать все, и сдѣлать вдругъ. По военнымъ наукамъ начиналъ Тучковъ. Иностранныя слова, вошедшія въ русскій языкъ, собралъ и пояснилъ Яновскій [1]) въ своемъ Словотолкователѣ, и у

[1]) Яновскаго Н. М.: „Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащій разныя въ россійскомъ яз. встрѣчающіяся иностран. рѣченія и техническіе термины“ и т. д. 3 ч. Спб. 1803—4 гг.

него, однакожъ, цѣль хотя и близкая, но не та. По медицинѣ замѣняли Лепехинъ [1]), Загорскій [2]) и друг., а наши морскіе термины никто еще, кажется, и не начиналъ замѣнять русскими. Лѣтъ за 40 Росс. Академія въ собраніяхъ своихъ разсуждала иногда объ этомъ предметѣ, но что она сдѣлала—не извѣстно и пропало. Помню, объ этомъ что-то было въ Сѣв. Вѣстникѣ, изд. Ив. Мартыновымъ [3]). Хлопоталъ объ этомъ и Шишковъ [4]). А по сію пору все осталось по старому. Привычка—вторая натура, но привычка истребляется другою привычкою по волѣ человѣка, или по необходимости. Въ примѣръ новаго, не русскаго, хоть бы сказать о неоконченномъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ; кто же изъ простонародья—попы, купцы и друг.—пойметъ, что это за книга и о чемъ? Неужели его нельзя было назвать *Словарь всеобщихъ свѣдѣній*, или какъ иначе, лишь бы по-русски; тогда бы поняли. Диво еще, что не назвали прямо съ нѣмецкаго Конверенціонъ-Лексиконъ. А все наши учителя и грамотеи, да журналисты, смотрящіе на Русь и на все въ ней въ западные очки. Ну, кто русскій, не привыкшій съ дѣтства, выговоритъ перпендикуляръ, параллелограмъ и т. п. Ни ухо ваше не дослышитъ, ни языкъ не поворотится, потому что такое дикое, можно сказать, сочетаніе словъ не въ духѣ нашего языка. Еще таки скажетъ иной пенпендикуляпъ, а уже параллелепипедъ и барыни наши—не всякая

---

[1]) Лепехинъ, И. И. (1740—1802 гг.), докторъ медицины, извѣстный путешественникъ и ботаникъ.

[2]) Повидимому, П. А. Загорскій (1764—1846 гг.), профессоръ Спб. медико-хирургической академіи, авторъ многихъ работъ по его спеціальности.

[3]) И. И. Мартыновъ (1771—1833 г.г.), издавалъ въ 1804—5 гг. „Сѣверный Вѣстникъ“.

[4]) А С. Шишковъ, авторъ знаменитаго „Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ рос. яз.“.

выговоритъ, понятія же эти слова о самихъ себѣ не даютъ намъ никакого, потому что въ нихъ не то корня—ни листка нѣтъ русскаго. Почему бы въ школахъ не вводить по-маленьку, исподволь русскія слова на мѣсто чужихъ. Это дѣло Министерства Народн. Просв. Стоило бы предложить объ этомъ всѣмъ преподавателямъ наукъ; безъ всякаго сомнѣнія на этотъ призывъ откликнулись бы многіе. Чѣмъ же худы слова: поперечникъ=діаметръ, полуденникъ=меридіанъ, обзоръ=горизонтъ, тепломѣръ=термометръ, мачтабъ=мѣрило и т. п. Почему бы не назвать: дружка—параллельная (не равноотстоящая, какъ домогался Шишковъ; это слово длинно и тяжело; и вообще причастія, по моему, не хороши, хотя и введены иныя, напр. сѣкущая), прямикъ—перпендикуляръ (а не отвѣсъ, какъ предлагали) и множество, множество другихъ словъ. Сначала, конечно, покажется странно и не ловко, но дѣтямъ заучивать все равно—что то, что другое, а русское, гдѣ есть свой коренной смыслъ, еще и легче. Во время Петра I и умноженіе и дѣленіе называли мультипликація и дивизія, теперь это забыто. А новые *типы* и рамы (дагерротипъ, діорама, косморама)—къ чему они пестрятъ и искажаютъ нашъ мужественный, богатой языкъ? И неужели нельзя ихъ перевести по—русски? Пораздумайте и попытайтесь. Назвалъ же Бестужевъ видопись=ландшафтъ, развѣ это худо?—а не принялось. Помню, что начинали было и пароходъ называть стимботъ; но тутъ русское слово удержалось, а чужія пропали, хоть и пароходъ, по мнѣнію о. Герасима Павскаго, не вѣрно. Зачѣмъ у насъ госпиталь и лазаретъ, коли есть больницы (для бѣдныхъ) и лечебница (глазная). Да такъ сначала принято! Другого въ оправданіе сказать нечего. Еще таки туда-сюда въ физикѣ и химіи *роды* и *творы* (водородъ, теплотворъ и друг.). Не говорю о названіяхъ модныхъ матерій, вещей и подобныхъ вздорахъ—надъ этимъ не стоитъ ломать голову.

Панталоны, фракъ, жилетъ—всѣхъ этихъ словъ на русскомъ нѣтъ. Все это также скоро выйдетъ изъ языка, какъ и приходитъ въ Россію. Оно такъ и бывало. Но для чего наши барыни не хотятъ или не умѣютъ назвать по-русски: ожерелье, запястье, звонокъ и проч., а непремѣнно зовутъ: кольé, браслетъ, сонетка? Не понятно и жалко. Ни сатиры, ни комедіи насъ не исправили. Напрасно однакожъ желать— я и не хочу этого—замѣнить все чужое своимъ. Всего не возможно, и было бы безумно и смѣшно. Много освящено уже временемъ и давно обрусѣло, да и для выговора не трудно, напр.: кубъ, квадратъ, артиллерія, аптека, мастеръ, провизія и проч. и проч. употребительны и въ народѣ такъ же, какъ всѣ слова, относящіяся до церкви и ея принадлежностей, принятыя съ греческаго. И зачѣмъ намъ непремѣнно выдумывать все новое, я этого не говорю, иное можно заимствовать безъ стыда и безъ грѣха отъ соплеменныхъ народовъ, не все же брать отъ французовъ, аль отъ нѣмцевъ.

Хоть у китайцевъ бы нѣсколько занять! Почему бы ваши петербургскіе тротуары не назвать съ польскаго ходниками? Это слово означало бы самую вещь, и было бы ясно и понятно всѣмъ и каждому. Замѣтьте, однакоже, что ваши дворники называютъ ихъ не тротуарами, а панелями Многое зависитъ отъ начала и отъ журналистовъ отчасти въ наше время. Назовутъ сперва толково, дѣльно и умно— оно такъ и пойдетъ на вѣки. Напр., Петръ I бралъ все торопливо и ввелъ множество чужихъ словъ въ администрацію. Возьмите хоть одни горные чины: оберъ—бергъ—гауптманъ и др. Кто же нашъ братъ русскій выговоритъ ихъ сразу безъ ошибки? А вѣдь держатся болѣе вѣка! И развѣ нельзя было произвести и дать названіе горнымъ чинамъ и должностямъ отъ словъ: гора, руда, рыть, копать, плавить и т. п.? Петру обдумывать эти мелочи былъ недосугъ, а учителя были нѣмцы. Форшмейстера замѣнили же лѣсни-

чимъ—и весьма недавно. Придворные и другіе чины при Петрѣ же получили переименованіе на нѣм. ладъ. Екатерина II была гораздо осмотрительнѣе. При ней у насъ явилась Палата, Приказъ общественнаго призрѣнія, Управа благочинія, Верхняя и Нижняя расправы, Городничій, Приставъ, Намѣстникъ и др. И все прекрасно, вѣрно, все по-русски, всякой понималъ, въ чемъ дѣло!

Въ грамматикѣ и правописаніи у насъ что-то похожее на расколы. Знать, что безъ сенатскаго указа не обойдется.

Простите меня за длинноту моего письма. Не могу удержаться и быть молчаливымъ и краткимъ, когда дѣло дойдетъ до русскаго языка. Я, можетъ быть, покажусь вамъ похожимъ на великаго мужа русской грамматики Карамзина,—только пока еще никто не выстегнулъ мнѣ глазъ, потому что берегусь и не останавливаю встрѣчнаго и поперечнаго. Но, что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.

Еще слово о пословицахъ. Киньте намъ, ради Христа, хоть кусочекъ ихъ. Отдайте частицу, покажите образчикъ въ к.-н. журналѣ, хоть въ Иллюстраціи [1]) и въ другихъ, болѣе расходящихся по Россіи, хоть въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Мы тогда будемъ имѣть лучшее понятіе о планѣ вашего собранія пословицъ. Ваше начало, съ легкой руки, можетъ быть, родитъ подражателей. Россія велика—

Нѣтъ въ мірѣ царства такъ пространна,
Гдѣ бъ можно столь добра творить.

Смѣкаю, что надъ пословицами вамъ много будетъ работы и раздумья, куда какую поставить въ свое мѣсто. Иную не приведется ли, какъ и алфавитныя, привести 2

[1]) „Иллюстрація“ – еженедѣльное изданіе, выходившее въ Спб. съ 1845 г. по 1848 г. включительно; главное вниманіе изданія было обращено на описаніе Россіи. Сотрудникомъ „Иллюстраціи“ былъ Даль.

раза или поставить въ 2 разряда? Возьму, въ примѣръ, хоть одну: „два брата на медвѣдя, а два свояка на кисель“ (напускаются, идутъ смѣло). Куда отнести ее: къ храбрости, къ дружбѣ, къ смѣлости, или къ самохвальству? кого выставить—братьевъ или сватовъ? Впрочемъ, не зная и не видя образчика, и судить нельзя. Не лишнее, мнѣ кажется, опредѣлить, что такое пословица, поговорка, присловье?

Жалѣю, что въ жизни своей я не записывалъ всѣхъ пословицъ, какія слыхалъ, понадѣясь, что уже есть, дескать, собранныя Княжевичемъ, Богдановичемъ (въ стихахъ) или въ письмовникахъ Курганова, а иныя и въ азбукахъ. (Есть у меня, правда, запрещенныя, да съ ними нельзя показаться въ люди) [1]).

А кто то подаритъ насъ добрымъ собраніемъ загадокъ и скороговорокъ? Нешто Сахаровъ? Ему бы кстати: это тоже „Сказанія русскаго народа“. Было нѣсколько загадокъ у Сахарова, да въ „Маякѣ“ 843 или 44 гг., и все тутъ, но ихъ довольно живетъ въ народѣ. А пѣсни-то, пѣсни! Сколько ихъ не записано и пропало! Между тѣмъ Вас. Логиновъ снабжалъ черезъ ходебщиковъ всю Россію пѣсенниками каждый годъ. А что толку? Посмотришь, посмотришь, да и бросишь, коли не плюнешь, какъ Гоголь: то водевильные куплетцы, то новые нѣжные романсы безъ смысла, а все не наше, ничего народнаго. Ни Богу свѣча, ни черту кочерга. А ну ихъ!

Еще разъ простите меня за длиноту письма ради родимаго русскаго языка, который мы любимъ равно.

Есть у меня, почтенный Вл. И., до васъ другое дѣло, касательно новаго нашего Географическаго Общества и губернскихъ Статистическихъ Комитетовъ, но объ этомъ, если позволите, отложимъ лучше до другого письма.

---

[1]) Въ скобкахъ зачеркнутое.

Душевно желаю вамъ поболѣе досуга и здоровья. Съ глубочайшимъ уваженіемъ, преданностью и всегдашнею готовностью исполнять, какъ сумѣю и смогу, всѣ добрыя желанія ваши,

Имѣю честь быть вашъ покорный слуга П. К.

№ 6. [1])

М. Г., Вл. Ив.! Очень радъ, что выполняю, наконецъ, давнишнее мое обѣщаніе, препровождая къ вамъ астраханскія слова. Противу прежнихъ, напечатанныхъ въ тамошнихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1841 г., есть нѣкоторыя дополненія и исправленія. Другой такой же экземпляръ послалъ я въ Акад. Наукъ по Отдѣленію Рос. языка и словесности. Пригодится, можетъ быть, тамъ при составленіи обѣщаннаго словаря провинціальныхъ нашихъ нарѣчій. Слова камчатскія и сибирскія, собранныя мною прежде, вамъ извѣстны. Онѣ были напечатаны въ Москвитянинѣ 842 г. Недавно видѣлъ въ Библіотекѣ для чтенія Словарь сибирскихъ словъ, приложенныхъ къ пѣснямъ. Но тутъ довольно общеизвѣстныхъ и, слѣдовательно, напрасно записанныхъ словъ.

Препровождаю вамъ еще черновую небольшую тетрадь архангельскихъ пѣсенъ. Новаго и дѣльнаго вы тутъ найдете, кажется, немного. Если же изберете изъ нихъ, которыя и прикажете списать для себя, тогда тетрадь прошу мнѣ возвратить. Были въ рукахъ еще сто пѣсенъ, собранныхъ учителемъ Борис. въ Шенк. уѣздѣ. Онѣ назначались, кажется, для Географич. Общества. Изъ нихъ я избралъ историческія, въ родѣ извѣстныхъ, собранныхъ Киршею Даниловымъ, и послалъ нынѣшнею осенью М. П. Погодину, а онъ передалъ ихъ Киреевскому. Когда-то онъ издастъ свое

[1]) На полѣ (тою же рукою) *Вл. Ив. Далю. 5 дек. 848 г.*

собраніе разнородныхъ русскихъ пѣсенъ? Показывали мнѣ здѣсь еще собраніе свадебныхъ пѣсенъ, собранныхъ учит. Жаровымъ, съ описаніемъ обрядовъ и съ *нотами плачей*. Описаніе обрядовъ немножко бы высоко и напыщенно: можно бы написать и попроще. Свадебныя пѣсни Жароваго назначались также для Географ. Общ.

Инспекторъ здѣшней гимназіи И. А. Никольскій сказывалъ мнѣ, что вы писали къ нему и просили о доставленіи пѣсенъ. Но онъ говоритъ, что у него таковыхъ не имѣется, а что было, то все исчезло въ прошлогоднемъ пожарѣ. Г. Никольскій смотритъ на дѣло съ экономической стороны и говоритъ, что всѣ эти собранія стоятъ не малыхъ трудовъ и нѣкоторыхъ издержекъ, и что издатели послѣ выдаютъ все это за свое и пользуются не токмо славою или извѣстностью, но и прибылью, а первоначальнымъ собирателямъ ничего не достается. Я, однакоже, старался убѣдить г. Никольскаго, что по любви къ своему родному русскому должно откинуть всякіе корыстные разсчеты, что никто ему не мѣшаетъ выдавать въ свѣтъ и печатать свое самому и проч. Онъ обѣщалъ при будущихъ своихъ поѣздкахъ по губерніи собирать пѣсни, повѣрья, пословицы и т. п. народныя преданія и особенности. Дай Богъ ему успѣха! По сношенію съ учителями во всѣхъ уѣздахъ губерніи, онъ имѣетъ болѣе возможности, чѣмъ кто другой, къ собранію всего народнаго [1]).

Жаль, что наши губ. Статистич. Комитеты дѣйствуютъ весьма слабо или даже и совсѣмъ не дѣйствуютъ. А они

---

[1]) Этотъ Никольскій послалъ М. П. Погодину „Описаніе свадебъ Архангельской губ.“, составленное чиновникомъ дирекціи училищъ Арханг. губ., для напечатанія въ „Москвитянинѣ“, и собранныя пѣсни въ Арханг. губ., вмѣстѣ съ словами и загадками, для передачи академику И. И. Давыдову (Н. Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина“, VII, 227).

могли бы сдѣлать многое для познанія и изученія нашей матушки Россіи во всѣхъ отношеніяхъ.

Мы намѣрены здѣсь, въ началѣ наступающаго года, издать „Справочную книжку“ на 849 г., въ родѣ Губернскаго календаря. Матеріалы или статьи уже готовы, но опять не знаемъ, будетъ ли такое губернское изданіе разрѣшено министромъ. Примѣровъ, однако же довольно: есть календари одесскій, кавказскій и др. Почему не быть архангельскому? Если изъ нашего мрачнаго и холоднаго сѣвера не можетъ исходить прочнаго и продолжительнаго свѣта, то можетъ быть хоть временное и непродолжительное сѣверное сіяніе.

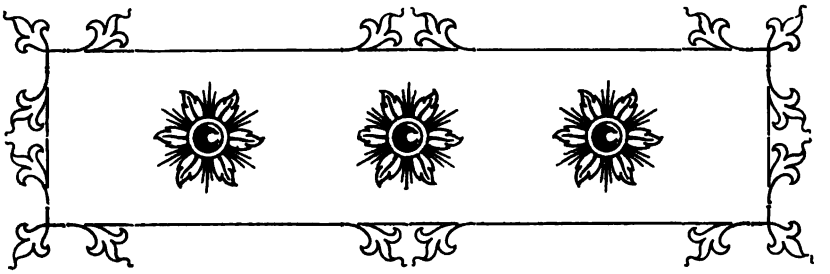
№ 7. [1])

Письмо ваше отъ 15 февраля и потомъ возвращенную тетрадь пѣсенъ получилъ исправно. Посылаю теперь, при случаѣ, тетрадь свадебныхъ пѣсенъ. Я получилъ вчера отъ директора здѣшней гимназіи г. Никольскаго. Тѣ же пѣсни поются и въ другихъ уѣздахъ Архангельской губ. Если надобно, то прикажите ихъ списать для себя и не замедлите возвратить, потому что я своевольно, безъ дозволенія г. Никольскаго, посылаю вамъ. Ко мнѣ можно возвратить ее по казенному, адресуя „Капитану надъ Арх. портомъ“. Съ величайшимъ любопытствомъ жду собранія вашихъ пословицъ и русскаго народнаго словаря. Это будетъ важнѣйшее пріобрѣтеніе нашей народной словесности. О народности было довольно толковано, а дѣла впередъ не подвинули. У меня набралось еще до полутораста здѣшнихъ словъ, которыхъ въ послѣднемъ словарѣ Академ. я не нахожу. По прежнему отпечатаю ихъ въ нашихъ Губ. Вѣдомостяхъ. Спасибо, наша домашняя цензура не слишкомъ то, кажется, придирчива,

[1]) На полѣ (тою же рукою): *Вл. И. Далю. 18 марта 1849 г.*

а что печатается у насъ, то немногіе въ Россіи читаютъ. По отпечатаніи непремѣнно представлю вамъ экземпляръ новонабранныхъ словъ.

Мы здѣсь, на далекомъ сѣверѣ, должны благодарить просвѣщенное вниманіе М. В. Дѣлъ. Онъ дозволилъ, наконецъ, издавать здѣсь „Справочную книжку Арх. губ.“, хотя не иначе, какъ черезъ общую цензуру и не безъ ограниченій. Не позволяется печатать того, что есть въ Академич. календарѣ, напр. святцовъ и т. п. Итакъ, у насъ будетъ свой Губернскій Календарь, но явится не ранѣе, какъ на будущій 850 г. Теперь издавать его на 849 г. уже не своевременно и поздно. Авось, глядя на насъ и на Воронцовскіе—одесскій и кавказскій календари, начнутъ издавать и въ другихъ губерніяхъ. Дивлюсь, почему древняя столица наша Москва, издавая свои Университет. Губернск. и Полиц. вѣдомости, не вздумаетъ по сію пору издавать свой особый календарь. Тутъ уже подлинно можно сказать—„Москва, вишь, виновата“. Да за что и для чего эта привиллегія, или календарная монополія, принадлежитъ одной только Академіи Наукъ? За что?



Къ вопросу объ Ивашкѣ Пересвѣтовѣ,

публицистѣ XVI вѣка.

I.

Именемъ Ивана, Ивашки или Иванца Семенова сына Пересвѣтова надписано нѣсколько весьма интересныхъ и своеобразныхъ статей—замѣчательнѣйшихъ памятниковъ политической литературы Московской Руси половины XVI-го вѣка. Статьи эти не только всѣ тѣсно связаны другъ съ другомъ общей своей идеей и окраской, но также въ отношеніи внѣшней формы и литературнаго состава часто взаимно сплетаются и сливаются съ собою, вслѣдствіе чего нѣкоторые изслѣдователи неоднократно даже смѣшивали и связывали ихъ другъ съ другомъ, усматривая въ нихъ только отдѣльныя части или различныя редакціи одного цѣльнаго сочиненія. Какъ бы то ни было, впрочемъ, въ виду этого замѣчательнаго внутренняго единства и несомнѣнной взаимной связи ихъ содержанія и изложенія, въ одномъ отношеніи тутъ, помимо настойчивыхъ авторскихъ скрѣпъ, никакого сомнѣнія быть не можетъ въ принадлежности ихъ всѣхъ одному и тому-же автору.

„Чтенія въ Ист. Общ. Нест.-лѣт.“, кн. XX, в. III, отд. V.

Замѣчательное и своеобразное, хотя и весьма незначительное по объему, литературное наслѣдіе Ивашки Пересвѣтова, равно какъ и его, обрисованная имъ самимъ, яркая и загадочная личность, и самое даже незаурядное и звучное имя его, привлекая къ себѣ съ давнихъ поръ любопытное вниманіе изслѣдователей русской исторической и литературной старины, вмѣстѣ съ тѣмъ неоднократно возбуждали въ наукѣ, въ томъ или другомъ отношеніи, многія и разнообразныя недоумѣнія и сомнѣнія.

Прежде всего, съ легкой руки стараго Карамзина, неоднократно возбуждался вопросъ о томъ, подлинны-ли эти сочиненія, дѣйствительно-ли они были написаны въ царствованіе Іоанна Грознаго, къ которому они относятся по своему содержанію,---или же это только тенденціозная позднѣйшая поддѣлка, имѣвшая цѣлью заднимъ числомъ объяснить и оправдать нѣкоторыя историческія явленія того времени? Въ связи съ этимъ, весьма сомнительными представлялись нѣкоторымъ изслѣдователямъ также тѣ немногія, но яркія автобіографическія свѣдѣнія, которыя сообщаетъ о себѣ самъ Пересвѣтовъ, тѣмъ болѣе, что никакихъ другихъ свѣдѣній и данныхъ о немъ до самаго послѣдняго времени не имѣлось. Наконецъ, сильныя сомнѣнія вызывало даже самое имя Ивашки Пересвѣтова, которое, вслѣдствіе этого, и было признано псевдонимомъ неизвѣстнаго лица, или даже коллективнымъ псевдонимомъ нѣсколькихъ писателей.

Какъ это ни странно, однако, но вопросъ о Пересвѣтовѣ и его сочиненіяхъ почему-то не былъ подвергнутъ до сихъ поръ, на протяженіи почти ста лѣтъ своего научнаго интереса, хоть мало-мальски цѣльному, сколько-нибудь подробному и внимательному обслѣдованію и разсмотрѣнію. Все еще не только совершенно не разобраны и не разсмотрѣны самые тексты сочиненій Пересвѣтова и не выяснены ихъ взаимныя отношенія, ихъ логическая и текстуальная

связь и хронологическая послѣдовательность, но даже не обслѣдованъ и не разграниченъ еще ихъ внѣшній составъ, не опредѣлены ихъ редакціи и списки, не установлено даже ихъ общее число. Точно также ничего цѣльнаго и существеннаго не сдѣлано до сихъ поръ въ отношеніи выясненія, провѣрки и установленія данныхъ біографіи Пересвѣтова, а только болѣе или менѣе легкомысленно трепалось и разгадывалось его необычное имя. Все же, что было въ этомъ отношеніи сдѣлано, ограничивается изданіемъ, и то не всегда удовлетворительнымъ, нѣсколькихъ сырыхъ текстовъ и рядомъ случайныхъ и бѣглыхъ, болѣе или менѣе сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ, замѣчаній и предположеній, которыя въ своей совокупности только еще болѣе спутали и осложнили этотъ темный и сложный вопросъ*).

Не имѣя въ виду останавливаться здѣсь на самыхъ сочиненіяхъ Пересвѣтова, критическое разсмотрѣніе состава и

---

*) Впрочемъ, оговоримся, кое-что въ этомъ отношеніи, повидимому, было сдѣлано уже проф. С. Ѳ. Платоновымъ и пок. М. И. Соколовымъ съ одной стороны, и А. С. Николаевымъ, съ другой; но всѣ эти работы пока еще не опубликованы вовсе и извѣстны только по краткимъ схематическимъ отчетамъ, такъ что приходится считать ихъ все-таки какъ-бы не существующими въ дѣйствительности, болѣе или менѣе отвлеченными дезидератами, пользоваться которыми въ наукѣ пока-что совершенно невозможно. Въ послѣднюю же минуту, благодаря любезности проф. М. Н. Сперанскаго, получено нами извѣстіе, что Московскимъ О-вомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ издается нынѣ собраніе сочиненій Пересвѣтова подъ редакціей молодого ученаго В. Ѳ. Ржиги, который предпосылаетъ ему также, въ видѣ предисловія, обстоятельное изслѣдованіе о сочиненіяхъ и личности этого писателя. Привѣтствуя этотъ, давно уже необходимый и желанный трудъ, остается только пожелать, чтобы и прежніе, скрытые подъ спудомъ, труды упомянутыхъ выше ученыхъ появились по возможности скоро въ свѣтъ, чтобы, такимъ образомъ, былъ заполненъ этотъ чувствительный и обидный пробѣлъ въ нашей наукѣ.

взаимоотношеній которыхъ предполагаемъ представить вскорѣ въ другомъ мѣстѣ, мы попытаемся пока только, на основаніи нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ и соображеній, вновь разсмотрѣть и, по возможности, разъяснить и устранить отмѣченныя выше недоумѣнія и сомнѣнія, какъ относительно подлинности этихъ сочиненій и ихъ принадлежности къ половинѣ XVI-го вѣка, вообще, такъ и по отношенію къ біографіи и имени ихъ автора, въ особенности.

II.

Изъ сочиненій Ивашки Пересвѣтова приведены въ извѣстность и изданы доселѣ слѣдующія отдѣльныя статьи:

„Сказаніе о царѣ турскомъ Магметѣ, како хотѣ сожещи книги греческія",—издано дважды: по рукописи нач. XVII в. Казанской Духовн. Акад. № 43—И. Добротворскимъ въ „Ученыхъ Запискахъ Имп. Казанскаго Университета", 1865, I, 21—27; и по Хронографу XVII в. Моск. Синодальной библ. № 135—А. Н. Поповымъ въ его „Изборникѣ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ Хронографы русской редакціи", Москва, 1869, стр. 165—167 *). Безъ имени Пересвѣтова и въ значительно измѣненномъ и

*) Списки этого сказанія очень часто встрѣчаются въ рукописяхъ, особенно въ Хронографахъ, XVII и XVIII вв. См. напр.: А. Х. Востоковъ, „Описаніе рус. и слов. рукоп. Румянцовскаго Музеума", Спб. 1842, стр. 766 и 786; П. М. Строевъ, „Библіотека О-ва Ист. и Древн. Росс.", Москва, 1845, стр. 104; его-же „Библіологическій Словарь", Спб. 1882, стр. 137; А. Ѳ. Бычковъ, „Описаніе слав. и рус. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библ.", Спб. 1878, I, 174; его-же „Каталогъ собранія рукописей Ѳ. И. Буслаева", Спб. 1897, стр. 228 и 323; Н. И. Петровъ, „Описаніе рукоп. Ц.-арх. Музея при Кіев. Дух. Акад.", Кіевъ, 1877, II, № 470 и 539; А. А. Титовъ, „Рукописи слав. и рус. принад. И. А. Вахрамѣеву", Москва, 1892, II, 215 и 310, и др.

распространенномъ видѣ вошло это сказаніе также въ составъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ списковъ Никоновской лѣтописи, гдѣ оно непосредственно примыкаетъ къ сказанію о паденіи Цареграда подъ 1453 годомъ *).

Личная челобитная царю Іоанну Грозному, съ просьбой о воспомоществованіи и защитѣ отъ обидъ со стороны „великихъ людей",—издана С. А. Бѣлокуровымъ, по рукописи XVII в. Моск. О-ва Ист. и Древн. № 198, въ „Чтеніяхъ" того-же О-ва, 1902 г., кн. IV, отд. 2, стр. 13—14 **).

---

*) „Руская Лѣтопись по Никонову списку", Спб. 1789, ч. V, стр. 261—277; въ новомъ изданіи—„Полн. Собр. Рус. Лѣтописей", Спб. 1901, т. XII, стр. 100—108. На близкую связь „Сказанія" съ соотвѣтственной главой Никоновской лѣтописи указалъ уже А. Н. Поповъ въ своемъ „Обзорѣ Хронографовъ русской редакціи", Москва, 1869, II, 84—87. Проф. С. Ѳ. Платоновъ, въ свою очередь, усматриваетъ въ этой лѣтописной редакціи даже „первоначальный текстъ трактата", причемъ, однако, признаетъ его неисправнымъ и неполнымъ, представляющимъ только „вторую половину" цѣльнаго сочиненія, какимъ онъ считаетъ всѣ статьи Пересвѣтова въ совокупности. См. „Записки Имп. Рус. Археолог. О-ва", т. XII, новая серія: „Труды отд. слав. и рус. археологіи", кн. V, Спб. 1901, стр. 395—396 (Протоколы). Конечно, всѣ эти предположенія почтеннаго ученаго, сообщенныя только въ видѣ краткой протоколярной схемы, нуждаются въ подробномъ обоснованіи и провѣркѣ, и до тѣхъ поръ пріемлемы быть не могутъ.

**) Замѣтимъ кстати, что эта челобитная, составляющая, и по общему характеру, и по содержанію и изложенію своему, безъ сомнѣнія, совсѣмъ отдѣльное и самостоятельное сочиненіе, почему-то не признается таковымъ, но считается только другой редакціей, или даже просто другимъ, хотя и „весьма отличнымъ", спискомъ, второй, отмѣчаемой далѣе, общественно-политической челобитной. (Срвн. мнѣніе М. И. Соколова, въ „Очеркѣ 10-лѣтней научной дѣятельности Славянской Коммиссіи Имп. Моск. Археолог. О-ва", Москва, 1902, стр. 51, и С. А. Бѣлокурова, въ его предварительной замѣткѣ къ изданнымъ имъ текстамъ челобитныхъ). Между тѣмъ, эти двѣ челобитныя, не имѣющія другъ съ другомъ, кромѣ общности автора и его литератур-

„Сказаніе о Петрѣ волосскомъ воеводѣ, како писалъ похвалу благовѣрному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи",—издано въ краткой редакціи, по рукописи XVII в. Соловецкой (нынѣ Казан. Дух. Акад.) библіотеки № 823, И. Добротворскимъ въ указанномъ выпускѣ „Ученыхъ Записокъ Каз. У-та", стр. 31—46.

Общественно-политическая челобитная царю Іоанну Грозному, заключающая въ себѣ также, въ значительно распространенной редакціи, предыдущее „Сказаніе",—издана С. А. Бѣлокуровымъ, по рукописи XVII в. собранія П. И. Щукина № 466, въ „Чтеніяхъ въ О-вѣ Ист. и Древн. Рос.", указ. книга, стр. 3—13 *).

Остается упомянуть еще объ *„Эпистолѣ"* къ царю Іоанну Грозному, сообщенной въ извлеченіяхъ Карамзинымъ въ 849-мъ примѣчаніи къ IX-му тому его „Исторіи Государства Россійскаго" **). Это, однако, не какая-нибудь особая статья или редакція, а просто только случайная и чисто внѣшняя спайка обѣихъ, отмѣченныхъ выше, челобитныхъ. Такъ какъ Карамзинъ, по своему обыкновенію, не даетъ

ныхъ пріемовъ, а также нѣкоторыхъ мелкихъ, вполнѣ естественныхъ въ данномъ случаѣ, автобіографическихъ повтореній, ничего общаго, представляютъ несомнѣнно двѣ совершенно отдѣльныя и различныя статьи, связываніе и смѣшеніе которыхъ ничѣмъ не объяснимо и не оправдано.

*) Совершенно непонятно, почему ни И. Добротворскій, ни С. А. Бѣлокуровъ, хотя оба они и обратили вниманіе на большую и существенную близость обоихъ послѣднихъ текстовъ, не рѣшились признать ихъ тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ представляютъ, т. е. двумя различными редакціями одного и того-же сочиненія?

**) Изданіе Бр. Слѣзниныхъ, Спб. 1821, стр. 286—289. Что касается самого названія статьи, то, принимая во вниманіе, что оно не повторяется болѣе въ другихъ спискахъ и является вообще въ данномъ случаѣ неподходящимъ, приходится полагать, что оно выдумано и поставлено здѣсь произвольно самимъ-же Карамзинымъ.

никакихъ указаній относительно происхожденія своего текста, то неизвѣстно, было-ли это механическое соединеніе двухъ различныхъ статей произведено уже въ самой рукописи, изъ которой извлечена „Эпистола", или же Карамзинъ почему-либо сбилъ ихъ такимъ образомъ воедино? Послѣднее предположеніе, въ виду совершеннаго отсутствія подобной спайки въ другихъ спискахъ, конечно, болѣе вѣроятно.

Отмѣтимъ, наконецъ, еще одинъ, судя по начальнымъ строкамъ, какой-то отличный и необычный списокъ *„Посланія къ царю Іоанну IV Васильевичу"*, который находится въ рукописи XVII в. Древлехранилища Погодина № 1568 *). Та-ли это сводная „литературная обработка всѣхъ частей трактата", о которой упоминаетъ С. Ѳ. Платоновъ **), или-же, можетъ быть, какая-нибудь новая, особая статья?

Такимъ образомъ, все, извѣстное нынѣ, литературное наслѣдіе Ивашки Пересвѣтова ограничивается отмѣченными выше нѣсколькими небольшими статьями. Не касаясь совершенно вопроса о томъ, представляютъ-ли они только составныя главы одного цѣльнаго, лишь впослѣдствіи разбитаго на отдѣльныя части и подвергшагося различнымъ передѣлкамъ историко-политическаго трактата или памфлета, или же вполнѣ отдѣльныя и самостоятельныя статьи, связанныя съ собою только общностью основной идеи и литературнаго почерка,—мы остановимся здѣсь вкратцѣ только на все еще спорномъ и недостаточно выясненномъ вопросѣ объ автентичности этихъ статей и о времени ихъ написанія.

Сомнѣнія въ ихъ автентичности и принадлежности къ половинѣ XVI-го вѣка, какъ уже упомянуто выше, возни-

*) А. Ѳ. Бычковъ, „Описаніе слав. и рус. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библ.", Спб. 1878, I, 71.

**) Указ. протоколы, стр. 395.

кали въ наукѣ неоднократно и не разрѣшены сколько-нибудь удовлетворительно и донынѣ, причемъ относятся они не къ одной какой-нибудь статьѣ въ частности, а ко всему тѣсно связанному и сплетенному между собою литературному наслѣдію Пересвѣтова, вмѣстѣ съ его личностью и именемъ.

Такъ первый, кто коснулся этого вопроса, Карамзинъ, смущенный, повидимому, необычной, нѣсколько экзотичной даже яркостью и мнимыми анахронизмами и противорѣчіями изданной имъ „Эпистолы", категорично объявилъ ее позднѣйшимъ „подлогомъ и вымысломъ", полнымъ „хронологическихъ несообразностей" и просто даже „небылицъ", „сочиненнымъ безъ сомнѣнія уже гораздо послѣ" царствованія Іоанна Грознаго *). Конечно, „вымысла" и даже „небылицъ" въ сочиненіяхъ Пересвѣтова много: вѣдь, напр., весь разсказъ о Магметѣ и всѣ „рѣчи" Петра воеводы составляютъ, конечно, сплошной литературный вымыселъ автора, пытавшагося въ такой иносказательной и иноземной формѣ выразить свои собственные, безразлично—оригинальные-ли или заимствованные, взгляды, сужденія и проекты въ области современной русской общественно-политической дѣйствительности. Но во всемъ прочемъ, въ его фактическихъ и автобіографическихъ сообщеніяхъ и данныхъ, никакихъ анахронизмовъ ни противорѣчій, повидимому, усмотрѣть невозможно. Напротивъ, при провѣркѣ всѣ они являются, въ рамкахъ даннаго времени и быта—половины XVI в., вполнѣ возможными и умѣстными, а нѣкоторыя изъ нихъ находятъ полное подтвержденіе также въ другихъ данныхъ. Такъ, напр., вопіющимъ анахронизмомъ показалось Карамзину сообщеніе автора объ его отношеніяхъ къ боярину Михаилу Юрьевичу Захарьину, „а сей бояринъ

*) „Ист. Госуд. Росс.", IX, 286.

умеръ еще въ 1538 г." Почему, однако, Карамзинъ не нашелъ возможнымъ отодвинуть эти отношенія до 1538 г., остается совершенно непонятнымъ. Между тѣмъ, именно это указаніе Пересвѣтова, вполнѣ согласуясь съ другими хронологическими данными его, является вмѣстѣ съ тѣмъ исходной точкой для опредѣленія времени его пріѣзда въ Москву. Если онъ сейчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Москву былъ порученъ царемъ боярину М. Ю. Захарьину, который „вскоре после государева приказу представися", то, очевидно, пріѣхалъ онъ въ послѣднемъ году жизни этого боярина, т. е. въ 1537 или 1538 г. Эта дата вполнѣ подтверждается также другимъ указаніемъ автора, именно, что обѣ челобитныя были написаны и поданы имъ 11 лѣтъ спустя послѣ пріѣзда, такъ какъ время ихъ написанія опредѣляется также по другимъ даннымъ и соображеніямъ, какъ увидимъ далѣе, 1548 или 1549 гг. Въ чемъ же тутъ, такимъ образомъ, можетъ быть усмотрѣнъ какой-нибудь анахронизмъ?

Подобныя же „хронологическія несообразности" усмотрѣлъ Карамзинъ также въ сообщеніяхъ Пересвѣтова о его службѣ и похожденіяхъ въ „чужихъ королевствахъ": у королей польскаго, чешскаго и венгерскаго и у молдавскаго воеводы Петра. Можно допустить, конечно, что не все въ этихъ авантюрныхъ разсказахъ вѣрно, или даже, что всѣ они совершенно вымышлены, что авторъ, для красоты-ли слога, или съ какимъ-нибудь другимъ разсчетомъ, предвосхитилъ здѣсь до нѣкоторой степени роль Хлестакова, но изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, чтобы и сами сочиненія были неавтентичны и поддѣланы позже, такъ какъ всѣ эти сообщенія сами по себѣ вполнѣ правдоподобны и хронологически совершенно возможны. Какъ у венгерскаго короля „Вьянуша" „на Гусине", или, по чтенію Карамзина, „на Бузынѣ градѣ" (Будинѣ?), т. е. Іоанна (Януша) Запольскаго (1487—1540), такъ и у чешскаго короля „Ѳордынала",

т. е. Фердинанда I Габсбургскаго (1503—1564), такъ, наконецъ, и у воеводы молдавскаго Петра Стефановича (ум. 1541 г.), очень легко могъ очутиться на наемной воинской службѣ такой живой и предпріимчивый искатель приключеній, какимъ представляется въ своихъ челобитныхъ захудалый русскій дворянинъ Ивашка Пересвѣтовъ. По крайней мѣрѣ, всѣ эти указанія вполнѣ согласуются съ хронологическими и историческими условіями даннаго бурнаго періода, да и самыя эти похожденія нельзя считать какимъ-нибудь единичнымъ и исключительнымъ явленіемъ въ неустойчивой русской жизни того времени.

Послѣднее и самое существенное недоумѣніе Карамзина, которое и заставило его, главнымъ образомъ, признать сочиненія Пересвѣтова тенденціознымъ подлогомъ позднѣйшаго времени, заключается въ томъ, что „сей затѣйникъ совѣтуетъ царю сдѣлать все великое и хорошее, что было имъ уже сдѣлано: взять Казань, издать законы, всегда имѣть войско на границахъ и проч.“ *). Нѣкоторые послѣдующіе изслѣдователи тоже усматривали въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ достаточную причину для того, чтобы относиться къ сочиненіямъ Пересвѣтова съ недовѣріемъ и опаской. Такъ, напр., С. М. Соловьевъ полагалъ, что они были написаны заднимъ числомъ „въ оправданіе поступковъ Іоанновыхъ противъ бояръ“ **). Къ такому же взгляду склоняется также А. Н. Пыпинъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалъ въ этой поддѣлкѣ „южно-славянскіе, румынскіе или греческіе отголоски“ ***). Весьма неопредѣленно и спутано отношеніе къ этому вопросу издателя „Сказанія“

*) „Ист. Гос. Росс.“, IX, 286—287.

**) „Исторія Россіи“, изд. Т-ва „Обществ. Польза“, Спб. 1896, кн. II, стр. 168—169, примѣч. 2-ое.

***) „Исторія русской литературы“, Спб. 1902, II², 485—487.

Пересвѣтова, И. Добротворскаго. Признавая личность и имя автора, а также нѣкоторыя изъ его автобіографическихъ данныхъ, подлинными, невымышленными, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимаетъ также сомнѣнія Карамзина относительно характера и времени написанія самыхъ статей, хотя, находя ихъ уже въ рукописяхъ начала XVII в., и предполагаетъ, что они были написаны не „гораздо послѣ" царствованія Грознаго, а въ концѣ его или „нѣсколько послѣ", не только съ цѣлью „оправданія дѣйствій" этого царя, но также „съ желаніемъ новыхъ и новыхъ порядковъ", еще не введенныхъ имъ: уничтоженія воеводскаго кормленія, мѣстничества, рабства и проч. *).

Всѣ эти недоумѣнія и сомнѣнія, вызванныя нѣкоторыми совпаденіями между идеями и проектами Пересвѣтова и правительственными актами и мѣропріятіями царствованія Грознаго, въ сущности, не оправданы нисколько и основаны, повидимому, только на томъ одностороннемъ и превратномъ предубѣжденіи, что въ данномъ случаѣ, по отношенію къ этому царствованію, подобное постороннее вмѣшательство и частная иниціатива почему-то совершенно невозможны и недопустимы. Но стоитъ только допустить этотъ послѣдній случай, стоитъ только предположить, что поданныя царю челобитныя Пересвѣтова въ самомъ дѣлѣ были приняты имъ во вниманіе и въ извѣстной степени использованы и примѣнены въ дѣйствительности, что эти странныя совпаденія и аналогіи являются, такимъ образомъ, просто отраженіемъ дѣйствительныхъ соотношеній причины и слѣдствія, идеи и ея выполненія,—и всѣ эти недоумѣнія вполнѣ объясняются и разрѣшаются сами собою. Такъ это, повидимому, и было на самомъ дѣлѣ. Живыя и талантливыя „книжки" и „рѣчи государьские" Ивашки Пересвѣтова, облеченныя въ

*) „Уч. Зап. Каз. У-та", 1865, I, 28—31.

яркую и авторитетную параболическую форму, представленныя смѣло и настойчиво, очевидно, обратили на себя живое вниманіе грознаго царя и сильно запали въ его мятущуюся душу. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что нѣкоторые изъ его идей и проектовъ были имъ приняты и постепенно осуществлены на дѣлѣ, особенно тѣ, которые имѣли въ виду внѣшнее укрѣпленіе государственной силы и усиленіе царской самодержавной власти, какъ-то: завоеваніе Казани, установленіе значительныхъ „поляницъ украинныхъ", т. е. пограничныхъ гарнизоновъ и, наконецъ, учрежденіе опричины. „Самъ царь не могъ не сочувствовать направленію мыслей Пересвѣтова",—замѣчаетъ по этому поводу вполнѣ справедливо В. О. Ключевскій *).

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что далеко не всѣ проекты и пожеланія Пересвѣтова были приняты и осуществлены на дѣлѣ, въ чемъ, по вѣрному замѣчанію М. И. Соколова, заключается самое наглядное доказательство того, „что сочиненія Пересвѣтова не есть оправданіе дѣятельности Грознаго post factum" **).

Такимъ образомъ, подлинность сочиненій Пересвѣтова, которыя дѣйствительно являются тѣмъ, чѣмъ представляетъ ихъ самъ авторъ, т. е. всеподданнѣйшими, только облеченными въ оригинальную литературную форму, докладами и проектами вѣрнаго „государева холопа", не подлежитъ никакому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что фактъ своевременной подачи ихъ царю нынѣ уже документально установленъ: именно, найдена современная опись царскаго архива, въ которой значится, между прочимъ, ящикъ подъ № 142 съ челобитными Ивашки Пересвѣтова, хотя самихъ ихъ въ этомъ подлинномъ видѣ до сихъ поръ найти не уда-

*) „Курсъ русской исторіи", М. 1906, II, 229.

**) „Очеркъ 10-лѣтней дѣят. Слав. Ком.", стр. 52.

лось *). Замѣтимъ, наконецъ, что автентичность сочиненій Пересвѣтова уже признается нынѣ, хотя только болѣе или менѣе вскользь и голословно, безъ указанія мотивовъ и основаній, почти всѣми новѣйшими изслѣдователями, которымъ такъ или иначе приходилось касаться этого вопроса **).

Что касается времени написанія сочиненій Пересвѣтова, то оно для нѣкоторыхъ статей можетъ быть установлено вполнѣ точно. Съ одной стороны, самъ авторъ даетъ намъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя указанія, говоря, что обѣ челобитныя были написаны и поданы имъ 11 лѣтъ спустя послѣ его пріѣзда въ Москву, слѣдовательно, въ 1548 или 1549 г. Что это хронологическое указаніе вполнѣ автентично и вѣрно, подтверждается, съ другой стороны, также самымъ содержаніемъ и общимъ характеромъ статей. Принимая во вниманіе многократныя и настойчивыя выступленія автора противъ „чародѣйствъ", „ворожбъ и кудесъ", которыми вельможи „зажигаютъ" и „привращаютъ" къ себѣ царское сердце, нельзя не признать срокомъ ante quem, раньше котораго не могли быть написаны эти статьи, время, когда уже съ достаточной опредѣленностью выяснился изувѣрскій характеръ вліянія на молодого царя со стороны попа Сильвестра, отправной точкой котораго слѣдуетъ считать пожаръ Москвы 12 апрѣля 1547 г. ***). Крайнимъ же срокомъ a quo ихъ на-

*) М. И. Соколовъ, въ „Очеркѣ 10-лѣтней дѣят. Слав. Ком.", стр. 52; С. А. Бѣлокуровъ, указ. изд., стр. 1—2.

**) См. М. И. Соколовъ, въ „Очеркѣ", стр. 51—52; П. Н. Милюковъ, „Очерки по ист. рус. культуры", III, 1, 60—69; С. А. Бѣлокуровъ, указ. м.; С. Ѳ. Платоновъ, указ. проток., стр. 395—396; В. О. Ключевскій, „Курсъ рус. исторіи", II, 228—229; А. С. Николаевъ, въ рефератѣ, прочитанномъ 9 февраля 1907 г. въ О-вѣ Любителей Древней Письменности, срвн. отчетъ въ „Новомъ Времени", № 11108 отъ 13 февр. 1907 г.

***) Ср. Милюковъ, „Очерки", III, 1, 69.

писанія слѣдуетъ, очевидно, признать начало военныхъ дѣйствій противъ Казани 1550 г., о которыхъ авторъ говоритъ еще только какъ о предстоящей, желанной задачѣ царствованія Грознаго. Такимъ образомъ, опредѣляются приблизительно тѣ-же самыя рамки времени написанія сочиненій Пересвѣтова, какія вычисляются по его собственнымъ указаніямъ: 1547—1550 гг.*). А такъ какъ всѣ они, и идейно, и внѣшнимъ образомъ, тѣсно вяжутся и сливаются между собою, то, очевидно, эту общую дату слѣдуетъ принять не только для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ статей, но приблизительно для всего литературнаго наслѣдія Ивашки Пересвѣтова.

III.

Гораздо болѣе запутаннымъ и темнымъ представляется въ наукѣ другой существенный вопросъ—о личности и имени Ивашки Пересвѣтова. По слѣдамъ Карамзина, считавшаго и самыя сочиненія Пересвѣтова, а, тѣмъ болѣе, заключающіяся въ нихъ автобіографическія данныя, позднѣйшимъ подлогомъ, ловкой мистификаціей неизвѣстнаго „затѣйника", принято и до сихъ поръ, въ большей или меньшей степени, относиться къ послѣднимъ съ предубѣжденіемъ и недовѣріемъ. Такъ, напр., И. Добротворскій **) считалъ эти „самые факты изъ жизни Пересвѣтова, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, вымышленными съ извѣстной цѣлью", хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ присущей ему непослѣдовательностью и двойственностью, признавалъ подлинность его имени и даже почему-то находилъ возможнымъ „положиться на извѣстіе, что пращуръ

*) Проф. Платоновъ полагаетъ почему-то, что они „не могутъ быть старше 1555 г." (указ. протоколы, стр. 393), но почему именно, неизвѣстно.

**) „Уч. Зап. Каз. У.", 1865, I, 29.

его Пересвѣтъ погибъ на донскомъ побоищѣ", между тѣмъ, какъ именно это послѣднее извѣстіе представляется наиболѣе сомнительнымъ и носитъ всѣ признаки простого генеалогическаго хвастовства. А. Н. Поповъ, считая почему-то сочиненія Пересвѣтова „сатирическими", усматривалъ въ его автобіографическихъ сообщеніяхъ сплошной литературный вымыселъ, а въ его имени только коллективный „псевдонимъ, которымъ прикрывались русскіе сатирики" и „вѣрные слуги, готовые пострадать за родину и царя", только „общее имя для подобныхъ анонимныхъ сочиненій" *). Вымышленными считаютъ эти сообщенія и самое имя Пересвѣтова также нѣкоторые новѣйшіе ученые, какъ, напр., А. Н. Пыпинъ **), П. Н. Милюковъ ***) и даже еще А. С. Николаевъ ****), хотя послѣднему ученому, читавшему свой рефератъ о Пересвѣтовѣ въ 1907 г., должно бы уже быть извѣстно такое документальное свидѣтельство въ пользу автентичности личности и имени этого писателя, какъ найденное и подчеркнутое еще въ 1902 г. М. И. Соколовымъ упоминаніе объ „ящикѣ № 142" въ описи царскаго архива.

Наличныя свѣдѣнія о личности и жизни Ивашки Пересвѣтова весьма скудны и отрывочны, а при томъ, такъ какъ они ограничиваются, главнымъ образомъ, только его собственными сообщеніями, не всегда вполнѣ достовѣрны и точны. Очень возможно, какъ уже замѣчено выше, что авторъ въ томъ или иномъ случаѣ, по какимъ-нибудь литературнымъ или личнымъ побужденіямъ и причинамъ,

*) „Обзоръ Хронографовъ", II, 85–87.—Мнѣніе А. Н. Попова повторяетъ вполнѣ Н. И. Петровъ въ „Описаніи рукоп. Ц.-арх. Музея при К. Дух. Ак.", II, 414.

**) „Ист. рус. лит.", II², 485.

***) „Очерки по ист. рус. культ.", III, 1, 60.

****) См. „Нов. Время" № 11108.

то немного прихвастнулъ, то кое-что выдумалъ или преувеличилъ, но провѣрить и отдѣлить истину отъ вымысла, нынѣ, за отсутствіемъ другихъ данныхъ, весьма трудно. Принимая же во вниманіе, что, съ одной стороны, всѣ эти автобіографическія сообщенія, и сами по себѣ, и въ своей совокупности, вполнѣ возможны и вѣроятны, съ другой же, что нѣкоторыя изъ нихъ подтверждаются также другими, документальными данными, приходится пока, до обнаруженія какихъ-нибудь новыхъ, противорѣчивыхъ данныхъ, оказывать довѣріе toti pro parte и признавать достовѣрность всѣхъ этихъ сообщеній вообще.

Возстановимъ, такимъ образомъ, въ краткихъ чертахъ тѣ немногія біографическія данныя объ Ивашкѣ Пересвѣтовѣ, какія могутъ быть извлечены изъ его сочиненій*).

Происхожденіе Пересвѣтова, помимо сомнительной и какъ-будто легендарной генеалогіи его отъ лѣтописнаго Пересвѣта, героя донского побоища, нѣсколько запутано и неясно. Не то онъ московско-русскій дворянинъ, предки котораго „служили вѣрно государемъ рускимъ великимъ княземъ", ушедшій въ юности на военный промыселъ въ чужіе края и возвратившійся затѣмъ снова на родину, не то уроженецъ Западной Руси—„выезжей изъ Литвы", русскій по національности, но „дворянинъ польского короля". Или, можетъ быть, это противорѣчіе объясняется такимъ образомъ, что уже его родители эмигрировали въ Литву?

Какъ бы то ни было, однако, онъ состоялъ въ началѣ на „дворянской службѣ" у польскаго короля (т. е. Сигизмунда I-го, 1507—1548), подъ начальствомъ гетмана Андрея Точильскаго (у Карамзина: Точинскаго), старосты бѣльскаго.

*) Слѣдующія далѣе цитаты приводимъ по текстамъ челобитныхъ, изданнымъ С. А. Бѣлокуровымъ.

Затѣмъ, „съ вѣдома“ и съ грамотами польскаго короля, вмѣстѣ съ другими „дворянами королевскими“, онъ поступилъ на такую-же „дворянскую службу“, „на 6 коней“, въ войско угорскаго короля Іоанна („Вьянуша“) Запольи, гдѣ оставался три года, получая „на всякіе конь“ по 7 золотыхъ на 12 недѣль. Оттуда онъ перешелъ на такую-же службу къ чешскому королю Фердинанду I Габсбургскому („Ѳордыналу“), у котораго прослужилъ тоже три года, получая такое-же вознагражденіе. Затѣмъ онъ, повидимому, снова очутился въ Венгріи, такъ какъ говоритъ дальше, что отправился „изъ Угоръ на Волоскую землю“. Тамъ онъ оставался пять мѣсяцевъ у воеводы Петра (Стефановича) въ Сочавѣ, который „уималъ“ его къ себѣ на службу, но онъ, „оставивъ службы богатые и безкручинные“, предпочелъ отправиться „на царево имя“ въ Москву *), къ царю Іоанну Васильевичу, о которомъ слышалъ восторженные отзывы и предсказанія отъ „многихъ мудрецовъ“ и „великихъ дохтуровъ і ѳилософовъ“. Можетъ быть, что тогда-же, по окольному пути въ Москву, онъ попалъ также въ Грецію, о пребываніи его въ которой свидѣтельствуетъ приводимая ниже запись 1753 г.

Въ Москву явился Пересвѣтовъ не съ пустыми руками. Съ одной стороны, онъ „вывезъ съ собою изъ королевъствъ“ нѣкоторый капиталъ—„собинку“, съ другой-же, привезъ царю

*) Проф. В. О. Ключевскій, хотя, повидимому, и признаетъ достовѣрность этихъ авантюрныхъ похожденій Пересвѣтова въ наемномъ польскомъ отрядѣ, думаетъ почему-то, что онъ прибылъ въ Москву прямо изъ Литвы („Курсъ рус. ист.“, II, 228). Между тѣмъ, для такого предположенія пришлось-бы, очевидно, всѣ эти похожденія, отдѣляющія выѣздъ Пересвѣтова изъ Литвы отъ его прибытія въ Москву почти на семь лѣтъ, признать сплошнымъ вымысломъ и совсѣмъ отвергнуть, для чего, однако, нѣтъ никакихъ основаній и чего, впрочемъ, проф. Ключевскій и не дѣлаетъ вовсе.

не только какія-то, списанныя имъ „изо многихъ королевствъ“ „книжки“, но также „образцы службы“ болѣе прикладного характера: „щиты гусарски, макидонскаго образца, съ клеемъ и съ кожею сырицею и съ красками и съ рожны желѣзными“, собственнаго производства. Представивъ царю эти „образцы“, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложилъ царю свою службу по производству такихъ щитовъ, что въ началѣ, повидимому, было одобрено и принято царемъ. По крайней мѣрѣ, онъ сразу былъ награжденъ „царскимъ жалованьемъ — помѣстіемъ“ и „приказанъ“ попеченію боярина Михаила Юрьевича Захарьина. Но боярина этого „борзо въ животѣ не стало“, и положеніе Пересвѣтова рѣзко измѣнилось. Служба его „задлялась“ и даже совсѣмъ „замерла“, а „великіе люди“, которые „пріѣзжихъ людей не любятъ“, стали его всячески притѣснять и обижать, такъ что, наконецъ, помѣстье его „нарядили пусто“ и не давали ему въ немъ „пожити ни часу“. Привезенная „собинка“ въ этихъ „обидахъ і волокитахъ“ также „истерялась“ и „вся пропала“, вслѣдствіе чего онъ очутился, наконецъ, „нагъ и босъ и пѣшъ“. „Служилъ есми тремъ королямъ, жалуется Пересвѣтовъ, а такія обиды ни въ которомъ королевствѣ не видалъ“...

Доступиться къ царю, пожаловаться на „вельможъ“ и „насильныхъ людей“ и „побити челомъ о приказе“, не удавалось ему долгое время. Только 11 лѣтъ спустя, послѣ пріѣзда, удалось ему добиться доступа къ царю „у празника во церкви Рожества пресвятей Богородицы“, гдѣ и подалъ ему „двѣ книжки съ рѣчми царьскими“, яко-бы вывезенныя имъ „изъ Литвы“ и „изъ ыныхъ королевствъ“ *). Но такъ какъ

*) Замѣтимъ кстати, что уже само то обстоятельство, что онъ подалъ эти „книжки“ царю только 11 лѣтъ спустя послѣ пріѣзда, а не сдѣлалъ этого сейчасъ-же въ началѣ, когда это было-бы гораздо естественнѣе и умѣстнѣе, свидѣтельствуетъ достаточно ясно о томъ, что

„книжки“ эти, хотя они и „легли въ государеве казнѣ“, а авторъ былъ за нихъ „гораздо пожалованъ“, все-таки „и до сѣхъ мѣстъ передъ государемъ не бывали“,—то онъ, въ теченіе того-же года, обратился къ царю съ новой челобитной, причемъ предложилъ ему, въ случаѣ, если ему „не полюбилося службишко і рѣчи“ его, всѣ эти „книжки“, „почетчи“, возвратить ему назадъ...

Дальнѣйшая судьба и дѣятельность Пересвѣтова остается неизвѣстной. Можно только съ увѣренностью предположить, что „книжки“ его не были ему возвращены, напротивъ, что „службишко і рѣчи“ его сильно „полюбились“ царю и были даже въ значительной степени примѣнены и осуществлены имъ въ русской дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе, однако, усматривать въ немъ, вслѣдствіе этого, какого-то „оффиціознаго памфлетиста“, какъ это дѣлаетъ г. Милюковъ*), или предполагать въ немъ даже „лицо, стоявшее въ центрѣ кружка, руководившаго молодымъ царемъ“, какъ думаетъ, въ свою очередь, г. Николаевъ**), никакъ невозможно, уже хотя-бы потому, что вся его литературная и политическая дѣятельность, поскольку она извѣстна нынѣ, происходила совсѣмъ внизу и проявлялась только въ видѣ единичной челобитной иниціативы и идеологіи частнаго лица. Точно также не имѣется никакихъ основаній и данныхъ для того, чтобы предполагать въ Пересвѣтовѣ, согласно догадкѣ М. И. Соколова***), царскаго

онъ написалъ ихъ, вопреки его настойчивымъ увѣреніямъ о „вывозѣ“ ихъ „изъ иныхъ королевствъ“, уже въ Россіи, а только заднимъ числомъ, въ видахъ усиленія ихъ литературно-параболическаго авторитета, придавалъ имъ этотъ иностранный характеръ. Впрочемъ, это разумѣется и по существу дѣла само собой.

*) „Очерки по ист. р. культ.“, III, 1, 66.

**) См. „Новое Время“ № 11108.

***) „Очеркъ 10-лѣтней дѣят. Слав. Ком.“, стр. 52.

опричника, хотя послѣднее предположеніе, конечно, только по отношенію къ періоду послѣ написанія его наличныхъ сочиненій, уже болѣе вѣроятно и возможно.

Такимъ образомъ, изъ изложенныхъ выше автобіографическихъ данныхъ Ивашки Пересвѣтова, какъ и изъ характера его сочиненій вообще, обрисовывается довольно яркій и сложный образъ его, какъ человѣка, политическаго дѣятеля и писателя. Живой и впечатлительный характеръ, быстрый и гибкій умъ, выдающійся и многогранный талантъ,—все это сложилось въ общемъ въ крупную и яркую, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мятущуюся и неустойчивую личность, которая, въ данныхъ историческихъ и бытовыхъ условіяхъ, и металась, ища выхода и дѣла, во всѣ стороны, отъ международныхъ авантюръ наемнаго кондотьери—къ патріотическимъ радѣніямъ и реформамъ, отъ наживы—къ подвигу, отъ мастерской щитовъ—къ мудрымъ книгамъ и государственнымъ рѣчамъ... Во всякомъ случаѣ нельзя не признать въ ней крупнаго и яркаго культурно-историческаго явленія, оставившаго въ жизни и письменности Московской Руси XVI-го вѣка замѣчательные и своеобразные слѣды.

IV.

Ознакомившись, такимъ образомъ, съ біографіей и личностью Пересвѣтова, которыя въ общемъ, за отсутствіемъ какихъ-либо другихъ данныхъ, приходится, въ такомъ именно видѣ принимать на вѣру,—намъ остается еще остановиться подробнѣе на вопросѣ о подлинности самаго имени автора, вызывавшемъ всегда наиболѣе сомнѣній и недоразумѣній, не разрѣшенныхъ вполнѣ и донынѣ.

Собственно нынѣ, когда стала извѣстна опись царскаго архива XVI в., содержащая упоминаніе о „ящикѣ

№ 142* съ челобитными Ивашки Пересвѣтова, всякія сомнѣнія въ подлинности этого имени, какъ уже замѣчено выше, являются анахронизмомъ. Это документальное свидѣтельство должно окончательно разсѣять въ этомъ отношеніи какія-бы то ни было недоумѣнія. Невозможно вѣдь предположить, чтобы авторъ челобитныхъ, даже въ такомъ прямомъ обращеніи къ царю, такъ упорно скрывалъ свое имя подъ псевдонимомъ. Если это и могло-бы еще быть допущено по отношенію къ смѣлымъ политическимъ сужденіямъ и проектамъ автора, съ которыми онъ, можетъ быть, и не рѣшался выступать передъ грознымъ царемъ открыто, то уже совершенно невѣроятнымъ и нелѣпымъ пришлось-бы считать предположеніе, чтобы онъ точно также скрывался подъ псевдонимомъ и въ своихъ частныхъ обращеніяхъ и просьбахъ, когда онъ, напр., напоминаетъ царю о своихъ встрѣчахъ съ нимъ, о своей службѣ ему, о жалованіи, полученномъ отъ него, когда онъ, наконецъ, прямо обращается къ нему съ горькими жалобами и просьбами о защитѣ и поддержкѣ. Псевдониму незачѣмъ было-бы такъ жаловаться и просить, для псевдонима все это не имѣло-бы ужъ совершенно ни смысла, ни цѣли...

Впрочемъ, и помимо этого свидѣтельства, подлинность имени Ивашки Пересвѣтова подтверждается также и другими историческими данными.

Конечно, вопросъ о производной зависимости его имени отъ лѣтописнаго Пересвѣта, какъ недостовѣрный и сомнительный, приходится совершенно оставить въ сторонѣ, хотя образованіе его, первоначально въ видѣ отчества только, отъ этого имени, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Само имя это, впрочемъ, довольно рѣдкое, встрѣчается, кромѣ Лѣтописи, напр., въ одномъ актѣ 1500 г.: Пересвѣтъ Матвѣевъ

сынъ Калитинъ *). Фамилія же Пересвѣтовъ встрѣчается въ документахъ и писцовыхъ книгахъ неоднократно, наприм.: Яковъ Микифоровъ сынъ Пересвѣтовъ, 1490 г.; Невзоръ Ѳедоровъ сынъ Пересвѣтовъ, дьякъ ростовскій, 1571 г.; Филипъ Пересвѣтовъ, воевода муром. у., 1680 г. **); Дмитрей Пересвѣтовъ, московскій барашъ, 1559 г. ***); Мельхиседекъ Пересвѣтовъ, запись котораго находится въ одномъ Хронографѣ XVII в. †); наконецъ, по указанію М. И. Соколова, родъ Пересвѣтовыхъ упоминается также въ синодикѣ Борисоглѣбскаго монастыря въ Ростовѣ XVI в. ††). Нѣтъ сомнѣнія, что, еслибы внимательно порыться въ толстыхъ фоліантахъ писцовыхъ книгъ Московской Руси XVI—XVII вв., то этотъ списокъ могъ-бы быть значительно увеличеннымъ, но для нашей цѣли это излишне. Подлинность фамиліи Пересвѣтова вполнѣ устанавливается уже приведенными выше документальными примѣрами.

Однако, можетъ быть, нашъ авторъ только позаимствовалъ эту дѣйствительную, но все-таки незаурядную фамилію, или даже образовалъ свое имя самъ, въ подтвержденіе своей родовой связи съ лѣтописнымъ героемъ, совершенно самостоятельно и независимо отъ нея, такъ что оно все-таки, по отношенію къ нему, по крайней мѣрѣ, является псевдонимомъ? Но, въ такомъ случаѣ, не говоря уже о крайней натянутости подобнаго предположенія, слѣдуетъ замѣтить,

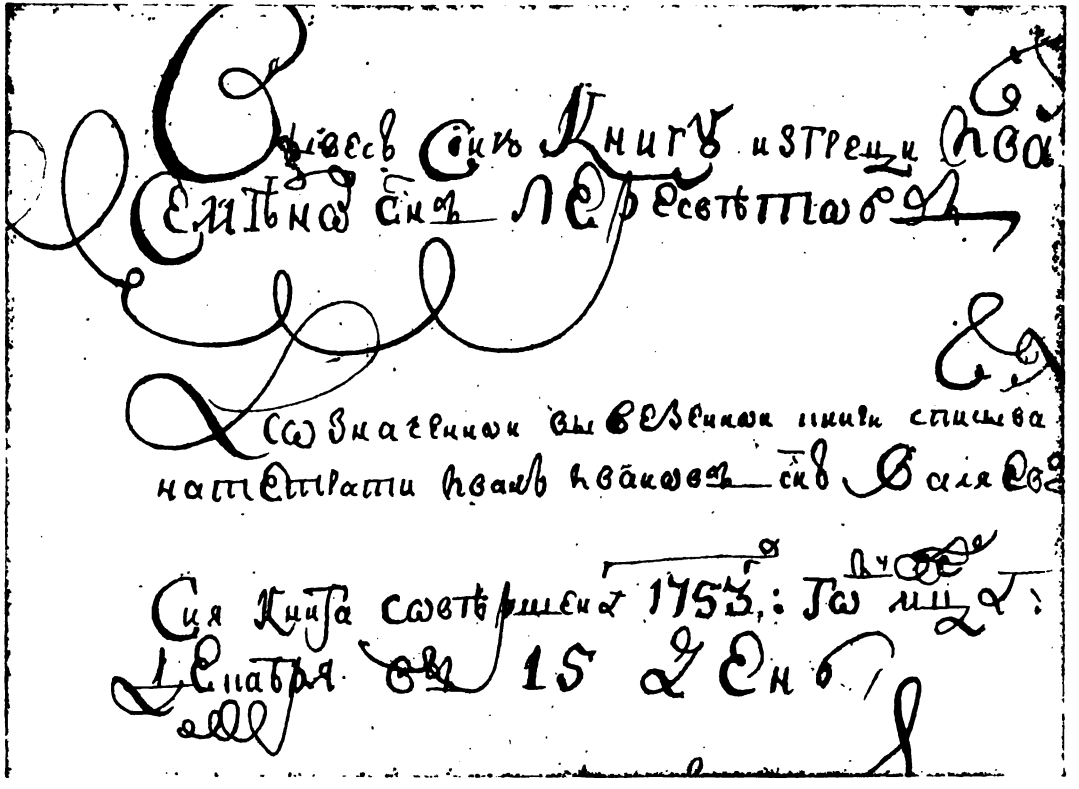
*) Н. М. Тупиковъ, „Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ“, Спб. 1903, стр. 301.

**) Всѣ три имени извлечены изъ „Словаря“ Тупикова, стр. 689.

***) П. Н. Милюковъ, „Древнѣйшая разрядная книга оффиціальной редакціи“, стр. 212 („Чтенія въ М. О-вѣ Ист. и Древн. Росс.“, 1902, кн. I)

†) Рукоп. собранія Царскаго № 734. См. Добротворскій, „Уч. Зап. Каз. У.“, 1865, I, 29.

††) „Очеркъ 10-лѣт. дѣят. Слав. Ком.“, стр. 52.



Запись писца въ сборникѣ 1753 г., собранія Ю. А. Яворскаго, л. 50 об.

что тогда онъ несомнѣнно ограничился-бы только вымышленными именемъ и фамиліей, а не выдумывалъ-бы еще и отчество, которое въ псевдонимѣ, даже въ нынѣшнее время, совершенно неупотребительно и неумѣстно. А между тѣмъ онъ настойчиво называетъ себя такимъ именно полнымъ именемъ: Иванъ Семеновъ сынъ Пересвѣтовъ.

Наконецъ, для устраненія всякихъ сомнѣній и недоумѣній, если таковыя, въ виду всего изложеннаго, еще вообще могутъ имѣть мѣсто, приведемъ еще одно новое и весьма вѣское документальное свидѣтельство въ пользу подлинности имени Ивашки Пересвѣтова, послѣ котораго этотъ вопросъ, кажется, можетъ уже считаться достаточно выясненнымъ и разрѣшеннымъ разъ на всегда.

Это—запись писца въ принадлежащемъ намъ рукописномъ сборникѣ 1753 г. *), находящаяся непосредственно послѣ текста сербской „Александріи“ (л. 50 об., см. снимокъ,) и гласящая такъ:

„Вывесъ сію книгу из Греци Ива^{к} *Семѣнѡ*^{в} *сн̃ъ Пересвѣтѡвъ.*

А с ѡзначеннѡи вывезеннѡи книги списыва^{л} на тетрати Иванъ Иванѡвъ сн̃ъ Валяевъ.

Сия книга сѡвѣршена 1753: ^{г}гѡ ^{ду}мц̃а: декабря въ 15 день“.

*) Рукопись эта, состоящая изъ 60 листовъ f°, пріобрѣтена нами въ Кіевѣ, въ 1905 г. Кромѣ „Александріи“ обычной сербской редакціи (л. 1—50), она содержитъ еще: Выписки изъ Гизелева „Синопсиса“ (л. 51—56); „Повѣсть ученого мниха, како по писанию куря обруша“ (л. 56 об.); „Слово отъ патерика скицкаго свѣдено съ притчею о составе человѣче“ (л. 57—об.); „О премудрыхъ дѣлѣхъ Лва цесаря премудраго“ (л. 57 об.—59 об.); и, наконецъ, глава изъ „Летописца греческаго“—„о Езекіи цесаре іюдине“ (л. 59 об.—60). Статья „о премудрыхъ дѣлѣхъ Льва Премудраго“ издается нами на другомъ мѣстѣ въ ст.: „Византійскія сказанія о Львѣ Премудромъ въ русскихъ спискахъ XVII—XVIII вв.“

Значеніе этой замѣчательной записи, заподозривать автентичность которой нѣтъ, конечно, ни малѣйшихъ основаній, совершенно ясно: писецъ имѣлъ передъ собою, очевидно, болѣе древнюю рукопись „Александріи“, съ находившейся въ ней, подчеркнутой нами, записью прежняго владѣльца, а можетъ быть, и списывателя ея, нашего Ивашки Пересвѣтова, которую онъ, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ повѣстью, и списалъ полностью и вѣрно въ своей „тетрати“, прибавивъ къ ней, естественнымъ образомъ, также свою собственную подпись и дату написанія. Другого объясненія этой сводной записи, конечно, быть не можетъ.

Что первая, подчеркнутая нами, часть данной записи принадлежитъ именно нашему писателю Пересвѣтову, а не является просто случайнымъ совпаденіемъ имени, это, и по существу, и по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ ея, не подлежитъ сомнѣнію. Уже одно это слово „вывезъ“, столь необычное въ подобныхъ запискахъ вообще, но такъ часто повторяющееся въ челобитныхъ Пересвѣтова, является въ данномъ случаѣ наглядным связующимъ звеномъ между ними. Еще нагляднѣе доказываетъ это самая сущность записи. Что Пересвѣтовъ, во время своихъ похожденій въ „чужихъ королевствахъ“, могъ очутиться также, хотя-бы только проѣздомъ, и въ Греціи, это мы уже замѣтили выше. Изъ его-же собственныхъ признаній можно достаточно убѣдиться въ томъ, какъ живо онъ интересовался всякими „мудрыми книжками“, какъ высоко цѣнилъ и уважалъ ихъ. Не говоря уже о благоговѣйномъ отношеніи автора къ греческимъ книгамъ въ „Сказаніи о Магметѣ“, слѣдуетъ замѣтить, что онъ неоднократно и подробно говоритъ также о томъ, какъ усердно онъ самъ собиралъ и списывалъ „мудрыя“ книги, вездѣ, гдѣ это только было возможно, а затѣмъ бережно „вывезъ“ ихъ съ собою въ

Москву. „Годится, говоритъ онъ, таковыя рѣчи златомъ розсписати, и при собѣ на многие лѣта держати, и после себя оставити". Это былъ, повидимому, усердный и восторженный книжникъ, большой любитель и просвѣщенный знатокъ книгъ, который, такимъ образомъ, во время своихъ скитаній по „многимъ королевствамъ", надо думать, списалъ и собралъ ихъ значительное количество. Изъ состава этихъ книгъ намъ извѣстна нынѣ въ точности, благодаря записи переписчика 1758 г., одна только „Александрія", которую онъ, можетъ быть, самъ-же и списалъ съ какой-нибудь южнославянской рукописи. Относительно нѣкоторыхъ другихъ книгъ, несомнѣнно бывшихъ также въ рукахъ Пересвѣтова, можно извлечь кое-какіе слѣды и указанія изъ собственныхъ его сочиненій, въ которыхъ не только замѣчается недюжинная образованность и начитанность вообще, особенно въ области исторической литературы, но встрѣчаются иногда и прямыя литературныя отраженія и заимствованія.

Оставляя совершенно въ сторонѣ общія вліянія современной политической литературы, мы кстати отмѣтимъ здѣсь вскользь только нѣкоторыя изъ литературныхъ отраженій, частью оговоренныя тутъ-же самимъ авторомъ, частью-же обнаруживающіяся только при внимательномъ сравнительномъ обзорѣ. Такъ, напр., уже сама эта общая литературная идея—выраженія собственныхъ мнѣній и проектовъ въ видѣ иносказательнаго письма къ царю, въ исторической параболѣ о мудрыхъ и благочестивыхъ рѣчахъ и поступкахъ идеальнаго правителя, вѣроятно внушена автору какой-либо изъ „мудрыхъ книжекъ" того времени, можетъ быть, знаменитой и излюбленной средневѣковой утопіей о Іоаннѣ Пресвитерѣ, или же, a contrario, „Повѣстью о мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ", въ противоположность которому и были представлены имъ свѣтлые образы воеводы Петра и отчасти султана Магмета. Въ несомнѣнной внутренней связи нахо-

дятся сочиненія Пересвѣтова также съ „Моленіемъ“ Даніила Заточника, въ которомъ встрѣчаются такія-же самыя сѣтованія и нареканія на „вельможъ“ и „думцевъ“ царскихъ, тѣ-же самые совѣты царю раздавать „злато и сребро“ бѣднымъ людямъ и воинамъ, которыми только и держится царское благополучіе и богатство, такія-же личныя жалобы на „нищету“ и „обиды“, наконецъ, даже подобныя-же ссылки на „многія книги“, изъ которыхъ авторъ собралъ „сладость словесную и разумъ“ *)... Встрѣчаются въ сочиненіяхъ Пересвѣтова также слѣды апокрифическихъ сказаній, напр., о „записи“, которую взялъ отъ Адама діяволъ и которую потомъ Христосъ „изодралъ“, или объ ангелахъ и небесныхъ силахъ, которые „на единъ часъ изъ рукъ своихъ пламеннаго оружія не выпущаютъ и стрегутъ рода человѣческаго отъ всякия пакости“. Наконецъ, находятся въ нихъ также прямыя ссылки на западныя сказанія о кесарѣ Августѣ и, что для насъ въ данномъ случаѣ особенно интересно, на повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ. Вліяніе послѣдней повѣсти отразилось въ сочиненіяхъ Пересвѣтова не только въ общей характеристикѣ царя-военачальника и его отношеній къ воинамъ, но также въ нѣкоторыхъ частныхъ литературныхъ оборотахъ и, можетъ быть, даже въ такихъ, казалось-бы, реальныхъ подробностяхъ, какъ названіе предложенныхъ царю щитовъ—„гусарскими“ и „макидонскаго образца“, согласно изображенію македонскихъ „гусаръ“ и ихъ щитовъ въ „Александріи“ **).

---

*) Цитаты изъ „Моленія“ приведены по сводному изданію В. Щурата „Слово Данила Заточника“, Львовъ, 1896. („Записки Наук. Т-ва им. Шевченка“, т. IX).

**) По крайней мѣрѣ, такія названія щитовъ въ древне-русскомъ обиходѣ совершенно неизвѣстны. „Различались щиты царегородскіе, кизылбашскіе, турскіе, бухарскіе и московскаго дѣла“, но „гусарскихъ“

Такимъ образомъ, если по отмѣченнымъ выше литературнымъ заимствованіямъ и вліяніямъ въ сочиненіяхъ Ивашки Пересвѣтова, можно съ увѣренностью установить фактъ нахожденія въ его рукахъ значительнаго собранія „мудрыхъ книжекъ" и даже въ извѣстной степени возстановить ихъ составъ вообще, то, въ частности, несомнѣнныя отраженія въ нихъ „Александріи" уже окончательно и наглядно провѣряютъ и подтверждаютъ полную достовѣрность и принадлежность именно этому писателю и самой записи 1753 г.

Замѣтимъ, наконецъ, во избѣжаніе послѣднихъ сомнѣній, что уже по характеру и значенію данной записи совершенно невозможно предположить, чтобы она представляла здѣсь опять таки только все тотъ-же самый злополучный псевдонимъ. Если-бы даже авторъ почему-либо и скрывался такъ упорно подъ псевдонимомъ, не только въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, но даже въ частныхъ и прямыхъ обращеніяхъ къ царю, то передъ самимъ собою, въ своей частной библіотекѣ, онъ ужъ совершенно не могъ бы имѣть для этого никакихъ причинъ и основаній. Подпись на книгѣ, какъ удостовѣреніе и обезпеченіе собственности, ставится во всякомъ случаѣ настоящая, не вымышленная, а тѣмъ болѣе въ XVI-мъ вѣкѣ, когда всякая книга представляла рѣдкую и крупную цѣнность.

Такимъ образомъ, въ итогѣ изложенныхъ въ этой замѣткѣ данныхъ и соображеній, можно, кажется, вывести ясное и прочное заключеніе, что подлинность личности и

и „македонскаго образца" не было вовсе. Срвн. П. Савваитовъ, „Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія и прч.", Спб. 1896, стр. 180—181.

имени Ивана Семенова сына Пересвѣтова, а также автентичность его сочиненій, не должны подлежать болѣе никакому сомнѣнію. Это, безъ сомнѣнія, *настоящее имя дѣйствительно жившаго въ половинѣ XVI-го вѣка русскаго писателя-публициста*, оставившаго весьма яркое и своеобразное, хотя и незначительное по объему, литературное наслѣдіе, подробная провѣрка и оцѣнка котораго, въ отношеніи его состава, содержанія и характера, составляетъ неотложную задачу нашей науки.

Ю. Яворскій.

Цѣна 1 руб 25 коп., съ пересылкой.

Цѣна IV-й и V-й книгъ „Чтеній" по 2 р. 50 к				
„ VI-й	„	„	„ 3 „ 50 „	
„ II, VII, IX, XIII	„	„	„ 3 „	
„ VIII, X, XI	„	„	„ 2 „	
„ XII	„	„	„ 4 „	
„ XIV, вып. 1	„	„	„ 1 „ 25 „	
„ — „ 2 и 3	„	„	„ 1 „ 40 „	
„ XV, „ 1, 2, 3 и 4		„	„ 1 „ 50 „	
„ XVI, „ 1—3 (Гог. сб.)			„ 4 „ 50 „	
„ „ „ 4	„	„	„ 1 „ 50 „	
„ XVII „ 1		„	„ 1 „ 50 „	
„ „ „ 2, 3 и 4	„		„ 1 „ 25 „	
„ XVIII „ 1 и 2		„	„ 1 „ 25 „	
„ „ „ 3 и 4	„		„ 2 „	
„ XIX „ 1—4		„	„ 1 „ 25 „	
„ XX „ 1—3		„	„ 1 „ 25 „	

каждая

съ пересылкой.

„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси". Ц. 1 р. съ пересылкой.

„Труды III-го Археологич. Съѣзда", 2 тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. К., 1878 г. Ц. 15 р. (вм. 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева" (съ рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкой.

„25-лѣтіе Истор. Общества Нестора-лѣт." (Рѣчь и историч. записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Ц. 75 коп., съ пересылкой.

„Памяти Гоголя", научно-литературный сборникъ. Кіевъ, 1902 г. Цѣна 4 р. 50 коп., съ пересылкой.

Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. К. 1904. Ц. 2. р. съ пересылкой.

Eranos. Сборникъ статей по литературѣ и исторіи въ честь Н. П. Дашкевича. К. 1906. Ц. 2 р. съ пересылкой.

„Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора-лѣт." съ 1907 г. выходятъ томами въ 3 выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 3 выпуска,—**3 руб. 25 коп.,** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра,** съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печат. по постановленію Совѣта Истор. Общ. Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Ю. Кулаковскій.*

3 2044 014 17

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED

CANCELLED
MAR 7 1992
MAR 7 1992
BOOK DUE